

**Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
История России и ее фальсификации»**

Выпуск 4

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО

Сборник научных статей
и материалов круглых столов и заседаний
теоретического семинара
«Крестьянский вопрос
в отечественной и мировой истории»

Москва
Издательство Ипполитова
2014

Редакционная коллегия:

Анфертьев И. А., Заслуженный работник культуры РФ, кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; первый заместитель председателя Правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com»;

Бабашкин В. В., доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Булдаков В. П., доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Буховец О. Г., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН;

Гордон А. В., доктор исторических наук, заведующий сектором Института научной информации по общественным наукам РАН;

Карпенко С. В., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Новый исторический вестник», заместитель ответственного редактора журнала «Вестник РГГУ»;

Кондрашин В. В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета;

Марченя П. П., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета; заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России (**автор/соавтор и редактор проекта, ответственный редактор выпуска**);

Разин С. Ю., доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий, заместитель ректора по воспитательной работе (**автор/соавтор и координатор проекта**);

Чертищев А. В., доктор исторических наук, профессор Московского университета МВД России;

Шевельков А. И., кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института

Научные рецензенты:

Хорос В. Г., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН;

Шелохаев В. В., академик РАН, лауреат Госпремии РФ, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, директор Института общественной мысли

Авторский коллектив:

Анфертьев И. А., Бабашкин В. В., Бондарев В. А., Гордон А. В., Емельянова Е. Н., Есиков С. А., Есикова М. М., Зверев В. В., Игнатова Л. В., Кондрашин В. В., Кулачков В. В., Липатова Н. В., Люкшин Д. И., Марченя П. П., Михайлюк А. В., Николашин В. П., Разин С. Ю., Романец Н. Р., Романченко В. Я., Серогодский Н. А., Скорик А. П., Сухова О. А., Чертищев А. В., Шевельков А. И.

УДК 93/94(470)"19
ББК 63.3–28
С76

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. – 765 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 4).

Сборник включает научные статьи участников заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» (в том числе международных круглых столов «Крестьянство и власть в истории России XX века», «Сталинизм и крестьянство»–I, «Сталинизм и крестьянство»–II) и материалы этих мероприятий.

Сборник является четвертым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Для ученых, преподавателей, студентов, политиков и всех интересующихся проблемами взаимодействия власти и общества в России.

Мнения составителей и членов редакционной коллегии могут не совпадать с мнениями авторов статей и выступлений

Составители сборника:

автор и редактор научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
П. П. Марченя – отв. ред. выпуска;

автор и координатор научного проекта «Народ и
власть: История России и ее фальсификации»
С. Ю. Разин – координатор выпуска

ISBN 978-5-93856-218-9

© Коллектив авторов, 2014

**УЧРЕЖДЕНИЯ,
представители которых организовали
сборник научных статей
«СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО»
в рамках научного проекта
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»**

**Институт гуманитарного образования
и информационных технологий,
КАФЕДРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

**Московский университет МВД России,
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ**

**Историко-архивный институт РГГУ,
УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«НОВАЯ РОССИЯ. ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ»**

ОРГАНИЗАЦИИ,
представители которых приняли участие в сборнике
(выпуске 4) научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

Учреждения Российской академии наук

- Институт всеобщей истории (ИВИ РАН, Москва)
- Институт географии РАН (ИГ РАН, Москва)
- Институт Европы (ИЕ РАН, Москва)
- Институт истории Сибирского отделения РАН (ИИ СО РАН, Новосибирск)
- Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН, Москва)
- Институт российской истории (ИРИ РАН, Москва)
- Институт социологии (ИС РАН, Москва)
- Институт философии (ИФ РАН, Москва)

Журналы, включенные в Перечень ВАК Минобрнауки РФ

- «Вестник архивиста»
- «Вестник РГГУ»
- «Власть»
- «Гуманитарные науки в Сибири»
- «Новый исторический вестник»
- «Политические исследования» («Полис»)
- «Российская история»
- «Социологические исследования» («Социс»)

Другие периодические издания

- «Вестник архивиста.com»
- «Вестник архивиста.ru»
- «Историческое обозрение»
- «Научные труды Московского гуманитарного университета»
- «Наша молодежь»

Высшие учебные заведения России

- Брянская государственная инженерно-технологическая академия (БГИТА, Брянск)
- Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (ВВА, Москва)
- Государственный университет управления (ГУУ, Москва)
- Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ, Москва)

- Казанский (Приволжский) Федеральный университет (КФУ, Казань)
- Кемеровский государственный университет (КемГУ, Кемерово)
- Кубанский государственный университет (КубГУ, филиал, Славянск-на-Кубани)
- Курский государственный университет (КГУ, Курск)
- Мичуринский государственный аграрный университет (МичГАУ, Мичуринск)
- Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН, Москва)
- Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (МГОСИ, Коломна)
- Московский государственный областной университет (МГОУ, Москва)
- Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики (МГТУ МИРЭА)
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ, Москва)
- Московский гуманитарный университет (МосГУ, Москва)
- Московский педагогический государственный университет (МПГУ, Москва)
- Московский университет МВД России (МосУ МВД РФ, Москва)
- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва)
- Орловский государственный университет (ОГУ, Орел) (Гончарова)
- Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского (ППГУ, Пенза)
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС, Москва)
- Российская академия правосудия (РАП, Москва)
- Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ, Москва)
- Российский государственный социальный университет (РГСУ, филиал, Люберцы)
- Российский государственный университет туризма и сервиса (РГУТиС, Москва)
- Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова (СГАУ, Саратов)
- Саратовский государственный социально-экономический университет (СГСЭУ, Саратов)

- Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ, Тамбов)
- Ульяновский государственный университет (УлГУ, Ульяновск)
- Университет Российской академии образования (Ун-т РАО, Москва)
- Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова (ЮРГТУ (НПИ), Новочеркасск)

Высшие учебные заведения других государств

- Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ, Минск, Беларусь)
- Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (КНУ, Киев, Украина)
- Криворожский национальный университет (КНУ, Кривой Рог, Украина)
- Манчестерский университет (Манчестер, Великобритания)
- Национальная металлургическая академия Украины (НМетАУ, Днепропетровск, Украина)
- Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого (ЧНУ, Черкассы, Украина)

Другие государственные и общественные учреждения

- Издательство «Собрание» (Москва)
- Институт динамического консерватизма (ИДК, Москва)
- Институт общественной мысли (ИОМ, Москва)
- Историко-просветительское общество (ИПО, Москва)
- Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд, Москва)
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, Москва)
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ, Москва)
- Российское общество историков-архивистов (РОИА, Москва)
- Союз писателей России
- **Научный проект**
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Марченя П. П., Разин С. Ю.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

От организаторов научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
и теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»15

Marchenya P. P., Razin S. Y.

INSTEAD OF INTRODUCTION:

From Organizers of the Scientific Project
“People and Power: History of Russia and Its Falsifications”,
and the Theoretical Seminar
“Peasant Problem in National and World History”15

Анфертьев И. А.

Сталин и крестьянский вопрос в условиях
реализации советского социального проекта.
По документам ЦКК РКП (б) в 1920-е годы27

Anfertiev I. A.

Stalin and Peasant Problem During
Realization Soviet Social Project.
On Documents of the Party Control Committee
of the Communist Party of the Soviet Union in 1920's27

Бабашкин В. В.

К вопросу об «аграрном деспотизме»38

Babashkin V. V.

On the Matter of “Agrarian Despotism”38

<i>Бондарев В. А.</i>	
О квазисословном статусе колхозного крестьянства «сталинской» эпохи (1930-е – начало 1950-х гг.)	49
<hr/>	
<i>Bondarev V. A.</i>	
On Kvasisoslovnom Status of Collective Farmers During “Stalinist” Era (1930's – early 1950's.)	49
<hr/>	
<i>Гордон А. В.</i>	
Аграрная модернизация советского образца: Пolemические заметки	58
<hr/>	
<i>Gordon A. V.</i>	
Soviet Model of the Agrarian Modernization: Review of Discussion	58
<hr/>	
<i>Емельянова Е. Н.</i>	
Борьба по крестьянскому вопросу в большевистском руководстве: Геополитический аспект	68
<hr/>	
<i>Emelyanova E. N.</i>	
Debates on the Peasant Problem in the Bolshevik Leadership: Geopolitical Aspect	68
<hr/>	
<i>Есиков С. А., Есикова М. М.</i>	
Крестьянство и власть накануне коллективизации	74
Ответы на теоретические вопросы «круглого стола»	80
<hr/>	
<i>Yesikov S. A., Yesikova M. M.</i>	
Peasantry and Power on the Eve of Collectivization	74
Answers to Theoretical Questions “Round Table”	80
<hr/>	
<i>Зверев В. В.</i>	
Крестьянский миропорядок и «год великого перелома», или Почему победил Сталин	83
<hr/>	
<i>Zverev V V.</i>	
Peasant World and “Year of Great Change”, or Why Stalin Was the Winner	83

<i>Кондрашин В. В.</i>	
Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса	97
<hr/>	
<i>Kondraschin V. V.</i>	
Phenomenon of Stalinism in the Context of World and National History of the Practice of Resolving the Peasant Question	97
<i>Кулачков В. В.</i>	
Идея «Крестьянского союза» в повседневных настроениях сопротивления сталинизму (на материалах деревни Западного региона России 1920-х гг.)	106
<hr/>	
<i>Kulachkov V V.</i>	
Idea of “Peasant Union” in Everyday Mood of Resistance to Stalinism (on the Materials of the Villages of the Western Region Russia of the 1920s)	106
<i>Липатова Н. В., Игнатова Л. В.</i>	
Официоз и секретность: взаимоотношения крестьянства и местной советской власти в середине 20-х – начале 30-х годов XX века (по материалам прессы и специальных донесений)	114
<hr/>	
<i>Lipatova N. V., Ignatova L. V.</i>	
Officiality and Secrecy: Relationship of the Peasantry and the Local Soviet Authorities in the Mid 20’s – early 30’s of XX Century (on Materials of the Press and Special Denunciations)	114
<i>Люкшин Д. И.</i>	
Пряничный домик Дядюшки Джо: интенции и апории аграрной политики «первого» сталинизма	124
<hr/>	
<i>Lyukshin D. I.</i>	
Gingerbread House Uncle Joe: Intents and Aporia of Agrarian Policy of “First” Stalinism	124
<i>Михайлюк А. В.</i>	
Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – окрестьянивания» в XX веке	142
<hr/>	
<i>Mykhailiuk A. V.</i>	
Modernization and Processes of “Social Degradation of Peasantry” – “Social Becoming of Peasantry” in the XX-th Century	142

<i>Николашин В. П.</i>	
Деятельность прокуратуры Тамбовского округа и Тамбова в 1930–1931 годах: деревня в объективе «ока государева»	156
<hr/>	
<i>Nikolashin V. P.</i>	
Activities of the Prosecutor's Office of Tambov Region and Tambov in 1930–1931: the Village through the Lens of an “Eye Monarchic”	156
<hr/>	
<i>Романец Н. Р.</i>	
Цена «великого перелома»: социальные и морально- психологические последствия массовых репрессий в украинском селе 1928–1936 годов	166
<hr/>	
<i>Romanets N. R.</i>	
Price of the “Great Turning”: Social, Moral and Psychological Consequences of Mass Repressions in the Ukrainian Village in 1928–1933’s	166
<hr/>	
<i>Романченко В. Я.</i>	
Сталинизм и крестьянство в Великой Русской революции	179
<hr/>	
<i>Romanchenko V. Y.</i>	
Stalinism and Peasantry in the Great Russian Revolution	179
<hr/>	
<i>Серогодский Н. А.</i>	
Сталинская коллективизация: новые подходы в современной отечественной историографии	193
<hr/>	
<i>Serogodsky N. A.</i>	
Stalin's Collectivization: New Approaches in Contemporary Russian Historiography	193
<hr/>	
<i>Скорик А. П.</i>	
Коллективизация и «рассказывание» в 1930-х годах (на материалах Юга России)	204
<hr/>	
<i>Skoryk A. P.</i>	
Collectivization and “Cossacks Which” in 1930’s (on the Materials of the South of Russia)	204

<i>Сухова О. А.</i> Советское крестьянство как объект социального конструирования в эпоху коллективизации (по материалам Архива Президента РФ)	215
<hr/>	
<i>Sukhova O. A.</i> Soviet Peasantry as an Object of Social Construction in the Era of the Collectivization (Materials of the Archive of the President of the Russian Federation)	215
<i>Чертущев А. В.</i> Сталинизм как реальность крестьянской социальной утопии	223
<hr/>	
<i>Chertishchev A. V.</i> Stalinism as the Reality of Peasant Social Utopia	223
<i>Шевельков А. И.</i> Политика государства по отношению к крестьянству в послевоенные годы СССР	240
<hr/>	
<i>Shevel'kov A. I.</i> State Policy Towards the Peasantry in the Postwar Years of the USSR	240
<i>Марченя П. П., Разин С. Ю.</i> Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» (Рождение теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)	252
<hr/>	
<i>Marchenya P. P., Razin S. Y.</i> Peasant Problem as Alpha and Omega of the National Modernization: International Roundtable Discussion “Peasantry and Power in History of Russia in the XX-th Century” (Genesis of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”	252

Марченя П. П., Разин С. Ю.

Община и революция:

Заседание № 1 теоретического семинара

«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»420

Marchenya P. P., Razin S. Y.

Peasant Commune and Revolution:

Session No. 1 of the Theoretical Seminar

“Peasant Problem in National and World History”420

Марченя П. П., Разин С. Ю.

Крестьянство под колесами прогресса:

Заседание № 2 теоретического семинара

«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»481

Marchenya P. P., Razin S. Y.

Peasantry Under Wheel of Progress:

Session No. 2 of the Theoretical Seminar

“Peasant Problem in National and World History”481

Марченя П. П., Разин С. Ю.

Коммунистическая Россия как мегаобщина:

Первый Международный круглый стол

«Сталинизм и крестьянство»

(Заседание № 3 теоретического семинара

«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)535

Marchenya P. P., Razin S. Y.

Communist Russia as Mega-Commune:

First International Roundtable Discussions

“Stalinism and Peasantry”

(Session No. 3 of the Theoretical Seminar

“Peasant Problem in National and World History”535

Марченя П. П., Разин С. Ю.
Иосиф Сталин как крестьянский царь:
Второй Международный круглый стол
«Сталинизм и крестьянство»
(Заседание № 4 теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)615

Marchenya P. P., Razin S. Y.
Joseph Stalin as Peasant Tsar:
Second International Roundtable Discussions
“Stalinism and Peasantry”
(Session No. 4 of the Theoretical Seminar
“Peasant Problem in National and World History”615

Сведения об авторах и контактная информация710

Contributors and Contact Information710

Аннотации и ключевые слова717

Annotations and Keywords717

Основные публикации научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
(2009–2013)735

Main Publications of the Scientific Project
“People and Power: History of Russia and Its Falsifications”
(2009–2013)735

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

От организаторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

Мы полагаем, нет нужды долго доказывать, что тема «Сталинизм и крестьянство» относится к темам, ключевым для понимающего познания России и русской истории. Да, в общем, и не только русской – серьезное осмысление этой темы не может не выходить на проблемы сравнительного анализа общего, особенного и единичного в системном взаимодействии власти и народа (государства и общества, элит и масс...) в различных цивилизационных типах и государственных моделях.

В настоящем сборнике, наряду с опубликованием научных статей по теме «Сталинизм и крестьянство», также подводятся и основные теоретические итоги серии из пяти (I–V) резонансных научных мероприятий, организованных в рамках проекта **«Народ и власть: История России и ее фальсификации»**, посвященных осмыслению места и роли крестьянства и так называемого «крестьянского вопроса» в отечественной (и не только) истории (отметим, что в 2014 г. проекту «Народ и власть...» исполняется 5 лет – и, в этом смысле, сборник «Сталинизм и крестьянство» уже можно считать юбилейным выпуском проекта).

Кратко охарактеризуем основные вехи в развитии проекта, связанные именно с крестьяноведческим научным поиском (как одним из магистральных направлений его междисциплинарных исследований).

I

12 ноября 2010 г. на базе общенационального научно-политического журнала «Власть» в Москве, в Институте социологии Российской академии наук состоялся Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», преемственно продолживший дискуссии Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (23 октября 2009 г., Москва, ИС РАН, журнал «Власть»).

Если круглый стол «Народ и власть в российской смуте» был посвящен междисциплинарному научному анализу проблемы взаимодействия власти и народа в ситуациях социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества, то круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», в свою очередь, сосредоточился на проблеме взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения прошлом столетии.

В таком контексте «крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема россиеведения, в которой сосредоточены практически все главные конфликты российской истории (и именно такой подход и лег в основу всех последующих «крестьяноведческих» мероприятий проекта).

В дискуссии круглого стола, ведущим которого согласился выступить выдающийся российско-белорусский ученый, активный участник большинства мероприятий проекта «Народ и власть...» *Олег Григорьевич Буховец*, приняли **активное участие 43 ученых 3 государств:**

- *России* (Москва, Казань, Коломна, Курск, Новочеркасск, Орел, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск),
- *Беларуси* (Минск),
- *Украины* (Киев).

В этой дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как: *«Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества; XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны?; «Великий незнакомец» и публичная политика в России: мифы и реальность; Русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент?; «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.*

Одним из важных результатов круглого стола стала договоренность об организации регулярной работы нового междисциплинарного семинара, которому решено было дать название **«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».**

Первоначально он задумывался как совместный постоянно действующий теоретический семинар научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (*Павел Петрович Марченя, Сергей Юрьевич Разин*) и Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (*Александр Михайлович Никулин, Владимир Валентинович Бабашкин*).

По первоначальному замыслу организаторов, этот «новый-старый» семинар должен был стать наследником и продолжателем традиций семинара *«Современные концепции аграрного развития»*, проводившегося с 1990-х гг. (под эгидой Института российской истории Российской академии наук и Междисциплинарного академического центра социальных исследований (Интерцентра) Московской высшей школы социальных и экономических наук) и имевшего заслуженное признание в научном сообществе.

Эта идея получила одобрение одного из патриархов крестьяноведения и основателей того семинара *Теодора Шанина*.

Концептуальная идея нового семинара также встретила понимание, деятельное участие и дружескую

поддержку одного из основоположников отечественного крестьяноведения *Александра Владимировича Гордона*, который с самого начала и по настоящее время является неизменным участником всех заседаний семинара «Крестьянский вопрос...». Ценной для развития проекта оказалась помощь в работе семинара замечательного казанского крестьяноведа *Дмитрия Ивановича Люкина*. Наряду с уже упомянутыми учеными, научно-консультационную поддержку проекту оказывали также и другие известные в России и далеко за ее пределами историки: *Владимир Прохорович Булдаков*, *Олег Григорьевич Буховец*, *Андрей Ильич Фурсов*, *Владимир Георгиевич Хорос*, *Валентин Валентинович Шелохаев*... Информационную поддержку семинару и проекту в целом осуществляли генеральный директор ООО «Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского» *Игорь Викторович Агибалов*; главный редактор альманаха «Историческое обозрение» и журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета» *Сергей Викторович Алексеев*; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com» *Иван Анатольевич Анфертьев*; директор Издательского центра Российского государственного гуманитарного университета, генеральный директор ООО «Издательство Ипполитова», основатель и главный редактор журнала «Новый исторический вестник» *Сергей Сергеевич Ипполитов*; главный редактор журнала «Новый исторический вестник» и заместитель ответственного редактора журнала «Вестник РГГУ» *Сергей Владимирович Карпенко*; главный редактор журнала «Власть» *Аркадий Олегович Лапшин*; ответственный секретарь редакции журнала «Политические исследования» («Полис»), руководитель проекта «Гражданское общество в России: электронная научная библиотека» *Елена Викторовна Михайлова* (проект Института социологии РАН [и др.] при поддержке РГНФ) и др.

Активное и неоднократное участие в мероприятиях проекта принимали такие российские ученые как *Сергей*

Викторович Алексеев, Иван Анатольевич Анфертьев, Николай Васильевич Асонов, Владимир Валентинович Бабашкин, Владимир Борисович Безгин, Виталий Александрович Бондарев, Владимир Прохорович Булдаков, Олег Григорьевич Буховец, Ирина Валентиновна Гончарова, Александр Владимирович Гордон, Елена Игоревна Демидова, Наталья Викторовна Елисеева, Василий Васильевич Зверев, Михаил Иванович Ивашко, Владимир Андреевич Ильиных, Сергей Владимирович Карпенко, Виктор Викторович Кондрашин, Мария Михайловна Кудюкина, Надежда Валерьевна Липатова, Дмитрий Иванович Люкшин, Александр Павлович Скорик, Андрей Ильич Фурсов, Андрей Владимирович Чертищев, Анатолий Иванович Шевельков и другие ученые.

Всем им мы искренне рады высказать глубокую признательность и надежду на продолжение нашего сотрудничества.

* * *

Первые три заседания семинара «Крестьянский вопрос...» проводились проектом «Народ и власть...» совместно с Центром аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, на организационно-технической базе названной академии. Но затем семинар обрел самостоятельный статус, и теперь проводится проектом автономно, уже не на базе академии и независимо от каких-либо еще организаций и учреждений.

Таким образом, на сегодняшний день, наш постоянно действующий теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является одной из важных составных частей (самостоятельных направлений междисциплинарных исследований) научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». В рамках нашего семинара нет идеологически табуированных тем, а крестьянский вопрос принципиально не сводится лишь к аграрному, и рассматривается комплексно, как

«альфа и омега» отечественной модернизации и одна из центральных проблем руссификации в целом.

Всего после Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» 12 ноября 2010 г., ставшего Днем рождения теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», состоялось еще четыре (по состоянию на октябрь 2013 г.) заседания семинара:

- № 1 – 27 апреля 2011 г. (Москва);
- № 2 – 20 декабря 2011 г. (Москва);
- № 3 – 22 мая 2012 г. (Москва);
- № 4 – 4 октября 2013 г. (Коломна).

II

27 апреля 2011 г. состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

На нем на обсуждение были вынесены два доклада:

1) доклад А. Н. Медушевского «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России»;

2) доклад Д. И. Люкшина «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос».

В состоявшейся в ходе обсуждения этих докладов дискуссии приняли *активное* участие **12 ученых России** (из Москвы, Казани, Пензы, Тамбова).

В этой дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как: *Смысл и значение крестьянского вопроса в отечественной и мировой истории; Крестьянский вопрос и массовое крестьянское сознание; Соотношение реформ и революций в российском историческом процессе; Причины, итоги и значение российских аграрных реформ XIX–XX вв.; Проблемы легитимности различных вариантов решения крестьянского вопроса накануне и в ходе Второй русской смуты; Феномен правового дуализма как фактор Великой*

Русской революции начала XX в.; Сущность и механизмы общинной революции 1917 г.

III

20 декабря 2011 г. состоялось второе заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Оно было посвящено обсуждению доклада патриарха отечественного крестьяноведения А. В. Гордона «Судьбы крестьянства в XX в.: цивилизационный аспект».

В состоявшейся в ходе обсуждения этого доклада дискуссии приняли **активное участие 15 ученых России** (из Москвы, Казани, Новочеркасска, Пензы, Тамбова).

В этой дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как: *Роль и судьба крестьянства в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу; Аграрные реформы XIX–XX вв.: отечественный и мировой опыт; Крестьянский вопрос и модернизация в России; Власть и крестьянство в истории Китайской Народной республики; Эволюция земельных отношений и региональная специфика в развитии сельского хозяйства во Франции.*

IV

22 мая 2012 г. состоялось третье заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

В его рамках был организован **Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство».**

В работе этого круглого стола приняли **активное участие 24 ученых 3 государств:**

– *России* (Москва, Казань, Коломна, Новосибирск, Новочеркасск, Орел, Пенза, Саратов, Тамбов),

– *Беларуси* (Минск),

– *Великобритании* (Манчестер).

В состоявшейся дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как: *Феномен сталинизма (генезис, сущность, смысл и значение в истории России); XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны; цивилизационная специфика российской модернизации; Традиция и Модерн в мировой истории XX в.; Власть и крестьянство в отечественной системе взаимодействия государства и общества; Расслоение крестьянства: мифы и реальность; Причины краха НЭПа; Колхоз и община: общее и особенное.*

V

4 октября 2013 г. состоялось четвертое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

В его рамках (в ходе IV Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.», проходившей 3–5 октября 2013 г. в Коломне, в Московском государственном областном социально-гуманитарном институте) был организован **Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»**. В таком формате он смог состояться, в том числе, благодаря деятельной поддержке бесценного организатора всех четырех (по состоянию на октябрь 2013 г.) конференций «Государственная власть и крестьянство...» *Анатолия Ивановича Шевелькова*.

В работе круглого стола «Сталинизм и крестьянство–II» приняли **активное участие 30 ученых 3 государств:**

– *России* (Брянск, Мичуринск, Москва, Казань, Кемерово, Коломна, Новосибирск, Новочеркасск, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск);

– *Украины* (Днепропетровск, Кривой Рог, Черкассы);

– *Беларуси* (Минск).

На обсуждение были вынесены в первую очередь такие темы как: *Место и роль крестьянства в истории империй (Восток, Запад, Россия); Крестьянский вопрос и цивилизационная специфика реформ и революций в России;*

«Раскрестьянивание» и «окрестьянивание» в истории России; Феномен сталинизма в контексте крестьянской социальной утопии.

Также всем участникам было предложено кратко сформулировать свои варианты ответов на три центральных теоретических вопроса круглого стола:

1) Насколько феномен сталинизма связан с особенностями российского крестьянства и природой «крестьянского вопроса» в отечественной истории? Как можно оценить политику сталинского режима в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России?;

2) Насколько Советская империя было чужда по отношению к крестьянской общине – и насколько она воспроизводила традиционные черты общинной модели? В какой связи находились процессы «окрестьянивания» и «раскрестьянивания» в истории советской России?;

3) Насколько крестьяноведение представляется продуктивным в контексте современного россиеведения вообще – и осмысления феномена сталинизма в частности? Какие объяснительные схемы, трактовки и подходы в исследовании этой проблемы наиболее перспективны?

* * *

Состоявшиеся в ходе названных мероприятий дискуссии были отражены (в сокращенном виде) в ряде публикаций проекта «Народ и власть...» в ведущих рецензируемых научных журналах России (список публикаций приведен в конце настоящего сборника), а также стали предметом отдельного анализа авторитетных экспертов (в том числе *Андрея Ильича Фурсова*¹, *Людмилы Николаевны Бродовской*², *Ивана Алексеевича Ревина*³, *Анатолия Ивановича Шевелькова*⁴), которым мы также рады выразить нашу искреннюю благодарность за проявленное к проекту внимание.

В настоящем сборнике приводится более полная версия материалов этих мероприятий. В таком виде все эти материалы *публикуются впервые*.

Таким образом, в этом сборнике представлены основанные на специальных исследованиях мнения нескольких десятков известных ученых об исключительно важных проблемах прошлого, настоящего и, возможно, будущего России.

Выражаем надежду, что они окажутся интересны и полезны не только крестьяноведам в узком смысле этого слова, но и широкому кругу специалистов (историков, исторических антропологов, политологов, социологов, социальных психологов, философов, культурологов, юристов, экономистов и пр.), интересы которых так или иначе связаны с россиеведением в целом.

Обращаем внимание читателей, что лично мы – как авторы научного проекта «Народ и власть...», организаторы теоретического семинара «Крестьянский вопрос...», а также составители и редакторы сборника «Сталинизм и крестьянство...» – согласны далеко не со всеми авторами статей нашего сборника и выступлений на наших мероприятиях.

Равно как и далеко не все авторы статей и выступлений согласны с нами.

Но одно мы можем гарантировать твердо – на страницах этого сборника (как и на самих заседаниях, материалы которого в нем представлены) нет идеологической цензуры, нет попыток «замолчать» или исказить чужое мнение во имя ложно понятых соображений «толерантности», «политкорректности», либо, напротив, псевдопатриотизма или стремления угодить власти или какой-либо еще политической силе.

* * *

Настоящий сборник является четвертым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

Пользуясь случаем, приглашаем к участию в деятельности нашего проекта всех специалистов, которые не равнодушны к проблемам взаимодействия народа и власти в истории России.

Материалы мероприятий научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» (а также аналитические статьи по их результатам) регулярно публикуются в ряде ведущих федеральных журналов, рекомендованных Перечнем рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденном Высшей Аттестационной Комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Все публикации проекта выставляются также в свободный доступ на специализированных научных сайтах Сети Интернет (в том числе в официальном Открытом Архиве научного информационного пространства Сети Соционет: <http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj>).

В 2014 г. также начал свою работу форум журнала «Новый исторический вестник» (журнал входит как в Перечень ВАК Минобрнауки РФ, так и в международную библиографическую базу “Scopus”) «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (<http://www.nivestnik.ru/phpbb3/>). Новый форум задуман прежде всего как дискуссионная площадка для обмена мнениями по проблематике проекта и результатами исследований между историками, а также представителями других общественных и гуманитарных наук. Приглашаем всех заинтересованных коллег к участию в работе этого форума.

Контактная информация, сведения о проекте, всех его основных мероприятиях и публикациях (с веб-ссылками на полнотекстовый доступ) приведены в конце сборника.

Библиография

¹ *Фурсов А. И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 6. С. 69–89 (<http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>); № 7. С. 76–98 (<http://users4496447.socionet.ru/files/furs4.pdf>).

См. также: *Фурсов А. И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 3. С. 22–35 (<http://users4496447.socionet.ru/files/furs1.pdf>); № 4. С. 7–19 (<http://users4496447.socionet.ru/files/furs2.pdf>).

² *Бродовская Л. Н.* Крестьяноведение в исследовательском поле // *Родина*. 2013. № 4. С. 35–37 (<http://users4496447.socionet.ru/files/Brod.pdf>).

См. также: *Бродовская Л. Н.* Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории // *Власть*. 2013. № 4. С. 189–191 (<http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Brodovskaya.pdf>).

³ *Ревин И. А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // *Новый исторический вестник*. 2013. № 2. С. 56–66 (<http://users4496447.socionet.ru/files/Proekt1.pdf>).

⁴ *Шевельков А. И.* Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // *Научный диалог*. 2013. № 12. С. 169–181 (<http://www.docme.ru/doc/225703/peasantstudies.pdf>).

**Сталин и крестьянский вопрос
в условиях реализации советского социального проекта
По документам ЦКК РКП (б) в 1920-е годы**

На реализацию советского социального проекта в первой половине 1920-х гг. кардинальным образом оказали влияние следующие основные, как положительные, так и отрицательные факторы: окончание Гражданской войны в России; образование СССР; отказ от политики «военного коммунизма» и переход к НЭПу; смерть В. И. Ленина; обострение внутривластной борьбы за лидерство в государстве; утрата надежд на мировую революцию. Как известно, выпавшее из рук вождя знамя, в конце концов, после упорной борьбы удалось подхватить И. В. Сталину. Именно в 1924–1925 гг. в стране произошел крутой поворот к более реалистичной политике и в отношении к крестьянству. Но требует дальнейшего исследования и прояснения вопрос о том, было ли это личной инициативой Сталина, или этот курс был заложен в теоретическом отношении Лениным и более или менее успешно реализован его преемником Сталиным.

В этой связи особого внимания заслуживают воззрения нового вождя на крестьянский вопрос в России. При жизни Ленина они носили, как правило, общий «расплывчатый» характер, и объясняется это тем, что прерогатива в оценке не только крестьян, но и других социальных слоев молодого советского государства безраздельно принадлежала Ленину. Однако и те немногочисленные дошедшие до нас отзывы Сталина о политике высшего руководства советской страны в отношении к крестьянству представляют научный интерес.

Прежде всего, в строгом соответствии с мировоззренческой догмой большевистского руководства того периода, руководящая роль к стране в марте 1923 г. им

отводится «государственной форме организации пролетариата»¹. В ноябре 1923 г. он определяет крестьянство как «средний» социальный слой, который одновременно может быть как резервом нарождающихся (надо полагать, в ходе НЭПа) капиталистов, так и большевистской партии. При этом, считает он, «вопрос о средних слоях представляет один из основных вопросов рабочей революции», а пролетариат «не может удержать власть без сочувствия, без поддержки средних слоев, и в первую очередь крестьянства»². Однако в этой связи не может не обратить на себя и весьма характерная сталинская оговорка о том, что «пролетариат не может даже мечтать серьезно о взятии власти, если эти слои по крайней мере не нейтрализованы...»³.

Таким образом, можно предположить, что и НЭП в целом, и отношение правящей большевистской партии к крестьянству во время НЭПа было не чем иным, как временным отступлением, в строгом соответствии с законами стратегии, для решающего наступления на противостоящую им политическую силу. В конце 1923 г. Сталин понимал: несмотря на то, что большевикам удалось победить капиталистов и помещиков, отобрать их собственность, частично истребить и в массе изгнать из страны, продолжая преследование оставшихся⁴, все же экономические законы как объективная реальность неподвластны директивам – и для удержания власти необходимо с ними считаться, по крайней мере, до тех пор, пока не будет сформирован разветвленный репрессивный аппарат, способный обеспечить удержание власти на длительный срок при любых внутренних и внешних кризисных факторах.

При этом нельзя не учитывать, что Сталин в разные периоды своей деятельности во главе государства – это разный Сталин. Скажем, Сталин 1922–1927 гг. – это Сталин, который стремится и захватить, и удержать власть. Неслучайно, что именно в этот период происходит во многом вынужденное «заигрывание» власти

с крестьянством, которое составляло на тот период около 80% населения страны. Сталин 1928–1933 гг. – это человек, который почувствовал, что выиграл борьбу за власть, и потому начинает демонстрировать политические мускулы, в том числе – и в первую очередь – так нелюбимому им крестьянству. Сталин, в связи с этим, представляется, с одной стороны, прагматиком, а с другой стороны, марксистским догматиком. Сталин – это человек, который понимает, что у него достаточно много политических врагов. В 1920–1930-е гг., по всей видимости, он считал, и не без оснований, что основным врагом советского режима является крестьянство.

Нельзя в связи с этим не упомянуть об идее мировой революции и ее роли в политике большевиков в 1920-е гг. На мой взгляд, эта идея была для большевистского руководства не столько догматической, сколько прагматической, так как диктатура пролетариата в условиях крестьянской по своему составу страны выглядела не очень убедительно и имела мало шансов для выживания. Сталин хорошо понимал, что существует реальная опасность того, что «пролетарская власть» может быть сметена крестьянской стихией. То, что такая потенциальная возможность существует, хорошо показали крестьянские восстания начала 1920-х гг. Не исключал в конце 1924 г. Сталин и повторения Кронштадта и Тамбова, а также и восстаний по всей стране.

В каком-то смысле, можно сказать, что, наряду с буржуазным Западом, русское крестьянство было одним из двух главных врагов большевизма. Большевизм, и в особенности его романтически-левацкое крыло во главе с Л. Д. Троцким, стремился к уничтожению и буржуазного Запада, и патриархально-азиатского (по представлениям многих большевиков) русского крестьянства – как антисоветских, антисоциалистических и антикоммунистических сил. Поэтому большевики предпринимали весьма серьезные усилия для того, чтобы разжечь пожар революции в Европе (Германия, Венгрия, Польша) и на Востоке (Китай,

Афганистан и т. д.). Однако все попытки экспорта революции к середине 1920-х гг., в основном, закончились неудачей. Неслучайно, что после провала этих попыток, в 1925 г. большевистское руководство провозглашает более реалистичный курс на строительство социализма в одной стране и, как это следует из архивных документов, начинает проводить умеренную политику в отношении крестьянства как своего вынужденного временного союзника.

Позицию Сталина в отношении крестьянства середины 1920-х гг. можно кратко охарактеризовать следующим образом:

– в крестьянской среде произошли кардинальные перемены, нет страхов потерять отобранную у помещика землю, а выращенный урожай – в результате реквизиций и продразверстки, вместо этого налицо стремление получить необходимый в деревне товар подешевле, а выращенный хлеб продать подороже;

– наметившийся в связи с НЭПом подъем сельского хозяйства «ведет к разложению, дифференциации крестьянства», к образованию лагеря кулаков и «лагеря бедноты, ищущей союзников против кулака», в этой связи рабочим предстоит создать единый фронт с беднотой против «засилья кулака, спекулянта, ростовщика»;

– в условиях «новой борьбы», в условиях НЭПа необходимо заново завоевывать крестьянство, а в этом отношении партия запаздывает;

– необходимо укреплять экономические рычаги, на которых держится диктатура пролетариата, в основном за счет крестьянства;

– заметно активизировалась политическая активность крестьянства, в деревне необходим беспартийный актив из числа крестьян, создать который следует за счет привлечения лучших представителей из беспартийных крестьян к деятельности в Советах, в управлении на местах, привлекая наиболее достойных в ряды деревенских партячек;

– в условиях строительства социализма в одной стране необходимо изменить подход к крестьянину: член партии должен подходить к беспартийному крестьянину как «равный к равному», не только учить, но и учиться у крестьянина, иначе создается «глухая стена, партия отрывается от масс, а смычка рабочих и крестьян превращается в размычку»;

– изучать и учитывать в работе настроения массы беспартийных крестьян, улучшать взаимоотношения сельских парторганизаций и беспартийной крестьянской массы;

– коммунистам в деревне необходимо учитывать как религиозные, так и антирелигиозные настроения крестьян, так как «мужик смотрит на бога по-хозяйски... “не лучше ли будет убоготорить и коммуниста, и бога, чтобы надежнее было для хозяйства”»;

– развитие сельского хозяйства должно пойти по пути кооперирования мелкого и среднего крестьянства, поддерживаемого государством за счет льготного кредитования⁵.

Данная позиция Сталина во многом объяснялась тем, что переход от методов военного коммунизма к НЭПу в деревне совершался гораздо медленнее, чем в городе. Методы раскулачивания, комбедов, исключительных административных мероприятий продолжали преобладать в работе сельских коммунистов. В деревенских ячейках был гораздо меньший процент пролетариата, чем в городских. Кроме того, на селе накопилось недовольство отдельными деревенскими ячейками. Об этом красноречиво говорят обследования деревенских ячеек целых волостей и уездов, произведенные комиссиями ЦКК. В руководстве партии сложилось твердое убеждение, что целый ряд деревенских ячеек проводил и проводит настолько искаженную линию, что крестьянство относится с величайшим недоверием ко всей партии, а отчасти и к советской власти, именно из-за этой искаженной партийной линии⁶. А были и такие факты, когда крестьяне относились с недоверием к большой

сельской ячейке в 64 человека только потому, что среди этих 64 человек имелись трое коммунистов, относительно которых крестьяне знали, что они взяточники, воры и насильники. По-своему, крестьяне рассуждали правильно: мы не можем относиться с доверием к партийной организации, которая держит в своих рядах явных преступников, зная об их преступлениях.

На основе изучения документов ЦКК можно привести примеры, указывающие на абсолютное непонимание рядом коммунистов-руководителей на селе новой линии партии в деревне. Тут и неправильное зачисление крестьян в кулаки, и заявление волостного организатора по работе с женщинами, что неграмотная крестьянка не может быть избранной в состав сельского совета. Остро стоял вопрос об отношении аппаратных служащих к крестьянам: бросалась в глаза разница в обслуживании рабочих и крестьян. Характерно, что до лета 1925 г. по вопросу о том, по каким признакам крестьянские хозяйства относятся к той или иной категории по зажиточности, ясности не было. Для устранения этого недочета, не позволяющего правильно определять происходящие в деревне процессы расслоения, определялись критерии крестьянских хозяйств по зажиточности. Например, документы ЦКК рекомендовали относить к середнякам того из крестьян, кто имеет 2 лошади, 2 коровы и 10 десятин⁷ пашни; зажиточный – 3 лошади, 4 коровы, 10 десятин пашни, сельхозмашины; причисляемые к кулакам – наличие наемных рабочих.

20 ноября 1925 г., ЦКК была разработана и утверждена специальная инструкция о порядке проведения проверки деревенских партийных организаций⁸. ЦКК обращала внимание на необходимость представления до начала проверки сведений о количестве деревенских ячеек и членов партии в них, подлежащих проверке⁹. Руководителями и членами комиссий, как правило, назначались коммунисты с дореволюционным, так называемым подпольным стажем и рабочие «от станка».

В частности, по Московской и Ленинградской губерниям в комиссиях был высокий состав подпольщиков, примерно 98%, из них рабочих от станка больше 50%, а членов партии с 1919 г. только 2%. А в целом по стране картина получалась совершенно другая: только 33% состава проверочных комиссий имели дореволюционный стаж, с 1918 г. – 18%, с 1919 г. – 9%, с 1922–1923 гг. – 3,5%. В отношении социального состава, как отмечается в инструктивном докладе Ем. Ярославского, весьма трудно и тяжело обеспечить проверочные комиссии, так как часто комиссии на местах состояли почти сплошь из ответственных работников – прокуроров, заведующих административными, хозяйственными отделами и т. д. В результате на местах получалось некоторое недоверие к этим членам партии, стоящим во главе комиссий. Однако в ЦКК постановления комиссий нередко исправлялись. Отмечалось также, что необходимо привлекать к работе комиссий партийных заседателей – рабочих от станка¹⁰.

В глазах очень многих руководителей идеалом коммуниста в деревне являлся коммунист, который не имеет ни кола, ни двора, гол как сокол и стыдится, если у него есть какая-нибудь собственность. Каковы же источники существования такого коммуниста? – задавались вопросом руководители ЦКК. В период комбедов такие коммунисты получали паек, хозяйства своего не вели, да и не до хозяйства иногда было. Надо было вести борьбу с бандитизмом, надо было быть настороже, постоянно под угрозой восстания, под угрозой нападения на тех, кто по prodразверстке обирал сельских тружеников. Кругом были фронты. Поэтому переход к новой экономической политике болезненно переживался в деревне. Сельским коммунистам было труднее приспособиться к новым условиям. За годы Гражданской войны собственное хозяйство многих из них пришло в окончательный упадок, и восстановить его оказалось крайне трудно. В такой среде, естественно, вызывал недовольство член партии, который приводил

в порядок свое хозяйство, при проверке он оценивался и на предмет: нет ли у него «грешков» в прошлом?

Проверочная комиссия должна была иметь секретаря (не из состава проверяемой ячейки), который все установленные проверкой факты (как биографического характера, так и недочеты деятельности проверяемого и сведения о его участии в партийной и советской работе) обязан был тщательно записать в протокол. Решения комиссии должны были быть мотивированными, то есть следовало указать, за что выносятся то или иное партвзыскание. В тех случаях, когда проверяемый не подвергается никаким партвзысканиям, в постановлении необходимо писать: «Считать проверенным».

Комиссия была обязана установить и занести в протокол следующие данные о проверяемых: фамилия, имя, отчество, № партбилета, партстаж, какого района, села и ячейки, возраст, образование, социальное положение, основная профессия, чем занимается в момент проверки, пребывание в Красной армии, сколько времени занимается сельским хозяйством, мощность хозяйства, принадлежность к другим партиям до вступления в ВКП (б) и точную мотивировку. В том случае, когда выдвинутые обвинения отрицались, необходимо было проверить данные и в протоколе записать только то, что установлено фактами.

По окончании работы проверочные комиссии должны были составить подробное заключение о состоянии и работе ячейки, наметить практические предложения и сделать доклады на общем собрании ячейки, обсуждая свои выводы совместно с сельскими коммунистами. Обо всех обнаруженных недочетах и состоянии ячейки комиссия обязана была сделать доклад по окончании работы по проверке волости и уезда на заседании укома партии. Утверждение протоколов и предложений проверочных комиссий производилось губернской КК и согласовывалось с губкомом. Члены партии, считающие неправильным постановление проверочной комиссии, могли это

постановление обжаловать в губернской контрольной комиссии и в ЦКК РКП (б).

В заключение необходимо отметить, что среди современных исследователей крестьянства 1920-х гг. просматривается стремление уйти от идеологических крайностей, которые были характерны для советской историографии¹¹. Считается, что и до 1917 г., и в последующий период Гражданской войны, а затем в 1920–1930-е гг. «продолжалась эволюция России как огромной крестьянской страны, подчиняясь определенным объективным закономерностям такой эволюции, одной из которых был бурный, революционный характер событий на данном ее этапе»¹². Характерным с точки зрения борьбы крестьян с государственными властями за землю и за право хозяйствовать на ней по собственному разумению был 1921 г., начало НЭПа. Власть вынуждена была уступить крестьянству, что закрепилось Земельным кодексом РСФСР, принятым в декабре 1922 г. и отменившим «социалистическое» земельное законодательство 1918–1920 гг. По словам В. П. Данилова, крестьянская революция победила, однако «эта победа оказалась равносильной поражению: крестьянство не смогло создать отвечающую его интересам государственную власть»¹³.

В этой связи не лишним будет обратиться и к опыту подготовки к модернизационному «рывку» в 1920-е гг. за счет крестьянства, в частности, практически неисследованному опыту деятельности Центральной контрольной комиссии РКП (б), выполнявшей двудеятельную задачу – расширения социальной базы партии большевиков на селе и подготовку «репрессивных» методов будущей так называемой коллективизации.

Библиография и примечания

¹ *Сталин И. В.* К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов // *Сталин И. В.* Собр. соч. Т. 5. М., 1947. С. 170.

² *Сталин И. В.* Октябрьская революция и вопрос о средних слоях // Там же. С. 342.

³ Там же.

⁴ В конце 1924 – начале 1925 гг., по заданию ЦКК, Наркоматом РКИ РСФСР был обследован вопрос о помещиках, оставшихся после революции в бывших своих имениях. Результаты обследования были оформлены законодательным актом, согласно которому бывшие помещики и их родственники подлежали выселению из ранее принадлежавших им имений. См.: О бывших помещиках // Бюллетень ЦКК РКП (б) и НК РКИ. № 1 (23). 1 января 1925 г. М., 1925. С. 23.

⁵ См.: *Сталин И. В.* Октябрьская революция и вопрос о средних слоях... С. 342–348; *Его же.* Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете // *Сталин И. В.* Собр. соч. Т. 6. М., 1952. С. 69–188; *Его же.* XIII съезд РКП (б) 23–31 мая 1924 г. // Там же. С. 189–260; *Его же.* Об очередных задачах партии в деревне. Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП (б) 22 октября 1924 г. // Там же. С. 302–312; *Его же.* О задачах партии в деревне. Речь на пленуме ЦК РКП (б) 26 октября 1924 г. // Там же. С. 313–320.

⁶ *Ярославский Ем.* О подходе контрольных комиссий к проверке деревенских ячеек // Бюллетень ЦКК РКП (б) и НК РКИ. № 6. 25 июня 1925 г. М., 1925. С. 4.

⁷ Десятина – единица земельной площади, равная 2 400 квадратным саженьям (или 1,0925 гектара) и применявшаяся в России до введения метрической системы. После Октябрьской революции 1917 г., в связи с переходом к метрической системе мер, в соответствии с декретом СНК РСФСР от 14 сентября 1918 г., применение десятины было ограничено, а с 1 сентября 1927 г. запрещено.

⁸ Бюллетень ЦКК РКП (б) и НК РКИ СССР... С. 37.

⁹ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 11. Л. 1–13. Инструктивное совещание членов ЦКК, выезжающих на партконференции от 13.XI.[19]25 г. Доклад Ем. Ярославского.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ См., напр.: *Полянская Л. Ю.* Политика Советского государства по формированию нового социокультурного облика крестьянства в период НЭПа: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2009; *Воронков Б. О.* Восприятие крестьянством Центрального

Черноземья политики партийно-государственного руководства СССР во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; *Климук Я. А.* Политика «раскулачивания» и сопротивление алтайского крестьянства в 1928–1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008; *Еремина Е. В.* Социально-политические воззрения крестьянства северной деревни в 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007; и др.

¹² *Бабашкин В. В.* Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: автореферат дис. ... доктора ист. наук. Тамбов, 2011. С. 3.

¹³ Цит. по: *Бабашкин В. В.* Указ. соч. С. 5.

К вопросу об «аграрном деспотизме»

В гуманитарной науке очень важно называть вещи своими именами. Задача это чрезвычайно сложная, практически невыполнимая, но стремиться к этому надо. Одним из примеров может послужить слово «сталинизм». Оно постоянно употребляется на страницах отечественных и зарубежных теоретических публикаций последнего времени, а уж в газетной и теле-пропаганде звучит буквально без умолку. «Слова у нас до важного самого...» А какая собственно вещь называется этим именем? Стоит ли говорить, что у столь известных пропагандистов, как Н. К. Сванидзе и С. Е. Кургинян (которые также являются и учеными, теоретиками), ответы на этот вопрос получатся несколько различными? А если соединить это слово союзом «и» со словом «крестьянство», в сознании мгновенно появляется еще одно имя: «коллективизация».

Выдающийся американский мыслитель по проблемам социальной эволюции России–СССР–России в XX в. Моше Левин считал слово «коллективизация» прекрасным примером ложного словоупотребления в советской общественной науке (“*misnomer*”), когда термины как бы для того и придуманы и жестко политико-административно закреплены за теми или иными проблемами истории страны, чтобы максимально затруднить анализ сути этих явлений. «Так, – говорил М. Левин на теоретическом семинаре по обсуждению его монографии “Русские крестьяне и Советская власть”, – государство не было “советским”, не было “рабочим” и “демократическим”. И нельзя здесь всерьез говорить о “социализме”, так как это понятие подразумевает демократизм в политике и экономике. Все эти термины, хотя и не воспринимались серьезно многими на Западе, однако уводили в сторону от изучения того сложного и мучительного пути, которым

страна создавала бюрократическую властную иерархию, монополизировавшую все и вся»¹.

Хотя упомянутая монография была в основном посвящена эволюции в конце 1920-х гг. верхушки той партийно-бюрократической структуры, которая складывалась как основа политической системы огромной страны, «крестьяне» в названии не случайны. Исследователь прекрасно отдавал себе отчет, что заведомо лишит себя возможности глубоко анализировать проблематику советской бюрократии, позволив себе упрощенный, идеологизированный взгляд на общинную деревню последних НЭПовских лет, на общинное крестьянство как таковое. Рассматривая всю сложность социально-психологических установок, умонастроений представителей разных отрядов деревенского населения, разные углы преломления во всем этом установок партийной доктрины аграрной политики (которая в свою очередь все время претерпевала изменения сообразно аграрным дебатам в верхушке политиков и теоретиков), Левин, по-видимому, выходит на дальние подступы к той своей теоретической находке, которая впоследствии и будет обозначена им вербально как «аграрный деспотизм». Приходит осознание того, насколько глубоко будущее политическое устройство СССР детерминировано ментальными свойствами огромного большинства людей, населяющих страну.

Монография «Русские крестьяне и Советская власть» стала в западной советологической историографии заметным явлением. Участник обсуждения ее в том семинаре французский историк А. Я. Берелович сказал об этом так: «Это был настоящий поворот. Поворот от политической истории, где все сводилось к борьбе за власть и интенциям власти, к истории социальной, истории общества. Это было начало разрушения стереотипа западного восприятия, когда шло постоянное сравнение между изначальной идеологической утопией и тем, что происходит на самом деле. Вместо этого предлагалось спуститься на землю и более внимательно взглянуть на экономические и

социальные основы происходящего»². Уместно отметить, в советской историографии по тем временам (англоязычный перевод книги опубликован в 1975 г., а на французском она увидела свет в 1966 г.) сравнения между идеологической утопией и тем, что имело место в действительности, вообще были невозможны, по той простой причине, что утопия маскировалась под действительность и наоборот. Эта традиция благополучно сохранилась и по сей день: чуть более 20 лет назад на руинах коммунистической утопии была сноровисто возведена утопия капиталистического возрождения России, которая продолжает мешать непредвзятому анализу происходящего в действительности.

В той монографии Левин уже оперирует понятием «сталинизм», но у него стоящее за словом явление не застывшее, раз навсегда данное, как у наших нынешних пропагандистов, – оно эволюционирует во взаимодействии факторов, реально определявших ход исторических событий. Один из важнейших таких факторов показан в книге весьма дотошно: деревня успешно до поры до времени нейтрализовала поползновения центральной власти усилить свое присутствие в сельском обществе через советы, через сельских коммунистов, кооперацию, колхозы. Крестьянам какое-то время удавалось практически *приспосабливать* все это к своей привычной повседневности. Борьба в верхах по вопросам политики в деревне облегчала крестьянам эту деятельность – не до них было. Но ход и исход этой борьбы в верхних эшелонах власти, в которой И. В. Сталин проявил недюжинные способности, оборачивается одной из важнейших предпосылок того поворота в деревенской политике государства, который и был идеологически запечатлен как «коллективизация».

В деревне ожидался какой-то решительный поворот в правительственном курсе. Деревня была молода демографически, в ней к концу 20-х скопилось множество раздражающих проблем, которые мечталось разрешить чисто по-русски, по-крестьянски – одним махом. Партийная пропаганда, пропитанная утопией коммунизма, создавала

иллюзию грядущих перемен, агропропаганда содержала представления о том, что прогрессивные севообороты, применение техники и удобрений решат раз и навсегда главную для крестьян проблему – нехватки продовольствия. О том, чего ожидали тогда крестьяне, психологически точно одной фразой сказал А. Севастьянов: «Наш народ, как обычно, хотел совсем другого: всего и сразу. Луну с неба...»³. Правда, он сказал это о другой аграрной реформе – 1861 г., – которую теперь склонны превозносить те, кто клеймит коллективизацию, но это как раз очень хорошо говорит о преемственности времен в нашей истории. Тогда как бы освобождали от крепостного состояния – теперь, по сути, возвращали крепостное состояние (известно, что крестьяне с их удивительным свойством называть вещи своими именами расшифровывали ВКП (б) в начале 30-х как «Второе крепостное право»⁴), а и энергия метафизического ожидания «настоящей свободы», и первая недоуменная реакция на осуществление реформы (всплеск открытых протестных выступлений, жестоко подавленных правительством и сменившихся деловитой реализацией приспособительных стратегий в рамках «оружия слабых»⁵) были очень схожими.

Однако в том, что касается крестьянских ожиданий, было и существенное различие. В 1861 г. сельским жителям и в голову бы не пришло обращаться наверх, к царю, с письменными и часто весьма подробными проектами грядущей реформы, по которой деревня получила бы наконец «настоящую свободу». Накануне столыпинской реформы такое происходило сплошь и рядом⁶. А уж к середине 20-х, когда крестьяне через систему ликбеза и политпроса почувствовали, что верховная власть находится в поиске, как все в стране организовать по уму, поток писем из деревни во власть, в редакции «Бедноты» и «Крестьянской газеты» приобретает колоссальные размеры. Только в «Крестьянскую газету», созданную по решению XII съезда РКП (б), с 1923 по 1933 гг. пришло порядка 5 млн крестьянских писем. Например, в 1925 г. письма-проекты

усовершенствования общества составляли 23,6% от общего потока писем. В них селькоры декларировали, что «только рабочие и крестьяне своею собственной рукой построят рай земной», «...только при коммунизме народ будет жить, как в раю», что необходимо «раскрыть всю ту ложь и весь тот обман, который творится в церкви мракобесами-попами» с целью помешать этому строительству земного рая⁷.

Авторы таких писем нетерпением подсказывали Советской власти доступные их пониманию схемы такого жизнеустройства. Широкою поддержку в деревне, судя по всему, имела идея о необходимости «сделать крестьян как рабочих», то есть провести тотальное огосударствление земли, чтобы не допустить концентрации ее в частных руках, и организовать производство по типу городского промышленного предприятия – за зарплату. В одном из писем, пришедших в «Крестьянскую газету» в 1927 г., автор убежденно заявляет, что выражает мнение всех крестьян: «Крестьянин согласится. Так возьмите всю землю в казну и платите как рабочему. А крестьянин будет обрабатывать. И вы берите себе хлеб, и мы будем покупать. И все равны будем, как рабочий, так и крестьянин. Тогда не будет никому обидно»⁸. Этот дух надежды, радостного ожидания светлого будущего, несмотря на все трудности и лишения начала 30-х, сохранялся достаточно долго и прочно, что В. А. Бердинских отчетливо зафиксировал, собирая крестьянские воспоминания о той поре. «Тот мир был богат во всех отношениях, – вспоминает Е. П. Попова 1907 г. рождения. – Тогда все было новое, все открывалось, все надеялись, ждали хорошей жизни. Все представляли, что когда-нибудь будет свободно лежать белый хлеб и все будет. А самое главное, чтобы войны не было»⁹.

Левин в «Русских крестьянах и Советской власти» все время задается вопросом, что же должна была представлять собою аграрная политика советского руководства, адекватная ожиданиям деревни, то есть мог ли на этом повороте российской истории реализоваться какой-то другой путь строительства социализма. «Основываясь на

материалах этой книги, – пишет автор, – некоторые ее читатели приходят к выводу (который я не разделяю), что решение, которого придерживался в своей политике Сталин, было единственно возможным решением. Я полагаю, что это слишком уж смелое заключение. Я всячески старался не упускать из виду тот факт, что Сталин образца 1928 г., с которым мы здесь имеем дело, энергично искал свою линию, совершенно не представляя, куда она может привести»¹⁰.

Главное, что дала эта книга людям, занимающимся изучением тех событий, – это представление о многопричинности, многофакторности срыва НЭПовского рынка, экономического и политического плюрализма в сталинскую коллективизацию. Причем при рассмотрении этого разнообразия векторов и силовых линий историк отводит общинному крестьянству отнюдь не пассивную роль.

Фактически это уже была заявка на крестьяноведческий подход к анализу событий новейшей истории России, когда во главу угла ставится стремление понять, чем на самом деле (а не по идее – будь эта идея коммунистической или либерально-прогрессивистской) жило и руководствовалось в своих действиях огромное большинство населения страны. Для научного творчества Левина характерен отказ от такого стереотипа (опять же и советского, и западного), как преувеличенное внимание только к политическим или только к экономическим факторам развития исторических событий. Он все время подчеркивает, что само российское крестьянство составляло важнейший фактор первой российской модернизации XX в., без анализа которого невозможно адекватное представление о ее сути и внутренней логике.

В последующих работах ученого, составивших потом книгу под названием «Так создавалась советская система»¹¹, достаточно ясно обрисовалась эта внутренняя логика развития российского общества в первые десятилетия XX в. А в не так давно опубликованном на русском языке обобщающем труде ученого под названием «Советский век»

предпринимается попытка применения этой методологии к осмыслению дальнейшей эволюции советской общественно-экономической и идейно-политической системы на протяжении истекшего столетия¹².

Прежде всего, это уход от рассмотрения октябрьских событий 1917 г. как переломного момента, водораздела двух различных эпох в истории страны, что всегда было обусловлено гипертрофией политической составляющей исторических событий, характерной как для коммунистической, так и для противоположной традиций. Изменение угла зрения, при котором определяющим становится социальный состав и социальная организация общества, позволяет обнаружить не столько разрыв времен, сколько преемственность их в новейшей истории России.

Основа преемственности – крестьянская социальная база страны как относительно неизменная общая характеристика всех этапов ее развития в эпоху модернизации, начиная с Витте и Столыпина и заканчивая Сталиным. Неизменность эта была относительной в том смысле, что многомиллионная деревенская Россия, конечно же, переживала большие перемены под воздействием событий внешнего для крестьянства мира – мира политиков, в котором господствовала идея принудительно-бюрократической модернизации страны. Однако эти перемены все время оказывались не теми, что ожидали реформаторы и творцы большой политики, и они (перемены), в свою очередь, оказывали определяющее воздействие на характер и общее направление развития общества в целом.

С начала века и до 1914 г. все сферы жизни того «аграрного комплекса», каким, по терминологии Левина, продолжала оставаться Россия Николая II, быстро пронизывали ростки капитализма, чему всячески способствовала политика правящей элиты. Но эти ростки быстро пожухли в тех условиях, в каких страна оказалась, втянувшись в 1914 г. в войну. Российский капитализм оказался не в состоянии окончательно трансформировать

«аграрный комплекс». Напротив, последний в той особой исторической ситуации отреагировал на все эти трансформационные потуги столь своеобразным и глобальным историческим явлением, как «архаизация» деревни в 1917–1920 гг. – срыв громадного большинства российского населения в общинное средневековье. А это, в свою очередь, обусловило новое издание «аграрного комплекса» в 1920-е гг. Базовая тенденция к скорейшей модернизации страны сохранялась и находила свое воплощение в бурной энергии политического руководства, но, как подчеркивает Левин, в начале 1920-х гг., «когда новый режим наконец-то получил возможность повести страну к провозглашенным целям, отправной пункт этого движения характеризовался большей отсталостью, чем в 1917 г., не говоря уже о 1914 г.»¹³.

По убеждению исследователя, от Петра к Сталину тянется традиция осуществления стратегии индустриализации на одной и той же основе: избыток неквалифицированной рабочей силы плюс в огромном количестве передовые машины и технологии – комбинация, достаточная для получения быстрого успеха в определенных секторах на какое-то время, однако создающая колоссальные трудности для перехода к экономике, ориентированной на качество и эффективность. Реализация такой стратегии в 20-е гг. требовала возрождения в полной мере – а с поправкой на «архаизацию» деревни даже и в усиленном варианте – административно-бюрократической машины государства.

Для обозначения соответствующей политической системы Левин даже вводит особый термин – «аграрный деспотизм»¹⁴. Этот термин представляется удачным – и не только потому, что хорошо отражает данный этап политической эволюции страны и основную направленность советской деспотии на изломе НЭПа. В нем как бы присутствует тот более широкий смысл, что аграрно-крестьянский характер российского общества с деспотической неумолимостью во все времена вносил большие коррективы в самые благие намерения самых

радикальных реформаторов¹⁵. Это явление отчетливо наблюдалось в эволюции российского общества на протяжении всего XX в., свидетельствуя о преемственности времен в истории страны.

НЭП обнаруживает известную гибкость идеологии и политики ленинизма. В эти годы установилась довольно парадоксальная общественная система, основанная на смешанной планово-рыночной экономике, некий «плюралистический авторитаризм». Однако архаически-деревенская социальная база общества стимулирует развитие партии как особой политико-административной структуры по пути, противоположному развитию НЭПовской экономики. Огромная потребность в руководящих кадрах покрывается за счет огромных масштабов выдвижения их из низших плохо образованных слоев общества, обучаемых и распределяемых через партийно-аппаратные структуры. Приток миллионов вчерашних сельчан в вузы, на новые, в том числе и административные должности создает крепкие опоры для постНЭПовского режима. То, что советская идейно-пропагандистская машина именовала «культурной революцией», Левин в этой связи обозначает как «культурную контрреволюцию»: снижение общей культуры в городах, культуры промышленного производства, неадекватная профессиональная подготовка практически во всех отраслях и сферах, включая политическую. Противоречие между выполняемой работой и квалификацией работников проникало в самую суть нарождающейся общественной системы; новые профессионалы и администраторы, не успев составить устойчивых социальных структур и плохо соответствуя своим должностям, были незащищены социально и питали огромную благодарность системе.

Ученый в своем интеллектуальном поиске уделял большое внимание механизму наследования сталинской системой основных параметров прежней административно-бюрократической машины: «В аппарат приходят многие

“плеbei”. Пользуюсь этим термином преднамеренно, поскольку это люди из более или менее малообразованных классов, и в этом – сила режима и одновременно его слабость. Это кадры преданные, но не опытные, не профессиональные. Государственную машину, на первый взгляд, строили эти “плеbei” под руководством революционеров, а фактически – специалисты с дореволюционным опытом. Другого опыта не было никакого, поэтому практика, методы старых, авторитарных структур, бюрократическая традиция свободно переходят через революционный перевал»¹⁶.

«Мне сталинизм видится, – пишет он, – как еще одна – последняя – версия ярко выраженной аграрной сущности, когда политическая система сталкивается с сельским становым хребтом страны. В результате революционного перехода система вновь воплотилась в “аграрный деспотизм”, в котором “наверху” мифологизированный лидер и внизу более или менее зарегламентированное крестьянство – бесправная масса граждан, к которой примыкает сектор настоящего рабского труда. Картину завершает культурная контрреволюция и возвращение к примитивным идеологиям прошлого»¹⁷.

Я попытался показать, какие направления поиска приобрела в разные времена мысль такого блестящего интеллектуала, каким был Михаил Львович Левин, когда он стремился как-то разрешить для себя приблизительно те же проблемы, какие возникали в полемике среди участников обоих заседаний Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство». Хочется надеяться, что приведенные в статье умозаключения помогут коллегам-участникам дискуссий что-то для себя подтвердить, уточнить, скорректировать.

Библиография и примечания

¹ Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 59.

² Там же. С. 66.

³ *Севастьянов А. Н.* Реформы Александра Второго в оценке современников и потомков // <http://www.sevastianov.ru/prochie-statji/reformy-aleksandra-vtorogo-v-otsenke-sovremennikov-i-potomkov.html>.

⁴ См. об этом: *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С. 507–514.

⁵ *Бабашкин В. В.* Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные реакции с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2011. С. 70–79. (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

⁶ См.: *Сенчакова Л. Т.* Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

⁷ Цит. по: *Шаповалова Н. Е.* Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921–1927 гг.). Армавир, 2001. С. 34, 47.

⁸ *Литвак К. Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 200.

⁹ *Бердинских В.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 366–367.

¹⁰ *Lewin M.* Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975. P. 12.

¹¹ *Lewin M.* The Making of the Soviet System. N.Y., 1985.

¹² *Левин М.* Советский век. М., 2008.

¹³ *Lewin M.* Russia/USSR/Russia. The Drive and Drift of a Superstate. New York, 1995. P. 67.

¹⁴ *Lewin M.* Russia/USSR in Historical Motion: an Essay in Interpretation // The Russian Review. Vol. 50. No. 3. July 1991. P. 257–261.

¹⁵ См.: *Левин М.* Советский век... С. 257–258.

¹⁶ *Левин М.* Режимы и исторические процессы в России XX в. // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 6.

¹⁷ *Lewin M.* Russia/USSR/Russia... P. 316.

**О квазисословном статусе
колхозного крестьянства «сталинской» эпохи
(1930-е – начало 1950-х годов)**

Коллективизация, будучи первой попыткой «широкомасштабной социальной инженерии»¹, предпринятой большевиками, устранила традиционного крестьянина и поставила на его место крестьянина колхозного. В советский период сообщество работников коллективных хозяйств – колхозных крестьян или колхозников – определялось как один из двух классов советского общества, характеризующийся внутренним социально-экономическим единством. В частности, в известной речи И. В. Сталина о проекте новой Конституции СССР, произнесенной лидером компартии в ноябре 1936 г., утверждалось, что «советское [колхозное] крестьянство – это совершенно новое крестьянство... освобожденное от эксплуатации... оно базирует свою работу и свое достояние не на одиночном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике» и «в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда»². Тем самым, Сталин подчеркнул ведущие характеристики колхозного крестьянства: личную свободу и независимость, материальную обеспеченность, общественную собственность на средства производства и т. п. Все это легло в основу последующей советской историографии коллективизации и функционирования колхозной системы.

На постсоветском этапе научного осмысления коллективизации и ее итогов подобное определение колхозного крестьянства оценивается весьма критично. Исследователи указывают на факты имущественного или социального (вырастающего из профессионального) расслоения внутри колхозников, на то, что «запрет на

выдачу паспорта поставил колхозника в положение, сравнимое только с закрепощением»³, говорят о членах сельхозартелей как о «подневольных сельскохозяйственных работников»⁴ или, – как о рабах большевистского государства⁵, трудившихся в огосударственных сельскохозяйственных предприятиях, каковыми выступали колхозы.

Вышеприведенные трактовки колхозного крестьянства, появившиеся в постсоветский период, во многом правомерны, хотя и грешат определенной публицистичностью. Действительно, в процессе и по итогам коллективизации произошло фактическое закрепощение крестьян, которые, как известно, при введении с 1932 г. паспортов таковых не получили и могли покинуть сельскую местность лишь с разрешения колхозного начальства или местной администрации. Конечно, было бы явным преувеличением говорить о том, что в советской коллективизированной деревне полностью возродились порядки времен крепостничества. Не возникает сомнений, что провести знак равенства между крепостным крестьянином и крестьянином колхозным (даже таким, каким он был в «сталинскую» эпоху), нельзя. Колхозник представлял собой «совершенно особый тип сельского производителя»⁶ уже хотя бы потому, что в отличие от крепостного, был не только лишен свободы, но и отчужден от средств производства.

Все же, если рассматривать статус крепостного XVI–XVIII вв. и колхозника 1930-х гг. под углом зрения его основных обязанностей перед государством, то сходство будет явным. В этой связи, колхозное крестьянство может быть определено как тяглово-податное сословие (или, по крайней мере – квазисословие) сталинского государства, обязанное беспрекословно выполнять массу государственных повинностей, в том числе – финансировать индустриализацию страны и поставлять рабочих для промышленности.

Говоря о колхозном крестьянстве «сталинской» эпохи 1930-х – начала 1950-х гг. как сословию (квазисословию), мы

отнодь не впадаем в крайности. Конечно, с точки зрения ревнителей концепции прогресса подобные утверждения могут показаться не выдерживающими никакой критики, поскольку, по логике указанной концепции, советское общество далеко удалилось в развитии от эпохи феодализма. Однако, как проницательно заметил Н. Я. Эйдельман, «быстро скачущий XX век и колоссальные перемены в технике, внешнем образе жизни породили иллюзию, что на предков мы мало походим, что сравнение эпох уж очень «хромает», что дело это ненаучное и т. п. Сие, полагаем, есть заблуждение великое»⁷.

Действительно, заблуждение утверждать, что между советской эпохой и отечественным средневековьем нет связующих нитей. В жизни каждого государства и общества, в их экономике, социальной, политической сферах присутствуют цивилизационно обусловленные, уникальные доминанты (традиции), имеющие свойство возрождаться даже после самых радикальных переворотов, подобных Октябрю 1917 г. В ходе модернизации 1930-х гг. были восстановлены традиционные для России взаимоотношения между государством и обществом, в рамках которых первое понималось как субъект истории, а второе – как безвольный объект. Фактическое восстановление крепостной зависимости колхозников, придание им статуса сословия (квазисословия) стало одним из проявлений реанимации этих традиционных взаимоотношений между властью и народом в России (Советском Союзе).

Сословие определяется как «относительно замкнутая социальная группа, обладающая юридически закрепленной системой льгот и привилегий, выполняющая взамен определенные обязанности и имеющая в силу данных обстоятельств некоторые особенности культуры и быта»⁸. Обращаясь к колхозному крестьянству «сталинской» эпохи, мы найдем в его положении немало черт сословности. Вкратце отметим, что по сравнению с представителями других социальных групп и слоев советского общества колхозники обладали особым статусом, юридически

закрепленным. Важно отметить, что фактически труд в колхозах являлся наследственным, а наследственная передача прав и обязанностей также отличает членов сословия.

Будучи тяглово-податным квазисословием советского государства, колхозные крестьяне обладали определенными правами и обязанностями. Среди специфических сословных прав колхозников можно отметить следующие (не считая те права, которые колхозникам как гражданам СССР, давала Конституция 1936 г. – право на труд, образование и т. п.):

- право избирать и быть избранным в органы управления колхоза;

- право пользоваться участком земли, владеть личным подсобным хозяйством (ЛПХ) и распоряжаться произведенной в нем продукцией;

- право торговать на рынке произведенной в ЛПХ продукцией или продуктами, полученными от колхоза, когда на то имелось разрешение государственных органов;

- право на получение материальной помощи от колхоза в случаях временной потери нетрудоспособности;

- право на отход из колхоза, уход на временные работы;

- право отказаться от членства в колхозе и выйти из колхоза (если на то получено согласие общего собрания и правления).

Что касается обязанностей, то, первоочередной среди них выступала служба государству на, так сказать, экономическом фронте. От колхозников требовалось активно участвовать в общественном производстве и выполнять многочисленные обязательства перед государством. Определенный анализ сословных повинностей колхозного крестьянства выполнен в работах М. А. Безнина и Т. М. Димони, а В. П. Попов осветил состояние системы налогообложения крестьян в 1940-х гг.⁹ По мнению специалистов, можно говорить о законодательно закрепленных повинностях колхозного крестьянства, –

отработочной, натурально-продуктовой и денежной. Уточним дефиниции, определим их смысловые перспективы и конкретно-исторические параметры.

Отработочная повинность – это обязанность колхозника принимать участие в колхозном производстве. Поскольку же многие члены колхозов уклонялись от участия в общественном производстве, в мае 1939 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление о введении в колхозах обязательного минимума трудодней (различного для разных областей и краев СССР, но не свыше 100 трудодней). В годы Великой Отечественной войны минимум трудодней был увеличен до 150 трудодней, причем впервые предусматривался минимум трудодней и для подростков 12–16 лет (50 трудодней).

Натурально-продуктовая повинность заключалась в передаче колхозниками государству определенной части продукции, полученной ими в своих ЛПХ (кроме того, эта повинность выполнялась и опосредованно, путем участия колхозников в общественном производстве в коллективных хозяйствах; колхозы же за бесценок передавали государству продукцию, полученную в результате труда их членов). Формирование этой повинности началось в ходе коллективизации. Так, в апреле 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) было принято постановление «Об обязательных поставках зерна государству с приусадебных посевов колхозников», которым предусматривалось, что на колхозников распространяются те же нормы поставок, что были предусмотрены для единоличников. Подобные постановления, устанавливавшие порядок и размеры поставок, принимались и ранее, и позже. Кроме того, к числу повинностей можно отнести и гарнцевый сбор, то есть определенное количество зерна, которое колхозник должен был передать государству в качестве платы за помол принадлежащих ему зернопродуктов на мельнице. Учитывая, что частные мельницы в СССР в 1930-х гг. были объявлены вне закона, гарнцевый сбор представлял для государства важный источник зерна. Попытки же

колхозников молоть зерно на кустарно сделанных ручных мельницах пресекались, что сильно напоминает средневековые порядки, когда феодал принуждал крепостных молоть зерно на его мельнице за определенный процент.

Выполнение денежной повинности заключалось в выплате колхозниками ряда налогов. Основным являлся сельскохозяйственный налог, которым облагались хозяйства колхозников и их доходы. При установлении сельскохозяйственного налога учитывались все источники дохода колхозников, так что они должны были платить за каждую голову скота, за каждое дерево в саду. Помимо сельхозналога, на колхозников возлагались другие налоги, в частности, культсбор (сбор на финансирование тех или иных местных учреждений). Кроме того, государство изымало у жителей села определенную часть средств под видом обязательного окладного страхования или государственных займов.

К тому же, колхозники были обязаны принимать участие в строительных работах, лесозаготовках и торфоразработках, должны были предоставлять по требованию государственных органов гужевой транспорт и тягло и т. д. По сути, данная повинность мало, чем отличается от существовавших ранее, в досоветский период, – подводной (необходимость предоставления телег с лошадьми для выполнения различных работ), дорожной и пр.

Максимально полное использование государством потенциала и ресурсов деревни приводило к тому, что в результате положение села стремительно ухудшалось. Несмотря на все заверения Сталина о том, что «эксплуатация крестьянства исключена со стороны социалистического государства»¹⁰, в рассматриваемый период времени имела место именно эксплуатация крестьянства путем внеэкономического принуждения.

В качестве специфической обязанности колхозного крестьянства как квазисословия советского государства можно рассматривать участие членов колхозов в реализации

масштабных государственных планов, в том числе – планов индустриализации. Причем, участие крестьян в развитии промышленности нередко сопровождалось сменой наличествующего социального статуса и выхода из состава тяглово-податного квазисословия, перехода в состав городского пролетариата, советских служащих и пр. Данное обстоятельство может восприниматься как свидетельство, как контраргумент изложенному мнению, что колхозники представляли собой квазисословие. Но подобного рода возражения приняты быть не могут. На самом деле здесь налицо сословный признак, просто в данном случае имеет место превалирование интересов государства, которое ради развития промышленности сознательно ослабляло сословную замкнутость и выпускало крестьян за рамки квазисословия. Но само квазисословие сохранялось.

Лучшее доказательство в данном случае – обращение к материалам других модернизаций, и особенно петровской вестернизации, которая по целям и методам во многом походит на сталинские преобразования. Так, Петр I в одном из своих указов предписывал Сенату не возвращать помещикам беглых крестьян, которые устраивались на работу на фабриках и заводах. Император объяснял свое решение защитой интересов промышленности: «...понеже интересенты фабрик объявляют, что за тем в фабриках их чинится остановка: того для, по получении сего, объявите указ, чтоб до нашего возвращения, никому ни с которой фабрики учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся, не отдавали, и взятых возвратили. А в которой фабрике есть чьи беглые люди, то их только велите переписать»¹¹.

Показательно, что практически о том же говорил и Сталин 2 июля 1934 г. в речи на совещании в ЦК ВКП (б) по вопросам коллективизации, выступая против создания в коллективных хозяйствах неземледельческих подсобных предприятий и утверждая, что при наличии таких предприятий жизнь в колхозах станет лучше и тогда крестьяне не пойдут на фабрики и заводы, а «на

подземельные работы их и на аркане не затащишь»¹². В целях развития промышленности Сталин был готов даже выпустить часть колхозников за пределы деревни и за пределы квазисословия, пусть даже и в ущерб сельскому хозяйству и в противовес государственной политике закрепощения сельского населения, что и было закреплено законом.

Подытожим наши суждения. Сословный (квазисословный) статус колхозного крестьянства сохранялся на всем протяжении рассматриваемой «сталинской» эпохи. Впоследствии же, в 1960–1980-х гг., когда колхозники получили паспорта и право покинуть деревню, право на социальное обеспечение, когда они стали получать фиксированную зарплату, их социально-правовой статус приблизился к рабочим. Однако и в это время социальные трансформации населения колхозной деревни не были завершены, причиной чего стал распад СССР и попытки либерал-радикалов осуществить модернизацию аграрной сферы. Все это привело к жестокому кризису колхозно-совхозной системы (а затем – к ее разрушению) и утрате работниками коллективных хозяйств четкого социального облика.

Библиография

¹ Данилов В. П., Маннинг Р., Виола Л. Трагедия советской деревни (Предисловие к сборнику документов и материалов) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. М., 1999. С. 7.

² Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1945. С. 511–512.

³ Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 45.

⁴ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар [Из выступления Н. А. Ивницкого] // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 60.

⁵ *Никольский С. А.* Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник.* 1997. М., 1997. С. 228.

⁶ *Данилова Л. В.* Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник.* 1997. М., 1997. С. 23.

⁷ *Эйдельман Н. Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 23.

⁸ *Казачий Дон. Очерки истории.* Ч. I / под ред. А. П. Скорика. Ростов н/Д., 1995. С. 53.

⁹ См.: *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.).* Материалы международной конференции. М., 1996. С. 155–166; *Их же.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // *Отечественная история.* 2002. № 2. С. 96–111; *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // *Социс.* 1997. № 2. С. 95–115.

¹⁰ *Сталин И. В.* Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь на пленуме ЦК ВКП (б) 9 июля 1928 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 11. М., 1953. С. 160.

¹¹ Указ от 18 июля 1722 года // *Сборник документов по истории СССР. Ч. V. XVIII век* / под ред. В. В. Мавродина. М., 1973. С. 53–54.

¹² Из выступления И. В. Сталина на совещании в ЦК ВКП (б) по вопросам коллективизации. 2 июля 1934 г. // *Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 т. 1927–1939.* Т. 4. 1934–1936 / отв. ред. Ю. Мошков. М., 2002. С. 188.

**Аграрная модернизация советского образца:
Полемиические заметки**

Простудировав материалы «круглого стола» (Первого Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство», Москва, 22 мая 2012 г. – *Прим. ред.*) с удовлетворением замечая, что замысел руководителей научного проекта («Народ и власть: История России и ее фальсификации» – *Прим. ред.*) реализовался. В работу были вовлечены авторитетные специалисты. В собранных Сергеем Юрьевичем Разиным и Павлом Петровичем Марченя текстах коллеги используют результаты своих многолетних исследований, в результате чего проблема «Сталинизм и крестьянство» раскрывается широко и многогранно, на основании большого фактического материала, ценных наблюдений и глубоких размышлений, новых методологических подходов¹.

Методологические аспекты темы я и хочу прежде всего затронуть.

С недавних пор советскую политику преобразования страны принято называть «модернизацией». Тем самым вместо непопулярного ныне формационного подчеркивается общецивилизационный смысл социалистических преобразований. Насколько методологически в соответствии с утвердившейся в науке цивилизационной парадигмой «модерности» корректно применение термина? Безусловно, политика большевиков была направлена на модернизацию российского общества, и по ряду фундаментальных позиций последняя радикально осуществлялась – урбанизация, индустриализация, секуляризация. Методологические коллизии начинаются, если иметь в виду более широкий, концептуально-мировоззренческий смысл модернизации. А это переход от традиционного общества к «современному»,

к «модерности», что подразумевает формирование гражданского общества, разделение властей, политический плюрализм и конкурентную избирательную систему, развитие рыночных отношений и утверждение института частной собственности.

В этом отношении материалы «круглого стола» рисуют прямо противоположную картину. Начнем с гражданского общества. Революция пробудила к общественно-политической жизни миллионы и миллионы людей. Революционная «стихия», которую принято клеймить со всех сторон, породила разнообразные формы социального творчества, выразившегося в создании многочисленных самодельных объединений и самостоятельных общественных организаций. Всем этим элементам формировавшегося гражданского общества уготован был трагический финал, и занавес для многих опустился в год коллективизации, неслучайно названный годом Великого Перелома. Другим, вроде советов и профсоюзов, было суждено обюрократиться и превратиться в «приводной ремень» большевистской диктатуры.

Не буду, как призывают организаторы «круглого стола», касаться «нарушения социалистической законности». Хочу обратить внимание на то, что сама эта законность была шагом назад в стране, где уже утвердились независимое судопроизводство, суд присяжных, состязательность сторон. Революция 1905 г. вызвала к жизни Государственную Думу, в стране начал формироваться парламентаризм; и это было, заметим – завоеванием массового революционного движения (а не некими «происками западного либерализма»). Широкий отклик в стране после Февральской революции нашли выборы в Учредительное собрание.

С парламентаризмом и свободными выборами большевики тоже покончили. Можно какими угодно благими целями оправдывать эти действия Советской власти, но, очевидно, к торжеству модерности их отнести нельзя. Хочу подчеркнуть в дополнение, что это был не только контрмодернизационный, но и контрреволюционный

– по отношению к первым этапам Великой русской революции – проект.

Модернизация, как переход от традиционного общества к модерности, включает разрыв с натуральным хозяйством и развитие товарно-денежных отношений, а соответственно обеспечение этих отношений утверждением права собственности. И здесь все обстояло ровно наоборот. Заслуживает внимание и то обстоятельство, что предметом особой ненависти власти («демонизации» по М. М. Кудюкиной) сделался субъект рыночных отношений, так называемое кулачество, которое к Октябрю 1917 г. уже представляло многочисленный слой товаропроизводителей в деревне².

Можно, наверное, оставить по отношению к политике Советской власти в интересующий нас сталинский период прижившийся термин «модернизация», но с необходимой квалификацией. При этом мне представляется совершенно недостаточным указание лишь на формы, в которые она вылилась – «форсированная» (С. Ю. Разин, Е. И. Демидова) или даже «насильственная» (О. Г. Буховец). Требуется определить ее суть – цели и результаты. Я бы предпочел говорить о модернизации «односторонней», «частичной» и даже «уродливой». Это слово приходит на ум, если анализируешь «социокультурную модернизацию» (спасибо Демидовой за то, что подняла вопрос).

Верно подчеркнуто выдающееся значение «культурной революции» в искоренении неграмотности, в распространении современных средств информации, особенно радиофикации и кинофикации деревни. Вместе с тем содержанием культуртрегерского процесса, не следует забывать, было внедрение в крестьянское сознание специфических идеологем в духе неизбывной классовой ненависти.

Особо следует сказать о воинствующем атеизме. Напрасно Н. В. Асонов упрекает культуру Запада в «обезбоженности». Ни в одной из модернизовавшихся

стран Запада секуляризация в конце концов не дошла до искоренения религиозности. Это «инновация» большевизма. И объясняется она тем, что русские коммунисты решили заменить государственную религию государственной идеологией с той же функцией монопольного контроля над духовной сферой.

Прав Асонов, указывая на подрыв преемственности поколений в российском обществе. Но и здесь его упреки не по адресу, достаточно вспомнить, например, сталинскую политику в отношении такого устоя крестьянской жизни, как семья. Когда говорят – и совершенно правильно – об использовании Советской властью внутрикрестьянских противоречий, следует добавлять, что этот курс затрагивал и внутрисемейную сферу. «Комплекс Павлика Морозова» и навязывание детям отказа от своих отцов – это и есть политика, порождавшая «не помнящих родства».

Была ли альтернатива советской модернизации сталинского образца? Не будем входить в область гадательных предположений. Ограничимся сравнением двух вождей: исторического Ленина и того, кого в 30-х назовут «Ленин сегодня». И. А. Анфертьев подмечает, какое влияние на сталинскую стратегию в отношении крестьянства оказывала борьба генсека за личную власть. Ленинский авторитет в правящей партии был бесспорным, чего нельзя сказать о его преемнике, пока к концу 1930-х гг. культ личности не утвердился окончательно. Точно заметил исследователь «феномена Сталина»: генезис советской системы – это «путь Сталина к власти, борьба за нее»³.

Очень серьезные сомнения у меня вызывает объяснение «издержек» модернизации по-советски исключительно объективными обстоятельствами. Бесспорно влияние внешнего фактора. Но что тут было реальностью, а что мифологемами? В сознании советских людей чем дальше, тем больше – кто станет возражать – внедрялся страх перед враждебным окружением (мифологема «осажденной крепости»). К тому же в «подкорке» современного человека, и исследователь не исключение,

прочно угнездился фатализм дат. Мы хорошо знаем, что период между двумя мировыми войнами длился всего два десятилетия, и от этого «финализма» умозаключаем о некоей предначертанности трагического конца периода.

Между тем эволюция международных отношений в межвоенный период отнюдь не была улицей с односторонним движением. С середины 1920-х гг. укреплялось международное положение Страны Советов, нормализовались дипломатические отношения, интенсивными были, как под совершенно неожиданным ракурсом напомнил В. В. Кондрашин, экономические связи. Страны-победительницы Великобритания, Франция, США полагали, что Версальская система «всерьез и надолго». В этих странах очень сильны были пацифистские настроения. Они не исчерпались даже перед натиском фашистской Германии. И тоже «медицинский факт»: Гитлер пришел к власти лишь в 1933 г., коллективизация со всеми ее «перегибами» к тому времени уже состоялась.

Еще сложнее обстоит дело с объяснением «крутизны» И. В. Сталина фактором Гражданской войны. Помню после разоблачения культа личности одна райкомовская дама в Ленинграде говорила по поводу репрессий: Ну что вы хотите? Сталин стал жертвой культа личности. И, между прочим, в ее словах была частица истины. Однако, кроме объективных обстоятельств и роли среды, важна роль собственно субъекта, его личностная природа.

Можно назвать сталинизм «продуктом» гражданской войны, поскольку все мировоззренческое формирование Сталина-революционера было «заточено» на гражданскую войну. Полувоенная форма сталинских соратников, знаменитая, по преданию «боевая», шинель самого вождя (по контрасту с «цивильным» костюмом Ильича) подчеркивали их происхождение из Гражданской войны. Но никак не соглашусь с ее пролонгированием, с формулировкой «латентных форм» гражданской войны (С. Ю. Разин). Последняя и есть *открытая* форма

проявления классовых (или религиозных, например) антагонизмов. Можно говорить о НЭПе как о времени классовой борьбы, но называть его периодом гражданской войны было бы некорректно.

«Объявлением» гражданской войны стал именно курс на коллективизацию. И роль репрессивных органов, и крестьянское сопротивление, о котором с цифрами в руках повествует В. В. Кондрашин, тому очевидное свидетельство. «Сталин – это идеолог перманентной гражданской войны», – утверждает А. М. Никулин, ссылаясь на тезис обострения классовой борьбы в период строительства социализма. Но к самой идее вождь пришел десятилетием раньше, когда в «относительно вегетарианский» период НЭПа вразрез с идеологическими установками этого курса стал доказывать, что весь обозримый период строительства нового общества будет временем «насильственной революции»⁴.

Конечно, Сталин был искусственным прагматиком, и его стратегический курс менялся радикально; но фирменным «почерком» оставался собственно радикализм. На крутых поворотах советской истории, когда в полный рост вставала проблема выбора вариантов, различима та самая «грубость», малокультурность, которую Ленин считал основным и недопустимым для политического лидера пороком.

Между тем в стиле самого Ленина В. В. Зверев отмечает поиск «социальных амортизаторов». Введение НЭПа, вопреки настроениям партийного большинства и коммунистической догматике, говорит само за себя. Можно в таком плане размышлять и о перспективах сельской кооперации как *добровольного* объединения «мелких и средних производителей» (В. В. Зверев). Признаю, что Ленин полагался на метод убеждения крестьянства: красноречива его фраза о «50 тысячах тракторов», которые могли бы стать решающим аргументом в переходе крестьян к новому укладу жизни.

И все же для меня очевидно, что курс «раскрестьянивания», который беспощадным (антиленинским,

по В. В. Кондрашину) способом осуществился в сталинской коллективизации, соответствовал исходным марксистско-ленинским принципам отношения к крестьянству. При оговорках Ленина, что все свойства крестьянина, его «две души» («собственника» и «труженика») в «живой жизни... слиты в одно целое»⁵, должен был по коммунистической идее восторжествовать строй «рабочников на земле». Подобная пролетаризация была бы «самоубийством» для крестьян, как откровенно писали большевики-аграрники в 20-х гг., и я очень сомневаюсь, чтобы российское крестьянство в своей массе «мелких и средних производителей» добровольно пошло на этот шаг.

Хочу обратить внимание коллег на то, что коллективизация была катастрофическим разрывом с той кооперацией, что осуществлялась в предреволюционной деревне. Отражая развитие национального рынка и утверждение товарно-денежных отношений в аграрной сфере, в России невиданными в мире темпами росла кредитная, снабженческо-сбытовая и производственная кооперация. Но это было взаимодействие хозяйствующих субъектов в образе индивидуальных крестьянских хозяйств. Коллективизация вместо того, чтобы стать в соответствии с одним из лозунгов «строим цивилизованных кооператоров», уничтожила, за некоторыми исключениями (о которых упоминал А. П. Скорик), существовавшие формы кооперации заодно с самими кооператорами и ее идеологами (пример – судьба А. В. Чайнова и всей организационно-производственной школы).

Я хорошо понимаю позицию В. В. Кондрашина, последовательного ученика и продолжателя дела В. П. Данилова, который был принципиальным критиком коллективизации как формы социалистического преобразования деревни. И все же не могу не поспорить с Виктором Викторовичем, как в свое время доводилось спорить с Виктором Петровичем. Не обошлось, впрочем, в критике Кондрашина без недоразумения. Разумеется, колхоз был и экономической ячейкой, и я с благодарностью

принимаю поправку А. И. Колганова относительно логики перехода от политики «принудительного изъятия хлеба» к механизму «принудительного его производства», реализовавшемуся в создании колхозов. Функция управления сельской Россией, которую я ставлю на первый план, подразумевала управление трудовыми и земельными ресурсами страны.

В. В. Зверев тонко подмечает, анализируя послевоенные постановления ЦК по сельскому хозяйству, что с «административной точки зрения» все «четко расписано». А «экономических моментов, связанных с подъемом производительности труда и стимулированием материальной заинтересованности крестьянства» не было. И это понятно: колхоз, оставаясь экономическим институтом, одновременно был органом внеэкономического принуждения («приневоливание», как говорили крестьяне, «экономика принуждения», по А. С. Есикову, «Агроулаг», по В. А. Ильиных, или «Второе крепостное право», о чем говорили Н. Л. Рогалина и А. В. Чертищев).

У меня вызывает сомнение тезис, что колхозы «сами по себе» были эффективной формой организации производства и «их нужно было только освободить от чрезмерной дани». Выкачивая задешево продукцию, советское государство с 30-х гг. немало и вкладывало в сельское хозяйство. У меня нет под руками статистических расчетов этого баланса, но уверен, что поддержание колхозного производства изначально дорого обходилось Советской власти.

При «развитом социализме» материальное положение сельского населения стало, прав Кондрашин, улучшаться. Но за счет ли лучшей организации собственно производства? Пошли большие деньги, инвестиции в химизацию, мелиорацию, механизацию. Крестьяне стали получать пенсии, их стали селить в блочные дома со всеми удобствами и без всякого приусадебного хозяйства. Агрокорода! Утвердился строй «работников на земле», уничтожалась противоположность между городом и

деревней, аграрный труд становился разновидностью труда индустриального...

Хорошо известны экологические, экономические и социальные последствия торжества коммунистической доктрины. Крестьянин, «освобожденный» от хозяйствования, оказался неважным работником. Рост иждивенчества и морально-психологическая деградация, выразившаяся в эпидемическом пьянстве, стали не последними в ряду разительного расхождения теории с жизнью.

Охотно соглашусь с Кондрашиным, что следует различать периоды колхозной истории. Серьезным фактором, бесспорно, являлось различие природных условий, значимой оказывалась роль руководителей, их положение в номенклатуре и административные связи. Стоит, нет сомнения, изучать историю «маяков», колхозов-миллионеров, весьма драматическую между прочим и порой с трагическим финалом для руководителей.

А у меня перед глазами сельское убожество середины 50-х гг. в Ленинградской области. Приехавший с инспекцией Н. С. Хрущев выговаривал местным руководителям: у финнов Карельский перешеек был житницей страны, а у вас... Упрек, понятно, был риторическим. «Каптенармус» нашей студенческой бригады удивлялся: Что это за магическое слово – «колхоз»? Нет лопат – так это «колхоз». Нет продовольствия – так это ведь «колхоз». В представлениях кадров, может быть это касается только Нечерноземья, колхозы были дискредитированы, и очень многие после войны ожидали их роспуска.

Потом для меня была целина – совхоз Сталинградский Ленинградского района Кокчетавской области. На «линейке готовности» бригады около полусотни комбайнов, свезенных за тысячи верст. Работают пять-шесть машин, которые регулярно чинятся: комбайнеры добывают нужные детали, раскурочивая бездействующие. А еще в глазах картинки «развитого социализма»: вереница автобусов с сотрудниками учреждений Черемушкинского

района, отправляющимися за 100 км в подшефные Озеры покочиваться пару часов, добывая палками и каблуками картошку, вывернутую кое как незадачливым «механизатором» (оплата «от колеса»). Ученые Института экономики (пребывавшие среди «шефов») делились своими выводами, что «у нас экономика действует вопреки всем экономическим законам». Чем закончилось пренебрежение экономическими законами, хорошо известно.

Библиография

¹ *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. М., 2013. С. 386–440 (http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf).

² См.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.

³ *Фурсов А. И.* Феномен Сталина как один из ключей к пониманию советской системы // И. В. Сталин: Миф, осмысление, преодоление. М., 2003. С. 52.

⁴ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11 изд. М., 1945. С. 113.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 39. С. 277; Т. 40. С. 307.

**Борьба по крестьянскому вопросу
в большевистском руководстве:
Геополитический аспект**

Изучение исторического опыта, его ошибок и достижений, является неотъемлемой частью процесса выработки нового стратегического курса развития. В этом контексте актуальным становится исследование переломных этапов истории.

Необходимость модернизации в аграрной России заставила руководство страны решать в середине 20-х гг. XX в. вопрос о том, какими темпами вести индустриализацию и как приспособить крестьянство к новым условиям. Эта проблема с особой остротой встала на XIV съезде ВКП (б).

Во многом внутренняя политика большевиков зависела от международного положения. Заключение Локарнских соглашений изменило геополитическую ситуацию в Европе. Важный стратегический союзник Советской России – Германия постепенно перетягивалась великими державами в стан западноевропейских государств. Пересмотр Версальской системы, как считали большевики, должен был произойти за счет стран Восточной Европы и СССР. В этих условиях в ВКП (б) четко проявились два лагеря: «правый» и «левый». Крупное столкновение между ними произошло в 1925 г., когда остро встал вопрос о направлении движения в условиях надвигающейся международной изоляции. Борьба на XIV съезде партии по вопросу о возможности построения социализма в одной стране, по сути, была борьбой за различные модели общественного развития, за опору на разные социальные слои. Коммунистическая партия, оставшись единственной политической силой в стране, вынуждена была, в той или иной мере, учитывать интересы всех слоев населения, в том

числе и кулачества, и новой буржуазии. Правое крыло, в которое входили Бухарин, Рыков и поддержавший их Сталин, выступало за сохранение мира и улучшение отношений с державами-победительницами. Такая позиция требовала уступок со стороны советского руководства: расширения НЭПа, изменения идеологических установок, отмены монополии внешней торговли, экономических и политических действий в пользу буржуазии и крупного крестьянства, демократизации общества. В этот период оказалась особенно востребованной бухаринская теория, рассматривающая нэп как модель социализма с опорой на пролетариат и все крестьянство, при условии сохранения «диктатуры пролетариата»¹. В экономическом плане эта концепция совпадала с западной социал-демократической моделью. Но диаметрально отличалась в политической области, так как отрицала парламентскую демократию. Углубление социализма в сельском хозяйстве должно было произойти за счет развития добровольной кооперации крестьянства. Требование западных политиков демократизировать общество и допустить оппозиционные партии к власти, было подменено расширением прав кулачества в рамках советской системы. По мнению оппозиции, в дальнейшем эти процессы могли привести либо к установлению бонапартизма, либо вообще к ликвидации советов.

Бухаринская концепция развития социализма на путях НЭПа в условиях диктатуры была дополнена сталинской теорией социализма в одной стране. Сталин делал упор на изолированное развитие российской экономики, осуществление индустриализации собственными силами и преимущественное развитие тяжелой промышленности. В 1925 г. будущий «вождь народов» еще рассчитывал на получение западных кредитов и был противником второй революции в деревне и ликвидации кулачества как класса. Его центристскую позицию сближало с «правыми» стремление удержать страну в рамках мирного развития и неприятие идеи форсирования мировой

революции, то есть революционной войны. В целом это была попытка со стороны сталинско-бухаринского большинства путем определенных уступок Западу в середине 20-х гг. интегрироваться на приемлемых для СССР условиях в Версальскую систему и получить кредиты на развитие.

Угроза ликвидации Коминтерна, отход от ортодоксальной марксистской концепции и опасение потерять свое влияние в партии заставили активизироваться ту часть большевистского руководства, которая делала ставку на ликвидацию сложившегося мирового порядка и скорейшее развитие мировой революции. От их имени на XIV съезде выступили Зиновьев, Каменев, Крупская и Сокольников. Оппозиционеры рассматривали НЭП как госкапитализм и видели в бухаринской идее угрозу перерождения Советской власти. Расширение НЭПа в деревне, говорил Зиновьев, ведет к расширению НЭПа в городе, а отсюда к новому этапу госкапитализма, необходимости новых уступок кулачеству, денационализации земли и т. д. «Вопрос стоит не так: построили ли мы уже социализм или не построили, – заявил лидер Коминтерна, – (ясно, что пока еще не построили), а суть его заключается в том, удержим ли подступы, пути к социализму в обстановке преобладания мелкого и мельчайшего крестьянства, в обстановке, из которой мы выбраться не можем»².

Выход оппозиция видела в форсировании мировой революции, в ускоренном развитии промышленности, в опоре на пролетариат и беднейшие слои деревни, в нейтрализации середняка и изоляции кулака, окружении его хозяйственными мерами и налогами, в отмене уступок в области найма и аренды. В вопросе об индустриализации мнения оппозиции разделились. Большая часть, левая, выступала за изыскание средств на подъем промышленности за счет повышенного налогообложения богатого крестьянства и нэпманов. Сокольников же, отражая взгляды правого крыла в оппозиции, напротив, предлагал вложить

деньги в сельское хозяйство, стимулировать крестьянство путем покупки промышленных товаров за рубежом, чтобы потом за счет продажи сельскохозяйственной продукции на мировом рынке получить средства на индустриализацию. Объединяло же левых и правых оппозиционеров общее стремление ликвидировать режим личной власти Сталина.

На XIV съезде оппозиция все же пошла на ряд уступок. Устами Каменева она предложила рассматривать нэп как переходный строй от капитализма к социализму, согласилась взять курс не на изоляцию середняка, а на союз с ним. Произошел отказ от «второй революции против кулачества». Были отвергнуты методы военного коммунизма в отношении крестьянства. Повернуть крестьянство к социализму предполагалось за счет развития промышленности и культурной революции.

В свою очередь уступило и сталинское большинство. Бухаринский лозунг «обогащайтесь» был осужден съездом, взят курс на изоляцию кулака, развитие кооперации и промышленного производства. Ставилась задача превращения страны аграрной в страну индустриальную. Источниками накопления были признаны: строжайшая экономия государственных средств; увеличение скорости оборота промышленности, торговли; повышение производительности сельского хозяйства за счет механизации и кооперации.

В целом, оппозиции удалось добиться отказа правящего большинства от сильного уклонения вправо в теории и практике. Временный компромисс был найден, тем более что намечалась новая волна революционных выступлений в Китае и Англии. Была провозглашена центристская линия.

В резолюции съезда осуждались и «правый», и «левый» уклон в ВКП (б). Но левый был признан более вредным. «Съезд решительно осуждает уклон, – говорится в документе, – состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической

эксплуатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплуататорских стремлений, не видящий обязанности для партии пролетариата организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним.

Но в то же время съезд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка как центральную фигуру земледелия и о кооперации как основной организационной форме движения деревни к социализму.

Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. ... Тем более что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы»³.

В лице середняка ВКП (б) в 1925 г. стремилась создать прочную базу Советской власти в деревне. В материалах форума были закреплены серьезные уступки крестьянству: «Съезд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством»⁴.

Этот поворот во внутренней политике СССР мог бы оказаться более устойчивым, если бы западные страны пошли на уступки и предоставили бы кредиты на развитие советской экономики. Но геополитические интересы двух идеологических систем оказались сильнее идеи сотрудничества. Внешнее давление и последующая экономическая блокада заставили коммунистическое руководство вновь повернуть влево.

Библиография

¹ РГАСПИ. Ф. 491. Д. 28. Оп. 1. Л. 50–51.

² XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б).
Стенографический отчет. М.-Л., 1926. С. 115.

³ Там же. С. 961.

⁴ Там же.

Крестьянство и власть накануне коллективизации

В течение нескольких десятилетий историография тиражировала созданный властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе НЭПа продовольственной проблемы. Правительство даже пыталось оправдать улучшением продовольственного положения сельского населения кризисные явления на хлебном рынке.

НЭП никогда не был «крестьянским раем». Недоедание, голод в 1924–1925 гг., аграрное перенаселение – вот его постоянные спутники. Причины подобного явления лежали в низком уровне сельскохозяйственного производства, который в свою очередь, определялся господством в деревне мелкотоварного индивидуального крестьянского хозяйства. Господствовавшие в годы НЭПа единоличные крестьянские хозяйства достигли предела своего развития с точки зрения товарности и потребностей начавшейся индустриализацией СССР.

Необходимо рассмотреть положение в аграрном секторе советской экономики накануне коллективизации.

Глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства оказала аграрная революция. Уравнительное перераспределение земли и ежегодные внутринадельные переделы, не решив проблемы земельного голода и не удовлетворив большинства крестьян, сохраняли и углубляли неустойчивость крестьянского землепользования. Традиционное вмешательство государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности, слишком обременительной для крестьян. Кроме того, в годы военного коммунизма заметно выросло бремя различных натуральных повинностей, которые отрицательно сказались на производственной деятельности крестьянских хозяйств, вынуждая их сокращать посевы, менять структуру посевных

площадей в пользу культур для собственного потребления, сводить до минимума посевы технических культур. Последнее отрицательно сказывалось и на крестьянском животноводстве (хотя оно и не играло такой важной роли в производственной деятельности хозяйств, как производство зерновых).

Продразверстка превратилась в преимущественно одностороннюю форму связи города с деревней. Сказывались и негативные последствия первой попытки социалистической перестройки сельского хозяйства. В итоге неокрепшие ростки рыночно ориентированных хозяйств были практически уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкалась рамками натурального производства.

Таким образом, события аграрной революции 1917–1921 гг. отбросили крестьянское хозяйство по основным показателям на несколько десятков лет назад – на уровень 1880-х гг., и в этом смысле можно говорить об архаизации хозяйства.

Явления архаизации в послереволюционной деревне были связаны и с возрождением общины в крестьянской среде, и с установлением диктаторского правления одной политической партии. Общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение, прежде всего, в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм собственности. В духовном мире и ментальности сельского общества и до революции и, тем более, после нее, не было той расколотости, которая характерна для обществ рыночной цивилизации. Общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти. Это

в огромной степени облегчило повсеместное утверждение власти советов.

Революционная диктатура, осуществлявшаяся через систему советов, не исключала местного самоуправления, по крайней мере, до конца 1920-х гг., когда сталинская «революция сверху» превратила все органы власти в исполнительные органы командно-репрессивной диктатуры новой бюрократии.

Неоднократные попытки большевистского режима распространить свою монополию на хозяйственный уклад единоличной деревни нейтрализовались яростным сопротивлением последней, хотя бы и ценой постепенного разрушения производительных сил своих хозяйств.

Крестьянство даже в крайне неблагоприятные моменты противостояния политике военного коммунизма заставляло считаться с собой, о чем свидетельствовали постоянные маневры и готовность властей идти на уступки долговременного характера единоличной деревне. Особенно это проявилось на рубеже 1920–1921 гг., когда крестьянство превратилось в «осажденную крепость» по отношению к большевистской власти и вынудило ее осуществить маневр, выходящий за рамки традиционной политики военного коммунизма. Крестьянство расценило этот шаг властей как свою серьезную победу, дающую перспективу постепенного изменения стратегического курса центра. Уступки Советской власти весной 1921 г. перевели соперничество сторон в вопросе обустройства России на новый уровень (в сферу рыночной экономики) и в новые исторические условия – период долговременной «мирной передышки» (НЭП), наступившей поле окончания гражданской войны.

Безусловно, небольшая доза частной инициативы и конкуренции, сознательно допущенная большевиками перед лицом реальной голодной катастрофы и страха потери государственной власти, оказалась достаточной, чтобы наладить элементарные основы хозяйственного быта. Восстановление целиком легло на плечи крестьянства, вынесшего основную часть налогового бремени, крайне

неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, выложившего за обесцененные деньги реальные товары и т. д.

Неравноценное, но все же сотрудничество государства с частным хозяйством базировалось на хозяйственной устойчивости мелкого крестьянского производства, его тяги к труду, способности к невероятной экономии и громадной силе сопротивления разрушительным влияниям. Однако и его резервы и возможности были не беспредельными.

Основная тяжесть налогообложения легла на зажиточную часть деревни, хотя именно она давала стране большую часть товарного хлеба. Действовавшая налоговая система ослабляла деловую активность единоличников вместо того, чтобы превратить ее в настоящую потребность каждого крестьянского хозяйства вне зависимости от его социальной категории.

Кроме того, деструктивная политика государства не могла не затронуть поземельные отношения. Здесь традиционно сталкивались интересы различных слоев сельского общества. С одной стороны, именно в этой сфере лежала перспектива развития индивидуального предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, усиленно регламентируя правила землепользования, аренды, субаренды, условия найма рабочей силы, могло не дать (и не давало) такому хозяйству возможностей для роста. Лишение наиболее активной части крестьян кредита для производства землеустроительных работ, способствовало развитию бедняцких хозяйств. В итоге наиболее инициативные крестьяне теряли уверенность в завтрашнем дне, сокращали производство ценной сельскохозяйственной продукции, зачастую утрачивали традиционные жизненные ориентиры.

Восстановительный процесс носил частичный и ущербный характер из-за измельчания и низкой доходности крестьянских хозяйств, падения их денежности и товарности. Росли аграрное перенаселение, малоземелье и

деревенская безработица, усилился натурально-потребительский тип крестьянских хозяйств и резко сократился производящий, рыночный. Все это нельзя объяснить кулацкой эксплуатацией, а приходится связывать с хозяйственными и политическими условиями послереволюционного времени, в том числе НЭПа.

Крестьянский менталитет, с одной стороны, и доктринальные установки с другой, не давали рынку, как и НЭПу в целом, шансов утвердиться «всерьез и надолго». НЭП вводился с опозданием, фрагментарно, без твердых правовых гарантий. Само поле, выделенное НЭПу в целях восстановления, было принципиально половинчато. Национализация земли, монополия внешней торговли, краткосрочная аренда, частые земельные переделы, прогрессивная шкала налогового обложения (вместо пропорциональных налогов) и многое другое, – это такие тормоза, которые существенно снижали и ограничивали эффективность крестьянского производства и восстановительных процессов.

Государство взяло на себя непосильные функции связывания экономики в единое целое. В распоряжении государства было два регулятора: рыночный и властный, а постоянные кризисы развивались, как попытки вернуть обратно «уступленное НЭПу», усилить перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Ухудшение общих условий обмена между двумя отраслями народного хозяйства в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом говорило о неспособности, как общества, так и государства разрешить назревшие противоречия.

Система, построенная на искусственно дешевом хлебе, неспособная разрешить главной проблемы, – накопления капиталов для модернизации экономики, носила переходный характер. Она с неизбежностью должна была трансформироваться: либо, восстановив преемственность в экономической эволюции с дореволюционным временем через рост крупных товарных хозяйств, изменений найма-

сдачи земли, рабочей силы и средств производства, и т. д., либо превратиться в более последовательную «экономiku принуждения», что, в конечном итоге, и произошло.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в силу действия рассмотренных внутренних и внешних факторов крестьянское хозяйство, несмотря на крайнее напряжение собственных сил, находилось в состоянии стагнации, застоя, носило в целом натурально-потребительский характер. XV съезд ВКП (б) выработал единую политику советского руководства по отношению к сельскому хозяйству – курс на упразднение индивидуального товарного хозяйства и на коллективизацию. После съезда был принят целый ряд постановлений, призванных стимулировать коллективное земледелие, ограничить развитие единоличных, в первую очередь зажиточных хозяйств, оказывая материальную поддержку бедняцким слоям. Проводившаяся политика в целом носила запретительный характер, сковывала крестьянское производство, искусственно создавала ситуацию аграрного кризиса и трудностей в хлебозаготовках, что, в свою очередь, являлось одним из объективных ускорителей перехода к сплошной коллективизации. В таком положении нельзя было и думать о дальнейшем поступательном развитии страны. Крестьянскому хозяйству нужна была реальная помощь и время. Взяв курс на сплошную коллективизацию, сталинское руководство отчетливо оценивало ситуацию, сложившуюся в крестьянском хозяйстве страны, но избрало именно этот радикальный путь преобразования последнего.

Исследователи справедливо отмечают, что в 1928–1929 гг. сталинское руководство проводило последовательную политику по вытеснению из сельской экономики и общественной жизни «кулака». С этой целью резко повышались налоги и обязательные сборы на зажиточных крестьян, «кулаков» лишали избирательных прав, выдавливали их из кооперации различных крестьянских объединений.

Одновременно во всех сельских организациях укреплялась роль коммунистов и бедноты, сводились к минимуму функции сельской общины. На первый взгляд может показаться, что сталинское руководство имело некий план, по которому строго действовало, и его логическим завершением была сплошная коллективизация на базе ликвидации «кулачества как класса» в начале 1930 г. В действительности такого плана не существовало. Непосредственная подготовка к сплошной коллективизации и раскулачивания была проведена в спешке в течение одного месяца (работа комиссии Политбюро ЦК Я. А. Яковлева с подкомиссией по «кулаку» К. Е. Баумена, В. М. Молотова).

ОТВЕТЫ НА ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»*

**Прим. ред.: имеются в виду вопросы Второго Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство», (Коломна, 3 октября 2013 г.): 1) Насколько феномен сталинизма связан с особенностями российского крестьянства и природой «крестьянского вопроса» в отечественной истории? Как можно оценить политику сталинского режима в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России? 2) Насколько Советская империя было чужда по отношению к крестьянской общине – и насколько она воспроизводила традиционные черты общинной модели? В какой связи находились процессы «окрестьянивания» и «раскрестьянивания» в истории советской России? 3) Насколько крестьяноведение представляется продуктивным в контексте современного российеведения вообще – и осмысления феномена сталинизма в частности? Какие объяснительные схемы, трактовки и подходы в исследовании этой проблемы наиболее перспективны?*

(Ответы на эти вопросы С. А. и М. М. Есиковыми даны заочно, в письменной форме)

1) Феномен сталинизма тесно связан с особенностями российской деревни. Основой сталинизма стал укоренившийся в ней патернализм. Социальную базу сталинизма в советской деревне составляла сельская бюрократия и часть поддерживавшей ее бедноты и середняков, особенно молодого поколения.

Феномен сталинизма доказывает, что в истории России огромную роль играл, и будет играть субъективный фактор, личность руководителя: царя, генерального секретаря, президента и т. д. Это связано с характером власти, централизованной и жесткой в силу исторической традиции, порожденной объективными причинами (огромной территорией страны, многонациональным составом населения, фактором внешней угрозы).

Свой тиранизм Сталин унаследовал от аграрного прошлого, который давил на него всеми своими проявлениями с такой же силой, с какой приходилось преодолевать его в ходе индустриальных преобразований. Поэтому он неизбежно должен был воплотить в себе не только цезаризм российских императоров, но и вождизм народных масс.

2) Отношение Советской власти к крестьянской общине было двойственным. Власть использовала некоторые элементы общины (например, круговую поруку) как фискальный инструмент. Положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» 1919 г. все виды единоличного землепользования рассматривала как переходные и отживающие.

Сложными были отношения общины с сельскими советами. Сельские общества, неплохо материально обеспеченные, составляли конкуренцию сельсоветам,

не добирали в глазах крестьян авторитета в силу подконтрольности коммунистам.

В период проведения Советской властью хозяйственно-политических кампаний конца 1920-х гг. сельский сход нередко выступал как носитель антисоветских настроений, занимая враждебную сельсоветам позицию.

«Оппозиционность» общины, проявлявшаяся в ходе кампаний в конце 1920-х гг., заметно усилила напряженность ее отношений с государством.

15 декабря 1928 г. ЦИК СССР принял «Общие начала землепользования и землеустройства». Этот закон подорвал целый ряд вековых общинных традиций.

3) Именно крестьяноведение, в силу своей междисциплинарности, способно изучить историю российского крестьянства в целом.

**Крестьянский миропорядок и «год великого перелома»,
или Почему победил Сталин**

В рамках изучения проблемы «сталинизм и крестьянство» несомненный интерес представляет вопрос о характере понимания И. В. Сталиным крестьянского мировосприятия, всего строя хозяйственной жизни деревни, взаимоотношений внутри сельского сообщества, оценки крестьянами действий власти, их надежд на улучшение своего положения. Рассмотрение этих элементов повседневного быта и бытия основной массы населения страны является, на наш взгляд, необходимым и обязательным условием понимания феномена принятия русским крестьянством типа модернизации, навязанного «кремлевским горцем».

Определенное право на подобное заявление дает тот факт, что жестокие и кровавые формы «коллективизации» не вызвали выступлений всероссийского масштаба. А местные вспышки плохо организованных и подготовленных бунтов легко подавлялись, что свидетельствовало не только о бдительности соответствующих органов, но и о преимущественно пассивном сопротивлении крестьянства, в основной массе надеявшегося на вмешательство центральной власти, обязанной остановить творившиеся преступления и наказать виновных.

По нашему мнению, предметом изучения должны стать два важных элемента обозначенной проблемы: «матрицы» существования крестьянского мира и навязываемые Сталиным в «год великого перелома» преобразования, их обоснование и целевая направленность. Подобный подход позволит выявить, какие из выдвигаемых новаций могли быть приняты сельскими жителями, с какими из них они до поры мирились, а что вызывало отторжение.

Не менее важным представляется и то, каким образом Сталин доносил свои мысли до читателей, что обеспечивало, если не их успех, то, по крайней мере, согласие с некоторыми из прозвучавших заявлений.

Представляется правомерным начать с констатирующего обзора условий существования крестьянского мира, сложившихся к началу XX в. и не претерпевших существенных изменений даже под влиянием революционных событий 1917–1929 гг.

Строй жизни людей российской деревни покоился на вере в непоколебимость и справедливость веками выработывавшихся норм, навыков и привычек. Устоявшийся и отфильтрованный в толще веков стиль работы, его сезонный характер, потребление в основном продуктов собственного труда, низкий уровень товарности производства – все это определяло органичную связь крестьянина с землей, характер использования природных богатств. Труд в поле основывался на накопленном опыте, интуиции, наблюдательности. Технические усовершенствования мыслились и воспринимались как необходимые дополнения к природному процессу, но ни в коем случае не как его кардинальная ломка или проведение непродуманных экспериментов. По крестьянской логике, человек должен был брать от земли не более того, что было необходимо для жизни, ограничиваться разумной достаточностью и уже тем самым заботиться о ее плодородии. По словам Л. Н. Толстого, «постоянное думанье о земле» было отличительной чертой существования сельского жителя, сближало его с природой, упрочивало их нерушимую связь. Косвенным свидетельством этой связи становилось и неистребимое убеждение крестьянина в том, что «земля Божья», а принадлежать она обязана тем, кто ее обрабатывает, «обряжает».

Как правило, в труде участвовали все члены семьи, пропорционально распределяя обязанности в зависимости от возраста, опыта, знаний сноровки. Производство при

помощи простого сельскохозяйственного инвентаря было нацелено не на извлечение прибыли, а на удовлетворение собственных нужд и весьма ограниченных потребностей. Это, естественно, не означало, что товарно-денежные отношения не проникали в русскую деревню, но само это проникновение не играло господствующей, определяющей роли, происходило спорадически. В основном сельский житель продолжал жить по старинке, находясь в зависимости в производственно-хозяйственном отношении от природных условий, чередования урожайных и неурожайных лет, ориентируясь на архаические, доставшиеся от предков агрономические знания, прибегая к авральности труда в весенне-летнее время.

Трудолюбие и долготерпение крестьянина спасали от голодной смерти и обеспечивали необходимый прожиточный минимум. Но не более того. Неизменность процесса производства, использование главным образом мускульной силы человека и животных исключали широкое разделение труда и его интенсификацию. Крестьянин был обречен на выживание. Постоянная опасность недорода, стихийных бедствий заставляла вырабатывать необходимые формы взаимопомощи и взаимоподдержки: совместное (общинное) владение землей, ее периодические переделы, общее пользование выгонами, лесами, работа в пользу пострадавших и обездоленных. Напряженность во взаимоотношениях, как правило, возникала не на имущественной почве, а из-за расхождения интересов разных поколений, особенно когда наступала пора смены главы большой крестьянской семьи.

Русский крестьянин был силен общинностью, которая диктовала неписаные законы общения между его членами. Нормы уважения были четко определены. Наибольшим почтением пользовался «исправный хозяин», трудолюбивый и рачительный, «правильно» ведущий себя по отношению к родным и близким, воспитывающий детей в страхе и покорности. Нерадивых и лодырей община никогда не жаловала. Ленъ не украшала человека и считалась одним

из смертных грехов, равным которому могло быть, пожалуй, только пьянство. В крестьянском сознании эти пороки были между собой тесно связаны. Правда, средний общинник не прочь был выпить (и, скажем прямо, выпить немало). Но только по праздникам и после напряженного труда. Как хорошо подметил Н. А. Некрасов, «он до смерти работает – до полусмерти пьет».

Поддержание среднего уровня существования, помноженное на каноны совместного выживания в трудных условиях существования, оказывало влияние не только на складывание особой трудовой этики, но и на настороженное, если не сказать враждебное, отношение к чужому успеху. В представлении крестьянина добиться богатства трудом на пашне было невозможно: «от сохи не будешь богат, а будешь горбат». Как подсказывал жизненный опыт, в лучшем случае можно было рассчитывать на достаток, а богатство чаще всего приходило в дом не чистого на руку стяжателя, к тому же открестившегося от труда земледельца.

Правда, подозрительное отношение к богатству («богатому черти деньги куют») еще не делало крестьянина записным коллективистом. Причисление его к сторонникам социалистических настроений следует рассматривать как устойчивый и мало чем обоснованный миф, получивший широкое распространение в прошлом и достаточно интенсивно эксплуатирующийся в настоящее время. Напротив, крестьянин – записной индивидуалист, и объединиться в совместном труде его заставляли посещавшие достаточно часто беды (недород, болезнь одного из членов сельского сообщества, несчастные случаи, пожары и т. п.) и осознание необходимости поддержания социального мира в деревне. Доведенный до отчаяния бедняк был опасен непредсказуемостью поведения, когда знакомый с детства сосед мог превратиться во враждебного чужака, которого не грех было «объегорить», и которого – в случае крайнего обострения отношений – можно было обвинить в плачевном состоянии собственного хозяйства.

Традиция и обычай, определявшие повседневную жизнь крестьянина, сказывались и на его отношении к власти, которая, по его представлениям, обязана была обеспечить надежную защиту как от внешнего супостата, так и «небожеского» устройства жизни. В крестьянском сознании глава государства (царь) рисовался по образу и подобию идеального главы семейства: жесток и крут, но справедлив. Его слово – закон, а нарушителей ждет суровое, но заслуженное наказание. Требовательность к окружающим только подчеркивает его значимость и усиливает его авторитет. Но и сам он живет долгом перед народом: если потребуется, то в тяжелую годину не пожалеет собственной жизни для общего дела. Деятельность главы государства служит примером самопожертвования, заражает оптимизмом сомневающих, укоряет нерадивых, воспитывает подрастающих. Даже его смерть обязана была запечатлеть в памяти потомков благородные черты правителя, усилить моральное влияние власти. Другими словами, сама власть в крестьянском сознании являлась сакральной. Десакрализации подвергался конкретный верховный правитель, который не оправдывал возлагавшихся на него ожиданий в сохранении устоявшего быта, стереотипов действия и мышления. Такой носитель власти превращался в низринутого идола. Но на его месте незамедлительно возникал иной претендент. К. Маркс был прав, когда подчеркивал, что на практике «...идиллические сельские общины, сколь безобидными они ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма...»¹.

Территориальная ограниченность крестьянского мира, фокусирование интересов жителей деревни на вопросах сиюминутного существования («к смерти готовься, а хлеб сей») вкупе с политической пассивностью действительно превращала их в надежную опору власти. Для того, чтобы инертная крестьянская масса пришла в движение необходимы были экстраординарные события. Таковыми могла стать война или всеохватный социально-экономический и политический кризис. Внешняя опасность,

воспринимаемая как угроза физического существования родным и близким, объединяла крестьян различных регионов ненавистью к завоевателям и готовностью выполнить сыновний долг перед родиной. Отечеством для крестьянина было родное село, и выходил он на войну, как на трудную, но нужную работу, выполнив которую, можно будет вернуться к ежедневному мирному труду.

Внутренние неурядицы, ухудшавшие или даже разрушавшие привычные условия существования, также инициировали социальную активность. Однако она, как правило, была ограничена продовольственно-производственной базой существования (район в 30–50 км от места проживания) и требовала безальтернативного и признанного всеми лидера. Средний крестьянин им не мог быть по определению, поскольку не обладал необходимым набором качеств вождя – защитник обездоленных, наделенный умом и глубокими (тайными) знаниями о законах жизни провидец. Одновременно такая личность, пришедшая из иного (городского) мира, становилась своей для крестьян, превращалась в символ борьбы и надежд.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что противник всяческих новаций, консерватор по характеру своего труда и жизни, русский крестьянин не шел в своих представлениях о справедливом мироустройстве дальше требований решения локальных и сиюминутных задач, сохранения существующих порядков с их частичной и незначительной модификацией.

Обратимся теперь к основным идеям Сталина, высказанным в конце 1929 – начале 1930 гг. и имеющим четкую периодизацию – до публикации статьи «Головокружение от успехов» и после появления этого весьма значимого документа.

Можно с полной уверенностью утверждать, что настойчивое требование генерального секретаря перейти к широкому наступлению на сельскохозяйственном фронте было продиктовано в первую очередь требованием довести уже в 1930 г. товарную продукцию зерновых культур

колхозов и совхозов до цифры свыше 50%. Таким образом, «насаждение кооперативной общственности»² преследовало цель добиться гарантированных валютных поступлений и обеспечить города необходимыми сельскохозяйственными продуктами.

Эту двуединую задачу Сталин напрямую не озвучивал, но она явственно просматривалась сквозь его рассуждения о бестоварности крестьянского хозяйства. Как он писал по этому поводу, «...мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно очень редко имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство». А, значит, следуя логике сталинских рассуждений, оставалось только «...насаждать (здесь и далее выделено И. В. Сталиным – В. З.) в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов...»³.

Крайне важно выяснить, чем крупные хозяйства привлекали внимание Сталина, какие преимущества он видел в их существовании. Ответ весьма прост и незамысловат: такие хозяйства «...не нуждаются для своего развития ни в максимуме, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а могут обходиться и без всякой прибыли...»⁴. Итак, поставив задачу увеличения товарной продукции, «вождь мирового пролетариата», постулировал возможность существования бесприбыльных крупных сельских хозяйств, лишая тем самым его работников возможности не только улучшать благосостояние, но и обеспечить относительно сносное существование.

Однако подспудно проводимая идея в корне противоречила культивировавшейся идее союза рабочего класса и крестьянства как основы Советской власти. И Сталин в статьях и выступлениях осени 1929 г. постоянно проводил мысль, что крестьянин – классический мелкий буржуа, готовый бороться за ничтожный земельный участок, поскольку в нем видит залог своего пусть и полуголодного существования. Единственный аргумент, который может,

если не подорвать, то, по крайней мере, поколебать его убеждения, – реальные результаты реального применения новой техники, которые увеличивают объемы производимой продукции. Только в этом случае он будет готов признать благотворность происходящих изменений.

Однако если внимательно присмотреться к сталинской аргументации, то окажется, что к концу 1929 г. можно было говорить (что и делал Сталин) лишь о простом сложении крестьянских орудий. Правда, при этом генеральный секретарь настаивал, что уже только это «...дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». На практике же это означало, что в лучшем случае «..крестьяне получили возможность взять целину в свои руки», «...пустить в ход пустыри, отдельные клочки, межи и т. д. и т. п.»⁵.

Другими словами, предложение Сталина было в целом традиционно – распашка ранее неиспользованных земель. Такой подход был хорошо знаком крестьянам и мало чем отличался от выработанного веками способа увеличения сбора хлебов: не повышение плодородия почвы, а вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых посевных площадей. Использование современной техники – тракторов и комбайнов – только дополнение и переложение на современный язык уже существовавшей практики крестьянского труда.

Другая идея Сталина – создание колхозов-гигантов с площадью посева в 40–50 тыс. га земли – весьма спорна с точки зрения эффективности сельскохозяйственного предприятия подобных масштабов. Завораживающая магия цифр была не чем иным как одним из приемов социальной демагогии, не имевшей под собой никаких объективных оснований⁶.

В целом можно констатировать, что слабая экономическая аргументация необходимости быстрого объединения крестьянских хозяйств дополнялась вполне понятной крестьянским массам идеей экстенсивного развития производства. Что же касается требования

повышения товарности зерна, то в этом вопросе Сталин был весьма лапидарен. Это тем более странно, что в его работах конца 1920-х гг., когда заходит речь о промышленности, неоднократно приводятся ленинские цитаты о необходимости повышения производительности труда. Но сельское хозяйство не включалось в данный реестр.

Объяснение данному феномену следует искать, по нашему мнению, в желании Сталина использовать сельское хозяйство в качестве мощного резервуара индустриализации страны. При этом деревня была обречена на низкий аграрно-технический уровень, а в социально-политическом отношении – даже на возврат к крепостному состоянию.

Сталин не мог не знать высказанной К. Марксом мысли о возможности улучшения имущественного положения лично зависимых крестьян. При крепостничестве «традиция должна играть решающую роль...», когда «урегулированность и порядок» являются формой его упрочения. Существующий способ производства «...достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого возобновления их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон». Барщинный труд как форма прибавочного труда, покоящаяся на неразвитости способа производства, примитивности способа труда, должен отнимать у крестьян меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и, особенно, при капиталистическом производстве. И, если барщинный труд составляет 2 дня в неделю (что составляло величину постоянную, урегулированную законом), то остальная часть недели есть величина переменная. Ее крестьянин может использовать в соответствии со спросом на продукты его труда на рынке и собственными потребностями. Все это будет «...поощрять его (крестьянина – В. З.) к усиленному напряжению рабочей силы, причем... применение этой

рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и сельскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденных расовых черт характера и т. д.»⁷.

Этих «врожденных расовых черт», как и привычки к напряженному каждодневному труду, русскому крестьянству было не занимать. Введенная в дальнейшем практика выработки обязательного количества трудодней, паспортный режим, фактическое отсутствие оплаты труда в колхозах и совхозах не оставляли жителям деревни иной возможности существования как только за счет приусадебных земельных участков и сокращения собственного потребления. Крестьяне вынуждены были мириться с установившимися порядками, охраняемыми самым жестоким образом.

Сталин целенаправленно и последовательно использовал долготерпение и умение крестьян переносить трудности. Не менее чутко уловил он и особенность крестьянского отношения к улучшению материального положения. Согласно массовому сознанию, положительные изменения в этом вопросе были возможны, не для отдельного человека, а для всего сообщества (мира, общины) в целом. Середняк, являвшийся центральной фигурой русской деревни, определял нормы и характер достатка, в то же время из числа «своих» исключался кулак, который был виноват перед односельчанами уже в том, что занимался непроезводительным трудом.

Важным показателем победы на сельскохозяйственном фронте Сталин считал тот факт, что **«в колхозы пошел середняк»**⁸. Он неоднократно настаивал на этом факте, с каждым разом усиливая собственный тезис. Так, в декабре 1929 г. Сталин заявил, что это движение уже не ограничивалось только вовлечением отдельных групп середняков, а охватило всю середняцкую массу, благодаря

чему колхозное строительство приобрело «характер мощной, нарастающей **антикулацкой лавины**»⁹.

Трудно сказать, чего было больше в этих высказываниях, самоубеждения в достигнутых победах или пропагандистских мер. Но, по большому счету, это и не играло существенной роли. Важнее было указание на то, как должно было быть. По отношению к сельским богатым Сталин был однозначен, и тем самым понятен значительной части крестьянской массы – никаких полумер, никакого ограничения эксплуататорских тенденций, а полное уничтожение кулачества как класса¹⁰.

Объявленное «обострение классовой борьбы в деревне», казалось, должно было встретить всемерную поддержку, однако этого не произошло. Сталин переоценил остроту социальных противоречий. Почувствовав весной 1930 г. массовое недовольство крестьян и их ожидание ответных действий центральной власти на творимые преступления, он прореагировал совершенно в духе крестьянских представлений. Строгий и справедливый окрик сверху должен был остановить произвол, образумить и отрезвить местных сатрапов. Но не только их. Указывая на «чиновничье декретирование» и «головотяпские упражнения по части обобществления», Сталин подчеркивал, что имеет в виду «...не только местных работников, но и отдельных областников, но и отдельных членов ЦК»¹¹. Правда, ЦК как непогрешимый демиург наделялся правом признавать допущенные ошибки, исправлять их в кратчайшие сроки. Крестьянам не составляло труда увидеть за этой аббревиатурой один из псевдонимов всемогущего Сталина.

Главным тезисом статьи «Головокружение от успехов» стало утверждение о том, что «нельзя колхозы насаждать силой. Это было бы глупо и реакционно»¹². Сельские жители услышали то, что они жаждали услышать. А публикация в центральном органе партии этого важного документа стала свидетельством справедливости крестьянских надежд на вмешательство справедливого и мудрого правителя.

Сталин умело использовал традиционные настроения, одновременно выводя себя из-под огня критики и перехватывая инициативу по исправлению «ошибок». Весьма показательным в этом отношении является использование им терминов для обозначения форм коллективизации. В 1929 г. Сталин настаивал на благотворности и полезности исключительно колхозной формы собственности, усиленно пропагандировал и указывал на необходимость «насаждения» колхозов. Но уже весной 1930 г. он более осторожно рекомендовал переходить к сельскохозяйственной артели, в которой обобществляются основные средства производства, но не затрагиваются приусадебные земли, жилые постройки, определенная часть молочного скота, домашняя птица и т. д.¹³

В выступлениях 1930 г. Сталин не столько постулировал, сколько убеждал в выгодности для крестьян создаваемых коллективных объединений. Для этого использовались понятные и легко воспринимаемые крестьянством обещания: освобождение на два года от налогового обложения обобществленного рабочего скота, отсрочка покрытия задолженности по кредитам, снятие всех штрафов и судебных взысканий, предоставление новых кредитов¹⁴. Заявленные льготы не могли не вызвать, по крайней мере, материальной заинтересованности. Не менее важным было и то, что сталинские «увещевания» служили еще одним подтверждением возможности добиться от центральной власти понимания обрушившихся на крестьян невзгод.

Нельзя обойти вниманием еще один важный элемент выступлений Сталина – простоту, доступность, нарочитую вульгаризацию основных идей. Главная цель избранного стиля состояла в том, чтобы добиться полного понимания у читателя вне зависимости от его социальной и национальной принадлежности. Ей служит и подчеркнутая разговорная манера подачи материала. Сталин не стеснялся повторять одни и те же слова, подчеркивая их значимость в каждом предложении. Он будто находился в кругу

собеседников, до которых следует неспешно и последовательно донести, растолковать основное содержание мысли.

Для этого подходил и хорошо известный сельскому жителю старшего поколения прием – постановка вопроса и ответ на него. Он очень напоминал принцип катехизисной подачи материала, когда слушатель изначально заключается в заданные рамки, из которых уже он не может вырваться, перевести разговор в иную плоскость. Дополнением к нему становился и религиозно-менторский тон цитирования Ленина. Каждая из приводимых идей умершего вождя по своей тональности напоминала обращение к Священному Писанию с обязательным добавлением: «Ибо сказано...». Благодаря избранной манере изложения Сталин даже не подлаживался под настроения крестьянской массы, а будто становился их выразителем.

Как это ни покажется парадоксальным, в обосновании радикальных изменений в жизни русской деревни Сталин в первую очередь апеллировал к архаике крестьянского существования. В производственно-хозяйственной сфере создание колхозов и совхозов неминуемо должно было обернуться новым крепостным правом, которое обязательно реанимировало надежды крестьян на государственный патернализм, «твердую руку» центральной власти в лице верховного правителя. Избранная тактика убеждения и принуждения основывалась на традиционной вере в близкое «светлое будущее», во имя которого следовало «потерпеть и пострадать». Трудолюбие и жертвенность, общинность и отрицательное отношение к индивидуальному успеху пересилили рыночную мотивацию производства, рачительность и домовитость. Расчеты Сталина, хотя и не в полной мере, оправдались. Однако в дальнейшем достигнутая победа грозила обернуться новыми, пока еще неведомыми проблемами.

Библиография

- ¹ Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 134.
- ² Сталин И. В. Год великого перелома // Сталин И. В. Соч.
Т. 12. С. 126, 127.
- ³ Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР
// Сталин И. В. Соч. Т. 12. С.145, 149.
- ⁴ Сталин И. В. Год великого перелома... С. 130
- ⁵ Сталин И. В. К вопросам аграрной политики... С. 154, 155.
- ⁶ Сталин И. В. Год великого перелома... С. 125, 127, 128, 129.
- ⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии
// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 356, 357.
- ⁸ Сталин И. В. Год великого перелома... С. 132.
- ⁹ Сталин И. В. К вопросам аграрной политики... С. 141.
- ¹⁰ Там же. С. 166.
- ¹¹ Сталин И. В. Ответ товарищам колхозникам
// Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 212.
- ¹² Сталин И. В. Головокружение от успехов
// Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 193, 198.
- ¹³ Там же. С. 196.
- ¹⁴ Сталин И. В. Ответ товарищам колхозникам... С. 222.

**Феномен сталинизма
в контексте мировой и отечественной исторической
практики решения крестьянского вопроса**

В последние десятилетия отечественная и зарубежная историография, не говоря уже о политической публицистике, на славу постаралась представить феномен сталинизма в России как исчадие ада и самый худший пример социального реформирования в истории человечества. Пожалуй, лишь нацистский холокост времен Второй мировой войны ставится в один с ним ряд. Все остальные трагедии человечества – это лишь «бледная тень» сталинских преступлений.

Причем политика сталинизма в советской деревне частью историков, политиков и публицистов, мыслящих в указанной парадигме, даже получила хлесткое определение – «геноцид», или, в более смягченном варианте – социоцид. Ее цель они эмоционально и, как правило, основываясь на тенденциозно подобранных фактах, определяют как намеренное истребление сталинизмом миллионов советских крестьян во имя абсурдной идеи коммунизма¹.

Кульминацией этого «направления» стало вынесение проблемы взаимодействия сталинского режима и советского крестьянства на уровень ООН и ПАСЕ в виде пресловутой и антинаучной теории о «геноциде голодомором Украины» в 1932–1933 гг. с явным антироссийским уклоном².

На аргументацию о том, что при всей жестокости сталинского режима ему невыгодно было уничтожать рабочую силу, разрушать сельскую экономику, они лишь разводят руками и апеллируют к статистике жертв, которая всегда преувеличена и тенденциозна.

При этом в историографии, особенно зарубежной, сложилась традиция рассматривать ситуацию в СССР

периода коллективизации вне международного контекста и общего исторического фона эпохи, то есть, игнорируя принцип историзма³.

Между тем, многочисленные и доступные источники убедительно свидетельствуют, что феномен сталинизма может быть понят, только следуя данному принципу.

Например, сталинская насильственная коллективизация никогда бы не имела таких тяжких для советской деревни последствий, если бы Запад ее не поддержал закупками советского зерна в обмен на валюту и станки⁴, а его политическое руководство не проигнорировало активные протесты западной общественности по поводу раскулачивания и голода миллионов советских крестьян в начале 1930-х гг.⁵.

Следует напомнить, что в 1933 г., несмотря на настойчивые призывы эмигрантских антисоветских организаций Европы и США и поддержавших их политиков, руководство Лиги Наций не поставило вопрос о голоде в СССР на заседание сессии, передав поступившие на ее имя протесты и жалобы в международный Красный Крест⁶. Более того, 1933 год – период кульминации крестьянской трагедии в СССР, стал самым удачным для Советского Союза годом за период после окончания гражданской войны с точки зрения дипломатических успехов! (Признание США, Испанией, уже готовый к подписанию новый торговый договор с Англией и т. д.)⁷.

Объясняется этот парадокс просто. Деловые отношения со сталинской Россией для политического руководства и бизнеса западных стран были важнее гуманитарных вопросов. Об их цинизме и прагматизме почему то не вспоминают нынешние критики сталинизма. По устоявшейся традиции они продолжают заклинания о сталинских преступлениях и не видят их скрытых соучастников в западных демократиях.

Они забыли, что на Западе было немало политиков, деловых людей и представителей интеллигенции, искренне сочувствовавших СССР, рассматривающих переживаемые

его населением в годы первых пятилеток страдания, как плату за прогресс, который олицетворяли гиганты советской индустрии на фоне затяжного экономического кризиса на Западе и разочарований огромных масс в капитализме⁸.

Для автора этой статьи настоящим открытием стал установленный им факт игнорирования руководством ОУН–УПА голода 1932–1933 гг. в советской Украине. В 1941 г. вместе с гитлеровским вермахтом отряды ОУН при «освобождении» Украины не мстили коммунистам за «голодомор». На эту тему не было проведено ни одного молебна памяти его жертв. То есть, в идеологической работе с населением ОУН–УПА проигнорировала преступления сталинского режима против украинского селянства⁹. И лишь в начале 1980-х гг. по инициативе президента США Р. Рейгана, назвавшего СССР «Империей зла», тема «голодомора 1932–1933 г. в Украине» овладела умами ангажированных и политизированных историков, явившись на деле ничем иным, как продуктом «холодной войны» между Западом и Советским Союзом¹⁰.

Руководствуясь принципом историзма, следует напомнить, что для первой половины XX в. события в России и СССР не были чем то, из ряда вон выходящими. Социальные потрясения и людские страдания были повседневностью миллионов людей и за пределами России¹¹. И они не воспринимались современниками так остро, как сейчас, в том числе пережившими сталинскую эпоху советскими крестьянами¹².

Таким образом, при обращении к теме «Сталинизм и крестьянство» необходимо учитывать факт ее явной политизации и ангажированности в трудах историков, мыслящих в категориях антикоммунизма и холодной войны. Особенно эту позицию разделяют некоторые исследователи образованных после распада СССР государств (прежде всего Украины)¹³.

На наш взгляд, политизация проблемы сильно мешает ее взвешенному и спокойному анализу, поскольку требует от исследователя однозначно обвинительного уклона в адрес

советской истории в целом и аграрной политики сталинизма в частности. Главные недостатки подобного подхода – игнорирование принципа историзма и неучет международного контекста эпохи.

Попытаемся в какой-то мере преодолеть их и тезисно выскажем свою позицию о феномене сталинизма в контексте исторической практики решения крестьянского вопроса в России и за ее пределами, не претендуя при этом на категоричность и завершенность суждений.

Прежде всего, очевиден факт исторической неизбежности трагедии крестьянской страны, вставшей на путь индустриальной модернизации. Сталинский режим осуществил ее, но не был пионером в этом деле. Антикрестьянский характер аграрной политики, связанный с необходимостью индустриализации страны и коммерциализации сельского хозяйства, был характерен и в эпоху отмены крепостного права, и в пореформенный период, в то числе в годы столыпинской аграрной реформы.

В первом случае при «освобождении» ради сохранения помещичьего класса огромную массу крестьян экономически закабалили и лишили возможности нормально развивать свое хозяйство на рыночной основе. Во втором – ради политической консервации правящего самодержавного режима крестьянское общество раскололи на «сильных» и «слабых» и фактически стравили их между собой¹⁴. И делалось это, при всех позитивных моментах столыпинской аграрной реформы, опять же ради сохранения помещичьего землевладения как основы материального существования дворянского сословия – правящей элиты России.

Если вспомнить более ранний период, то в этом же ряду антикрестьянское аграрное законодательство Петра Великого, с помощью подушной подати, рекрутских наборов, «иезуитских налогов» на бани, печи и т. д., превративших повседневную жизнь деревни в ад, вытянувших из нее все соки ради создания военного производства и победы в Северной войне¹⁵.

Когда речь идет о злодеяниях сталинизма в советской деревне, то почему то забывается факт кровавых подавлений крестьянских бунтов в годы Первой русской революции, когда царские войска стреляли по деревням из артиллерийских орудий, пороли поголовно все их население, без зазрения совести и, нарушая формальные процедуры, расстреливали зачинщиков¹⁶. При этом причисленный в настоящее время к лику святых император Николай II знал об этом и одобрял такие действия карателей. Неслучайна поэтому эмоциональная реакция на казни крестьян в годы революции русской интеллигенции (Л. Н. Толстой «Не могу молчать» и т. п.)¹⁷.

Может быть, это только российская традиция, идущая испокон веков от царей к генералиссимусу Сталину, «прессовать крестьян», «насиловать деревню» в государственных и частных интересах?

Конечно, нет. И фактов, в подтверждение этому не счесть. Огораживание в Англии, когда «овцы съели крестьян», и на площадях английских городов в течение нескольких столетий стояли виселицы и плахи для бродяг и бездомных из разоренных селений. Картофельный голод в Ирландии 1845–1849 гг., во время которого 1,5 млн ирландских крестьян погибло от голода, а 1,5 млн в «плавучих гробах» эмигрировало в США и Канаду, а все население Ирландии за эти годы сократилось на 30%¹⁸. В этом же ряду страшные голодовки XIX и первой половины XX вв. в Индии, Китае, Африке¹⁹.

Во Франции, до сих пор гордящейся Великой Французской буржуазной революцией, действия республиканских карательных войск против крестьянского восстания в Вандеи 1793–1795 гг. рядом историков характеризуются не иначе как «франко-французский геноцид», поскольку десятки тысяч повстанцев, включая их семьи, были безжалостно убиты при подавлении восстания (так называемые «адские колонны генерала Тюрро») ²⁰. Но применительно к рассматриваемой проблеме акцент делается на «газовые атаки» М. Н. Тухачевского против

тамбовских крестьян (что не доказано серьезными источниками²¹) и сталинские депортации раскулаченных, рассматривая данные факты как исключительное явление в российской и мировой истории с точки зрения бесчеловечного отношения власти к народу.

Таким образом, в контексте исторической практики решения крестьянского вопроса в России и за ее пределами феномен сталинизма объясняется наследием, как царской России, так и Великой русской революции. Он не противоречит и мировому опыту.

В то же время, на наш взгляд, определяющим фактором аграрной практики сталинизма и реакции на нее советского крестьянства стало, прежде всего, наследие революции и гражданской войны. Насилие породило насилие. Гражданская война большевистской политикой «военного коммунизма» закрепила традицию государственного принуждения крестьян. Она сформировала кадры будущих «сталинских опричников» периода коллективизации, не знавших жалости к «классовым врагам», готовым на все ради достижения «священной» для них цели коммунизма (вспомним Макара Нагульного из «Тихого Дона» М. Шолохова).

И здесь, несомненно, влияние коммунистической идеологии, обосновавшей необходимость насилия над крестьянством, оправдавшей его жертвы «светлым будущим». То есть, сталинизм как феномен и практика решения аграрного вопроса в России не мог возникнуть и реализоваться без соответствующей идеологии.

При всей своей утопичности она оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П. А. Столыпина, поскольку совпадала с многовековыми общинными представлениями крестьян о социальной справедливости. Благодаря ей (идеологии – *Прим. ред.*), деревня оказалась расколота. В ней оказалось немало активных сторонников сталинизма, особенно из молодежи, для которой «социализм» с его тракторами, заводами, школами, институтами и т. д. был притягательнее

тяжелого крестьянского труда на собственном клочке земли²².

Этому способствовала и сама повседневная действительность советской деревни периода НЭПа: недоедание, голод, усиливающаяся стагнация сельскохозяйственного производства и т. д.²³

Таким образом, ни в коей мере не снимая ответственность за антикрестьянскую политику сталинизма и ее невинные жертвы, можно заключить, что этот феномен в истории России не случаен. Он требует более взвешенной оценки с точки зрения отечественного и мирового опыта решения крестьянского вопроса.

Библиография и примечания

¹ The Black Book of Communism: crimes, terror, repression. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, Tygland, 1999. P. 159–168; *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский голодомор. Киев, 2007.

² *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожал? Он же. Украинский Голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 107–194.

³ *Sheila Fitzpatrick.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Villadge after Collectivization. New York, Oxford, Oxford University press, 1994.

⁴ *Кондрашин В. В.* Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // Клио. Журнал для ученых. 2011. № 3 (54). С. 112–115.

⁵ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 3. Лето 1933–1934. Отв. сост. В. В. Кондрашин. М., 2013. Разд. 3. Международная реакция на голод в СССР.

⁶ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 054. Оп. 10. П. 411. Д. 121. Л. 49.

⁷ В. М. Молотов 28 декабря 1933 г. в речи на IV сессии ЦИК СССР «О международном положении Советского Союза» сказал: «Крупнейшим успехом внешней политики СССР является восстановление отношений с Соединенными Штатами, приезд

Эррио, заключение договора о ненападении, нейтралитете и дружбе с Италией, восстановление дипломатических отношений с Испанией и Уругваем по их инициативе». Также он напомнил, что в 1933 г. по инициативе СССР был подписан пакт об агрессоре (нападающей стороне) Польшей, Финляндией, Латвией, Литвой, Румынией, Чехословакией, Турцией, Афганистаном, осуждавший применение военной силы в международных отношениях.

⁸ Характерными в этом плане являются рассуждения побывавшего в СССР в июле 1933 г. редактора-издателя канадской «Ванкувер сэн» Роберта Кроми: «Русские обладают огромным сознанием своих достижений и обязательств по отношению к новому режиму. Этого нельзя сказать в отношении многих из существующих правительств. В Канаде и САСШ мы имеем 12 млн безработных, огромное моральное напряжение и неуверенность за будущее. Это в особенности относится к юношам и девушкам, оканчивающим школы... Верно, что там имеются трудности. Но можете ли вы иметь все эти достижения без некоторых жертв?» (Правда. 1933. 29 июля).

⁹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943 / под ред. А. Н. Артизова. М., 2012; Т. 2: 1944–1945. М., 2012.

¹⁰ 18 декабря 1985 г. первый секретарь Посольства СССР в США Демченко подготовил для МИД СССР информационную записку «О создании комиссии Конгресса США по изучению причин и последствий так называемого “великого голода на Украине 1932–1933 гг.”». В ней подробно излагалась история появления в США принятого конгрессом США 11 октября 1984 г. законодательного акта, предусматривающего учреждение сроком на 2 года комиссии по изучению причин и последствий голода 1932–1933 гг. на Украине, подписанного президентом Р. Рейганом (АВП РФ. Ф. 129. Оп. 71. П. 437. Д. 27. Л. 87–4).

¹¹ *Жозуэ де Кастро*. География голода. М., 1954.

¹² В этом автор статьи убедился в ходе бесед с пережившими коллективизацию и голод сельскими жителями Поволжья и Южного Урала в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (*Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 488–506).

¹³ Єврейсько-більшовицький переворот 1917 року як передумова червоного терору та українських голодоморів. Київ, 2006.

¹⁴ Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 318; Кара-Мурза С. Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.

¹⁵ Ключевский В. О. Подушная подать и отмена холопства в России // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. VIII. М., 1990. С. 194–270.

¹⁶ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М., 1997. С. 89, 163–164.

¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 83–84.

¹⁸ Cormac Ó Gráda. The great famine studies in Irish history. Lilliput Press, Dublin, 1994.

¹⁹ Жозуэ де Каспро. Указ. соч.

²⁰ Martin J. C. La Vendee et la France, Paris, 1987.

²¹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.

²² Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 495–527.

²³ Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010.

**Идея «Крестьянского союза»
в повседневных настроениях сопротивления сталинизму
(на материалах деревни Западного региона
России 1920-х годов)**

1920-е гг. в повседневной жизни деревни характеризуются различными настроениями крестьянства, выражающими их отношение к действительности того времени. Данная статья посвящена изучению распространения идеи «Крестьянского союза» в деревне Западного региона России как одной из форм повседневного сопротивления сталинизму¹. Мысли крестьян об объединении в союз вызывались комплексом причин, стремлением изменить существующее, часто неудовлетворительное для них, положение дел. Так, известный психолог Д. В. Ольшанский отмечает, что настроения, как правило, направлены против той или иной стороны прежнего или нынешнего укладов жизни².

Современные исследователи констатируют, что идея «Крестьянского союза» в настроениях крестьянства того времени была весьма заметным явлением. Так, М. М. Кудюкина считает, что работа по созданию беспартийного крестьянского актива способствовала росту популярности идеи о создании Крестьянского союза, который власть оценивала как безусловно антисоветскую организацию, несмотря на то, что в большинстве случаев крестьяне предполагали создать не политическую партию, а аналог рабочего профсоюза, защищающего прежде всего экономические интересы крестьян³. И. В. Гончарова приходит к выводу, что рост общественной активности и формирование политического сознания деревенских жителей проявились в идее создания крестьянского союза как организации представительства и защиты интересов крестьян⁴. Значительное внимание формам повседневного

сопротивления сталинизму уделяется в работах Л. Виолы, Ш. Фицпатрик, В. В. Бабашкина и др.

Чего же хотели добиться сельские жители при создании «Крестьянского союза»? Архивные и опубликованные материалы содержат сведения, что важным доминирующим элементом крестьянских настроений в этом смысле была так называемая «ревность к городу». Так, обзор об итогах выборов советов по Брянской губернии за 1928 г. содержит информацию о выступлениях за организацию крестьянских союзов. Например, в Брасовской волости Севского уезда заявляли: «Нас крестьян давят и за нас некому заступиться, надо организоваться по примеру рабочих в крестьянский союз». В Хотынецкой волости бывший член партии в беседе перед собранием заявил: «Рабочие живут хорошо потому, что они организованы в профсоюзы, следовательно, и крестьянству нужно организовать свой союз»⁵.

В докладе о политическом и экономическом состоянии Краснинской волости Смоленской губернии и уезда (1925 г.) отмечается: «Крестьянину кажется, что рабочий мало работает и много получает. А поэтому дороги городские товары, что рабочие добились своего положения потому, что они организованы, у них есть союзы и поэтому советской власти с ними считается и удовлетворяет их требования»⁶.

Сводки ОГПУ за 1927 г. по Калужской губернии информируют, что крестьяне довольно активно интересовались идеей объединения в союз. Примечательно, что, кроме идеи консолидации, внимание в сводках акцентировалось как на антисоветском прошлом, так и на имущественном положении выступающих с предложениями о «Крестьянском союзе». Так, в информационной сводке № 10 (4–14 марта 1927 г.) отмечается, что 1 марта в деревне Веретье Лихвинской волости и уезда на выборном собрании после оглашения наказа крестьянин-середняк, сын бывшего полицейского, выступил с резкой речью против наказа, заявив: «Наказ написан не нами, и наши интересы он

не отражает». Указав на неравенство в положении рабочих и крестьян, выступавший заявил: «Нам необходимо организовать свои крестьянские союзы, которые смогли бы защищать наши интересы»⁷.

Информационная сводка № 11 (15–21 марта 1927 г.) сообщает, что 1 марта на перевыборном собрании в Щелкановской волости Мещовского уезда Калужской губернии от имени избирательной комиссии (в состав которой входили кулак и зажиточный) собранию было предложено следующее добавление к наказу: «Почему крестьяне враждебно относятся к рабочим? Относятся они враждебно к рабочим за то, что рабочие живут в хороших условиях, им предоставлены хорошие квартиры, работают в день только 8 часов, имеют свои страхкассы, ездят на курорты и в дома отдыха. Они имеют свой профсоюз, который защищает их интересы, тогда как крестьянам не разрешают создавать своих союзов». В сводке указывается, что наказ, вместе с добавлением, собранием был одобрен и принят полностью⁸.

В отчете Гомельского губкома ВКП (б) за апрель–сентябрь 1926 г. указывалось, что этот вопрос (о «Крестьянском союзе» – *В. К.*) крестьянство связывает с вопросом защиты своих экономических интересов. Например, когда обсуждался вопрос о сельхозналоге, и крестьяне знали о том, что процент обложения налогом рабочих несколько раз менялся в сторону понижения, они говорили: «Рабочих защищают союзы, поэтому им налог уменьшили». И, как вывод из этого, считали нужным иметь свой союз и вносили об этом предложения на собраниях⁹. В сводке № 12 информотдела ОГПУ о кампании по перевыборам сельсоветов (6 апреля 1927 г.) указывалось, что в селе Плохино (Жиздринский уезд Брянской губернии) на выборном собрании по отчету ВИКа выступил бедняк со следующим заявлением: «Рабочие живут гораздо лучше крестьян, нужно рабочих отделить от крестьян, а крестьянам организовать в союзы, так как рабочие нас засасывают и не дают нам возможность свободно жить». Далее в сводке

отмечалось, что выступление это сочувствия среди присутствовавших не встретило¹⁰.

Однако, как правило, агитация за «Крестьянский союз» имела успех среди деревенских жителей, причем не в последнюю очередь связанный с традиционным крестьянским делением на «свой – чужой». Так, в монографии И. Н. Лозбенева приводятся сведения о проведении беспартийной конференции в Смоленской губернии, на которой вопрос о «Крестьянском союзе» был одним из основных. В частности, в марте 1925 г. в Кардымовской волости Смоленского уезда прошла беспартийная конференция, на которой присутствовало 400 делегатов. В повестку дня было внесено 4 вопроса по проблемам жизни и быта региона. Однако тут же был внесен 5-й вопрос – о «Крестьянском союзе» – и, по сути, оказалось, что он один в разных вариантах и разбирался¹¹. Например, гражданин Федюнинский заявил: «Революции не было, а был протест против несправедливости. Крестьянство – гегемон, нам необходимо бороться против коммунистов». Заклучил он свою речь лозунгом: «Дайте нам союз хлеборобов». Другой выступающий из деревни Пнево Холодков развил идею о необходимости создания крестьянского союза: «Мы должны сами выбирать в советы своих людей, а не «варягов-коммунистов», которые воруют, грабят народ, а больше ничего не делают»¹².

Кроме того, стимулировали крестьянские настроения в пользу объединения в союз высокие налоги и цены на промышленную продукцию. Например, в информационной сводке отдела информации и политконтроля ОГПУ № 1 (30 декабря 1926 г. – 6 января 1927 г.) отмечалось, что в деревне Мишино Гжатского уезда (Смоленская губерния) двое крестьян в беседе между собой высказывались за организацию крестьянского союза, указывая, что вокруг него можно было бы объединиться и тогда бы «советская власть не стала бы так обдирать крестьян»¹³. Информационная сводка № 2 (7–13 января 1927 г.) содержит информацию о том, что в деревне Лобазово Жиздровской волости

Вельского уезда Смоленской губернии на сходе середняк говорил: «Нам нужно организовать свой крестьянский союз для сбора и закупки товаров, ибо пользы от кооперации нет и последняя нас надувает». В Семеновской волости Гжатского уезда середняк в беседе высказывался: «Единственное, что осталось у крестьян для защиты своих интересов, так это крестьянский союз, через который крестьяне могут устанавливать более высокие цены на свои продукты, как это правительство делает с промышленными товарами»¹⁴.

Власть осознавала опасность подобных настроений и считала их антисоветскими, что было не всегда оправданным преувеличением. Так, в обзоре ОГПУ политэкономического состояния СССР за март 1924 г. отмечалось, что нарастание политической активности кулацких и середняцких слоев деревни в последнее время находит свое выражение в виде значительного распространения идей организации крестьянских союзов... В Гомельской губернии предложения о создании «Крестьянского союза» вносились кулаками, середняками и бывшими коммунистами, работниками волисполкомов¹⁵. В аналогичном обзоре за апрель 1924 г. указывалось, что в Калужской губернии имел место ряд выступлений с предложением создания «Крестьянского союза», при перевыборах волисполкома Малоярославецкого уезда аналогичное предложение было принято под влиянием выступившей группы лиц эсеровского толка. В Гомельской губернии, где отмечено уже несколько выступлений с предложениями создания «Крестьянского союза» (между прочим, в трех случаях со стороны бывших членов РКП), отмечалась организация кулацкой молодежью своих союзов (Калининский уезд)¹⁶.

В обзоре ОГПУ политического состояния СССР за декабрь 1924 г. констатировалось, что кулачество выдвигает местами идею необходимости политической организации крестьянства в форме крестьянских союзов. Наиболее характерна тенденция для ... Западного района (Смоленская

и Гомельская губернии и Белоруссия)¹⁷. Из информационной сводки № 23 (3–16 августа 1927 г.) следует, что в селе Жирятино Бежицкого уезда Брянской губернии на беспартийной крестьянской конференции при выборе президиума большинством присутствующих кандидатуры членов ВКП (б) были отклонены, причем раздавались выкрики: «Коммунистов выбирать не следует, они крестьянам ничего не дают». На конференции активно проявил себя антисоветский элемент, выступая с резко антисоветскими выпадами, выбрасывая пораженческие лозунги и требуя организации крестьянского союза с целью противодействия налогу¹⁸.

Следует сказать, что идея «Крестьянского союза» была довольно популярной. По данным А. А. Куренышева, крестьяне выступали с идеей создания союза: в 1924 г. – 139 раз, в 1925 г. – 543, в 1926 г. – 1 676, а в 1927 г. – 2 312 раз¹⁹. С данной оценкой солидарен В. П. Булдаков, отмечающий, что пик популярности этой идеи приходится на 1927 г. – было зафиксировано 2 312 соответствующих высказываний²⁰. Однако, несмотря на это, дальше слов дело так и не пошло. Так, в информационном письме ответственного секретаря Смоленского губкома ВКП (б) от 20 мая 1925 г. говорилось, что случаев антисоветских выступлений за «Крестьянские союзы» было значительно меньше, чем раньше, и все эти выступления в крестьянской массе успеха не имели²¹. В отчете Гомельского губкома ВКП (б) за апрель–сентябрь 1926 г. отмечалось, что дальше разговоров в этом вопросе крестьянство нашей губернии не идет, да и разговоры об этом в настоящее время почти прекратились²².

Кроме того, свою роль сыграли и особенности социальной психологии крестьянства. Так, И. Е. Кознова приходит к выводу, что в памяти (крестьянства – *В. К.*) отыскивались всевозможные факты, подтверждающие, что «пришлось смириться. А куда денешься?»; «Крестьяне сначала бунтовали, а потом смирились». Сработало и традиционное крестьянское отношение к действиям власти

как стихийному бедствию, которое нужно просто пережить²³.

Таким образом, перспективная идея объединения крестьянства так и осталась на уровне выступлений и высказываний. Мысли о крестьянской консолидации как формы повседневного сопротивления сталинизму были весьма здравыми и практичными, однако реалии 1920-х гг. не позволили им воплотиться на практике. Думается, что нереализованность идеи о создании «Крестьянского союза» связана как с тем, что власть ее оценивала как антисоветскую, так и с тем, что крестьянство не проявило должной настойчивости в ее реализации.

Библиография и примечания

¹ Традиционно к Западному региону относят Брянскую (1920–1929), Смоленскую (1708–1929) и Калужскую (1796–1929) губернии. Постановлением президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. губернии были полностью ликвидированы и вышеуказанные регионы вошли в состав Западной области. Кроме того, в статье использовались материалы, относящиеся к Гомельской губернии (1919–1926). Это вызвано тем, что в мае 1923 г. декретом ВЦИК к Брянской губернии был присоединен Почепский уезд Гомельской губернии. Декретом ВЦИК от 27 марта 1924 г. Трубчевский уезд был ликвидирован, а его территория была распределена между Почепским, Бежицким и Севским уездами. В связи с расформированием Гомельской губернии в конце декабря 1926 г. в состав Брянской губернии были включены Клинецовский, Новозыбковский и Стародубский уезды.

² *Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб., 2002. С. 187.

³ *Кудюкина М. М.* Крестьянство и власть в 1920-е гг. // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Ин-т социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2011. С. 240 (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

⁴ *Гончарова И. В.* Власть и крестьянство в конце 1920-х гг. (по материалам Центрального Черноземья) // Крестьянство и власть в истории России XX века... С. 160.

⁵ ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1965. Л. 31.

⁶ ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Смоленской области). Ф. 11. Оп. 1. Д. 365. Л. 66, 74.

⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 512, 515.

⁸ Там же. С. 535, 537.

⁹ Гомельская губерния. 1919–1926 гг.: документы и материалы / сост.: М. А. Алейникова [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2009. С. 198.

¹⁰ Советская деревня... С. 542, 548.

¹¹ *Лозбенев И. Н.* Протестное движение населения Центрально-промышленного региона России в годы Новой экономической политики (1921–1929 гг.). М., 2012. С. 135.

¹² Там же. С. 136.

¹³ Советская деревня... С. 486.

¹⁴ Там же. С. 488, 490.

¹⁵ Там же. С. 192–193.

¹⁶ Там же. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 263, 265.

¹⁸ Советская деревня ... С. 571, 572.

¹⁹ *Куреньшев А. А.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004. С. 302.

²⁰ *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 267.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 176. Л. 1, 5.

²² Гомельская губерния. 1919–1926 гг. ... С. 198.

²³ *Кознова И. Е.* Крестьянская память о власти в современной России // Крестьянство и власть в истории России XX века... С. 217–218.

**Официоз и секретность:
взаимоотношения крестьянства и местной советской
власти в середине 20-х – начале 30-х годов XX века
(по материалам прессы и специальных донесений)**

Документы периода середины 20-х – начала 30-х гг. XX в., отражающие взаимоотношения самой массовой части нового советского государства – крестьянства с властью, демонстрируют крайнюю неуверенность и противоречивость в понимании роли крестьянства. Безусловно, официальные документы, начиная с Конституции 1924 г., относили крестьян к категории младшего брата пролетариата, до которого по сознательности крестьянам нужно еще дорасти. Вместе с тем, необходимость трансформации мелкобуржуазного крестьянского элемента в советского сельскохозяйственного работника (коммунара или колхозника) была для власти очевидна. Этот процесс, далеко не добровольный, нашел множество отражений в различного типа документах эпохи. Одни демонстрировали официальные представления, они были серьезно приукрашены, и их главная цель – не просто нарисовать благостную картину, но и убедить в ней некрестьянскую часть населения. Более того, значительная часть публикующихся открыто в прессе или малыми изданиями текстов одной из своих целевых групп называла потомков: «Ведь только тогда отчет будет иметь ценность, когда наши дети, внуки и правнуки, заглянув в этот исторический документ, смогут ясно себе представить, что делали их отцы, деды и прадеды, как они реагировали на те или иные поставленные пред ними вопросы, как дорожили, как закрепляли или подрывали революционные завоевания. А так как съезд представляет большинство крестьянство, то из отчета ясно видно как оно глубоко погрязло

в мелкособственническом болоте, как неимоверно тяжело, медленно, часто неохота им вылезать из этой тины...»¹.

Однако помимо парадного, открыто публикуемого, рассчитанного на преданных, пламенных строителей социализма и открытых искренних приверженцев идеи, существовали скрытые, секретные документы, которые даже потомкам было не просто прочитать. Эта история секретная, предназначенная для избранных, поскольку ее главная задача – правильно отследить, сформулировать и предложить контрмеры воздействия. При этом местные власти не всегда шли навстречу, поскольку в низовых советских структурах не хватало людей и включение в сельсовет или волостной совет воспринималось крестьянами в середине 1920-х гг. как наказание от односельчан², однако уже к концу 1920-х гг. ситуация изменилась.

Данная статья построена на двух типах источников – первый – периодическая печать, вторая – спецсводки ОГПУ.

Среди документов ВЧК–ОГПУ–НКВД термин «сводка» появляется в первые годы Советской власти. Первые сводки были очень обобщенные, например спецсводка по Симбирскому району о политическом состоянии 15–31 августа 1920 г. сообщает скупо: «Настроение масс неудовлетворительное, жалобы на маленький паек, отсутствие одежды; трудовая дисциплина на должной высоте, но наблюдается дезертирство. Партийная работа неудовлетворительная, в комячейках только партийные силы (95 человек)»³.

В 1930-е гг. сообщения ОГПУ уже требовали накопления, систематизации и анализа сведений, что приводило к появлению целой системы информационных материалов более широкого и обобщающего характера. Спецсводка представляла собой сообщение с мест в центральные органы власти, часто содержала в себе отчет о настроениях крестьянства, цитаты их высказываний, описывала ход и динамику сопротивления, антиправительственных выступлений за определенный

период. Терминология спецсводок изобилует такими понятиями как: «кулацкая агитация», «контрреволюционная деятельность», «антисоветские выступления», «террористические группировки», «волнения» и «настроения в деревне». Сводка могла быть краткой, выписанной как ответ на предыдущее задание; подробной, по районам (сводка – сведенные материалы); могла носить описательный характер, с цитатами высказываний, детальным описанием тех или иных происшествий, содержать количественные данные, таблицы и сводные результаты.

В качестве примера рассмотрим в статье две главные составляющие соответственно скрытой истории и истории парадной. В первой ключевым будет феномен доносительства, который фиксируется в сводках. Доносительство само по себе никогда не было в чести среди крестьянства, но вместе с тем власти всячески подталкивали население к нему. А в парадном исполнении рассмотрим прием противопоставления, которое усиливало официоз и создавало иллюзию убедительности, так как яркость и эффект контрпримера был важнее фактологической убедительности.

Крестьяне, выступая против политики коллективизации, наряду с подготовкой к восстаниям, сопротивлялись власти, срывая ее мероприятия. На Средней Волге власти говорили о политической окраске крестьянского сопротивления, а именно монархической, церковной, прямо ставящей вопросы о свержении Советской власти и реставрации «Дома Романовых».

Ликвидация, рынков, ярмарок, мест собрания крестьян воспринимались как ликвидация источника опасности для новой власти, так как они могли способствовать консолидации крестьянства. Именно поэтому шаг за шагом правительство ликвидировало все важные общественные места сбора крестьян, где они могли бы обсудить текущие дела, поделиться новостями, в то же время именно здесь рождались слухи, наносящие существенный ущерб авторитету Советской власти.

В области политики и правительства излюбленными темами были вероятность международного краха или свержения существующего строя, а также возможность и вероятные последствия войны. Уделялось внимание и признакам инакомыслия в партийном руководстве, и влиянию иностранных держав на советскую политику⁴.

Естественно, вслед за разрушением традиционного уклада сельской жизни шло насаждение новой культуры на основе атеизма. Новые лидеры должны были заменить Царя-Батюшку: Ленин, Сталин, Калинин⁵. Ликвидировались прежние понятия добра и зла, взамен предлагались термины революции как высшего блага, и контрреволюции, обвинение в поддержке которой приравнялось к греху. Символично и то, что в зданиях разоренных церковью стали размещаться социалистические клубы, избы-читальни, склады и амбары. Старые православные праздники заменялись новыми, как бы накладываясь на них, например важнейший праздник Покров Пресвятой Богородицы (14 октября) заменился празднованием Дня коллективизации, а Ильин День – Днем электрификации. То же касалось и названий сел и деревень, например, с. Кобыля Лужа было переименовано в Советскую Лужу⁶, с. Поляна стало именоваться Красной Поляной, Дубрава – Красной Дубравой и т. д.

Самостоятельность деревни была ликвидирована, а крестьяне попали в полную зависимость от распределения правительством необходимых товаров; места общих сборов прекратили свое существование, а традиции отмирали, всем предстояло заниматься одним делом: колхозным строительством. Исконная культура, основанная на строгих религиозных нормах, ушла с подполье и стала культурой пассивного сопротивления.

Официальные источники рассказывали об этом, используя противопоставление старого и нового. Этот прием характерен для всего периода Советской власти. В качестве типичного примера текста с использованием приема противопоставления можно привести обращение такого

комитета в Симбирске: «Старый порядок не знал милосердия. Бесконечно количество жертв старой власти. Предстоит возвращение к жизни сосланных и заточенных. На нас лежит обязанность своими заботами согреть этих обездоленных»⁷. Чем мрачнее рисовался прежний режим, тем более ярким, светлым и безоблачным представлялось настоящее и особенное будущее, при этом оно касалось всех категорий населения. На страницах газеты «Искусство и жизнь», выходящей в Самаре в 1921 г., в статье с характерным названием «От мрака к свету» (явное влияние островского «луча света в темном царстве») говорилось о прошлом русского актера, которое полно мрака, поскольку он был крепостным и находился в собственности, а ныне он свободен и может открыто выступить на сцене⁸.

Чем младше была аудитория газеты, тем чаще использовался этот прием в издании. Проанализируем один из номеров саратовской газеты «Сталинские ребята» за 28 мая 1935 г. содержит рассказ «Из детства моей бабушки» четвероклассницы Нади Юшкиной, которая рассказывает о тяжелой доле своей бабушке, в то время когда были помещики, которые обижали крестьян, и о собственном детстве в колхозе. Естественно, сравнение было в пользу счастливого советского детства. Или стихотворение, которое перепечатывалось несколько раз в самарской прессе, где речь идет о рассказе о прошлой жизни⁹:

*Расскажи, приятель,
Как живете вы,
Про свои порядки,
Про былые дни.
Долго мы страдали,
Молвил он в ответ,
Часто голодали,
Мрачен был наш свет.
В тюрьмы нас сажали,
Гнули нас в дугу,
Много братьев пало за волю в бою.
Но прошло то время,
Новый светит свет...*

Скрытая же версия событий исходила из настроения неверия населения. Для него у крестьян были серьезные причины, причем очевидные местным властям: в спецсводках ОГПУ четко фигурируют заголовки «Недочеты по реализации решения ЦК и СНК¹⁰», в которых говорится, что «в отдельных местах райорганизации, работники сельсоветов и руководители колхозов до сих пор продолжают проявлять недопонимание задач, вытекающих из этого постановления, и растерянность при их практическом проведении¹¹».

Недоверие к местным властям проявилось еще раньше, когда Сталин стал главным героем деревенской молвы в марте 1930 г., после своего доклада «Головокружение от успехов», возлагавшего на местных руководителей вину за перегибы, сопровождавшие коллективизацию. Это письмо стало глубоко оскорбительным для коммунистов местного уровня, изо всех сил старавшихся выполнить партийные указания. Крестьяне, несомненно, поняли, что послание обращено именно к ним. Со всей страны приходили сообщения о том, как в деревне старались добыть экземпляр газеты со статьей «Головокружение от успехов», переплачивая за нее и расстраивая усилия некоторых местных коммунистов остановить ее распространение.

Взяв на вооружение сталинскую статью, крестьяне, как могли, старались использовать ее против местного руководства. В одной деревне группа крестьян в сопровождении сельского священника устроила шествие, потрясая газетными вырезками со статьей и угрожая привлечь местные власти к суду за «незаконную организацию колхозов». Быстро распространялись слухи: «Сталин сказал, рано еще строить колхозы» или «Сталин приказывает разогнать все коммуны и колхозы»¹². Даже прошел слух, будто Сталин приедет лично, чтобы защитить кулаков и наказать бедняков и колхозников, в результате целые группы кулаков сидели на железнодорожной станции в ожидании прибытия Сталина. В дополнение следует

отметить, что говорили крестьяне и так: «Николая зовут кровопийцем, а царь насильно ничего не просил, а теперь на насиллии вся власть держится!»¹³, «Мы работаем на земле, а хлеба нет, с работы прогнали, совсем помирай»¹⁴.

Игнорирование постановлений ЦК находит свое отражение в вопросе принудительного обобществления скота, когда крестьяне отказались сдавать коров и лошадей, которых им совсем недавно возвратили¹⁵. Тогда работники сельсоветов неверно информировали вышестоящие организации о выполнении решения ЦК и благополучном положении внутри колхозов¹⁶. В связи с этим крестьяне прямо заявляли: «Вы нас насильно заставили обобществить скот, если не отдадите коров, не выйдем работать на посевную кампанию¹⁷».

Еще один способ пассивного сопротивления граничит с игнорированием постановлений ЦК и приказов. Это такие действия как, например, самовольное возвращение изъятого имущества, домов, скота, зерна. Разбор обобществленного скота был одной из самых популярных мер по возвращению имущества крестьян: в Кинельском районе в с. Пожаровка из 461 коровы было разведено 300 коров¹⁸, в Борском районе в с. Ивановка группа колхозников, руководимая членами партии в лице начальника станции Азяева и рабочего Горюнина, отправилась на колхозный двор и разобрала всех обобществленных коров¹⁹.

Местные власти были вольны оценивать работу колхозников по следующим параметрам: подчинение четко установленному режиму работы, выполнение и перевыполнение плана, выполнение дисциплинарных требований, участие в социалистическом соревновании. Качество работ не оценивалось местными руководителями, ибо сами они также были подчинены плановой отчетности, формирующей экономические развитие страны, и заботились об улучшении показателей в количественном отношении. Таким образом, в лидеры колхозного производства мог выйти не действительно добросовестный

работник, а тот колхозник, который смог приспособиться к новой системе и выдавать необходимые показатели. Такой работник пользовался поощрением со стороны местного руководства. Однако сельчане выражали недовольство успехами соседей. Продолжались гонения на участников строительства колхозного строя, а новые активисты коллективизации, особенно женщины активистки, по мнению сельских жителей, нарушали старые устои. Они якобы стремились превзойти соседей, выслужиться перед начальством, а понятие «ударник» стало оскорбительным. Работники политотдела МТС на Средней Волге фиксировали частые жалобы колхозниц: «Мы работаем добросовестно, а нас оскорбляют, присваивая звание ударниц²⁰».

Усугубляла ситуацию проводимая местными властями практика вывешивания на «Доске позора» фамилий тех, кто имел плохие показатели в работе, с целью противопоставления их активистам. И так, обеспечение внутреннего единства села переросло в погоню за единообразием, когда крестьяне выступали против тех, кто отличался от остальных, в основном против активистов. Ведь на фоне развивающегося безынициативного отношения к труду оставалось все меньше тех, кто стремился преуспеть в деле производства сельскохозяйственной продукции.

Дефицитная экономика стимулировала рост жестокой конкуренции за средства существования. Крестьяне ополчились не только на представителей властей, но и на своих же односельчан. В основном нападкам подвергались активисты, под предлогом того, что они нарушали идеалы коллективизма. Особенно страдали те, кто принимал участие в раскулачивании и строительстве нового колхозного строя, им приходилось жить во враждебном окружении. Крестьяне сами доносили клеветнические сведения на своих соседей, поэтому те, кто прежде занимались раскулачиванием односельчан, сами становились кулаками в глазах властей. Такая практика существовала вплоть до 1935 г., сотни доносов крестьян содержали сведения о «проникновении кулаков

в руководящие органы²¹». А официальный взгляд на коллективизацию, как и прежде, транслировал обществу позитив. Даже промахи преподносились как просчеты отдельных людей, то есть система ни при чем, это люди не справились. И заголовки в газетах сообщали, что «совещание по хлебозаготовкам 1927 г. высказалось против премиального вознаграждения»²², и что советское хозяйство ставит задачу двустороннего развития сельского хозяйства и промышленности, а колхозы – это один из верных направлений развития²³. Чтобы понять сложные процессы не только коллективизации, но и советизации крестьянства, необходимо рассматривать не только секретную, но и печатную, открытую версию событий. Именно сочетание различных трактовок позволяет не только увидеть многогранную ситуацию, но и оценить изменения в сельском советском обществе, понять, что именно подразумевается за теми или иными штампами в отчетах или в газетных заметках.

Библиография

¹ Стенографический отчет 7-го Сызранского Уездного съезда Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов 1–5 июля 1920 года. Сызрань. 1920. С. 1.

² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 5. Д. 119. Л. 122.

³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 29. Д. 150. Л. 4.

⁴ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2001. С. 322.

⁵ *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010. С. 58.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Симбирянин (Симбирск). 1917. 17 марта.

⁸ Искусство и жизнь (Самара). 1921. 25 февраля.

⁹ Впервые опубликовано в газете: День советской пропаганды 1919. № 1.

¹⁰ Спецсводка СПО ОГПУ № 33 о настроении сельского населения в связи с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР о хлебопечкозаготовках и о колхозной торговле по материалам ПП

ОГПУ УССР, СВК, НВК, СКК, ЗСК, Западной области, МО, ИПО, Нижкрая, БССР, ЛВО, Казахстана, Татарии, Крыма по данным на 22 июня 1932 г. (№ 29 по: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. Кн. 2. С 132).

¹¹ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2001. С. 322.

¹² Там же. С.323.

¹³ *Вахитова Т. М., Прокофьева В. А.* Проклятия крестьян падут на вашу голову. Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 г. // Новый мир. 1993. № 4. С. 178.

¹⁴ Спецсообщение СПО ПП ОГПУ по СВК об антисоветских проявлениях 16 ноября 1933 г. (№ 161 по: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. Кн. 2. С. 490).

¹⁵ Спецсводка СПО ОГПУ о настроениях колхозников в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «О принудительном обобществлении скота» по материалам ПП ОГПУ Севкрая, Западной области, ЦЧО, СВК, НВК, ВСК и Нижкрая по данным на 31 мая 1932 г. 7 июня 1932 г. (№ 25 по: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. Кн. 2. С. 114).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010. С. 278.

²² Советская Сибирь. 1927. 4 сентября.

²³ Вперед. 1929. 3 июля

**Пряничный домик Дядюшки Джо:
интенции и апории аграрной политики
«первого» сталинизма**

Эпоха сталинизма, относительно недавно оказавшаяся в сфере внимания профессиональной истории¹, уже обильно уснащена гипотезами, эмоциями и мифами, разбор которых, наряду с анализом самого этого исторического периода, потребует еще немалых усилий и значительного времени. Некоторые затруднения вызывает и операционализация понятия «сталинизм». Вероятно одной из самых серьезных «трудностей перевода» оказывается полисемантический характер этой – скорее социально-философской, нежели исторической – категории. Отметившись буквально во всех сферах отечественной культурной традиции, сталинизм остается одной из величайших мистерий прошедшего века, а возможно – не только прошедшего.

Между тем, ремесло историка, мыслимое в системе гештальтов, как работа земляного червя по переработке отвалов, нарытых кротом истории, предполагает некоторую определенность относительно объекта приложения своих сил. И здесь не обойтись без принудительной локализации понятия в соответствии с задачами нарратива. Не думаю, чтобы необходимость делать это каждый раз способствовала облегчению дискурса, однако, в рамках сложившегося тренда, иного выхода пока что не просматривается. Итак, под сталинизмом в рамках заданной темы мы будем понимать систему мероприятий и их теоретико-концептуальное – в том числе идеологическое – обоснование по организации государственного контроля в аграрной сфере, претендовавшей со времен общинной революции на некоторую автономию. Ведь если с политической точки зрения реконкиста страны крестьянской утопии была

к середине 20-х гг., в общем, завершена, то организационно-хозяйственное освоение «покоренных» крестьянских земель еще стояло в повестке дня.

Вопрос этот в категорию «разное» не умещался, поскольку экспроприации деревни, жуировавшей на вольных НЭПовских хлебах, предстояло сыграть в партийном эпосе роль космогонического мифа, и, что тоже существенно, сделаться источником ресурсов для грядущей модернизации. Да, автор, безусловно, отдает себе отчет в том, что в паттерне материалистической каузальности, реализуемом отечественным обществоведением, первенство следовало бы отдать практической задаче изъятия продовольствия. Но идеократический характер режима, в котором сакрализация политической воли опосредовалась монополизацией пространства символического, обуславливал утверждение логоцентристской модели познания общества, сулившей невиданные перспективы в деле освоения и оптимизации прошлого. Весело – как солнце в капле – отзеркаливающий сиюминутными смыслами в точке мимолетного randevу означающего и означаемого дискурса лукавой Клио можно было приручить, лишь обеспечив соответствие параметров означаемого заданным характеристикам означающего².

Поэтому экспансия на периферию – первое «настоящее» дело теперь уже сталинского ордена меченосцев – эта своего рода инициализация и кровавое побратимство, имевшая ключевое значение для задуманного в первой и с похвальной методичностью реализованного во второй половине 30-х гг. сценария всемирной апологии режима, была обречена на успех, вне зависимости от цены и результатов, впрочем, как и все другие начинания «самого верного Ленинаца».

Очарование сталинской гармонии эпохи «второго сталинизма», как бы нарочито оттенялось грубоваторомантическим звучанием темы «первого», однако эта футуристическая симфония в максимальной степени должна была быть обеспечена героической партитурой, призванной

играть роль гештальтно-стереотипического сырья для грядущих культуртрегерских презентаций. Утвердившийся в социокультурной риторике к началу 40-х гг. большой стиль избавлял И. В. Сталина от необходимости врать и передергивать: открылась возможность просто переписать историю по-своему³: ведь «чем внушительнее оставленный вами текстовый “шлейф”, тем заметнее ваше место в истории»⁴. В сталинской истории после «Великого перелома» места крестьянству уже не находилось. Поэтому весьма драматичный сюжет о взаимоотношениях сельских сообществ и Соввласти после общинной революции, пришлось заместить Ad hoc концептом колхозной Шлараффии⁵, место на кисельных берегах которой бывшее российское крестьянство из-за кулацких подначек едва не прошляпило. После чего концы с концами в аграрном дискурсе большевизма начинают более или менее стыковаться⁶.

Прочтенное в данном контексте «Головокружение от успехов»⁷, например, предстает уже не как шизоидный нарратив, свидетельствующий, что левая рука диктатора не ведала, что творила правая⁸, а вместе они явно не дружили с головой⁹, а как раз наоборот – как зримое свидетельство сталинского гения¹⁰. Особенно если учесть, что в качестве приложения к статье был опубликован окончательный текст «Примерного устава» колхозов.

Но вот только гений этот крестьян в качестве адресной группы не позиционировал: они-то уж за время тысячелетнего сожительства выучились на лету схватывать и читать эманации державного тела. Их нужды не было обманывать: во-первых, все равно не выйдет (бравлирующий своей необразованностью мужик, неизменно демонстрировал высочайшее качество рефлексии, если дело касалось его интересов); во-вторых, объективно существовавшая потребность государства в деревенских ресурсах неизменно учитывалась максимумами моральной экономики.

Призванная сыграть роль одного из двух источников строительства социализма¹¹ в годы «первого сталинизма» коллективизация сельского хозяйства нуждалась не только в организационном, но и в пропагандистском обеспечении. С этой целью формируется комплекс агитационных ресурсов, рисующих колхозную жизнь в самых радужных красках¹². После чего она предстает радостной, аккуратненькой; умытой, как утренняя заря, встающая в июне над зубцами кремлевской стены; из-за которых и вышел ключевой скрипт колхозной романистики: «Достижение партии состоит здесь в том, что... удалось повернуть основные массы крестьянства... к новому, социалистическому пути развития... для того чтобы дать им вернуться из нищеты и кулацкой кабалы»¹³.

Под пером Сталина колхоз обрел соблазнительные пропорции «Пряничного домика», разве что хозяйка – в смысле Хозяйин – жила в другом месте, аккурат за этой самой стеной. Правда, сооруженный для соблазнения крестьянства, он сыграл свою зловещую роль¹⁴, в основном, в отношении самих строителей и заказчиков (хотя куски крыши удалось даже экспортировать)¹⁵. Двери сталинского Пряничного домика закрылись – увы – и за историками, которые за рвущимися вверх показателями «зарытых» на колхозных полях моточасов не всегда успевают разглядеть трагедию советского крестьянства, низводимого до совхозного уровня самосознания, ответственности, инициативы. В целом, утопия колхозной деревни, априори выписанная в «Поднятой целине», продолжает довлеть в исследовательском дискурсе, до такой степени искажая образ означаемого, что возможность продуктивного формирования адекватной семантической цепочки выглядит сомнительно, во всяком случае, в актуальных лингвосомиотических порядках¹⁶.

Впрочем, давление на периферию имело под собой и более прагматические задачи – для реализации своих масштабных геополитических проектов коммунисты нуждались в деревенских ресурсах: «...попытки

инкорпорировать их в экономику страны гордо именовались развитием, прогрессом, искоренением неграмотности и социальной интеграцией, хотя на деле речь шла совершенно о другом: целью государства было не повышение производительности периферий, а достижение гарантии того, что экономическая деятельность здесь законодательно отрегулирована, обложена налогами, статистически учтена и предполагает процедуру конфискации; если же такая деятельность этим критериям соответствовать не могла, то она замещалась удобными государству экономическими формами»¹⁷

В рамках определяемого таким образом перечня задач государства, стремящегося контролировать сельскохозяйственные районы, – оттого, что нарратив Дж. Скотта в качестве объекта имеет Юго-Восточную Азию, суть дела не меняется, – историческая пропозиция большевизма в преддверии сталинской экспансии на пленер выглядит неблестяще. Неопикуемый хаос и отсутствие хоть какого-то дисциплинирующего начала: верхи не знают, что делается в низу, низы не понимают, чего от них хотят верхи, но заранее готовы саботировать все их начинания. По свидетельствам авторитетных очевидцев (С. Ф. Платонов, А. В. Чайанов, и др.) в конце 20-х гг. в стране интенсивно формировалась оппозиция по линии «Центр – Периферия», грозившая дисфункцией Соввласти и параличом госаппарата. В этих условиях, даже если бы «Дядюшка Джо» был по своей природе добродушным увальнем, ему не оставалось бы иного выбора, кроме упорядочения функционирования периферии, зона которой угрожающе приближалась к Садовому кольцу. Не то чтобы Сталин хотел навредить крестьянам, просто интересы крестьянства были ему глубоко безразличны, зато – весьма беспокоили судьбы мировой революции. Ну а поскольку и те, и другие объективно пересекались, конкурируя за одни и те же ресурсы, потребности мировой революции должны были быть удовлетворены за счет крестьянства»¹⁸.

Поэтому смысл аграрной политики большевизма накануне реализации практической программы подготовки к мировой войне¹⁹, – установление контроля над периферией – можно признать объективно обусловленным. Результаты – выход Советского Союза на мировой рынок хлебов в качестве продавца – можно было бы признать блестящими, если бы не мелкие издержки в виде головокружения от успехов и сотен тысяч умерших от голода²⁰. Создание технической базы социализма дороговато обошлось стране, однако искренняя вера в закономерность социальных процессов открывает перспективу негативного менеджмента – это уверенность в том, что саботаж одной альтернативы гарантирует реализацию другой. Особенностью ленинско-сталинского эсхатологического управления являлась вера в конечность их усилий – в том числе страданий народа – фетиш мировой революции, которая «все съест», моментально снимал вопросы о бессмысленности жертв или моральной составляющей управленческих стратегий большевизма. История к концу прошлого века зло посмеялась над сторонниками такого администрирования, однако вплоть до начала 90-х гг. никто не решался полностью его отвергнуть.

Собственно вопрос, как нищую голодную страну, в которую превратил Россию Ленин, удалось в короткие сроки трансформировать в ведущего экспортера хлебов, в имплицитной форме уже содержит констатацию высокой эффективности аграрной политики Сталина, в сравнении с коллегами по партийному менеджменту. Вместе с тем результаты сталинского управления существенно уступают как показателям имперского администрирования начала XX в., так и результатом «живого творчества масс» периода новой экономической политики, что позволяет попутно выставить в качестве дискуссионного немудреный тезис о том, что поскольку аграрная политика сталинизма представляла собой весьма острое лавирование между Сциллой голодовки и Харибдой возрождения частной собственности, она, во-первых, являла собой некий

компромисс, круг субъектов которого не вполне очевиден, а, во-вторых, аграрная сфера никогда не рассматривалась Сталиным в качестве мейнстрима сталинизма.

Причиной, по которой он смог повернуться к деревне «спиной», становится возвращение крестьянства к традиционным оборонительным стратегиям социального поведения. Возвращение тем более странное на фоне впечатляющих успехов общинной революции и поражения большевиков в борьбе за мировую революцию²¹. Ведь решимость, с которой крестьяне отстаивали свои приобретения, поражала оппонентов (вынужденных расширять объем и формы насилия до рамок зверств и военных преступлений), наблюдателей (неопрятно удивленных цинизмом российской пасторали) и даже историков (в соответствии с гесиодовской традицией, усматривавших в деревенском сопротивлении бесперспективный – и потому уже вредный, – с точки зрения общественного прогресса – акт), хотя привычка к убийствам и отсутствие безгливости – очевидная характеристика натурального хозяйства (а чего же вы хотели от людей, сызмальства приученных убивать своих питомцев и при этом еще ковыряться в их требухе в поисках строительного материала, игрушек или сырья для ремесленных упражнений). Людей, формировавших представление о мировом порядке посредством адсорбции культуры войны, бросившей вызов гуманистическим ценностям, столь долго лелеемым евроатлантической цивилизацией.

Впрочем, причины приверженности крестьян оборонительным стратегиям очевидны: они не исповедуют наступательных. Гурийское восстание, Антоновщина или «Вилочное восстание» – суть локальные акты сопротивления лишь волею случая и некомпетентностью агентов государства, возогнанные до стадии масштабных вооруженных конфликтов. В основе голодовок – либо злая воля (Поволжье, 20-е), либо головотяпство (Украина, 30-е). А вот антисистемные выступления, хотя бы и проходившие под аграрными лозунгами, – дело все же городское. Тот же

Кронштадтский мятеж крестьянским выступлением, даже с натяжкой, не назовешь.

Более того, можно утверждать, что коллективизация (во всяком случае, ее начало) не была актом государственного насилия. Хотя бы потому, что рурализация социума по итогам общинной революции исключала возможность реализации непопулярной в среде мелких сельскохозяйственных производителей программы. Как показал опыт мировой и гражданской войн, крестьяне довели искусство саботажа до совершенства и в диалоге с властью умели поставить на своем. Поэтому, выступая в поход на деревню, Сталин был готов удовольствоваться очередным сеансом «попустительства», но после украинского Голодомора, вскрывшего неэффективность механизмов этики выживания²² и означавшего де-факто²³ разрыв с традициями морально-экономической коммуникации, в рамках которой крестьянство было тогда вправе рассчитывать на поддержку государства, в деревне был запущен новый сценарий – замены субъектов аграрного производства.

Собственно говоря, задача создания в деревне «актива из самих крестьян, откуда партия могла бы черпать новые силы»²⁴, была поставлена Сталиным еще на октябрьском пленуме ЦК в 1924 г., но «Великий перелом», похоже обошелся и вовсе без крестьянства. Коммунисты имплантировали в социальное тело деревни инновационные институты, не столько объединявшие крестьянство, сколько заменявшие, – в смысле, отменявшие, – его традиционные организационные формы. Кроме того, на эти органы была возложена важная миссия мониторинга крестьянских настроений²⁵. Среди инструментов большевистской экспансии сам Генеральный секретарь называл «...и другие (кроме Советов – Д. Л.) в высшей степени важные беспартийные организации вроде кресткомов, кооперативов, органов комсомола»²⁶. Новаторской формой работы в деревне с полным основанием можно признать создание деревенских

профсоюзов, объединявших, если и не самих крестьян, то, как правило, тех, кто внимательно за ними наблюдал, поскольку со времен Гражданской войны всем нутром усвоил опосредованность своего существования мимолетными крестьянскими настроениями²⁷. «Великий перелом» вывел на место основного производителя продовольствия совхозы и колхозы, что потребовало внедрения комплекса мероприятий, направленных на повышение надежности и обеспечение лояльности колхозного крестьянства. В борьбу за укрепление колхозов включается комсомол, направлявший своих активистов секретарями сельских райкомов, колхозных и совхозных ячеек комсомола, избачами в политотделы МТС и в совхозах.

В сельском хозяйстве распространяется кредитная кооперация, осуществляется переход к производственному кооперированию. Крестьяне становятся непосредственным поставщиком сельскохозяйственного сырья для государственной промышленности, получают машины, удобрения, создаются бюро по организации шефства предприятий и вузов над деревнями и селами. Так, на совхозных и колхозных полях Татарии трудились бригады москвичей, бакинцев, рабочих казанских предприятий. Важным ресурсом коллективизации оказались 25-тысячники, выполнявшие, в частности, сталинский наказ 1924 г. – прямую «смычку» партии с деревней²⁸.

Возникают прокатные пункты, машинные и молочные товарищества, машинно-тракторные станции (МТС), призванные на договорных началах обслуживать колхозы машинной техникой. В 1929 г. на полях работало 35 тыс. тракторов. Для обслуживания техники разворачивается движение комсомольских ремонтных бригад, для проведения сева – ударных молодежных бригад²⁹.

В результате всех этих мероприятий хлеб 30-го г. оказывается в распоряжении государства, однако статотчеты не дают ответов на вопрос о том, насколько все эти

интеракции были востребованы деревней, а, во-вторых, – насколько их можно считать, так сказать, крестьянскими, ведь история крестьянства, – по меткому выражению Дж. Скотта, – несводима к хронологии государства³⁰. В данном контексте кризис и перелом 1929 г. можно рассматривать как эманацию утомленного тотальным сопротивлением структур повседневности бюрократического организма, маскировавшего неэффективность инструментария, сменой индикативных показателей. Неизменно нараставший (вплоть до 1941 г.) поток материальных ресурсов, направляемых в сферу аграрного производства, и подававшихся более или менее точному учету, позволял не только прокламировать наращивание материально-технической базы социализма в деревне, но и рассчитывать, – правда, исключительно в дискурсе негативного менеджмента, – на то, что это действительно так³¹. В конечном итоге главным ресурсом агрополитики государства всегда была рабочая сила, способность, мобилизовать которую и оказалась, в конечном итоге, ключевым условием, позволившим большевикам контролировать периферию. Иллюстрацией к этому выводу могли бы послужить показатели продуктивности сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны, когда уровень контроля оказался существенно минимизирован. То обстоятельство, что агрокомплекс одной только Татарской автономной республики поставил государству 2 млн 363 тыс. т зерна, более 600 тыс. т картофеля и овощей, около 325 тыс. т животноводческих продуктов, свидетельствует о том, что в годы коллективизации на селе была развернута более или менее эффективная производственная структура, однако никто еще не доказал, что она исповедовала принципы этики выживания и моральной экономики – проще говоря, была крестьянской.

Таким образом, содержание темы аграрного сталинизма, по большому счету, исчерпывается решением задачи о социальной природе деревенских новообразований эпохи коллективизации, что, в свою очередь, позволит либо

констатировать мутацию деревенских миров в советский период, – на чем настаивал Ленин, – либо снять с крестьянства обвинения в сделке со сталинизмом, сосредоточившись на вопросе о его классовом самоубийстве. Но задача эта сообществом аграрных историков не решается, она ими даже и не ставится. Между тем как – и нужды нет беспокоиться – достаточно в спекулятивном формате мобилизовать крестьяноведческие наработки. Эвристический потенциал концепта этики выживания в приложении к российской истории был очевиден два десятка лет назад, очевиден и сейчас. Проблема на самом деле в том, что даже в 2011 г. все еще всерьез требовалось «...привести доказательства того, что теоретическая концепция “моральной экономики” крестьянства имеет прямое отношение к положению дел в деревне России в начале прошлого века и внятно объяснить, зачем вообще это требуется доказывать»³².

Создав легальную структуру волостной и сельской администрации, Сталин фактически замкнул систему моральной экономики на институты этики выживания, выведя, как казалось на какое-то время государственные структуры из поля зрения жителей периферии. Своими притязаниями государство поставило собственных сельских агентов в двусмысленное положение: им пришлось выбирать между заданиями партии и максимумами этики выживания.

Сходное положение сложилось к лету 1917 г., когда главы сельских сходов составляли костяк корпуса волостных комиссаров и председателей Комитетов общественной безопасности. В тот раз большинство администраторов предпочло остаться крестьянами. На этот раз выбор оказался сложнее: во главе Советов стояли коммунисты и активисты, моральные максимы которых далеко не всегда соответствовали критериям этики выживания. Используя механизмы моральной экономики, Сталин³³, направив гнев крестьян на органы Советской власти, добился того, что праведное негодование общинников смело общинные же структуры самоуправления (слегка подрумяненные бронзой

этатизма)³⁴, проделав в социальном теле деревни огромную брешь, в которую немедля устремились собственно государственные органы и агенты, решавшие задачи экспроприации и контроля. А оппонировать крестьянству оказалось уже нечем: обезглавленные деревенские миры³⁵ не смогли организованно выступить на защиту завоеваний общинной революции. В конечном итоге, начатый советским государством на рубеже 1920–1930-х гг. поход в деревню, так или иначе, завершился сокращением сферы приложения норм общинной этики выживания и существенной деформацией системы моральной экономики, которую позволительно было теперь игнорировать. Эти впечатляющие результаты явились результатом экспансии в сферу аграрного производства некрестьянских организационно-хозяйственных институтов, развернутой по инициативе большевиков³⁶.

Так первая битва с собственным народом завершилась блестящей победой³⁷ Великого стратега как на социальном поле, так, похоже, и в пространстве исторической памяти, до сих пор не нашедшей лазейки из настороженной Сталиным ловушки.

Библиография и примечания

¹ В соответствии с цеховой традицией, отодвигающей объект исторического познания от сегодняшнего дня примерно на полвека, возможность охватить сталинскую эпоху целиком открылась перед историками лет 10 назад, как раз к тому моменту, когда волна популярности сюжетов второй четверти прошлого века схлынула, оставив после себя более или менее упорядоченный набор политических стереотипов и исторических гештальтов, опосредующих восприятие этого периода истории нашей страны.

² Примечательно, что подобные приемы не претят и after-постмодернистской постсекулярной историографии XXI-го теперь уже века, оформившейся за годы отсутствия отечественных гуманитариев в мировом научном сообществе. Не диво, что после того как постновейшая российская историография, спускавшаяся

из марксистских эмпирей на твердую почву постижения объективной истины, угодила akurat в постмодернистскую гносеологическую тряси́ну с ее гнилостными огоньками мерцающей семантики и неверными тропинками методологии, ведущими от елани к бочажине; с ней приключился кризис, и по сей день не преодоленный.

³ Классическим примером сталинского футуризма может служить история Великой Отечественной войны, вкратце изложенная Вождем в докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г. в подземном дворце станции «Маяковская». Слегка аранжированная позднейшими дополнениями, она составила основную канву его книги «О Великой Отечественной войне Советского Союза», впервые изданной в 1942 г. За последующие 20 лет переизданий ни одно слово, ни одна цифра в более чем 10-миллионном совокупном тираже этого произведения не были изменены. Но, пожалуй, самым важным результатом сталинского творчества можно считать воспроизведение в хронологии и логике современных исследований по истории Второй мировой войны дискурсивной формации сталинского сборника.

⁴ *Скотт Дж. С.* Как сбежать от государства // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. М., 2011. С. 32.

⁵ Кокань и Шлараффия, край с молочными реками и кисельными берегами, страна изобилия и праздности – образ европейской культуры, сформированный в эпоху Средневековья.

⁶ Первый опыт презентации аграрной программы постленинского большевизма был предпринят Сталиным в сборнике «Крестьянский вопрос» (М.–Л., 1925) и затем развит в серии публикаций 1929–1930 гг., составивших добрую часть 12-го тома его «Сочинений».

⁷ *Сталин И. В.* Головокружение от успехов // *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 191–199.

⁸ Сталин, упрекая слишком ретивых исполнителей собственных указаний, по сути дела вводил в коннотированной форме понятие избыточного усердия, что противоречит логике авторитарного режима.

⁹ Введенный в оборот посредством корпоративного по своей природе средства массовой информации (газеты «Правда» – органа ЦК и МК ВКП (б)) текст не имел ни руководящей силы, ни программного характера. Заметим, что и не мог иметь: для этого существует субординационная структура постановлений, приказов, распоряжений и т. п. Для внешней среды он тоже не годился – доверительное общение с народом шло у Сталина при помощи радиоточек. А между тем, советская историография, а следом за ней и вся остальная, поддерживают гипотезу о потаенном смысле «Головокружения...».

¹⁰ На паттерн «гения» должна была работать и каноническая библиография – Иосиф Виссарионович ничего не упустил: обратим внимание, что в 12-м томе его «Сочинений», где агрегированы программные материалы по коллективизации, за «Годом великого перелома» следует «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», а чуть дальше – в нарушение хронологии, поскольку произнесена и опубликована в декабре 1929-го (а «Головокружение» в марте 1930-го) – программная речь на конференции аграрников-марксистов «К вопросам аграрной политики в СССР», где с научных позиций разъясняется неизбежность ликвидации кулачества как класса. Эта небольшая неточность в хронологии дает громадный выигрыш в драматургии 12-го тома, в содержании которого, то отступая, то сгущаясь лейтмотивом, звучит тема колхозной деревни.

¹¹ Хотя индустриализация и была вторым источником, но на самом деле без крестьянского хлеба и трудовых ресурсов ничего бы не вышло, поэтому коллективизацию с полным основанием можно называть если и не единственным, то главным источником.

¹² Донская сага М. А. Шолохова по объему и художественным достоинствам венчает циклопическую пирамиду «колхозной литературы» соцреализма, в основании которой произведения В. М. Киршона, А. И. Колосова, В. В. Овечкина, В. А. Смирнова, В. П. Ставского, А. А. Тарасова, А. И. Тарасова-Родионова и др., все эти бесконечные «Сыновья», «Прасковыи Максимовны», «Гости в Стукачах» и т. д.

¹³ Это Сталин подсказывает пролетарским писателям темы для будущих номинаций на нобелевско-сталинские премии

(См.: *Сталин И. В.* Год великого перелома // *Сталин И. В.* Соч. Т. 12 С. 118–135).

¹⁴ Возникшая в римскую эпоху традиция посвящения богам домиков, сделанных из сладостей (их ставили в домашний алтарь и постепенно съедали), христианской практикой идолоборчества была трансформирована в зловещий образ знаменитого «Пряничного домика» – воплощенного искушения – являющегося ловушкой ведьмы.

¹⁵ Это о Нобелевской премии для М. А. Шолохова.

¹⁶ Предваряя колхозную симфонию 12-го тома, Сталин в 6-м томе «Сочинений» поместил свое выступление на Совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП (б) 22 октября 1924 г. «Об очередных задачах партии в деревне» и речь на Пленуме ЦК РКП (б) 26 октября 1924 г. «О задачах партии в деревне», где по пунктам представлены все основные задачи партийной работы в деревне, которые затем будут отработаны советской историографией в качестве объективистских нарративов. Проблема в том, что современные дискуссии и колхозном строе и коллективизации разворачиваются вокруг сталинских презентаций, как правило, не обинующихся реальным положением дел. Пожалуй, единственная загадка этого сюжета: а верил ли сам Сталин в то, что говорил и писал о колхозном строе?

¹⁷ *Скотт Дж. С.* Указ соч. С. 14.

¹⁸ «Ничего личного», – как говорят злодеи в американских боевиках.

¹⁹ Речь идет о разворачивании программы «пятилеток», позволявшей комплексно и поэтапно модернизировать промышленность и укреплять обороноспособность.

²⁰ Эти хитрецы, выскользнув из зоны государственного контроля, больше не могли быть использованы в интересах режима.

²¹ Даже столь выдающийся знаток российской жизни как С. Ф. Платонов вынужден был ограничиться тезисом о «попустительстве» крестьянства как главном условии победы большевизма: «Объяснение факту существования соввласти нахожу в том, что произошло это благодаря попустительству крестьянства, а потому уверен, что в будущем крестьянство будет доминирующей силой перед рабочим классом»

(См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. С. 30.).

²² Похоже, коммунисты всерьез рассчитывали на «сотни миллионов рублей... в кармане у крестьян», сэкономленные на покупке земли (См.: *Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 141–172.

²³ Де-факто, потому что руководство страны и лично Сталин стремились поддержать Украину, однако систематическая дезинформация украинского руководства существенно осложняла задачу (Подробнее см.: *Кондрашин В. В.* И. В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности центра и республиканского руководства // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки.* 2011. Вып. 6. М., 2011. С. 192–209).

²⁴ *Сталин И. В.* О задачах партии в деревне. Речь на пленуме ЦК РКП (б) 26 октября 1924 г. // *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 317.

²⁵ С которой они, по компетентному мнению Сталина, справлялись лучше, чем собственно партийные органы: см.: *Сталин И. В.* О задачах партии в деревне...; *Его же.* Головокружение от успехов...

²⁶ *Сталин И. В.* О задачах партии в деревне... С. 318.

²⁷ В конце 1920-х гг. был образован так называемый «Всеработземлес», объединивший союзы работников земли и лесоводов. К началу 1930-х гг. в отделение профсоюза в ТАСС насчитывало около 10 тыс. членов, среди которых: батраки, пастухи и подпаски; лесники и объездчики; сельхоз специалисты; землеустроители; лесные специалисты, служащие, учащиеся и безработные.

²⁸ См.: *Сталин И. В.* О задачах партии в деревне...

²⁹ Например, в ТАСС в посевной кампании 1930 г. участвовало около 11 тыс. комсомольцев. К августу 1931 г. 65% комсомольцев деревни работали в колхозах. С 21 по 24 августа 1930 г. проводился Всетатарский штурмовой трехдневник силосования. В этом году Татария по выполнению плана силосования заняла 1-е место в СССР. Осенью 1930 г. комсомольцы стали инициаторами в организации «Красных обозов». Силами комсомольских организаций в этом году было

заготовлено 25 446 центнеров хлеба. Из 2 872 делегатов I Всетатарского съезда колхозников-ударников (май 1933 г.) 463 делегата были комсомольцами.

³⁰ *Скотт Дж. С.* Указ соч. С. 31.

³¹ Эта иллюзия, как ни странно, продержалась довольно долго – окончательное резюме относительно отсутствия корреляции между закачиваемыми в агрокомплекс ресурсами и производительностью труда было сделано лишь после провала так называемой «Продовольственной программы СССР» 1982 г. На современном уровне агроэкономики очевидно, что ключевым условием эффективности инвестиций в сельское хозяйство выступает наличие разветвленной и жизнеспособной финансовой инфраструктуры, способной воспринимать, фиксировать и – как итог – удовлетворять запросы сельскохозяйственных производителей. Отечественный опыт убедительно свидетельствует, что разрушение этой коллекторной сети, сплетавшейся в начале XX в. в рамках кооперативного движения, не сопровождалось формированием эффективной альтернативы, поэтому инвестиции в деревню, оседая на различных административных уровнях, никогда не доходили до производителей. Это, в целом, понятно... единственное, что здесь может вызвать удивление, так это способность советского агроменеджмента поглощать и аннигилировать финансы. Относительная эффективность постсоветского сельского хозяйства в России опосредуется как развитием финансовой инфраструктуры агробизнеса, так и появлением реального объекта инвестирования, хозяйствующего на земле. Правда, назвать их крестьянскими хозяйствами – язык не поворачивается. Возможно, крестьянство как социальная группа вообще не располагает инструментарием освоения финансовых потоков, и в этом смысле органически «не вписывается» в проект постиндустриального общества... да и индустриального тоже.

³² *Бабашкин В. В.* Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. М., 2011. С. 135.

³³ Решение вопроса о том, сознательно ли он это проделал или интуитивно, можно отложить до будущих исследований.

³⁴ Легализация общинных структур самоуправления, инспирированная Временным правительством в апреле 1917 г., сыграла с ним злую шутку, оказавшись началом Общинной революции. Да и ленинцам пришлось существенно сбавить прыть, свернув проект «Военного коммунизма». Политическое искусство Сталина, напротив, позволило выманить деревню из-за НЭПовских бастионов и навязать ей кабальные условия общественного договора. Некоторые, правда, считают его договором с дьяволом.

³⁵ Сходную тактику использовали монголы при покорении завоеванных земель: вырезав местную элиту, они сажали на ее место своих нойонов и нукеров, которые принимали образ жизни покоренных, получая взамен полноценную дань. Поэтому к многочисленным титулам Вождя можно прибавить еще и звание «Почетного Внутреннего Чингисхана».

³⁶ Сосредоточившись на подведении социально-значимых итогов сталинской аграрной политики, автор намеренно оставляет в стороне вопросы о моральных последствиях и даже – хозяйственной эффективности этих мероприятий.

³⁷ Конституция 1936 г. зафиксировала «туше».

**Модернизация и процессы
«раскрестьянивания» – окрестьянивания» в XX веке**

Теме модернизации, комментированию и критике различных теорий модернизации, посвящено огромное количество литературы. Хотя понятие «модернизация» возникло в западной социологии и политологии как своеобразная метатеория для осуществления политических и социально-экономических трансформаций в странах третьего мира после Второй мировой войны, в основу этой концепции легли идеи о содержательной трансформации социокультурной сферы в контексте перехода от «традиционного» к «нетрадиционному» обществу, высказанные в различных философских традициях, начиная с середины XIX в. Ее разрабатывали такие выдающиеся ученые, как К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ш. Эйзенштадт, Ч. Кули, М. Леви, Т. Парсонс, Ф. Теннис и др.

В рамках модернизационной парадигмы обычно противопоставляются «традиционное» («аграрное») и «современное» («модерное», «индустриальное») общества. Здесь идет речь скорее об идеально-типичных конструкциях, а не об эмпирически представленных исторических или современных реалиях. Теория модернизации рассматривает основное содержание эпохи Нового и Новейшего времени как постепенный и неравномерный переход отдельных стран и культур от традиционного, аграрного, холистского, соборного, ориентированного на неизменность общества к обществу современного типа – торгово-промышленному, индустриальному (а сейчас – постиндустриальному), городскому и индивидуалистическому, исповедующему идею постоянного развития и т. п. Модернизация рассматривается как совокупность процессов индустриализации, секуляризации, бюрократизации, урбанизации, становления системы общего образования и

представительской политической власти, роста пространственной и социальной мобильности и т. п. – процессов, ведущих к формированию «открытого общества», в противовес «закрытому», «традиционному». Концепция модернизации – один из содержательных аспектов концепции индустриализации, а именно – теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества.

Анализ таких исторически значимых явлений как модернизация может проводиться на различных уровнях. На уровне внешних эмпирических явлений, классифицируемых в рамках предметных областей политики, экономики, социологии, истории технологий и т. д. понятие «модернизация» может пониматься как процесс усовершенствования, развития, рационализации, обновления и т. п. Однако, само понятие «модернизация» указывает не на отдельные специфические изменения, а на целый клубок связанных между собой трансформационных процессов¹.

В целом модернизационной парадигме присуща позитивная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного. Нередко исторический аспект уступает место идеологическому и даже место пропагандистскому, современное западное общество преподносится как образец для наследования, единственно возможная перспектива и цель развития всех народов, «Светлое будущее всего человечества», «Конец истории» и т. п. При этом ценности, присущие западной цивилизации (частная собственность, индивидуализм, материальный успех и т. п.), объявляются как бы «общечеловеческими».

Впрочем, специалисты признают, что понятие «модернизация» не достаточно четкое, имеет характер научной метафоры, допускает определенные двусмысленности в толковании его содержания². Исследователь скорее сталкивается с большим количеством разнообразных моделей и теорий³. Само слово «модернизация», выйдя за пределы строго понимаемого

научного термина, стало употребляться чрезвычайно широко и размыто, зачастую включая в себя трудносовместимые значения⁴. Модернизационная парадигма неоднократно пересматривалась. К наиболее важным особенностям эволюции парадигмы можно отнести пересмотр роли и места традиционного социокультурного контекста модернизации, предоставление ему большего значения, по сравнению с ранними концептуальными схемами; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влияния внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание циклической природы процесса модернизации; акцент на тяжелый, болезненный характер модернизационных преобразований; признание множественности путей развития и модернизации; отказ от трактовки модернизации как непрерывного и бесконечного процесса; признание обусловленности модернизации «внешними» и «внутренними» ограничителями. Современные исследователи уже не рассматривают традицию и современность как взаимоисключающие концепты; традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой, возникает запутанный клубок взаимоотношений между традицией и современностью. Модернизационные траектории различных обществ в большинстве случаев конгруэнтны своим традиционным социокультурным и институциональным наследиям⁵. В последнее время появляются постмодернистские социальные теории, которые показывают неединственность западного пути, неединственность социалистической альтернативы, возможность жить на основе традиции, преодоление противоположности между средневековым и локковским человеком, возможность не развиваться, критикуют право Запада диктовать миру свою волю, отрицают концепт всемирной истории как истории, идущей в направлении, открытым Западом и т. п.⁶.

Следует учитывать ограниченность концепции модернизации как методологического подхода, рассматривать его именно как метод, познавательный инструмент, теоретическую проекцию, а не как сам исторический процесс, который нельзя трактовать однолинейно. Более корректным было бы использование термина модернизация *лишь в узком* значении слова (по словам В. В. Шелохаева) – то есть лишь как исследовательский метод, подход к изучению исторического процесса⁷.

В последнее время становится популярным трактовать в контексте модернизационной теории историческое развитие Российской империи, Советского Союза, стран «постсоветского пространства».

«Раскрестьянивание» сельского хозяйства – объективный социально-экономический процесс, происходящий в современном индустриальном обществе, независимо от вмешательства политических структур, которое может быть весьма различным и по направлению, и по форме, и по результатам. Во всем мире сельское хозяйство и крестьянство переживают процессы глубокой трансформации. Происходит структурная перестройка везде, где сельское хозяйство сталкивается с рынком. Модернизация всегда болезненна для крестьян. Рынок и капитализм «убивает» мелких землевладельцев с их специфическим образом жизни и менталитетом⁸.

По большому счету, модернизация в странах Европы в свое время также происходила за счет крестьянства, его пауперизации, «раскрестьянивания». Но на Западе промышленность развивалась таким образом, что город вбирал из деревни рабочую силу и численность сельского населения сокращалась. При этом сокращение сельского населения сопровождалось ростом производства в расчете на одного занятого. Значительная часть избыточного сельского населения Запада переместилась в США, Канаду, Латинскую Америку. В Западной Европе эта проблема не имела такой остроты, поскольку была перенесена в общемировой

контекст, где приобрела характер противостояния между «Мировым Городом» и «Мировой Деревней».

Главное событие истории России XX в., считает А. Г. Вишневыский – гибель деревни⁹. Но представляется, что «гибель деревни» (традиционного общества) – это не событие, а процесс, который растянулся более чем на столетие (начиная, по меньшей мере, с 1861 г.). Модернизационные процессы в деревне были вызваны не внутренними факторами, а навязаны извне – городской цивилизацией. Вынужденная модернизация оказалась разрушительной для крестьянского традиционного жизненного уклада, общества и культуры. Проникновение товарно-денежных отношений, расширение неземледельческих занятий, развитие отхожих промыслов и множество других явлений нарушают замкнутость сельской жизни, подрывают традиционную культурную систему, вносят диссонанс в традиционную систему ценностей и представлений. Согласно теоретической модели, предложенной У. Томасом и Ф. Знанецким, традиционное крестьянское сообщество с развитием интенсивных контактов с окружающим некрестьянским миром начинает ощущать проявления социальной дезорганизации¹⁰. Модернизация накладывалась на кризисные явления в сельском хозяйстве, вызванные демографическим взрывом, ростом малоземелья и избыточного аграрного населения. Вследствие вторжения рыночных отношений эксплуатация крестьянства приобретает новые формы, происходит падение жизненного уровня крестьян. В той форме, в которой она происходила в России в конце XIX – начале XX вв., модернизация объективно вела к раскрестьяниванию.

Среди основных элементов революционной ситуации в России начала XX в. наиболее явными были экономический и социальный кризисы. Критическим аспектом был кризис сельского хозяйства. Кризис сельского хозяйства поставил перед необратимой последней чертой все стоявшее на этой основе русское аграрное общество¹¹. Но вопрос сельского хозяйства – это вопрос не только сельского

хозяйства. По словам Б. Д. Бруцкуса, аграрный кризис свидетельствовал о неудовлетворительном состоянии не только аграрной, но и всей экономической организации страны¹². В России возникает невиданное в странах индустриального мира явление – секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражается в долгосрочном прекращении перекачивания рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность в результате снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии¹³.

Аграрный вопрос в России всегда был вопросом политическим. Кризисные явления в сельском хозяйстве Российской империи в начале XX в. обычно объяснялись крестьянским «малоземельем», причиной которого было помещичье землевладение, остатки феодализма в аграрном секторе и т. п. Так считали сами крестьяне, так считало общественное мнение того времени, так считают и многие современные исследователи. Проблема аграрного перенаселения поднималась в работах, как правило, авторов «консервативного» направления дореволюционного периода. Л. Н. Литошенко одним из первых указал на аграрное перенаселение как на главную причину аграрного кризиса в России¹⁴. Аграрное перенаселение было одним из наиболее характерных признаков хозяйственного состояния деревни в пореформенные десятилетия. Аграрное перенаселение было следствием секторного разрыва между укладами в экономике, составляло труднорешаемую проблему для правительства, стало одной из главных причин кризисных явлений в сельском хозяйстве и роста социальной напряженности. Крестьянство оказалось не только «неудобным», но в условиях модернизации и «ненужным», а учитывая аграрное перенаселение – еще и «лишним классом».

Реформа Столыпина была направлена на модернизацию сельского хозяйства. Реформа активно способствовала становлению капитализма, была призвана расчистить сельское хозяйство от «слабых» в пользу

«сильных», решить задачу **первоначального накопления** капитала в деревне. Но вопрос о том, куда девать «слабых», как решить проблему аграрного перенаселения оставался открытым. Ни кустарная, ни фабрично-заводская, промышленность не могли смягчить остроту проблемы избыточной рабочей силы. Капиталистическая модернизация, предложенная Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации, раскрестьяниванию большинства крестьянства, являлась насилием над крестьянством и вызывала его сопротивление.

Основной причиной революции в России стал кризис модернизации, совпавший с системным кризисом всей западноевропейской цивилизации, проявлением которого стала первая мировая война. Революция, по словам Т. Шанина, впервые поставила под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества, доказала, что природа российского общества отличается от той, которую допускали разные теоретики и общественные деятели¹⁵. Многими исследователями революционный процесс в России трактуется как реакция общественного организма на процессы модернизации, на кризис европеизированной культуры, первую в истории попытку отказа принять парадигму западной цивилизации.

Именно аграрный строй Российской империи – существование многомиллионного крестьянства, в значительной степени обособленного от «городской цивилизации», сохранившего особые, докапиталистические формы общежития и собственности, специфическую ментальность, элементы обычного права и т. п. – обусловило своеобразие революционных процессов в России. Победа большевиков в Гражданской войне во многом была предопределена позицией крестьянства. По мнению многих исследователей, патриархальность и коллективистское сознание крестьянства, его реакция на попытки ускорения модернизации страны, стремления освободиться от чужого ему культурного слоя и т. п., в конечном итоге, определили победу большевиков.

В литературе последних лет высказывается мнение, что советское общество сохранило многие черты, присущие традиционному обществу, или являлось его особой разновидностью. В типологическом плане новый общественный порядок представлял собой своеобразную комбинацию докапиталистических, капиталистических и послекapиталистических элементов. В то же время это было общество модернизирующееся, пытающееся противостоять натиску Запада, догнать его в материально-техническом отношении. При характеристике советской модернизации некоторые авторы стали использовать термины «консервативная модернизация», «антикапиталистическая модернизация» и т. п.¹⁶. В данном случае речь идет, скорее, об использовании потенциала модернизации в инструментальной сфере. Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течение XX в. в различных странах мира, прежде всего в СССР, были преимущественно адаптационной реакцией незападных обществ на радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики в рамках сложившегося ареала модерности¹⁷.

«Крестьянский вопрос» в широком понимании во многом определял специфические черты истории Советского Союза в XX в. От процессов, происходивших в деревне, зависело очень многое в общеполитической, экономической, социокультурной ситуации в стране. В целом, социально-экономическая модернизация советской России была не мыслима без первоочередных преобразований сельского хозяйства, направленных на его интенсификацию, рационализацию, повышение продуктивности.

Курс большевиков, собственно, не противоречил традиции, стал своего рода продолжением политики относительно крестьянства правительства царской России. Унаследованный от царской власти «аграрный деспотизм» при новом режиме приобрел несколько иную окраску. Политика большевиков в известной мере стала продолжением царской политики модернизации. И в этом

плане можно в какой-то степени согласиться с А. Грациози, который называет конфликт новорожденного Советского государства с крестьянством продолжением конфронтации между крестьянством Империи и Российским государством, которая приобрела новую форму и вступила в новый этап своего развития¹⁸. И в этом плане конфликт между государством и крестьянством и в Российской империи, и в Советском Союзе можно рассматривать как следствие модернизации. Хотя взаимоотношения между государством и крестьянством ни в царские времена, ни в советские нельзя сводить лишь к конфронтации.

Например, по мнению Г. Е. Корнилова результатом трансформаций аграрной сферы первой половины XX в. стало раскрестьянивание – сокращение численности крестьянства и изменение образа жизни сельских жителей. Крестьянство постепенно утрачивало свои классообразующие признаки и свойства. Раскрестьянивание имело две стороны – внешнюю и внутреннюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьян. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывало культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей, в результате чего утрачивались специфические черты крестьянства как социальной группы¹⁹.

Революционные события и последующие преобразования в деревне, проводимые Советской властью, можно рассматривать не столько как «гибель деревни», то есть традиционного общества, а как его трансформацию, вызванную процессами модернизации, направленную на самосохранение и приспособление к новым условиям. «Антикапиталистическая модернизация» по своей сути была более щадящей по отношению к крестьянственности²⁰.

В литературе последних лет заметно стремление свести к раскрестьяниванию сталинскую коллективизацию крестьянских хозяйств в начале 1930-х гг.²¹ Представляется, что коллективные формы производства, несмотря на принудительность их внедрения и связанные с этим

эксцессы, выступали не как средство разрушения, а именно как средство защиты крестьянства от тех трудностей, которые приносит крестьянину рыночная действительность. Собственно, колхоз можно рассматривать как видоизмененную форму общины. Следствием коллективизации стала трансформация и сохранение именно крестьянской культуры. При всех внешних и поверхностных изменениях «ядро» крестьянской культуры сохранилось. Крестьянином называют классического сельского производителя, например, XIX в., и крестьянина-колхозника советского периода. Колхозник, собственно, сохранил основные характерные черты крестьянина. Сохранились характеристики крестьянина как персонификатора трех форм общественного разделения труда: хозяйственного, социопространственного и социально-антагонистического (классового в широком смысле слова)²². Сохранилась внутренняя и внешняя идентификация колхозника как крестьянина²³. Судьба поколений крестьян, родившихся в первые десятилетия XX в., действительно уникальна. Именно они стали свидетелями, участниками и жертвами модернизационных сдвигов. Это были поколения, формировавшиеся в старой дореволюционной России, но именно эти поколения строили общество, ставшее советским. И они, значительная часть жизни которых пришлась на советское время, идентифицируют себя именно с крестьянством.

В советском укладе были возобновлены многие черты «традиционного» общества, которые были подорваны или ослаблены в процессе модернизации конца XIX – начала XX вв. Советская власть – это власть, которая возвращается к традиционным основам, но она одновременно стремится модернизировать общество. История советского периода – это попытка прорыва к модернизации на основе архаичных социальных отношений²⁴.

Без индустриализации невозможно было решить проблему аграрного перенаселения. Процессы индустриализации и урбанизации приводили к массовым

миграциям, росту численности городского населения за счет сельского. Индустриализация и урбанизация вели к разрушению традиционного уклада крестьянской жизни, но переносили его на «большое общество». Россия приобрела черты большой общины, большого «мира». Вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна одновременно «окрестьянивалась», превращаясь в одну гипертрофированную крестьянскую общину («коммуну»), все базовые идеологически «новые» ценности и нормы которой соотносились с устоями сельского «мира»²⁵. Черты крестьянской общины исследователи не без основания видят и в колхозах в деревне, и в «трудовых коллективах» в городе²⁶. А размытый крестьянский тип ментальности начинает проникать в другие социальные слои, а затем и преобладать в Советском Союзе. Именно крестьяне и их мировоззрение в течение многих десятилетий определяли культуру, быт, взгляды советских людей – и это влияние чувствуется в нашем обществе сих пор.

Если до революции крестьянин, как правило, пытался избегать контактов с властью, у него не было стремления «пробиться в начальство», то после революции, по мере развития советских властных структур и формирования новой элиты, инструментальная ценность причастности к власти резко возрастает. До революции продвижение по ступеням власти для выходцев из крестьян было сословно ограниченным. Революция упразднила сословные ограничения, и выходцы из крестьян получили возможность для продвижения к высшим ступеням власти. И крестьяне, придя во власть, приносили свои привычки, свою психологию, свое мировоззрение – со всеми их привлекательными и непривлекательными сторонами.

Революционные преобразования отражали тенденцию к упрощению культуры, идущую от низов и рефлекслируемую интеллигенцией, которая придавала ей форму теории и идеологии²⁷. Но социокультурный раскол был преодолен. Правительство и народ, «верх» и «низ»

впервые за 200 лет стали разговаривать на одном языке, в культурной коммуникации не было конфликтных зон.

В странах постсоветского пространства якобы происходит новый виток модернизации. Как в начале XX в., так и в его конце и в начале XXI в., при в чем-то похожих социально-экономических предпосылках и обстоятельствах (анalogии всегда «хромают»), происходит гибель крестьянина. В Российской империи и в Советском Союзе сформировались собственные традиции реформирования: проводить преобразование вынужденно, сверху, опираясь на разветвленную бюрократическую систему, часто не имея обратной связи. Эти традиции сохранились и сейчас. Современные аграрные реформы, провозглашающие задачу деколлективизации и «окрестьянивания», на деле превращаются в средство дальнейшего и, возможно, действительно окончательного раскрестьянивания. При этом ограбление села продолжается и даже усиливается. Общая «фермеризация» в современных условиях с неизбежностью означает одновременно и падение производства, и социальное расслоение, сопровождаемое выбрасыванием из сельского хозяйства огромной массы тружеников, которые теряют одновременно и землю, и работу. Происходит дезинтеграция сельского социума. Крестьянская субкультура превращается в «культуру бедности». В этом сущность земельных реформ, подчиненных задачам первоначального капиталистического накопления и проведенных средствами традиционного бюрократического радикализма. На первый план опять выступает проблема взаимоотношений крестьян и власти, понимания последней проблем села, ее готовности к реформированию аграрной сферы с учетом интересов крестьянства.

Библиография

¹ Лоован дер Х., Райенван Р. Модернизация как концепт // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 78–92 (<http://abimperio.net/cgi->

bin/aishow.pl?state=showa&idart=238&idlang=2&Code=6sYjWsLDV8SmiTmx8RLep6iBL).

² *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 54–59, 138.

³ *Лоован дер Х., Райенван Р.* Указ. соч.

⁴ *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 10.

⁵ См.: *Побережников И. В.* Указ. соч.

⁶ *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

⁷ Отношение к прошлому – ключ к будущему. Материалы международного симпозиума «Куда идет Россия?» // Отечественная история. 1999. № 6. С. 79.

⁸ См.: *Мандра А.* Конец крестьянства. Продолжение размышлений о конце крестьянства: двадцать лет спустя. Париж, 1984 [Реферат] // Отечественная история. 1994. № 2.

⁹ *Вишневский А.* «Серп и рубль». Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 11.

¹⁰ *Thomas W. I., Znaniecki F.* Chłop polski w Europie i Ameryce. Warszawa, 1976. Т. 4: Dezorganizacja i reorganizacja w Polsce. С. 34.

¹¹ *Вишневский А.* Указ. соч. С. 11.

¹² *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/br_soch.php.

¹³ *Онищук С. В.* Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995. С. 122–123.

¹⁴ *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

¹⁵ *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1920 гг. М., 1997. С. 10, 30.

¹⁶ *Вишневский А.* Указ. соч.; *Фурсов А.* Крестьянство в социальных системах // Обозреватель–Observer. 2012. № 6. С. 74 (<http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>).

¹⁷ *Гавров С. Н.* Указ. соч. С. 19.

¹⁸ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 5–6.

¹⁹ Корнилов Г. Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. С. 214.

²⁰ Фурсов А. Указ. соч. С. 74.

²¹ См., напр.: *Роголина Н. Л.* Коллективизация – решающий этап в репрессивном раскрестьянивании // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2011 (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

²² Фурсов А. Крестьянство в социальных системах. С. 80.

²³ См.: *Михайлюк О. В.* Селянство як «уявлена спільнота» // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. Вип. XXVII. С.89–98 : <http://sites.znu.edu.ua/historySciWorks/issues/27/27/mykhailiuk.pdf>

²⁴ См. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1.: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998; *Кантор К. М.* История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). М., 1992; *Шанин Т.* Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С.33–37.; и др.

²⁵ *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 24 (http://www.rau.su/observer/N9_2011/018_025.pdf).

²⁶ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 24–25.

²⁷ *Козлова Н. Н.* Культура – общество – человек: парадоксы революционного обновления (обзор) // Человек и социокультурная среда. Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество». Комплексные исследования. М., 1991. С. 236.

**Деятельность прокуратуры Тамбовского округа
и Тамбова в 1930–1931 годах:
деревня в объективе «ока государева»**

Очень часто одно только присутствие прокурора или судьи, или следователя создает на селе психологический перелом в работе. Поэтому нет ничего страшного в формировании и посылке судебно-административных бригад.

Областной прокурор ЦЧО Калмыков¹

Советская прокуратура была создана постановлением ВЦИК от 28 мая 1922 г. На прокуратуру были возложены функции осуществления надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений, непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов государственного политического управления, поддержание обвинения на суде, наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей. По сути, «с зарождением командно-административной системы прокуратура как орган по надзору за законностью была фактически преобразована в орган, контролирующий неукоснительное исполнение на местах постановлений и распоряжений центральных органов власти»².

Возраставшее давление государства на деревню с конца 1920-х гг. требовало внесения корректив в функции прокуратуры. Формирование принципиально новой политической и социальной реальности вело к изменению ориентиров контролирующего механизма в структуре

административной машины, поэтому «сфера деятельности органов прокуратуры в условиях коллективизации была значительно расширена»³. На кустовом совещании райпрокуроров, нарследователей, нарсудей, работников органов дознания, представителей учреждений и общественного актива горпрокуратуры совместно с представителями областной прокуратуры, которое проходило в Тамбове 10–12 октября 1930 г., областной прокурор Центрально-Черноземной области Калмыков отметил необходимость «...заняться “выкорчевыванием” остатков капитализма...»⁴, назвав 1930 г. «годом решающим в деле ликвидации кулака, как класса»⁵. Подобные функциональные трансформации вели к сдвигам в социально-экономической системе. Политика насильственной коллективизации разбалансировала аграрный сектор, оттолкнула крестьянство от власти. Возросший административный нажим сковал инициативу деревни и, как следствие, снизился выход валовой сельскохозяйственной продукции. Непопулярность и объективная неэффективность вживления силовых механизмов в государственный организм вынуждали власть обернуться «лицом к деревне». Отмечая негативные процессы при проведении хлебозаготовительной кампании, Калмыков обратил внимание на то, что «в большей своей части в эту кампанию привлекались середняки и бедняки и именно за то, что они прятали собственный хлеб в ямы, оставленный ими для своего личного потребления. Я смело могу здесь заявить, что на 90% было привлечено неправильно»⁶. Так единичные «победы» агентов Советской власти на хлебном фронте выливалось в общую экономическую деградацию деревни.

Хлебозаготовительные мероприятия создавали значительный потенциал в сфере правового манипулирования и злоупотребления должностными полномочиями. Но на пути уголовного преследования прокуратурой потенциальных преступников зачастую вставляли «мандаты» представителей местного номенклатурного Олимпа. Так, облпрокурор Калмыков на

совещании в Тамбове 10–12 октября 1930 г. отмечал, что «более всего... привлекаем работников сельского масштаба и очень-очень редко привлекаем тех, кто дает распоряжения о совершении перегибов. Их трогать нельзя, они пользуются мандатами рика»⁷.

«Перегибы» и незаконные действия местных властей перманентно фигурировали в сводках и выступлениях работников прокуратуры. Так, в Мучкапском районе был осужден нарсудом за невыполнение твердого задания середняк Головин, сын которого служил в Красной армии. Как отмечал Калмыков, «налога Головин платил 7 р. 70 к., никаких признаков зажиточного хозяйства нет и это середняк получает 1 000 руб. штрафа, а хозяйство всего на 400 р.»⁸. Масштаб беспорядочных арестов в 1930 г. приобрел массовый характер. Без объявления обвинения под стражу мог отправить как сотрудник ОГПУ или милиции, так и председатель сельсовета или председатель колхоза. Калмыков приводит пример подобного произвола властей: «Два середняка не сдают хлеб. Местное потреббщество начинает их игнорировать путем объявления им бойкота. Не дает им товаров, говоря, что у Вас нет хлеба, нет Вам товаров. Наконец, обнаруживают у них 10 коробок спичек. За это обнаружение одного из них судят и приговаривают к 6 месяцам принудработ, говоря: “Тебя ЕПО байкотировало, а ты имеешь спички, так на тебе 6 месяцев принудработ”. По-моему надо идти последовательнее и прямо говорить, что этим самым спичками ты подожжешь колхоз, поэтому на тебе 58/8 ст. УК и расстрел. И это дает судья, проработавший в органах юстиции 8 лет»⁹. Подобный сарказм прокурорских работников лишь подчеркивает факты бессилия разраставшегося административного аппарата бороться с произволом и безнаказанностью в своих же рядах.

Кризис взаимоотношений власти и крестьянства порождал все новые витки репрессивной политики. «Палочная система», основанная на директивных указаниях Центра, вела работу в направлении раскулачивания

крестьян. Не давая общих оценок, областной прокурор Калмыков на совещании в Тамбове 10–12 октября 1930 г. отметил «опыт формального, неверного раскулачивания, особенно в северных районах бывш. Тамбовского округа. Имеем факты, когда сельсоветы, комиссии содействия по хлебозаготовкам, да и рики дают иногда твердые задания тем, кто весной был раскулачен и говорят, что это есть настоящие кулаки, а к тем людям, которые не облагались и не был раскулачен твердые задания не даются, а между тем хозяйства их имеют все признаки кулацкого хозяйства, с обложенных же взять нечего»¹⁰. Далее прокурор указывал на то, что власть не может вернуть раскулаченным имущество, на которое последние имеют законные права. По сути, проблеме практической реализации политики раскулачивания прокуратурой придавалось юридическое оформление, базировавшемся на ведомственных приказах и законодательстве.

Накануне коллективизации сразу два силовых органа – прокуратура и ОГПУ оказались в «передовом окопе» хлебозаготовительного и «антикулацкого» фронта. Дублирование ряда функций создавали конкурентную среду, развивали противостояние органов ОГПУ и прокуратуры. Так, борьбу с антисоветской агитацией и терактами Калмыков относил к компетенциям органов юстиции: «В целом ряде районов наши органы полагают, что эта работа должна возлагаться на органы ГПУ. Это неверно. Борьбу с контрреволюционной агитацией кулачества должны вести мы (работники суда, прокуратуры, следствия, дознания) – и если будем ждать, когда кто-то придет и пресечет эту агитацию, а сами ничего не будем делать, то это будет большой политической ошибкой с нашей стороны»¹¹. Подобные настроения прокурорских работников были обусловлены тем, что оба силовых органа, доминируя на местах над другими исполнительными органами власти, выступали в правовом поле противовесами друг друга. Нараставшая интенсивность борьбы с «кулачеством» только ускоряла их темп соревновательности. Данный сюжет нашел

отражение и в выступлении помощника областного прокурора Анфимов на совещания следственного отдела областной прокуратуры г. Тамбова 22 января 1931 г.: «Большинство контрреволюционных дел и о поджогах разрешаются в органах ОГПУ. Создается такая картина, что в органы ГПУ передаются дела с сомнительной установкой. Как общее правило, дела о контрреволюции должны вестись в следорганах и заслушиваться в судебном порядке. Сплошь и рядом от органов ГПУ принимаются дела сомнительные и с пропущенными сроками»¹².

Усиление карательной политики государства программировало «силовиков» на фабрикацию и «раздувание» уголовных дел. Особенно часто прокурорские работники квалифицировали дела по статье 58 УК. На тамбовском кустовом совещании райпрокуроров, райследователей и начальников районных бюро принудработ, представителей учреждений и общественного актива горрайпрокуратуры с представителями областной прокуратуры 11–13 августа 1931 г. областной прокурор Козловский отмечал: «Цифры нам показывают, что 60–70% контрреволюционных дел в процессе расследования прекращаются вследствие того, что не сумели выяснить дело. Около 15% дел доходят только до суда, до вынесения приговора»¹³. Подобные явления свидетельствовали о «надуманности» большинства уголовных дел. Но очевидность политической мотивированности дел не останавливало карательный вектор административной машины. По данным фактам областной прокурор Козловский отмечал узаконенную соревновательность с другими силовыми ведомствами в уголовном процессе: «Позорно будет следователям, если мы 70% дел этой категории не доведем до суда. Позорным будет и прокурорам, если они не будут отвечать на требования и директивы НКЮ и передать эти дела в ГПУ»¹⁴. Подобная борьба с «антисоветчиной» негласно одобрялась властью, опасавшейся выпустить из-под контроля деревню.

За парадным фасадом жесткого утверждения советского аграрного законодательства скрывались и факты откровенного превышения полномочий. Так, в Бондарском районе был зафиксирован факт, когда прокурор и судья распустили колхоз, «осудив председателя правления колхоза Уварова, организатора этого колхоза на 4 года, почему колхоз этот распался»¹⁵. Подобный акт входил в противоречие не только с советским законодательством, но и логикой правительственной аграрной политики, так как «колхозы были наилучшей формой организации сельскохозяйственного производства, позволяющей власти с меньшими издержками изымать хлеб у крестьян»¹⁶. Юридический казус по деколлективизации деревни агентом власти завершился увольнением прокурора и судьи, а также восстановлением колхоза. Факты превышения полномочий касались и процесса дерекрутирования совработников. 26 декабря 1930 г., не имея на то юридических прав, Тамбовский городской прокурор Прошин в качестве меры воздействия произвел отвод из Черняновского сельсовета 5-ти его членов за антисоветскую деятельность, пьянство и по другим причинам¹⁷.

Исследуя деятельность тамбовской прокуратуры, необходимо выделить проблему рекрутирования в прокуратуру низкоквалифицированных кадров, классовый портрет которых соответствовал идеологическим установкам. При этом практически не учитывался факт эффективности деятельности органов юстиции, который находился в прямой зависимости от качества подготовки специалиста. Характеризуя процесс формирования личного состава, облпрокурор ЦЧО Калмыков на совещании в Тамбове 11 октября 1930 г. отмечал, что «за последнее время проводится ряд мероприятий в области выдвижения из рядов рабселькоров на должности следователей и прокуроров. У нас в области есть следователь и 1 помощник прокурора из рядов рабселькоров, но это нас не удовлетворяет...»¹⁸. Также в Тамбовском округе на

должности прокурора трудились и профессиональные рабочие-токари.

При производстве как следственных действий, так и судебного производства по «кулацким» делам, работники юстиции сталкивались с давлением зажиточной части деревни, а также с внутрикорпоративной деревенской борьбой. Так, в Тамбове 11 октября 1930 г. в ходе совещания райпрокуроров, нарследователей, нарсудей, работников органов дознания, представителей учреждений и общественного актива горпрокуратуры совместно с представителями областной прокуратуры, Сыщикова, народная судья Сампурского района, жаловалась на Вознесенского, районного прокурора: «17 числа на бюро ячейки обсуждались вопросы о карательной политике суда по отношению к кулакам. В суде в то время было 2 дела по 61 ст. УК и по 131 ст. УК. Оснований для слушаний этого дела не имелось. Прокурор Вознесенский на заседании открыто заявил, что у Сыщиковой трясутся руки, что не поехала слушать. Наш Фролов и прокурор нажимают на нас, где нужно защищать, там не говорят «молчать», а теперь здесь защищается. Припоминается другой случай: в Знаменку не хотела ехать, так как 4 дела по 131 ст. УК говорили за провал. Товарищ прокурор опять ничего не сказал, не дал никакого совета, он бы сказал: «Не суди». Нельзя так, т. Вознесенский, заниматься двурушничеством. Нужно нам говорить на общем языке...»¹⁹.

Анализируя деятельность тамбовской прокуратуры, необходимо выделить ее высокую включенность в общественно-политическую жизнь в деревне. Активность данного органа юстиции демонстрирует перманентное присутствие прокурорских работников в селе. Так, в протоколе заседания комиссии при Тамбовском окрисполкоме по рассмотрению жалоб и дел по неправильному раскулачиванию от 19 мая 1930 г. отмечалось, что «на места» в весеннюю кампанию представители окрпрокуратуры выезжали 27 раз на 226 дней²⁰. В целом рост «нарушений революционной

законности» на местах сдерживался прокуратурой. Так, по ее линии в области исправления «перегибов» в ходе коллективизации и весенней посевной кампании 1930 г. против работников советского, хозяйственного и кооперативного аппарата было возбуждено 238 дел «за волокиту, бюрократизм и халатное отношение»²¹, 142 «за злоупотребление властью»²², 19 «за превышение власти», по 112 ст. УК – 41, по дискредитированию власти – 65, за растрату отобранного – 51, за мародерство – 1, за прочие проступки – 32²³. Именно эти «приоритетные» направления деятельности прокуратуры после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов» должны были снизить социальное напряжение в деревне, подорвать влияние антисоветских сил в деревне, набиравших политические и экономические баллы в условиях антиколхозного ажиотажа.

Крестьянство, оценив посыл Сталина как возможность поквитаться со вчерашними «хозяевами жизни», на мартовской волне 1930 г. стало использовать стратегии манипулирования. В данный период в тамбовскую прокуратуру в день приходило по 30–40 «жалобщиков»²⁴. Как отмечает Шейла Фицпатрик, «в условиях 30-х гг. донос являлся важной разновидностью стратегии подчиненных, используемой российскими крестьянами. Это была не стратегия сопротивления, а стратегия манипулирования государством, механизм, побуждавший государство не только защищать крестьян от издевательств местного начальства, ... но и вмешиваться в деревенские склоки...»²⁵. Подобные общественно-политические девиации были обусловлены желанием власти умиротворить крестьянство, чтобы вскоре вновь перехватить инициативу в борьбе за хлеб и колхозное строительство.

Практика осуществления сталинских аграрных трансформаций позволила выявить не только «узкие места» экономики, но и ряд проблем в сфере осуществления прокурорской работы. В протоколе № 4 окрсовещания при объединенном оргинстре облсуда и прокуратуры 2 февраля

1931 г. были отмечен ряд недостатков в работе прокуратуры Центрально-Черноземной области периода коллективизации: «Отсутствие должного по линии судебной репрессии на кулацко-зажиточную часть населения в начальный период хлебозаготовок (до октября м-ца нарсудом было осуждено только 2 кулака)... наличие ненормальных взаимоотношений в прошлом между райпрокурором и райисполкомом, вызванным непониманием со стороны последних своих прав и обязанностей и выражающихся в неосновательном со стороны рика требования выполнения райпрокурором несвойственных ему функций, в неосновательном отказе прокурора в предоставлении отчета рикау»²⁶ и др. Подобное самообследование обнажает раскол и разорванность на многочисленные обособленные звенья как общества, так и местной вертикали власти. Проблемы управляемости и социальной самоорганизации, принимая искривленные формы, создавали неустойчивый фундамент в деревне. Власть, отказавшись от либеральных и центристских альтернатив, осознанно шла по пути превращения государства в масштабный производственный механизм. В условиях отсутствия внешнеполитических источников финансирования, советская деревня должна была стать источником роста экономики СССР. Главные союзники правительства, прокуратура и ОГПУ, расчищали дорогу на пути к единой «фабрике зерна».

Библиография

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

² *Козлова Л. Н., Каминский А. М.* Функционирование прокуратуры Удмуртской республики в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. Вып. 2. С. 137.

³ Там же. С. 136.

⁴ ГАТО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 11. Л. 14 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 21.

-
- ⁷ Там же. Л. 16 об.
- ⁸ Там же. Л. 16.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 15.
- ¹¹ Там же. Л. 15.
- ¹² Там же. Л. 45.
- ¹³ Там же. Л. 79.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 16.
- ¹⁶ *Милосердов В. В.* Не может государство быть социальным при уничтоженном крестьянстве // Аграрный вестник Урала. 2009. № 12. С. 6.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 36. Л. 34.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 11. Л. 18-об.
- ¹⁹ Там же. Л. 21.
- ²⁰ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 7.
- ²⁵ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 25.
- ²⁶ ГАТО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 11. Л. 46 об.

**Цена «великого перелома»:
социальные и морально-психологические последствия
массовых репрессий в украинском селе 1928–1936 годов**

В условиях социально-экономических и политических трансформаций, происходящих в постсоветских обществах, вопрос о формах, механизмах, целях, последствиях реформ принадлежит к разряду «вечных», сохраняющих неизменную актуальность. Роль репрессий в осуществлении сталинской модернизации аграрного сектора конца 20–30-х гг. XX в. на протяжении последних двух десятилетий активно исследуется украинскими и российскими учеными. Разным аспектам этой проблемы посвящены работы Н. Ивницкого¹, И. Зеленина², Ю. Шаповала³. Однако, несмотря на значительные достижения отечественной и зарубежной историографии, остается целый спектр вопросов, которые требуют дополнительного изучения. Среди них – процесс трансформации крестьянского социума под влиянием террора. Поэтому целью данной статьи, подготовленной на основе рассекреченных архивных документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, является анализ социальных и морально-психологических последствий массовых репрессий в украинском селе в 1928–1936 гг.

Интенсификация репрессивных акций во время сталинской модернизации аграрного сектора, придание террору массового, тотального характера привели к тому, что физическое, экономическое, психологическое насилие превращается в повседневное явление в жизни коллективизированного украинского села. С момента применения «чрезвычайных» методов во время хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. в официальных документах получает распространение термин «нарушения

революционной законности». Подобным эвфемизмом называли незаконные штрафы, обыски, экспроприации имущества, аресты, избияния, пытки представителями власти крестьян. Используя термин «нарушения революционной законности», центральная власть стремилась отмежеваться от действий местного руководства и активистов (которые якобы неправильно выполняли кремлевские директивы, сознательно допускали извращения партийной линии), свести все к эксцессам исполнителей. Использование самого термина «нарушения революционной законности» свидетельствовало, что в советском государстве окончательно оформилось понятие «абсолютной «презумпции невинности» верховной власти, «генеральной линии» партии». Хотя, как справедливо отмечает историк А. Сахаров, «сама линия руководства как раз и толкала местные власти ... на незаконные действия. Те, кто отвечал за претворение линии партии и правительства в жизнь, делали это в соответствии со своим культурным уровнем, опытом работы в партийных, советских, карательных органах»⁴.

Начиная с 1927 г. количество случаев «преступного нарушения революционной законности» в республике постоянно увеличивалось. Если в 1927 г. суды УССР рассмотрели 816 уголовных дел о превышении власти, то в 1928 г. – уже 1 663, в 1929 г. – 1 902, в 1930 г. – 2 712, в 1931 г. – 2 500 (по неполным данным). Параллельно росло и количество случаев «квалифицированного преступного нарушения революционной законности (связанного с насилием, использованием оружия, приводящего к тяжелым последствиям)». В 1927 г. было рассмотрено 400 подобных дел, в 1928 г. – 829, в 1929 – 752, в 1930 – 1 095, в 1931 – около 1 200. Большинство фактов «нарушения революционной законности» были зафиксированы в селе, например, в 1931 г. – 87,5% обычных и 85% квалифицированных преступлений⁵.

Наркомат юстиции и Генеральная прокуратура УССР объясняли увеличение количества таких уголовных дел

в конце 1929 г. – первой половине 1930 г. осуществлением раскулачивания на основе сплошной коллективизации. Так, по информационным материалам ОГПУ на 15 мая 1930 г. в 37 округах республики нарушения в процессе раскулачивания и коллективизации были зафиксированы в 3 327 сельсоветах из 9 908⁶. До 29 марта 1930 г. «за искривление партийной линии при проведении текущих кампаний на селе» было привлечено к ответственности 4 001 чел., из них 328 чел. было отдано под суд и 478 арестовано⁷.

В 1931 г. большинство дел о нарушениях центральных директив были связаны с хлебозаготовительной кампанией 1931/32 г., которая сопровождалась «нечеловеческими пытками» несдатчиков хлеба, которых били, «раздевали до гола, заставляли стоять на коленях, наклеивали на грудь плакаты с разными надписями и водили по селу, раздевали женщин, выводили раздетых на мороз и в степь, держали по несколько дней в холодных ямах, не давали есть и спать, били револьверами, разрушали дома»⁸.

Своего апогея «нарушения ревзаконности» достигли во время хлебозаготовок 1932/33 г. Тогда в буквальном смысле кулаком многочисленные заготовители выбивали хлеб из голодающего украинского села. Например, в селе Лозоватка Криворожского района уполномоченные горкома партии Пушкарев и Котов за невыполнение хлебозаготовок закрыли в погребе крестьянку Гайскую, продержали ее до вечера, потом побили. А перед тем, как ее освободить, строго предупредили, чтобы никому об этом не рассказывала⁹. По неполным данным ГПУ УССР, в декабре 1932 г. – январе 1933 г. «нарушения революционной законности» были зафиксированы в 183 селах 92 районов Украины, больше всего в Винницкой области – в 50 селах 25 районов¹⁰.

Весной и летом 1933 г. истощенных от голода, полумертвых украинских колхозников тумакami выгоняли на работу, а избиениями наказывали за невыполнение трудовой. Таким образом, председатели колхозов и

бригадиры пытались искоренить «трудовой нигилизм» колхозников, не желающих бесплатно работать на государство. При этом физические методы воздействия практиковались не только по отношению к мужчинам, но и к женщинам, детям. Например, во время прополочных работ в колхозе «Красный Октябрь» Каменского-на-Днестре района Днепропетровской области было зафиксировано 7 случаев избияния колхозниц за неявку на работу и детей за кражу фруктов объездчиками полей. Председатель правления колхоза и секретарь партячейки знали о физических методах «воспитания», но никаких мер по их прекращению не предпринимали¹¹.

Всего во время уборочной и хлебозаготовительных кампаний 1933 г. факты нарушения революционной законности «со стороны низовых работников» были зарегистрированы в 64 селах 39 районов республики. Среди нарушителей – 10 секретарей партячеек, 15 председателей сельсоветов и их заместителей, 28 председателей колхозов, 7 бригадиров, 6 счетоводов колхозов, 23 сельских активиста, 4 районных работника, которых обвиняли в незаконных арестах, штрафах, избияниях, издевательствах над крестьянами, самосудах. ЦК КП(б)У отмечал, что «нередко избияния и издевательства принимали исключительно жестокий характер», вследствие чего из 93 пострадавших умерло от побоев 24 человека¹².

Кремль прекрасно понимал (сохранен стиль автора – *прим. ред.*), что на фоне масштабного социально-экономического кризиса, который переживал «модернизированный» по-сталински аграрный сектор, произвол местных руководителей является дополнительным раздражителем в отношениях власти и крестьянства. Поэтому после завершения сельскохозяйственных кампаний союзное и республиканское руководство проводило ритуальные акции по наведению порядка: публично, но не очень сурово наказывало виновных, декларируя, что не допустит новых искривлений партийной линии по отношению к крестьянству. 25 июня 1932 г. ЦИК и СНК

СССР даже приняли постановление с красноречивым названием: «О революционной законности», обязавшее суды и прокуратуру «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков конфискаций или изъятия имущества и пр.»¹³.

Документы свидетельствуют, что принятие указанного постановления фактически не повлияло на методы заготовительной кампании 1932/33 г., во время которой партийное руководство республики снова развернуло «решительную борьбу с фактами хулиганства и преступных действий (присвоение имущества несдатчиков хлеба)». Так, 29 декабря 1932 г. на заседании политбюро ЦК КП(б)У с участием Л. Кагановича было принято решение: «Все материалы об искривлениях со стороны районных, сельских работников и уполномоченных после проверки рассматривать в тройке ЦК по репрессиям». Комиссии политбюро ЦК КП(б)У в составе М. Хатаевича, К. Карлсона, В. Киселева поручалось выделить 4–5 самых значительных фактов хулиганства и воровства со стороны должностных лиц, сурово наказать виновных в судебном порядке с публикацией информации во всех районных газетах¹⁴.

Заметим, что уголовные дела об использовании физических методов «воспитания» колхозников получали широкую огласку только в тех случаях, когда жертва насилия была членом ЛКСМУ, партии, активистом, ударником. Тогда органы ДПУ и прокуратуры рассматривали их как «террористические акты, осуществленные классовым врагом с целью классовой мести». Именно так квалифицировали избивание председателем колхоза им. Сталина Ворошиловского сельсовета Александрийского района Днепропетровской области Лемешем колхозницы М. Коваленко. Последняя от нанесенных ей травм скончалась¹⁵.

Информационные сообщения органов ГПУ, прокуратуры, райпарткомов показывают, что многие местные начальники считали рукоприкладство

неотъемлемым элементом любой хозяйственно-политической кампании. Именно этим объясняется негативная реакция отдельных районных и сельских руководителей на директиву-инструкцию ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., декларирувавшую прекращение массовых репрессивных акций против крестьянства. Указанные представители власти утверждали, что без использования насильственных методов они не смогут обеспечить выполнение государственных посевных, уборочных, заготовительных планов. Например, председатель Слободского сельсовета Путивльского района Черниговской области Ярешко прямо заявил: «Теперь кампаний нам нельзя выполнять, пусть их выполняют те, кто это постановление подписали»¹⁶.

Чтобы прекратить рукоприкладство должностных лиц, Наркомат юстиции УССР принял в октябре 1934 г. директиву, которая обязала органы прокуратуры обеспечить рассмотрение указанных дел в кратчайший срок, а сами дела взять на особый учет. Лиц, виновных в нанесении побоев колхозникам, независимо от занимаемой должности, должны были привлекать уголовной ответственности по ст. 98 УК УССР – «за превышение власти или служебных полномочий», которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не ниже 6 месяцев. При отягчающих обстоятельствах («если превышение власти выразилось в насилии, применении оружия или мучительных или оскорбляющих личное достоинство потерпевшего действиях, либо сопровождалось таковыми, или повлекло за собою тяжкие последствия для потерпевшего») срок лишения свободы увеличивался до 3 лет¹⁷.

Между тем документы свидетельствуют, что местных руководителей было трудно заставить отказаться от физических методов воздействия на крестьян. Распространению насилия в украинском селе способствовало то, что во время сталинской коллективизации местные руководители привыкли

действовать по принципу революционной целесообразности, рассматривая очередные директивы о восстановлении социалистической законности как декларативные, а потому не обращали на них особого внимания. Тем более, что Наркомат юстиции УССР в директивном письме, датированном 20 октября 1930 г., подчеркивал, что «революционную законность следует понимать как отражение в конкретных нормах политики нашей партии. Социальная опасность поступков оценивается в зависимости от того, как и в какой мере они мешают социалистическому строительству»¹⁸. Исходя из такой «политизированной логики», преступником считался крестьянин, не выполнивший нереальный заготовительный план, а не уполномоченный, который с помощью физических методов воздействия обеспечил его выполнение.

Поэтому, невзирая на провозглашенную властью борьбу с «нарушениями революционной законности», в отдельных селах республики в 1933–1936 гг. наблюдалось увеличение количества случаев «избиения колхозников и детей со стороны ряда председателей сельсоветов, колхозов и учителей». Если в 1935 г. в колхозах района деятельности Вахновской МТС Липовецкого района Винницкой области «было отмечено два случая избиения, то в 1936 г. – 19, причем подверглись избиению 32 человека, в том числе – 14 детей»¹⁹. В целом, борьба с физическим насилием должностных лиц в 1933–1936 гг. носила перманентный характер, что доказывают многочисленные директивы органов юстиции республики и сводки ДПУ–НКВД.

Неэффективность борьбы с рукоприкладством местных руководителей объясняется тем, что наказания нарушителей «революционной законности» носили формальный характер. Это подтверждает и судебная статистика. По данным Наркомата юстиции УССР, в 1931 г. рассмотрение дел нарушителей ревзаконности судами в республике заканчивалось вынесением следующих приговоров: лишение свободы – 23,5% случаев, условное осуждение – 24%, принудительные работы – 45%,

общественное порицание – 6,7%²⁰. Подобная мягкость наказания резко контрастирует с практикой применения закона от 7 августа 1932 г.

Важную роль в мягкости наказаний «перекрутчиков ревзаконности» сыграла позиция областного и районного начальства, которое относилось к их деятельности снисходительно. Некоторые партийные руководители квалифицировали рукоприкладство, как «ошибки», за которые «судить не нужно, а надо ограничиться крепкими указаниями»²¹.

В свою очередь, это влияло на позицию прокуратуры, которая закрывала дела о «нарушениях революционной законности», ссылаясь на то, «что преступление совершено в чрезвычайно сложных условиях работы», оно не привело «к каким-либо тяжелым последствиям» и т. д.²². Скорее всего, имелось в виду, что после избиений и пыток никто из крестьян не погиб. И, наконец, причиной закрытия дела могло быть изменение политической конъюнктуры – заканчивалась очередная кампания по борьбе с «нарушениями революционной законности», дело переставало быть «актуальным», в результате чего, по мнению прокуратуры, дальнейшее проведение следствия становилось нецелесообразным. Вместо привлечения к уголовной ответственности к нарушителям применяли только дисциплинарные наказания. Уволив таких руководителей с занимаемых должностей в сельсовете или колхозе, их направляли на работу в другие села, где они продолжали издеваться над крестьянами. Красноречивый факт: председателя Красиловского сельсовета Бахмачского района Черниговской области Назаренко, совершавшего в 1933 г. массовые незаконные аресты крестьян, бюро райпарткома решило даже не исключать из партии, «ограничиться вынесением строгого выговора и использовать на работе председателя сельсовета в другом селе»²³.

В целом, истинные намерения власти, деклариовавшей суровое наказание «нарушителей

ревзаконности», иллюстрирует проведенная в конце 1930 г. «в ознаменование тридцатилетней годовщины Октябрьской революции» амнистия «трудящихся», осужденных «за должностные преступления, совершенные ими случайно в сложной обстановке острой классовой борьбы, по недостаточной опытности в работе». Амнистия распространялась на должностных лиц, «особо отличившихся» во время коллективизации, раскулачивания, хлебозаготовок, распространения госзайма и т. д. в период с 1 января 1928 г. по 7 ноября 1930 г. (включительно). Символично, что целью амнистии было предоставление возможности «нарушителям ревзаконности» «принять в дальнейшем активное участие в социалистическом строительстве»²⁴.

Многочисленные репрессивные акции, сопровождавшиеся физическим и психологическим насилием, безнаказанность местного начальства влияли на способность крестьян противостоять агрессивной социальной среде, сопротивляться действиям власти, порождали у них настроения отчаяния, бессилия, формировали запуганность. Украинское село постепенно привыкало жить в атмосфере страха и тотального террора, при этом жертвы насилия считали: «Жаловаться бесполезно», «Суд, милиция, прокуратура, ГПУ – это только дымовая завеса»²⁵. В результате, даже в случаях длительных и жестоких издевательств колхозники не жаловались в вышестоящие инстанции, поскольку, как это ни парадоксально звучит, считали подобные действия законными. Так, колхозник Загорулько из Вершино-Каменского сельсовета Новопражского района Днепропетровской области заявил сотруднику ДПУ: «Я думал, раз это делают коммунисты, то имеется такая установка партии и правительства»²⁶. Поэтому часто уголовные дела против местного начальства возбуждали только после обращения политотделов МТС, уполномоченных райкома или обкома, а не самих жертв насилия.

В тоже время тотальный террор против крестьянства приводил и к нежелательным для власти последствиям. Результатом интенсификации карательных акций во время хлебозаготовок 1932/33 г. стала социальная апатия: крестьяне переставали бояться репрессий. Так, из Цюрупинского района сообщали, что «в последнее время у большинства единоличников наблюдается притупленность в реагировании на репрессивные меры, на судебные процессы, хотя население достаточно оповещено»²⁷. Как отмечает украинский историк С. Кульчицкий, в 1932–1933 гг. «крестьяне отдавали предпочтение депортации перед голодной смертью»²⁸. Например, батрак Никита Поляков из села Сергеевка Павлоградского района на собрании заявил, «что страшно жалеет, что не кулак. Потому что кулаков выслали. Они теперь обеспечены едой и обувью и живут как люди. А над нами издеваются, хлеба не дают»²⁹.

Массовые репрессии обусловили процессы маргинализации в крестьянском социуме. Раскулаченные, репрессированные за невыполнение хозяйственно-политических кампаний крестьяне пополняли ряды так называемого «деклассированного элемента». Даже проживая в селе легально, они превращались в настоящих изгоев – в коллективные объединения их не принимали, а сельхозинвентарь и землю, необходимые для индивидуального хозяйствования, у них уже изъяли коллективизаторы. Как правило, репрессированные крестьяне выживали за счет временных заработков. При этом местное начальство внимательно следило за каждым их шагом, обвиняя их во всех неурядицах в колхозе или селе. Кроме того, даже отбыв наказание, репрессированные крестьяне оставались для власти потенциально опасными, а потому именно они становились первыми жертвами новых репрессивных кампаний. Неудивительно, что среди осужденных спецколлегиями Верховного и областных судов УССР в 1935 г. кулаки и так называемый «деклассированный элемент» составляли самую многочисленную группу – 1 232 осужденных из общего

количества 3 539 чел. В 1936 г. их количество уменьшилось, но все-таки оставалось значительным – 568 осужденных из 4 247³⁰.

Заметим, что голод, отсутствие легального заработка толкали таких крестьян на преступления. В голодном 1933 г. уголовные группировки, состоявшие из спецпоселенцев-беглецов, крестьян, репрессированных за невыполнение гособязательств, «вычищенных» из колхозов, буквально терроризировали украинское село, совершая кражи колхозного и личного имущества, иногда не останавливаясь перед убийствами. Таким образом, маргинализация значительной части крестьянства привела к ухудшению криминогенной ситуации в республике: насилие породило насилие.

В целом, созданная властью в годы сталинской модернизации аграрного сектора система тотального насилия в украинском селе привела к деморализации крестьянского общества, девальвации ценности человеческой жизни. При этом насилие начало восприниматься как норма в отношениях власти и крестьянства, порождая все большую вседозволенность руководителей разного ранга. Важным последствием террора стал отказ крестьян от активных форм сопротивления: волынок, восстаний, переход к скрытому саботажу, основными проявлениями которого были невыходы на работу, кражи колхозного имущества, бесхозяйственность. В связи с этим следует согласиться с украинским историком Л. Гриневич, которая считает, что «массовые репрессии формировали потенциальную оппозиционность» крестьянского общества сталинскому режиму, «в том числе готовность при удобных обстоятельствах (например, в случае войны) выступить против него»³¹. Слухи о начале войны или вооруженного восстания, постоянно циркулирующие в крестьянской среде в 1930-е гг. («Папа Римский выступил в защиту кулаков и организывает войну», «Пограничные войска расположенные на границе с Афганистаном, узнав, что

в СССР происходит грабеж крестьян и их семей, бросили границу и будут защищать их от грабительской власти»³²) свидетельствуют, что нередко именно с внешней агрессией украинское крестьянство связывало избавление от ненавистной власти большевиков.

Библиография

¹ *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., Университет г. Торонто, 2000.

² *Зеленин И. Е.* «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.

³ *Шаповал Ю.* Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993.

⁴ *Сахаров А. Н.* 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 48.

⁵ ЦГАОО Украины (Центральный государственный архив общественных объединений Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 5488. Л. 90–91.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2003. С. 348.

⁷ *Васильев В., Віола Л.* Колективізація і селянський опір на Україні (листопад 1929 – березень 1930 рр.). Вінниця, 1997. С. 240.

⁸ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5488. Л. 17.

⁹ ГАДО (Государственный архив Днепропетровской области). Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 4. Л. 67.

¹⁰ Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ГПУ-НКВД. Київ, 2008. С. 506.

¹¹ ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 86. Л. 44.

¹² ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 99, 100.

¹³ Хрестоматія з історії держави і права України: у 2 т.: Навч. посіб. для студ. юрид. спец. вищ. закл. Освіти / за ред. В.Д. Гончаренка. Т. 2: Лютий 1917 р. – 1996 р. Київ, 2000. С. 284.

¹⁴ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 180.

¹⁵ ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3. д. 36. Л. 668, 670.

¹⁶ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 110.

¹⁷ Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Сборник (Основные законодательные акты) / под ред. Д. С. Карева. М., 1957. С. 105.

¹⁸ ЦГАВО Украины (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 8. Оп. 14. Д. 294. Л. 110.

¹⁹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7065. Л. 18.

²⁰ Там же. Д. 5488. Л. 111.

²¹ ГАДО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 1494. Л. 53.

²² Там же. Л. 57.

²³ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 114.

²⁴ ГАДО. Ф. Р-1519. Оп. 1, д. 1. Л. 39.

²⁵ Там же. Ф. Р-1520. Оп. 3, д. 90. Л. 42.

²⁶ Там же. Д. 84. Л. 257.

²⁷ ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 20. Д. 5394. Л. 14.

²⁸ *Кульчицкий С.* Причины голода 1933 года в Украине (по страницам одной подзабытой книги) // Зеркало недели. 2003. 16 августа.

²⁹ ГАДО. Ф. П-19. Оп.1. Д. 270. Л. 24.

³⁰ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6996. Л. 22.

³¹ *Гриневич Л. В.* Морально-психологічний аспект державного терору // Політичний терор і тероризм в Україні ХІХ–ХХ ст.: Історичні нариси. Київ, 2002. С. 541.

³² ГАДО. Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

Сталинизм и крестьянство в Великой Русской революции

Абсолютное большинство вопросов, рассмотренных в ходе работы международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство» и конференции, в рамках которой он проходил, так или иначе, было связано с проблемой взаимоотношения крестьянства и власти на различных этапах российской истории. Мне представляется, что для выявления причинно-следственных связей в сфере взаимоотношений сталинской власти с крестьянством, частных сторон их проявления необходимо обратить внимание на некие глубинные, сущностные стороны взаимодействия крестьянства с российской властью в целом. Еще со времен формирования российского государства отношения эти носили двойственный, противоречивый характер. Их вполне можно обозначить как диалектическое единство и борьбу противоположностей. В социально-экономической сфере данная особенность проявлялась в том, что царская власть, которая стояла на страже интересов крупных землевладельцев-феодалов, была заинтересована в предоставлении мелкому производителю – крестьянству – условий производства и воспроизводства в целях получения феодальной ренты (разорившийся крестьянин не мог произвести прибавочного продукта). В то же время она была кровно заинтересована в его максимальной эксплуатации, ибо именно эта эксплуатация на протяжении веков обеспечивала доходы государства и того привилегированного сословия – дворянства, на которое она опиралась.

В сфере политических отношений единство и борьба противоположностей (государства и крестьянства, а, по сути, и общества, поскольку крестьянство составляло абсолютное большинство населения страны) состояли в том, что власть,

с одной стороны, постоянно демонстрировала стремление к расширению своих полномочий в управлении аграрным сообществом, с другой, – она вынуждена была считаться с его интересами, с его притязаниями на свободу, свои права, и идти на определенные уступки и соглашения.

Такой характер диалектического единства крестьянства и власти в российском обществе делал это единство глубоко антагонистичным, направляя его развитие по тупиковому в своей сущности пути неорганической модернизации. Отмена крепостного права, а затем и столыпинская аграрная реформа расширили крестьянскую свободу. Но тем самым эти реформы увеличили притязания крестьян на свободу в сфере владения землей и произведенными на ней продуктами сельского хозяйства. В условиях малоземелья, экономического кризиса начала XX в. все это привело к обострению противостояния крестьянства с действующей властью, а это обострение вылилось в конечном итоге в крестьянскую революцию, которая стала основой Великой Русской революции. Понятие «Великая Русская революция» должно, наконец, утвердиться, на наш взгляд, как общеупотребимое и в научной и в учебной исторической литературе для обозначения глубинных качественных изменений в способе производства, социальной структуре, культуре российского общества, коренной трансформации его политической системы, происходивших в первой трети XX в. Эти изменения следует рассматривать как единый исторический процесс, который зарождается с попыток массового насилия крестьянства по отношению к существующему политическому режиму в начале XX в. и завершается массовым насилием по отношению к крестьянству, направленным на утверждение нового сталинского политического режима в 1930-е гг. Начало этой революции инициировалось «снизу» в среде российского крестьянства, ее кульминационным этапом была гражданская война, ее завершающий этап представлял собой революцию «сверху», проводимую сталинским руководством в целях искоренения

существовавшего веками уклада хозяйственной жизни, социальных отношений в российской деревне, а по сути, и носителя этих отношений – крестьянина-землевладельца¹.

Но если рассматривать сталинские преобразования в деревне 1930-х гг. с данных позиций, то мы с неизбежностью столкнемся с постановкой ряда принципиально значимых вопросов:

1. Существует ли связь между начальным и завершающим этапами революции, и если «да», то в чем она заключается?

2. Поскольку сталинская «революция сверху» носила ярко выраженный антикрестьянский характер, означает ли это, что она была абсолютно оторвана от «почвы», крестьянской среды, что сталинизм как явление политической жизни никак не связан с традиционными ценностями и социальной утопией крестьянства?

3. Изменились ли сущностные черты взаимоотношений крестьянства и власти после крушения традиционного российского общества и системы власти, существовавших до прихода к власти большевиков, в частности, Сталина?

Методологическую основу в поисках ответа на подобные непростые вопросы, как нам представляется, можно найти в понимании того, что в таких глобальных исторических событиях как Великая Русская революция, все явления политической жизни есть не что иное, как отражение, проявление ее содержания. В свою очередь, сама эта революция, как политический процесс (какими бы хронологическими рамками ее не ограничивали) являлась составной частью, своеобразным этапом еще более глобального, продолжительного во времени процесса российской модернизации.

Исследование Великой Русской революции во всей ее целостности и развитии, как части процесса российской модернизации, позволяет охарактеризовать ее как сложный, внутренне противоречивый, несущий в себе и разрушительные, и созидательные черты процесс глубокой

трансформации российского государства и общества, определивший вектор модернизации на всю международную историю XX в.

Итак, исходя из обозначенных нами методологических подходов, мы должны с неизбежностью дать утвердительный ответ на первый из поставленных вопросов. Сталинский «большой скачок» в социализм 1930-х гг. и крестьянское движение за уравнильное распределение земли, вступившее в стадию активной борьбы против существующей власти с 1902 г. и продолжавшееся вплоть до 1917 г., является ничем иным, как определенными стадиями общего процесса российской модернизации, протекавшей в форме революции. Уже в силу этого они должны иметь некие сходные между собой черты. Что же было общего в рассматриваемых нами этапах революции?

Во-первых, их побудительные мотивы. И массовое крестьянское движение начала XX в., и сталинские реформы были инициированы нерешенностью аграрного вопроса. Разница заключалась лишь в акцентах, в векторе направленности на главную проблему. Если в первом случае такой проблемой был земельный вопрос, то во втором – проблема продовольственного обеспечения страны и финансового обеспечения ускоренных темпов индустриализации в условиях надвигающейся угрозы мировой войны (в современной историографии уже сложилось определенное мнение о том, что при НЭПе решение данной проблемы было невозможно).

Во-вторых, как это ни парадоксально звучит, но в обоих случаях необходимость принятия радикальных мер была обусловлена предшествующей политикой властей, либо отстававших в своих действиях от требований времени, либо осуществлявших их неадекватно назревшим потребностям. К числу таких действий относятся и насильственное, по сути, разрушение П. А. Столыпиним крестьянской общины, и последующая попытка эквивалентного обмена сельскохозяйственной продукции на промышленную, и введение продналога в деревне, и

неимоверно возросшие в годы НЭПа размеры налогообложения сельского хозяйства в лице наиболее производительных крестьянских хозяйств.

В-третьих, общим в крестьянской революции «снизу» и сталинской революции «сверху» было то, что во всех этих случаях главным инструментом преобразований было насилие.

И, наконец, в четвертых, активным проводником, участником насильственных действий и в том, и в другом случае было крестьянство. Именно его участие придавало насилию столь значительный размах и глубину, что его оказалось возможным охарактеризовать как революцию, а на этапе 1918–1921 гг. как гражданскую войну.

Насилие как непреходящий атрибут классической революции сопровождало ее на всем протяжении первой трети XX в. Но масштабы его заметно различались на разных этапах развития революционного процесса. На первом, когда доведенные до отчаяния голодом, нуждой, эксплуатацией со стороны государства и землевладельцев крестьяне восстали против существующего строя, их насильственные действия носили точечный характер, были направлены главным образом против отдельных особо ненавистных помещиков и проявлялись зачастую в таких формах, как самозахват земли, поджог помещичьих усадеб. В гораздо более ограниченных масштабах насилие крестьян проявлялось в крайних формах – физическом истреблении представителей власти имущих.

Совершенно иной становится ситуация с насилием в период утверждения сталинского политического режима и проведения сталинских реформ². Многочисленные региональные исследования событий в российской деревне периода с конца 1920-х до конца 1930-х гг., а также обобщающие данные статистики убедительно свидетельствуют о массовом характере репрессий сталинской власти против крестьянства, репрессий, направленных против жизни и свободы человека. По мере втягивания деревни в сталинскую модернизацию маховик

репрессий раскручивался со все более ужасающей силой, достигнув своего апогея в 1937 г., после чего наступил их спад. Не вдаваясь в детальный анализ динамики репрессий, отметим лишь, что в период 1930–1933 гг. им подвергалось свыше 50% всего крестьянства России³.

В известной мере можно сказать, что усиление репрессий было спровоцировано самим сталинским руководством. Принятие в конце 1920-х гг. чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, резкое усиление налогового обложения крестьян не могло не вызвать их сопротивления новому наступлению на деревню. Ответная реакция крестьян была различной. Так же, как и в эпоху крепостничества, они отвечали на усиление гнета в пассивных и активных формах сопротивления. В числе пассивных были такие, как саботаж собраний, полевых работ, фиктивное проявление советской активности, письма с жалобами на произвол властей, слухи, содержащие негативную информацию о власти, антиколхозная и антисоветская агитация, бегство из села в промышленные центры. Всего по стране к лету 1930 г. бежало из деревни около 250 тыс. чел.⁴ Крестьяне, оставшиеся в деревне, пытались противопоставить официальной власти свою крестьянскую в виде «крестьянских союзов», опыт создания которых уже имелся в дореволюционной деревне. В них они видели организации, призванные отстаивать их политические и экономические интересы, защищать от произвола властей. Но эти попытки жестко пресекались и данная крестьянская инициатива, судя по источникам, не получила распространения.

Своеобразной формой сопротивления насильственной коллективизации и раскулачиванию стала распродажа зажиточными крестьянами скота, машин и орудий труда. По свидетельству В. П. Данилова, уже с осени 1928 г. в отдельных регионах эта форма стала приобретать массовый характер. В Макушинском районе Курганского округа, например, так называемые кулаки распродали к середине 1929 г. 35,8% имевшихся у них лошадей, 47,1%

крупного рогатого скота, 46,9% свиней, 12,3% плугов, 55,5% сеялок, 44,8% жнеек. К концу года они распродали и забили 66,4% лошадей, 70,8% коров, 97,9% свиней⁵.

Тотальное наступление на деревню с осени 1929 г. сопровождалось и ростом открытых выступлений крестьянства против нового политического курса. В целом по стране их численность за год выросла с 1 307 по 13 754, то есть в 10 с лишним раз. В некоторых регионах этот рост был еще большим. Так, в Московской области в 1930 г. было зарегистрировано 676 выступлений. Это в 19 раз больше по сравнению с 1929 г.⁶

Такое открытое противостояние крестьянства и власти в период сталинской форсированной модернизации некоторые исследователи называют гражданской войной⁷. Однако такая оценка представляется излишне категоричной, поскольку в тех условиях вооруженное сопротивление все же не было столь доминирующим и всеохватывающим как в годы гражданской войны 1918–1921 гг. Кроме того, нельзя забывать, что с той или иной степенью накала силовое сопротивление крестьянства и власти существовало и в годы НЭПа, что лишь подтверждает тот факт, что ни в 1917 г., ни после окончания гражданской войны революция в России не прекратила своего движения к логическому завершению.

Разумеется, между сопоставляемыми нами этапами революции были и иные существенные различия. В частности, на этапе сталинских преобразований сужается социальная база революции, опорой сталинского натиска на деревню становится в основном беднейшее крестьянство. Важно и то, что реформы царского правительства в аграрной сфере стали тем решающим фактором, который вместо стабилизации политической обстановки в стране привел процесс модернизации с эволюционного пути на революционный. Сталинские реформы, напротив, вывели, в конечном счете, Россию из состояния перманентной революции и перевели ее на эволюционный путь развития.

Рассмотрение второго из поставленных нами вопросов также подчеркивает неоднозначность и чрезвычайную противоречивость изучаемых процессов. Прежде всего, отметим, что сталинизм не был и не мог быть чужд крестьянской среде уже в силу того, что в своей политике Сталин опирался и на часть (в основном беднейшую) крестьянства, и на городские слои населения, которые в большинстве своем были недавними выходцами из деревни и, следовательно, сохранили еще крестьянскую память. Идея быстрого скачка в «светлое будущее» социализма, хотя и путем сверхусилий, жесткого административного нажима, была совсем не чужда значительной части населения страны. Эта идея в утопическом образе крестьянского социализма давно витала в политической атмосфере российского общества. Еще в середине XIX в. она получила теоретическое обоснование в трудах революционеров-демократов, в народнической идеологии.

Не являлась чем-то привнесенным извне и идея создания коллективных крестьянских хозяйств. Своими истоками она восходит к сельской общине, влияние которой в российской деревне традиционно было велико. Но именно община глубоко укоренила в психологии крестьян идею общественной собственности и коллективного труда, на которую обращали внимание многие выдающиеся мыслители того времени. Н. А. Бердяев, например, подчеркивал, что «общинное коллективное владение землею было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины»⁸. Неслучайно одной из первых организационных форм коллективного крестьянского труда, создаваемых по инициативе крестьян, в первые же месяцы Советской власти стали так называемые хутора-общины. Члены этих объединений были связаны коллективным владением выпасами, водоемами, инвентарем. Их деятельность осуществлялась на основе принятого на общем собрании устава. В дальнейшем подобные формирования

преобразовывались в сельскохозяйственные артели, ставшие прообразом колхозов⁹. Весьма активно, причем нередко по инициативе «снизу», создавались в первые годы Советской власти и другие формы коллективных хозяйств, помогавшие крестьянам сообща противостоять невзгодам военного лихолетья. Важную роль в приобщении к коллективному труду, в решении социальных проблем крестьянства в годы НЭПа сыграла кооперация. В 1931 г. доля только потребительской кооперации в товарообороте страны достигла почти 70%, а ее удельный вес в оптовой торговле составлял 62%¹⁰.

Однако все это отнюдь не означает, что крестьянство в целом было экономически, политически и психологически готово в 1929 г. к массовой коллективизации и, тем более, к раскулачиванию. События этого времени справедливо называют трагедией российской деревни. В данной связи очевидно можно согласиться с мнением В. П. Данилова о том, что «сталинский вариант накопления капиталов для индустриализации путем эксплуатации деревни явился историческим наказанием крестьянству и стране в целом за противодействие объективно необходимому процессу первоначального накопления и товарно-капиталистической модернизации»¹¹.

В известном смысле сталинизм явился порождением этого противодействия и последующей революции, победу в которой не одержал никто: ни власть, которая, утвердившись в рамках тоталитарного режима, тем самым изначально обрекла себя на будущее крушение, ни крестьянство, которое, делегировав новой власти право решать его насущные проблемы, оказалось заложником наивной доверчивости, заплатив за нее неимоверно дорогую цену.

Изменились ли сущностные черты в отношениях крестьянства и власти после крушения царского режима? Менялись ли они в ходе Великой Русской революции? Какой характер приобрели эти отношения с утверждением сталинского господства в период 30-х гг.? Для ответа на эти

вопросы полезно вспомнить, что российская история богата традициями, в том числе и традициями в политической сфере. К сожалению, в большинстве своем эти традиции оборачивались очередными бедами и лишениями для российского крестьянства. Одна из таких традиций состоит в том, что при всех российских самодержцах власть традиционно сама решала, что нужно крестьянству для его благополучия.

Продолжая традиции своих предшественников во власти, большевики сразу же приступили к реализации политики, которая никак не согласовывалась с чаяниями крестьян – политики военного коммунизма. Ее воплощение в жизнь осуществлялось путем грубого административного нажима, насилия – и привела, в конечном счете, к массовому сопротивлению крестьянства. Не считаться с протестными настроениями деревни власть не могла, хотя бы потому, что она кормила страну, обеспечивала промышленность сырьем и Красную армию солдатами. Война с деревней в тех условиях неминуемо привела бы к гибели самой власти, лишенной важнейшей социальной опоры. Единство и борьба противоположностей в данном контексте проявлялась в том, что власть, чем дальше, тем больше противостояла крестьянству в его стремлении быть хозяином на земле и свободно распоряжаться продуктами своего труда. В то же время она приняла меры к сотрудничеству с ним, к укреплению в деревне своей социальной опоры. Результатом такого компромисса стало введение НЭПа, политики, в существовании которой противоречия отношения власти и крестьянства проявились особенно наглядно. Балансирование на грани компромиссов и соглашений с деревней и противостояния с ней в условиях приоритета политики компромиссов и соглашений продолжалось недолго. Укрепив свои позиции в первые годы НЭПа, власть переходит к решительному наступлению на нее, опять же в тех формах и такими действиями, которые считала нужными принять, не считаясь при этом с мнением крестьянства.

Итак, очевидно, что сущностные черты взаимоотношений крестьянства и власти, присущие аграрным отношениям дореволюционного периода сохранились и после прихода к власти большевиков. Но соотношение центробежных и центростремительных тенденций в ходе революции менялось в зависимости от конкретной исторической обстановки. Определенное сближение большевиков с крестьянством явно наблюдалось с началом Первой мировой войны и на почве пацифистских настроений среди крестьян, одетых в солдатские шинели, поддержанных большевиками, и чем дальше, тем больше на почве совместной борьбы против самодержавия, Временного правительства и помещиков за мир, за землю, крестьянскую свободу и народную власть. Затем – усиление центробежных тенденций. Борьбы противоположностей в период «военного коммунизма» и Гражданской войны, и снова сближение на основе неустойчивого компромисса власти с крестьянством в условиях НЭПа.

Какова была дальнейшая эволюция в отношениях власти и крестьянства в эпоху сталинской модернизации? Здесь достаточно рельефно проявляется два основных этапа

Первый – 1929–1933 гг. – характеризуется массивным экономическим и политическим наступлением власти на крестьянство, основанным на использовании методов жесткого администрирования, преимущественно силового давления на сельский социум. Завершение этого этапа было отмечено такими событиями как окончание в основном перевода деревни на рельсы колхозного производства и широко масштабной антикулацкой кампании, массовый рукотворный голод в деревне, унесший жизни по неполным данным около 7 млн чел.

Второй этап охватывает в основном период 1934–1936 гг. и характеризуется постепенным переходом к более мягким методам воздействия на крестьянскую массу, к ее государственной поддержке в лице колхозов и совхозов, к экономическому и политическому закреплению позиций,

достигнутых в результате очередного революционного натиска. По сути, это был очередной компромисс государства с крестьянством на новом витке истории, но компромисс гораздо более долговременный и прочный по сравнению с предшествующими. Он был законодательно закреплён утверждением в феврале 1935 г. Примерного устава сельскохозяйственной артели, определявшего правовой статус колхозов и колхозников, предоставлявшим крестьянам ряд гарантий, в том числе на право ведения личного подсобного хозяйства, свободной продажи своей продукции на рынке и т. д.

В русле этой политики состоялось принятие Конституции 1936 г., по которой, в частности, бывшие кулаки получали право избирать и быть избранными. Свою роль в «успокоении» деревни сыграли нараставшие темпы насыщения сельского хозяйства новой техникой, оборудованием, меры по социальному обеспечению колхозного крестьянства. Все это в совокупности вывело сельское хозяйство из тяжелейшего кризиса на основе роста колхозно-совхозного производства. В конечном итоге страна в кратчайший срок получила жизненно необходимую ей возможность в крайне неблагоприятной внешнеполитической обстановке существовать и развиваться на собственной индустриальной и продовольственной основе, выстоять и победить в смертельной схватке с германским фашизмом.

В тех конкретно-исторических условиях осуществлённое Сталиным сосредоточение всех ресурсов в рамках государства было необходимым условием ускоренной модернизации и обеспечения на ее основе независимости СССР. Но это, в свою очередь создавало условия и для концентрации в одних руках политической власти, что привело, в конечном счете, к формированию культа личности Сталина. Как это ни парадоксально, но успешному пресечению Сталиным инакомыслия в его политической борьбе способствовало и само крестьянство, воспитанное веками в духе общинных традиций, отрицавших и осуждавших, в частности, всякое отклонение

от коллективного мнения, то есть всякую оппозицию¹². В то же время исторически в крестьянской среде существовала и передавалась из поколения в поколение вера в доброго царя, и психологически крестьянство было готово к восприятию Сталина как нового царя. В условиях усиленной мистификации его образа как «Отца народа», «Мудрого вождя», на которую работала мощная идеологическая машина, этот образ довольно быстро сформировался. Важно, что чем дальше, тем больше он переставал ассоциироваться в массовом сознании с негативными явлениями сталинизма.

Таким образом, можно сказать, что крестьянство сыграло немаловажную роль не только в осуществлении сталинской модернизации, но и в формировании его культа личности. Признавая это, ни в коем случае нельзя забывать, что сталинская власть, как и вся предшествующая власть в России, была отчуждена от народа, что к концу 1930-х гг. в СССР сформировалась политическая система со всеми чертами присущими тоталитарному режиму. Эта система, система сталинизма, имела сложную организационную структуру пирамидального характера, на вершине которой возвышалась фигура харизматичного диктатора. Осуществляя свою власть от имени народа, сталинизм ни на шаг не приблизился к народу, к крестьянству по сравнению со своими предшественниками. Однако духовная основа сталинской власти – социалистическая идеология, овладев умами и сердцами миллионов людей, заменив собой для многих веру в Бога, сформировала у них веру в народный характер власти. Эта вера, густо замешанная на идеях патриотизма, готовности к самопожертвованию, к лишениям быта и тяжелому, изнурительному труду во имя светлого коммунистического «завтра» стала цементирующей основой строительства нового общества, общества, дружными шеренгами шагнувшего в будущее за своим вождем, верным ленинцем – товарищем Сталиным.

Библиография и примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Романченко В. Я.* К вопросу о методологии исследования революционных процессов (На примере Великой Русской революции) // Современное гуманитарное знание: проблемы методологии и историографии. Саратов. 2007. С. 19–36.

² Автор сознательно не затрагивает в данной статье тему Гражданской войны, поскольку она должна быть предметом самостоятельного исследования и в данном случае может лишь отвлечь внимание от анализа заявленной проблемы.

³ Подробнее об этом см.: *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). 2-е изд. М., 2011.

⁴ *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов) М., 1996. С. 139.

⁵ *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 335.

⁶ *Кирьянова Е. А.* Российское крестьянство в условиях слома традиционного уклада жизни (По материалам Московского региона в 1929–1932 годах) // Великие реформы 1860–1870-х гг. и аграрная Россия. Оренбург. 2011. С. 246.

⁷ См., например: *Роговин В. З.* Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 20.

⁸ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1998. С. 112.

⁹ *Шарапов Г. В.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., 1961. С. 217.

¹⁰ Вместе ради будущего. 170 лет потребительской кооперации России. М., 2001. С. 107–108.

¹¹ *Данилов В. П.* Судьба сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 21.

¹² Подробнее об этом см.: *Есиков С. А.* Российская деревня в годы НЭПа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (на материалах Центрального Черноземья) М., 2010. С. 186–187.

**Сталинская коллективизация:
новые подходы
в современной отечественной историографии**

Проблема коллективизации является актуальной темой для современной исторической науки, так как появляются новые источники, которые позволяют более глубоко и объективно изучить те процессы, которые происходили в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. За последние два десятилетия появилось значительное количество исследований, которые с новых позиций рассматривают проблемы сталинской коллективизации. В связи с этим возникает необходимость историографического анализа литературы, посвященной этому сложному периоду нашей истории.

Первые публикации, по-новому раскрывающие данную проблему, появляются во второй половине 1980-х гг. в период горбачевской политики гласности, которая позволила иначе посмотреть на многие сложные проблемы советской истории. В это время в периодической печати появляются статьи историков и публицистов, в которых предпринимаются попытки переосмыслить важные события нашей недавней истории.

В конце ноября 1988 г. тема «Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане» обсуждалась на научной конференции в Алма-Ате. Это был первый в условиях гласности диспут о коллективизации. Среди многих интересных выступлений всеобщее внимание привлекли доклады историка Ж. Абылхожина и демографа М. Татимова, посвященные Казахстану. Они опубликовали в республиканской прессе статью с анализом приведенных выше фактов. По подсчетам авторов, потери казахского населения за 1930–1933 гг. от голода, болезней и других лишений составили около 1,7 млн

чел.¹ Одной из первых статей, раскрывающих проблему коллективизации, опубликованной в центральной печати, была публикация известного историка-аграрника В. П. Данилова, в которой автор попытался затронуть широкий круг вопросов, связанных с историей коллективизации и первым попытался опровергнуть один из исходных стереотипов сталинской концепции, что XV партсъезд провозгласил «курс на коллективизацию». По мнению Данилова, «XV партсъезд никак не может быть назван “съездом коллективизации сельского хозяйства”». Эти вопросы занимали важное место в работе съезда, однако, в рамках постановления и решения всего комплекса проблем социально-экономического развития страны в целом. Делегаты съезда обсуждали задачи ускорения реконструктивных процессов и в промышленности, и в сельском хозяйстве на основе НЭПа, при сохранении и дальнейшем совершенствовании его принципов. Применительно к деревне это означало осуществление весьма многообразной системы мер, направленных на производственный подъем многомиллионной массы крестьянских хозяйств, увеличение их товарной продукции и вовлечение в русло социалистического развития. Это вполне обеспечивалось на пути их кооперирования². Подробно анализируя развитие крестьянского хозяйства, автор приходит к выводу, что «...мелкое крестьянское хозяйство отнюдь не исчерпало возможностей для развития. Но, конечно, они были ограниченными с точки зрения потребностей страны, вступившей на путь индустриализации»³. Данилов отмечает, что «кризис хлебозаготовок в конце 1927 г. возник как результат рыночных колебаний, а не как отражение кризиса сельскохозяйственного производства, а тем более, социального кризиса в деревне»⁴. В связи с этим значительное место в статье уделяется анализу альтернатив политике Сталина и его сторонников. Автор пишет, что «сталинской линии с упором на насилие в борьбе с врагами, на административно-волевые методы противостояла бухаринская – на совершенствование работы партии и

государства, на осуществление индустриализации страны и социалистического кооперирования сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъективных условий, на сохранение и совершенствование экономического механизма, складывавшегося в годы НЭПа»⁵. По мнению Данилова, вопрос стоял так: будет или не будет осуществляться ленинский план построения социализма, основой которого являлся подлинный союз рабочего класса и крестьянства, исключавший применение насилия по отношению к трудящимся массам деревни. В этом и состояла суть борьбы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их сторонников против сталинского варианта решения проблемы⁶.

На насильственные методы осуществления коллективизации обратили внимание Л. А. Гордон и Э. В. Клопов в статье «Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты», вышедшей в этот период. Авторы считали, что «необходимость быстрее преодоления отсталости оправдывала в глазах защитников этого варианта применение принудительных, насильственных мер там, где энтузиазма и добровольной готовности к жертвам оказывалось недостаточно»⁷. По их мнению, особое значение возможному дополнению добровольности принуждением придавалось в той части сталинского плана, которая касалась сельского хозяйства и крестьянства. Крестьянство охватывало тогда свыше $\frac{3}{4}$ населения, так что расширение накоплений за счет потребления могло быть достигнуто главным образом посредством ограничения, прежде всего, крестьянского потребления. Именно поэтому сталинский план форсированной индустриализации с самого начала включал меры экономического принуждения крестьянства⁸. Гордон и Клопов отмечали, что «в сталинском варианте развития основное место должны были занять административно-командные формы управления народным хозяйством»⁹. Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов в своем исследовании обратили внимание на то, что в середине 20-х гг. «сколько-

нибудь ясной концепции внутриформационных скачков и переходов в процессе строительства социализма в обществоведении не было... Отставание теории от практики – вот, по сути дела, одна из основных причин того, что исторически неизбежный и прогрессивный поворот, выход за рамки “старого” НЭПа был проведен слишком дорогой ценой, методом проб и ошибок. Здесь, а не только в “злой воле” Сталина, не в закономерностях социалистического строительства, а в слабом знании этих закономерностей следует искать корни и причины драматических событий конца 20-х – начала 30-х гг. Партия не поддержала Бухарина не потому, что он был сторонником более гуманных и постепенных решений, а потому, что предложенные им средства лечения могли только на какое-то время загнать болезнь вглубь... И все же альтернатива Бухарина была. Она состояла в принципиальном отказе от чрезвычайщины как системы методов социалистического строительства»¹⁰.

Следует отметить, что характерной чертой работ этого времени является стремление раскрыть проблемы аграрного развития в рамках социалистическо-ориентированной, умеренно-реформаторской концепции. Зарождение данного подхода было связано с попытками выявить причины формирования механизма торможения, о наличии которого было заявлено высшим партийным руководством страны. Важное значение для изучения проблемы аграрной истории страны имеют материалы мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором впервые был дан объективный анализ социально-экономического развития села за годы советской власти и сделаны выводы о необходимости создания таких производственных отношений и форм хозяйствования, которые бы обеспечили крестьянину прочное положение хозяина на земле. В докладе М. С. Горбачева на пленуме было заявлено: «Грубейшие отступления от ленинского курса в аграрной сфере обернулись большими издержками социального, экономического и нравственного характера.

Замена отношений с крестьянством, основанных на товарообмене и взаимной выгоде, отношениями диктата не только означала переворот в аграрной политике, но и привела к созданию принципиально новой политической и социальной обстановки в стране. В сочетании с волюнтаристскими методами хозяйствования в промышленности фактически была сформирована административно-командная система управления обществом в целом. В конкретной исторической обстановке, сложившейся в силу специфических внутренних и внешних факторов того времени, верх взяли силы, игнорирующие объективные законы общественного развития, тяготеющие к «военно-коммунистическим» методам построения нового общества»¹¹.

В этих условиях стали складываться новые подходы к изучению аграрной политики и ее влиянию на экономическую и социальную сферы села. Истоки механизма торможения исследователи видели в грубейших отступлениях от ленинского курса, которые состояли в замене отношений с крестьянством, основанных на взаимной выгоде, отношениями диктата, что в сочетании с волюнтаристскими методами хозяйствования привело к формированию административно-командной системы управления сельским хозяйством и всей экономикой страны.

Таким образом, анализ литературы конца 80-х – начала 90-х гг. показывает, что в этот период обозначился критический подход исследователей к проблемам коллективизации. Авторы публикаций подвергли критике административную систему управления агропромышленным производством, которая породила отчуждение тружеников села от собственности на средства производства и на результаты своего труда. При этом, большинство авторов считало, что изменения в аграрном секторе должны идти в русле социалистической парадигмы.

В начале 90-х гг. начинается новый этап развития историографии, связанной с утверждением радикально-реформаторской концепции, суть которой сводится к резкой

критике основ аграрной политики КПСС и признания пагубности социалистической системы хозяйствования. Архивная революция и документальный бум позволили приступить к широкому и всестороннему изучению отечественной коллективизации как реформы. Ученые дружно квалифицируют коллективизацию как народную трагедию, как антикрестьянскую, противоправную политику, связывая с ней как экономическое, так и внеэкономическое принуждение¹². Значительное внимание в 90-е гг. было уделено судьбе раскулаченных. Так, в статье Н. А. Ивницкого, на основе документов раскрыт процесс раскулачивания и условия жизни спецпоселенцев. Автор приходит к выводу, что «проведение в начале 30-х годов такой акции, как раскулачивание многих сотен тысяч семей, не может быть оправдано; оно не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени. Более того, раскулачивание наряду с насильственной коллективизацией привело к резкому обострению политического положения не только в деревне, но и в стране в целом, вызвало массовое недовольство крестьян, вылившееся в многочисленные антиколхозные и антисоветские выступления, которые во многих случаях перерастали в повстанческое движение. Не решила эта акция и экономических проблем (зерновой, в частности), скорее, наоборот, привела к разрушению производительных сил в деревне, к падению сельскохозяйственного производства»¹³.

Начало XXI в. ознаменовалось публикацией ряда фундаментальных работ, посвященных коллективизации. Среди книг, вышедших в этот период, следует выделить монографию И. Е. Зеленина «Сталинская “революция сверху” после “великого перелома” 1930–1939: политика, осуществление, результаты». Много внимания в ней уделяется проблемам коллективизации, насильственным методам ее проведения. Автор приводит большое количество писем крестьян, поступавших в центральные газеты, в государственные органы из различных регионов

страны. В этих письмах крестьяне решительно осуждали насильственные методы проведения коллективизации¹⁴.

Значительное место в работе уделяется вопросам «раскулачивания», проблеме спецпереселения. Автор подчеркивает, что «политика ликвидации кулачества как класса» проводилась не на основе сплошной коллективизации, вопреки утверждениям Сталина, а значительно опережая ее. Зеленин справедливо замечает, что в 1931 г., когда продолжалось так называемое «раскулачивание», «кулака практически уже не было не только как класса мелких предпринимателей, но и как социального слоя»¹⁵.

Пристальное внимание в названной монографии уделяется проблеме голода 1932–1933 гг., в значительной степени произошедшего из-за не до конца продуманных шагов партийно-государственного руководства страны во главе со Сталиным (непосильные планы хлебосдачи для колхозов и совхозов, изымание нередко даже семенных фондов, крайне слабая государственная поддержка голодающего населения многих регионов страны и др.). Автор пишет, что жертвами массового голода стали от 7 до 8 млн граждан Советской страны. Зеленин отмечает и следующее обстоятельство: «Картина общекрестьянской трагедии во всех переживших ее регионах, по существу, идентична. И если уж характеризовать голодомор 1932–1933 гг. как “целенаправленный геноцид украинского крестьянства”, на чем настаивают некоторые историки Украины, то надо иметь в виду, что это был геноцид в равной мере и российского крестьянства – Дона и Кубани, Поволжья, Центрального Черноземья, Урала и, особенно, скотоводов и земледельцев Казахстана – крестьянства всех регионов и республик СССР»¹⁶.

В монографии В. В. Милосердова и К. В. Милосердова, раскрывающей аграрную политику России в XX в., также значительное место уделено анализу периода коллективизации. При этом авторы отмечают, что «сегодня отдельные государственные деятели, политики, да и

некоторые ученые говорят лишь об одной стороне коллективизации – недемократичных методах ее проведения. И это никто не оспаривает. Но вопрос в другом, а что было бы, если бы государство не прибегло к этим методам, к средствам внеэкономического давления. Именно благодаря ускоренной индустриализации страна сумела за сравнительно короткое время преодолеть свое отставание от развитых стран, выдержать фашистское нашествие, устоять и даже политически окрепнуть после потрясений войны 1941–1945 гг.»¹⁷.

Э. М. Шагин свою интерпретацию проблемы альтернатив «революции сверху» в советской деревне изложил в нескольких статьях и соответствующих разделах вузовских учебников по новейшей отечественной истории. Анализируя условия претворения этих идей в жизнь, он утверждает, что, «во-первых, реальных шансов на осуществление ни у бухаринской, ни у чаяновской альтернатив форсированной коллективизации деревни в конкретных исторических условиях СССР конца 1920–1930-х гг. не оказалось. Отечественное крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения нашей страны, было исторически обречено на сталинскую “революцию сверху” – одну из самых крупных его трагедий. Во-вторых, исход борьбы за выбор пути, по которому должно было пойти советское крестьянство тех лет, приобрел поистине судьбоносное для народов Советского Союза значение. Колхозный строй, ускоренно созданный в течение 30-х гг. XX в. безмерно дорогой, но все же не напрасной, на “ветер выброшенной” ценой, не только обеспечил форсированную перекачку средств и немалую долю избыточной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и инфраструктуру народного хозяйства, сделав возможным совершенный в преддверии Второй Мировой и Великой Отечественной войн индустриальный рывок»¹⁸.

Из последних работ, посвященных проблемам сталинской коллективизации, необходимо отметить

исследование Н. Л. Рогалиной, в котором обобщены взгляды современных отечественных и иностранных историков на коллективизацию. Автор отмечает, что «сложился научный консенсус в понимании того, что сплошная коллективизация выростала стихийно, из хлебозаготовительного кризиса, тупиков НЭПа, форсирования индустриализации, утверждения личной власти И. В. Сталина. Перебирая возможные варианты выхода из критической ситуации, власти пришли к выводу о необходимости массового насаждения колхозов. А это было невозможно без нового раздувания классовой борьбы и поисков врагов социалистического строительства в деревне»¹⁹. При этом Рогалина обращает внимание на то, что «привлеченная конфискацией 25% хлеба в свою пользу, беднота охотно раскулачивала»²⁰. Рассматривая связь коллективизации с раскулачиванием, автор делает вывод: «Факты говорят о том, что раскулачивание было первичным, а коллективизация выступала как производное от него, как основной метод... Политика ликвидации кулачества как класса являлась условием и почвой сплошной коллективизации. Она опережала коллективизацию, стимулируя ее экономически и психологически, выступая как мотор “последнего предупреждения”»²¹.

Анализируя различные оценки коллективизации современными историками, Рогалина отмечает: «Сегодня складывается понимание ее как сложного и многоликого социального явления, переломного для деревни и страны процесса, противоречиво сочетавшего доктринальные установки и практические уступки государственной власти. Сплошная коллективизация, внешне представшая контрреформой по отношению к НЭПу, стала его логическим продолжением. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР»²².

Таким образом, современная отечественная историография внесла значительный вклад в исследование такого сложного исторического явления, как сталинская

коллективизация. Вместе с тем, эта проблема требует дальнейшего изучения, особенно, на региональном уровне, что позволит уточнить и дополнить общую картину происходившего в этот трагический для страны период.

Библиография

¹ *Абылхожина Ж., Татимова М.* Коллективизация в Казахстане: о чем молчат учебники // Ленинская смена. 1988. 19 октября.

² *Данилов В. П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди / под общ. ред. А. Т. Кинкулькина. М., 1989. С. 230.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Там же.

⁷ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты // Страницы истории советского общества... С. 166.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 168.

¹⁰ *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 83.

¹¹ *Горбачев М. С.* Об аграрной политике КПСС в современных условиях: доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 марта 1989 г. М., 1989. С. 10.

¹² *Данилов В. П., Манинг Р., Виола Л.* Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. М., 1999. Т. 1. С. 7; Россия в XIX–XX вв. глазами российских и зарубежных историков. М., 1996. С. 209, 212, 239; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 350–351.

¹³ *Ивницкий Н.* Раскулачивание в начале 30-х годов и судьба раскулаченных // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 336.

¹⁴ *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома» 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 34.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 119–120.

¹⁷ *Милосердов В. В., Милосердов К. В.* Аграрная политика России. 20 век. М., 2002. С. 143.

¹⁸ *Щагин Э. М.* К вопросу об альтернативах форсированной коллективизации советской деревни в отечественной историографии конца XX – начала XXI в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: в 2 кн. Кн. 2. Вологда, 2009. С. 50.

¹⁹ *Рогалина Н.* Коллективизация в свете новых документальных публикаций и современной историографии // XX век и сельская Россия. Вып. 2. Токио, 2012. С. 186 (<http://www.cirje.e.u-tokyo.ac.jp/research/reports/R-9-8.pdf>).

²⁰ Там же. С. 187.

²¹ Там же. С. 189.

²² Там же. С. 215.

**Коллективизация и «рассказачивание» в 1930-х годах
(на материалах Юга России)**

Сплошная форсированная коллективизация в конце 1920-х – начале 1930-х гг., являвшаяся одной из реперных точек сталинизма, сопровождалась целым рядом антиказачьих акций. Подобные акции дали основание современникам «колхозного строительства» утверждать, что большевики в период коллективизации вновь возродили политику рассказачивания и попытались ликвидировать казачьи сообщества Дона, Кубани и Терека. В постсоветский период гипотеза о якобы осуществлявшемся в период коллективизации «рассказачивании» получила широкое распространение и в публицистике, и в историографии: иногда утверждается даже, что рассказачивание «стало фактически второй, тщательно скрывааемой задачей в ходе осуществления сплошной коллективизации в Донском и Северо-Кавказском регионе в 30-х гг.»¹. Более того, по мнению ряда исследователей, именно во время «колхозного строительства», наряду с «раскрестьяниванием», получил свое закономерное завершение и трагический процесс «рассказачивания».

«Раскрестьянивание» советской деревни в ходе коллективизации – очевидный факт, доказанный многими специалистами. Гораздо сложнее обстоит дело с трактовкой коллективизации как «рассказачивания», ибо в данном случае существуют полярные точки зрения. Так, С. А. Кислицын выделяет в процессе «рассказачивания» 4 этапа: Гражданская война (рассказачивание путем физической ликвидации казаков), этап с 1921 по 1924 гг. (давление на казаков, ограничение их в правах), затем «латентное», или «скрытое рассказачивание» 1925–1928 гг. и, наконец, «этап преследования оппозиционно настроенных элементов казачества методами «раскулачивания», борьбы

с «вредителями» и «саботажниками» хлебозаготовок и прямыми репрессиями против членов «повстанческих организаций» 1929–1939 гг.² Напротив, по мнению В. Е. Щетнева, коллективизация в казачьих регионах не может быть охарактеризована как расказачивание, ибо «к этому времени казачество утратило значительную часть своих сословных и этнических признаков». Коллективизацию можно назвать, считал Щетнев, «добиванием» казачества, но не заключительным этапом расказачивания.³ О том же писал и Е. Н. Осолков, указывая, что «казачества как сословия к началу 30-х гг. уже не было»⁴.

Мы всецело разделяем позицию тех исследователей, которые полагают невозможным трактовать коллективизацию как заключительный этап «расказачивания». Вместе с тем, на наш взгляд, данная позиция нуждается в более серьезном обосновании, и ряд ее положений может быть скорректирован. Например, можно задуматься о том, в какой мере казачество было «добито» во время «колхозного строительства» в селах и станицах Юга России на протяжении 1930-х гг. Поэтому в настоящей публикации мы намерены документально обосновать гипотезу о том, что коллективизация не являлась заключительным этапом «расказачивания», несмотря на все антиказачьи акции сталинского режима, имевшие место в конце 1920-х – 1930-х гг.

Прежде чем перейти к детальному обоснованию нашей позиции, необходимо определиться со смысловым наполнением «расказачивания» как базового понятия настоящей статьи, поскольку именно особенности трактовки данного понятия, в конечном счете, предвосхищают те или иные авторские суждения и гипотезы. Какой смысл вкладывается в это понятие?

При ответе на этот вопрос важно учитывать неоднозначность исторического статуса казачества, вобравшего в себя одновременно ряд противоречивых и неотъемлемых для него черт. По вполне справедливому замечанию Щетнева, «казачество было юридически военно-

служилым сословием, социально-экономической группой (казацье хозяйство) и этническим образованием (субэтнос)».⁵ Соответственно, историографический обзор позволяет выделить несколько подходов к трактовке «расказачивания» и указать несколько его смыслов, отличных друг от друга.

Согласно одной из трактовок, «расказачивание» представляет собой процесс ликвидации казачества как особой социальной (сословной) группы в составе российского общества, «упразднение существенных черт казачества как военно-служилого сословия: почти пожизненной военной службы, наделения земельным паем за службу, отмена снаряжения казака на службу за его счет, отмена льгот казаку, уравнивание его с крестьянством».⁶ Собственно, это есть первоначальное историческое значение понятия «расказачивания» (о котором сегодня нередко забывают в научных и публицистических дискуссиях) и определение его смысловой перспективы, возникшие одновременно с началом данного процесса во второй половине XIX в., когда по мере генезиса капитализма казачьи сообщества начали постепенно растворяться в других социальных стратах. На наш взгляд, такая трактовка «расказачивания» в наибольшей мере соответствует исторической реальности.

По другой, более расширенной трактовке, «расказачивание» представляло собой не что иное, как «процесс уничтожения казаков как особой социальной общности»,⁷ или стратоцида казаков⁸, а, по мнению современной казачьей публицистики, вообще и исключительно геноцида казаков⁹. В данном случае речь идет не только о ликвидации казачества как сословия, но и вообще об устранении казаков как социальной группы, имеющей (как и любая другая социальная группа) определенные традиции, особенности жизнедеятельности, коллективной психологии и пр.

Наконец, согласно еще одной, достаточно распространенной трактовке, «расказачивание» (в советский

период времени) представляло собой «ликвидацию казачества как социально-этнографической общности вообще», ликвидацию «характерных черт, особенностей, свойств, признаков казачества как полувоенного сословия, слоя зажиточных землевладельцев и частично как обособленного субэтнуса»¹⁰, «превращение казаков в обычных граждан»¹¹. Данная трактовка «расказачивания» близка к приведенной выше, но конкретизирует ее и серьезно дополняет указанием на то, что в советский период власть ставила перед собой цель частично ликвидировать казаков уже не просто как сословие и даже социальную общность, а как субэтнос, не уничтожая их полностью физически.

Итак, единства подходов к пониманию сути и характерных черт «расказачивания» (как исторического процесса и даже как государственной политики) среди специалистов не наблюдается. Естественно, наличествующее различие подходов к трактовке «расказачивания» прямо влияет на установление хронологических границ данного исторического явления (политики). Исследователи, трактующие «расказачивание» как десословизацию, говорят о его временном завершении в 1920-х гг. Ревнителю же умозрительной теории, отождествляющей «расказачивание» и гонения на казаков как «социально-этнографическую общность» или субэтнос, изначально расширяют хронологические границы данного процесса (политики). Ведь в этом случае практически все антиказачьи мероприятия большевиков, начиная от массовых репрессий и вплоть до запрета носить штаны с лампасами, могут быть по определению отнесены к политике «расказачивания», ибо, в конечном счете, они преследовали цель ликвидировать казачество как таковое. С таких позиций сплошная коллективизация, действительно, может быть охарактеризована как заключительный этап «расказачивания».

Анализ документов и материалов позволяет уверенно утверждать, что политика «расказачивания» представляла

собой именно десловизацию и закончилась в 1920-х гг. уравнением в правах казаков и иногородних. Но даже если мы определяем «расказачивание» как политику по ликвидации казачьих сообществ вообще (а не только как политику устранения сословных пережитков), то и в данном случае анализ конкретно-исторических материалов не позволяет ни отождествлять коллективизацию и «расказачивание», ни считать «колхозное строительство» финальным ударом по казакам.

Конечно, существует масса исторических материалов, позволяющих утверждать, что в рамках сплошной коллективизации партийно-советским руководством вольно или невольно предпринимались антиказачьи акции, направленные на ликвидацию казачьих сообществ, вовлечение казаков в колхозы и растворение их в безликой массе колхозников (упорствующим же ждало выселение за пределы родных станиц или вообще Северо-Кавказского края либо попросту физическое уничтожение). Однако, эти антиказачьи акции не направлялись из единого центра и не были (прописанной и утвержденной) частью государственной политики, имевшей целью ликвидировать казаков как таковых вообще. Заявления о якобы осуществлявшемся на Дону, Кубани и Тереке в период «колхозного строительства» «скрытом расказачивании» голословны, ибо не существует ни одного документа, где бы среди задач политики коллективизации провозглашалась ликвидация казачества как социальной группы, или (тем более) субэтноса.

Напротив, широко известно постановление бюро крайкома ВКП (б) Северо-Кавказского края «О работе среди казачьего населения Северного Кавказа» от 26 апреля 1930 г., основанное на аналогичном постановлении от 11 апреля того же года и выступлении первого секретаря крайкома А. А. Андреева. Здесь содержались резкие и нелицеприятные слова: «небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого, недоверчивого отношения к казаку только

потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях... такие настроения ничего общего с отношением партии и советской власти к казачеству не имеют и являются прямой помощью классовому врагу – кулаку»¹². Конечно, это только лишь слова (нередко, действительно, расходившиеся с делами), в связи с чем и выступление Андреева, и проказачьи постановления бюро Северо-Кавказского крайкома можно отчасти воспринимать, как пустую декларацию. Тем не менее, такие призывы принимались подчиненными Андреева к непосредственному исполнению, что способствовало нормализации обстановки в казачьих районах, а также привело к заметному увеличению численности казаков в местных советах¹³.

Самое же главное – сегодня мы располагаем документами, принятыми руководством Северо-Кавказского края не для печати, а, что называется, «для узкого круга лиц» и носившими характер жесткой внутривнутрипартийной инструкции. Речь идет об инструктивном письме за подписью первого секретаря крайкома ВКП (б) Северо-Кавказского края Б. П. Шеболдаева, направленного отдельным райкомам 18 января 1931 г. В этом письме предписывалось произвести выселение 9 тыс. кулацких хозяйств «в целях очищения приморско-плавневой и лесогорной полосы Кубани и Черноморья». Причем, Шеболдаев четко и однозначно предупреждал конкретных исполнителей, что «необходимо соблюдать строго-классовый подход при отборе хозяйств, подлежащих выселению и в особенности необходимо осторожное отношение к казаку-средняку, бывшему рядовому участнику белого движения». Далее в цитируемом письме отмечалось, что «особое внимание райпарторганизации должны уделить привлечению к обсуждению списков [выселяемых] массы казаков-колхозников, бедняков и середняков»¹⁴. Как видим, никто казаков физически уничтожать не собирался, а даже шел поиск прозелитов большевиков из самой казачьей среды, как и в былые

времена, когда в Пятигорске в 1920 г. создали ячейку донских коммунистов из числа военнопленных казаков¹⁵.

В рамках поднятой нами проблемы особого внимания заслуживает один из абзацев письма, который гласит: «с особой тщательностью нужно добиться полной очистки этих районов от кулацко-белогвардейского элемента из так называемого иногороднего населения, что особенно важно в связи с наличием попыток со стороны классово-враждебных элементов истолковать лозунг партии о ликвидации кулачества, как “ликвидации казачества”, и мероприятия по выселению кулачества, как меру расказачивания»¹⁶. Как видим, выселению должны были подвергнуться не только казаки, но и иногородние, если они представляли опасность для колхозов и Советской власти.

Вышеизложенные факты и соображения прямо противоречат голословному отождествлению коллективизации и расказачивания, и здесь можно и должно провести понятийное и конкретно-историческое разграничение двух исторических процессов, захватывавших конец 1920-х – начало 1930-х гг. Точно так же не представляется возможным говорить о «добивании» донских, терских и кубанских казаков во время коллективизации или же о том, что «к середине 30-х гг. наиболее активная часть казачества, последовательно выражавшая духовные и материальные интересы этого специфического субэтноса, была либо репрессирована, либо нейтрализована»¹⁷.

Бесспорно, значительную часть казаков – наиболее активных и последовательных противников Советской власти и сталинского режима – в данное время репрессировали, и сами факты репрессий мы не собираемся опровергать. Однако окончательно добиты казаки не были. Прежде всего, наиболее активная часть казачества выражала интересы данной группы (субэтноса) не только в противоборстве с Советской властью, но и в тесном союзе с ней. Скажем, было немало казаков – председателей казачьих колхозов, бригадиров, рядовых колхозников,

добивавшихся прекрасных показателей в своей профессиональной деятельности. Все они являлись полноправными членами советского общества и не подвергались опасности ликвидации. Кроме того, антиказачьи акции времен коллективизации направлялись против зажиточной верхушки в станицах, а не против всех казаков вообще. Поэтому такие антиказачьи акции не привели к ликвидации казачьего быта, традиций, не стали смертельным ударом по менталитету казачества.

Когда же с 1936 г. в СССР развернулась широкомасштабная социально-политическая кампания «за советское казачество», партийно-советское руководство стало демонстрировать самое доброжелательное и уважительное отношение к казакам-колхозникам, к их специфической культуре и быту. Представители власти даже считали своей актуальной задачей содействовать пропаганде казачьей культуры, казачьего фольклора.

Базковский райком ВКП (б) Азово-Черноморского края, обсудив передовую статью в «Правде» от 18 февраля 1936 г. «Советские казаки» (что весьма характерно для райкомовских архивных материалов), выразил явную и неприкрытую радость в своем постановлении от возможности чествовать казаков. Бюро Базковского райкома ВКП (б) 21 февраля 1936 г. постановляет «немедленно командировать райактив по парторганизациям и колхозам для проработки статьи о казачестве, проработав ее на партсобраниях, пленумах сельсоветов, бригадных собраниях, доведя до сознания каждого колхозника.

Обязать парт-часть РИК-а 23/III – с. г. провести торжественный пленум РИК-а с широким приглашением колхозников-казаков от каждого колхоза.

В день годовщины Красной армии организовать митинг, демонстрации, в райцентре организовать отряд казаков не менее 50 человек, сделать пробег до Вешенской, с передачей приветов Вешенским казакам-стахановцам»¹⁸.

На бюро обкома ВКП (б) Ростовской области в декабре 1939 г. специально рассматривался вопрос

«О поездке Ростовского ансамбля песни и пляски донских казаков в Западную Украину». Обком констатировал, что ансамбль с успехом выполнил свою культурно-просветительную миссию, дав за месяц (с 20 ноября по 20 декабря) 36 концертов и оказав большую помощь в развитии красноармейской самодеятельности¹⁹.

Более того, даже если говорить об оппозиционно настроенных казаках, то их полностью вовсе не уничтожили во время «колхозного строительства», сколь бы масштабными и перманентными не оказывались репрессии, проводившиеся сталинским режимом (что мы никоим образом не отрицаем). Сохранение многочисленных противников большевиков со всей очевидностью подтверждает исторический период Великой Отечественной войны, когда немало казаков избрали новую форму сопротивления Советской власти и сталинскому режиму, форму коллаборационизма – сотрудничества с нацистами. В общей массе коллаборационистов (по разным данным, от 800 тыс. до 1 млн) казаки составляли заметную часть – 94,5 тыс.²⁰

Таким образом, следует констатировать: сложившиеся в постсоветский период трактовки политики большевиков по отношению к казачеству в 1920-х – 1930-х гг. зачастую страдают явной политизацией и наличествующей конъюнктурой. Они в откровенно слабой степени опираются на существующую источниковую базу. Анализ многообразных документов 1930-х гг. позволяет утверждать, что применять термин «расказачивание» (как бы мы его ни понимали) по отношению к коллективизации неправомерно. Исторически справедливой будет формулировка об особенностях осуществления коллективизации на Юге России, выразившихся в наличии антиказачьего акционизма, как результата экстраполяции отношений периода Гражданской войны на новую историческую ситуацию социалистического преобразования сельского хозяйства. В первой половине 1930-х гг. большинство казаков Юга России превратились в колхозников, но они все также

оставались казаками с присущей им культурой, бытом, менталитетом.

Библиография и примечания

¹ Донские казаки и в прошлом и настоящем / под общ. ред. Ю. Г. Волкова. Ростов н/Д., 1998. С. 318.

² Там же. С. 322.

³ *Щетнев В.Е.* Была ли сплошная коллективизация заключительным этапом расказачивания? // Казачество России: история и современность: тезисы Международной научной конференции, г. Геленджик, (8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 143.

⁴ *Осколков Е. Н.* Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 19.

⁵ *Щетнев В.Е.* Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 19.

⁶ *Чернощицкий П. Г.* О расказачивании // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д., 2002. С. 482.

⁷ Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь) / под общ. ред. Ю. Г. Волкова, А. В. Попова. Ростов н/Д., 2003. С. 91.

⁸ *Щетнев В. Е.* Расказачивание как социально-историческая проблема... С. 21.

⁹ См., напр.: Национальный казачий информационный ресурс «Казакция.инфо», где тема геноцида казаков является одной из центральных и наиболее часто обсуждаемых (<http://forum.kazakia.info/viewforum.php?f=27&sid=587f189fdc0561d1dfa02113f2de9a57>).

¹⁰ Донские казаки в прошлом и настоящем... С. 318, 322.

¹¹ Донская история в вопросах и ответах / под ред. Е. И. Дулимова, С. А. Кислицына. Т. I. Ростов н/Д., 1997. С. 261.

¹² Молот. 1930. 27 апреля.

¹³ *Чернощицкий П. Г.* К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995. С. 13.

¹⁴ ЦДНИ РО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1074. Л. 23, 24.

¹⁵ ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 45. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 321.

¹⁸ ЦДНИ РО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

¹⁹ ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 178. Л. 14, 14 об.

²⁰ См., напр.: *Андреев В.* «Восточные добровольцы»

// Новая газета. 1994. 6 декабря; *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 196.

**Советское крестьянство как объект
социального конструирования в эпоху коллективизации
(по материалам Архива Президента РФ)**

В начале XX в. российское общество, оказавшись в водовороте революционных потрясений, столкнулось с реальной угрозой распада цивилизации, социальных норм и связей, произошла тотальная дезинтеграция отношений власти-подчинения. При определении характера подобных изменений наиболее адекватным концептом, закрепившимся в современной историографии, можно назвать «архаический синдром»¹. Утвердившись в политическом сегменте социальной архаики, большевики, взяв на себя функции социальной элиты и разрушив верхние этажи общества имперского периода, приступили к реализации масштабной программы маргинализации социума «с заменой классовой структуры сословной партийно-государственной иерархией»².

К концу 1920-х гг. эти процессы были все еще далеки до своего завершения, а проведение индустриализации по сталинскому варианту предельно усугубило ситуацию. Появились дополнительные факторы, с одной стороны усиливавшие интенсификацию процесса обретения идентичности, а, с другой, спровоцировавшие еще большую архаизацию социальных отношений. В этом отношении не лишены оснований исторические аналогии политики коллективизации с возвратным движением к крепостному праву³.

Вместе с тем, описывая советскую деревню 1930-х гг., унылую, голодную и деморализованную, Ш. Фицпатрик обнаруживает существование еще одного, весьма далекого от реальности мира – мира Новой Советской Деревни, счастливой и процветающей, веселящейся под звуки аккордеона и балалайки⁴. Вся мощь пропагандистской

машины была направлена на продвижение этой идеи победоносного и скорого завершения строительства социализма. Такое подобие агрессивных PR-технологий, в соответствии с общим замыслом автор облекает в форму Потемкинской деревни, подчеркивая, что сам концепт «потемкинство» играл большую роль в мире идей советского общества и существовал не только в угоду иностранным гостям и доморощенной интеллигенции, но даже, в какой-то степени, в угоду крестьянам⁵. Ведь проект конструирования себя «происходит не на пустом месте, а в результате ориентации человека на те или иные культурно-исторические стандарты, сформировавшиеся в социальном пространстве»⁶. Признание значимости подобных образов является частным выражением проблемы формирования новой социальной идентичности, когда имитация идеальной картины мира (коммунистического рая) выступает своего рода ритуалом, позволявшим усвоить новые смыслы и адаптироваться к новой жизненной ситуации, а вместе с тем обрести себя и свое место в социальной иерархии.

Корпус источников, позволяющих объективно раскрыть существо данного вопроса, представлен как документами личного происхождения (жалобы, письма и иные обращения во власть), так и материалами делопроизводственной документации (докладные записки с мест, различного рода распоряжения директивных органов и пр.). Значительный блок документов находится на хранении в Архиве Президента РФ. Здесь представлены материалы, связанные с деятельностью высших органов управления ВКП (б) – КПСС в 1919–1991 гг.

Анализируя доклады и разного рода записки о положении дел в сельском хозяйстве в начале 1930-х гг., можно реконструировать представления об отношениях власти-подчинения на одном из самых трагичных этапов в истории развития нашей страны, а также воссоздать образы, формировавшие идентичность на всех ступенях социальной иерархии. Распространение новых символов, лексических значений, необходимых для образования политических

ритуалов, также нашло свое отражение в документах этого архивного фонда.

Крестьянская идентичность в условиях тотальной маргинализации уже по определению не могла строиться на позитивной основе и представляла скорее резкую оппозицию по принципу «свои» – «чужие», в которой свои либо пухнут с голоду по одиночке, либо, объединившись, отправляются маршем к ближайшим станциям и районным центрам, а чужие в виде таинственных директивных органов пресекают саботаж хлебозаготовок, запрещая любую торговлю и подвоз товаров в села и станицы⁷.

Так, в ноябре 1932 г. руководство Северокавказского края телеграфировало в ряд районов: «Решением директивных органов [в] связи [с] прямым саботажем выполнения плана хлебозаготовок зпт сева станица... Вашего района ставится [на] черную доску тчк Получением сего [в] этой станице прекратите всякую торговлю как промышленных так сельскохозяйственных товаров зпт закройте все без исключения торговые точки закройте торговые базары зпт примите меры не дать возможности продажи сельхозпродуктов колхозникам этих станиц [в] порядке колхозной торговли [из] других районов тчк Срок исполнения момента получения шесть часов»⁸.

В своих апелляциях к верховной власти, низы пытаются играть по правилам и облекают свои претензии в формулу классовый борьбы, мотивируя нарушения гражданских прав и свобод происками контрреволюции. В качестве аргумента приведем коллективное обращение рабочих-железнодорожников Полтавы, поступившее в начале мая 1932 г. на имя председателя СНК СССР В. М. Молотова. Ужасающее положение сельского населения («...Земли много засеяно не будет потому, что селяне пухнут и мрут с голода, а кто еще не пухнет тот берет свою семью и идет куда глаза глядят, станции набиты голодающими людьми, в особенности по Полтаве. Валяются трупы умирающих от голода, и никто даже не обращает внимания»), административный беспредел маркирован здесь

как вредительство, как происки контрреволюции («Романова нет, а контрреволюция есть»)⁹. Страшная трагедия разыгралась 2 мая 1932 г. на одной из станций близ Полтавы, когда голодающие крестьяне окрестных сел пытались захватить железнодорожный состав и разобрать зерно. Сотрудники охраны и отряда милиции открыли огонь по обезумевшим людям. Среди убитых были женщины и дети. Авторы письма убеждены, что ответственность за произошедшее лежит на отдельных представителях местной администрации, затаившихся поборников старого режима: «кто дал команду стрелять в толпу это наверное те самые гапоновцы и романовцы»¹⁰. При этом подмена понятий вовсе не является свидетельством низкого уровня развития политической культуры. В дело вступает логика имитации реального политического процесса, именно в таком контексте транслируемая в СМИ. Это можно рассматривать и как проявление социальной мимикрии, стремления доказать справедливость своих требований, защититься от потенциально возможной негативной реакции властей, и как часть ритуала, посредством которого формировалась новая идентичность. Показательно, что рабочие не соотносили себя с голодающим крестьянством, свое положение в системе социальных связей они определяют по принадлежности к процессу строительства социализма: «Голод и сами голодные бьют, мешают нам строить намеченное по плану 1 и 2 пятилеток»¹¹.

Массовая работа по мобилизации колхозников на борьбу за успешное проведение хлебозаготовительной кампании или весеннего сева рассматривалась неразрывно с мерами «жестких репрессий и нажима в отношении саботажников и дезорганизаторов сева, против кулачья, агитирующего против засыпки семфондов, распространяющего провокационные слухи о том, что «государственную семсуду уже выдают», о голодовке, о голодных смертях и т. д.»¹². Вместе с тем, материалы переписки местных партийных чиновников с ЦК ВКП (б) свидетельствуют о явной незавершенности процесса

социального конструирования, конечной целью которого являлось создание новой общности – «колхозного крестьянства», границы социальных групп обозначены размыто и неопределенно. В вопросе выполнения плана хлебозаготовок или засыпке семфондов колхозник не обладает особыми преференциями по отношению к единоличнику. Более того, последний лишь формально не именовался колхозником, на деле же был обязан нести государственное тягло под угрозой конфискации и высылки. Так, в Северокавказском крае с ноября 1932 г. существовала практика принудительного привлечения тягла (лошадей) единоличников на нужды сева, хлебозаготовок и вывоза зерна: «В случае отказа единоличника работать со своим тяглом в колхозе на посеве и вывозке хлеба, тягло привлекается к работам сельсоветом и РИК'ом без владельца и обслуживается колхозниками»¹³.

В колхозной деревне в эпицентре классового противостояния оказался кулак, маркируемый не столько по имущественному положению, но почти исключительно как субъект сопротивления проводимой политики. Здесь власть выступает конструктором социального пространства, произвольно определяя идейно-политические критерии для устранения своих потенциальных и реальных противников. В период 1932–1932 гг. объявленная групповая идентичность становится основанием для дискриминации и репрессий¹⁴. Как отмечал в одном из сообщений в ЦК партии от 26 апреля 1932 г. руководитель ЦК ВКП(б)У С. В. Косиор, «...отсутствие хлеба, голод являются темой в отношении которой кулак и его агентура развивают бешенную кампанию, пускаясь на всевозможные провокации»¹⁵. В ответной реляции И. В. Сталина встречаем риторический вопрос о положении Советской власти: «Если судить по материалам, похоже на то, что в некоторых пунктах УССР советская власть перестала существовать. Неужели это верно? Неужели так плохо с деревней на Украине? Где органы ГПУ, что они делают?»¹⁶. В вопросе вождя читается серьезная озабоченность нестабильностью отношений

власти-подчинения, облеченная в соответствующие смыслы, в ритуализированную практику общения в стане «своих» («за» и «против» Советской власти).

Не получила четких очертаний и группа «врагов» Советской власти, в которой помимо кулака мы встречаем и дезорганизаторов, и саботажников, и провокаторов, и белогвардейцев. В частности, по инициативе комиссии крайкома по линии ОГПУ по Северокавказскому краю в ноябре 1932 г. предписывалось «подготовить в 3-х дневный срок изъятие по станицам контрреволюционных организаторов саботажа хлебозаготовок и сева, в особенности засевавших в колхозных, стансоветских аппаратах, МТС. белогвардейцев (бухгалтера, учетчики, кладовщики, завхозы и т. п.)»¹⁷. Совершенно очевидно, что подобная норма будет действовать как метод устрашения, чем и объясняется размытость определения оснований для уголовной и административной ответственности. Однако четко указывается, какие должности маркируются как объекты репрессивной практики.

Малейшее отступление от выполнения указаний центра («своих обязательств»), например, от «первоочередного выполнения хлебозаготовительных планов» рассматривалось «недопустимым попустительством кулацким влияниям». В реальной же практике речь шла о робких попытках сопротивления политике оптимизации произведенного крестьянами продукта, скажем, в форме установления твердых норм кормления скота зерном и бронирования всевозможных фондов в колхозах (кормовых, страховых, семенных, продовольственных и пр.)¹⁸.

В записках и письмах представителей местной администрации обращает на себя внимание убежденность в том, что сопротивление крестьян проводимой политике не имеет под собой объективных оснований и происходит исключительно из-за нежелания расстаться со своей мелкособственнической идеологией и перейти на социалистические принципы хозяйствования (в реальном прочтении речь идет о принуждении к интенсификации

производства при серьезных сомнениях в посильности налогово-повинностного пресса). Голодовки в этом ключе рассматриваются как справедливое возмездие упрямым, саботирующим государственное задание по поставкам хлеба путем демонстративного и сознательного отказа от производства сельскохозяйственных работ в целом. Как отмечается в одной из записок С. В. Косиора в марте 1933 г., основная причина голода – «плохое хозяйничание и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и растраты хлеба)», «имеются случаи, когда очень многие колхозники и единоличники под влиянием паники хлеб попрятали и в то же время голодают». А неудовлетворительная подготовка к севу в наиболее неблагоприятных (в плане обеспечения продовольствием) районах выступает доказательством того, что «...голодание не научило еще очень многих колхозников уму-разуму». Негативно по отношению к организации сельскохозяйственного производства расцениваются и голодные миграции сельского населения, а, следовательно, следует ожидать применения мер административного воздействия. Как пишет Косиор, «уход из деревни, несмотря на чинимые препятствия, принял большие размеры»¹⁹.

Способом принуждения крестьян к организации сельскохозяйственных работ («отказавшихся от земли и сева») выступала угроза выселения за пределы региона, привлечение к уголовной ответственности за нарушение Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. об охране имущества и укреплении общественной социалистической собственности»²⁰. Подобная принципиальная антикрестьянская позиция большевиков, по мнению О. В. Хлевнюка, становится фактором, определявшим отношение сталинского руководства к голоду: «В советской идеологической доктрине крестьянство рассматривалось как реакционная и в силу своей многочисленности крайне опасная сила, препятствие на пути социалистического строительства, класс, исторически обреченный на вымирание»²¹. Однако в повседневной действительности идеологические клише выступали основой тотальной маргинализации социума с тем, чтобы

в дальнейшем сделать исключительным критерием социальной идентичности архаичный принцип лояльности и безусловного подчинения воле государства.

Библиография

¹ *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 12.

² *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 39.

³ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2008. С. 147.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Там же.

⁶ *Бурнашев К. Э.* Конструирование человека в социальном пространстве // *Личность. Культура. Общество.* 2009. Т. XI. Вып. 3. С. 325.

⁷ АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 40. Д. 83. Л. 15.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Оп. 61. Д. 794. Л. 20.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 21

¹² Там же. Л. 61.

¹³ Там же. Оп. 40. Д. 83. Л. 30.

¹⁴ *Доброноженко Г. Ф.* «Кулаки»: от идеологического конструирования к реальной социальной группе // *История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции.* Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М., 2011. С. 148–149.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 794. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Оп. 40. Д. 83. Л. 28.

¹⁸ Там же. Оп. 40. Д. 78. Л. 29.

¹⁹ Там же. Оп. 61. Д. 794. Л. 75–76.

²⁰ Там же. Оп. 40. Д. 83. Л. 29–29.

²¹ *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

**Сталинизм как реальность
крестьянской социальной утопии**

Крестьянство – одно из древнейших и самых многочисленных сословий на земле. Крестьянин – это не просто кормилец любой цивилизации, это нечто большее чем народонаселение, чья повседневность жизни связана с землей, с тяжелым земледельческим трудом, что формировало своеобразное восприятие действительности. Россия – исторически крестьянская страна, именно крестьянство отражает специфику России, именно крестьянин – один из важнейших исторических субъектов, определявший вектор развития страны на поворотных моментах ее истории. Изучение социальных потрясений в XX в. также немыслимо без учета особенностей самосознания, мировоззрения и социальной практики российского крестьянства, составлявшего по переписи 1897 г. 77% жителей России¹. Пожалуй, ни одному социальному слою российским государством не уделялось столь пристального внимания, как крестьянству. Коллективизация была четвертой аграрной реформой за 70 лет, третьим преобразованием села в XX в.: Великая реформа 1861 г., столыпинская аграрная реформа, аграрная революция 1917–1918 гг. Можно сказать, деревня привыкла не к покою и устойчивой жизни, а к постоянным переменам.

В XX в. кардинально изменился сам крестьянин, его жизненный мир, ценностные ориентиры, формы, способы и характер производства сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, уже в XIX в. стало очевидно, что модернизация в определенной степени деформировала традиционную структуру российского общества и патриархальное крестьянство оказалось «лишним» для представителей новой России. Неизменной, однако, оставалась социальная значимость крестьянства

в российском государстве: крестьянская масса по-прежнему оставалась основным источником налогов, экспортной продукции и производителем продовольствия – других источников доходов у государства практически не было.

Крестьянская составляющая отечественной истории всегда была уникальным объектом научного интереса как российских, так и зарубежных историков, в том числе и такая ее проблема, как взаимоотношения этого социального слоя с властью, апофеозом которой следует считать 20–30 гг. XX в. – финальный раунд окончательного «раскрестьянивания» российского крестьянства. Предмет обсуждения требует определения понятийного аппарата. Мы предполагаем, что далеко не всякий (арендаторы, батраки), кто работает на земле – крестьянин. Необходимыми условиями крестьянственности являются единство работника с природными условиями производства – собственность на землю, – и особая социальная организация – община. Именно на разрушение этой организации и лишение крестьян их собственности и была направлена коллективизация – окончательная развязка выяснения в русской истории взаимоотношений между властью и крестьянством. Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанных на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи. Ставка делается на слабости, низменное, больное или наболевшее в человеке или социуме. Суть сталинизма в убеждении: не так важно, что люди себе мыслят, а важно то, что они должны мыслить и делать. Следует подчеркнуть, что подобный механизм управления, особенно крестьянством, вполне устраивал немецких оккупантов, в силу чего на захваченной территории они, по возможности, старались колхозы сохранить.

Крестьянское видение необходимых аграрных преобразований носило характер социальной утопии, было обращено в прошлое и произрастало из традиций. Два краеугольных камня лежали в основании этой утопии:

«Земля» и «Воля». В крестьянской мифологии синкретизм природного и социального, причастность человека к реализации законов космического мироздания проявлялся в существовании культа Земли-Матушки. Исторически очень точную характеристику отношения крестьян к земле сформулировал известный знаток пореформенной российской деревни Г. И. Успенский. Сущность крестьянского мирозерцания, крестьянское бытие в целом и во всех его зримых и незримых проявлениях автор определяет исключительно «властью земли»². Постоянная, полностью поглощающая душу, силы и время крестьянина, зависимость от земли имела и другую сторону своего предназначения, связывая его с Волей. Порабощая земледельца, «власть земли» одновременно и освобождала крестьянина от ответственности за деяния, освещенные ее сакральным значением: «...тут-то и лежит та необыкновенная легкость существования, благодаря которой мужик Селянинович мог сказать: “Меня любит мать сыра земля”. И точно любит: она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но зато он и не – отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увел у него лошадь,- и не виновен, потому что без лошади нельзя приступить к земле; у него перемерли все дети – он опять не виноват: не родила земля, нечем кормить было; он в гроб вогнал вот эту свою жену – и не виновен: дура, не понимает в хозяйстве, ленива, через нее стало дело, стала работа»³. При этом следует подчеркнуть, что крестьянин наследовал главным образом не землю, а труд на ней, образ жизни и соответствующий образ мыслей, право на возможность выживания.

По нашему мнению, О. В. Сухова справедливо констатирует, что образы крестьянского видения аграрной реформы базировались на следующих основных принципах: уничтожение частной собственности; безвозмездный и всеобщий характер передачи земли крестьянам; уравнильное землепользование, запрет на использование

наемного труда. Это мало согласуется с такой так называемой характеристикой общей позиции российской деревни как требование национализации земли большевиками⁴.

Следует признать утопическими и эсеровские идеи распределения государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой, весьма близкие представлениям крестьян, но невозможные в осуществлении и последующем поддержании фактического равенства в распределении земли. В конечном счете, реализация этой модели ведет к «социалистической национализации» в форме коллективизации, то есть к установлению государственной собственности на землю, восстановлению доиндустриальных форм эксплуатации крестьян государством, основанных исключительно на насилии.

Информационное поле крестьянской повседневности в качестве своей социальной практики выделяло общину как сообщество, обеспечивающее наиболее комфортные условия выживания своих членов. Этот стиль жизни способствовал выработке у крестьян соответствующего мировидения и оригинальных представлений о том, каким образом должно строиться их взаимодействие с внешним по отношению к общине миром. В крестьянской «картине мира» община рассматривалась как средство осуществления высших идеалов и интересов, как своеобразная матрица поведенческих стереотипов, от следования которым зависело и настоящее, и будущее крестьянства. Неслучайно нарушение общинных порядков каралось в русской деревне значительно строже, чем нарушение установлений позитивного права. Живучесть мирских стереотипов была настолько основательна, что даже при ясном понимании крестьянами того, что община в конечном итоге стояла на пути социального и агротехнического прогресса, деревня в этом средневековом институте видела спасательный круг.

Такая стойкая приверженность селян принципам общинного мироустройства отчасти объяснялась одним из его функциональных предназначений (в числе основных

функций русской общины, как правило, выделяются следующие: управления, производственная, финансово-податная, правотворческая, судебная, полицейская, представительская, функция социальной защиты, культурно-воспитательная и религиозная⁵), сущность которого заключалась в формировании ощущений компенсирующего плана. Под воздействием четко регламентирующих условий жизнедеятельности в общине индивид, безусловно, лишался возможности на самостоятельное проявление воли, однако взамен получал механизм социальной психологической защищенности, не тяготясь при этом индивидуальной ответственностью. Речь идет о блокировании негативных эмоций при переходе индивидуального сознания в массовое, вследствие ощущения «Я» как части целого большого организма⁶.

Исторические источники позволяют утверждать, что подобное миропонимание и травмирующий опыт отношений с властью позволяли крестьянам представлять власть звериной, неживой и даже inferнальной силой, что прошлое лучше настоящего и необходимо осуждать всякие изменения вообще, уже по определению ухудшающие жизнь деревни. В понимании крестьянства отвержение «старого строя» означает не прорыв к новому, а возвращение в «золотой век», в прошлое, к глубинным основам традиционной культуры, свободной, в первую очередь, от частнособственнических устремлений. При этом деревенский социум не нуждался ни в какой самоуправляющейся организации, шел процесс атомизации политической структуры и подлинной преемницей управляющих функций государства должна стать поземельная община со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она становилась исключительно первой и единственной правопреемницей государства, и вся политическая система низводилась до уровня функционирования и взаимодействия локальных крестьянских миров. Как подчеркивал Н. А. Бердяев, «Русский народ хочет не только святость, сколько

преклонение перед святостью, подобно тому, как он не хочет власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени»⁷. В концентрированном и цивилизационном виде эти воззрения были высказаны на делегатском совещании Всероссийского крестьянского союза. Содержательную сторону выражали следующие положения: вся земля должна принадлежать крестьянам на началах уравнительного общинного владения; чиновничество всех уровней должно быть выборным на основе всеобщего избирательного права; органы местной власти должны на основе центрального финансирования и самофинансирования располагать широкими полномочиями в земельном вопросе, в сфере образования и здравоохранения; общегосударственное устройство виделось в форме конституционной монархии или даже парламентской республики⁸.

Исследования общины как свободного трудового сообщества в прошлом показывают, что в фундаменте ее существования заложены две противоречивые тенденции: к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимости постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований», то есть перманентный передел. Однако саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях, а, как ни парадоксально, они были лишь разными проявлениями одной сущности. Факты российской истории убедительно свидетельствуют, что традиционная крестьянская община уже во второй половине XIX в. находилась в стадии разложения в экономическом, политическом, социальном и духовно-нравственном отношениях, сохраняя ограниченный административный ресурс, но задыхаясь от навязанных ей государственно-фискальных функций и перенасыщения мироедским насилием. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что субстанция общины тоже менялась: она становилась более открытой, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации, в первую очередь, кооперацию. Ставить знак равенства между дореволюционной общиной и той, которая

сформировалась к концу 20-х гг. XX в. было бы, на наш взгляд, большим заблуждением. Не исключено, что община трансформировалась в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской современности, в нечто в духе Чаынова–Кондратьева, но увидеть это было не суждено, ибо в 1929 г. ей «сломали хребет».

По мере усиления «самовластия» приобретает несколько иное звучание и вторая часть знаменитого крестьянского лозунга «Земля и воля», которая стала восприниматься в крестьянской среде как предельное освобождение от всех форм социального контроля со стороны государства. Здесь следует обратить внимание на феномен завышенных ожиданий как предпосылки крушения модернизационного проекта. Их источником были представления крестьянства о несправедливости существующего распределения земли. Причем эти представления не только не ослабевали, но и нарастали по мере юридического раскрепощения крестьянства в ходе реформы 1861 г. и особенно после 1907 г. Чем больше крестьяне получали прав и чем ближе становился их статус с другими слоями общества, тем больше прав собственности они требовали. Планка социальных запросов крестьянства оказалась значительно выше его способности конвертировать этот новый социальный и правовой статус в реальную экономическую деятельность. Крестьяне получили больше прав и больше свободы, чем могли рассчитывать ранее, но они не знали куда ее девать, что приводило к росту их агрессивности. Эту ситуацию с полным основанием можно охарактеризовать как «бегство от свободы»⁹.

Необходимо обратить внимание и на такую характерную особенность крестьянской «картины мира», как нерасчлененность систем представлений различного уровня, когда усвоение новых смыслов происходит не путем отрицания прежнего социального опыта, а наложением нового на старое. Другими словами, существует ситуация «неисчезаемости прошлого», то есть своеобразие эволюции

крестьянского миропонимания состоит в отсутствии сменяемости одних форм другими¹⁰.

Захватив и удержав власть, большевики ставили задачу не просто изменить мир, а путем жесточайшего мифоутверждения подстроить настоящую и будущую реальность под вдохновляющую коммунистическую утопию, которая являлась абсурдной с точки зрения здравого смысла, но должна была выступать «справедливой» с точки зрения крестьянского сознания и чрезвычайно эффективной с точки зрения большевиков. Сложность отношения крестьянства к власти предоставляла широкие возможности для маневра, с одной стороны, а с другой – часто приводила к совершенно неожиданным и неожиданным для руководящих работников последствиям.

Большевики, несомненно, свысока относились к миру мелких производителей. Около 80% населения страны уже Конституциями 1918 и 1924 гг. по отношению к рабочим было признано людьми второго сорта. По этой же логике деревня считалась навозом истории, материалом для строительства социализма. Большевики же рассматривали себя как носителей социальной правды, как силу, которая должна вывести крестьянство из микрокосма общинности в национальный, социалистический, советский макрокосм. Традиционность среды диктовала и традиционность методов воздействия на крестьянство. Но советская власть – это власть нового типа, особенно в условиях необходимости ее удержания в начале 20-х гг., это власть немедленного действия, власть, эффективнее всего действующая в экстремальных условиях, потому и нового человека нужно было создавать, если не получилось еще вчера, то немедленно, «из того материала, который оставил капитализм со вчера на сегодня, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»¹¹. Поэтому и большевистские практики по отношению крестьянству были жестокими и варварскими, как к варварам, которых надо вести. В общем и целом отношение новой власти к мелкобуржуазным собственникам можно определить как

отношение войны, в результате которой последние должны быть уничтожены. В ходе инсталляции репрессивного режима вожжи, порой, отпускали, но только для того, чтобы их опять взнуздать.

По своей социальной природе и логике развития советский режим, объективно отрицающий практически все негосударственные формы собственности на вещественные факторы производства – будь то искусственные или природные (земля), – не мог допустить существование огромного слоя населения, обладающего собственностью на один из этих факторов (землю) и к тому же обладающего своей формой социальной организации. Эта масса нуждалась в систематизировании, без чего это грозило стихийностью и неуправляемостью социальных процессов.

Мировоззренческие интенции марксистской теории импонировали деспотической природе Сталина, потому что он правильно понял его социальную сущность как просвещенного патернализма, закреплявшего право одних, «просветленных», классов присваивать себе жизнь, счастье и мысли других, «непросветленных» классов. Поэтому он без тени смущения, без всяких мук совести сам присвоил себе право переломать жизнь миллионам крестьян России. Какова была перспектива крестьянства по Сталину? Вполне в русле коммунистической доктрины: рабочий класс, как руководящая сила союза с крестьянством, должен «переделать» постепенно крестьянство – его психологию, его производство в духе коллективизма и подготовить, таким образом, условия для уничтожения классов¹². Иными словами, марксистский социализм предполагал сделать из советского социума исключительно работников. Но, сворачивая НЭП, власть свернула и непродолжительный эксперимент по созданию нового крестьянина и пошла по более короткому, но традиционному пути – перекачке средств из сельского хозяйства в промышленность. На этом маршруте необходимо было найти или создать среди крестьянства лояльные или опорные для власти социальные группы. По известным причинам ими не могли быть

средняя или зажиточные хозяйства, которые с точки зрения Советской власти априорно были ее противниками. Выбор пал на бедноту и батрачество, которые в соответствии с традиционными крестьянскими представлениями, рассматривались как часть сельского общества с самым низким социальным статусом.

Коллективизация решила проблему аграрного перенаселения, продовольственный вопрос (ибо определение, где кончается хлеб, необходимый для крестьянского хозяйства, и начинается его излишек, принадлежит государству), проблему обеспечения порядка. Решила путем раскрестьянивания, то есть путем превращения крестьян в государственных работников на земле.

К числу основных симптомов раскрестьянивания следует отнести следующее:

– ожидавшаяся трудовым крестьянством социализация земли трансформировалась в рамках государственной политики в национализацию. Земля оказалась обезличенной, а колхозы, созданные вопреки воле крестьян, выступали как своеобразные источники живого труда, который мало чем отличался от полурабского труда заключенных. Это была система подневольная, нацеленная не на производство, а прежде всего на выжимание продукта крестьянского труда. Под влиянием отношений с властью изменились и цели сельского мира: если в начале XX в. главной крестьянской мечтой была земля, которая, как представлялось, обеспечивала преемственность работающих на земле поколений, то ведущей тенденцией следующих десятилетий, вплоть до настоящего времени, стал настрой земледельцев на бегство из деревни в самых разнообразных формах;

– существенно изменился облик значительной части крестьянства. Его можно характеризовать как полукрестьянина-полумаргинала в солдатской шинели «с винтовкой в руке» и «без царя в голове», как носителя социально-политической дезинтеграции и более

радикального типа сознания¹³. Этот «новый» крестьянин систематически или уклонялся от работы, или работал «спустя рукава». Если дореформенные крестьяне в страду работали от зари до зари, то рабочий день большинства колхозников начинался в 10–11 часов утра и продолжался с большими перекурами и простоями до 17–19 часов. Качество работы в колхозе было низким, что экономило силы на работу в личном хозяйстве и предоставляло больше возможностей для хищений;

– окончательному разрушению подверглась крестьянская община, разрыв с которой части крестьян был подготовлен предшествующим этапом развития русской деревни, хотя усилия властей в ходе аграрных преобразований в начале XX в. вызывали к жизни механизм ее самосохранения. Термины «феодализм», «барщина», «община» вряд ли применимы к колхозной системе из-за большой социальной мобильности, текучести, возможности увильнуть от работы, уйти в город на стройки пятилетки. Недоумение вызывает утверждение, что колхоз выполнял не столько экономическую функцию, сколько социальную, он заменял собой общину и барина одновременно¹⁴. «Колхоз – дело добровольное. Хочешь вступай, не хочешь – расстреляем», – горько шутили в деревне. В этой связи более исторически точной представляется мысль В. П. Булдакова, что действительной антитезой принудительного коллективизма может быть только антиколлективистская, антисолидаристская стадность¹⁵. В таком случае, в качестве барина выступает советское государство, а колхозы – как часть советского стада;

– полный раскол крестьянского «мира» российской деревни для устранения потенциальных и реальных противников политики Советской власти в деревне. Раскулачивание предстает как «узаконенное беззаконие», как обязательное «взбадривание» сплошной коллективизации, и постоянное устрашение как колхозников, так и единоличников на протяжении всего

десятилетия «великого перелома» 1929–1939 гг. Усилия Советской власти не пропали напрасно: ей действительно удалось окончательно расколоть деревню, что, безусловно, было большим успехом в деле социалистического натиска на нее. В то же время эта политика заложила мины замедленного действия в фундамент колхозной системы, ибо большая часть бедноты, не имея соответствующей материальной защищенности и ожидая дивидендов от власти, абсолютно не желала участвовать в процессе становления и развития колхозного хозяйства, превращаясь, по сути дела, в государственных иждивенцев;

– изменение характера диалога с властью. Если раньше крестьяне могли надеяться, что власть их «услышит», то в советское время перспективы обратной связи с властью были предreshены и закономерны. Консерватизм, как характерный архетип крестьянского сознания, основывался на нежелании и боязни радикальных перемен. Многие отказывались открыто восстать против власти государства из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте познало и на генетическом уровне запомнило всю карательную мощь советской государственной, военной и административной системы. Крестьяне относились к власти как к силе, к которой необходимо приспособляться, как к стихийному бедствию, которое надо пережить.

Результатом антикрестьянской аграрной политики стал страшный голод 1932–1933 гг., охвативший огромную территорию СССР с населением более 50 млн чел. и унесший жизни 7 млн чел. Деревня превратилась в мощный резервуар дешевой рабочей силы, дешевых продуктов сельского хозяйства и стала главным источником модернизации страны. Такова цена политики сталинизма по отношению к русскому крестьянству. Возникает закономерный вопрос: принимало ли крестьянство советскую власть за «свою», верило ли ей, что она обеспечит светлое будущее российскому землепашцу?

Русский крестьянин верит только в то, во что сам хочет верить. Его «легковёрность» носила избирательный характер, что отмечалось исследователями ещё в XIX в.: «Русский простолюдин, правда, сильно способен верить всему чудесному, но легковёрен он по-своему, на него не скоро действуют самые сильные уверения, самые очевидные доводы противу верований его, хотя и ложных, но таких, с которыми он уже сроднился. Попробуйте затронуть его коренные убеждения, даже причуды; попробуйте уверить в истинах, которые признает весь свет: крестьянин не захочет и слушать. Начните же говорить что-нибудь небывалое, только согласное с вкоренившеюся идеею простолюдина,- он вас будет считать за самого умного, за самого доброго человека и поверит вам на слово, потому что в вас он верит себе»¹⁶.

Вместе с тем крестьянин вряд ли мог поверить в такие, с его точки зрения нелепицы, как государственные фабрики зерна на земле и стандартизация и унификация возделывания хлеба. Человек, который привык всю жизнь планировать, соизмерять, который имеет постоянный контакт с веществом жизни, с землей, с конкретным, никогда не поверит, что в один день можно мир перевернуть, что земля, запряженная в узду декретов, начнет плодоносить без перерыва и без отдыха, как дикая кошка котят. Он не может поверить, что кому-то дано, как Богу, создать душу из земли сырой и за один день создать твердь и небо.

Основания для недоверия к режиму Советской власти имелись, так как лозунг большевиков о том, что земля должна принадлежать крестьянам, тем, кто ее обрабатывает, так и остался ничем не подкрепленной декларацией. Крупнейший аграрник-экономист России Л. Н. Литошенко так характеризовал мрачную картину социального конфликта военного коммунизма большевиков с российской деревней: «перед объединенным крестьянством стоял общий враг... он строил какое-то неведомое и чуждое крестьянству здание социализма, а

крестьянин должен был доставлять ему даровой хлеб, сжимать свое потребление и мириться с тем, что его хозяйство официально признавалось отживающей формой землевладения»¹⁷.

И даже по отношению крестьян к лозунгу «Лицом к деревне» с самого начала высказывались сомнения в искренности намерений власти: «Эта власть хуже всех, она хитро затягивает петлю на крестьянской шее, поворачиваясь лицом к крестьянству, а пройдет немного времени, тогда она замучает нас налогами, от нас отберут последнюю корову, а уже тогда они повернутся к нам спиной, и опять останемся, как и раньше»¹⁸. Уже в 1927 г. следствием хлебозаготовок стали распространяемые в деревне слухи о грядущей войне, с которой связывали надежду на падение Советской власти: «Чтоб эта власть провалилась бы... Начнется война, придет другая власть и крестьянину будет жить вольнее»¹⁹.

С началом коллективизации отношения власти и крестьян еще более обострились и вышли за пределы того «мифологизированного» договора, который устраивал последних в годы НЭПа. Русский мужик, побывав в мировую войну за границей и в качестве союзника, и в качестве пленника, не увидев там никакого подобия колхозного строя и не услышав даже слухов о нем, поступил как настоящий практик и реалист: он не захотел рисковать своей собственностью (трудно досталась!) ради неизвестного ему коллективного хозяйства, тем более создаваемого насильственным путем.

Если судить здраво, без эмоций, то нет ничего удивительного в том, что наше российское крестьянство так и не стало субъектом социалистического выбора, само добровольно не пришло к коллективной организации труда на земле. Было бы чудом, если бы случилось противоположное и крестьянин сам, добровольно, без принуждения, предпочел колхозы, легко расстался бы со своим наделом, о котором мечтал веками. Может ли нормальный, психически здоровый человек, тем более патриархальный консерватор, отказаться от того, к чему он

привык, предпочесть непривычное, неизведанное тому, что складывалось на протяжении веков. На такой опрометчивый шаг мог решиться только ничего не теряющий бедняк или ни за что не отвечающая молодежь. Даже бедняк, бывший комбедовец, готовый каждую минуту раздеть преуспевающего соседа, думал не столько о коллективной запашке земли, сколько о том, чтобы опять-таки добыть лошадь, на которую он так и не смог заработать. Зависть сама по себе никогда не вела к коллективным формам труда. Озлобленные неудачники оказывались наверху, становились уполномоченными и активистами. Но к ним в деревне никто, кроме молодежи, серьезно не относился. Как правило, такие мужики не умели работать, а потому их не принимали за стоящих людей. И это понятно. При всех своих недостатках, при всем своем консерватизме крестьянин предельно расчетлив и трезв. Если он не будет таким, он сдохнет с голоду. Тысячелетняя история крестьянства отбраковывала нетрезвых, нерасчетливых. Юродивый до тех пор юродивый, пока он один в деревне. Крестьяне, в отличие от горожан, по своей воле редко бросали повседневные дела и заботы во имя того, чтобы включиться в борьбу за царство всечеловеческого счастья.

Русские мужики не знали и не могли знать, что Г. В. Плеханов еще в 1907 г. на объединительном съезде в полемике с Лениным по поводу аграрной программы РСДРП с блеском доказал, что социализация земли и крестьянского труда в России будет новым изданием крепостного права в нашей стране, возвращением к барщине, где помещиком будет коммунистическое государство. Как идею наследования, возвращения на круги своя воспринимали новую систему и сами колхозники, которые расшифровывали аббревиатуру ВКП (б) как Второе Крепостное Право (большевиков). Причем оно было значительно более жестоким, чем то, от которого крестьяне были освобождены в 1861 г. Неслучайно некоторым царизм казался предпочтительней существующей системы: «Раньше жизнь была легче. При царском режиме крестьянину было

легче работать десять лет в своем собственном хозяйстве, чем теперь десять дней в колхозе»²⁰.

В крестьянской стране победила антикрестьянская политика, основанная на насилии над крестьянином. Что касается советского колхозного строя, то он был построен на абсурдных основаниях: с одной стороны, консервация аграрного общества, с другой – изъятие у него несуществующего прибавочного продукта. Такая система была обречена, но она привела к раскрестьяниванию самого многочисленного слоя населения России, что имело необратимые последствия для будущего страны. Если сегодня предоставить землю желающим взять ее в собственность, не факт, что они будут активно на ней работать. А это, к слову сказать, продовольственная безопасность России...

Библиография

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 163.

² Успенский Г. И. Власть земли // Успенский Г. И. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 106–107.

³ Там же. С. 110.

⁴ См.: Сухова О. В. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории крестьянской психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 220.

⁵ См.: подробнее: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 467–473.

⁶ См.: Сухова О. В. Указ. соч. С. 227.

⁷ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 10–11.

⁸ См.: Shanin T. The Peasant Dream: Russia 1905–7 // Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary Wold. Oxford. 1990. P. 172–173.

⁹ См.: Марченя П. П., Разин С. Ю. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Материалы первого заседания // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. М., 2012. С. 375–416 (С. 386–389) (http://www.docme.ru/doc/244892/krest_yanovedenie-7.pdf).

¹⁰ См.: *Гордон А. В.* Крестьянство Востока; исторические судьбы, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 77.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 54.

¹² См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 162.

¹³ См.: *Сухова О. В.* Указ. соч. С. 442.

¹⁴ *Третьяков А. В.* Земельный передел – основной итог аграрных реформ в России конца XX – начала XXI веков // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2011. С. 369 (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

¹⁵ См.: *Булдаков В. П.* К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // Там же. С. 134.

¹⁶ Цит. по: *Сухова О. В.* Указ. соч. С. 106.

¹⁷ Цит. по: *Никулин А. М.* Становление аграрника Сталина: 1906–1918 гг. // Крестьянство и власть в истории России XX века... С. 301.

¹⁸ Цит. по: *Кудюкина М. М.* Крестьянство и власть в 1920-е годы // Там же. С. 242.

¹⁹ Цит. по: *Гончарова И. В.* Власть и крестьянство в конце 1920-х гг. (По материалам Центрального Черноземья) // Там же. С. 155.

²⁰ ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 106 (Н/35); Д. 1855. Л. 208, 214 (Н/36).

Политика государства по отношению к крестьянству в послевоенные годы СССР

Как считают многие историки, апогей сталинизма наступил в послевоенный период (1946–1953 гг.), когда в ГУЛАГе находилось более 2 млн незаконно осужденных, включая 800 тыс. советских военнопленных, вернувшихся из фашистских концлагерей. Именно на эти годы приходится «Ленинградское дело», «дело врачей», репрессии и травля деятелей культуры и т. д. Не осталось «без внимания» государства и крестьянство, к которому в послевоенный период вновь были применены жесткие меры, что в немалой степени было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Именно на этот период, как и в голод 1932–1933 гг., приходится самая высокая смертность преимущественно сельского населения. Засуха 1946 г., охватившая значительную территорию страны, и последовавший за ней голод, по подсчетам ряда исследователей, унесли от 700 тыс. до 1 млн 200 тыс. жизней. При том, что в 1946–1947 гг. страна экспортировала 2,5 млн т. зерна по льготным ценам.

Начавшаяся в Молдавии с марта 1946 г., засуха распространилась на юго-западные и северные районы Украины, а затем почти на все Центральное Черноземье, многие районы Поволжья. Для того чтобы выполнить план хлебозаготовок, руководством страны были установлены дополнительные планы тем районам страны, которые не оказались в зоне засухи (в том числе в Сибири, Казахстане, на Урале, центральных и северных областях РСФСР). Из-за засухи государством были снижены планы хлебозаготовок в ряде областей Центрального Черноземья, но одновременно установлены повышенные обязательства сдачи государству этими областями картофеля. Как и в процессе реализации политики «военного коммунизма», а также во время массовой коллективизации, в послевоенные

годы по отношению к колхозам, колхозникам, крестьянам-единоличникам вновь применяются жесткие меры административного характера, методы продразверстки, насилия.

Несмотря на негативный прогноз будущего урожая зерновых культур, государство утвердило достаточно высокие объемы хлебозаготовок. Секретным постановлением СМ СССР и ЦК ВКП (б) за № 1330-548 от 26 июня 1946 г. был утвержден годовой план закупок зерна и риса в объеме 1 331 446 тыс. пуд. В том числе: по обязательным поставкам колхозов – 639 958 тыс. пуд.; по обязательным поставкам колхозников – 4 791 тыс. пуд.; по обязательным поставкам единоличных хозяйств – 59 823 тыс. пуд.; по возврату ссуд колхозами и единоличными хозяйствами – 106 934 тыс. пуд.; по натуроплате за работы МТС – 321245 тыс. пуд.; задолженность по натуроплате за работы МТС – 18 799 тыс. пуд.; по хлебодаче совхозами – 105 020 тыс. пуд. и т. д. Таким образом, основная тяжесть государственных закупок, с учетом обязательных поставок, возврата зерновых ссуд и задолженностей за предшествующие годы, ложилась на колхозы. При этом – более 100 тыс. пудов зерна, взятого в ссуду под будущий урожай, предстояло вернуть государству колхозами и единоличными хозяйствами¹. Этим же постановлением на руководителей республик, краев и областей, уполномоченных министерства заготовок возлагалась личная ответственность за выполнение плана хлебозаготовок в установленные сроки. Что, по всей видимости, и «развязало» руки местным властям в применении жестких мер по отношению к колхозам и крестьянству.

В докладной записке на имя заместителя председателя СМ СССР Л. П. Берии за № 2774 от 28 августа 1946 г. министр Госконтроля СССР Л. З. Мехлис информировал о результатах ревизии сохранности общественной собственности в 288 колхозах и 60 районах

страны. В какой-то мере это напоминает известную сталинскую статью «Головокружение от успехов».

В документе Госконтроля СССР было констатировано, что «...широкое распространение получили факты грубого нарушения колхозной демократии, разбазаривания и расхищения общественной собственности колхозов... что представляет угрозу дальнейшему развитию общественного хозяйства в колхозах и подрывает заинтересованность в нем колхозников»; что руководители партийно-государственных органов «...бесцеремонно распоряжаются колхозной собственностью, незаконно изымают у колхозов скот, продукцию и денежные средства, командуют в колхозах, подменяя председателей и правления артелей»². Как сообщали партийные контролеры, местные власти в обход установленного государством порядка, проявляли излишнюю инициативность и обязывали хозяйства и колхозников сдавать продовольствие, деньги для проведения районных мероприятий, на строительство домов для своих нужд, для пополнения различных фондов. Эти факты были вскрыты проверяющими, что и было констатировано в докладной записке Л.З. Мехлиса: «Отдельные руководители партийных, советских и земельных органов бесцеремонно распоряжаются колхозной собственностью, незаконно изымают у колхозов скот, продукцию и денежные средства, командуют в колхозах, подменяя председателей и правление артелей, нарушают колхозную демократию, решая вопросы общественной жизни колхозов помимо общих собраний колхозников»³. Так, в колхозах им. Сталина, Р. Люксембург, «Красный партизан» (Верхне-Курмойский район Сталинградской области) председатель райисполкома, а также начальник райотдела МГБ и уполномоченный министерства заготовок взяли бесплатно для своих нужд дойных коров. В Михневском районе Московской области местные власти «навязали» колхозам строительство дома агротехники. Кроме того, как информировал Мехлис, «...по разверстке михневских районных организаций...», колхозы обязали

сдавать более 6 т зерна и более 200 тыс. руб.⁴. То есть, в официальном документе четко прозвучал термин «разверстка». Только теперь это относилось не только к изъятию сельхозпродукции, но и к общественной собственности, включая землю. Происходило своеобразное «раскулачивание» колхозов. Так, в колхозе имени Куйбышева Ногинского района Московской области, помещение конторы было изъято в пользу районных отделений МВД и МГБ. Не иначе как преступлением против государства было расценено комиссией Госконтроля СССР решение Костромского облисполкома о передаче 3 тыс. голов скота из колхозов в семьи военнослужащих. Хотя в данном случае, прежде всего, можно говорить как о выживании семей военнослужащих, так и о спасении колхозного стада, которое в условиях засухи могло погибнуть в хозяйствах от бескормицы. Как недопустимый факт было расценено решение местных органов власти о направлении сельхозпродуктов, колхозных денег на покупку запчастей и ремонт тракторов МТС. Но ведь без помощи техники хозяйства были обречены еще на более бедственное существование. Раз государство не выделяло средств на возрождение МТС, местные власти изыскивали наиболее эффективное решение. Но за этим могло стоять невыполнение обязательств по поставкам государству продовольствия.

В документе были приведены и факты изъятия семенного фонда: «В Михневском районе Московской области, семена изымались мерами открытого насилия. Уполномоченный РИКа и РК ВКП (б) Кудрявцев и председатель Шебанцевского сельсовета Кузин в апреле 1946 г., ввиду отказа председателя колхоза «Смена» Тесова отпустить взаимобразно две тонны семенного зерна соседней артели, опечатали колхозные амбары и сняли печати только после того, как понудили председателя колхоза дать согласие на отпуск семян. В результате подобного бесчинства со стороны районных организаций, колхоз из-за отсутствия семян, не досеял 10 га пшеницы...»⁵.

Итогом подобных ревизий руководящих и контролирующих органов, прежде всего, записки Мехлиса и стало постановление СМ СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1947 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В констатирующей части документа говорилось о неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны партийно-государственных работников. Постановление обязало местные власти обеспечить в двухмесячный срок возвращение колхозам незаконно изъятого у них имущества, скота и денежных средств. Под страхом уголовной ответственности, постановление запрещало местным властям требовать с колхозов продовольствие, а также деньги на нужды различного рода организаций, проведение мероприятий, потребовало установить порядок своевременной расплаты с хозяйствами за их продукцию и за выполненные ими работы. На практике же, местные органы власти с привлечением колхозной администрации провели кампанию по изъятию у колхозников и у крестьян-единоличников «излишек» приусадебных участков и распределили по собственному усмотрению. Содержание докладной записки министра юстиции РСФСР Ф. Беляева в Совет по делам колхозов в июле 1952 г. позволяет предположить, что изъятие земель у колхозников продолжало иметь место не только во второй половине 1940-х гг., но и в начале 1950-х гг.

После информации с мест, а также записки министра заготовок СССР Б. Двинского И. Сталину (23 сентября 1946 г.) о том, что запасов хлеба на 3,5 млн т. меньше, чем в 1945 г и при существующем расходе не хватит, было принято решение не только сократить расход хлеба в стране, но и привлечь аппарат ЦК к хлебозаготовкам, «...так как на местах заготовками и снабжением командуют партийные органы и не чувствуют повсеместного оперативного воздействия сверху по партийной линии. Работа по заготовкам – особая работа, требующая партийно-массовых

мероприятий и тесной увязки с местными партийными...»⁶. 25 сентября 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам хлебозаготовок. В нем, в частности, было записано: 1. Поручить секретарю ЦК ВКП (б) товарищу Патоличеву руководство обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик в области максимального форсирования хлебозаготовок на местах. 2. Поручить тов. Патоличеву установить строгий контроль за работой партийных органов по выполнению государственного плана хлебозаготовок, заслушивать отчеты обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик и принимать нужные оперативные меры по усилению хлебозаготовок»⁷. Спустя еще 2 дня – 27 сентября 1946 г. – Политбюро утвердило и постановление СМ СССР и ЦК ВКП (б) «Об экономии в расходовании хлеба», которое предусматривало сокращение отпуска хлеба на октябрь до 485,9 тыс. т против 1676,7 тыс. т., установленных планом расхода на сентябрь. Кроме того, на 294 тыс. т (30%) в сравнении с сентябрем, намечалось сократить отпуск хлеба по карточкам, а также сократить контингент населения, снабжаемого хлебом по карточкам – с 87 до 60 млн чел., включая 23 млн чел. сельских жителей⁸. Что собственно и предопределило рост числа умерших от голода, преимущественно сельских жителей. Несколько позднее, в ноябре 1946 г., Политбюро утвердило и постановление СМ СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном плане закупок ржи и пшеницы из урожая 1946 г.», в котором поручалось ряду руководящих партийных работников установить строгий контроль за работой партийных органов по выполнению плана обязательных закупок хлеба и принимать необходимые оперативные меры по усилению темпов хлебозаготовок⁹. В связи с нарастающим голодом, срывом плана хлебозаготовок, в основные зерносеющие районы страны и была командирована группа партийно-государственных руководителей: Маленков – в Сибирь, Микоян – в Казахстан, Каганович – в Курганскую область, а также вместе с Патоличевым – на Украину, Берия и Мехлис

направились в Краснодарский край. Сталинские уполномоченные строго выполняли указания, опираясь на местные партийные органы уполномоченных райкомов партии.

В своей записке в адрес бюро Новосибирского обкома ВКП (б), (ноябрь 1946 г.) секретарь ВКП (б) Г. М. Маленков отметил, что в районах области сложилась совершенно нетерпимая работа с выполнением государственного плана хлебозаготовок, а поведение ряда секретарей райкомов в хлебозаготовках является преступлением перед государством. Маленков потребовал изменить отношение к хлебозаготовкам со стороны секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов, а также усилить работу по безусловному выполнению колхозами плана хлебозаготовок. Он определил все рассуждения на местах о реальности плана хлебозаготовок как преступление перед государством, саботаж, и потребовал: «...немедля исправить антигосударственную линию в заготовках... и обеспечить ежедневное оперативное воздействие на ход хлебозаготовок». Маленков расценил установленные задания по хлебозаготовкам как сигнал к их свертыванию. Он обязал бюро Новосибирского обкома партии «..вскрыть эту гнилую линию ряда секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов... отменить как вредную и неправильную директиву бюро обкома партии в той части, где речь идет о так называемых реальных заданиях. Вы обязаны вместо потворства гнилым рассуждениям, утвердить в сознании руководителей районов, председателей колхозов, уполномоченных райкомов партии безусловную обязательность выполнения государственного плана». По всей видимости, по рекомендации Маленкова, постановлением ЦК ВКП (б) в октябре 1946 г. для колхозов и совхозов Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Кемеровской области на 1946 г., был утвержден дополнительный объем сдачи в объеме 17,3 млн

пудов хлеба. Вместо 101,5 млн пудов, теперь предстоял сдать 118,8 млн т.¹⁰

Несмотря на принятые меры чрезвычайного характера в 1946 г. только 42,1% колхозов выполнили планы хлебозаготовок. В отдельных областях выполнение плана хлебозаготовок было гораздо ниже. Так, в Запорожской области только 0,7%, в Сталинградской области – 2,4% , а в Днепропетровской области – 4,5%. В итоге, в 1946 г. недобор зерновых составил 355 млн пуд. зерна¹¹.

В 1947 г. в зерносеющие районы страны вновь были командированы партийно-государственные руководители, которые еженедельно информировали Сталина о ходе хлебозаготовок. Но и в 1947 г., равно как и в 1948 г., планы хлебозаготовок выполнили менее 45% колхозов, что вызвало раздражение у Сталина и стало одной из причин начала политики укрупнения мелких колхозов. Как утверждал Н.С. Хрущев, Сталин настаивал на том, чтобы поднять налог на колхозы и колхозников почти на 40 млрд руб. Что, по мнению Хрущева, было смерти подобно для общественных хозяйств, так как все денежные доходы колхозников составляли 42 млрд руб. В тоже время, денежная задолженность колхозникам по выработанным ими трудодням на 1 января 1946 г. составила: в Узбекской ССР – 275 790 тыс. руб., в Саратовской области 21 254 тыс. руб., в Ставропольском крае – 13 790 тыс. руб. и т. д. Так, если в 1940 г. средняя выдача зерна по трудодням в расчете на один колхозный двор составляла около 8,2 ц., то в 1947 г. – 4,2 ц, а средняя выдача зерна на 1 трудодень колхозникам и трактористам снизилась с 1,65 кг в 1940 г. – до 1,02 кг в 1947 г. В 1948 г. – 73% колхозов выдавали на трудодень от 100 гр. до 1 кг зерна, 23% – от 1 до 3 кг, около 1% – более 3 кг, а 4386 колхозов – ни грамма. Подобная практика сохранялась и в последующие годы. Так, например, в 1952 г. на один трудодень выдавалось: в Калужской и Тульской областях – 1 коп., а в Рязанской и Липецкой – 2 коп. В тоже время, многие колхозы годами не выдавали на трудодень ни одной копейки¹². Более того, применялась практика

насильственного изъятия местными партийно-государственными структурами хлеба в колхозах и даже у крестьян, получивших его в качестве натуральной оплаты труда. Об этом, в частности, свидетельствует письмо бывшего председателя колхоза из Кировской области З. А. Солоданкина на имя председателя Совета по делам колхозов при СМ СССР А. А. Андреева. Он писал: «По выполнении плана хлебосдачи, мы сдали сверх плана 150 центнеров. После этого мне было предложено районными властями сдать весь хлеб, выданный колхозникам за трудодни в 1946, 1947 и 1948 гг. Сомневаясь в законности этих требований, я, естественно, медлил с выполнением этого приказа, тем более, что выполнить его мне было просто физически невозможно... 12 сентября 1948 г., без предъявления каких-либо обвинений, вопреки воле правления и общего собрания, я был снят с работы и заключен в тюрьму вместе с счетоводом и кладовщиком, где и просидел полтора месяца. Во время моего ареста отряд милиции, во главе с секретарем райкома партии... предисполкомом, райпрокурором и начальником милиции насильно отобрали у колхозников и у меня лично хлеб, не выдавая никаких расписок о захвате хлеба... Я имею восемь человек семьи, из них два сына, придя с фронта, работали трактористами, честно заработали около 2-х тысяч трудодней, а теперь они, я, все колхозники остались без хлеба. На наши жалобы местная власть только отвечает: «Прокормитесь, не пропадете с голода»¹³. Неизвестно как сложилась судьба этого бывшего председателя колхоза, но многие руководители хозяйств были осуждены, в том числе за свою строптивость, сопротивление местным властям. Так, в 1946 г. было осуждено 9 511 председателей колхозов, тогда как годом раньше – 5 757 чел. Причем, только во втором полугодии 1946 г., когда были приняты беспрецедентные меры по обеспечению плана хлебозаготовок – 6 189 чел. Кроме того, в 1946 г. было осуждено 46 681 бригадиров и заведующих фермами. Большинство осужденных председателей колхозов представляли не самые богатые

области. Так, в Калининской области – из 7 058 председателей было осуждено 266 чел., из 8 681 председателей колхозов Кировской области – 348. В итоге, «...широкая практика привлечения к уголовной ответственности руководителей колхозов приводила к тому, что в отдельных районах оказались осужденными около половины всех председателей колхозов»¹⁴.

Крестьяне пытались жаловаться в Совет колхозов при Правительстве СССР. За 1947–1959 гг. поступило около 90 тыс. жалоб, в том числе около 30 тыс. по поводу нарушения Устава сельхозартелей. За этот же период в Совете было принято около 2,5 тыс. крестьян-ходоков. Но только от 30 до 50% жалоб и предложений было взято под контроль, проверено в 1947 г. только 48 жалоб (0,35%), а в 1950 г. – 144 (3,2%). В 1947 г. на Президиуме Совета было рассмотрено только 18 или 0,13% , а в 1950 г. – 115 (2,5%) жалоб и заявлений колхозников из 5–19 областей. В тоже время, как сообщалось с мест, за нарушение Устава сельхозартели к ответственности было привлечено в 1947 г. 3 056 чел., а в 1950 г. – 2463 чел.¹⁵. Жалобы крестьян в вышестоящие инстанции не оставались без внимания местных властей территорий, откуда приходили жалобы. По этой причине большинство жалобщиков скрывали свои фамилии. Тех же, кто не скрывал своей фамилии и адреса, на местах подвергали преследованиям: незаконным арестам, возбуждением уголовных преследований, высылкой в отдаленную местность, отстранением от работы в колхозе, снятием с должностей, исключение из членов колхоза, лишением свободы. К примеру, за жалобу в Москву, колхозник сельхозартели «Путь к социализму» Идринского района Красноярского края Соколов был исключен вместе с женой из числа членов колхоза. Его хозяйство было обложено налогом по ставке единоличника, а не как члена колхоза. За неуплату этого налога и с целью его погашения и было продано имущество жалобщика: корова, бычок, овца, куры, самовар¹⁶.

Как свидетельствуют архивные документы, в послевоенный период государство было обеспокоено снижением трудовой активности колхозников, часть из которых не выполняла даже минимальную норму выработки трудодней, которая, в соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП (б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» (13 апреля 1942 г.) составляла от 100 до 150 трудодней. Так, в 1946 г. таких «нарушителей» насчитывалось 4 326,3 тыс. или 18,4% от общего количества трудоспособных работников, из которых – 3 676,7 тыс. или 85% – колхозницы. Из которых – 362,2 тыс. чел. (1,5%) не выработали ни одного трудодня. При том, что постановление устанавливало: трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательный минимум трудодней, подвергаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием от оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Те же председатели и бригадиры, которые покрывали этих колхозников и не передавали их для суда, сами привлекались к судебной ответственности. В связи с тем, что практика судов часто не применялась, Совет по делам колхозам при Правительстве предлагал не только отбирать у таких колхозников приусадебные участки, но и не давать пользоваться колхозным тяглом для личных нужд, а также отказывать в бесплатном предоставлении пастбищ для их скота, облагать сельхозналогом наравне с единоличными хозяйствами¹⁷. Однако был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни (3 сентября 1948 г.). То есть, по сути, произошел возврат к методам раскулачивания 1929–1930-х гг.

Библиография

¹ См.: *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992. С. 131.

² Там же.

³ Там же С. 25.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 765. Л. 113–114.

⁷ *Попов В. П.* Указ. соч. С. 233–242.

⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1490. Л. 204–209

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 1062. Л. 58–62.

¹⁰ Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 13. Л. 98–69.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 25. Л. 35–36.

¹² *Попов В. П.* Указ. соч. С. 131, 129.

¹³ См.: Известия. М., 1964. 7 марта.

¹⁴ *Попов В. П.* Указ. соч. С. 151, 152.

¹⁵ Там же. С. 41, 42.

¹⁶ Там же. С. 94, 95.

¹⁷ Там же.

Подготовили к публикации: *П. П. Марченя, С. Ю. Разин*

**Крестьянский вопрос как альфа и омега
отечественной модернизации:
Международный круглый стол
«Крестьянство и власть в истории России XX века»
(Рождение теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)**

12 ноября 2010 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и на базе общенационального научно-политического журнала «Власть» в Институте социологии Российской академии наук состоялся Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века».

Этот круглый стол стал вторым международным научным мероприятием научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации», продолжив развитие острых дискуссий, начатых 23 октября 2009 г. на круглом столе «Народ и власть в российской смуте», ведущим которого был известный российский «смутовед», специалист по системным кризисам в отечественной истории В. П. Булдаков.

Прошлый круглый стол проекта был посвящен междисциплинарному научному анализу проблемы взаимодействия власти и народа в ситуациях социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества и имел заметный резонанс в научном сообществе.

По итогам работы круглого стола «Народ и власть в российской смуте», в дискуссиях которого приняли участие более 30 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Москвы, Курска, Самары, Саратова, Ульяновска) и Беларуси (Минска), было принято решение о конкретизации

и углублении этих исключительно дискуссионных проблем на следующем круглом столе.

Новый «стол», в свою очередь, было решено посвятить междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения прошлом столетии.

В таком контексте «крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема россиеведения, в которой сосредоточены практически все ключевые конфликты российской истории.

Таким образом, состоявшийся круглый стол «Крестьянство и власть...» преемственно продолжил (развил и углубил) междисциплинарные россиеведческие дебаты прошлого стола проекта «Народ и власть...».

Первоначально, на этапе подготовки этого круглого стола, обсуждалась возможность проведения дискуссий по широкому спектру вопросов, в том числе:

1) *«Крестьянский вопрос» как "Causa causalis" реформ и революций в России;*

2) *«Земля» как категория массового сознания в России: утопии и жизнь;*

3) *«Кровь» и «почва» в истории русского народа и Российского государства;*

4) *Образы Власти в зеркале крестьянского сознания;*

5) *«Свои» и «чужие»: крестьянские массы и политические элиты России в контексте цивилизационной идентичности;*

6) *«Российская многопартийность» и «сельский электротат»: возможен ли диалог?;*

7) *Крестьянство России: субъект истории или «немая всеобщность»?;*

8) *Пролетариат России: особый класс или разновидность крестьянства?;*

9) *«Мужики» и «бабы» в российской истории: социокультурные портреты и карикатуры;*

10) «Русский народ» в контексте Веры и Церкви: «Икона и топор», «Поп и Балда»... «Богоносец или безбожник»?..;

11) Крестьяне в контексте русской смуты и революции;

12) Война и крестьянство России. «Человек с ружьем»: «Шинель» и «Зипун» как символы русской истории;

13) Коллективизация и индустриализация: социокультурное, психологическое и геополитическое измерение;

14) «Большой Террор» и русское крестьянство: «сталинизм» через призму «крестьянского вопроса»;

15) «Почва» и «Модерн»: крестьянство в контексте современности...

Для удобства проведения дискуссий круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» к его началу обозначенная предварительная проблематика была относительно конкретизирована по следующим проблемным направлениям:

1) «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества;

2) XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны?;

3) «Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность;

4) Русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент?;

5) «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.

Ведущим круглого стола выступил известный российско-белорусский ученый-крестьяновед, историк и политолог О. Г. Буховец.

В дискуссиях круглого стола приняли активное участие **43 ученых 3-х государств:**

– России (Москва, Казань, Коломна, Курск, Новочеркасск, Орел, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск);

- Беларуси (Минск);
- Украины (Киев).

В дискуссиях участвовали (сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения круглого стола, участники перечислены в алфавитном порядке):

1. доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель правления Историко-просветительского общества, главный редактор альманаха «Историческое обозрение» **С. В. Алексеев** (Москва);

2. кандидат исторических наук, член Правления Союза писателей России, член Президиума Литературного фонда России, главный редактор журнала «Наша молодежь» **П. Ф. Алешкин** (Москва);

3. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com» **И. А. Анфертьев** (Москва);

4. доктор политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России; профессор кафедры философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса **Н. В. Асонов** (Москва);

5. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Бабашкин** (Москва);

6. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса **В. Э. Багдасарян** (Москва);

7. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **В. Б. Безгин** (Тамбов);

8. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) **В. А. Бондарев** (Новочеркасск);

9. доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Л. И. Бородкин** (Москва);

10. доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Центр изучения новейшей истории России и политологии) **В. П. Булдаков** (Москва);

11. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета; член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь; ведущий научный сотрудник Института Европы Российской академии наук (отдел Восточно-европейских исследований); куратор научного сотрудничества между Белорусским государственным экономическим университетом и высшими учебными заведениями Российской Федерации; член Международного совета Российской академии наук по сравнительному изучению цивилизаций (от Республики Беларусь) **О. Г. Буховец** (Беларусь, Минск);

12. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета **Ю. А. Васильев** (Москва);

13. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета **И. В. Гончарова** (Орел);

14. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук **А. В. Гордон** (Москва);

15. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета **Е. И. Демидова** (Саратов);

16. доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия **М. И. Ивашко** (Москва);

17. доктор исторических наук, профессор, научный консультант издательства «Собрание» **Н. А. Ивницкий** (Москва);

18. доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой истории и политологии Государственного университета управления **А. А. Ильюхов** (Москва);

19. кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий **Е. В. Каменецкая** (Москва);

20. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Новый исторический вестник»; заместитель ответственного редактора журнала «Вестник РГГУ» **С. В. Карпенко** (Москва);

21. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук **И. Е. Кознова** (Москва);

22. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского **В. В. Кондрашин** (Пенза);

23. кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива экономики **М. М. Кудюкина** (Москва);

24. кандидат исторических наук, главный редактор общенационального научно-политического журнала «Власть» **А. О. Лапшин** (Москва);

25. кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) **А. С. Левакин** (Новочеркасск);

26. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Истории Отечества Ульяновского государственного университета **Н. В. Липатова** (Ульяновск);

27. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Университета Российской академии образования, эксперт и руководитель проекта Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонда) **В. Т. Логинов** (Москва);

28. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории Казанского (Приволжского) федерального университета **Д. И. Люкшин** (Казань);

29. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **П. П. Марченя** (Москва);

30. академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор, ординарный профессор кафедры теории политики и политического анализа факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института

российской истории Российской академии наук (Центр истории русского феодализма); главный редактор журнала «Российская история» **А. Н. Медушевский** (Москва);

31. кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Люберецкого филиала Российского государственного социального университета; ответственный секретарь редакции журнала «Политические исследования» («Полис») **Е. В. Михайлова** (Москва);

32. кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **А. М. Никулин** (Москва);

33. доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра украиноведения философского факультета Киевского национального университета имени Т. Шевченко **В. Н. Пискун** (Украина, Киев);

34. доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий; автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **С. Ю. Разин** (Москва);

35. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Н. Л. Рогалина** (Москва);

36. доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) **А. П. Скорик** (Новочеркасск);

37. доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Центр по изучению международной социал-демократии) **В. Л. Телицын** (Москва);

38. член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования»; декан и заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета **Ж. Т. Тощенко** (Москва);

39. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Курского государственного университета **А. В. Третьяков** (Курск);

40. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества Курского государственного университета **М. М. Фрянцев** (Курск);

41. кандидат исторических наук, академик Международной академии наук (Мюнхен), директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма **А. И. Фурсов** (Москва);

42. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина **А. В. Чертищев** (Москва);

43. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института **А. И. Шевельков** (Коломна).

Перед началом заседания А. О. Лапшин передал собравшимся слова приветствия, которое адресовал участникам Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, директор Института социологии **М. К. Горшков** (Москва).

Материалы состоявшихся затем дискуссий были опубликованы в *сокращенном виде* в журнале «Власть» (№№ 8–9 за 2011 г.) и нашли отражение в ряде публикаций

проекта (а также в ряде публикаций о проекте) «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (см. список основных публикаций проекта в конце настоящего сборника).

В настоящем сборнике приводится более полная версия.

В таком виде материалы Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» публикуются впервые.

* * *

А. О. Лапшин: Добрый день, уважаемые участники круглого стола! Я рад вас приветствовать в конференц-зале Института социологии Российской академии наук.

Позвольте мне начать работу Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века». Член-корреспондент РАН директор Института социологии Михаил Константинович Горшков просил передать самые добрые слова приветствия и пожелал нашему столу успешной и плодотворной работы.

В свою очередь, хочу поблагодарить его, от всех нас, за возможность (второй год подряд) проведения наших мероприятий здесь, в конференц-зале Института социологии.

С удовольствием сообщаю Вам о том, что в работе круглого стола согласились принять участие более 40 ученых, представляющих ведущие научные центры, организации и высшие учебные заведения России, Беларуси и Украины. Это говорит о том, что заявленная тема является актуальной и вызывает большой научный интерес.

Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» является вторым столом, проводимым в рамках проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации», авторами которого являются Павел Петрович Марченя и Сергей Юрьевич Разин. Первый – Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте» – прошел здесь же, 23 октября 2009 г.

Состоявшаяся тогда дискуссия оказалась очень интересной и плодотворной. Многие из тех, кто принимал в ней участие, участвуют и в сегодняшнем мероприятии. Материалы круглого стола «Народ и власть в российской смуте» были опубликованы в №№ 4–9 журнала «Власть» за 2010 г. По итогам работы стола выпущен сборник, опубликованы аналитические статьи в целом ряде ведущих журналов, входящих в перечень ВАК Минобрнауки Российской Федерации.

Теперь я бы хотел сказать несколько слов непосредственно по теме нашего сегодняшнего круглого стола. На мой взгляд, судьба российского крестьянства – одна из самых драматичных страниц нашей истории. После 1917 г. на долю российского крестьянства выпали неисчислимые беды. С одной стороны, были созданы колхозы, которые давали определенный результат, но, с другой стороны, были разрушены индивидуальные хозяйства. Почему так произошло? Почему так трагична судьба российского крестьянства? Почему оно гибнет? Кто в этом виноват? Вот на эти вопросы мы и должны ответить. Кроме того, когда мы говорим о судьбе крестьянства, то необходимо иметь в виду, что этот вопрос неразрывно связан с вопросом о продовольственной безопасности страны.

Я хотел бы, чтобы каждый из вас посвятил свое выступление именно вопросу о том, что произошло с русским крестьянством в XX в. Чем глубже вы будете копать, чем острее, чем интереснее вы будете выступать – тем лучше.

На мой взгляд, крестьянский вопрос – это проблема комплексная – и историческая, и философская, и социологическая, и социальная. Но решать ее, безусловно, необходимо. Необходимо хотя бы для того, чтобы оставаться нацией, которая сама себя кормит.

Я передаю слово ведущему стола, нашему гостю из Республики Беларусь Олегу Григорьевичу Буховцу.

О. Г. Буховец: Добрый день! Я представляю Белорусский государственный экономический университет.

Прежде всего, хочу выразить признательность Аркадию Олеговичу Лапшину, Павлу Петровичу Марченя и Сергею Юрьевичу Разину за организацию прошлогодного и нынешнего круглых столов. Публикация материалов предыдущего стола в том объеме, в каком они опубликованы в журнале «Власть», – это невиданная щедрость, которая свидетельствует о многом, в том числе о понимании значимости проблематики, выносимой на обсуждение.

А сейчас я предоставляю слово для приветствия ведущему нашего первого стола «Народ и власть в российской смуте» замечательному историку Владимиру Прохоровичу Булдакову.

В. П. Булдаков: Во-первых, я очень рад тому, что наш круглый стол имеет место. Надеюсь, он будет плодотворным. Я, честно говоря, до конца не был уверен в том, что нам удастся его организовать. Но, судя по всему, состав у нас сегодня весьма и весьма представительный.

Надеюсь, что нам сегодня удастся поговорить о проблемах крестьяноведения, проблемах крестьянства в самом широком плане.

Что мне хотелось бы сказать? Тут уже прозвучала мысль о том, что крестьянства больше нет. Это так, и в то же время не так. На мой взгляд, фактически, физически, того крестьянства, которое было в начале XX в., уже нет. Но что касается крестьянской ментальности, то я думаю, что она в полной мере присутствует в нашем сегодняшнем дне. Мне кажется, что такой взгляд на крестьянство из современности может быть весьма и весьма плодотворен.

Я имею в виду то, что, наверное, в сегодняшнем нашем дне мы можем угледеть в тогдашнем крестьянстве нечто такое, что современники не замечали. Всегда надо помнить о том, что вся уходящая историческая натура на самом деле незримо присутствует в нас, и, в общем, она незаметно, но в очень значительной степени, определяет современность.

Мне бы хотелось, чтобы сегодня эти моменты прозвучали.

О. Г. Буховец: Коллеги, я думаю, что будет разумным дать сейчас слово одному из организаторов круглого стола, автору (соавтору) и редактору проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» Павлу Петровичу Марченя. Павел Петрович, пожалуйста.

П. П. Марченя: От имени соорганизаторов этого стола рад приветствовать его участников. Мы очень рады всем, кто откликнулся и пришел сегодня на наш круглый стол. Приятно видеть, что многие приходят к нам уже не впервые.

Когда в прошлом году в рамках нашего проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» мы проводили круглый стол «Народ и власть в российской смуте», то исходили из того, что это центральная, узловая проблема россиеведения. На наш взгляд, как человек познается только «у бездны на краю», в какой-то критической ситуации, так и целые страны, целые цивилизации, государства, общества познаются реально в ситуации системного кризиса. Этому и был посвящен первый круглый стол.

И нам кажется логичным, что второй круглый стол посвящен именно тому вопросу, той проблеме, на которой завязаны все основные конфликты русской истории. Это крестьянский вопрос.

В отечественном историческом дискурсе «крестьянский вопрос» по праву занимает место «вопроса вопросов», «причины причин» (*causa causalis*) смут, реформ и революций в России. Именно в нем сплелись в «гордией узел» интересы самых разных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и предрасположенности к покорному смирению перед властью в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «смутного времени», когда эти пределы оказываются нарушены.

Мы исходим из того, что крестьянство не может быть понято как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «несознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил. В социальных конфликтах и в Российской, и в Советской империи крестьянская ментальность всегда играла колоссальную роль, в отличие от крайне ограниченных возможностей элитарного воздействия на настроения и поведение крестьянские масс извне.

Крестьянство в российской истории вообще определяло ее важнейшие особенности в целом и оказывало влияние на элиты большее, чем элиты на крестьянство.

Крестьянский вопрос – это в России всегда вопрос о власти. Вопрос о власти как власти «своей» – за которой можно самоотреченно идти на подвиг и от которой многое можно самопожертвенно стерпеть – или как власти «чужой» – против которой нужно «всем миром» решительно браться за вилы и топоры до полного изгнания «временщиков» и «самозванцев». И этот вопрос в истории Государства Российского в конечном счете всегда решался крестьянством.

В таком смысле крестьянский вопрос был и остается вопросом об органическом единстве власти и народа, государства и общества, цивилизации и культуры, способном стать надежной основой для очередного модернизационного рывка, – либо о противоестественной расколотости и взаимном отчуждении элит и масс, чреватых срывом в очередную всероссийскую смуту.

Здесь много уважаемых нами крестьяноведов, но мы надеемся, что здесь неслучайно не только крестьяноведы, и даже не только историки. Здесь есть философы, социологи, политологи, правоведы, экономисты...

Поэтому мы не хотели бы, чтобы в ходе нашей дискуссии «крестьянский вопрос» сводился только к «аграрному вопросу», чтобы история крестьянства, о которой мы будем говорить, сводилась исключительно к аграрной истории. Все-таки мы исходим из того, что

крестьянский вопрос – это вопрос о цивилизационной идентичности России, о живой связи ее прошлого, настоящего и будущего.

Повторюсь, но в России крестьянский вопрос – всегда вопрос о власти. О власти либо политически твердой, либо политически импотентной; либо легитимной в массовом сознании, либо самозваной; либо способной на очередной модернизационный рывок, либо исторически отчужденной и неадекватной.

В крестьянском вопросе аккумулированы и столкновение Традиции и Модерна, и столкновение Империи и не-Империи (в том числе так называемой «либеральной демократии»), и все системообразующие вопросы, на которых строится современное проективное россиеведение.

От ответа на вопрос: «Кто они, русские крестьяне?» – зависит ответ на вопрос: «Что такое Россия?».

О. Г. Буховец: Продолжаем работу. Я хотел бы напомнить, что в центре внимания нашей дискуссии должны быть следующие вопросы: «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества; XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны; «Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность; Русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент?; «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации...

А теперь позвольте мне сказать несколько слов по теме нашего круглого стола, предваряя остальные выступления.

Большую часть XX в. крестьянство доминировало в социальной структуре Российской Империи, а затем и Советского Союза. Российский XX век – это век крестьянский.

В тоже время XX век – это время, когда активно шли процессы модернизационного типа, как в западной версии модернизации, так и в советской версии модернизации,

которую я бы назвал альтермодернизацией. И западная модернизация, и советская альтермодернизация включали в себя четыре основных элемента: индустриализация, урбанизация, культурная революция (культурная модернизация) и демографическая революция (демографический переход).

Не нами придумано то, что модернизация, урбанизация за счет крестьянства – это бесчеловечность. Я бы сказал, что и современное бытование крестьянства в странах Евросоюза – я, прежде всего, говорю о бывших советских республиках и странах социалистического лагеря – это тоже социальная драма. Это, например, показывает опыт современной Польши. В современной Польше, являющейся членом Евросоюза, происходит раскрестьянивание. Большая часть польских крестьян обречена на смену рода деятельности, образа жизни. То же самое мы можем сказать о Латвии, Литве и Эстонии – странах, наиболее благополучных среди так называемых новых членов Евросоюза.

Конечно, у нас особенно на слуху судьба нашего крестьянства, претерпевшего советскую модель альтермодернизации. Это и насильственная коллективизация, это и голод, это и испытания Великой Отечественной войны. Хочу несколько слов сказать и о послевоенном периоде. Конечно, именно крестьянство стало основным источником получения финансовых средств, необходимых для восстановления промышленности. Пример Белоруссии, которую я здесь представляю, говорит, что в 1944–1945 гг. из общего объема государственных инвестиций, выделенных на восстановление разрушенного войной хозяйства, на город приходилось 96%, а на сельскую местность только 4%!

Здесь я хотел бы отметить обозначенную Владимиром Прохоровичем [Булдаковым] в его вступительном слове черту, а именно – неуничтожаемость крестьянства. Она коренится в том, что Теодор Шанин назвал эксплоярным характером экономической деятельности крестьянства. В некоторые периоды советской истории можно говорить о сверхсамоэксплуатации.

Вернусь к военной и послевоенной Белоруссии. Я еще помню белорусские кросны – такой примитивнейший станок. При отсутствии всего фабричного, в условиях оккупации и при страшной дороговизне возобновилось домотканое производство и плетение лаптей. Я думаю, что и в этом тоже проявилась неуничтожимость крестьянства. Крестьянство продолжало жить, несмотря на то, что для Белоруссии это был запредельный режим выживания.

Необходимо отметить, что Советская власть в освобожденной Белоруссии первое время вела себя достаточно разумно. Практически все колхозы к весне 1945 г. в Восточной Белоруссии, которая уже продолжительное время была советской, были восстановлены, а из 1 115 колхозов, созданных до войны, в Западной Белоруссии были восстановлены 132 колхоза. В Западной Белоруссии восстановили чуть больше 10% колхозов. Таким образом, политика в отношении крестьянства не сводилась к какой-то одной модели.

Вместе с тем в целом ряде районов Западной Белоруссии были случаи, когда крестьяне сами, по своей инициативе, без давления властей, для усиления кооперации восстанавливали эти самые колхозы. На собственной тяге. Почему это делалось? Потому что тогда можно было использовать те преференции, которые давала Советская власть. Это на 30% ниже поставки в обязательные фонды Красной Армии, в госбюджет, это использование помощи из внутренних, не оккупированных в период войны областей. Элементарный расчет подсказывал крестьянам логику их поведения. А ведь речь шла о регионе, который был нацеливан отрядами Армии Крайовой. А северо-запад Белоруссии был нацеливан отрядами литовских «лесных братьев».

Постсоветское развитие, с учетом сказанного выше, не настраивает меня на финалистские размышления по поводу судьбы белорусского крестьянства. Как ни относиться к программе белорусского руководства по созданию агрогородков – а таковых, уже, кажется, создано около 700 –

это все-таки какая-то попытка обеспечить точки роста, не позволить процессу раскрестьянивания обрести необратимый характер. К этому можно относиться по-разному. Да и к тому же я не экономист. Но в данном случае наблюдатели говорят, что это лучше, чем заросшие лесом и кустарником поля. В этом случае они не выводятся из сельхозоборота.

Я сказал несколько слов о белорусском опыте. Я думаю, что это бесполезно, так как для большинства из вас он не доступен.

А. Н. Медушевский: Понятие «аграрный вопрос» есть теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений.

Различные подходы не одинаково интерпретировали смысл «аграрного вопроса». В предшествующей советской историографии содержание аграрного вопроса в широком смысле усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с этим социальной борьбе. В узком смысле оно сводилось к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Соответственно, решение аграрного вопроса виделось в революции – экспроприации земельной собственности с последующим ее переделом или национализацией. В настоящее время наметился отход от этой жесткой позиции, однако поиск новых подходов ведется, как правило, с использованием привычных категорий политической экономии и классовой теории. Даже последовательные противники традиционных подходов полемизируют с ними в основном с позиций концепции экономического детерминизма.

Возможна, однако, другая интерпретация аграрного вопроса, выдвинутая нами, – как осознания обществом легитимности прав на владение землей. Там, где осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов (независимо от реальной ситуации в экономике страны), аграрный вопрос существует. Там, где такое

осознание отсутствует, в широком массовом сознании (а не только представлениях мыслителей), его (во всяком случае, как социального феномена) нет, даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности.

Возможным становится объяснить и другие важные противоречия, с которыми столкнулась предшествующая историография: почему аграрный вопрос не возникал в древности, но проявился в Новое время? Почему одна и та же программа его решения на одном этапе исторического развития отвергается, казалось бы, навсегда, на другом вновь становится востребованной и находит практическую реализацию? Почему использование одной и той же программы дает неодинаковый результат в разных странах при сходстве их аграрных институтов или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различия исходных условий? Наконец, почему одни страны были ввергнуты в пучину аграрной революции, а другие решили эту проблему путем реформ?

В современной науке представлены следующие подходы: идея распределительной справедливости (выдвигающая на первый план концепцию равенства возможностей при формулировании правового порядка); идея легалистской справедливости (подчеркивающая приоритет норм действующего позитивного права перед абстрактными нравственными нормами) и идея комбинирования позитивного права и традиций правосознания данного общества как основы справедливости.

Последняя концепция выводит проблему на более широкий уровень взаимодействия права, этических представлений общества и исторической традиции их взаимодействия и применения на практике. В этой перспективе решаются вопросы отношения права и нравственности в различных обществах на стадии их радикальных изменений, выработки публичных прав и субъективных публичных прав как антитезы

государственному произволу в Новое и Новейшее время, наконец, вопросы защиты прав, в частности – права на акты гражданского неповиновения в случае нарушения государством (политической властью) тех прав индивида, которые закреплены в конституции или предполагаются существующими изначально в силу природы вещей.

Центральной проблемой при такой постановке вопроса оказывается легитимность форм землевладения и землепользования. Легитимность (или нелегитимность) собственности определяется тремя измерениями – порядком ее распределения в обществе, способами ее приобретения в прошлом и средствами ее защиты в настоящем.

Первое измерение легитимности – представления общества о справедливом или несправедливом порядке распределения собственности – определяется во многом статусом права собственности в общественном сознании. В проектах, разрабатывавшихся в ходе реформы 1861 г, представлено три основных концепции.

1) Личное освобождение крестьян без земли – предоставление крепостным личной свободы с одновременным лишением их прав собственности на землю. В свою очередь, реализация данной модели аграрной реформы могла производиться в более жесткой или мягкой форме – одновременно или быть растянутой во времени (крестьяне сохраняли возможность пользоваться землей за определенные повинности с последующим превращением в наемных рабочих). Данный вариант, опиравшийся на опыт Англии, являлся наиболее рациональным с экономической точки зрения (быстрое экономическое расслоение крестьян и вовлечение земли в коммерческий оборот), однако был отвергнут по политическим причинам (он влек острые социальные конфликты и появление классического пролетариата).

2) Освобождение крестьян с параллельной организацией их перемещения на новые государственные земли за счет государства: крестьяне получали возможность стать собственниками земли, однако ценой перемещения из

центральных районов на окраины. Данный вариант, приемлемый с экономической точки зрения и способный, в частности, решить потенциальную проблему аграрного перенаселения, актуализировался в период столыпинских реформ, но был отвергнут в 1861 г. с финансовой и административно-полицейской точек зрения.

3) Освобождение крестьян с землей, включая помещичьи земли, с предоставлением владельцам равноценного возмещения. Это была та наиболее рациональная формула решения аграрного вопроса, которая впоследствии была положена в основу многочисленных реформ в развивающихся странах (Индия, Япония, некоторые страны Латинской Америки). В России ее отстаивала в своей программе Конституционно-демократическая партия, выдвигавшая идею перераспределения земельных ресурсов с гарантией имущественных прав землевладельцев (проект Конституционно-демократической партии). В данной неолиберальной модели прослеживается выработка формулы социальных функций права и социального государства с целью конституционного решения аграрного вопроса.

Другое измерение легитимности – историческое обоснование прав собственности на землю, связанное с вопросом о времени (исторической давности) и характере (правовом или неправовом) ее приобретения различными социальными группами. Незыблемость права собственности на землю основана обычно на исторической давности ее приобретения – укорененном в сознании представлении том, что человек впервые поселился на ней.

В условиях аграрных конфликтов этот мотив приобретает особенно сильное звучание. Поскольку крепостное право являлось древним институтом, происхождение которого не имело зафиксированного юридического характера (о чем свидетельствовали споры об указном и безуказном закрепощении), это открывало

возможность диаметрально противоположных юридических формул его интерпретации.

В полемике с В. И. Сергеевичем, отстаивавшим указную теорию, В. О. Ключевский при объяснении возникновения крепостного права исходил не из публичного, а из частного права, полагая, что крепостные правовые отношения возникли не путем государственного принуждения (или не главным образом через него), а путем договорных сделок между владельцами земли – помещиком и крестьянами. Отсюда он делал вывод, что крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства: последнему принадлежали не основания права, а его границы. Отмена крепостного права также не является делом исключительно государства – оно лишь отвечает назревшим потребностям социального развития.

Обращение ко второй формуле становилось юридической основой либеральных реформ: освобождения крестьян с землей, установления их права на нее путем компромисса с аналогичным правом помещика (уставные грамоты), наконец, перехода к практической реализации реформы.

Третье измерение – способы защиты права собственности – выявляет ситуацию правового дуализма: сосуществования в одной правовой системе двух различных видов права. Ситуация правового дуализма в пореформенной России получала различные интерпретации: одни исследователи полагали, что она отражает существование двух полноценных и конкурентоспособных правовых систем; другие – что эти две системы неравноценны и следует говорить скорее о соотношении двух видов права (писаного и обычного); третьи – что имеет место противоречие позитивного права и факта.

Исходя из этого выдвигалось три концепции разрешения вопроса – революционно-популистская, демагогически противопоставлявшая право сельской

общины как более «справедливое» – «несправедливому» государственному праву (различные аграрно-коммунистические доктрины); формально-юридическая, усматривавшая преодоление дуализма в распространении сферы действия гражданского права на обычное крестьянское право (проект Гражданского Уложения Российской империи) и практически-государственная, усматривавшая решение вопроса в преобразовании фактических отношений в соответствии с позитивным правом.

Данная позиция получила теоретическое обоснование в концепции аграрной реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина (Указ 9 ноября 1906 г.), суть которой состояла в ликвидации правового дуализма, то есть приведении нормы и факта в соответствие друг с другом – распространении действующего гражданского права на все население страны, предоставлении крестьянам права беспрепятственного выхода из общины со всеми ее ограничениями, поощрении государством индивидуальной трудовой деятельности.

Легитимированная как продолжение принципов 1861 г., столыпинская реформа отстаивала институт частной собственности на землю, причем делала это даже более последовательно, чем либеральные партии. Однако в условиях сохранения помещичьей и государственной собственности на землю данная реформа фиксировала исторически сложившийся порядок распределения земли: не ставила (подобно ряду проектов 1861 г. и проектов кадетской партии) вопроса об отчуждении земли аристократии за равноценную компенсацию имущественных прав, а, следовательно, сталкивалась с сохранением дилеммы эффективного разрешения проблемы справедливости в традиционном обществе – конфликта двух фундаментальных прав – свободы и равенства в условиях ускоренной модернизации.

Выход из этого противоречия, как показывает сравнительный анализ, возможен по линии создания таких

технологий проведения аграрных реформ, которые ставят целью полноценную правовую модернизацию традиционного аграрного общества, но демонстрируют при этом внимание к исторически сформировавшимся представлениям о справедливости.

В. В. Кондрашин: В силу особенностей отечественной индустриальной модернизации российская деревня оказалась ее заложницей, важнейшим источником ресурсов, а, с другой стороны, во многом определила ее специфику и результаты.

Об этом достаточно полное представление дают материалы международных проектов по аграрной истории России первой трети XX в., осуществленных коллективом историков и архивистов под руководством выдающегося историка-аграрника России В. П. Данилова. Нам также посчастливилось участвовать в них в качестве составителя и редактора документальных сборников в серии «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание».

Основная их идея, конкретизированная в многочисленных трудах историков, связанных с проектами Данилова (С. А. Есикова, Т. Д. Надькина, Д. А. Сафонова, Н. С. Тарховой и др.), заключается в тезисе об активной самостоятельной роли крестьянства в революции, Гражданской войне и коллективизации. Крестьянство являлось не только объектом приложения сил партий, но и активным субъектом истории, равноправным, а не подчиненным участником эпохальных событий в России в первые десятилетия XX в. Из зарубежных исследователей аналогичных взглядов придерживаются Т. Шанин, Л. Виола, Ш. Фицпатрик и др.

Вот лишь некоторые примеры, подтверждающие сказанное. Крестьяне России в 1917 г. до большевистского декрета о земле в ходе своей «общинной революции» в бывших районах помещичьего землевладения уничтожили частную собственность на землю и осуществили главную

цель крестьянской революции – право на землю тем, кто на ней работает, по трудовой норме крестьянской семьи («по едокам»). Большевики лишь юридически закрепили этот факт.

Мы согласны с Даниловым, который назвал сутью крестьянской революции протест крестьянской страны против предложенного ей царским самодержавием объективно необходимого варианта модернизации при опоре на сильных за счет ущемления слабых. Но «слабых крестьян» оказалось слишком много, они не смирились с их участью и смели «сильных», а вместе с ними и власть, которая на них попыталась опереться.

В годы Великой русской революции и гражданской войны не большевики, эсеры или анархисты «вели крестьян». Они лишь придавали их политической активности более организованные формы. Об этом убедительно свидетельствует история крупнейших крестьянских восстаний в рассматриваемый период («Антоновщина», «Махновщина» и т. д.).

Именно позиция крестьянства России в конечном итоге и предопределила исход гражданской войны. Большевики победили своих оппонентов потому, что в самые критические периоды вооруженного противостояния Красной и Белой армий крестьяне прифронтовых губерний и оказавшихся в ближайшем тылу белых поддержали их, реализовав на практике лозунг Советской власти о «союзе рабочего класса с трудовым крестьянством». Например, летом 1919 г., в пик успехов похода А. И. Деникина на Москву, неожиданный и очень чувствительный удар по его тылам нанесла крестьянская армия Н. И. Махно. В Тамбовской, Саратовской, Пензенской и других губерниях прекращались восстания крестьян против политики большевистской власти, в деревнях создавались отряды самообороны, дезертиры возвращались из лесов и шли в Красную армию. Происходило это потому, что для крестьян страх перед угрозой наказания за взятую помещиков и других землевладельцев землю в 1917 г.

оказался сильнее ненависти к большевистским порядкам, хотя ни Колчак, ни Деникин, а тем более Врангель, не помышляли о восстановлении помещичьего землевладения. Но их реальная политика была известна крестьянам и мало чем отличалась от большевистской. Это те же реквизиции, принудительные мобилизации, репрессии против советского актива в деревне. В результате из двух зол крестьяне выбрали, как им тогда казалось, меньшее.

После устранения «белой опасности» советская деревня была охвачена массовыми крестьянскими восстаниями против «военно-коммунистической» политики большевиков. Парадокс заключался в том, что, жестоко подавив крестьянскую войну, большевики дали крестьянам то, ради чего она и велась. По Земельному кодексу РСФСР 1922 г. крестьяне получили в бессрочное пользование землю и право свободного хозяйствования на ней. Продразверстка была отменена, свободная торговля и рынок разрешены.

Но итогом участия крестьян в гражданской войне и победы в ней большевиков стала, как очень точно подметил американский историк М. Левин, «архаизация деревни». Советское сельское хозяйство представляло собой океан мелких крестьянских хозяйств. Все рыночные достижения России, связанные со столыпинской аграрной реформой, были ликвидированы.

В то же время проблема индустриальной модернизации осталась. Более того, ее необходимость становилась все более очевидной в условиях назревания очередной мировой войны. Поэтому сталинская коллективизация – это очередная попытка власти заставить деревню принести себя в жертву интересам государства. Ее неслучайность, на наш взгляд, очень убедительно показана в работах С. А. Есикова, охарактеризовавшего тупиковый путь мелкого крестьянского хозяйства России к концу 1920-х гг.

Дальнейшие события – это трагедия советской деревни, ввергнутой в тяжелейшие потрясения сталинской насильственной коллективизацией. Так же, как и опубликованные материалы проектов Данилова, этот факт

подтверждают документы первого тома документальной серии международного проекта Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934 гг.». Нами осуществляется его научное руководство.

На наш взгляд, главный вопрос состоит в том, почему вариант индустриальной модернизации царского самодержавия не удался, а сталинский вариант со всеми его ужасами прошел? То есть в крестьянской стране победила антикрестьянская политика, основанная на насилии над крестьянством.

Эта тема нуждается в дальнейшем изучении. Но и сейчас уже имеются определенные, на наш взгляд, успехи. В рамках первой международной конференции «История сталинизма», организованной издательством РОССПЭН при поддержке Фонда Б. Н. Ельцина, опубликована статья японского историка Х. Окуды, который обратился к проблеме «социальной базы сталинизма». По его мнению, разделяемому нами, в деревне и городе это была молодежь, воспитанная Советской властью, ориентированная на новую жизнь, образование, карьеру в рамках «нового курса». Сама советская деревня была «молодой». По переписи 1926 г. 60% ее населения составляли люди моложе 30 лет. Таким образом, у власти были исполнители ее антикрестьянской политики в крестьянской стране. Этот сюжет, так же как и другие (например, «механизм управления» деревней в годы коллективизации и голода 1932–1933 гг.), – тема для дальнейшего исследования.

В целом, на наш взгляд, итог взаимодействия власти и крестьянства в России на протяжении последнего столетия крайне негативный. В России нет современного сельского хозяйства, способного прокормить страну, обеспечить ее продовольственную безопасность. Также нет и подлинного хозяина на земле.

И причины такого печального результата еще предстоит серьезно проанализировать.

С. В. Алексеев: Устоявшимся тезисом отечественной науки является исключительная по силе

дестабилизирующая роль нерешенного крестьянского (земельного) вопроса в истории России начиная с закрепощения великорусского крестьянства в Позднем Средневековье. Крестьянский вопрос позиционирован как «главный вопрос» российской истории Нового времени, вызывавший все или почти все серьезные социально-политические кризисы.

Целью данного небольшого исследования является подтвердить или опровергнуть данный тезис на конкретно-фактическом материале. Кроме того, небесполезным представляется сопоставить ситуацию в России с синхронной ситуацией в «развитых» западноевропейских странах – Англии и Франции. Это важно с учетом как обгоняющей модернизации данных стран, ставших индустриальными еще в XIX в., так и гораздо более раннего (XIV–XVIII вв.) исчезновения в них форм крепостной зависимости крестьянства.

Для анализа берется история наиболее острых и трагических внутренних конфликтов в истории всех трех государств. В целом, все многообразие побудительных факторов и движущих сил внутренних противостояний позднего средневековья, нового и новейшего времени в Европе может быть сведено к трем вариантам: 1) конфликты возникают и развиваются преимущественно вследствие расколов внутри господствующей элиты (в том числе этнических и религиозных); 2) конфликты возникают и развиваются вследствие противостояния городских слоев государственной власти, либо вследствие борьбы городских по составу «партий»; 3) конфликты возникают и развиваются вследствие противостояния крестьянства землевладельцам или государству.

Очевидно, что в наиболее значимых исторически ситуациях были задействованы в том или ином смысле все три фактора. Однако для нас важно выделить именно те ситуации, в которых крестьянский/земельный вопрос был основным или преобладающим.

Ниже перечисляются и вкратце характеризуются конфликты, которые можно с некоторой долей условности охарактеризовать как «внутренние войны». При этом мы исходим из распространенного в современной конфликтологии определения войны как противостояния более или менее организованных вооруженных сил, приводящего к значительным (не менее 1 000 за год) людским потерям. Естественно, что условность при таком подходе неизбежна, и в перечень попадут некоторые конфликты (например, «Медный бунт» в Москве), которые «войной» признать крайне затруднительно. Тем не менее, поскольку имеет смысл учитывать именно наиболее ожесточенные социальные противостояния, такая условность представляется вполне оправданной. Далее, учитываются лишь те конфликты, которые затрагивали собственно территорию государства – не территории протекторатов либо колоний. Последнее имеет особое значение для истории западноевропейских государств, но в целях последовательности распространено и на историю России. Избранные хронологические рамки (с учетом необходимости сопоставления) – XV–XX вв.

Краткий анализ причин и движущих сил крупнейших внутренних конфликтов в истории России и СССР указанного периода позволил прийти к следующим выводам. Крестьянский фактор сыграл исключительную или преобладающую роль в 9 из 21 случаев (42,8%). Таким образом, нельзя сказать, что крестьянский фактор преобладал в большинстве «внутренних войн». Однако следует отметить два важных обстоятельства. Во-первых, в аграрной России именно внутренние войны, возникшие в связи с земельным вопросом, оказывались наиболее затяжными и ожесточенными. Во-вторых, к XX в. роль крестьянского фактора нарастает, и 4 крупнейших внутренних конфликта первой половины минувшего столетия носили в основе именно «аграрный» характер.

При гораздо меньшем числе крупных конфликтов в целом, британскую историю отличает также крайне малая

роль в них крестьянства и слабое задействование его социальных интересов. Крестьянские восстания и бунты XV–XIX вв. в основном носили локальный и скоротечный характер и не поднимались до уровня «внутренних войн». Из общего числа последних за рассматриваемый период (10) только одно (1) движение носит характер действительно крестьянской войны. Нельзя, конечно, не связать это обстоятельство с ранней индустриализацией (и, что еще существеннее, с предшествующей мануфактуризацией) Британии. Однако едва ли это единственная причина, поскольку и ранее, в том числе в чисто феодальную эпоху XI–XIV вв., социальная активность крестьянства крайне редко поднималась до уровня «жакерии».

Число крупных внутренних конфликтов во Франции XV–XX вв. точно совпадает с российским, при заметной разнице в динамике. Из 21 «внутренней войны» в 6 (28,5%) крестьянский «вопрос» (в местном его варианте) сыграл ключевую или существенную роль. Здесь очевиднее связь с процессами модернизации страны – поскольку значение специфического крестьянского фактора уменьшается в XIX в., что противоположно российской тенденции.

Данный краткий обзор, конечно, не может претендовать на какие-то фундаментальные выводы. Это скорее информация к размышлению и дальнейшим, более глубоким исследованиям. В целом, нельзя сказать, что крестьянский фактор в российских внутренних конфликтах последних столетий переоценен – во всяком случае, он был более значим, чем в ведущих государствах Западной Европы. С другой стороны, нельзя не заметить, что век модернизации Англии и Франции – XIX – не отмечен столь заметными столкновениями крестьянства и власти, как в истории России XX век.

Это, очевидно, связано с драматическими особенностями избранного страной пути «построения» индустриального общества.

Н. А. Ивницкий: Крестьянство в массе своей консервативно. Оно с предубеждением относится к всякого

рода новшества, изменению его социально-политического положения, хозяйственного уклада жизни. Вековая сила привычек и навыков, традиций и устоявшихся стереотипов сказались на психологии крестьянства. И если и менялось его отношение к новшества, то только тогда, когда оно на собственном опыте, на практике убеждалось в их преимуществах и выгоде.

Именно поэтому крестьянство поддержало аграрные преобразования Советской власти в 1917–1918 гг. (ликвидация помещичьего землевладения, перераспределение земель и т. п.). Однако применение насилия, игнорирование интересов крестьянства в годы военного коммунизма (введение продразверстки, трудовой и гужевой повинности, мобилизация в Красную армию) резко изменили его отношение к власти, превратив крестьян из союзников в противников власти. По стране прокатилась волна массовых крестьянских восстаний (Поволжье, Черноземный центр и др.).

Мероприятия, связанные с переходом в 1921 г. к новой экономической политике – замена продразверстки продовольственным налогом, допущение торговли и мелкого предпринимательства – вновь привлекли крестьянство на сторону Советской власти, в результате чего было восстановлено сельское хозяйство, улучшилось экономическое положение деревни. Но стоило власти в 1928–1929 гг. перейти от экономической мер к административно-репрессивным, чрезвычайным мерам воздействия на крестьянство, как оно вновь отвернулось от Советской власти. В 1928 г., по данным ОГПУ, в деревне произошло более 1 000 террористических актов, в 1929 г. – свыше 9 тыс., а в 1930 г. – около 14 тыс. Значительно возросло и количество массовых крестьянских выступлений: в 1928 г. – 709, в 1929 г. – 1 307, в которых приняло участие около 300 тыс. чел.

Насильственная «сплошная коллективизация» привела по существу на грань гражданской войны в стране.

В 1930 г. в СССР произошло 13 756 массовых выступлений, в которых приняло участие около 3,5 млн чел.

2 апреля 1930 г. ЦК ВКП (б) в закрытом письме признавал, что поступившие сведения «о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО (Центрально-Черноземной области – *Прим. ред.*), на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение».

Между тем и после принятия постановлений ЦК ВКП (б), публикации статей И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» крестьянские восстания не прекратились. Так, в апреле 1930 г. произошло 1 992 выступления, в мае – 1 378, в июне – 886 и т. д. Для подавления крестьянских выступлений в 993 случаях применялись регулярные части Красной армии и войска ОГПУ.

Наряду с острыми формами сопротивления крестьян коллективизации уже с конца 1929 г. широкое распространение получили так называемые пассивные формы: сбыт и убой рабочего и продуктивного скота, растраниживание семенного материала, сельхозинвентаря и т. п. За годы коллективизации (1930–1933) поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось в 2 раза, овец и коз – в 3 раза, свиней – почти в 2 раза.

Антикрестьянская аграрная политика привела к разрушению производительных сил сельского хозяйства, разорению деревни и, в конечном счете, к страшному голоду в 1932–1933 гг. в зерновых и животноводческих районах СССР (Украина, Северный Кавказ, ЦЧО, Поволжье,

Западная Сибирь, юг Урала, Казахстан), в результате которого погибло не менее 7 млн чел.

Такова цена сталинской аграрной «революции сверху».

А. В. Гордон: Олег Григорьевич [Буховец], Вы во мне разбередили детские воспоминания. Я могу Вам точно сказать, когда в Западной Белоруссии прошла коллективизация. Это был 1951 г.

Мне довелось пережить эту коллективизацию. Я ее очень хорошо запомнил. Потому что мы из голодного Подмоскovie в Западную Белоруссию, в город Слоним, тогда Барановичской, а ныне Гродненской области. И это был рай. Некий рай был просто. Гуси ходили, гусей запекали в яблоках. Ну и вообще – это было нечто. Но самое главное – это был базар! Какой был базар! Я до тех пор такое видел только в «Кубанских казаках». И потом я такого никогда в жизни больше не видел. И вдруг, как по мановению – зима 1951 г. – и все... Обмелело. Никаких базаров. Произошла эта коллективизация.

Что вспоминается в связи с этим? Ну, во-первых, у меня навсегда сформировалось понимание связи крестьянства с рынком. Считается, что рынок несет крестьянству смерть, обрекает его на гибель. Далеко не все так однозначно. Вообще, крестьянство склонно торговать. Вопрос: в каких условиях, когда и как?

Кстати, Олег Григорьевич [Буховец], не только поляки и литовцы сидели в лесах. Отнюдь нет. Белорусов там тоже хватало. Я помню, на одном банкете я познакомился с директором Института истории Академии наук Беларуси. Он родом из Волковыска. Он сказал, что он со своим отцом был тоже в лесах. Я его спрашиваю: «А что вы там делали?». Он ответил мне: «Я не знаю. Пошла какая-то паника, что вот будут хватать, сводить счета».

Действительно, счета... Крестьянская общность образует некое единство. Стоит в нее внести некий элемент разлада – и это бьет через поколения. Бьет наотмашь. Это совершенно уничтожительная вещь. Я помню, как убили

нашего соседа в Слониме. Убили счеты, возникшие еще во время войны и обострившиеся в период коллективизации. Эти счеты доконали человека. Хотя был вполне мирный человек, пожарный.

Попытаюсь, оттолкнувшись от этого, выйти на некие крестьяноведческие обобщения. Хочу, сказать что Вы, Олег Григорьевич [Буховец], правы, когда говорите о том, что существуют некие константы – и поведения крестьянства, и отношения к нему, и, если хотите, подхода к нему.

Я, когда начинал крестьяноведческие исследования, пытался понять крестьянство как исторический субъект. И либеральная, и марксистская традиция одинаково толкуют крестьянство как объект великих исторических движений, идущих из города, или инициированных государством. А что если рассмотреть крестьянство как исторический субъект? Опять же есть такая традиция, согласно которой крестьянство проявляет себя как исторический субъект тогда, когда оно что-то ломает, то есть в эпохи смут и революций. Но ведь с чего начинается крестьянский вопрос? Начинается он с того, что крестьянство – это кормилец и поилец. Никуда от этого не денешься. И вообще, если крестьянство как «мир» самодовлеет, и ему, собственно говоря, никто не нужен, то мир без крестьянства обойтись не может. Поэтому, наверное, прежде всего, для того чтобы понять субъектность крестьянства, надо понять его производительную деятельность. Надо понять, как крестьянство выступало инноватором, модернизатором в сфере сельскохозяйственного производства.

Не будем уходить в неолитическую революцию, но все последующие земледельческие революции были связаны с ролью крестьянства. Крестьянство в них было задействовано. И никогда бы не внедрили какую-нибудь новую сельскохозяйственную технику, если бы крестьянство не было в этом заинтересовано и не вкладывало в это душу. Есть противоположные примеры. У Н. С. Лескова приводятся замечательные примеры как крестьянство ломало и портило новую технику, которую пытались применять

англизированные помещики. Нет, только когда до крестьянина доходит, что это хорошо, что это ему нужно, только тогда он это производит и делает.

Если даже взять «зеленую революцию», которая спасла от голода великий азиатский континент, если взять последнюю великую крестьянскую революцию – я имею в виду деколлективизацию в Китае – то мы увидим, что там тоже все было связано с ролью крестьянства, которое не только себя спасло, но и создало условия для мощного экономического рывка. Дело в том, что крестьянство избавилось от страха голодной смерти. Тут говорили о голоде в Советском Союзе. А голод в Китае в период «великого скачка»? А? Порядка 30 млн чел. он унес. Даже для Китая это не шуточка. Преодоление страха голодной смерти стало важнейшим условием того мощного экономического рывка Китая, свидетелями которого мы являемся. На спине китайского крестьянина вырос современный Китай. Этот его мощный экономический рывок, прежде всего, связан с тем, что крестьянство с чем-то вышло на рынок.

Я помню, наш великий аграрник академик Л. В. Милов говорил мне: «Александр Владимирович, знайте, пока крестьянство сидит на уровне “сам-третей”, никакого рынка не будет». «Сам-третей» – то есть бросил зерно, получил три зерна. Совершенно верно. Для того чтобы развивались рыночные отношения, надо превысить уровень «сам-третей». В России это было в конце XIX в., когда мы сдвинулись с этого фатального уровня и вышли на уровень «сам-пять». И тогда стали развиваться рыночные отношения. И тогда крестьянин показал себя великим инноватором. Помните знаменитое вологодское масло. Ведь это настоящий хай-тек. Это нужно было проследить, чтобы коровки ели все что нужно, а не все подряд. И выдержать, и обработать. Мне говорили, что вологодское масло продавалось во Франции под названием «парижское масло». В общем, нашему крестьянству было чем гордиться – не только бунтом.

Теперь про бунт. Классический подход к крестьянской революционности – знаменитая фраза А. С. Пушкина, согласно которой русский бунт «бессмысленный и беспощадный». Почему «бессмысленный»? А потому что, казалось бы, зачем крестьянину бунтовать. Было бы понятно (и так наша историографическая традиция и твердила), если бы крестьянин хотел сменить общественный строй. Не хотел. А почему он должен менять общественный строй? Ему же это не нужно было. Здесь был упомянут Джеймс Скотт. Он в свое время замечательную мысль высказал о том, что традиционное крестьянство считало, не сколько оно отдает, а сколько у него остается. Оно жило на минимуме, на том минимуме, который был нужен для собственного пропитания и прокорма скота. И если это нарушалось, то начинался саботаж. У Скотта есть такая метафора, которой он характеризовал бунт, – «оружие слабых». Крестьянство всеми правдами и неправдами сокращало поставки, захватывало то, что могло захватить. Так было до той поры, пока не перегибали палку. Вот тогда крестьянство возмущалось.

Почему «бессмысленный и беспощадный»? Смысл был в беспощадности. Крестьянство должно было показать, что оно дошло до предела, до отчаяния, и заставить власть принять какие-то меры для того, чтобы ввести дело в обычные нормы. Почему ему была нужна традиция? Почему ему был нужен обычай? Оно не собиралось чего-то переворачивать. Ему нужно было сохранить все в рамках традиции, потому что сельское хозяйство находилось на низком уровне «сам-третей».

Но если крестьянство чувствовало возможность прогресса (а, на мой взгляд, такую возможность русское крестьянство почувствовало только после Великой реформы, 150-летие которой мы будем отмечать в 2011 г.), то тогда крестьянство выступало вполне модернизатором. А почему крестьянство придерживалось традиции? Потому, что обычай как-то сохранял крестьянство от избыточных изъятий. Но если крестьянство чувствовало, что что-то

можно развить, улучшить, то тогда оно вело себя как вполне модернизатор. Наша знаменитая организационно-производственная школа – А. В. Чайнов и до него (тот же С. Н. Булгаков, который был великолепным экономистом-аграрником) – они же показали, что крестьянство потянулось к знаниям. Все это организационно-производственное направление возникло на уровне крестьянского интереса к аграрным знаниям. Большое количество испытательных станций возникло, агрономы, зоотехники потянулись туда. Крестьянство интересовалось этим.

Короче говоря, главная мысль моего выступления состоит в том, что нельзя однозначно утверждать, что крестьянство против рынка, против модернизации. Создайте крестьянину условия – и тогда все будет нормально.

Теперь сам доклад.

Новое освещение проблематики власти в крестьянской России связано с преодолением установок либеральной и марксистской мысли: крестьянство – объект исторического прогресса, исходящего из Города и направляемого Государством. Эти установки заметно повлияли на судьбы крестьянства в России, предопределив форсированное раскрестьянивание, которое, в свою очередь, обусловило и культурную деформацию города, и террористическую деформацию самой власти.

Формирование в 1960-х гг. крестьяноведения как нового направления в изучении сельских масс определялось именно насущной потребностью в понимании крестьянства как исторического субъекта, что предполагает разработку аграрной проблематики (прежде всего) сквозь призму изменений в хозяйствовании, социальной организации и самое сложное – в крестьянском сознании.

Очевидна роль крестьян в экономическом подъеме пореформенной России. Сдвинув аграрную экономику с фатальной черты «сам-третьей», крестьянство, ставшее главным товаропроизводителем, обеспечило развитие страны по рыночному пути, создало основу для преодоления циклических голодовок и промышленного роста. В свою

очередь, для сельскохозяйственного рывка (до уровня «сам-пять» к концу XIX в.) потребовались изменения в крестьянском сознании, потребовалось, прежде всего, чтобы крестьянин почувствовал свою хозяйственную самостоятельность, чего не могло быть при крепостном праве, а тем более – барщине.

Именно ликвидация крепостничества сделала крестьянина «рациональным агентом» в категориях классической политэкономии и здравого смысла. Исчезло или ослабло то сопротивление крестьян хозяйственному прогрессу, доходившее до вандализма («Загон» Н. С. Лескова), которое классической литературой было положено в основу крестьянской («национальной») психологии.

Вопреки поборникам крестьянской патриархальности именно изнутри стал развиваться процесс разложения общины. Играя амортизационную роль в ситуациях, когда на повестке дня стоял вопрос физиологического выживания, община оказывалась тормозом экономического прогресса на путях частного преуспеяния. Являясь закономерным продолжением реформаторства 1860-х гг., Столыпинская реформа отвечала потребностям аграрной (и общенациональной) модернизации.

Реформа расчищала дорогу интенсивному хозяйствованию, но обострила внутридеревенские противоречия, не решив проблемы крестьянского малоземелья. Российская деревня выбрала другой путь – ликвидации помещичьего землевладения на основе восстановления «общинного права». Произошедшее упразднение частной собственности на землю сделало деревню юридически и нравственно беззащитной перед натиском диктатуры, которая максимально использовала внутриобщинные противоречия для истребления преуспевающего хозяйственного слоя и насаждения «государственного коллективизма» (А. В. Чаянов).

Коллективизация начиналась как хлебозаготовительная кампания, и это родимое пятно

осталось ее главной чертой на десятилетия. Вопреки официальным заявлениям колхозы в первую очередь были инструментом государственного управления деревней, а не типом хозяйствования, которое оставалось стабильно неэффективным. Добившись провозглашенных целей концентрации и в меньшей мере механизации производства, советская власть так и не смогла решить продовольственную проблему и, даже создав грандиозную и дорогостоящую структуру АПК, оставалась в зависимости от ЛПХ сельчан, этого преследуемого реликта частного хозяйствования.

К 1980-м гг. сложился уникальный тип сельхозпроизводителя. С одной стороны, сельчане познали преимущества 8-часового рабочего дня и гарантированного денежного дохода, с другой, отчуждение от хозяйствования оборачивалось отсутствием мотивации в успехе «своего» предприятия. Строительство агрогородов за счет «неперспективных» деревень разрушало веками сложившийся социум; с упадком семейного хозяйства распалась сельская семья; деревня превращалась в пристанище старых, немощных и одиноких. В сложившихся условиях масштабные инвестиции (химизация, ирригация, индустриализация) серьезного эффекта не давали и даже имели негативные последствия (разрушение природной среды).

Между тем, несмотря на стагнирующую эффективность производства и социальную деморализацию, выявившуюся в распространении пьянства, материальное благосостояние сельского труженика поступательно улучшалось с ростом зарплаты, введением пенсионного обеспечения и расширением бесплатного здравоохранения. Улучшение происходило исключительно за счет госбюджета, в результате чего оборачивавшаяся иждивенчеством зависимость деревни от власти все более возрастала.

База для рыночных преобразований в деревне в итоге оказалась слабой, да и она не была использована в 1990-х гг. Встав на путь «шоковой терапии», новая власть вскоре

свернула аграрные преобразования и вернулась к «поддержке» аграрного сектора при ограниченных ресурсах и омертвлении или разграблении производственных фондов. Обманув надежды фермерского движения, постсоветские руководители не добились лояльности консервативных сил, опиравшихся на крупные хозяйства советского типа. Возник эффект «красного пояса», антиреформаторского объединения администрации с сельскими сообществами в самых плодородных районах страны.

К 2000-м гг. восстановился статус-кво в виде соединения разного рода «крупхозов» (А. М. Никулин) с семейными наделами. Ставка на агрохолдинги очевидна, и перспектива квазизакрепощения сельского населения выглядит реальной.

В то же время полномасштабной, в рамках всей страны, альтернативы еще не просматривается.

И. Е. Кознова: Я хотела несколько слов сказать о том, какие представления о власти закреплялись в крестьянской памяти.

Надо сказать, что для XX в. характерно то, что актуализация прошлого у крестьянства шла с учетом его отношений с властью разного уровня. Отношения «власть – крестьянство» включались в орбиту крестьянской памяти, и, на мой взгляд, на всю свою историю крестьянство смотрело с точки зрения этих отношений. Мне кажется, что в XX в. проблема «власть – крестьянство» в крестьянском сознании и в крестьянской памяти вышла на первый план.

В современных исследованиях исторической памяти обращается внимание, что возможно, ее центральной проблемой является изучение того, как группы помнят и утверждают на поле битвы за власть и культуру. По родовому определению, крестьяне всегда являются подчиненной стороной, всегда подвластны, а крестьянин представляет собой тип личности, в ценностной ориентации которого «власть» не является значимой. В XX в. заметна тенденция: актуализация прошлого опыта у крестьянства

идет с учетом его отношений с властью разного уровня, а включение во власть становится важнейшим каналом социальной мобильности. На все события своей истории в XX в. крестьянство смотрит с позиций этих отношений, которые могут быть интерпретированы также и как отношения «деревня/город» (образ города в крестьянской памяти – специальная тема, но здесь есть и много общего).

Каждый конкретный период истории российского крестьянства может быть рассмотрен с точки зрения доминирующего конфликта, который структурирует и сглаживает другие конфликтные ситуации и обозначает границы и фронты социальных и политических противостояний. Крестьянские свидетельства и действия улавливают суть этого конфликта, но представляться и описываться он может по-разному. В целом, «помнящее» начало крестьянской культуры ставит, по выражению немецкого исследователя Я. Ассмана, вопрос: «Чего нам нельзя забыть?».

Слово «власть» – одно из ключевых в крестьянской памяти. Но не менее, а во многом более значимыми являются и такие как «земля», «семья», «общность». В целом они создают хронотоп крестьянской памяти. Если рассматривать крестьянский образ жизни как систему, то память крестьян о земле – это и память о власти, а память о власти – это одновременно и память о сельской общности (точнее, ее отношениях с властью) и т. д. Каждый компонент системы связан с другим по принципу сети (паутины). Оценки прошлого («раньше») и настоящего («теперь») в крестьянской истории имеют как позитивный, так и негативный смысл в зависимости от критериев, по которым они оцениваются, – и характер отношений с властью является одним из них.

Крестьянское восприятие власти, если судить по различным свидетельствам памяти – устным и письменным – основано на следующих представлениях.

Во-первых, присутствие апокалиптических настроений, прогнозируемость новых «укусов-ударов»

власти. При этом можно сказать, что о репрессивной функции власти крестьяне вспоминают активнее, хотя и не скрывают убеждения: «Какая бы власть не была, повинуйся ей». И в этом случае память сохраняет образ жертвы, хотя крестьянам памятливы и попытки противостоять властному давлению. Если рассматривать XX век в целом, то подобная память сильнее проявляла себя в первой его трети, когда память носила мобилизующий характер и была направлена на сохранение крестьянского образа жизни. Страх, боязнь, воспоминания о психологической боли, об издевательствах и унижениях до сих пор сохраняются, особенно в контексте памяти о сталинской эпохе. Последняя может служить классической моделью с точки зрения развития травмирующего опыта, сохранения его в памяти и передачи следующим поколениям, но также и забвения некоторых его сторон.

Во-вторых, крестьянам присуща традиционная готовность быть в стороне от власти. Крестьянская история, даже будучи вмонтированной в отношения с властью, – это жизнь сообщества, тонус и хронология которого держится на привычном: «Сеём, пашем, страдаем». Поэтому сформулированное в письме анонимного автора в «Крестьянскую газету» в середине 1920-х гг. кредо: «Все равно, какая бы власть ни была, нам крестьянам пахать» – сохраняет свою силу вплоть до настоящего дня – «Нам не до власти было. Мы ею не интересовались. Нас земля к себе просила. Мы на ней с утра до ночи трудились»; «Нам не до политики, нам работать надо».

Наиболее сильна память о собственном умении выжить, «прожить жизнь» с целью ее ежедневного возобновления, которое предполагает прагматический подход к власти. Не случайна ностальгия современной деревни по 1960–1980-м гг., когда «власть сама жила, и давала жить другим».

Изменения содержания и характера крестьянской памяти на протяжении XX в. связаны с серьезными поколенческими и гендерными изменениями (современная

деревня – это деревня, в значительной мере, представленная женщинами). Память о раскрестьянивании, постигшем российскую деревню в XX в., сочетается с памятью о преодолении ее статусной неполноценности, о приближении к городу (хотя бы на уровне потребительских стандартов). Поэтому в стремлении преодолеть «историю жертвы» современная сельская рациональность чаще всего нацелена на накопление ресурсов, позволяющих детям покинуть деревню и уехать в город.

Заметно снижение уровня притязаний земледельцев на фоне роста ярко выраженного потребительски ориентированного бытия. Вместо «Земли и Воли» коллективная память вынесла на первый план «колбасу» и «государственную поддержку деревни».

Крестьянская память изменилась. Если в начале XX в. ее стержнем было «Земли! Земли!», то в конце века – «Власть сменилась, разрешили бы другого поросеночка завести», что свидетельствует: в XX в. крестьянство прошло путь от активных действий к пассивной адаптации.

Ю. А. Васильев: С понятием «народ» непосредственно связано понятие «крестьянство» как основная часть народа, самая большая социальная группа (как известно, до 1917 г. крестьянство составляло 80% населения России).

Что нас сегодня заставляет осознавать прошлое, искать ответы на вопросы: что происходило с российским народом (крестьянством) в тот или иной период отечественной истории?

Почему нас захватывает проблема собственного прошлого? Вероятно, речь может идти об *измерении исторического сознания* или *исторического понимания*, благодаря которому нам становится известно о существовании прошлого, частью которого мы себя осознаем сегодня. Благодаря историческому сознанию, познанию исторического опыта прошлое становится

реальностью, в определенной степени прошлое осознается частью нас самих.

В историческом сознании российского общества существует феномен забвения. В прошлом российского крестьянства есть немало обыденных событий в повседневной жизни, которые можно забыть, поскольку они никак не связаны с настоящей или будущей идентичностью. Повседневная жизнь имеет свою собственную историю – и эта история может оказывать серьезное влияние на коллективную идентичность.

Однако даже специалисты иногда «забывают» о том, что имело решающее значение в прошлом. Но происходит это не потому, что они хотят намеренно исказить прошлое, а просто потому, что они не знают о значении определенных причинных факторов. История побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали никакого внимания. Примером может служить выяснение причинно-следственных отношений политики военного коммунизма и Гражданской войны в России: именно политика военного коммунизма воспроизводила протестные явления на всей территории страны. В период создания различных мифологем формировалось обличительное восприятие крестьянских протестных явлений в общественном мнении: так появились «антоновщина», «махновщина», «мироновщина», «сапожковщина», «серовщина» и др. (в закавыченном виде). Однако сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления прошлого (причем без всяких кавычек).

Забвение может проявляться, когда появляются основания забыть о тех или иных сторонах нашего прошлого, например, когда память о них оказывается слишком болезненной, чтобы включить их в наше коллективное сознание. Отмечается нередко парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О последнем забывают, поскольку его стараются вытеснить из сознательной памяти. Однако

о нем помнят, поскольку субъект травматического опыта оставил слишком серьезные духовные раны. Травматический опыт приспосабливается к идентичности, как и новая идентичность приспосабливается к травматическому опыту. В такой ситуации происходит примирение опыта и идентичности, создающее условия для их продолжительного сосуществования.

Травматический исторический опыт Гражданской войны 1918–1922 гг. (можно даже уточнить: Крестьянской гражданской войны) служит восприятию исторической памяти. Травматический опыт проявился, прежде всего, в изменении идентичности российской нации и народа. Идентичность нации, народа имеет глубокие корни в их прошлом, поэтому, если мы хотим постичь их идентичность, следует, прежде всего, обратиться к их истории. Именно история предоставит доступ к пониманию собственной идентичности. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем отчетливее станут контуры идентичности и тем более адекватными станут индивидуальные и коллективные действия в российском обществе.

Вхождение в новый мир в России после 1917 г. означало отказ от прежнего мира. Забвение явилось условием обретения новой идентичности. Подобные исторические преобразования всегда сопровождаются в крестьянстве ощущениями тяжелой и невосполнимой потери и безнадежной дезориентации. В этом смысле, такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими. Но в таких ситуациях последствия травматического опыта часто оказываются гораздо более драматичными: например, в новой реальности Гражданской войны в России люди теряли себя, безвозвратно утрачивалась прежняя идентичность и на смену ей приходила новая историческая и культурная идентичность.

Социальную травму подобного рода социальная группа (общество, народ, крестьянство) будет всегда носить с собой после того, как исторический процесс заставил ее столкнуться с ней. Новая идентичность во многом

конституируется травмой от потери прежней идентичности – и именно в этом заключается ее главное содержание. Коллективная идентичность современного российского общества представляет собой совокупность шрамов в коллективной российской душе. Шрамы оставлены вынужденным отказом от прежней идентичности. Их никогда нельзя будет изгладить полностью, они вызывают в народе длительную и нескончаемую боль, которая известна под названием «боль Прометея».

Благодаря этой боли российская цивилизация постоянно помнит об «утраченных мирах», от которых она была вынуждена отказаться в своей истории.

Н. Л. Рогалина: Я хотела бы поговорить о таком мощном социальном процессе как раскрестьянивание.

В науке известно два типа раскрестьянивания. Первый тип – это нормальный органический процесс, который продолжался до Первой мировой войны и революции, происходил в рамках товарно-рыночной перестройки и охватывал период приблизительно в 25–30 лет. Второй тип – это ущербный патологический процесс, связанный со сталинской коллективизацией.

На анализе этого процесса я и хочу остановиться.

1930-е гг. прошли под знаком насильственной форсированной коллективизации», положившей начало репрессивному социалистическому раскрестьяниванию. Разные аспекты этого процесса исследуются сегодня как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Раскулачивание предстает как «узаконенное беззаконие», как обязательное условие взбадривания сплошной коллективизации. Факты говорят о том, что раскулачивание было первичным, опережавшим коллективизацию процессом, оно стимулировало ее экономически и психологически, выступая как мотор «последнего предупреждения» и устрашения единоличников».

Совокупным результатом «голового раскулачивания», «раскулачивания до нитки», было колоссальное разрушение производительных сил, сплошное и на каждом шагу

нарушение «революционной законности». То есть «операция по кулаку» проводилась на местах «на свой страх и риск», выливаясь в мародерство и разрушение производительных сил.

Раскулачивание выражалось не только в экспроприации основных средств производства, но и в конфискации всего имущества зажиточных и трудолюбивых слоев. Выясняется активная роль местной власти в его расхищении и разбазаривании. Бессмысленная растрата производительных сил привела к колоссальному падению уровня хозяйствования, к катастрофической нехватке продовольствия и последующей голодной катастрофе. Раскулачивание в тех или иных масштабах шло перманентно, то усиливаясь, то ослабевая. Оно имело глубокие и длительные социально-экономические, политические и демографические последствия в виде крестьянского беженства и самоликвидации сотен тысяч крестьянских хозяйств, в своей совокупности даже превосходивших численность репрессированных крестьян и членов их семей. Исследователи отмечают «крестьянский след» в бродяжничестве, беспризорности, голоде 1932–1933 гг., даже в обосновании политики «Большого террора», в которой приоритетное место отводилось поискам осевших повсюду «кулаков».

Несомненно, что раскулачивание выступало как синоним раскрестьянивания, что «операция по кулакам» (как она называлась в секретных документах ОГПУ), и была «операцией по крестьянству», а «кулацкая ссылка», по сути, являлась крестьянской ссылкой. Опыт крестьянских депортаций и спецпоселений применялся затем в карательной практике, в использовании принудительного труда.

Основные массы выселяемых использовались на трудоемких малоквалифицированных работах – лесоповале, в горнорудной промышленности, на промыслах и, гораздо реже, – в сельском хозяйстве. С 1931 г. спецпереселенцы используются уже как универсальная рабочая сила.

Полномочные представители ОГПУ по регионам разрабатывали соответствующие предложения и удовлетворяли заявки от промышленности и строек на дешевую рабочую силу.

Например, заявки Востокугля на 7 тыс. чел. были удовлетворены частично за счет башкирских спецпереселенцев, а также за счет внутреннего восточно-сибирского и западно-сибирского спецпереселения. По заявкам Уралугля было направлено 2 200 чел. из Нижегородского края. Востоксталь запросил 18 200 семей из Московской области для Кузнецкстроя, Синарстроя, Магнитостроя, Высокогорского, Байкальского, Горноблагодатского, Златоустовского рудоуправлений. Цветметзолото, Союзторф, Союзлеспром также предъявляли свои заявки.

Другим способом раскрестьянивания явилось огосударствление колхозного труда и его результатов. Шло перманентное «разбазаривание» колхозных земель и их незаконное использование, как государственными организациями, так и частными лицами. Без ведома и согласия колхозников коллективы укрупнялись и разукрупнялись (позднее эта практика выльется в массовый перевод колхозов в совхозы). Причина – обезличка земли. Колхозы, созданные вопреки воле крестьян, выступали как своеобразные источники живого труда.

Массовые документы зафиксировали ключевые слова эпохи: «барщина – Соловки – бесхозяйственность». Крестьяне называли коллективизацию «Вторым Крепостным Правом», по-своему раскрывая аббревиатуру ВКП (б)», воспринимая ее как механизм социальной и экономической эксплуатации. Утверждалась модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производством ради производства», с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов. Этот полурабский труд колхозников мало отличался от рабского труда

заключенных. Через данную мобилизационную модель советское общество добилось ограниченных результатов.

Основными источниками доходов колхозников были личные подсобные хозяйства, облагавшиеся огромным налогом, а также вынужденное и небезопасное присвоение общественных ресурсов, каравшееся тюремным заключением.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г., определяя статус и размеры (от 0,4 до 1 га) личного подсобного хозяйства, гарантировал его при условии выработки колхозником минимума трудодней в общественном хозяйстве. Личное подсобное хозяйство, занимая чуть более 6% колхозного сектора, «зажатое» высокими налогами, производило свыше 70% молока, мяса кож, 43% шерсти; «сверхтруд» на приусадебном участке давал более половины денежных доходов колхозников.

Приусадебное хозяйство колхозников объективно противодействовало раскрестьяниванию, но отчуждение от результатов труда в общественном производстве, неудовлетворенность его оплатой выражалось в том, например, что накануне войны почти четверть колхозников была «мнимой», то есть не выработала и 50 дней в году.

Деморализация земледельца, потеря интереса к земле выступала как еще одна форма раскрестьянивания, вызванная коллективизацией.

С. Ю. Разин: Нина Львовна, если я Вас правильно понял, Вы считаете, что коллективизация и индустриализация привели к ликвидации крестьянства как класса?

Н. Л. Роголина: Нет. Но, это был решающий этап, в рамках которого происходило раскулачивание и огосударствление колхозов.

Но вместе с тем, все-таки в виде личного подсобного хозяйства сохранялся барьер, ограждавший деревню от окончательного раскрестьянивания. Оно позволяло крестьянину держаться на плаву. Оно давало молоко, шерсть

и другую продукцию животноводства. Колхозы давали технические культуры, зерно...

Я рассматриваю коллективизацию как решающий этап раскрестьянивания. Ну а дальше были и хрущевская «совхозизация», и превращение крестьянина в не очень квалифицированного работника в брежневское время. Это все этапы одного большого пути раскрестьянивания.

С. Ю. Разин: Я, может быть, сейчас противоречивый вопрос задам. Не кажется ли Вам, что наряду с раскрестьяниванием происходило окрестьянивание страны?

Н. Л. Рогалина: «Окраина, куда нас занесло? И города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Маргиналы, рванувшие в города в годы первой и второй пятилеток – это действительно окраинность, маргинальность, окрестьянивание. К началу войны их было 30 млн чел. Отсюда перенаселение города.

Об окрестьянивании лучше всех писал недавно ушедший от нас Мойша Левин в своей последней книге «Двадцатый век».

С. Ю. Разин: Я приведу цифру, которую встречал в литературе. В Европейской России с 1953 по 1991 гг. из сельской местности в города переселилось примерно 52 млн чел.

Н. Л. Рогалина: Ну, я думаю, что обратный поток до 1990-х гг. перекрывал эту миграционную волну.

С. Ю. Разин Из города в деревню? Нет, не перекрывал. Мы ведь здесь еще вот какого вопроса касаемся: а была ли в дореволюционной России и в СССР урбанизация?

Н. Л. Рогалина: Конечно, была. Ущербная, но все-таки была.

С. Ю. Разин: На мой взгляд, крестьяне, переселявшиеся в города, сохраняли свою социальность, свои общинные традиции. Приведу здесь метафору, которую, правда, применительно к началу XX в., употребил в свое время Ричард Пайпс. Он сам себе задавал следующий

вопрос: «Чем отличается крестьянин, который живет в городе, от крестьянина, который живет в деревне». На этот вопрос он ответил следующим образом: «Один крестьянин заправляет рубаху в брюки, а другой носит ее навыпуск».

Н. Л. Роголина: Да нет. Они же уже рабочим классом стали.

С. Ю. Разин: Я специально на этом дискуссионном вопросе заостряю внимание. Если я сейчас что-то не так скажу, то Владимир Прохорович [Булдаков] меня поправит, но, по-моему, в одной из своих статей и на прошлом круглом столе он сказал, что, как это ни парадоксально, но из всех тех социальных слоев, которые существовали, в социально-политическом, психологическом плане от «Красной Смуты», от Гражданской войны выиграло крестьянство.

Или я Вас, Владимир Прохорович, неправильно понял?

В. П. Булдаков: На счет того, что оно выиграло, я, конечно, не говорил. Я говорил, что из Гражданской войны победителем вышло крестьянство. Потом его добивать начали. Крестьянство действительно сделало то, чего не смогли сделать белые. Оно фактически поставило большевистскую власть на колени. Вот об этом я говорил.

В. А. Бондарев: Вопрос об окрестьянивании и раскрестьянивании очень хороший и правильный. И ответ прозвучавший верен.

Про раскрестьянивание было сказано совершенно справедливо. В XX в. произошла утрата крестьянства как социального слоя, как класса. Т. Шанин в 90-е гг. в ходе работы знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития» выдвинул следующее определение: крестьяне – это мелкие производители, которые трудом своих семей, используя простейшее оборудование, производят продукцию для себя и для удовлетворения притязаний власти. Он не сказал ничего об их менталитете, но в одно определение это не впихнешь.

Вопрос вот в чем. Когда мы говорим о раскрестьянивании, то имеем в виду социальную сторону.

Исчез класс мелких производителей. Те, кто сегодня живут в деревне – это мелкие производители, но не крестьяне. Сегодня в деревне главное требование – это не требование земли, а требование работы. Требование работы, появившееся сегодня, – это результат коллективизации.

Во время работы над кандидатской диссертацией я проводил в деревне социологический опрос среди современников войны, и они мне говорили, что не хотели развала колхоза в ходе войны, потому что колхоз давал работу. Это кризис крестьянской ментальности. Но самое главное, на что я обращаю Ваше внимание – это то, что раскрестьянивание – это уничтожение крестьянства как класса. Сегодня крестьянственность осталась, а крестьянства нет.

Что такое коллективизация? Я ее так объясняю студентам. Представьте себе: вот вы живете в своей квартире, работаете, никого не трогаете и у вас соседи алкаши. В один прекрасный день они приходят к вам с милиционером и говорят: «Выселяйся, мы будем жить в твоей квартире». Вот это коллективизация.

Что касается окрестьянивания городов, то это процесс во многом формальный. Да, Р. Пайпс об этом говорил, но Пайпсу не совсем корректно говорить о России. Дело в том, что он все это сказал, опираясь на американский опыт. В Америке все иначе. У них даже маленький городок, в котором живет 5 тыс. чел. – это городок, а у нас это село. Масса населения, которая мигрировала из деревни в город, в городе растворилась. В городе общинность не поддерживается. Ее нет в городе. В городе жизнь другая. В деревне у тебя сосед живет за твоим забором. Ты его видишь постоянно. Если что-то не так, то вы с ним из-за огорода будете конфликтовать. В городе ты закрылся в своей квартире и тебе наплевать на тех, кто живет за стеной. Лишь бы не шумели сильно.

Поэтому то, что масса крестьян нахлынула в города – это никоим образом не говорит об окрестьянивании. Раскрестьянивание произошло, а окрестьянивание – нет.

С. Ю. Разин: Я хочу один момент отметить. Вы сказали, на мой взгляд, очень правильную фразу о том, что крестьянственность осталась. Мы пришли к той мысли, с которой начинался наш круглый стол. Я ее еще раз повторю – крестьянский вопрос не сводится к аграрному вопросу. Крестьянский вопрос существует до тех пор, пока существует крестьянское сознание. А оно в нашем обществе, безусловно, сохраняется.

Во многом именно поэтому крестьянский вопрос актуален для современной России.

В. А. Бондарев: Добавлю. Мы приехали с Александром Павловичем Скориком на круглый стол с темой доклада «Коллективизация как Смута в российской деревне 1930-х годов».

Я не думаю, что этот тезис, особенно после предшествующих выступлений, необходимо доказывать и озвучивать текст нашего доклада целиком. Это действительно был социальный кризис, это действительно была смута. Но, тем не менее, хотел бы поделиться своими размышлениями и сомнениями, которые в последнее время меня беспокоят. Эти размышления и сомнения касаются вопроса о том, была ли оправдана коллективизация.

Дело в том, что в 2000-е гг. на волне поиска национальной идеи мы начали огульно оправдывать наше советское прошлое. В 1990-е гг. мы его огульно охаивали, а теперь мы его огульно оправдываем.

Сегодня уже говорили об исторической объективности. Но беда в том, что наше общество объективность не приемлет. Мы православные люди, и мировоззрение наше дуалистично – либо черное, либо белое. Историк, который говорит, что коллективизация имела как плюсы, так и минусы, не будет услышан.

Когда сегодня некоторые историки говорят о том, что коллективизация была исторически оправдана, то мне кажется, что это страшно. В стране и так много сталинистов. Я, честно говоря, даже не понимаю, почему их так много.

Возьмем учебник А. И. Вдовина и А. С. Барсенкова. Эти авторы считают, что коллективизация как часть модернизации была оправдана. Я считаю, что модернизация была оправдана, а коллективизация нет. Они приводят смешные цифры в доказательство своей точки зрения. Этот случай доказывает то, что история, основанная только на статистике, и история, смотрящая на человека – это две совершенно разные истории. Они приводят следующие цифры: в 1920 г. крестьянские хозяйства давали 70–73 млн т зерна, а в конце 1930-х гг. – 75–80 млн т зерна. И эти показатели рассматриваются как безусловный прорыв. Я не понимаю, почему эти цифры можно рассматривать как безусловный прорыв. Сегодня уже было сказано, что основную часть сельхозпродукции давали личные подсобные хозяйства. Да, по производству зерновых и технических культур колхозы вышли на первое место. Но мясо, молоко, яйца, шерсть давали личные подсобные хозяйства. В начале 40-х гг. 80% мяса производили личные подсобные хозяйства.

Сейчас никому не интересна аграрная история. Это само по себе очень страшно. Страшно не только потому, что мы отрываемся от своей почвы, от своих истоков и корней. Народ, который свою землю не прочувствует, не будет ею владеть. Мы сегодня не обрабатываем свою землю. Ее обрабатывают гастарбайтеры. Рано или поздно они, а не городское население, будут владеть этой землей. Возможная при таком развитии новая аграрная революция, окрашенная в национальные оттенки, будет иметь самые тяжелые последствия для страны. На Дальнем Востоке мы уже это наблюдаем.

Отсутствие четкого и ясного ответа на вопрос, была оправдана коллективизация или нет, является угрозой самому существованию российской деревни. После того как В. В. Путин произнес свои знаменитые слова о том, что фермерские хозяйства не нужны, а нам нужны агрохолдинги, началась новая коллективизация. Агрохолдинги без проблем скупают землю и создают на ней

свои огромные хозяйства. Но эти хозяйства противоречат духу деревни. Им не нужно большое количество работников. Им не нужна инфраструктура.

Если мы не дадим однозначно отрицательный ответ на вопрос о том, нужна ли была коллективизация или не нужна, то деревню мы потеряем. К сожалению, однозначного отрицательного ответа на этот вопрос я сегодня не слышу.

Более того, меня очень сильно беспокоит то, что сегодня мы часто слышим положительный ответ на этот вопрос.

Д. А. Люкшин: На вопрос о том нужна ли была коллективизация, следует ответить «да». Тому политическому режиму, который был в нашей стране в то время, она была жизненно необходима.

Другое дело, что крестьян об этом спросить забыли. Да и, собственно говоря, никто этого не собирался делать.

В. А. Бондарев: Проблема заключается в том, как нынешняя власть оценивает коллективизацию.

С. Ю. Разин: От нынешнего политического режима мы сегодня четкого ответа на вопрос о том, нужна ли была коллективизация или нет, не получим. Он в таком ответе не заинтересован. Его не устраивает ни однозначный ответ «да», ни однозначный ответ «нет».

О. Г. Буховец: Два слова об окрестьянивании.

Мне кажется, что имеет место разная скорость протекания исторических процессов. То, что связано с менталитетом, имеет наибольшую инерционную силу. Поэтому, когда мы пытаемся ответить на вопрос об окрестьянивании города, то мы должны иметь в виду, что бывший колхозник, переселившийся в город, переносил крестьянскую витальность на свои 7 соток. Именно этим объясняются чудеса выращивания большого разнообразия продукции, имевшие место в средней полосе России на этих 7 сотках.

Вместе с тем, рассуждая на тему окрестьянивания города, необходимо иметь в виду, что крестьянин,

переселявшийся в город, вырывался из микрокосма сельской общины и включался в общенациональный, городской макрокосм. Человек, переселившийся в город, проходил переналадку на городского жителя, включаясь в процесс культурной модернизации. Конечно, этот процесс шел не быстро, но он был подобен автомобилю, у которого нет заднего хода.

Безусловно, советская модель модернизация имела и здесь свои особенности, но в целом она и в этом вопросе не нарушала общего направления модернизационных процессов, проходивших в XX в.

Е. В. Михайлова: Совершенно очевидно, что коллективизацию необходимо рассматривать в самой прямой и самой тесной связи с процессом индустриализации. Деревня являлась основным поставщиком рабочей силы для строительной индустрии.

Строительная программа первой пятилетки предполагала не только широкий размах строительства, но и его качественное улучшение. Поэтому кадровый вопрос стал одним из острейших в эти годы. А наиболее крупным источником формирования кадров строителей были крестьяне-отходники, сначала батраки и крестьянская беднота, затем колхозники. Отходниками назывались рабочие, которые ежегодно приходили на строительные работы и имели связь с сельским хозяйством, то есть источником существования которых являлась не только работа по найму, но и сельское хозяйство.

Параллельно развитию коллективизации, претерпевали эволюцию формы набора крестьян на стройки: от самотека – к организованному набору. Под самотеком мы понимаем стихийное, неупорядоченное, случайно направленное движение на заработки бедняцкой массы крестьянства из перенаселенной деревни. Самостоятельное перемещение крестьян в город, основанное на высвобождении части рабочей силы в реорганизуемом сельском хозяйстве стало массовым в условиях коллективизации.

Переход к организованному набору строителей стал объективной необходимостью, диктуемой задачами пятилетки. Организованный набор рабочих – результат не только недостатка, но и необходимости регулирования, распределения и перераспределения рабочей силы с тем, чтобы избежать ненужного ее расточительства. В годы первой пятилетки организованное привлечение впервые развертывается в массовом масштабе.

От термина «самотек» стоит отделить понятие текучести рабочих кадров, весьма характерное для новостроек первой пятилетки. В основном под ним можно понимать перераспределение рабочих между стройками, вызывавшееся различными причинами. Колоссальная текучесть кадров была едва ли не самым серьезным препятствием в организации строительства, где оборот рабочей силы в сравнении с промышленностью был больше.

Рост численности строителей подвергался значительным колебаниям. Это было связано с сезонностью строительства, с проявлением негативных сторон административно-командной системы управления экономикой, в частности «остаточного» принципа в решении вопросов социальной сферы. В условиях форсированных темпов строительства с опорой на усиление административно-командных методов люди с их потребностями неизбежно отодвигались на второй план. Резкое же увеличение притока рабочих в эту отрасль, не подкрепленное строительством жилья и объектов социального назначения, вело к ухудшению уровня жизни. Именно это стало одной из основных причин текучести кадров, поскольку переход на зимнюю работу, постепенная ликвидация «сезонности» закрепляла на стройке не только рабочего, но и его семью. Плохое обеспечение строек продуктами питания, товарами первой необходимости, тяжелые жилищные условия (в 1929–1930 гг. по всем трестам Союзстроя обеспеченность жильем составила 42%), низкий уровень медицинского обслуживания, способствовавший росту заболеваемости, преобладание

ручного труда, несовершенная система его оплаты – все это порождало недовольство рабочих, выразившееся либо в забастовках (за 10 месяцев 1928 г. в ЦК профсоюза строителей поступили сведения о 29 забастовках, в которых участвовало 3 934 чел. Было утеряно 7 530 человеко-дней. В 8 случаях требования бастовавших были удовлетворены полностью, в 12 – частично), либо в массовых передвижениях строителей между городом и деревней или со стройки на стройку. К концу пятилетки были достигнуты определенные успехи в ликвидации сезонности строительства и текучести кадров, однако изжить эти явления до конца не удалось.

Сравнительно низкий рост производительности труда в строительстве в этот период был обусловлен и тем, что процесс создания кадровых строителей в годы первой пятилетки только начинался, тормозясь общей социально-экономической, технической и культурной отсталостью страны.

Нельзя не сказать, что успехи в области строительства в годы первой пятилетки были достигнуты, главным образом, за счет высочайшего напряжения сил строительных рабочих, в основной своей массе – крестьян-отходников, многими нитями связанных с деревней, обладавшими соответствующим менталитетом, взглядами, привычками. Процесс интеграции крестьян в ряды строительных рабочих был достаточно болезненным и противоречивым. Но без новых рабочих, пришедших из деревни, форсированное развитие строительства было бы неосуществимым. А принимая во внимание масштабы поставленных задач и сжатые сроки их решения, можно сказать, что все вышеуказанные проблемы были в значительной степени закономерны, продвижение путем «проб и ошибок» было в условиях той обстановки неизбежным.

Опыт, положительный и отрицательный, приобретенный в это время, стал основой решения

проблемы создания квалифицированных кадров строительных рабочих в последующие годы.

В. Н. Пискун: Уважаемые господа! Я хочу поблагодарить организаторов за приглашение. Мне очень приятно быть участником этого круглого стола.

Вопрос о взаимоотношениях крестьянства и власти является важнейшим вопросом российской истории XX в. Российская историческая наука много сделала для изучения этого вопроса.

На мой взгляд, историю русского крестьянства в XX в. нельзя рассматривать без учета происходивших кардинальных экономических, общественно-политических и миграционных процессов.

Важнейшей вехой в истории крестьянства в России, безусловно, является отмена крепостного права. Она дала толчок модернизации, которая коснулась форм собственности в деревне и изменила сознание крестьянина, укрепив в нем чувство собственного достоинства, характерное для собственника. И это привело к возрастанию национальной консолидации с целью защиты своего жизненного пространства.

Почему я говорю о жизненном пространстве крестьянина? Потому, что без учета этого фактора невозможно получить полноценное представление о традиционной крестьянской культуре.

Составными частями крестьянской культуры являются: 1) природное пространство и способ заселения территории; 2) способ ведения хозяйства и земледельческо-агрономическая культура; 3) крестьянское мировоззрение, которое формировалось как своеобразный симбиоз христианства и язычества (именно на этом симбиозе построен духовный мир крестьянина).

Касаясь вопроса взаимоотношений украинского и русского крестьянства, то я повторю здесь некоторые общеизвестные вещи, которые, прежде всего, относятся к началу XX в.

Во-первых – это значительная миграция украинского крестьянства, которая подталкивалась столыпинской аграрной реформой. Из Черниговской, Киевской и Полтавской губерний только за первое десятилетие XX в. более 1 млн крестьян переселилось в Сибирь и на Дальний Восток. Они не просто переселились – они принесли туда с собой свою агрокультуру и свои топонимы, которые сохранились до сих пор.

Важнейшей составной частью столыпинской аграрной реформы стало выделение крестьян из общины, их уход на хутора и создание личных хозяйств. Можно сравнить степень развития этого процесса в России и на Украине. В России из общины на хутора вышло 24,5% крестьян. На юге Украины из общины на хутора вышло 34,5% крестьян. На Правобережье Украины из общины на хутора вышло более 50% крестьян. К 1917 г. 2/3 земель, пригодных к земледелию, находились в руках крестьянства. Самый бедный крестьянин на Украине в 1917 г. – это крестьянин-собственник, имевший до 5 десятин земли. Мне удалось посмотреть поименный список тех украинских крестьян, которые голосовали за гетмана Павла Скоропадского. Это в основном крестьяне-собственники трех украинских губерний – Киевской, Черниговской и Полтавской, которые имели от 20 до 40 десятин земли. Таких крестьяне на Украине называли середняками.

Здесь уже в процессе дискуссии рассматривали вопрос о коллективизации, о ее целесообразности, о том, нужна ли была коллективизация большевистской власти. Она была ей нужна. Других способов изъятия прибавочного продукта у крестьянства она не знала. Необходимо иметь в виду, что в экономических взаимоотношениях деревни и города, промышленности и сельского хозяйства важнейшей чертой была ножницы цен. Ножницы цен давали возможность выкачивать из деревни прибавочный продукт, производимый крестьянином. Именно это порождало недовольство крестьян, крестьянские восстания в России и на Украине.

Большеви́стская земельная реформа имела целью ликвидацию частной собственности на землю. Что такое частная собственность на землю? Частная собственность на землю дает человеку независимость. Он может прокормить свою семью в независимости от того, урожайный год или неурожайный. Он может обеспечить природный прирост населения за счет той земли, на которой он живет.

Вот можете посмотреть на меня. Я – частный земельный собственник. Я имею 5,5 га земли. Это дает мне возможность приехать свободно в Москву, и не зависеть от того, оплатят мне эту поездку в Москве или в Киевском национальном университете или не оплатят.

Главное, что дает человеку частная собственность на землю – это чувство собственного достоинства. Это самая важная составляющая.

П. П. Марченя: Вся общинная революция русского крестьянства в 1917 г. была революцией против частной собственности на землю.

В. Н. Пискун: Российское крестьянство в 1917 г. хотело земли. Но это не говорит о том, что оно хотело ее в частную собственность.

О. Г. Буховец: Русское крестьянство поддержало лозунг: «Земля тем, кто ее обрабатывает собственным трудом».

В. Н. Пискун: «Кто обрабатывает собственным трудом...». Красивый лозунг, которые бросили большевики в 1917 г.

О. Г. Буховец: Эсеры.

В. Н. Пискун: Большевики вместе с эсерами.

С. Ю. Разин: Позвольте возразить. Этот лозунг выдвинуло само крестьянство. Это лозунг самого русского крестьянства. Это, если хотите, его вековой вопль.

В. А. Бондарев: Кто его поддержал, тот и победил.

В. Н. Пискун: Вековой вопль русского крестьянина?..

Период с 1861 г. по 1917 гг. – незначительное по историческим меркам время. Его не хватило для того, чтобы

на сформированную в течение столетий ментальность зависимого человека легла ментальность собственника. Только самая продвинутая часть русского крестьянства, связанная с рынком, пошла за Белым движением. Большая часть крестьянства поддержала ту власть, которая пообещала ей землю, не понимая того, в чьей собственности она будет.

Крестьянин-собственник всегда ведет себя независимо по отношению к власти. Такова природа собственника. Земельный собственник сам себе хозяин. Он избирает не только способы ведения хозяйства, но и избирает способы взаимоотношения с властью. Лишение крестьянства права собственности делает его зависимым от власти и делает зависимым от власти все общество в целом.

И последнее. Крестьянские восстания на Украине, начавшиеся в 1918 г., не прекращались в течение всех 20-х гг. Хочу несколько слов сказать по поводу политизации современной украинской историографии данного вопроса. Хочу всем сидящим здесь задать следующий вопрос: за счет чего жил и воспроизводился крестьянин в 20-е гг.? Он воспроизводился за счет того, что у него была собственность на землю.

До пятого поколения я исследовала свой род. Моя семья в 1917 г. имела частную собственность на землю. За моим прадедом было записано 40 десятин земли в Черниговской губернии. Это купчая земля, которая была приобретена им после реформы 1861 г. у Харьковского земельного банка. За нее он заплатил в 2,7 раза больше, чем была ее рыночная стоимость.

Еще раз подчеркну, что владение и собственность – это разные вещи. Я хотела бы спросить у историков-аграриев, каково было в феврале 1917 г. соотношение земли, находившейся во владении у крестьян, к земле, находившейся у них в собственности? Спасибо за внимание.

П. П. Марченя: Разрешите одну маленькую реплику. Валентина Николаевна, Вы сказали, что частная собственность на землю дает Вам ощущение стабильности,

независимости, и возможность заниматься тем, чем Вам хочется. А у Вас нет опасения, что в один прекрасный день Вас спялят вместе с Вашим хозяйством за то, что у Вас в частной собственности находится 5,5 га земли, на которых Вы не работаете?

В. Н. Пискун: У меня нет такого опасения. Защита частной собственности зависит от уровня мобилизации населения по защите частной собственности. Ну и никто не снимал и не снимает функции гаранта права частной собственности с государства.

П. П. Марченя: А в 1917 г. собственники тоже надеялись на государство. Ну, и на себя тоже.

В. Н. Пискун: Я отвечаю на это следующее. Да, в 1917 г. собственники надеялись на государство. Но в феврале 1917 г. государство перестало существовать в той форме, в которой оно существовало на протяжении столетий.

О. Г. Буховец: Валентина Николаевна, в ответ на Ваше хвалебное слово о собственности многие украинские крестьяне, да и интеллигенты, я уверен, сказали бы, что это не решение проблемы. Напомню опыт социалистической Польши, в которой 85% земли находилось в частной собственности и только 15% земли находилось в государственной собственности. Но это не спасло польского крестьянина от тех проблем, которые были вызваны вхождением Польши в Евросоюз.

В. Н. Пискун: Не спасло. Более того, проблемы только нарастают. Но это дает возможность современному украинскому крестьянину преодолеть страх перед обладанием земельной собственностью.

Коллективизацию необходимо рассматривать не только с экономической, но и с психологической точки зрения. Коллективизация породила страх перед работой на земле, страх перед обладанием земельной собственностью.

Я знаю, что российские историки не воспринимают представление о голодоморе 1932–1933 гг. как о геноциде,

которое существует в украинской историографии и в украинской политической и научной публицистике.

Н. А. Ивницкий: Международное сообщество не признает это.

Н. В. Асонов: И российские политологи тоже.

В. Н. Пискун: Лично я считаю, что голодомор – это геноцид не только украинского народа, но и русского народа.

В. А. Бондарев: Зачем говорить о геноциде и провоцировать политические страсти. И у нас на Северном Кавказе умирали все одинаково.

Правильнее, на мой взгляд, использовать понятие «стратоецид», которое в свое время (по отношению к казачеству) предложил использовать кубанский историк В. Е. Щегнев. Это понятие означает уничтожение социального слоя. Была такая задача у сталинского режима по отношению к единоличникам? Была.

Понятие «геноцид» сегодня совершенно неуместно. Неуместно!

А. П. Скорик: Давайте вернемся от политики к истории.

В. Н. Пискун: Я не занимаюсь политикой. Я хочу закончить свою мысль.

Коллективизация 1920–1930-х гг. и голодомор 1932–1933 гг. породили то, чего никогда не было в истории человечества. Они породили страх перед использованием земель и перед жизнью в деревне. Этот страх передается генетически вплоть до сегодняшнего дня. Вы мне можете сказать, что этого нет. Но тогда как объяснить тот факт, что неуклонно снижается привлекательность крестьянского труда и численность крестьянства.

Боязнь и страх быть уничтоженными физически не дает украинскому крестьянству возможность работать так, чтобы сделать в глазах общества крестьянский труд привлекательным.

А. П. Скорик: Я бы хотел от разговоров о геноциде и страхе вернуться к историческим сюжетам.

Приведу некоторые реальные примеры из документов, которые мы находили с профессором В. А. Бондаревым. 1934 год. Одна колхозница, при вступлении в партию, отвечая на вопрос о том, кто такой Сталин, говорит, что это председатель соседнего колхоза. Она же, отвечая на вопрос о том, кто такой Гитлер, отвечает, что это где-то на Украине. Еще один пример. Колхозник Деникин отказался сдать зерно из-за того, что ему не дали велосипед. Или еще пример. Председатель одного кубанского колхоза выдает свою дочь замуж. Колхозники бурно отмечают. Неделю никто не работает. Все замечательно. На третий день, когда они уже употребили, председатель запрягает колхозницу с колхозницей в шарабан и они едут в лавку «Центроспирта». Ну, потому что мало показалось. На обратном пути председатель колхоза наливает и говорит: «Кони хотят пить». Это, безусловно определенная психологическая реакция крестьянства. Таких сюжетов, говорящих о том, что нельзя однозначно рисовать психологическую ситуацию в деревне, достаточно много. Ее нельзя однозначно оценивать только как страх.

Теперь по поводу частной собственности. Моя семья разделена на две части. Моя родная сестра продолжает работать в сельском хозяйстве. Она работает в СПК. Когда встал вопрос о частной собственности, в СПК началось выделение долей. Прошло выделение долей. Затем все вернулось назад. Вернулось потому, что частная собственность оказалась не нужна. Может быть, на Украине она и нужна. Я не знаю. Я не берусь судить за Украину. Но им она оказалась не нужна. Оказалось, что им выгоднее работать вместе. СПК, община – все, что угодно. Но вместе.

Здесь необходимо, применительно к частной собственности, разделить три сюжета: владение, пользование и распоряжение. Если мы эти сюжеты разделим, то получим более упорядоченное представление об отношении крестьян к собственности. Мы начинаем понимать, когда крестьянину нужно владение, когда пользование, а когда и владение, и пользование, и

распоряжение. В качестве примера приведу следующий сюжет. В 1934 г. после известной комиссии Л. М. Кагановича происходит массовое опустение станиц и сел. Что делают казаки и крестьяне? Они разрушают свои жилища. Я, чтобы не быть голословным, приведу отрывок из одной из сводок ОГПУ, относящихся к марту 1934 г. Начальник политотдела Новошербиновской МТС пишет: «Новошербиновская – это станица с большим количеством крупных кулацких хозяйств, с большим количеством деревянных домов, с различными хозяйственными постройками и т. д. В станице жилые дома, надворные постройки, заборы в массовом порядке разрушаются и уничтожаются». Это собственность или не собственность? Вопрос о ментальном отношении крестьянства и казачества к собственности – очень сложный.

Завершая выступление, хотелось бы подчеркнуть, что необходимо дискутировать на почве истории, а не на почве политики. Как только в нашу дискуссию приходит политика, наука из нее уходит.

О. Г. Буховец: Давно слово просит Дмитрий Иванович Люкшин.

Д. И. Люкшин: Валентина Николаевна [Пискун] просила уточнить соотношение общинных земель и земель, находящихся в частной собственности крестьянских хозяйств. Я не берусь говорить за всю Россию, а скажу лишь за Поволжье. Регион, по территории сопоставимый с Украиной.

На момент завершения землеустроительных работ по столыпинской аграрной реформе в 1915 г. в собственности крестьян в Поволжье находилось около 3% земли, а в пересчете на общинное землевладение эта цифра составит около 9%.

В. Н. Пискун: Это соотношение по Поволжью?

Д. И. Люкшин: Да. Еще раз говорю, речь идет о частной собственности крестьянских хозяйств.

О. Г. Буховец: 9% процентов – это общинная земля?

Д. И. Люкшин: 2,7% от общей площади пахотных земель, а 9% от общинной земли.

В. Н. Пискун: Я еще хотела сказать о количестве земли, находящейся в частной собственности крестьян на 1917 г. Из 23 млн десятин пахотной земли 10 млн было у помещиков и 13 млн в собственности у крестьян.

Н. Л. Рогалина: Накануне 1917 г. 3/4 земли находилось у крестьянской общины.

В. Н. Пискун: Это на конец 1915 г.

Н. Л. Рогалина: У общины было 3/4 земли. Это были лучшие земли. У помещиков было от 1/5 до 1/10 от общего количества пахотной земли. Помещичье землевладение сходило на нет. Это была уже деревня мужика, в которой господствовало трудовое хозяйство.

В. А. Бондарев: Если мы о купчей земле говорим, то тогда это частная собственность. А так – это подворное владение.

В. Н. Пискун: О купчей земле. Конечно о купчей.

В. А. Бондарев: Ну не может быть такого, что вся остальная земля, помимо помещичьей, была выкуплена всеми крестьянами. Это невозможно в принципе.

В. Н. Пискун: Вы изучите документы Харьковского земельного банка.

О. Г. Буховец: Дмитрий Иванович, Вы хотите продолжить? Пожалуйста.

Д. А. Люкшин: Спасибо за возможность продолжить. Хочу вернуться к теме нашего круглого стола «Крестьянство и власть...».

В нашей дискуссии доминирует подход, в рамках которого крестьянство и власть рассматриваются в качестве равнодействующих субъектов. На самом деле, в исторической перспективе, такого подхода и взгляда никогда не существовало. Крестьянство традиционно воспринималось властью исключительно как объект для манипуляций.

Наиболее ярко, на мой взгляд, это проявилось в аграрных реформах, которые проводило российское правительство. Мы же не будем с вами всерьез рассуждать о том, что реформа 1861 г., педалируемая сейчас как

освобождение крестьян, имела целью сделать что-нибудь добренькое для крестьян. Речь шла о том, что государство только что проиграло Крымскую войну и ему срочно нужны были деньги. Взять деньги у представителей дворянства было немножко неудобно. Царская семья делиться не хотела. Единственный источник ресурсов – это крестьянство. Поэтому, давайте продадим ему эту землю и полученные деньги пустим на модернизацию армии и флота.

Почему выяснилось, что реформа удалась? Потому, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. подтвердила, что Россия снова может на равных сражаться в европейских конфликтах. Хорошо, реформа удалась.

Следующий пример – столыпинская аграрная реформа. Причина все та же. Необходимо было найти 500 млн руб., которых не хватало для того, чтобы провести модернизацию армии и флота. В то время существовало два источника получения этих денег – либо за рубежом, либо у крестьянства. За рубежом не хотелось. Поэтому призвали Столыпина и возложили на него почетную обязанность запустить руку государства еще раз в тот же карман, в котором оно уже хорошо пошарило в 1861 г. Выяснилось, что программа Столыпина провалилась. Денег получить не удалось. Пришлось занимать за рубежом. Результат мы все с вами хорошо знаем. Не был модернизирован флот, не была модернизирована армия. Россия вступила в Первую мировую войну, мягко говоря, будучи к этой войне не совсем готовой.

Дальнейшие действия большевиков обсуждать уже нет смысла. У всех это на слуху. Все это прекрасно знают. Каждый раз, когда государству были нужны деньги, оно обращало свой взор на крестьянина.

Как заметил в свое время мой научный руководитель и коллега Владимир Миннетович Бухараев, самое страшное в жизни крестьянина – это когда государство поворачивается к нему лицом, потому что пока оно стоит к нам другими частями тела, он еще может что-то предпринимать, а повернувшись лицом к крестьянину, государство имеет

привычку задавать неприятные вопросы: «А что ты делаешь? А сколько у тебя денег? А не хочешь ли ты нам их отдать?».

По этому поводу вполне уместно привести образное выражение Р. Пайпса, который говорил, что со времен татаро-монгольского ига русское население усвоило, что государство отбирает все, до чего может дотянуться, и его следует бояться, потому что за ним сила. С этой позиции действовало все крестьянство, практически без исключения. Из этого следует исходить при анализе крестьянской культуры. Крестьянская культура в своих социальных проявлениях – и здесь я разделяю позицию Т. Шанина и Дж. Скотта – это стратегия «сопротивления слабым». Крестьянство все время действует в ситуации, когда выиграть заведомо не возможно, а проигрыш означает смерть. Причем не крестьяне выбирают эту жизнь. Они оказываются в этой ситуации. И в этой ситуации они живут, вынуждены как-то существовать и действовать.

Что касается государства, то стратегии государства в сельском хозяйстве тоже не несут человеконенавистнического характера. Государство хочет получить свое и сохранить производителей. Это характерно и для сталинской политики, и для ленинской политики 1921 г., и для политики Имперского правительства. Государство вынуждено, грабя крестьян, предоставлять им какие-то возможности, для того чтобы они получали больше. Если мы хотим получить кусочек побольше, то надо, чтобы изначальная ресурсная база того, кого мы хотим ограбить, тоже возросла.

Государство вынужденно действовать унифицированно, экстраполируя свою политику и свое видение проблемы на все без исключения регионы и на всю совокупность населения. В этом смысле, скажем, сопоставлять Россию и Украину и говорить о таких вещах «как везде на Украине», «везде в Белоруссии» или «везде в России», по меньшей мере, не совсем некорректно – постольку-поскольку нет «России», с точки зрения единого крестьянского хозяйства.

Если мы с вами будем рассматривать тот же 1917-й, то ситуация, скажем, на Чукотке и на Кубани разительным образом отличается. Делить все это и вычислять процент лошадей, которые присвоены крестьянскими хозяйствами – замечательный метод ленинской статистики, однако не имеющий отношения к действительности. Уважаемая Валентина Николаевна [Пискун] сказала, что ее предки – середняки имели 40 га земли с лишним. Мои предки в Воронежской губернии имели 3,5 га, и тоже считали себя крепкими середняками, и прекрасно себя в этой ситуации чувствовали.

Проблема взаимоотношения между властью и крестьянством заключается в том, что унифицированный подход власти, унифицированные критерии и унифицированные показатели пытаются предложить для сугубо индивидуальных хозяйств, каждое из которых пытается выживать в рамках метиса (термин Скотта), то есть в рамках того уникального сочетания, которое сложилось в данный конкретный момент.

Когда мы начинали использовать термин «общинная революция», характеризуя ситуацию 1917 г., применительно к Казанской губернии, мы имели в виду уникальную социокультурную ситуацию поволжского крестьянства. Мне часто приходится видеть, что в новейшей литературе термин «общинная революция» выступает синонимом того периода, который в советской историографии назывался триумфальным шествием Советской власти. Анализировать ситуацию в целом по стране достаточно сложно. В любом случае, ее приходится анализировать по регионам.

Взаимоотношения крестьянства и власти в России – драматическая история любви и предательства, надежд и разочарований, развязка которой пришлась на век двадцатый, причем советский период в этой композиции едва ли может претендовать на статус кульминации.

Впервые взглянув на крестьян «как на рабов» еще в середине XVIII в. (С. Ф. Платонов), российское государство не прекращало затем наступления на их личные и

имущественные права. Такой подход, хотя и не соответствовал ни фактическому положению крестьян, ни той заинтересованности, какую само правительство обнаруживало в ресурсах, доставляемых сельскими обществами, позволял, тем не менее, в житейской, – а главное, в административной, – практике экстраполировать на крестьянство признаки холопьяго состояния.

Впрочем, до тех пор, пока архитектура социального пространства являлась продуктом структур повседневности, политические экзерсисы оставались аристократической забавой. Но уже во второй половине XIX в. предпринятая коронными модернизаторами попытка поживиться в деревне, вынудила формализовать социальный статус мелких сельскохозяйственных производителей. В результате вскрылась асимметрия в конструкции российской моральной экономики – существенное расхождение между действительным социально-правовым положением крестьян и их представлениями о том, как это должно выглядеть «по справедливости».

Этот разрыв между мужицким чувством и государственным интересом составил основное содержание знаменитого крестьянского вопроса, в том формате, в каком его пытались решать последующие пятьдесят лет. Проблема, однако, состояла в том, что «праведное крестьянское возмущение по поводу поправных прав» (Скотт) на поле политики было конвертировано в материальные претензии, основное содержание которых было выражено короленковским «Земли! Земли!», хотя стилистика примиряющей мысли самого Владимира Галактионовича оказалась не по вкусу всем, кто на разных концах политического пространства этот афоризм эксплуатировал. По итогам наблюдения за коллизиями общинной революции сам В. Г. Короленко счел этот лозунг одной из двух «неправд», чья борьба, обретя в годы Второй русской смуты «грандиозно-дикий размах», исключила для России – во всяком случае, на время – возможность воплощения мечты

о примирении непримиримого, в которую он обреченно-оптимистически верил.

Вторую «неправду» воплощало государство, что, не разбирая «добрых» и «злых», не желало (а может и не могло) видеть за «общественной категорией» живых людей. К тому же по итогам Первой русской революции крестьянский вопрос выходит из моды, уступая по злобе дня первое место вопросу рабочему. Решение его, как и многих других, обременявших Империю накануне Великой войны, тоже предполагалось возложить на крестьянство.

В довершение всего российский мужик понес на себе и основные тяготы мировой войны, эпоха которой – хотя и мало изученная применительно к деревенской жизни – составила важнейший период в истории российской моральной экономики, как сама по себе, так и вкупе с событиями Красной смуты. Ее ключевой сюжет – общинная революция – открыл новую эру в отношениях между властью и крестьянством, время, когда власть боялась крестьянства, обретаясь исключительно его «попустительством» (С. Ф. Платонов). Ставить знак равенства между достопынской деревней и той же деревней после Гражданской войны и пытаться делать вид будто бы в промежутке «ничего между ними не было» (В. П. Катаев) – опасная иллюзия.

В этом смысле можно сказать, что безотносительно моральных максим и объективных потребностей само существование идеократического режима в нашей стране могло быть санкционировано лишь реконкистой «страны крестьянской утопии» (А. В. Чаянов).

Прав, значит, оказался делегат крестьянского съезда 1906 г. (чьи слова вспомнил В. Г. Короленко в своем знаменитом очерке), пророчествовавший, что «за землю придется непременно заплатить, если не деньгами, то кровью».

Лучше и дешевле было бы действительно деньгами – ан, не вышло...

В. А. Бондарев: Хотел бы высказать несколько соображений по поводу того, что Дмитрий Иванович [Люкшин] сказал о государстве.

Для государства, если мы имеем в виду его верховных представителей, вся страна едина. Но не следует забывать о региональных интересах. Каждый регион возглавляется своим руководством. Напомню ситуацию 1932 г., когда ряд регионов, в том числе Северо-Кавказский край и Поволжье, пытались добиться снижения для себя планов хлебозаготовок. Когда мы говорим, что у государства унифицированная политика, то это все-таки не так, потому что регионы всегда тянут одеяло на себя.

В конечном итоге, центральная власть приходит к пониманию того, что региональные особенности необходимо учитывать. Реальная жизнь заставляет отказываться от унифицированного подхода. В данном случае нужно делить институты государственной власти по этой лестнице «сверху – вниз». Все-таки у всех есть свои интересы. Если для Москвы сначала было все безразлично, то потом она должна была признать региональную специфику.

Иначе было невозможно.

Д. И. Люкшин: Ключевое слово в Вашей ремарке – это слово «потом». То есть сначала должно быть сопротивление, потом учет интересов.

Е. В. Каменецкая: Считаю возможным остановиться на нескольких аспектах проблемы «Крестьянство и власть в истории России XX века». Для ее понимания важен учет региональных особенностей.

В дискуссии основное внимание было уделено районам Поволжья, Северного Кавказа. Но Европейская часть Русского Севера, Сибирь имели свои принципиальные особенности в вопросах землепользования, создания колхозов и, наконец, даже ментальности. Это относится и к территории Украины, о которой здесь говорилось, причем разницу можно найти в ее западных и восточных областях. Сразу приведу пример: в начале 80-х гг. XX в.

в Хмельницкой области Украины было много процветающих личных хозяйств (причем колхозное имущество также использовалось в личных целях), в то время как центральные регионы России приходили в полный упадок.

Были особенности и на Русском Севере. Рассмотрю их на основе Буйского района Костромской области. Здесь не было того страшного голода, который в 30-е гг. XX в. коснулся прежде всего зерновых районов СССР. Процесс создания колхозов в этом регионе был достаточно жестким, но не столь трагическим, как в центре. Возможно, это связано с незначительным имущественным расслоением. Перед Великой Отечественной войной колхозы стали не только надежным источником ресурсов для государства, но и обеспечивали приличный по меркам непритязательного местного крестьянства уровень жизни.

Власть воспринималась крестьянами, прежде всего, через ее представителей в районе и области. Всем известно, что российское крестьянство во все времена хотело «добраго справедливого царя» и боролось с «плохими боярами». Поэтому в тоталитарный период нашей истории восприятие таких лидеров как Ленин, Сталин – при слабо развитых коммуникационных системах и дозированной информации – было не слишком четким, особенно с учетом их мифологизации и умением власти манипулировать мнением общества. Зато личность председателя колхоза оценивалась с точки зрения его ума, умения правильно взаимодействовать как с районной властью, так и с колхозниками. Именно с его знаниями и умением, а также с толковыми агрономом и зоотехником рассматривались перспективы экономического процветания.

Великая Отечественная война и послевоенные годы, когда именно деревня вынесла тяготы участия в боях вчерашних колхозников, снабжения фронта и города продовольствием и сырьем для обмундирования и одежды, восстановления народного хозяйства, сказались на численности, здоровье, половозрастном составе сельских

жителей. Последствия войны для крестьян не менее трагичны, чем коллективизация.

Реформы Н. С. Хрущева, в частности ликвидация неперспективных деревень, нанесли серьезный удар по северным районам, когда стали исчезать деревни с личными приусадебными хозяйствами, которые окультуривались десятилетиями. Конечно, это процесс длительный, но он был запущен, что в сочетании с другими факторами и реформами привело к запустению Европейской части Русского Севера уже в 80–90-е гг. XX в.

Интересно отметить и отношение к религии со стороны власти и среди крестьянства этого региона.

В годы «хрущевского десятилетия», когда давление на церковь вновь усилилось в высшем руководстве страны, в домах колхозников висели иконы, в праздники зажигались лампы, причем делалось это без оглядки на местное руководство. Регулярно отмечались (вне церквей, большинство которых было закрыто) такие праздники как Пасха, Троица, Ильин день, Варварин день и др. Каждое село по традиции было местом сбора жителей соседних деревень в день определенного праздника. То есть, еще в 60–70 гг. сохранялись некоторые крестьянские обычаи этой местности. Даже на рубеже веков потомки крестьян, уехавшие в город, пытались сохранить традицию сбора на Троицу в еще живых полупустых деревнях.

Крестьянство России за XX в. вынесло 1917 г., две мировых войны, гражданскую войну, коллективизацию – и все же пыталось самосохраниться, несмотря на все вызовы века и бесчисленные реформы власти.

С уходом тех поколений, которые еще сохраняли память о своих предках – крестьянах, с двумя за один век сломами социально-экономических систем, массовым уходом сельского населения в города, причем наиболее активного и молодого, вопрос о сохранении крестьянства как сословия со своей особой ментальностью представляется проблематичным или, по крайней мере, очень сложным.

Кроме всем понятной истины, что развитие села и привлечение в него россиян связано с усилиями государства по развитию социально-экономической сферы, важно использовать также новые стимулы начала XXI в.

К ним можно отнести стремление части молодого населения в экологически чистые регионы (экологические поселения), усталость от суматохи больших городов, понимание пользы и радости от общения с землей и животными (фермы и огороды при детских домах и колониях, «сельский туризм» и т. д.). И, конечно, желание обрести независимость, создавая фермерские хозяйства. Традиционная культура народа должна стать интересной для молодежи, и отдельные признаки этого видеть можно.

«Любовь к земле» в узком и широком смысле надо возрождать, чтобы жители городов испытывали зависть к сельским жителям, а не острую жалость, которую вызывают большинство русских сел.

В. Т. Логинов: Проблема «власть и крестьянство» не замыкается на взаимодействии этих двух субъектов.

Я говорю о взаимодействии именно субъектов, ибо попытки рассматривать крестьянство лишь как объект воздействия власти – нелепо и опасно.

У Столыпина это кончилось тем, что вместо «20 лет покоя» он получил через 5 лет новый революционный подъем, а через 10 – революцию. А у Сталина – тем, что страна на десятки лет получила «продовольственный вопрос», который стал одним из факторов, подтачивавших систему.

Проблема взаимодействия власти и крестьянства в России имеет политический аспект. Здесь неоднократно, причем в самом негативном смысле, упоминался В. И. Ленин. Полагаю, что это либо в силу инерции «волкогонщины», либо в результате профессиональной неосведомленности. Ленин никогда не смотрел на крестьянство как на второсортный материал истории или как на сырую глину, из которой «реформаторы» могут лепить все, что им заблагорассудится.

В 1922 г. он высказал партии свое принципиальное суждение: либо 10–20 лет правильных отношений с крестьянством, отношений, выражающих чаяния самого крестьянства, либо 20 лет самого жесточайшего террора. А как же еще смогут управлять страной те, кто игнорирует волю подавляющего большинства населения России.

У проблемы «власть и крестьянство» есть и вековая экономическая проблема. Как только в стране стал складываться рынок, сразу же возник и неэквивалентный обмен между городом и деревней. Русский мужик ходил в лаптях не потому, что любил лыко драть, а потому что за сапоги надо было отдать чуть ли не телегу зерна. Я уж не говорю о стоимости плуга и прочей сельхозтехники.

Так было и позднее: помните, как после сентябрьского пленума 1953 г. сельхозпроизводство пошло вверх? Но после 1958 г., когда на колхозы повесили стоимость сельхозтехники ликвидируемых МТС (причем стоимости остаточной), это подорвало финансовую базу хозяйств. Так остается и поныне. Даже на Кубани те, кто пашет, из-за стоимости солярки, удобрений и прочего с трудом сводят концы с концами.

У нас очень многие любят противопоставлять то, «как у нас было плохо», тому, как «на Западе все было хорошо», потому что там происходил естественный, эволюционный процесс. Наверное, это от неосведомленности. У нас, к примеру, не было такого демократического документа, как «Билль о правах», по которому обезземеленным крестьянам можно было отрезать уши, чтобы не шастали они по стране. В Ирландии в период раскрестьянивания разразился голод, от которого погибло около миллиона человек. А ведь Ирландия меньше многих наших губерний. Так что «естественный процесс» на Западе тоже имел свою человеческую цену.

Не помню, кто первый сформулировал пошлейшую мысль о том, что «история не знает сослагательного наклонения». Вероятно, ее придумали для того, чтобы во все времена оправдывать действия начальства, то есть власти –

как единственно возможные и потому оправданные. При наличии общих закономерностей история вся состоит из «точек бифуркации» и альтернатив, ибо из пункта А в пункт Б ведет множество дорог и самая короткая из них не всегда самая предпочтительная.

Была альтернатива сталинской коллективизации? Конечно, была: «строй цивилизованных кооператоров», о котором писал Ленин. У нас всегда замалчивали, что он имел в виду кооперирование, а не ликвидацию мелких крестьянских хозяйств. Этот вариант прижился в России еще до 1917 г. и это был действительно «естественный» путь. К сожалению, после Владимира Васильевича Кабанова историки писали об этом мало. А ведь по количеству кооперативов самого различного типа Россия занимала первое место в мире.

Прежде считалось, что дискуссия о том, можно ли было выйти на «строй цивилизованных кооператоров» на рельсах НЭПа – является неконструктивной. Но теперь, после опыта Китая, Вьетнама, после внимательного анализа европейских кооперативов, особенно в Италии, Испании, Латинской Америке, к этому спору необходимо вернуться. Была такая возможность, и она прорабатывалась у нас в Госплане до второй пятилетки, пока их не разогнали как «предельщиков».

С большим удивлением выслушал я здесь хвалебные оды относительно всеспасительности частной собственности на землю. Русское крестьянство никогда не требовало этого. «Земля Божья, а мы у Господа – арендатели», – вот боевой лозунг русского крестьянства, направленный против собственности на землю помещиков. Потому-то и приняло оно и национализацию, и социализацию земли. Да и на Западе нынче времена изменились. Доля земли, находящейся в частной собственности, непрерывно сокращается и в Европе, и в Америке.

И последнее замечание. Обругав на чем свет стоит наше прошлое, боюсь, мы исчерпаем негативные эпитеты для характеристики настоящего. Между тем ныне, как сказал

бы Иосиф Виссарионович, проблема крестьянства «решена окончательно и бесповоротно». Хотя треть населения все еще живет на селе, число тех, кто занят сельхозпроизводством, составляет немногим более 6%.

И, глядя на руины ферм, МТС, домов культуры, клубов, на забитые окна опустевших изб, понимаешь, что уже произошел «разрыв непрерывности» и действительно «распалась связь времен».

А. А. Ильюхов: Благодаря массовой, насильственной и трагической коллективизации, крестьянская кооперация представляется сегодня, вероятно, большинству населения страны как национальная трагедия.

Представляется, что в конце 20-х – в 30-е гг. XX в., умышленно произошла подмена понятий – коллективизацию назвали «претворением ленинского кооперативного плана в жизнь». Другими словами, логика творцов этого мифа была проста: кооперация – это хорошо, крестьяне за кооперацию, вот мы и творим это благо, только быстро и с нажимом. Назвав коллективизацию кооперативным движением, власти на многие десятилетия опорочили естественный процесс кооперирования крестьян. Так трагедия или благо крестьянская кооперация, и прав ли В. И. Ленин, провозглашая осенью 1922 г. идею «кооперативного социализма»?

Наша историография традиционно рассматривает разные экономические (и не только) явления через призму октябрьского Рубикона, то есть в одном случае все обрывается Октябрьской революцией 1917 г., в другом – все начинается после нее.

С точки зрения политической, это, скорее всего, верно, но в экономике и, в частности, в аграрной сфере, так не могло быть. После совершения революции землю не стали пахать иначе и экономические интересы крестьян коренным образом не изменились. Разве что цена на хлеб выросла, да урожайность немного уменьшилась. В частности, тенденция крестьянского хозяйства к экономической консолидации для выживания и получения

прибыли не только не исчезла, но, наоборот, даже усилилась. То есть, кооперативное движение получило новый импульс, хотя на проблемном уровне.

В связи с этим были бы интересны исследования, которые я посмел бы назвать «сквозными», которые бы рассматривали проблему в динамике в разных экономических и политических условиях, то есть при царе (капитализме) и при большевиках (примитивном социализме). Тогда можно получить ответ на более важные вопросы – когда, в какие периоды были большие успехи в крестьянской кооперации?; может ли быть крестьянская кооперация путем к социализму?; каковы отношения крестьян и кооператоров?; и др.

Как известно, бурное развитие крестьянского кооперативного движения началось еще в начале XX в., особенно с 1908 г. В это время стали возникать многочисленные кредитные товарищества (кооперативы). Перед Первой мировой войной в России насчитывалось 12 165 кредитных и ссудно-сберегательных товариществ. Число сельских кооперативов выросло за 12–13 лет в 18 раз. Кредитная кооперация в какой-то степени амортизировала давление ростовщического капитала, способствовала укреплению экономического положения деревенской верхушки, которая являлась основным вкладчиком, и, следовательно, получателем крестьянских ссуд.

Изучая такое явление, как «крестьянская кооперация», я обнаружил некоторые интересные (можно сказать чудесные) явления. Чудеса экономической и социальной мимикрии крестьянского кооператива я увидел на примере истории уникального образования, своеобразного «кооперативного концерна» – Покровского сельскохозяйственного товарищества Гжатского уезда Смоленской губернии. В развитии этого конкретного объединения за довольно длительное время (около 15 лет, и каких!) можно увидеть и позицию крестьян по отношению к кооперации и кооперативам, и кооперативную экономическую мимикрию в зависимости от ситуации, и

направления хозяйственной деятельности (от кредитной, финансовой – к производственной кооперации) и многие другие сюжеты.

История становления и развития этого союза может служить в какой-то мере иллюстрацией возможностей крестьянской кооперации, показывает развитие кооперации в различных экономических условиях и политических системах. Эти кооператоры смогли приспособиться и к порядкам в последние годы существования царской власти, и к поведению большевистской власти на местах. Удивительно и то, что одним из главных отцов-основателей Покровского товарищества был местный священник и активный общественный деятель в 1917 г. Г. А. Кутузов. Он был по натуре человеком светским, поэтому его тянуло и к предпринимательству, и к политике. В мае–ноябре 1917 г. он был заместителем председателя Смоленского губернского «Совета крестьянских депутатов».

История Покровского кредитного (в начале) товарищества началась в 1912 г., когда местные энтузиасты Мишинской волости Гжатского уезда попытались организовать кредитное товарищество, чтобы давать небольшие суммы местным крестьянам на приемлемых для них условиях. Покровские кооператоры, искусно приспособиваясь к конкретной экономической и политической ситуации в стране и в регионе, сумели не только выстоять в суровых и непредсказуемых условиях Мировой войны, продовольственной диктатуры и НЭПа, но и создали кооператив, который с полным основанием можно назвать «Кооперативный концерн».

Начав с кредитивных операций в 1912 г., они освоили практически все виды и формы хозяйственной деятельности – снабжение сельхозмашинами и приспособлениями по обработке молока и другого сырья, закупку и продажу всего, что производят крестьяне, оказания помощи крестьянским хозяйствам буквально по всему спектру их хозяйственной деятельности

(прокатные и случные пункты, семенные ссуды, очистка семян, снабжение удобрениями, дешевый кредит и пр.).

История становления и развития Покровского товарищества – это своеобразная модель развития настоящей кооперации, кооперации снизу. Такая кооперация действительно обеспечивала прогресс. И прав был Ленин, делая ставку на кооперацию, но не насильственную и зависимую, а на свободную и естественную. НЭПовская кооперация развивалась в условиях относительной свободы, и это обеспечило ей расцвет.

Безусловно, кооперирование крестьян было возможно и необходимо, но такими кооперативами как Покровское сельскохозяйственное товарищество. Но это была «другая кооперация». Сталинскому же руководству нужна была своя, зависимая и послушная псевдокооперация. Мы получили колхозы.

Но опять парадокс, насмешка истории. В районе действия Покровского товарищества в 1930 г. создается знаменитый в свое время колхоз имени Радищева, тоже процветающее в течение более 30 лет (1950–1980-е гг.) хозяйство.

Л. И. Бородин: Тема моего выступления – «"Великий перелом" и его альтернатива: возможности компьютерного моделирования».

Судьбы крестьянства в России XX в. во многом определились «великим переломом» конца 1920-х гг. Однако вопрос о том, был ли «великий перелом» исторически неизбежным шагом в преобразовании хозяйственной системы НЭПа или же было возможно развитие экономики по пути углубления товарно-денежных отношений и расширения сферы действия законов рынка, оказался в центре дискуссий историков уже в конце 1980-х гг. Важный аспект этих дискуссий связан с вопросом о характере дифференциации крестьянских дворов в доколхозной советской деревне.

В наших с М. А. Свищевым публикациях начала 1990-х гг. мы использовали имитационное моделирование

для оценки теоретического тезиса о неизбежности в условиях рыночной экономики расслоения сельского населения и формирования из относительно однородной массы мелких товаропроизводителей полярных социальных групп. Этот тезис интенсивно обсуждался руководством ВКП (б) в ходе формирования курса на коллективизацию и «раскулачивание».

В развитие исследований по компьютерному моделированию социальной динамики в среде крестьянства второй половины 1920-х гг. мы ввели ряд «сценариев» альтернативного варианта процесса дифференциации советской деревни в условиях, когда решение о «великом переломе» не имело места.

Попытки рассмотрения альтернатив «великому перелому», основывавшиеся главным образом на умозрительном подходе к анализу социальных процессов периода НЭПа, уже предпринимались. При этом «сценарии» развития, которые создавались исследователями, испытывали сильное воздействие их ценностных ориентаций. Нередко на базе одних и тех же фактов делались качественно различные ретропрогнозы. Однако процедура моделирования может иметь научный характер, если использовать верифицируемые методы исследования, привлечь адекватные источники.

Сложная картина расслоения деревни возникала в результате двух взаимодействующих процессов.

Во-первых, экономический потенциал крестьянских дворов непрерывно изменялся, в результате часть из них повышала, а часть снижала свой статус.

Во-вторых, часть хозяйств претерпевала «органические изменения» (раздел, соединение, ликвидация и т. д.), вызванные как демографическими, так и социальными причинами, что также приводило к перемещению их из одного слоя в другой.

И, наконец, происходило переселение крестьян, что также влияло на численность каждой из социальных групп.

Имея данные о распределении крестьянских хозяйств по группам и количестве хозяйств, которые на протяжении определенного отрезка времени перешли из одной группы в другую в результате изменения их экономического потенциала, претерпели то или иное «органическое изменение», либо переселились, можно с помощью математической модели дать ретропрогноз социальной структуры на интервале в несколько лет.

Для изучения социальной мобильности мелких товаропроизводителей можно использовать данные динамических переписей крестьянских хозяйств, проводившихся в середине 1920-х гг. Эти данные имеются для всех крупных экономических регионов страны.

При настройке параметров компьютерной модели по материалам источника определялось, какая доля хозяйств в каждой из групп претерпела то или иное «органическое изменение». Ликвидация или выселение приводили к тому, что земледелец терял свой социальный статус. Напротив, вселившиеся или возвратившиеся крестьяне попадали в одну из групп, приобретая тем самым определенный социальный статус. В результате раздела или соединения изменялось общее число дворов, а новые хозяйства перемещались в другую группу. Поэтому наряду со сведениями об удельном весе разделившихся или соединившихся хозяйств фиксировалось число вновь образовавшихся хозяйств и их распределение по группам.

Таким образом, определение соответствующих процентных соотношений для каждой группы дворов, претерпевших то или иное «органическое изменение», давало необходимые параметры моделирования. Ведя параллельно расчеты как для хозяйств, оставшихся на протяжении рассматриваемого периода стабильными, так и претерпевших «органические изменения», можно дать ретропрогноз общей численности дворов и их числа в каждой из социальных групп. Программа, реализующая итерационный алгоритм, позволила шаг за шагом сделать

расчеты динамики социальной структуры крестьянства за 10 лет (1925–1934 гг.).

Анализ совокупности полученных нами ретропрогнозов показывает, что на протяжении 1920-х гг. на территории страны не было ни одного крупного региона, в котором бы интенсивно шел процесс дифференциации крестьянства и образования полярных групп. Поэтому даже относительно длительное сохранение условий хозяйственной деятельности, характерных для периода НЭПа, не могло бы привести к существенному углублению расслоения деревни.

Результаты анализа социальной динамики доколхозного крестьянства, основанные на методах статистической обработки и математического моделирования, заставляют по-иному взглянуть на известное теоретическое положение, согласно которому неизбежным следствием существования рынка является дифференциация и даже поляризация мелких товаропроизводителей. Но не следует забывать, что новая экономическая политика даже в аграрном секторе не создала реального рынка; это был квазирынок.

Размах и темпы процесса дифференциации мелких товаропроизводителей определяются общими экономическими, социальными, политическими условиями жизни общества. Новая экономическая политика неизбежно вела к увеличению числа крупных хозяйств, однако в силу низкого уровня развития производительных сил в аграрной сфере, малого объема производимого в ней прибавочного продукта, общего хозяйственного разорения страны после двух разрушительных войн этот процесс шел крайне медленно.

Как показывает имитационная модель, продолжение политики НЭПа не привело бы ни к взрывному росту аграрной экономики, как утверждают одни, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне, как считают другие.

Н. В. Липатова: Тема моего выступления – «Сельскохозяйственная коммуна: между крестьянской реальностью и утопичностью власти».

Как известно, одной из задач Советской власти было создание нового человека.

Исходная среда в стране победившей революции была аграрная, традиционная, несмотря на то, что ведущая роль, закреплённая юридическими нормами Конституции 1918 г., отводилась пролетариату. Традиционность среды диктовала и традиционность методов, пытаясь создать нового человека, власть использовала прежние методы XIX в., пытаясь вычленив особую группу из среды крестьянства, которая бы со временем стала опорной и изменила бы всех крестьян страны.

Вера в то, что их можно изменить, диктовалась веяниями 1920-х гг.: популярность евгеники, страсть к социальному экспериментированию, вера в то, что с помощью новых идей создание нового человека не только возможно, но и необходимо... Это подтверждается даже такими документами как учебные программы по политобразованию для комсомольцев.

Так, одним из вопросов, предлагаемых самарским комсомольцам изучить за лето, с дальнейшей подготовкой доклада для товарищей и крестьянской молодежи, был такой: «Искусственное изменение пола у животных, омоложение и выведение пород домашнего скота». Невозможность изменения пола у животных в то время для крестьян была очевидна...

Одним из парников – инкубаторов для выведения новой человеческой породы, породы труженика нового типа – стали коммуны, как бытовые, так и сельскохозяйственные.

Коммуна рассматривалась как спасительный корабль, ковчег, в котором только и могут спастись все трудящиеся, все обездоленные от бурных волн житейского моря. Каждый труженик, войдя в этот ковчег (коммуну), может быть уверен в том, что ее не захлестнет волна всемирного голода (так как всем коммунам и

товариществам, согласно закону о социализации земли, оказывается всевозможная помощь со стороны Советской власти как живым, так и мертвым инвентарем, семенами, а также коммуны и товарищества всегда и скорей могут получить лучшие участки земли перед единоличными хозяйствами). Более того, если вся Советская республика покроется сетью земледельческих коммун и товариществ, то никакой голод и никакая контрреволюция России не страшны.

Образовавшиеся сельскохозяйственные коммуны можно разделить на несколько типов.

1) Коммуны-кооперативы (вся сельскохозяйственная кооперация объединялась в единый Союз сельскохозяйственной кооперации, структурными элементами которого являлись специальные организационно оформленные виды сельхозкооперации: кредитная, хлебная, снабженческая, молочная, животноводческая, колхозная, семеноводческая).

2) Коммуна – молодежная (как образец нового типа человека).

3) Коммуна – символ международного движения и солидарности (примером может быть Коммуна «Солидарность», организованная в 1923 г. по договоренности с правительством РСФСР группой швейцарских эмигрантов во главе Фрицем Платтенем в Новой Лаве Канадейской волости Сызранского уезда Симбирской губернии).

4) Коммуна как преобразованный монастырь (в первом варианте он обслуживал местное начальство, поставляя продукты питания и результаты промыслов; во втором, монастырь маскировался под коммуны. В Ярославской губернии женский монастырь в Первомайском районе существовал в течение 10 лет как коммуна имени Надежды Крупской).

Однако эксперимент с созданием нового крестьянина не получился. Коммуны не могли обеспечить жизнь человека в нормальных условиях, менялось отношение

к семье и семейные коллективные молодежные эксперименты уходили в прошлое, усиливались позиции воинствующего атеизма. Курс на замкнутость страны и построение социализма в отдельно взятом государстве исключал необходимость показательных примеров из других стран, а главное – коммуны не оправдали себя с точки зрения прибыли и получаемой ими продукцией. Крепкие крестьянские хозяйства не входили в состав коммун, жили традиционными семьями и работали в традиционных условиях.

Власть, сворачивая НЭП, свернула и длительные эксперименты по созданию нового крестьянина, пойдя по более короткому, но традиционному пути – перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность. Поскольку первоочередной, с точки зрения власти, задачей по отношению к крестьянству было не создание нового человека, а создание индустриальной державы.

М. М. Фрянцев: Я хочу коснуться частного, на первый взгляд, вопроса. Именно потому, что в частности иногда ярче высвечивается общее. Так, в повседневной жизни сельской общеобразовательной школы фокусируются все стороны и проблемы крестьянской жизни.

Здесь воочию предстают уровень и принципы финансирования; проблемы, стоящие перед сельским хозяйством страны и региона; а также пути их предполагаемого решения; уровень и стиль взаимоотношений власти и местных жителей.

Что же мы можем увидеть в этом «магическом кристалле» сегодня?

Если отвечать кратко – тихое угасание. На протяжении последних 20 лет село, а вместе с ним и сельская школа, умирают. Проблемы, связанные с сокращением сельского населения, возникли не сегодня и даже не вчера. Однако в 70–80-х гг. прошлого века их пытались решать.

Как это ни парадоксально, но идеи построения бесклассового общества в реальной жизни советского села

сопровождались мерами по сохранению и формированию социально-культурных условий, в которых крестьянство могло существовать не только как социальная группа, но и как образ жизни.

В 1990-е гг. риторика изменилась: на различных уровнях заговорили о необходимости возрождения крестьянства и российской деревни, однако фактически создавались условия, в которых омертвление села пошло ускоренными темпами.

В постперестроечные годы в России исчезло почти 35 тыс. деревень. Сокращение сельских жителей повлекло за собой и сокращение сельских школ. С 1990 по 2001 гг. исчезло 3 400 школ в сельской местности. Это происходило, что называется, «естественным путем».

Однако, начиная с 2001 г., этот процесс вступил в новую, очевидно, завершающую стадию. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2001 г. «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности» подвело под ликвидацию сельских школ законодательную базу. Таким образом, этот процесс стал обязательным для исполнения. В результате с 2001 по 2010 гг. прекратили существование еще 9 тыс. школ. Цель провозглашалась, как всегда, благая – повышение качества образования и экономической эффективности функционирования сельских школ.

Безусловно, в деятельности сельских школ существуют весьма острые проблемы.

Очевидно, что часть из них является следствием объективно сложившихся условий сельской жизни: ограниченности социальных связей, удаления от культурных центров, замкнутости социального пространства, особенностей быта и т. п.

Однако другая часть, и это следует подчеркнуть, является следствием *государственной политики* и носит, в этом смысле, субъективный характер.

В совокупности они сформировали те социокультурные условия, в которых осуществляется жизнедеятельность

подавляющего большинства сельских школ сегодня. Их в современной России более 60%, в них обучаются почти 30% российских школьников. Малочисленные сельские школы сегодня являются спецификой российского образовательного пространства. Положение усугубляется демографической ситуацией. На селе велика доля школ, где учатся меньше 10 человек. По подсчетам автора, около 60–80% сельских школ малокомплектные. С чисто экономической точки зрения содержание таких школ нецелесообразно. Однако нельзя забывать, что за этими цифрами стоят жизнь и судьбы сотен тысяч живых людей.

Из сложившейся ситуации может быть два выхода.

Первый – комплексное решение проблем сельской школы, с привлечением усилий центральных министерств и региональных властей, учитывая специфику и преимущества малокомплектной школы.

Второй – ликвидация школ как экономически невыгодных объектов.

Реализацией именно такого вульгарно-экономического детерминизма государственной политики и стала программа ликвидации сельских школ. В сознании людей живущих на селе этот шаг воспринимается как ясный сигнал: «Никаких перспектив у вас нет». Это вызывает чувство обиды и ощущение безысходности. Вероятно, поэтому в России сокращение сельского населения сопровождается психофизическим и нравственным вырождением народа.

Социологические исследования говорят о том, что особенно остро ощущение несправедливости и невозможности изменить что-либо переживается молодежью. Сельская молодежь не только уезжает, но и вымирает. Наиболее частая причина смерти – хронические заболевания, ранее присущие старшим поколениям, заболевания органов пищеварения, дыхания, инфекционные заболевания (туберкулез, передаваемые половым путем, ВИЧ/СПИД). Самыми высокими темпами растет смертность

у мужчин в возрасте 20–29 лет. Угрожающе растет наркомания, токсикомания, алкоголизм.

Деградация сельского жителя свидетельствует о том, что нашей стране не удалось выбраться из системного кризиса, в который она погрузилась в 80-х гг. XX в. Вероятно путь, предложенный для выхода из него – путь, основанный на технократии и вульгарных рыночных реформах, оказался неверным. В результате, метастазы этого кризиса достигли самых глубоких слоев. Тех корней, которые в буквальном и переносном смысле питали Россию, позволяли ей выстоять и выжить в годы самых тяжелых испытаний.

Умирание российского села – это не только экономическая проблема. Уничтожение крестьянства – не только исчезновение определенной социальной группы населения. Раскрестьянивание – это еще и разрушение образа жизни, тесно связанного с российской почвой. До самого последнего времени он, несмотря на все исторические потрясения, был источником формирования и укрепления архетипических черт российского менталитета: взаимовыручки, способности к концентрации сил в течение длительного времени, социальной справедливости, разумной достаточности, привязанности к родной земле как основы патриотизма.

Разумеется, крестьянский менталитет не следует идеализировать. В нем немало намешано: прижимистость и домовитость, переходящая в жадность; стремление к самодостаточности, сочетающееся с патернализмом и социальной инертностью и пр. Это естественно. Реальный мир всегда далек от идеальных моделей. Однако одна из задач государства и состоит в том, чтобы создавать и возвращать такие модели на том поле, которое существует. Если этого не делать, на нем очень скоро и буйно взрастет только сорная трава. А с сорняками придется бороться такими методами, которые зачастую отравляют и само поле.

Закрытие сельских школ лишь придает новый импульс процессу отрицательной селекции остатков сельского населения. Экономия на образовании еще никому не приносила успеха. Вспомним мудрую мысль «Тот, кто закрывает школы, вскоре будет открывать новые тюрьмы».

М. М. Кудюкина: Я буду говорить про 1920-е гг. Это крайне сложный период во взаимоотношениях крестьянства и власти.

Крестьянин, по сути своей, – государственный. Он понимает, что любое государственное потрясение приводит к тому, что ухудшаются условия для ведения хозяйства. Вне зависимости от типа крестьянского хозяйства, можно говорить о том, что крестьянин поддерживает власть до тех пор, пока эта власть дает ему возможность развивать собственное хозяйство. Антигосударственные выступления начинаются тогда, когда возможности этого развития сужаются.

Давайте посмотрим, что определяло отношения власти и крестьянства в 1920-е гг.

Первое: это полное незнание властью реальной ситуации в деревне. Поэтому власть очень часто не могла просчитать возможных последствий той политики, которую она проводила. Поэтому очень часто реальные результаты политики не соответствовали ожиданиям и, казалось бы, «благим» намерениям самой власти.

Второе: власть, во все времена, и в 1920-е гг. в частности, всегда считала, что крестьяне – это несмышлениши, которых нужно учить и втаскивать в «светлое будущее». Пусть силой, но во благо самого крестьянства – как думала сама власть.

Эти два фактора определяли политику власти в деревне. Отсюда метания власти.

Здесь уже говорилось о том, что самое худшее для крестьянина, это когда государство поворачивается к нему «лицом». А ведь в середине 1920-х гг., а именно в 1925 г., власть провозгласила и проводила политику под лозунгом «Лицом к деревне!».

Я, когда готовилась к сегодняшнему выступлению, нашла одно крестьянское высказывание, по поводу этой политики: «Эта власть хуже всех. Она хитро затягивает петлю на крестьянской шее, поворачиваясь лицом к крестьянству. А пройдет немного времени, тогда она замучит нас налогами и от нас отберут последнюю корову. А уже тогда они повернутся к нам спиной, и опять мы останемся как раньше». Это высказывание очень точно характеризует тогдашнее отношение крестьянства к власти. Для тогдашних отношений крестьянства и власти характерна такая психологическая черта, которую можно определить как синдром обманутых ожиданий. Власть сначала манила крестьянство пряником, а затем быстро переходила к политике кнута. Этот синдром обманутых ожиданий и определял отношение крестьянства к власти.

Следует иметь в виду, что крестьянство не относилось к власти как к чему-то единому, монолитному. В крестьянском мировоззрении существовало противопоставление власти центральной и власти местной, власти советской и власти коммунистической, власти деревни и власти города, власти рабочих и власти крестьян.

Почему это важно для характеристики отношений крестьянства и власти в 1920-е гг.? Потому, что это давало власти возможность для лавирования и маневрирования крестьянскими взглядами и крестьянским отношением к власти. Стандартный подход власти: свалить всю вину за все беды на местные власти и представить центральную власть как «доброе царя». Таким образом, крестьянам давалась возможность найти защитника в лице «доброе царя», то есть в лице центральной власти. Власть, на мой взгляд, очень удачно разыграла карту разного отношения крестьян к власти, ставшей в их сознании «плохой», и к власти, ставшей в их сознании «хорошей».

Поэтому вполне резонен следующий вопрос: почему все-таки отношение крестьян к коллективизации не было однозначно отрицательным, а скорее, все-таки противоречивым? Только ли в насилии здесь было дело?

На мой взгляд, дело здесь не только в насилии. На одном насилии колхозы бы не удержались. Почему крестьянские выступления не переросли в крестьянскую революцию и гражданскую войну? Да потому, что власти удалось добиться поддержки со стороны определенной части крестьянства. В течение 1920-х гг. политика власти была пронизана стремлением создать и укрепить собственную социальную базу.

И не надо думать, что эту социальную базу составляли алкаши и лодыри. Основную массу крестьянства составляли середняки. Да и если говорить о бедняках, то здесь не надо все сводить к алкоголизму. Расслоение крестьянства – это сложная социокультурная проблема. Бедность определенной части крестьянства – это сложное социально-экономическое явление. Еще раз повторю: именно отсутствие единства среди крестьянства стало условием выживания колхозов в ходе коллективизации.

Важнейшим этапом во взаимовосприятии крестьянства и власти стал период НЭПа, когда шла не эскалация конфликта, а делались попытки (по крайней мере, до хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг.) найти приемлемые и для власти, и для крестьян способы сосуществования.

1920 гг. – начало послереволюционной модернизации, причем наиболее радикальной она оказалась именно для крестьянства, которое силой, быстрым рывком, попытались «выдернуть» из традиционного общества. Естественно это не могло не сказаться на изменении крестьянского менталитета. Сочетание традиционного мышления, отличавшегося высокой устойчивостью, и необходимости приспособливаться к быстро менявшейся реальности дало в 1920–1930 гг. причудливый симбиоз – сплав патриархальности и «сверхмодернизаторских» установок. На смену веками складывавшимся нормам крестьянского существования пришел противоречивый, а потому внутренне неустойчивый стереотип.

Правящая верхушка страны считала, что общество в целом и крестьянство в частности, поддается легкому манипулированию при использовании политики «кнута и пряника».

Противоречивость крестьянского постреволюционного менталитета использовалась правительством для достижения своих целей. Так, осознав в середине 1920-х гг., что значительная часть крестьянства хотя и мирно сосуществует с властью, но активно ее не поддерживает, руководство СССР под уже упомянутым лозунгом «Лицом к деревне» попыталось вовлечь в советское строительство середняцкое большинство деревни. И, в то же время, активизировало работу с беднотой, официально противопоставляя ее «кулачеству» (а в действительности и среднему крестьянству).

Таким образом, фактически в новых условиях и, соответственно, в более мягких формах, была сделана попытка возродить политику гражданской войны, направленную на раскол крестьянской общности. Экономические цели НЭПа (восстановление и эффективное развитие сельского хозяйства) вступили в противоречие с политическими задачами (создание социальной опоры новой власти).

Что касается крестьян, то, несмотря на постоянно повторяющиеся периоды обострений, их отношение к власти в целом соответствовало представлению о крестьянах как носителях идеологии государственности, так как условия крестьянского существования тесно связаны со стабильностью государственного устройства. Восприятие власти зависело главным образом от того, насколько существующий строй позволял выжить крестьянскому хозяйству, обеспечить сельским жителям стабильное существование.

Восприятие крестьянами власти в 1920-е гг. было многоуровневым. Советская власть не отождествлялась с властью коммунистов, местная власть противопоставлялась центральному руководству и т. д.,

причем повсеместно было распространено мнение, что управление захватили чиновники, которые воспринимались крестьянами как «дармоеды», и власть не защищает интересы крестьян. Абстрактные представления о справедливости Советской власти сталкивались с конкретным опытом, противоречившим не только официальным лозунгам, но и крестьянскому здравому смыслу.

Но и в этом случае крестьянство, прежде всего, пыталось выжить, приспосабливаясь к зигзагам политики (объединение в колхозы для получения льгот, «самораскулачивание», свертывание хозяйства – «запись в бедноту», растаскивание имущества раскулаченных и т. д.). Сложность отношения крестьянства к власти предоставляла руководству страны широкие возможности для маневра, вера в «доброе царя» эффективно использовалась для снятия напряжения (перекладывание ответственности на местных деятелей, удовлетворение значительного количества крестьянских жалоб и пр.).

К концу 20-х гг. крестьянство пришло расколотым, у Советской власти были как активные сторонники, так и убежденные противники, но большая часть крестьян продолжала относиться к власти как к силе, к которой необходимо приспосабливаться. Именно их позиция предопределила в конечном итоге «победу» колхозного строя.

И последнее замечание. Чем ближе советский или партийный работник был к крестьянству, тем чаще требования, предъявляемые к нему представителями более высоких уровней власти, противоречили его убеждениям и опыту. Не случайно руководители высших органов власти постоянно подчеркивали, что низовые работники не могут обеспечить эффективное проведение политики на местах. Выход был найден в привлечении работников, плохо или совсем не знавших реальную ситуацию.

Так, для обеспечения успешного проведения сплошной коллективизации были призваны потомственные

рабочие, как правило, не имевшие связей с деревней, но зато, благодаря массовой пропаганде, обладавшие четким представлением «как должно быть» – «25-тысячники», а к управлению в городах – выходцы из деревни, во многом сохранившие особенности крестьянского менталитета.

И. А. Анфертьев: Наш круглый стол посвящен междисциплинарному научному анализу «крестьянского вопроса» и его роли в отечественной истории. Особенно данная проблема актуальна в связи с предстоящей модернизацией России, о которой сегодня много говорят и спорят, в том числе и историки.

Основной вопрос – за чей счет будет модернизация, кто ее будет оплачивать. Вполне вероятно, что земельный вопрос вновь окажется в центре дискуссии о том, кому будет принадлежать земля – тому, кто ее обрабатывает, или тому, кто за нее больше заплатит.

В этой связи не лишним будет обратиться к опыту подготовки к модернизационному «рывку» в 1920-е гг. за счет нашего крестьянства, в частности, деятельности Центральной контрольной комиссии РКП (б), выполнявшей двуединую задачу – расширение социальной базы партии большевиков на селе и подготовку «репрессивных» методов так называемой будущей коллективизации.

Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) РКП (б), как известно, была образована в конце сентября 1920 г. на заключительном этапе X Всероссийской партийной конференции (22–25 сентября 1920 г.). На этот внутрипартийный орган возлагалась широко не афишируемая задача – изгонять из партии «примазавшихся» к ней, случайных ее членов, ненадежных попутчиков, а также и разочаровавшихся в политике партии коммунистов.

Как правило, в рассматриваемый период российское крестьянство с подозрением относилось к представителям новой власти, коммунисты на селе чувствовали себя достаточно неуютно. И для недоверия основания имелись, так как лозунг большевиков о том, что земля должна принадлежать крестьянам, тем, кто ее обрабатывает, так и

остался ничем не подкрепленной декларацией, земля оказалась в собственности государства.

С окончанием Гражданской войны и партия, и страна приближались к очередному коренному социальному «перелому», обозначенному в советской историографии как новая экономическая политика. Очень немногие, даже в руководящем составе партии в полном объеме представляли неподъемный характер предстоящих задач. Преодолеть в рядах коммунистов, представителей новой властной элиты, ощущение вседозволенности, ранее оправдываемое политикой военного коммунизма и тяготами Гражданской войны, было непросто. Необходим был карательный орган, своего рода внутривластная ЧК, который бы не позволял как отдельным членам партии, в первую очередь руководителям, злоупотреблять служебным положением, расслабляться, «почивать на лаврах».

Первый вопрос, с которым столкнулись представители ЦКК в деревне – это вопрос «хозяйственного обрастания». В глазах очень многих идеалом коммуниста в деревне являлся коммунист, который не имеет ни кола, ни двора, гол как сокол и стыдится, если у него есть какая-нибудь собственность.

Какие же источники существования такого коммуниста? В период комбедов такие коммунисты получали паек, хозяйства своего не вели, да и не до хозяйства иногда было. Надо было вести борьбу с бандитизмом, надо было быть настороже, постоянно под угрозой восстания, под угрозой нападения. Кругом были фронты.

Поэтому переход к новой экономической политике болезненно переживался в деревне. Сельским коммунистам было труднее приспособиться к новым условиям. За годы гражданской войны собственное хозяйство многих из них пришло в окончательный упадок, и восстановить его оказалось крайне трудно. В такой среде, естественно,

вызывал недовольства член партии, который приводит в порядок свое хозяйство.

Поэтому ЦКК активно занималась разъяснением иного требования к деревенскому коммунисту, чем в период комбедов, а именно – умению коммуниста заразить своим хозяйственным примером окружающих так же, как он заражал в свое время, в период Гражданской войны своими боевыми качествами, своими революционными настроениями, увлекал на фронт, на борьбу с белыми. Новые задачи требовали от деревенского коммуниста, чтобы он личным примером, либо в коллективном хозяйстве, либо в своем единоличном, показывал, как надо переходить к новым формам, к многополью, к травосеянию, к улучшенным культурам, к мелиорации, а когда условия позволяют – к коллективному хозяйству. Поэтому естественно, что при проверке сельский коммунист оценивался и на предмет – нет ли у него «грешков» в прошлом, и что он из себя представляет, как пример для окружающих крестьян.

Можно привести примеры, указывающие на абсолютное непонимание рядом коммунистов-руководителей на селе новой линии партии в деревне. Тут и неправильное зачисление крестьян в кулаки, и заявление волостного организатора по женработе, что неграмотная крестьянка не может быть делегаткой. Остро стоял вопрос об обслуживании крестьян соваппаратом: бросалась в глаза разница в обслуживании рабочих и крестьян. Скажем, имеются в волостном или уездном городке 2 больницы – одна для рабочих, другая – для крестьян. Первая получает на содержание больных 50 коп. в день, вторая – по 15 коп. в день, и почему-то из расчета 25 дней в месяце, то есть фактически по 13 коп. в день... Разъяснения, что рабочие сами отчисляют на свою больницу, крестьян не успокаивают. «Пусть на нас лишнюю копейку наложат, но сделают так, чтобы можно было нормально лечиться».

Регулярные проверки низового советского аппарата свидетельствовали о том, что в сельской местности

отсутствует, как правило, организационная работа по проведению правильной партийной линии в отношении деревни. В частности, посылают в деревню уполномоченного ГПУ для принятия мер против порубок леса – тот засаживает человек 30 крестьян в тюрьму. Ни до порубки, ни после мер к разъяснению крестьянам правил пользования лесом сельские коммунисты не принимают. Или лишают права голоса стариков-казаков, произведенных еще до революции атаманом на традиционном казачьем празднике в хорунжие. Лишают их голоса, как «кадровых офицеров». Обидели и самих стариков, и все казачье население станицы. Проваливают на перевыборах в сельсовет кандидатов от партиячейки – и поделом, так как ячейка к перевыборам не подготовилась и кандидаты не пользовались авторитетом на селе. В результате коммунисты занимают положение сторонних наблюдателей – «посмотрим, как без нас будете работать». Утверждают на партсобрании список «беспартийного актива». Одного из лучших председателей сельсовета решают «не считать активом», так как был под судом за выпивку самогона. На беспартийном собрании крестьян коммунисты вносят в резолюцию пункт о том, что «все рабочие живут значительно лучше всех крестьян». Беспартийные крестьяне не соглашались, оказываются сознательнее партийцев, считая, что они полгода рабочие, полгода крестьяне – полурбочие, полукрестьяне – не следует им таким пунктом вносить ссору в рабоче-крестьянскую среду.

Характерно, что до лета 1925 г. по вопросу о том, по каким признакам крестьянские хозяйства относятся к той или иной категории по зажиточности, ясности не было. Не указывалось, какие именно крестьянские хозяйства относятся к той или иной категории по зажиточности (середняки, зажиточные, кулаки и т. д.). Для устранения этого недочета, не позволяющего правильно определять происходящие в деревне процессы расслоения, определялись критерии крестьянских хозяйств по зажиточности. Например: середняк тот, кто имеет 2 лошади, 2 коровы и

10 десятин пашни, зажиточный – 3 лошади, 4 коровы, 10 десятин пашни, с.-х. машины, и т. д.; причисляемые к кулакам – в данном случае, имеет ли наемных рабочих и сколько.

Переход от методов военного коммунизма к НЭПу в деревне совершался гораздо медленнее, чем в городе. Методы раскулачивания, комбедов, исключительных административных мероприятий продолжали преобладать в работе сельских коммунистов.

Объяснялось это тем, что в деревенских ячейках гораздо меньший процент пролетариата, чем в городских. Кроме того, на селе накопилось недовольство отдельными деревенскими ячейками. Об этом недовольстве красноречиво говорят обследования деревенских, ячеек целых волостей и уездов, произведенные комиссиями ЦКК. В руководстве партии сложилось твердое убеждение, что целый ряд деревенских ячеек проводил настолько искаженную линию, что крестьянство относится с величайшим недоверием ко всей партии, а отчасти и к Советской власти, именно из-за этой искаженной партийной линии. А были и такие факты, когда крестьяне относились с недоверием к большой сельской ячейке в 64 человека только потому, что среди этих 64 человек имелись трое коммунистов, относительно которых крестьяне знали, что они взяточники, воры и насильники. По-своему, крестьяне рассуждали правильно: мы не можем относиться с доверием к партийной организации, которая держит в своих рядах явных преступников, зная об их преступлениях.

Периодически в соответствии с постановлением XIV партконференции ЦКК проводились проверки деревенских партийных организаций, особенно при выявлении в их работе злоупотреблений и при наличии большого количества крестьянских жалоб, сведений судебных органов и ГПУ, сообщавших, что в их составе имеются чуждые и разложившиеся элементы, использовавшие свое положение в целях личного обогащения, совершающие уголовные преступления,

покровительствующие уголовным элементам села, грубо и свысока относящиеся к крестьянству и окончательно оторвавшихся от партии.

Надо отметить в заключение, что проверки проводились со всей осторожностью и вдумчивым подходом, им не придавался характер специальной кампании в масштабе уезда и или губернии. При этом тщательно проверялись все имеющиеся факты, старались избегать поспешного обобщения данных по нескольким ячейкам на весь уезд, для проведения этой работы подбирали опытных партийных сотрудников, знающих деревню, учитывающих особенности деревенских условий и конкретную обстановку.

В. Л. Телицын: О политике «военного коммунизма» было немало сказано, причем, в различных тематических ипостасях. Однако стоит напомнить, что до сих пор в историографии наличествуют три трактовки «военного коммунизма» – традиционалистская, плюралистическая и неконформистская.

К традиционалистам вполне возможно отнести тех историков, кто воспринимал военный коммунизм как экономическую программу существования России в условия кризиса, порожденного войнами, интервенцией и блокадой со стороны «империалистических государств». Традиционалисты напрочь отвергали даже саму мысль, что в политике большевиков могли присутствовать элементы теоретических разработок учения марксизма.

К плюралистическому направлению стоит отнести исследователей, которые уже допускали в «военно-коммунистической» политике смешение двух составляющих – вынужденности и обусловленности.

И, наконец, третье направление, где превалирует идея о том, что «военный коммунизм» есть не что иное как реализация большевистских идей на практике.

Каждая из указанных точек зрения имеет право на существование. Но мы бы хотели остановиться несколько на иных аспектах, которые, конечно, так или иначе, выведут

нас на ту или иную линию восприятия и объяснения военного коммунизма. Для нас важны положительные и отрицательные стороны этой политики.

Оговоримся сразу, «за» и «против» мы будем оценивать не с позиции приемлемой лично для нас военно-коммунистической политики, а важности ее для государства, для населения России, для самого многочисленного общественного слоя – крестьянства.

Итак, государство, к созданию которого большевики приступили в 1917 г., имело своей целью равноправие всех и каждого. Средства достижения – ликвидация эксплуатации, а значит и всех институтов, эксплуатацию эту порождающих. Ликвидации в первую очередь подлежали частная собственность на землю и средства производства, товарно-денежные отношения и возможность общества (и отдельных общественных слоев) оказывать давление на власть и на изменение ее политического курса.

Все эти аспекты, так или иначе, влияли на состояние крестьянского хозяйства, на настроения крестьянства России. Политика, осуществляемая большевистской властью, начиная едва ли не с 25 октября 1917 г.: провозглашение земли общенациональной ценностью, национализация промышленного производства, огосударствление банковской системы, радикализация системы распределения продуктов и товаров по карточной системе (от социально уравновешенной к классовой структуре), выстраивание особых отношений с крестьянством. Именно эта политика могла не просто дать возможность реализовать теоретические постулаты большевиков на практике, эта политика была внутренним содержанием большевистской власти, стержнем всех ее действий на протяжении первых нескольких лет.

Большевики не учли в своих построениях только одного – того, что политика эта не вызвала восторженных чувств во всех социальных стратах. В первую очередь, недовольство проявляли крестьяне, которых сначала обнадежили «Декретом о земле», но потом достаточно

быстро все свели под контроль государства над земельными ресурсами (Закон о социализации земли), добавив ко всему обременительные для деревни продразверстку, трудовые и гужевые повинности, налоги на содержание коммуникаций, реквизиции лошадей, и пр.

Объяснения большевистских властей сводились к тому, что крестьянство должно (более того – обязано) потерпеть все трудности, пока идет Гражданская война. Однако всему есть предел, в том числе и терпению крестьянства, которое конечно понимало, что Красную армию надо кормить, обувать и одевать, и что ведущее значение в этом отводится именно деревне (дававшей армии и хлеб, и фураж, и сырье для производства обмундирования). Но крестьянин не мог уяснить того, почему размеры разверсток растут в геометрической прогрессии, и почему большая часть того, что изымается властями из его хозяйства, не идет далее местных управленческих структур, распределяется не в армейских частях, а среди беднейших слоев, среди чиновников. И самое главное, чего не понимал крестьянин: почему, как правило, 1/3 собранного им урожая и отданного продотрядам, сгнивало где-то на промежуточных станциях. Крестьянин в этом случае даже не вспоминал об обещаниях и расписках властей, согласно которым его, в далеком будущем (которое, кстати, так и не наступило), обещали обеспечить промтоварами. Они не могли перевесить то расстройство крестьянина, которое он испытывал, видя, как пропадает результат его труда. Крестьяне вообще представляли для большевиков наибольшую опасность, поскольку являли собой не только источник хаоса, но и тот социальный страт, который не желал подчиняться «учету и контролю».

«Военный коммунизм» позволил большевикам удержаться у власти во время Гражданской войны. И в этом его – с позиции большевиков – плюс. Но в конце 1920-го – начале 1921 гг. большевики неожиданно «признали», с оговорками, что политика их все-таки была ошибочной, поскольку итог ее – массовое недовольство крестьян. Однако

признание это – постфактум, большой роли оно в самооценках большевиков не играло (поскольку они уже достаточно прочно держали власть). Недаром о новой экономической политике говорили как о «Крестьянском Бресте».

«Военный коммунизм» уже сыграл свою роль, в новых условиях перехода Гражданской войны в иную стадию необходима была реформа внутренней политики, политики по отношению к крестьянству, в противном случае большевистской власти действительно грозил серьезный кризис. Большевистская власть не желала терять такого «союзника» как крестьянство. Именно благодаря последнему властям удалось удержать победу в Гражданской войне. И перетяни третью силу (крестьянство) вновь в антисоветский лагерь, непонятно, сколько еще продолжались бы столкновения на бескрайних просторах империи.

«Минусы» военного коммунизма.

Экономическая составляющая политики порождала у части общества откровенно иждивенческие настроения, и слой государственных иждивенцев постоянно увеличивался. Причем каждый стремился урвать как можно больше за счет производящего слоя – крестьянства (иных производителей в стране на то время не было), не считаясь с тем, какие усилия были потрачены все тем же крестьянством на производство и транспортировку продукта. Росло недовольство в тех слоях, которые оставались производителями продуктов, в крестьянстве. Их число постоянно уменьшалось, тогда, как нагрузки все время увеличивались.

Еще один «минус» – рост бюрократического аппарата, который и сам оказался одним из первейших потребителей, причем его потребности все время росли, так как росла и сама его численность. Удивительный факт, но именно в годы «военного коммунизма» получила практическое подтверждение известная поговорка: на одного крестьянина приходилось семь чиновников.

И еще один, правда, относительный «минус» – рост армии. Здесь интересен один важнейший аспект отношения крестьянства к воинской службе в условиях Гражданской войны. Уже много и очень подробно писалось о том, какую роль сыграли в послереволюционные годы мобилизации. Да, для ряда политических кругов мобилизации оказались той последней каплей, которая свела на нет все их усилия борьбы за политическое лидерство. Однако, крестьянство, составляющее подавляющее большинство военнослужащих, как в том, так и в ином противостоящих лагерях, по своему, с деревенской основательностью подходило к военной службе: если оно было хорошо обмундировано (особенно в зимние месяцы), хорошо и регулярно накормлено, то, даже с учетом трудностей времен Гражданской войны, крестьянская масса готова была нести службу и в точности выполнять все требования командования.

Военно-коммунистическая модель порождала странные коллизии: государство утрачивало свойственный ему классово-эксплуататорский вид, но трансформировалось в бюрократическую структуру, где роль «эксплуататоров» отводилась управленцам, действующим не менее безжалостно, чем представители ликвидированных революцией классов, особенно против тех, кого рассматривали, как «низкое сословие» (естественно, крестьянство).

П. Ф. Алешкин: В крестьянском протестном движении в России 1918–1922 гг. просматриваются общие закономерности и тенденции, составляющие типологическую общность данного социального явления.

Так, восстание в Тамбовской губернии в 1921 г., в период апогея политики военного коммунизма, известное под названием *антоновщина*, тождественно по своему содержанию с другим крупным протестным крестьянским социальным явлением – Западно-Сибирским восстанием – крупнейшим в советской истории по охвату территории и количеству участников восстанием, фактически целым рядом восстаний. Типологическая характеристика

крестьянского протестного движения отражает тождественные черты. Общность проявилась в причинах восстаний, движущих силах и составе участников повстанческого движения, идейной основе крестьянского протеста, лозунгах, военной организации повстанцев и партизанской тактике ведения борьбы, а также в методах и действиях советского государства по подавлению восстаний.

Объяснение подобной картины заключается, во-первых, в природе самого крестьянского сообщества, во-вторых, в проведении единой большевистской политики на территории всей страны, основанной на марксистском видении строительства нового общественного устройства. Общность условий создавала характерную тождественность протеста со стороны одного и того же субъекта в лице крестьянского населения. Социальная среда и сходные экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с властью.

Стихийное, но массовое движение протеста со стороны крестьянства дополнялось принципом преимущественно добровольного характера участия всех крестьянских слоев. В этой связи представляется неправомерным сведение крестьянского протестного движения к общему знаменателю «третьей силы». Локальные и разрозненные формы сопротивления олицетворяли крестьянский протест. Повсеместное недовольство крестьянских масс стало ответной реакцией на политику военного коммунизма со стороны Советского государства, основанную на хлебной монополии, переросшей в чрезвычайную продовольственную диктатуру, продовольственной разверстке, милитарном характере организации труда, который проявился в тяжелых для сельского населения трудовых повинностях. Первоначальные обещания советского государства (Декрет о земле, Декрет о мире), породившие надежды и ожидания в крестьянской среде, сменились глубоким разочарованием и отчуждением от большевистской власти.

Всей своей тяжестью политика военного коммунизма легла в первую очередь на основной слой сельского населения – среднее крестьянство, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Середняк являлся наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную армию добровольцами. Он нес на себе основной груз разверсток. Помимо многих видов разверсток, на среднем крестьянстве держались тяготы трудовых повинностей.

Недовольство властью выражала также значительная часть крестьянской бедноты. Нередко именно бедняки, не отягощенные личной собственностью, становились активными повстанцами. Подобное явление вполне объяснимо. Неимущее сельское население, не имеющее собственных запасов хлеба, должно было обеспечиваться за счет внутренней разверстки – излишков, оставшихся у более зажиточных крестьян сверх норматива по государственной разверстке и собственного потребления. Крестьянская беднота, чтобы получить хлеб, должна была добираться в волостной центр, выстаивать очередь в продконторе, доставлять полученный хлеб домой – на все это растрчивалось много времени и сил, столь необходимых в полевой сезон.

Термин «бандитизм» не определял реальную природу повстанческого движения. Многие отряды отличались дисциплиной и организованностью, строгим подчинением вожакам. Типологию крестьянского протестного движения дополняли созданные повстанцами вооруженные формирования по принципу организации регулярной армии (аналогично Красной Армии), включая политические отделы и политкомы. В подразделениях имелись обозы. Волостные военштабы выполняли хозяйственные, организационные, информационные задачи. Военное руководство в основном осуществлялось командным составом из крестьянской среды, подготовленным и закаленным в сражениях двух войн – Первой мировой и Гражданской. Комсостав состоял из

бывших унтер-офицеров, прапорщиков. Крестьянским командирам противостояли гораздо более квалифицированные и опытные командиры Красной армии, дослужившиеся в старой армии до высоких офицерских чинов.

Противоборство отличалось характерными для гражданской войны жесточением (и жестокостью) со стороны обеих сторон, значительными потерями, включая мирное население. Крестьянин, по складу своего природного ума привыкший к прагматичному подходу к любому делу, решаясь на отчаянный шаг – восстать против государственной власти – отдавал себе отчет, что обратной дороги может не быть, прекрасно осознавал последствия восстания в случае его ликвидации не только в отношении себя самого, но особенно в отношении семьи, родных, родного селения. Данный фактор заставлял повстанцев отчаянно сопротивляться. Гибельная перспектива повстанческого движения была предрешена и закономерна.

Летом 1921 г. советское руководство осознало недостаточность военного характера борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых местным населением. Для эффективной борьбы с повстанческим движением требовалось включить в действие экономические и политические средства.

Методы подавления и ликвидации крестьянских выступлений и восстаний со стороны органов Советского государства продемонстрировали, помимо репрессивных мер, комплекс оперативно-военных, экономических, политических мероприятий.

И. В. Гончарова: Свое выступление я хочу посвятить хлебозаготовительным компаниям 1927–1930 гг. в Центрально-Черноземной области.

Реконструкция социально-политической ситуации в Центральном Черноземье в период судьбоносного изменения экономического курса страны может служить изучению условий и характера осуществления сталинской модернизации в аграрном секторе.

Главным содержанием политики власти в отношении крестьянства конца 1920-х гг. была «борьба за хлеб», поставившая хлебозаготовки первостепенной задачей работы партии в деревне. Три хлебозаготовительные кампании, совпавшие с хозяйственными годами – 1927–1928, 1928–1929 и 1929–1930, имея единую логику и преемственность, обнаружили динамику усиления воздействия власти на крестьянство, оттачивали формы административного нажима, органично перерастая в раскулачивание и коллективизацию.

Хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг. как такового в регионе не было. Несмотря на планомерные поставки хлеба, директивы ЦК ВКП (б) требовали добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. Увеличились финансовые изъятия у крестьян в виде сельхозналога, самообложения и Крестьянского займа. По прямому указанию партийных и советских органов фабриковалось большое количество дел по 107 ст. с грубейшими нарушениями правовых норм.

Следствием хлебозаготовок 1927–1928 гг. стали дезорганизация хлебного рынка, обнищание деревни и массовое возмущение. Крестьянство противопоставляло себя органам власти, воспринимая их как инструмент государственного насилия. В деревне распространились слухи о войне, с ними связывали надежду на падение Советской власти. Совершенствование хлебозаготовительного аппарата предусматривало и встряску всего советского и партийного механизма, в январе 1928 г. начались репрессии против низовых деревенских работников.

Крестьянство летом 1928 г. столкнулось с новыми способами работы «под заказ» – контрактацией и закупкой урожая на корню. Хлебозаготовки 1928–1929 гг. стали круглогодичными. Без хлеба население осталось уже в начале зимы 1929 г. Опустошение хлебного рынка использовалось властью для наступления на деревню под знаком проведения классовой линии, которое с новой силой началось во время майско–июньских заготовок 1929 г.

Вводились «новые методы»: инициатива принятия поселенной разверстки (распределение государственного задания на всех жителей села) должна была исходить от «общественных организаций» деревни. В ходе этой кампании раскручивался маховик репрессий, дифференцировались формы изъятия хлеба в деревне: «контрольные цифры» для «кулаков», которых в относительно бедной черноземной деревне искали в угоду спущенным из центра показателям, «самообложение» и «самообязательство» для середняков и «красные обозы» для бедняков.

Весь партийный и советский аппарат мобилизовался на хлебозаготовительную кампанию 1929–1930 гг. Все деревенские общественные организации приводились «в боевую готовность». Устанавливался жесткий контроль над рынком, в административные тиски зажимался весь процесс заготовки хлеба. В ходе трех хлебозаготовительных кампаний была создана полномасштабная система выкачивания ресурсов из деревни, усовершенствован советский и партийный аппарат для социалистического преобразования деревни. Ударные кампании изменили экономическую инфраструктуру деревни, разорили зажиточное и среднее крестьянство. Они сопровождались перестройкой социальной сферы села, которая включала разжигание социального антагонизма, политическую изоляцию кулачества и фаворизацию бедноты.

Одним из первых в ходе спровоцированного кризиса 1927–1928 гг. в регионе появился миф о кулацкой угрозе. Размытость официальных признаков социально-экономической градации хозяйств давала возможность отнесения к кулацкому практически любого крестьянского двора, втянутого в рыночные отношения. Проблема выделения «кулаков» была составной частью политики социального раскола деревни, проводимой властью в конце 1920-х гг. Наступление на «кулака» сопровождалось разжиганием социальной розни, поощрением доносов. В целях борьбы со спекуляцией создавалась разветвленная

осведомительная сеть из бедняков и батраков, чтобы выявлять хлебных спекулянтов и перекупщиков в городе и деревне.

Контрольная цифра хлебозаготовок должна была накладываться на 20% крестьянских дворов, при этом предполагалось обсуждение и принятие задания на сельском сходе – власть при сохранении эффективных фискальных возможностей общины стремилась инициировать поддержку крестьянства, проведение политики от лица большинства жителей деревни. На местах осознавали, что от позиции бедноты зависит успех проведения их кампаний.

«Массовая работа» во время хлебозаготовок, как и политика фаворизации бедноты, была нацелена на раскол деревни, разжигание социального антагонизма для облегчения дальнейшего наступления на деревню. Подкрепленная экономическими мероприятиями и политическими акциями, она не прошла бесследно: «кулаков» разорили еще до раскулачивания, в социальной структуре возрос удельный вес бедноты.

Стремление превратить деревню в придаток индустриального государства встретило крестьянский отпор в различных проявлениях: идея создания крестьянского союза, демонстрировавшая политическое самоопределение крестьянства, слухи о войне в качестве пассивной формы неприятия власти, антикоммунистическая агитация на селе, террористические акты в виде убийств общественников, поджогов их домов и административных зданий и, наконец, вооруженные выступления. За первые полгода 1929 г. в ЦЧО произошло 313 актов насилия со стороны крестьян. Пик борьбы крестьянства с властью пришелся на вторую половину 1929 г. Несмотря на сопротивление со стороны крестьян, власти удалось его сломить, тем более, что выступления были локальными и разрозненными, а формы пассивного сопротивления превалировали над активным.

Немаловажную роль в этом сыграла политика раскола крестьянства. Вполне очевидно, что без опоры на поощряемую льготами бедноту и сельских коммунистов,

выходцев из крестьянской среды, проводить широкомасштабные кампании в деревне было просто невозможно.

Е. И. Демидова: Слушая выступления коллег, очень часто употреблявших сегодня термин «раскрестьянивание», я невольно задумалась о том, а что такое раскрестьянивание?

Что мы понимаем под этим процессом? Что, это простое уменьшение количества крестьян? Или это политика государства? Или это сложный многогранный, многоуровневый, нелинейный социальный процесс?..

Следующий момент. Название нашего круглого стола – «Крестьянство и власть в истории России XX века». Предлог «и» подразумевает, что между крестьянством и властью существовали и существуют некие партнерские отношения. А звучит совсем другая правда истории, согласно которой, отношения между крестьянством и властью были отнюдь не партнерскими.

Сегодня много приводилось личных воспоминаний. У меня все время крутятся в голове слова моего дедушки, которые он говорил с большой гордостью: «Лена, я из крестьян!». И это же ему говорила его бабушка, которая была крепостной Воронежской губернии. Люди они были образованные и оставили воспоминания о крестьянской жизни второй половины XIX– начала XX вв. Так вот – люди гордились тем, что они крестьяне!

Дед мне рассказывал следующее. В 30-е гг. ему очень хотелось получить образование. А из деревни уехать нельзя. Только один был путь – служба в армии. А он глухой был на одно ухо с детства и поэтому он не мог быть признан годным к службе в армии. И когда в семье стали решать, что же делать, то его бабушка сказала ему: «Ваня, ты не забывай, ты – крестьянин!».

Во второй половине XX в. отношение к крестьянам и крестьянству и самооценка крестьянства изменились на диаметрально противоположное.

Почему это произошло? Почему понятие «крестьянин» стало ассоциироваться с чем-то крайне

непривлекательным? Крестьянин – хм..? Да, деревня... Второй сорт. Я даже помню, что когда я училась в ВУЗе, то многие про меня говорили: «Да-а, деревня! Что с нее взять-то». Вот то, что такая переоценка крестьянства произошла в нашем обществе – это ужасно.

Сегодня много говорилось о 1920–1930-х гг. Но, на мой взгляд, особую роль в судьбе крестьянства сыграла Великая Отечественная Война. Красная Армия, по разным подсчетам, была на 80% армией крестьянской. Основную массу невозвратных потерь составили именно крестьяне. В результате войны произошло массовое физическое раскрестьянивание страны.

После войны крестьянству навязывается довоенная модель. Из деревни стали выжимать средства, необходимые для восстановления экономики страны. Именно после войны происходят события, нанесшие по крестьянству удар если не больший, то уж, по крайней мере, не меньший, чем коллективизация. Мы сегодня практически не говорили об этом периоде взаимоотношений крестьянства и власти. Мы ничего не сказали о том, что именно в период хрущевских реформ был нанесен смертельный удар по личным подсобным хозяйствам крестьян. В результате этого была оборвана та ниточка, которая связывала крестьянина с землей. Это имело самые негативные последствия. Усилился отток людей из сельской местности в города. Появились так называемые «неперспективные» деревни. У нас в Саратовской области таких и сегодня не мало.

Хочу сказать, что крестьянский вопрос – это, конечно, вопрос ментальный. Это вопрос о российской ментальности. Сохраним мы ее или нет – это зависит не только от власти, но и от общества.

Отечественное крестьянство в настоящее время находится в сложных условиях адаптации к качественно новой социально-экономической и политической ситуации в стране, вхождением в специфические «по-российски» рыночные отношения. Современная крестьянская парадигма фактически носит противоречивый характер и основывается

на принципах как социальной ответственности, так и здравого консерватизма, сложного реагирования на потребности общества и человека, разнообразия используемых жизненных и аграрных технологий. А процессы глобализации, результаты либеральных реформ 1990-х гг. требуют от современного социума уже соответствующего уровня и качества понимания крестьянства, его проблем, специфики деятельности и образа жизни.

Россия – исторически крестьянская страна, именно крестьянин – важнейший исторический субъект, определявший вектор развития страны и ее ментальность, проявлявший свои лучшие качества в поворотные моменты истории нашего государства в XX в. Крестьянин и общество, крестьянин и власть, крестьянин и государство: характер этих взаимоотношений всегда был и есть достаточно сложный и многоуровневый. В чем причины непростых, противоречивых отношений? Фактически государство, правящая с 1917 г. Коммунистическая партия использовали крестьянство для решения прикладных политических проблем. С целью ликвидации социально-экономической, следовательно, политической независимости аграриев была осуществлена коллективизация, затем последовательно проводилась жесткая государственная политика во всех сферах крестьянской жизни.

В XX в. кардинально изменился сам крестьянин, его жизненный мир, ценностные ориентиры, формы, способы и характер производства сельскохозяйственной продукции. Но неизменной оставалась и остается социально значимая роль крестьянства в российском государстве. Все важнейшие советские достижения оказались возможными благодаря, прежде всего, крестьянству: индустриализация, создание оборонного комплекса, армия, Великая Победа в Великой Отечественной войне. Деревня кормила и поила, обеспечивала возрождение предприятий рабочими руками. Место и роль советской деревни в борьбе с фашистскими захватчиками, масштабы последствий агрессии полностью

не изучены и не поняты, продолжается процесс накопления и постепенного осмысления знаний. Точных официальных данных о людских потерях деревни за годы войны нет, пока только на основе косвенных источников можно предполагать, что погибло более 14% трудоспособного сельского населения. Именно в послевоенный период ускоряется эволюция традиционной крестьянской культуры и духовной жизни, меняется сущность ее главного ресурса – человеческого, разворачивается в определенной степени объективный процесс – процесс раскрестьянивания.

Необходимо особо отметить, что раскрестьянивание деревни большинство российских ученых совершенно справедливо считают закономерным, но в нашей стране во второй половине XX в. оно приняло масштабный, даже катастрофический характер. Если в XIX в. абсолютное большинство сельских жителей было безграмотным и считало, что «учиться – обувь бить», то культурная революция изменила ценностные ориентиры крестьянина: сформировалось устойчивое стремление жить, работать и учиться в городе. Через армию, через трудовые мобилизации, через разверстки, только попасть в город и изменить свой социальный статус. К сожалению, российское государство, власть имели свои виды на деревню и не желали адекватно реагировать на разворачивающиеся реалии.

В настоящее время, считаю не столь актуальным «посыпать голову пеплом» и декларировать, что нет деревни, нет крестьянина. Необходимо ответственно понять современное состояние сельского хозяйства, сельского труженика как важнейшей части социальной системы.

Сегодня можно обосновано говорить о том, что налицо объективное движение к углублению понимания сущности важнейшего общественного феномена – российского крестьянина. В течение XX – начале XXI вв. Россия пережила не одну модернизацию, каждая из которых определенным образом меняла социально-экономическое устройство общества и всякий раз доказывала, насколько

сложным является решение проблемы развития и совершенствования сельского хозяйства в целом. По тому, как решается данный вопрос, вполне возможно судить о базовых гуманитарных основах самого государства, о характере сложившихся на тот или иной период отношений между обществом и деревней, властью и крестьянством.

Российскому крестьянству, чтобы быть конкурентоспособным и социально значимым в начале XXI в., недостаточно трансформироваться самому, необходимо сформировать новую систему гибких экономических отношений – и стать не только важным историческим субъектом, но и субъектом социально-экономическим.

Несомненно, возможности есть. Земли в России много, и мы действительно обладаем навыками ведения (в том числе фактически экстремального) земледелия. Россия может стать очень серьезной, одной из крупнейших в мире продовольственной державой. Но для этого надо этим систематически заниматься, прежде всего, государственной власти. Это требует очень серьезных и масштабных инвестиций, системной работы, а главное – рационального знания крестьянских реалий жизни, целей и потребностей. Но пока это потенциальная возможность, а не текущее положение дел.

Добиться успеха в этом начинании Россия, с продовольственной проблемой, с низкой рождаемостью в 1990-х гг., может только в том случае, если общество мобилизует потенциальные возможности и направит их усилия на разумную поддержку деревни.

Отечественное аграрное производство сегодня имеет определенные шансы для качественного роста и совершенствования, обусловленные научными и технологическими достижениями, ускорением социального развития, новыми стандартами жизни, новыми методами и формами, которым надо только дать возможность активироваться.

С. Ю. Разин: Когда мы в качестве названия нашего стола предложили формулировку «Крестьянство и власть в истории России XX в.», то исходили из того, что крестьянство и власть – главные субъекты российской истории. И от их соотношения зависела судьба страны.

К сожалению, на мой взгляд, наша дискуссия приняла тенденциозный и однобокий характер – и в тематическом, и в оценочном плане.

В тематическом плане: большинство участников в своих выступлениях свело крестьянский вопрос к аграрному вопросу; большинство участников говорили только о коллективизации. За бортом нашей дискуссии остались неэкономические аспекты взаимодействия крестьянства и власти в России в XX в.

Такое сужение темы не позволяет приблизиться нам к подлинному пониманию социокультурных механизмов российской истории XX в. За бортом нашей дискуссии остались вопрос об отношении крестьянства к основным политическим партиям страны в ходе Русской Революции начала XX в.; вопрос о столыпинской аграрной реформе; вопрос о роли и позиции крестьянства в ходе Гражданской войны; «Большой Террор» и крестьянство; вопрос о роли Великой Отечественной Войны в судьбе крестьянства; вопрос о хрущевских реформах в деревне; современная ситуация в деревне.

Что касается вопроса о коллективизации, то он, на мой взгляд, является частью более общей проблемы «Сталинизм и крестьянство». Все, кто сегодня говорили о коллективизации, рассматривали ее изолированно от других социокультурных, экономических и геополитических процессов, которые происходили в стране и мире во второй половине 20-х – 30-е гг. прошлого столетия.

Если раньше у нас в историографии господствовал большевистский, ленинский, сталинский миф, то сегодня в историографии господствует антибольшевистский, антиленинский и антисталинский миф. Большинство выступлений наглядно это подтвердили.

Реальная история взаимоотношений власти и крестьянства в 20-е – начале 50-х гг. XX в. не укладывается в прокрустово ложе тех конъюнктурно-мифологических представлений, которые сегодня навязываются обществу, и которые были озвучены в ряде выступлений на нашем круглом столе. Она была гораздо сложнее.

Имела ли Советская Россия в то время шанс на выживание как аграрная страна? Если мы говорим, что «нет», то тогда мы должны признать, что альтернативы проведению нового этапа (нового витка) ускоренной индустриализации не было. Из Гражданской войны победителями вышли две социально-политические силы: большевистская власть и крестьянство. Большевики, в ходе событий начала 20-х гг., военными и экономическими методами отстояли свою власть, и преградили крестьянству дорогу к власти. Перед большевистской властью встал вопрос, как в этих условиях проводить индустриализацию. Как проводить индустриализацию в крестьянской стране. Сложность, неординарность, неоднозначность ситуации состояла в том, что большевистская власть могла провести индустриализацию, только борясь с крестьянством ... но и одновременно опираясь на него. Убежден, что ставка только на насилие, привела бы, в конечном итоге, большевистскую власть к краху.

Причины устойчивости большевистской власти, заключались в том, что она во многом соответствовала тем представлениям о власти, которые были характерны для крестьянского массового сознания. В большевиках крестьяне увидели «свою», традиционную, русскую власть. Даже насилие, которое, безусловно, было важнейшей составной частью политики правящего режима, с точки зрения крестьянского массового сознания являлось признаком «своей», «сильной», «легитимной» власти. Власть, неспособная применить кнут, – это власть «самозванная», «чужая», и, следовательно, – «временная».

С позиций антибольшевистского, антисталинского мифа нельзя объяснить, например, тот факт, о котором в

своем выступлении упомянула Елена Игоревна [Демидова]. Действительно, если оставаться верным логике большинства сегодняшних выступлений, то как объяснить тот факт, что Красная Армия, которая в годы Великой Отечественной Войны на 80% состояла из крестьян, встала на защиту своей страны и сохранила существовавшую власть? На мой взгляд, этот факт можно объяснить только в том случае, если признать, что сталинский режим во многом соответствовал крестьянскому массовому сознанию и российским культурно-историческим и цивилизационным традициям.

В. Б. Багдасарян: Тема моего выступления – «Устойчивость института крестьянской общины в России и парадигма «черного передела».

На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно легко распалась. В России же, базирующаяся на коллективистской традиции, коллективистских ориентирах совместной деятельности, она каждый раз, при всех попытках ее роспуска, воспроизводилась, репродуцировалась в новых формах.

Не известным для Западной Европы являлся феномен уравнительного, периодически проводимого перераспределения земель. В России он получил название «черного передела». Даже в начале XX в. процедура земельных перераспределений среди русских крестьян-общинников имела крайне широкое распространение.

Неудачной оказалась столыпинская попытка демонтажа общинного землевладения в России. Несмотря на соответствующую правительственную поддержку, весьма незначительная часть крестьян приняла решение о выходе из общины. Большинство из них потом снова вернулось в структуры крестьянского «мира». Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную для России форму социального устройства села.

Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала

на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйством. Другим ее назначением являлось решение социальных задач, что соотносилось с критериями социализированного типа экономики (рассмотрение экономических успехов с точки зрения социальной справедливости).

У общины имелись и собственно производственные преимущества над единоличным хозяйствованием. Реализуя принцип чересполосицы, она обладала значительно большей устойчивостью от воздействия природно-климатических факторов. Выше, в сравнении с единоличными хозяйствами, был ее потенциал в распространении технических нововведений. Показательны в этом отношении опережающие темпы технических инноваций в аграрном секторе в общинных великорусских регионах, в сравнении с единоличными, по преимуществу, малороссийскими территориями. Общинное хозяйствование предоставляло возможность проведения масштабных аграрных мероприятий, каковой, за редким исключением, были лишены индивидуальные собственники. Именно община обеспечила переход крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной к многопольной системе севооборота.

Русский крестьянин традиционно считал, что земля Божия, то есть ничья в человеческом смысле. Потому всякий собственник воспринимался как узурпатор, разрушитель гармонии общинного миропорядка. Если для Запада формула П. Ж. Прудона «Собственность – это кража» звучала как радикальный вызов, то для русских общинников она служила догматом. Доктрина «черного передела» всегда являлась народным подходом к пониманию аграрного вопроса.

Большевистская революция была в известном смысле контрреволюцией. Она представляла собой реакцию на столыпинское разрушение общинного уклада. Именно реформы П. А. Столыпина имели инновационный характер, выводили Россию за рамки цивилизационной модели, а потому и являлись подлинной революцией. Напротив,

большевистская система колхозов восстанавливала, по сути, под иным идеологическим обрамлением старые общинные связи.

Неслучайно в самые тяжелые периоды Гражданской войны Советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение.

О. Г. Буховец: Я с удовольствием хочу предоставить слово бывшему ведущему теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» Владимиру Валентиновичу Бабашкину.

В. В. Бабашкин: Я никак не могу отделаться от противоречивого ощущения от того, что и как говорят о коллективизации. Одно из ярких воспоминаний моего детства – это рассказы моей мамы о том, как хорошо, богато и весело жилось в общине и о том, как хорошо, замечательно и здорово жилось в колхозе. Когда одобряли коллективизацию в советской историографии, я хоть что-то понимал. Когда ее сейчас начли осуждать – я ничего не понимаю.

Заметьте, что как только мы сегодня в рамках нашего круглого стола подходим к коллективизации – к этому главному событию XX в. – дискуссия сразу приобретает повышенный эмоциональный накал, политизируется – и тем самым снижается ее научная значимость.

Нина Львовна [Рогалина] сегодня очень кстати упомянула Михаила Львовича Левина. Чем актуальна, вообще говоря, постановка проблемы «Крестьянство и власть в XX веке»? Тот же Михаил Львович Левин, в одной из своих замечательных работ о Советском Союзе, написал, что когда крестьянская община в России исчезла столь же внезапно, как Чеширский кот с ветки дуба, когда «аграрное царство» рухнуло, то общинность, крестьянственность как важнейшая черта «аграрного царства» осталась, подобно улыбке того кота – и царству промышленно-городскому пришлось ее унаследовать.

Вот с этой «крестьянственностью» нам, по идее, и надо разбираться.

К сожалению, ушел Владлен Терентьевич [Логоинов], которому я хотел бы пооппонировать. Я всю жизнь был противником альтернатив в истории. Как интеллектуальное упражнение сойдет и даже очень эффективно. Но всерьез говорить об альтернативах коллективизации нельзя. Владлен Терентьевич в качестве альтернативы назвал кооперацию, и упомянул в этой связи Владимира Васильевича Кабанова. Цитирую самого Кабанова: «НЭПу мог, должен, просто обязан быть противопоставлен только один метод – а-ля военный коммунизм. Сравнительно мягкий, что маловероятно, а скорее всего жесткий. Как оно и вышло. И никаких альтернатив!». Это цитата из статьи «Кооперация в России», которая была опубликована в книге «Судьбы российского крестьянства». Кстати говоря, Кабанов приводит и отрывок из статьи Е. А. Никифорова «К проблеме альтернативности в российской истории». Никифоров пишет: «У российского социума не было, нет, и, если не произойдет спонтанной мутации (то есть вмешательства иррациональных сил), и не будет никаких альтернатив. В российском социуме заложено нечто жестко детерминирующее его историческое развитие».

Коллективизация стала неизбежна в результате совокупности факторов. Один из мощных факторов отказа от НЭПа был заложен в самой деревне. Об этом пишет Константин Борисович Литвак в своей работе «Жизнь крестьянина в 20-е годы». Я могу привести и другие примеры. В частности, могу назвать работу Диляры Ибрагимовой «НЭП и перестройка: контент-анализ писем в “Крестьянскую газету” и “Бедноту”». Приведу по памяти отрывок из одного очень характерного письма в «Крестьянскую газету», опубликованного в работе: «Заберите землю всю в казну и сделайте нас, крестьян, рабочими. Мы будем обрабатывать землю, и весь хлеб вам отдавать, и как рабочие будем его покупать у вас. Вот тогда никому не обидно будет».

В деревне, на уровне «средноты», составлявшей огромное большинство крестьянства, было раздражение мироедством кулачества и какая-то внутренняя готовность к тому, чтобы волшебное слово «сверху» произнесено было. И это слово было произнесено – коллективизация.

Я все другие факторы опускаю и поднимаю один малоизвестный, который редко берут в расчет. Этот фактор – импульсы, шедшие от самой деревни и услышанные властью. То есть в данном случае сработал механизм обратной связи – от большинства крестьянства к власти.

В последнее время некоторые историки, развивая идеи В. П. Данилова, пишут о Крестьянской революции в России 1902–1922 гг., на фоне которой многие хрестоматийные события политической истории страны приобретают непривычный ракурс.

Вопреки представлениям либералов всех мастей (тогдашних и нынешних), революционные события ясно и недвусмысленно показали, что огромное большинство российского населения привержено традиционным общинным формам ведения хозяйства. Это обрекало политические теории и политические партии европейского образца на банкротство. Шанс мог быть только у такой партии, которая на деле готова была считаться с крестьянской позицией.

И хотя теоретическую основу партийной программы большевиков составляли идеи европейского прогрессизма, большевизм как идейно-организационная основа этой партии приходил в резонанс с действиями общинников на пиках революции. Большевизм в данном случае состоял в непримиримой оппозиции ко всем другим политическим силам страны, и это к осени 1917 г. в точности совпадало с настроениями огромного большинства крестьянства относительно хитросплетений городской риторики и политики.

Крестьянская революция отдала власть в городе большевикам, коммунально-организованное крестьянство заставило коммунистов в декабре 1922 г. признать де-юре

победу общинной революции де-факто. А затем обе стороны векового противостояния – крестьяне и власть – вступили в период морально-психологической подготовки к какому-то рывку, большому скачку, который бы обеспечил партийно-государственной верхушке безоговорочную власть над обществом; крестьянам – что-то еще более смутно-утопическое, но без периодических голодовок и перманентного грабежа со стороны властей.

Коллективизация как форма материализации этих ожиданий могла показаться обеим сторонам не вполне тем, о чем мечталось. Впрочем, обе стороны с большевистской энергией и крестьянской практичностью *приспосабливались* к новой реальности. Вехой на пути партийного приспособления стал «Краткий курс истории ВКП (б)», где в традициях оруэлловского «Министерства правды» было «научно» доказано, что это и есть социализм, построенный в одной стране, а другим он и быть не мог.

Однако, с моей точки зрения, то общество, основы которого складывались в нашей стране в 1930-е гг., больше резонов называть не социализмом, а коммунизмом. Дело в том, что в результате действия глубинных предпосылок коллективизации советской деревни сбылась мечта П. А. Столыпина: громада российской крестьянской общины рухнула в одночасье. Образно говоря, общество оказалось завалено обломками этого гигантского обрушения, и для строительства нового общественного здания не было под руками другого материала.

Иными словами, советское общество восприняло от общины (коммуны) очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни. Парадокс получается: строили-строили коммунизм от Хрущева до Горбачева, а не замечали, что в коммунизме и живем.

У коллективизации, вопреки популярному суждению, не было никаких альтернатив. Другое дело, что, вопреки «Краткому курсу», это был не коренной перелом, а

возвращение на круги своя. «Второе Крепостное Право» – так колхозники 1930-х расшифровывали ВКП (б).

Одной из главных линий наследования стало вечное противостояние: крестьяне (народ) – власть. Тоталитарная российская крестьянская община рухнула. И неизбежным следствием этого стало распространение тоталитаризма на все общество, на его политическую систему. Народ, по обычаю, сохранил за собой неписанное право применять повседневные скрытые формы сопротивления власти, которые Дж. Скотт описал как «оружие слабых», как общую закономерность социально-политической эволюции крестьянских обществ.

В посткрестьянском обществе законы и распоряжения властей реализуются в тесной увязке с тем, насколько рядовые граждане такого общества видят в них смысл и пользу. В тех случаях, когда политическая линия власти совпадает с умонастроениями огромного большинства людей, происходят какие-то реальные сдвиги.

Когда расхождения слишком велики, в лучшем случае, большинство рядовых граждан общества включают скрытое повседневное сопротивление, унаследованное от недавних предков, и законотворческая инициатива политической «элиты» спускается на тормозах. В худшем – возникают драматические коллизии.

В целом же противостояние народа и власти в таком обществе достаточно плотное, и реальное движение осуществляется в направлении как бы резюмирующего вектора этих двух сил...

Напоследок, хочу ответить Владимиру Прохоровичу [Булдакову], который в начале нашей дискуссии сказал, что крестьяноведение у нас захирело. Это не совсем так. Говорить о смерти крестьяноведения в России преждевременно.

В. Б. Безгин: Тема моего выступления – «Крестьяне в контексте русской смуты и революции».

На наш взгляд, исследователи российского села не учли в полной мере фактор голода в аграрном движении

1905–1906 гг. Уже во второй половине лета 1905 г. определился недород озимых и яровых хлебов в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях. В 1906 г. неурожай охватил 14 губерний России, а Воронежская, Тамбовская и Орловская губернии были отнесены к местностям, находящимся в критическом положении (для примера: в Тамбовской губернии в 1906 г. было собрано менее половины среднегодового урожая).

Если проследить динамику крестьянских выступлений, то можно сделать вывод, что наивысшего накала аграрные беспорядки достигли осенью 1905 г., несколько ослабли в период зимы–весны 1906 г. и вновь усилились летом. Зависимость накала и ожесточенности крестьянского движения от продовольственного обеспечения русской деревни очевидна.

Угроза голодной смерти толкала крестьян на самые решительные действия. «Есть нечего, сеять нечего. Мы не грабили, а днем свозили то, что нам нужно», – приводилось высказывание крестьян в донесении тамбовского губернатора фон дер Лауница как причина, побудившая их к противоправным действиям. Не вызывает сомнения стихийный характер крестьянского движения, в том смысле, что оно не являлось результатом действия революционной пропаганды, а было следствием бедственного положения сельского населения. «Аграрное движение началось в тех местах, где крестьянам в буквальном смысле «житья не было», – утверждал в своем исследовании П. Маслов. – В этих районах не было никакой крестьянской организации, никакой агитации и пропаганды, и движение вылилось в стихийные формы».

Стихийный характер крестьянского движения начала XX в. отнюдь не противоречит утверждению о ведущей роли сельской общины в аграрных выступлениях. В условиях социальной войны «мир» заявил о себе как о силе, способной мобилизовать крестьянские массы на упорную борьбу с помещиками и властью. И эту мощь ощутило как крестьянство, так и власть.

Приговор сельского схода, который предварял ту или иную форму крестьянского протеста, придавал противоправным действиям в глазах жителей села некую легитимность. Община, служившая средством подчинения села коронной властью, неожиданно стала выступать как организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением, способная не только конфисковать барские земли, но и распределить их между общинниками.

В 1905–1907 гг. в Европейской России было отмечено 21 513 крестьянских выступлений, из них 33,8% были осуществлены в форме разгрома дворянских усадеб. Эта форма крестьянской борьбы нанесла значительный имущественный ущерб помещичьим экономиям. Разгромы усадеб сопровождались сожжением построек и уничтожением хозяйского имущества. Крестьяне, по их собственным словам, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на 2–3 года, чтобы не допустить размещения там отряда карателей.

Погромам имений крестьяне пытались придать видимость «законных» действий. И ведущая роль сельской общины в этом процессе очевидна. Нередко во главе крестьянского протеста стояли должностные лица сельского самоуправления, чаще сельские старосты, реже волостные старшины. Причиной активного участия старост в аграрных беспорядках был страх перед однообщественниками, намного превосходящий страх перед начальством, перед государственной властью.

Особенностью аграрных беспорядков в губерниях Центрального Черноземья было то, что они носили массовый характер. В погромах принимали участие все жители села, включая женщин и детей. Община пристально следила за тем, чтобы никто не остался в стороне, добиваясь поголовного участия односельчан.

Организирующая и направляющая роль крестьянской общины в аграрном движении начала XX в. стала для власти полной неожиданностью. В глазах власть предержащих

произошла удивительная метаморфоза, превратившая общину из ее верного союзника в руководителя антиправительственных выступлений. Не видя истинных причин произошедшего, она лихорадочно искала «подстрекателей», побудивших «смирных» крестьян к бунту.

Крестьяне охотно приняли эти правила игры. В ходе следствия в свое оправдание они указывали на действие неких «злонамеренных людей», объясняя свои деяния массовым помешательством. И в этом лицедействе они были столь убедительны, что их лукавство оставалось, как правило, не замеченным. Либеральная печать охотно подхватила и растиражировала этот миф, превращая государственных преступников в жертвы жизненных обстоятельств.

Аграрное движение 1905–1907 гг. наглядно продемонстрировало власти мобилизационные возможности и организационную мощь крестьянской общины. Весь алгоритм погромов, начиная от принятия единогласного мирского приговора и кончая коллективной ответственностью за содеянное, являлся выражением привычного для крестьян общинного уклада.

Характерно и то, что борьба крестьян за помещичью землю не нарушила привычный хозяйственный ритм. Если кто и ощущал революционную смуту, то это власть. В деревне аграрные беспорядки удачно «вписывались» в календарь хлебопашца.

При всей остроте социальной войны крестьяне неотступно выполняли весь необходимый перечень работ – пахали, сеяли, убирали... – и при этом травили, жгли и грабили...

С. В. Карпенко: Я получаюсь здесь таким «белым воробушком». Я занимаюсь Белым движением на юге России. Этот период, эту альтернативу, мы сегодня вообще проскочили и устремились сразу к коллективизации. Это не совсем, на мой взгляд, правильно и справедливо.

Тема нашего круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века». Сегодня уже было сказано, что власть крестьянство не понимает. Осчастливить хочет, но не понимает, какого счастья хочет само крестьянство. П. Н. Врангель столкнулся с той же проблемой. Он хотел осчастливить крестьянство и тем самым добиться его поддержки. Но выяснилось, что крестьянство не только не понимает, как хотят его осчастливить, но и понимать не желает. Более того, и земли больше не желает. Оно желает только мира и порядка. И чтобы его оставили в покое.

Один из наиболее наблюдательных помощников Врангеля вынужден был констатировать, что для крестьянства только та власть хороша, которая все ему дает и при этом ничего от него не требует. Здесь говорилось о том, как крестьяне в городе и крестьяне в деревне носили рубашку по-разному: в деревне – на выпуск, а в городе – заправляли в брюки. А для тех крестьян, во врангелевской Таврии, в 1920 г., ситуация была такая, что уже последнюю рубашку стягивали и кожу снимали с этой самой обезрубашенной спины.

Когда врангелевские власти пытались выяснить настроение крестьян, то они наткнулись на глухую стену. С ними никто не хотел разговаривать. Все врангелевские пропагандисты, все газетчики с этим сталкивались.

Кстати, хочу сказать о белогвардейских «крестьянских» газетах и «письмах крестьян» в них. Я читал «письма крестьян» во врангелевскую газету «Крестьянская правда». Они все почти сочинялись корреспондентами. Там нет ни одной фразы, которую мог бы произнести человек из народа.

А вот кто сумел уловить и четко передать настроения крестьянства, так это была рейдовая войсковая разведка Красной армии. Те же самые мужики, переодетые красноармейцы, переходили линию фронта, ходили по селам, и все что видели и слышали, приходили и докладывали командованию. Это дает совершенно потрясающую картину. Первое: в одной деревне, буквально

через забор, жили люди, которые думали совершенно по-разному. Один с надеждой ждал Красную армию, другой надеялся на земельный закон Врангеля. Спустя двое суток через ту же деревню шел рейдовик другого разведывательного органа и приносил оттуда совершенно противоположную информацию. В первом случае большинство ждало Красную армию, а во втором случае большинство проклиняло большевиков и ненавидело коммуноу.

Как это понять? Что произошло за эти два дня в сознании крестьян? Была ли тут хоть какая-то устойчивость политических настроений? Вот здесь, скажу честно, я как исследователь потерпел полный крах.

О. Г. Буховец: А создатели фильма «Свадьба в Малиновке» не потерпели.

С. В. Карпенко:

Я их понимаю. Я помогал таким создателям фильмов. У них, действительно, было все в порядке.

Второе. В головах крестьян жили совершенно невероятные аллюзии, фантазии относительно того, что происходит. Ну, когда ты в жизни ничего не можешь сделать для себя хорошего – это понятно. Единственное, чем ты можешь спастись от грабежа, террора и насилия – это ограбить самого себя до нитки. Скот уже не резали: скота почти не осталось. А вот остались лошади – их прятали. Повозки, телеги, чтобы избавиться от подводной повинности, уничтожали под корень. Вот где здесь та черта выживаемости, которую крестьянство, наверное, чувствовало и которую оно не переходило? Вот это тоже большой вопрос. Я для себя ясного ответа на этот вопрос не нашел.

Третье. Ненависть к белым ярче всего выразилась в одном – в желании Врангелю поскорее оказаться в преисподней. Массовые слухи ходили: то он куда-то уехал на лечение в Европу, то он уехал на международную конференцию, то его один крестьянин то ли ранил, то ли убил. Вот такие слухи с надеждой передавались среди

крестьянства из уст в уста. Если бы на основании этих слухов написать биографию Петра Николаевича – о, это была бы биография!

Ну, и, наконец, еще один факт, который я тоже не смог объяснить, и который меня окончательно поставил в тупик. И я понял, что я как исследователь здесь совершенно бессилён. Хотя, конечно, в диссертации я его объяснил тем, что росло социалистическое сознание крестьян, и все они ждали коммунистов и Красную армию. Я имею в виду распространившиеся летом 1920 г. в Северной Таврии слухи о том, что к походу на Крым собирается мощная крестьянская армия во главе со Стенькой Разиным и Васькой Воробьевым. Скажу честно – я даже попытался узнать, кто такой был Васька Воробьев. Бесполезно, как вы понимаете. Вы, коллеги, можете понять мое состояние.

Я считаю, что главная проблема состоит не столько в том, чтобы понять, что власть думает о крестьянине и как она может (или не может) залезть в его душу, сколько в том, чтобы понять, что крестьянин думает об этой власти. Вот как это понять? Я часто пытался ответить на этот вопрос и все время при этом оказывался в тупике. Разведсводки Красной армии – только они и дают какие-то ориентиры. Все, спасибо.

А. В. Чертищев: Мое выступление посвящено ответу на сформулированный организаторами «стола» П. П. Марченя и С. Ю. Разиным вопрос: «Русское крестьянство: “могильщик” Империи или ее цивилизационный фундамент?».

Несомненно, история 100-миллионного российского крестьянства представляет собой исключительно значимый пласт российской исторической науки. Вместе с тем, тенденции его изучения приводят к мысли, что это делается не вполне объективно.

В XIX в. российская интеллигенция идеализировала русскую деревню, экстраполируя лучшие образцы поведения и хозяйственной сметки на все крестьянство.

На рубеже XIX–XX вв. монархия хотела видеть в крестьянстве носителя истинной «русскости», а консервативные силы в союзе самодержавия и крестьянства увидели оплот нерушимости империи. Как показали последующие события, это было глубочайшим заблуждением.

Теперь на смену былой самоуверенности в подходе к крестьянству превалирует, порой, нечто вроде смиренного умиления. Оно считается идентифицирующей величиной России, ее духовным субстратом, ведется речь об эксполлярном характере деятельности крестьянства, в отличие от других социальных слоев, его самоэксплуатации и т. д.

Исходя из анализа наиболее ярких, честных и достоверных описаний русской деревни можно выделить некоторые архетипические черты российского крестьянства.

К ним, на наш взгляд, следует отнести следующее:

– Согласно Г. Успенскому, крестьянин находился под «властью» (тиранией) земли. Однако, свидетельств того, что русский крестьянин любил землю, не существует; это чувство можно отыскать лишь в воображении дворян-романтиков, приезжавших летом в свои имения;

– Крестьяне ориентировались на устоявшиеся авторитеты, не терпели никакого несогласия с волей большинства, видя в этом проявление антиобщественного поведения. Любые инновации рассматривались как попытки навязать им чужое мнение, крестьяне же предпочитали, чтобы в их жизнь никто не вмешивался;

– Крестьянин не имел чувства принадлежности к более широкому сообществу, следует говорить об их изолированности от политической, экономической и культурной жизни страны. Крестьянские интересы не распространялись за пределы круга своего обитания. Дореволюционная литература говорит об отсутствии у крестьян чувства принадлежности к судьбам страны или нации, их отгороженности от внешних влияний и ущербности национального самосознания. Не случайно Л. Толстой отказывал крестьянам в чувстве патриотизма.

Иными словами, внешний мир для них представлялся как нечто далекое, чужое и, в общем-то, совсем маловажное;

– Крестьяне крайне негативно и с презрением относились ко всем, кто не занимался ручным трудом. По отношению к этим сословиям они были свирепы, непримиримы, злопамятны – и всегда были готовы переписать межсоциальные отношения;

– В религиозной жизни крестьянин проявлял много внешней набожности, но едва ли понимал духовный смысл веры вообще и религию как образ жизни. По меткому выражению В. Г. Белинского, он произносит имя Божие, почесывая себе задницу, а об образе говорит: годится – молиться, не годится – горшки покрывать. Соответственно как к торгашам, торгующим тайнствами оптом и в розницу, относился мужик и к священникам. Следует заметить, что подлинной религией крестьян был фатализм, ибо они везде видели Божью волю;

– Особо следует подчеркнуть особенности крестьянского сознания. Оно было, прежде всего, синкретическим, с размытостью граней между реальным, воображаемым и символичным. Крестьянин мыслил, скорее, категориями гомеровскими, эпическими, когда судьбу людей решают капризы Богов. В какой-то степени его сознание можно назвать «первобытным», характерной чертой которого является неумение мыслить абстрактно. Крестьянин мыслил конкретно и в личностных понятиях, в силу чего ему были недоступны понятия «государство», «общество», «нация», «экономика», «собственность» и т. п. Даже бунты были направлены на конкретные объекты, а не нацелены на «строй» в целом. Крестьянин обладал слабо развитым понятием собственной личности, коллектив был выше своих индивидуальных членов. А. С. Хомяков как-то сказал, что «русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить». Следует иметь в виду и раздвоенность крестьянского сознания. Когда ему не хотелось что-то делать, он разыгрывал дурака, а будучи разоблаченным, искренне раскаивался. В крестьянских

пословицах отсутствует мудрость и сострадание, в них проступает грубый цинизм и полное отсутствие общественного чувства: заботься о себе и не думай о ближнем («чужие слезы – вода»). Не очень высокого мнения он был и о правде («правдой сыт не будешь», «правдивый, как дурак, тоже вреден»). Крестьянские романы Григоровича 1840-х гг. и далевский сборник крестьянских пословиц 1862 г. рисуют и более неприглядную картину;

– Логика крестьянской политической философии была также идеально проста: любая власть по самой своей природе крестьянину чужда и враждебна, но эта была данность, которую приходилось переносить как болезнь, старость, смерть, но которая ни при каких обстоятельствах не может быть «хорошей». Он как бы балансировал между двумя состояниями – вольноанархической самореализации при безвластии и подчинения власти, имеющей сакральный статус. Вероятно, поэтому крестьянин в России знал лишь две формы социального поведения – смирение и бунт. Участие во власти для крестьян было неприемлемым, они хотели присутствовать во власти на культурном, ментальном уровне. Идеалом для «человека земли» была Россия как море локальных общинных миров, не обремененных внешней принудительной, контролирующей, обязывающей силой. В поисках такого несбыточного идеала воображаемой власти, он был готов отвергнуть все несовершенное. Крестьянин мало подходил для какого-либо политического строя, кроме авторитарного, и его политическая культура плохо сочеталась с экспериментами по тотальной демократизации. Можно утверждать, что его политическая философия нацелена на обеспечение выживания, но не на создание условий для развития;

– Крайне низкий уровень образования, невежество и, вместе с тем, фундаментальное презрение к культуре, особенно «высокой культуре»...

Вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет сделать следующие заключения:

1. Парохиальное сознание, культура, поведение крестьянских масс России, себялюбие и глубокое, можно сказать онтологическое безразличие ко всему, что не касается лично каждого конкретного человека и среды его обитания, патологическая нетерпимость к инновациям и прогрессу в целом, нетерпимость к инакомыслию, двойственность сознания, неготовность к более сложным формам общественного устройства и их неприятие, феноменальное невежество и многое другое – все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России.

2. Крестьянство следует с полным основанием считать могильщиком Российской Империи, ибо ни в один период русской истории оно не выступало оплотом стабильности страны, заключая в себе взрывной потенциал анархизма невиданной силы.

Сначала он привел к оттяжке реформ, затем под его воздействием они были проведены чересчур осторожно, и, наконец, выйдя на поверхность, он произвел хаос, приведший к падению недостаточно реформированного государства.

М. И. Ивашко: Обсуждая тему «Крестьянство и власть», необходимо обратить внимание еще на один аспект проблемы: на степень религиозности русского крестьянства как до событий 1917 г., так и в первые десятилетия Советской власти. Религиозность, как нам представляется, наряду с другими факторами оказала влияние на поведение русского крестьянства, его отношения с властью.

В 1913 г. в сельской местности России проживало 85% населения. То есть, российское крестьянство в начале XX в. по-прежнему составляло абсолютное большинство населения страны и религия в форме православия для этого подавляющего большинства служила важнейшим регулятором социальных отношений. Она традиционно была духовным стержнем деревни, ключевым фактором, позволявшим крестьянам сохраняться как социальной группе и сопротивляться тем переменам, которые несли

угрозу их существованию. Одновременно православие в дореволюционной России являлось опорой власти. Связующим звеном между государством и народом выступала РПЦ. Ее влияние на все стороны жизни крестьянства в это время было велико.

Вместе с тем следует отметить, что религиозность русского крестьянства была достаточно специфична. Она была приземлена, имела утилитарный, обрядовый характер. С помощью религии он стремился дать объяснение событиям и явлениям, из которых непосредственно состояла его жизнь.

Однако, как отмечает ряд исследователей, и эта религиозность в начале XX в. снижается среди крестьян.

Это было вызвано, во-первых, модернизационными процессами, получившими широкое распространение в это время.

Во-вторых, падением авторитета Церкви в глазах русского крестьянства как института тесно связанного с властью.

В-третьих, на снижении уровня религиозности крестьянства сказалось поведение, состояние самого русского духовенства в начале XX в.

В повседневной жизни это выражалось в распространении среди крестьян случаев непочтительности к духовному сану, небрежности в выполнении обряда причастия, распространению равнодушия к религии и т. д. В результате русское крестьянство, которое традиционно считалось опорой власти, в начале XX в. перестало быть этим фундаментом, о чем наглядно показали события 1917 г. Кроме того, «народ-богоносец», как принято подчеркивать степень религиозности русского крестьянства в дореволюционную эпоху, не выступил против разрушения Церкви. Наглядными примерами служат «красногвардейская атака» на религию и Церковь, предпринятая большевистской властью в 1917–1918 гг., 1918–1919 гг.; кампании по вскрытию и разоблачению святых мощей в 1919–1920 гг., по изъятию

церковных ценностей в 1922 г. Об этом свидетельствует пассивно-созерцательное поведение русского православного крестьянства в 1923 г. в связи с арестом, а затем и освобождением патриарха Тихона, попыткой Советской власти при помощи религиозных организаций «Живая церковь», «Церковное Возрождение» разрушить саму Церковь и т. д.

Недооценка со стороны царской власти реальных возможностей Русской Православной Церкви оказывать влияние на русское крестьянство, неспособность самого духовенства своевременно реагировать на вызовы времени и привели к падению религиозности в крестьянской среде и тем самым к разрушению того фундамента, на котором стояла сама Империя.

В советский период отечественной истории религиозное сознание, пусть и в усеченном виде, явилось препятствием на пути распространения новой идеологии. Поэтому новая власть принимала ряд мер, направленных на подрыв авторитета религиозной идеологии среди крестьянства. В условиях запрета деятельности Церкви крестьянская Россия продолжала медленно терять свою религиозность. Происходило это, вопреки устоявшемуся стереотипу, что «вера вытеснялась атеизмом, антирелигиозными убеждениями», стихийно.

В результате на протяжении 1920-х гг. соотношение верующих и неверующих в деревне постепенно менялось. Сельские жители старшего поколения – 30–35 лет и более, – как правило, сохраняли веру. Молодежь, более восприимчивая к «духу времени», впитывала критическое отношение к религии.

И все же попытки Советской власти искоренить религиозное сознание, в том числе и среди крестьянства на протяжении 20–30-х гг., потерпели фиаско.

Об этом свидетельствуют итоги переписи населения, которая проводилась в 1937 г. Несмотря на сложившийся стереотип, что «религиозность к концу 30-х гг., носившая бытовой характер, стала к тому времени остаточным

явлением» «верующих оказалось больше, чем неверующих – 56,7% против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии». 42,3% всего взрослого населения РСФСР назвали себя православными. Что же касается сельского населения, то согласно переписи 2/3 назвали себя православными верующими. И это после всех гонений против Церкви, преследования духовенства, закрытия храмов и т. д.

Среди причин, объясняющих устойчивость позиций религии среди подавляющего большинства колхозного крестьянства необходимо выделить верность традиции, коллективизм крестьянства, поверхностность крестьянской религиозности (в то же время это большинство, сопротивляясь новой власти, защищая свою традицию, в 1930-е гг. не выступило против очередной кампании советского государства, направленной на закрытие храмов).

В этом, наверное, и есть особенность менталитета русского крестьянства, которое, несмотря на все притеснения и гонения, пыталось строить свою жизнь согласно православным религиозно-нравственным нормам, как оно их понимало, сохранив, национальные и духовные корни.

Н. В. Асонов: Я попробую дать политологический анализ проблемы «Крестьянство и власть в истории России XX века».

При анализе взаимоотношений крестьянства и власти с позиций цивилизационного подхода, важное значение имеет то, как мы понимаем такие категории как «крестьянство» и «власть».

В данном случае «власть» рассматривается как решающее воздействие наделенных определенными полномочиями лиц и органов на жизнь людей, представляющих некую социокультурную среду. Следовательно, государственная власть как высший тип власти будет проявлять себя в заботе о реализации интересов и требований господствующей политической силы. Если они по главным вопросам совпадают с интересами и требованиями крестьянства, то они будут поддержаны

властью. Если этого совпадения нет, то ресурсы власти будут направлены на подавление враждебных господствующей политической силе интересов и потребностей соответствующей социальной группы.

Теперь, переходя к анализу такой категории как «крестьянство», укажем, что ее надо рассматривать как в широком, так и в узком смысле.

В широком значении, это субъект производственно-экономической деятельности и главная производительная силу традиционных обществ, занятая в сельском хозяйстве, основным источником существования которой является аграрный труд. Этот труд определяет характер и культурное своеобразие крестьян, с которыми государственная власть, в зависимости от ее политических идеалов, может либо бороться, либо вступать в сотрудничество.

В узком смысле, данное понятие несет тесно связанный с русским общинником конкретно исторический, географический, политический, экономический и религиозно-идеологический характер, отражающий специфику России как основы славяно-православной цивилизации.

Дело в том, что замена прежних языческих терминов типа «ратай» или «селянин», обозначающих категорию граждан занятых сельскохозяйственным трудом, на «христианин» (крестьянин) была напрямую связана с гуманистическими ценностями Святой Руси, которые стремилось внедрить Московское государство. Деятельность труженика полей приобрела воцерковленный характер и, подчиняясь известному правилу: «свет мирянам – иноки, а свет инокам – ангелы», была нацелена на одну высшую цель – найти в тяжелом труде защиту от соблазнов мира сего, губящих душу, и таким образом спасти ее.

Вот почему до XVII в., пока государственная власть стремилась, как могла, строить и защищать Россию как оплот славяно-православной цивилизации, крестьянство поддерживало власть, принимая и ордынское иго, и введение крепостного права и опричнину. Но как только власть стала

ориентироваться на чуждые русской православной государственности системы ценностей, тут же начались смуты, бунты, церковный раскол и величайшие по своему размаху и кровопролитию крестьянские войны. А борьба с крестьянством стала принимать в разные периоды русской истории самые разные формы. Это и отмена крепостного права при Александре II, и разгром крестьянских общин при П. А. Столыпине, и раскрестьянивание, раскулачивание и расказачивание, и внедрение колхозов, и создание совхозов начатое Н. С. Хрущевым. По этому же пути добывания крестьянства идет современная политика внедрения фермерских хозяйств и агрохолдингов.

В итоге, можно констатировать, что к настоящему времени крестьянство – в узком смысле слова – почти уничтожено.

И возродиться ему не позволят ни другие цивилизации, ни сама либерально-демократическая идеология, так как возрождение крестьянства – это не просто возрождение России, это возрождение православной России как духовно-культурного, политического и экономического центра славяно-православной цивилизации.

А. И. Шewelъков: Свое выступление я хочу посвятить политике государства в области сельского хозяйства в 1960–1980-е гг.

Во второй половине XX в., как и в прежние годы, отношение государства к общественным хозяйствам, крестьянству, не отличалось «отеческой» заботой. Хотя и было немало сделано: крестьянам возвращены паспорта, колхозники имели право на гарантированную оплату труда и пенсионное обеспечение, получение кредитов на строительство домов с надворными постройками (для семей переселенцев) и т. д. Однако сохраняющиеся административно-командные методы руководства сельским хозяйством, антикрестьянская политика цен на сельскохозяйственную продукцию, диспропорция в планах, недостаточное финансирование аграрного производства, слабая техническая оснащенность хозяйств не позволяли

вести устойчивое, рентабельное производство, улучшать материальное положение крестьян.

Уже через 2 года после достаточно радикальных решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, власти вернулись к практике государственных закупок продовольствия, при которой хозяйства заставляли по низким ценам реализовывать не только всю товарную продукцию, но и значительную часть валовой продукции, которая предназначалась на расширение производства, натуральную оплату труда колхозников и продажу рабочим совхозам. Многие хозяйства понуждались перевыполнять планы под видом так называемых обязательств, сверхплановых продаж, при которых даже повышенные закупочные цены на многие виды продукции не только не обеспечивали необходимую рентабельность, но и не возмещали производственные затраты.

В итоге чрезмерных объемов закупок хозяйствам хронически не доставало семян, фуражного зерна, не говоря о продукции для натуральной оплаты. Недостатки лишь частично покрывались за счет государственных резервов, в которые обращались хозяйства через местные органы власти. И чем больше были объемы госзакупок, тем больше хозяйства испытывали потребность в помощи государства. За указанный период в 2–3 раза сократилась выдача колхозникам продуктов в счет оплаты их труда. К примеру, к 1963 г. против 1955 г. произошло снижение объемов натуроплаты с 1 т зерна на крестьянский двор до 490 кг. Это относилось и к выдаче сена, соломы.

Мяса и молока в большинстве колхозов вообще не выдавалось, что вместе с ограничением иметь скот в личном подсобном хозяйстве приводило к скудности питания не только колхозников, но и населения страны. В рационе питания преобладал картофель, уровень потребления которого на душу населения был в 3 раза выше, чем в США, а потребление мяса – более чем в 3 раза ниже. Как следствие, уже во второй половине 1960-х гг. в более

половины из 29 субъектов Нечерноземной зоны РСФСР смертность превышала рождаемость.

В 1958–1960 гг. колхозы заставили досрочно выкупить передаваемые им тракторы и оборудование МТС, что обошлось хозяйствам в более чем 1 млрд руб. Если к этому добавить повышение уровня обложения подоходным налогом, снижение стабильных цен на целый ряд сельхозпродуктов, рост цен на запасные части для сельхозтехники и другие формы изъятия средств из колхозов, то за период 1958–1963 гг., сумма недополученных доходов колхозов составила более 5,6 млрд руб. Что негативно отражалось как на рентабельности производства, так и на заработной плате, на уровне жизни колхозников. Если в 1958 г. средняя оплата труда колхозников в расчете на один человеко-день составляла 1 руб. 56 коп., то в 1959–1960 гг. она снизилась до 1 руб. 40 коп. В итоге среднемесячный заработок колхозников составлял 28 руб., тогда как у работников промышленности – 91 руб.

Надежды на то, что после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС хозяйства получат больше свободы в определении специализации производства, распоряжении выращенным урожаем, не оправдались. Так как твердый план в объеме около 56 млн т, установленный на все годы восьмой пятилетки, не обеспечивал нужды государства и требовались дополнительные закупки в объеме около 10 млн т. Однако, многие хозяйства после выполнения установленного плана закупок, не желали продавать зерно государству даже по повышенным ценам, а стремились оставить на собственные нужды. В результате, во второй половине 1960-х гг. государственные резервы составляли критические запасы хлеба – всего на несколько месяцев. Поэтому государство вновь прибегает к административным мерам, возрождая, по сути, элементы продразверстки 1920-х гг. и «эпохи Н. С. Хрущева», заставляя колхозы принимать повышенные обязательства по продаже государству сверхплановой продукции.

Сохраняющийся десятилетиями неэквивалентный обмен между городом и деревней являлся важнейшей составной частью сформированного на рубеже 1960–1970 гг. государственного механизма изъятия дохода колхозов. Наряду с обязательным страхованием, растущими объемами амортизационных отчислений, ежегодно из хозяйств изымались миллионы рублей, что вело к росту числа убыточных хозяйств, увеличению объемов задолженности по ссудам Госбанка СССР. Из более чем 5 млрд руб. долга колхозов в 1965 г. было списано только 2,1 млрд руб. а за период 1966–1971 гг. колхозов РСФСР – в 2,3 раза превысила уровень долгов, числящихся за ними до списания. К середине 1970-х гг. за колхозами страны числился уже 10 млрд руб. долга. Постоянно растущая финансовая зависимость колхозов позволяло государству диктовать не только ценовую политику.

Ухудшение экономического положения колхозов государство пыталось решить за счет их преобразования в совхозы, что привело к снижению экономического положения уже новых хозяйств, расходы на содержание которых, ложились все более тяжелым бременем на государство. И в конечном итоге основную часть финансирования, выделяемого для сельского хозяйства «поглощали» совхозы. К тому же, значительное увеличение объемов финансирования сельского хозяйства не давало предполагаемого эффекта и адекватно не отразилось на росте производства, улучшении жизни на селе, так как большая часть средств вкладывалась «в стены», «зарывалась» мелиораторами в землю. В итоге, около 100 млрд руб., вложенных в АПК Нечерноземной зоны РСФСР за три пятилетки так не решили не только производственные, но и социальные задачи региона, что и нашло подтверждение в принятой в 1990 г. Программе возрождения российской деревни.

Радикальные же методы проведения аграрной реформы 1990-х гг., форсированная, непродуманная деколлективизация общественных хозяйств, еще более

усугубили социально-экономическую ситуацию на селе. Одним из главных негативных итогов реформы стало не только глубочайшее падение сельскохозяйственного производства, обострение проблемы продовольственной безопасности до критического уровня, но и падение жизненного уровня сельского населения, деградация его значительной части, высокий уровень его смертности. В том числе из-за недостаточного финансирования АПК ввиду перекачки огромных средств за рубеж. Если за период 1960–1980-х гг. на закупку продовольствия СССР затратил 50 млрд инвалютных руб., то, как следует из материалов Минсельхоза Российской Федерации, представленных в Госдуму, в 2008–2009 гг. на эти цели было более 60 млрд дол.

Не исключено, что в 2010–2011 гг. из-за последствий засухи вместо помощи отечественному труженику села на поддержку иностранного производителя из России уйдет до 70 млрд дол.

А. В. Третьяков: Тема моего выступления – «Земельный передел в России в конце XX в.».

Больше 20 лет прошли с начала аграрной реформы, а 27 января 2011 г. произойдет передача юридически оформленных земель сельхозназначения в руки их новых реальных хозяев.

Следует подчеркнуть, что по замыслам идеологов реформы были нацелены на возрождение у крестьян чувства хозяина, собственника – и на этой основе предполагалось путем изменения организационно-правовых форм хозяйствования на земле решить всегда насущную продовольственную проблему. В колхозах и совхозах инициаторы реформ видели главное препятствие на пути обеспечения продовольственной безопасности. Поэтому в начале 1990-х гг. была проведена идеологическая дискредитация крупных хозяйств и создан правовой механизм реорганизации колхозов и совхозов.

В соответствии с Конституцией России, гражданским и аграрно-земельным законодательством в конце XX в.

в стране практически сложились основы нового земельного строя. Была ликвидирована государственная монополия на землю, осуществился переход к многообразию форм землевладения; произошло бесплатное перераспределение земли в пользу граждан; введено платное землепользование; основная часть сельскохозяйственных земель перешла в частную собственность, созданы объективные условия для оборота земли.

Однако начальный этап реформы не привел к ожидаемым результатам, потому что процессы земельного реформирования из-за отсутствия надлежащей законодательной базы протекали медленно, земельный вопрос стал крайне политизированным, а пути перехода земли к успешным собственникам были фактически закрыты.

В результате за короткий срок в аграрном секторе были разрушены хозяйственные связи, произошел неэффективный передел собственности, развал социокультурной инфраструктуры села, непрерывно снижалось плодородие почв, освоенные ранее земли сельскохозяйственного назначения выходили из оборота, переходя в разряд залежных. Следует признать, что никогда еще российская земля не испытывала такого бесхозяйственно-потребительского к себе отношения.

На первый взгляд такие рассуждения могут показаться неверными. Однако анализ разноплановых источников, форм и методов реформирования, личные наблюдения за ходом преобразований убеждают в том, что названные последствия – закономерный результат преднамеренных действий по переделу собственности в постсоветской России. Дело в том, что частная собственность на землю и возможность распоряжаться ею по своему усмотрению в рыночных условиях хозяйствования вплоть до отчуждения через процедуру купли-продажи стала *законным* основанием изъятия земли у ее собственников – жителей российских сел и деревень в повседневных условиях конца XX в.

На это обращал внимание академик И. Н. Буздалов. «Хотя и было решено, – говорит он, – возратить землю тем, кто ее непосредственно возделывает, это главное средство производства в сельском хозяйстве странным образом стало ускользать из крестьянских рук; на пути развития малого аграрного бизнеса возникла глухая стена. В современной российской действительности, несмотря на признание этого права, возобладала тенденция к лишению все большего числа бывших работников колхозов и совхозов обещанных им в 1991 г. земельных участков. Под видом якобы продажи или сдачи в аренду, а на деле – путем своеобразной «бархатной революции» или фактической экспроприации под патронажем чиновничества – они переходят во владение гигантских холдингов и агрофирм».

Сама по себе идея частной собственности на землю как основы развития малых форм предпринимательства в аграрном секторе прогрессивна. Однако механизм ее достижения через ликвидацию колхозно-совхозной системы хозяйствования путем ускоренной их перерегистрации показывает истинные намерения реформаторов.

В 1992 г. в России была начата перерегистрация колхозов и совхозов. К 1 октября 1992 г. ее прошли 10,6 тыс. (42%) предприятий. Из них 4,5 тыс. (43%) хотели сохранить свой прежний статус. А уже к 1 января 1994 г. перерегистрацию прошли 95% хозяйств, из них только 34% сохранили свой статус. В Центральном Черноземье на 1 января 1994 г. перерегистрацию прошли 2 371 колхоз и совхоз (98%) от общего числа, свой прежний статус сохранили 222 хозяйства (30%). В Курской области из 531 колхоза и совхоза после перерегистрации свой прежний статус сохранили 35 хозяйств (18%).

Из сказанного видно, что крестьяне в большинстве получили землю в собственность и право ею распоряжаться по своему усмотрению. Однако отсутствие финансово-материальных возможностей и должных организационно-правовых условий не позволяли им организовывать собственные фермерские хозяйства. В свою очередь

ликвидация крупных сельхозпредприятий оставила сельское население без работы. Следовательно, паевая земля стала рассматриваться как обуза и возможность получить деньги на повседневные нужды путем сдавания ее в аренду или продажи.

Для иллюстрации возьмем с. Ольшанку Льговского района Курской области. Бывший колхоз «Восход» распался на 390 земельных паев по 7,5 га каждый. Первоначально 241 пай был сдан в аренду, а затем 240 паев были проданы бывшим арендаторам по 50 тыс. рублей за пай. Остальные паи пока еще находятся в аренде или остаются невостребованными.

Земля уходит от крестьян.

В настоящее время в Курской области около 40% земель принадлежат только крупным инвестиционным компаниям. Но это потому, что областные власти сдерживают процесс. На наш взгляд, именно теперь в полную силу идет процесс не только обезземеливания, но и раскрестьянивания.

Крестьянство как образ жизни уступает место безземельному батраку или просто наемному работнику.

Ж. Т. Тощенко: В сельском хозяйстве происходят процессы, имеющие огромные социальные последствия. Однако многие исследования, посвященные российскому селу, не охватывают всего их многообразия.

В некоторых из них имеет место апелляция к прошлому. В других преобладают схемы, имеющие мало общего с реальной действительностью. В третьих делается акцент на острых проблемах современной сельской жизни.

Но есть один кардинальный недостаток, который характерен для большинства исследований – они мало уделяют внимания сознанию и реальному поведению российского крестьянства. Поэтому исследования общественного сознания и социальной практики крестьянства приобретают особую значимость.

Главной особенностью сознания и реальной повседневной жизни современного российского

крестьянства является его парадоксальность. Каково же на самом деле их состояние, их динамика, их перспективы? Как объяснить то, что именно крестьянство *в наименьшей степени поддерживает передачу земли в частную собственность*? По данным З. И. Калугиной, только 19,2% опрошенных крестьян согласны с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи.

Это объясняется рядом *причин*.

Среди них – отсутствие государственной поддержки сельскохозяйственного производства, высокие налоги, незащищенность прав собственника, монополизм перерабатывающих, заготовительных и обслуживающих предприятий, отсутствие социальных гарантий и т. д. Вот и получается парадокс: *колхозы и совхозы – это прошлое, фермерство – будущее, а кормить людей надо сегодня*.

В тоже время рынок заполняется сельхозпродукцией стран Запада, усугубляя и без того тяжелейшее положение российских сельхозпроизводителей. Этот парадокс имеет достаточно губительные последствия. С середины 1990-х гг. происходит сокращение числа фермеров. *Идет процесс неoarхаизации и натурализации* крестьянских хозяйств. Сегодня 41% продукции сельского хозяйства производят сельхозпредприятия, 57% – личные подсобные хозяйства и только 2% – фермеры.

Главной причиной сегодняшнего бедственного положения отечественного сельского хозяйства стала однолинейность его развития, отказ от многообразия форм хозяйствования, которых на селе в 1926 г., по данным А. М. Большакова, насчитывалось до 14 форм.

Их разнообразие было заменено сплошной коллективизацией, осуществленной в конце 1920-х – начале 1930-х гг. *Под ее воздействием вплоть до 1950-х гг. в сознании крестьянства личное хозяйство рассматривалось как производное от общественного*.

Затем это соотношение личного и общественного в крестьянском сознании меняется. *В 1960–1970-е гг. в крестьянском сознании закрепляется представление*

о том, что коллективное хозяйство становится частью личного подсобного хозяйства.

Эта установка крестьянского сознания стала ментальной основой «растациловки» общественного добра, игнорирования и забвения коллективистских и общинных ценностей.

Сегодня происходит профанация идеи собственности на землю. Произведенное в 1990-е гг. разделение на паи земель и собственности бывших колхозов и совхозов привело к запустению земель, резкому снижению поголовья скота и товарности сельского хозяйства, падению урожайности и массовой натурализации личного хозяйства сельских жителей.

За эти годы почти на 30 млн сократились посевные площади, более чем на 50% сократилось поголовье продуктивного скота, на 40–60% сократился парк сельскохозяйственных машин. За этот период в 20 раз уменьшились капиталовложения в АПК и в 30 раз сократились объемы мелиоративных работ.

Эти процессы не могли придти бесследно для сознания крестьянства, породив и колоссально усилив его *парадоксальность, проявившейся особенно наглядно в коренном, основополагающем для крестьян вопросе – отношении к земле.*

Так, например, в 1995 г. во время всероссийского опроса был задан вопрос: «Как Вы относитесь к созданию в Вашем районе крупных частных землевладений?» только 28% согласились на такую перспективу. Парадокс: *«я за частную собственность, но против частных собственников, особенно крупных». «Мы за рынок, но против тех, кто представляет этот рынок».*

Парадокс этот усугубляется тем, что на деле идет не внедрение рыночных отношений, а теневилизация и криминализация сельской экономики, широкое распространение латифундизма, при котором крестьянин попадает в полную зависимость от нового земельного собственника. Ситуация в сельском хозяйстве осложняется

отсутствием внятной государственной аграрной политики, в которой бы учитывался не только интерес новых собственников, но и интерес крестьянина.

В этих условиях не мог не сформироваться еще один парадокс: проводимые аграрные реформы не только не содействуют формированию рыночного сознания и поведения работников, но практически разрушают его.

Именно на этой основе в результате аграрных преобразований возникло еще два парадокса.

Во-первых, вместо неэффективного государственного сектора экономики на селе общество получило неэффективный частный сектор.

Во-вторых, вместо проектируемого расцвета фермерских хозяйств и акционированных коллективных хозяйств произошла экспансия мелкотоварного производства. Личные подсобные хозяйства сегодня дают от 50 до 60% сельхозпродукции.

Российскому обществу предстоит сделать выбор – или первоначальное накопление капитала с надеждой на светлое будущее через неведомое время, или регулирование рыночных отношений, пересмотр форм и методов экономической политики.

Опыт реформ 1990–2000 гг. убедительно доказал, что нельзя игнорировать мировой опыт и искусственно ускорять ход преобразований, игнорировать этнонациональные и региональные особенности, а также то, что научный и политический экстремизм, основанный на абсолютизации монетаристских методов, не может привести к успеху.

А. М. Никулин: Что представляет собой и что должны были бы представлять взаимоотношения крестьянства и власти в современной России?

Об этом мне хотелось бы поразмышлять, поделившись, прежде всего, впечатлениями от участия в научно-практической «Миссия российского крестьянства в формировании социального государства», прошедшей в городе Белгород в конце 2009 г.

Интересно, что в обсуждении судеб российского крестьянства участники конференции разделились как бы на два лагеря.

Одни достаточно решительно заявили, что по преимуществу крестьянство осталось в прошлом: в XX в. оно выполнило свою тяжелую и трагическую миссию (советские индустриализация и культурная революция были осуществлены силами и за счет крестьян), теперь же в России остались лишь сельские жители – работники агроиндустриального комплекса, сельская интеллигенция, торговцы и предприниматели, пенсионеры, дачники и огромное число сельских бедняков, в большинстве своем пьяниц, растерявших почти все свои человеческие и культурные крестьянские признаки.

Другие исследователи полагали, что крестьянство все же существует, но его признаки растворены и рассеяны в современной жизни. В самом деле, одно из классических определений утверждает, что крестьянство – это социальный слой, который ведет семейное хозяйство на земле в условиях местной общинно-деревенской культуры и находится в периферийно-подчиненном положении по отношению к государству.

Давайте разберем это определение по частям и каждую сравним с современным положением дел в сельской России.

Во-первых, у нас еще достаточно народа ведет семейное хозяйство на земле, но в основном это хозяйство мелкое да подсобное, то есть наши ЛПХ и дачи – это современные карликовые, сезонные фрагменты прежнего семейно-крестьянского уклада.

Во-вторых, общинно-деревенская культура также сохранилась лишь в отдельных фрагментах: редко, только по большим праздникам в современной деревне услышишь гармошку и частушку, зато каждый божий день повсюду работают телевизоры и радиоприемники, транслируя – что в городе, что на селе – однотипную монотонно-разноцветную поп-культуру.

Лишь в последнем своем признаке – маргинальном отношении к государству – современные сельские жители по-прежнему очень схожи с крестьянами.

Но ведь у нас и горожане, и почти весь народ российский занимают маргинальное положение по отношению к собственному государству: «народ – холоп, государство – барин» – как со старых времен повелось, так до сих пор часто и проявляется.

И если миссией крестьянства остается труд на земле, сохранение семейных и общинных ценностей культуры, обустройство сельских территорий, окормление города, то каким же должен быть отклик на эту миссию государства российского? И что значит быть не просто государством, но государством социальным, призванным нести ответственность и заботу обо всех своих гражданах без исключения, обеспечивая им равные возможности достойного существования и развития. Не утопия ли это?

Ответить на этот вопрос не голословно, а эмпирическими изысканиями и практическими действиями всерьез решили именно на Белгородчине.

Здесь, например, разработана областная программа «Семейные фермы Белогорья», нацеленная на социальную стабилизацию сельских территорий за счет решения двух приоритетных задач – обеспечения фермера всем необходимым для производства, исключив непрофильную работу, и превращения фермерской продукции в ликвидный товар, соответствующий стандартам качества и доступный потребителю.

Воочию ознакомиться с работой, которая проводится в регионе, удалось при посещении нескольких районов Белгородчины, из неформальных бесед с местными жителями – рядовыми работниками, руководителями и специалистами аграрного сектора. Из услышанного и увиденного складывается целостная и реалистичная картина белгородских аграрных реформ, стратегической основой которых является развитие многоукладности, установление в агросфере справедливой цепочки цен от производителя

к переработчику и продавцу, формирование так называемого социального кластера.

Белгородская многоукладность стремится органично и системно сочетать плюсы крупного и мелкого аграрного производства. До недавнего времени у всех на слуху были достижения белгородских агрохолдингов – сверхкрупных вертикально интегрированных формирований, использующих преимущества концентрации земли, капитала и труда в сельском хозяйстве. В последние годы на Белгородчине успешно развиваются и другие формы – получившие новый импульс региональной поддержки сельскохозяйственные кооперативы, семейные фермы, личные подсобные хозяйства. Для каждого уклада в области разработаны специальные программы развития, а главное – закладываются основы для взаимовыгодного существования сельских укладов.

Конечно, системная устойчивость невозможна без успешного развития сельских территорий. На Белгородчине разработан и последовательно реализуется целый комплекс социальных программ, формирующих систему так называемого социального сельского кластера, в который входят школа и детсад, медицинские, досуговые и административно-коммунальные учреждения, храм, органы правопорядка, благоустроенные кладбище и парк. Как результат, сегодня Белгородская область – не только успешный лидер аграрного производства России, но и территория стабилизации и роста сельского благоустройства и демографических показателей.

В заключение подчеркну, что одна из главных причин аграрных успехов Белгородчины заключается в поразительной способности ее руководства сочетать в своих действиях память о культурном наследии с прагматически современными политико-экономическими решениями.

Например, в центре Белгородчины, среди аккуратно обработанных полей и образцовых корпусов ферм, на пересечении дорог, по которым гнали в лагеря тысячи

раскулаченных крестьян России и Украины во времена коллективизации, стоит памятник (кажется, единственный в Российской Федерации) – высокий бронзовый крест, на котором выбиты слова покаяния современных поколений российских граждан перед крестьянской Россией, на костях и крови которой СССР в свое время модернизировал экономику.

А. И. Фурсов: История отношений власти и народа в России – это, главным образом, история отношений власти и крестьянства.

С конца XVI в. и до конца XVIII в. хватка власти на крестьянском горле становилась все более жесткой. Начиная с эпохи Павла I, социально-юридическое положение крестьян улучшается. В то же время уже с начала XIX в. Центральная Россия начинает ощущать аграрное перенаселение. Экономическое положение крестьянства начинает ухудшаться. Эти процессы привели к тому, что к началу XX в. мелкое крестьянское землевладение себя исчерпало. Переход к крупному землевладению был неизбежен.

Крупное землевладение возможно в индивидуальной и коллективной формах. Попытка П. А. Столыпина создать крупное индивидуальное землевладение провалилась. К 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность более 90% земли. В 1921 г. большевики вынуждены были ввести НЭП. Впрочем, В.И. Ленин еще в 1921 г. предупреждал о возможности возврата к террору, в том числе экономическому. В 1929 г. так и сделали. Коллективизация – это своеобразное “*empire strikes back*” большевистской власти.

У коллективизации были советский, русский исторический и мировой аспекты.

Начну с советского аспекта.

Советский режим не мог допустить существования огромного слоя земельных собственников, обладающего своей формой социальной организации. Кто-то может сказать: колхозная форма не была государственной.

В реальности она была компромиссом, который должен быть изжит.

Но были экономический и социальный аспекты. В 1930-е гг. режим решал задачи, не решенные самодержавием. Самодержавие не решило аграрный вопрос. Коллективизация решила его путем раскрестьянивания, то есть превращения крестьян в государственных работников.

Социальный аспект не менее важен. Освобождение крепостных превратило внеэкономические производственные отношения в экономические. Внеэкономические производственные отношения решали и задачу социального контроля. В Западной Европе торжество экономических производственных отношений породило такие формы социального контроля как государство (state), политика, гражданское общество, репрессивные структуры повседневности. Пореформенная Россия ничего такого не изобрела. С «уходом» внеэкономических производственных отношений сфера социального контроля просела. Самодержавие утратило контроль над населением. Любой послесамодержавный режим должен был решать эту проблему. Большевицкий режим решил ее путем установления жесткого социального контроля с помощью новой социальной организации, за которой стояли идеалы социальной справедливости и мощный репрессивный аппарат. Без такой социальной дисциплины невозможно было существовать в XX в.

Нередко коллективизацию связывают с нуждами индустриализации. Это правильно только отчасти.

Начну с того, что в ходе и после коллективизации зерно оставалось лишь пятой по доходам статьей экспорта. Кроме того, коллективизация проводилась в условиях мирового экономического кризиса, когда цены на промышленные товары упали. Тогда американцы были рады не только продавать оборудование СССР, но и вкладывать средства в советскую промышленность. Таким образом, прямая экономическая связь между коллективизацией и индустриализацией не очень сильна.

Другое дело, что коллективизация высвободила для индустрии рабочие руки. Но это уже социально-экономический фактор, связанный с созданием современного общества с национально-государственной советской идентичностью.

Американский и английский фермеры, крестьяне во Франции и Германии в начале XX в. были элементами национального целого и выступали носителями национальной идентичности. Это обусловило иное, по сравнению с русским крестьянином, поведение немецкого байера во время Первой мировой войны. На призывы власти затянуть пояс потуже во имя Райха и Фатерлянда немецкий крестьянин с разной степенью охоты отвечал «яволь» и «цу бефель».

Русский крестьянин вел себя иначе. Фон Раупах в мемуарах приводит разговор с вологодским мужиком, состоявшийся в 1915 г. Барон заметил: крестьянин не дает зерна фронту и пожалеет об этом – придет немец. «Не придет! – был ответ – он сюда не доберется». «А если доберется» – настаивал фон Раупах. «Значит, будем немцу налоги платить – нам все равно».

С таким народом существовать в условиях XX в. было невозможно. Крестьян нужно было превращать в нацию. Коллективизация была важнейшим средством создания нового общества, соответствующего заявляемым режимом целям и ценностям и требованиям, предъявляемым современным миром.

Курс на строительство социализма «в одной, отдельно взятой стране» требовал скорейшего преодоления крестьянского локализма и создания «национальной целостности» и «национальной идентичности». Без этого СССР превращался в легкую добычу двуликого Януса Фининтерна и левых глобалистов в духе Ленина-Троцкого. Без коллективизации и без решения вековых проблем русской власти и народа уход от интернационал-социализма был невозможен.

Жестоко проводилась коллективизация?

Жестоко. Но у этой жестокости есть два аспекта: жестокость власти по отношению к народу и жестокость одной части народа по отношению к другой.

Что касается жестокости власти, то можно ли представить себе радикальное изменение жизнебытия огромной массы, столетиями привыкшей жить отдельно от государства, по-хорошему? Нет. Можно ли представить себе великий перелом без поддержки его как минимум половиной деревни? Нет. Власть включила в себя внушительную часть крестьянства. Она запустила процесс, а дальше он начал развиваться по логике, определяемой вековыми традициями, народным бытом и характером. Разбухшая народом власть обрушилась на другую часть народа – безвластную.

Была ли у крестьян своя социальной правда? Была. Но их «зеленая правда» столкнулась с «красной правдой», на основе которой только и можно было решить проблемы России.

Раскрестьянивание России – одна из русских трагедий XX в. Но ее плоды обеспечили русским победу в войне, без которой они были обречены на стирание Ластиком Истории.

Крестьянская Россия не выжила бы в жестокой мировой борьбе XX в.. Выжить могла только советская Россия.

Гвардейцев и кардиналов мировой революции команда Сталина уничтожала руками вчерашних крестьян, превратившихся в советских аппаратчиков. Эта масса существенно модифицировала возникшую в 1917 г. власть.

Насколько адекватны оказались вчерашние крестьяне и их дети требованиям мировой борьбы 1960–1980-х гг. – это другой вопрос, который выходит за рамки обсуждаемой темы.

В. П. Булдаков: Удивительное дело: как только в научном сообществе начинается обсуждение крестьянской проблематики, «круглые столы» моментально превращаются в подобие сельского схода: говорят наперебой, никто не слушает друг друга, у каждого своя «правда».

Выговорившись, ждут: «барин приедет, рассудит». Ну а предметом спора, как правило, оказываются пол-аршина межевой земли.

Если отбросить шутки, то меня поразило то, что наша дискуссия как-то сама собой скукожилась до обсуждения проблематики русского общинного крестьянства и произведенной над ним вивисекции в форме коллективизации. Впрочем, как мне кажется, крестьяноведение в целом переживает не лучшие времена. Во всяком случае, применительно к той тематике, которой мне приходилось заниматься, можно было наблюдать и невразумительное манипулирование «мифами крестьянского сознания», и наукообразные эзерсисы вокруг «бессмысленного и беспощадного», не говоря уже о суетном обкрадывании всех и вся, включая собственных учителей. С тех пор, как ушли В. В. Кабанов и П. Н. Зырянов, лично я чувствую, что получить вразумительный совет относительно крестьян с помощью телефонного звонка мне уже не от кого.

У нас почему-то забывают, что практически вся письменно обозримая история человечества связана с аграрными (традиционными) обществами, доминировавшими почти до XX в. Цикличность аграрного производства порождала не только голод и эпидемии, но и войны и социальные кризисы. Мы же все еще пребываем во власти формационных фетишей (рабовладение, феодализм и т. п.), льем крокодиловы слезы по поводу «раскрестьянивания» России, забывая о том, что государство и элиты – и не только в России – всегда жили *за счет* крестьянства, пребывая в уверенности, что таков закон мироздания. Между тем, существование самих сельских производителей зависело от *природы*, а отнюдь не от власти и бюрократии.

На крестьянстве – этой уходящей натуре – откровенно паразитируют обществоведы, как некогда «выезжало» на нем государство и «город» в целом. Рассказывали, как советские времена один блюститель ортодоксально-марксистского подхода к аграрному вопросу философствовал при сооружении собственной дачи: «А ведь

это на гонорары от книг по «беднейшему крестьянству»! (Этот историк сделал научно-административную карьеру, доказывая, что именно беднейшее крестьянство помогло российскому пролетариату совершить первую в мире социалистическую революцию). Сегодня ситуация и того проще. Один мой знакомый как-то пошутил: «Историческая наука ушла, пришли молодые ученые». Для них крестьянство переместилось в «виртуальную» плоскость: с ним, ставшим бестелесным, можно экспериментировать как угодно. В связи с этим возникает опасение, что схожая судьба ожидает наше прошлое в целом – история в ее мифологической ипостаси вновь, как в допросвещенческую эпоху, может стать частью синкретичного (традиционалистского в своей основе) сознания. Понять человеческую историю невозможно без понимания того, что дорога к «прогрессу» вымощена костями людей, далеких от ясного осознания ее необходимости.

Существует общеисторический парадокс: крестьяне тяготели к натуральному хозяйствованию, а стоящие над ним верхи требовали все большего прибавочного продукта. История подсказывает, что государство может *управлять* аграрным производством только при одном условии, – если оно обеспечит ему инфраструктуру, позволяющую не только успешно реализовывать прибавочный продукт, но и неуклонно расширять производство. В противном случае оно само становится заложником «косного» крестьянского большинства. Этому российские верхи никогда не могли обеспечить по причинам *объективного* характера. Между тем, *субъективные* факторы (от геополитических до идеологических) постоянно провоцировали верхи на то, чтобы не считаться с самой природой аграрного производства.

Российские элиты и традиционалистские низы всегда пребывали в разных культурных измерениях. Более того, власть упорно навязывала элитам особый язык: во времена Александра I в законодательных актах появился термин «гражданское общество» (Павел I, напротив, попытался

изъять из лексикона и «гражданина», и «общество»), а, между тем русский крестьянин знал только свое сельское «общество». Отсюда масса старых и новых мифов.

К примеру, считается, что перед революцией русское крестьянство «кормило пол-Европы», – оно благоденствовало само и, вроде бы, готово было облагодетельствовать всех. Это типичный миф нашей «потребительской» современности.

Во-первых, в Европе русское низкосортное зерно (поток которого неуклонно слабел в связи с более дешевыми хлебными поставками из Аргентины и Канады) закупалось европейскими странами для реэкспорта в колонии. Российское зерновое производство на деле способствовало подъему *европейского* сельского хозяйства.

Во-вторых, производство экспортного зерна носило анклавный характер: решающую роль играла возможность вывоза из черноморских портов; соответственно, оно успешно развивалось лишь на Юге России, а Нечерноземье оставалось дотационной «потребляющей» территорией.

В-третьих, экспортная хлебная торговля была сосредоточена в руках иноэтничных элементов (в частности греков). Получается, что отсутствовала необходимая модернизационная связка между сельским хозяйством и торговлей.

Наконец, основную массу товарного зерна давали перед революцией уже не помещичьи хозяйства, а «стольпинские» земельные собственники. Между тем, в годы I мировой войны произошло стремительное возвращение отрубников и хуторян в деревню, а большевистская «борьба с кулачеством» окончательно подорвала товарность российского сельскохозяйственного производства.

Примечательно, что в 1920-е гг. родился еще один миф, упрочившийся в наше время: русское крестьянство якобы не желало производить «излишки». Между тем крестьяне издавна создавали хлебные запасы на случай неурожая. Эти «излишки» легко могли бы превратиться в

товарное зерно в условиях развитости инфраструктуры, позволяющей маневрировать совокупным продуктом сельскохозяйственного производства. В 1920-е гг. большевики своей бестолковой налоговой политикой подорвали всякие стимулы как к расширению сельскохозяйственного производства в целом, так и к его четко обозначившейся в дореволюционные годы специализации. Результат известен: коллективизация и последующий голод.

Наибольшей издевкой над реалиями смотрится миф об «особом коллективизме» россиянина – природного «общинника». На деле предреволюционный общинник превратился в яростного антиколлективиста: община (в прошлом свободное трудовое сообщество) задыхалась от навязанных ей государственно-фискальных функций, а, с другой стороны, она была перенасыщена «мироедским» насилием. Официально-лубочный общинник – «коллективист» в той мере, в какой готов использовать общину для сопротивления государственности и прочим напастям, а артель – для внеобщинной (и внетягловой) трудовой деятельности. Нормальный коллективизм возможен лишь в *обществе*, а не в общине под диктовку государства. Поэтому россиянин всегда склонен бунтовать против «мироедов», чиновников и даже государства – *увы, во имя воображаемой власти*. В поисках несбыточного идеала (для крестьянина государство – это сакральная величина, потеснившая Бога) он готов отвергнуть все несовершенное. Именно поэтому сегодня сверху так навязчиво внушается мысль о коллективной готовности россиян терпеть любую власть.

Возьмем еще один миф. Считается, что русское крестьянство было «православным». Увы, не следует забывать, что религиозный раскол, ведущий свое начало с XVII в., поразив крестьянство, не только сыграл свою роль в «красной смуте» (имеется в виду рост сектантства с конца XIX в. до 1930-х гг.), но и сказывается до настоящего времени (старообрядцы до сих пор позиционируют себя едва

ли не особой нацией). Известно и то, что с конца XIX в. в деревне наблюдается рост религиозных преступлений. Что касается собственно православных, то для них было характерно так называемое «двоеверие» – соединение официального ритуала со всевозможными суевериями. Все это характерно для синкретичного сознания, в котором мифический компонент гипертрофирован в ущерб рациональному.

Строго говоря, общецивилизационная проблема взаимоотношений города и деревни в годы «красной смуты» превратилась в социокультурное противостояние, выливающееся в акты настоящих походов друг против друга. Итог неоднозначен: сталинская коллективизация привела к тому, что деревенская психоментальность затопила города.

В последние годы в российской историографии ведутся дискуссии о применении принципов синергетики в исторических исследованиях. Изучение поведения крестьянства в «красной смуте» могло бы расставить все точки над «i». Совершенно очевидно, что характер рекреационного выхода из системного кризиса был предопределен психоментальностью подавляющей крестьянской массы. Теория возникновения «порядка и хаоса» предполагает наличие внутри последнего аттракторов, притягивающих распыленную социальную массу. Роль таких аттракторов сыграли большевистские вожаки – личности, больше напоминающие предводителей казачьей вольницы, нежели политических лидеров. С их помощью происходит восстановление отношений власти-подчинения, разорванные в точке бифуркации.

В любом случае «секрет» утверждения сталинской деспотии следует искать не в тех или иных диктаторских качествах «вождя», а в возникновении между ним и бунтующей, но «косной» массой временных коммуникативных связей и связей архаичного (дополитического) типа. Со временем на их основе возникает подобие коммуникативного разума, который,

в свою очередь, избавляется от избыточной пассионарности в лице всевозможных диссипативных элементов. Все это и это обеспечивает генетическую преемственность между докризисным и посткризисным состоянием системы. Этот фактор действует до сих пор.

Всякая российская смута характерна снижением общецивилизационных стереотипов до деревенского уровня. Наша постсоветская современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде. Если известно, что в крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее, то стоит ли удивляться, что весь XX в. в истории России оказался пронизан насилием. Впрочем, мы зависимы от крестьянской психоментальности даже в сфере массовой культуры. Какая-нибудь гламурная «звезда», «фанерным» голосом сообщающая о любовных страданиях современности, не подозревает, что своими манерами, а то и голосом, она невольно копирует повадки деревенской девки. Да и вся нынешняя сексуальная раскованность лишь воспроизводит коллизии сеновального распутства. Разница лишь в том, что в свое время подобное непотребство прикрывалось фиговым листком деревенского ханжества.

Проблематика крестьянства связана не только с осмыслением места традиционализма в современной жизни. Крестьянин – это не просто кормилец любой цивилизации, но и протоэтнос, и культурная матрица, и своего рода напоминание о будущем. У нас на глазах мир превращается в «большую деревню». Глобальная транспарентность делает человека зависимым от «косного» большинства; миром, похоже, будет управлять не мировой разум, а коммуникативная беспомощность людской массы, лишившейся естественной среды обитания. Нынешнее *пост*модернистское поветрие может стать возвратом в *пред*модернистское прошлое.

И в этом не будет ничего удивительного: прошлое по-прежнему мстит за забвение своих уроков.

О. Г. Буховец: Спасибо, Владимир Прохорович.

Я рад предоставить слово одному из соорганизаторов нашего стола, соавтору и координатору проекта «Народ и власть...» Сергею Юрьевичу Разину.

С. Ю. Разин: От лица организаторов, хочу выразить надежду, что наш стол не был бессмысленным. Хочу поблагодарить всех Вас за то, что Вы откликнулись на наше приглашение и приехали на наш круглый стол.

Могу сказать, что в рамках проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» – это не первый и не последний круглый стол. Первый круглый стол был посвящен теме «Народ и власть в российской смуте». Какова будет тема следующего круглого стола – мы решим и оповестим вас. Мы приглашаем вас к дальнейшему сотрудничеству. Тема «Народ и власть» – тема неисчерпаемая и в смысле содержания, и в смысле интереса к ней.

Могу пообещать что мы и дальше, вопреки ложно понятой толерантности и политкорректности, будем выносить на обсуждение острые, дискуссионные проблемы. Делать это необходимо ради достижения исторической объективности и правды, к которым мы должны стремиться.

О. Г. Буховец: Слово предоставляется председателю оргкомитета, главному редактору журнала «Власть» Аркадию Олеговичу Лапшину.

А. О. Лапшин: Понять российское крестьянство – это значит понять Россию. С наскака это невозможно. Но двигаться к этому необходимо. Дискуссия была достаточно интересной. Давайте сотрудничать, давайте работать дальше.

О. Г. Буховец: Позвольте, уважаемые коллеги, в заключение сказать несколько слов и мне.

Почему у меня спокойное, оптимистическое отношение к итогам круглого стола? Потому что уж очень необъятным, многомерным является объект нашего сегодняшнего обсуждения. Это действительно «Великий Незнакомец».

Первый пример. Возьмем два выступления, прозвучавших сегодня на нашем круглом столе.

В одном выступлении прозвучала мысль о том, что власть в 1920-е гг. не имела представления о том, что происходило в деревне.

В другом выступлении, наоборот, говорилось о том, что без знаний невозможны были технологии подготовки проведения коллективизации.

Это свидетельствует только о том, что еще нет достаточной фундированности в исследованиях. Следовательно, исследования необходимо продолжить.

Второй пример.

Мировая история XX в. показала нам примеры разной степени модернизационных трансформаций, разных уровней модернизационных трансформаций. До сих пор нет ответа на вопрос как, каким образом, казалось бы, «крестьяноборческая» Советская власть устояла в крестьянской, по преимуществу, стране?

И при этом эта «крестьяноборческая» власть пользовалась определенной поддержкой крестьянства.

В тоже время, в аграрных, на тот момент, странах, а именно, в Венгрии, Баварии, Словакии именно из-за отсутствия поддержки крестьянства революционные эксперименты провалились. В Венгрии революционная власть продержалась 133 дня, а в Баварии и Словакии гораздо меньше.

Следует иметь в виду, что XIX–XX столетия – это эпоха образования национальных государств. В некоторых случаях крестьянский характер нации препятствовал усилению национальной идентичности. Это характерно, в частности, для Российской Империи. Даже такие перспективные в начале XX в. этносы как латыши, эстонцы и литовцы, из-за преимущественной крестьянственности, из-за отсутствия образованного класса, из-за отсутствия высокой культуры отставали в процессе складывания современных наций по сравнению, скажем, с этносами более

продвинутых по пути модернизации Германской и Австро-Венгерской империй.

Между прочим, национальная политика советского государства создала современные нации из неграмотных, клановых обществ, создала национальные протогосударства в виде союзных республик. Если бы не было советской национальной политики, то не было бы советских социалистических наций в виде советских союзных республик. Я лишь констатирую этот факт. Думаю, что при сохранении Российской Империи растворение, скажем, украинцев и белорусов в русской нации был бы неизбежно. Таким образом, процесс образования современных наций был бы резко заторможен, если не остановлен совсем...

В заключение хочу еще раз отметить, что два прошедших в рамках проекта «Народ и власть: История Россия и ее фальсификации» Международных круглых стола преемственно связаны друг с другом. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что организаторы целенаправленно идут по намеченному пути к поставленной цели.

Это позволяет мне положительно и с удовольствием оценивать итоги прошлогоднего и сегодняшнего круглых столов. Спасибо за внимание.

* * *

Итак, спектр высказанных «за круглым столом» оценок роли крестьянства в нашей истории оказался очень широк: от главного державного оплота Российской славяно-православной цивилизации (*Н. В. Асонов*) – до себялюбиво-анархического могильщика Российской Империи (*А. В. Чертищев*). А по мнению *В. П. Булдакова*, вообще «вся наша современность буквально пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде» и происходит глобальное превращение мира в «большую деревню»...

Так или иначе, но дебаты круглого стола отчетливо показали, насколько важной и актуальной является его тема. Стало понятно, что многие прозвучавшие в ходе дискуссий

компетентные мнения современных ученых о причинах, итогах и перспективах трагических взаимоотношений власти и крестьянства досоветской, советской и постсоветской России могли бы помочь избежать в ходе реализации в очередной раз провозглашенного курса на модернизацию страны повторения уже знакомых отечественной истории и оплаченных непомерно дорогой ценой ошибок.

В ходе обмена мнениями, состоявшегося после завершения дискуссии, все участники отметили, что она была полезной и интересной. И одним из важных результатов круглого стола стала договоренность об организации регулярной работы нового междисциплинарного семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», в рамках которого крестьянский вопрос будет рассматриваться комплексно, как «альфа и омега» отечественной модернизации и одна из центральных проблем россиеведения.

После этого и по настоящее время (по состоянию на октябрь 2013 г.) состоялось уже четыре заседания «новорожденного» семинара, имевших известный резонанс не только среди крестьяноведов, но и среди представителей многих других социально-научных специализаций.

Таким образом, теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации», родившийся 12 ноября 2010 г. в ходе дискуссий Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века», продолжает расти и развиваться – и мы приглашаем к участию в нем всех специалистов, не равнодушных к поставленным проблемам.

Подготовили к публикации: *П. П. Марченя, С. Ю. Разин*

**Община и революция:
Заседание № 1 теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой
истории»**

27 апреля 2011 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и на базе Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Таким образом, была реализована договоренность, достигнутая между соорганизаторами нового семинара в ходе подведения итогов Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века», состоявшегося 12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН и организованного научным проектом «Народ и власть...» на базе общенационального научно-политического журнала «Власть».

На обсуждение участников первого заседания семинара были вынесены 2 доклада:

1 «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России».

Докладчик – *Александр Николаевич Медушевский* (Москва).

2. «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос».

Докладчик – *Дмитрий Иванович Люшкин* (Казань).

В ходе обсуждения этих докладов состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли *активное участие 12 ученых*, представлявших научные журналы, научно-

исследовательские организации и вузы России (Москвы, Казани, Пензы, Тамбова).

В дискуссии участвовали (сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения заседания семинара, участники перечислены в алфавитном порядке):

1. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Бабашкин** (Москва);

2. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **В. Б. Безгин** (Тамбов);

3. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук **А. В. Гордон** (Москва);

4. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Зверев** (Москва);

5. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского **В. В. Кондрашин** (Пенза);

6. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории Казанского (Приволжского) федерального университета **Д. И. Люкшин** (Казань);

7. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть»

История России и ее фальсификации» **П. П. Марченя** (Москва);

8. академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор, ординарный профессор кафедры теории политики и политического анализа факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Центр истории русского феодализма); главный редактор журнала «Российская история» **А. Н. Медушевский** (Москва);

9. кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **А. М. Никулин** (Москва);

10. доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий; автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **С. Ю. Разин** (Москва);

11. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Н. Л. Рогалина** (Москва);

12. кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного архива экономики **Т. А. Савинова** (Москва).

Мы предлагаем вашему вниманию материалы первого заседания теоретического семинара.

Эти материалы *в сокращенном виде* были опубликованы в ежегоднике «Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки» (за 2012 г.) и нашли отражение в ряде публикаций проекта (а также в ряде публикаций о проекте) «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (см. список основных публикаций проекта в конце настоящего сборника).

В настоящем сборнике приводится более полная версия.

В таком виде материалы первого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» публикуются впервые.

А. М. Никулин: Уважаемые коллеги, добрый день!

У нас сегодня радостное событие. Мы открываем, можно так сказать, «старый-новый» семинар. «Старый», потому что у нескольких участников крестьяноведческих семинаров – Сергея Юрьевича Разина, Павла Петровича Марченя, Владимира Валентиновича Бабашкина и у меня, Александра Михайловича Никулина, – возникла идея, которая заключается в том, чтобы объединить традиции начавшегося в начале 1990-х гг. семинара «Современные концепции аграрного развития» (его в свое время проводили Виктор Петрович Данилов, которого, к сожалению, уже нет с нами, и Теодор Шанин, который, что очень важно для нас, одобрил нашу идею) и начинания состоявшегося осенью прошлого года в Институте социологии Российской академии наук круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века».

В свое время семинар «Современные концепции аграрного развития» трансформировался в аграрный семинар, который занимался более широким спектром вопросом, и не столько историей крестьяноведения и историей крестьянства, сколько, в целом, комплексом самых разнообразных аграрных тем. Этот семинар по-прежнему существует и работает. До недавнего времени он работал под эгидой Интерцентра, а сейчас он работает под эгидой Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Но у нас возникла идея вернуться к первоначальному замыслу, расширить его, сфокусироваться на теме крестьянства и назвать семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Что касается нашего первого заседания, то у нас сегодня запланировано два доклада.

Я предлагаю сначала заслушать доклады, а затем провести по ним дискуссию.

А. Н. Медушевский: Спасибо большое за приглашение. Мой доклад посвящен теме «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса». Я хотел бы выдвинуть семь основных тезисов.

Первый тезис связан с определением существа понятия «аграрный вопрос» и с критикой предшествующих трактовок этого понятия. Второй тезис: легитимность собственности как центральная проблема при изучении соотношения права и справедливости. Затем ряд тезисов будет посвящен различным типам обоснования легитимности и различным измерениям понятия «легитимность». Шестой тезис связан с рассмотрением в этом контексте соотношения понятий «революция» и «реформа». Седьмой тезис (возможно, это просто постановка вопроса) связан с попыткой наметить пути понимания причин срыва модернизации в России в период революции. Ну и в конце своего выступления я попытаюсь сделать некоторые выводы относительно перспективных направлений изучения этой тематики. В этой логике я и буду рассуждать.

Итак, первый тезис моего доклада посвящен существу *аграрного вопроса*. Аграрный вопрос есть, на мой взгляд, теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Существуют различные подходы к определению аграрного вопроса. В советской историографии его содержание, в широком смысле, усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с ним социальной борьбе. В узком смысле, аграрный вопрос сводился к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Считалось, что наиболее эффективным способом решения аграрного вопроса является революция,

подразумевающая экспроприацию земельной собственности с последующим ее переделом или национализацией.

В современной науке этот подход вызывает все большую критику. Прежде всего, предложенная советской историографией экономическая модель решения аграрного вопроса оказывается недостаточной, поскольку он шире его экономической составляющей и включает в себя серьезный социально-психологический компонент. Речь идет об изменении сознания, которое происходит при переходе от традиционного, аграрного общества к индустриальному. В ходе этого перехода возникает фундаментальный конфликт между представлениями основной массы населения о справедливости и позитивным правом. Этот конфликт находит свое выражение в соотношении таких понятий как «свобода» и «равенство».

Второй тезис, по которому идет критика традиционного подхода – это вопрос о роли экономики в развитии общества. В советской историографии она была явно преувеличена. Экономическая детерминанта поведения – такая же абстракция, как формула счастья. Она не является единой для разных эпох и стран. То, что считается богатством и вызывает зависть в одной системе социальных отношений, оказывается едва ли не бедностью в другой. Экономическая дифференциация становится вызовом социальной стабильности не тогда, когда она возникает, а лишь с того момента, когда она начинает рассматриваться значительной частью общества как несправедливая и аморальная. В этом смысле, экономический конфликт имеет деструктивные последствия только в контексте социальной психологии.

Третий тезис. Фактор экономического угнетения, о котором много говорила предшествующая историография, может реализовать свой деструктивный потенциал лишь при одном условии – при слабости государственной власти. В современной литературе показано, что одни и те же формы аграрного протеста – например, в периоды революции 1905–07 гг. и коллективизации 1928–33 гг. – имели различные

следствия: в первом случае они вели к дестабилизации политической системы, а во втором – к усилению репрессий и фактической консолидации авторитарной политической системы.

Четвертый тезис. Если отказаться от парадигмы экономического материализма, то важно ответить на следующие вопросы: Почему аграрная революция во Франции закончилась установлением частной собственности на землю, а русская революция завершилась ее отменой? Почему русская революция завершилась не установлением буржуазной системы ценностей, а, наоборот, установлением коллективистского режима? Почему российская революция не знала успешной контрреволюции? Почему не было фазы Термидора или, может быть, ее пришлось ждать 70 лет? Почему до сих пор, как считают многие, аграрный вопрос оказывается решен непоследовательно? Почему происходит воспроизводство в трансформированном виде квазисословной иерархии? К этим вопросам мы обратимся по ходу нашего анализа.

Пятый тезис. Еще одним слабым местом советской историографии является ее фатализм, отрицающий вариативность, альтернативность исторического развития. Вариативный подход к историческим процессам крайне важен и необходим потому, что позволяет понять, можно ли было те или иные проблемы решить более конструктивным путем.

Сегодня существует необходимость переосмысления старых подходов и создания новой концепции аграрного вопроса. В основу этой концепции должно быть положено представление о том, что аграрный вопрос – феномен не только и не столько экономический, сколько социопсихологический, связанный с господствующими в массовом сознании представлениями о легитимности существующего распределения земельной собственности и их соотношением с позитивным правом.

Я исхожу из следующей трактовки аграрного вопроса: там, где осознается несправедливость системы

распределения земельных ресурсов, независимо от реальной ситуации в экономике страны, аграрный вопрос существует. Там, где такое осознание отсутствует в массовом сознании – его нет. Этот подход позволяет ответить на поставленные выше вопросы и позволяет разрешить ряд важных противоречий, которые не могла решить предшествующая историография. Например, следующие проблемы: Почему аграрный вопрос появился в Новое время, и почему его не было в древности (во всяком случае, в развитых формах)? Почему одна и та же программа его решения на одном этапе исторического развития отвергается, но затем возникает снова? Почему использование одной и той же программы дает неодинаковый результат в разных странах, при сходстве их аграрных институтов, или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различий исходных условий? Почему одни страны оказались ввергнуты в аграрную революцию, а другие избежали ее?

Рассмотрение сущности аграрного вопроса связано с изучением проблемы легитимности форм землевладения и землепользования. Легитимность собственности определяется тремя измерениями: порядком ее распределения в обществе, способами ее приобретения в прошлом и средствами ее защиты в настоящем. Эти три измерения легитимности выделяются в основных теориях справедливости, существующих в современной литературе. Одна теория справедливости – это формально-распределительная справедливость (Дж. Ролз); другая теория выводит справедливость из исторической традиции (А. Макинтайр); третья теория связывает справедливость с действующим позитивным правом (Р. Нозик). Эти параметры легитимности обязательно должны быть учтены при анализе аграрного вопроса в предреволюционной России.

Следующий тезис связан с рассмотрением одного из этих измерений легитимности, а именно с представлением общества о справедливом или несправедливом порядке распределения собственности. По существу здесь возникает

фундаментальный вопрос о том, является ли право собственности вообще и право частной собственности на землю в частности фундаментальным и естественным правом или, напротив, приобретенным правом, и нужно ли это право фиксировать в Конституции? В современной отечественной литературе эта проблема была поставлена в связи с принятием Конституции 1993 г., которая зафиксировала право частной собственности на землю, и Земельного кодекса 2001 г. Также эти дискуссии были и в других странах, например в ЮАР в период принятия Конституции 1996 г.

Впервые эти вопросы были поставлены в ходе подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. Тогда было представлено три основных концепции. Первая: личное освобождение крестьян без земли – предоставление крепостным личной свободы с одновременным лишением их права собственности на землю. Эта модель имеет свои преимущества, к которым относится радикальное решение вопроса, и недостатки, главным из которых является то, что ее реализация приводит к возникновению пролетариата и тем самым порождает классический классовый конфликт.

Вторая концепция: освобождение крестьян с параллельной организацией их перемещения на новые государственные земли за счет государства. Крестьяне получали возможность стать собственниками земли, но ценой перемещения из центральных районов на окраины. В 1860-е гг. эта идея не нашла применения, но она получила развитие в период столыпинской реформы.

Наконец, суть третьей концепции состоит в освобождении крестьян с землей, включая помещичьи земли, с предоставлением владельцам равного возмещения. В России эта концепция разрабатывалась в программе Конституционно-демократической партии, которая выдвигала идею перераспределения земельных ресурсов с гарантией имущественных прав землевладельцев. После Второй мировой войны она была реализована в Индии, Японии, в некоторых странах Латинской Америки. В чем ее

преимущества? Во-первых, сохраняется преемственность отношений собственности. Во-вторых, происходит перераспределение имущества в рамках фиксированных цен на землю, которые устанавливает государство. В этом случае конфликт права и справедливости, связанный с легитимностью собственности, трансформируется в вопрос о цене на землю.

В 1861 г. эти модели были отвергнуты, и была принята компромиссная формула – освобождение крестьян с землей, осуществляемое не в виде единовременного акта, но процесса, растянутого во времени. Данный компромисс потребовал таких уступок традиционализму как сохранение крестьянской общины, выведение крестьянских земель из купли-продажи, введение сервитутов и других переходных форм собственности и т. д. Реформа 1861 г., решив на тот момент проблему, все-таки заложила ряд проблем, связанных с легитимностью земельной собственности. В частности, она сохранила конфликт между крестьянскими представлениями о легитимности земельной собственности и позитивным правом.

Другой подход можно определить как традиционный путь обоснования легитимности. Он связан с вопросом о времени или исторической давности и правовом или неправовом характере приобретения земли различными социальными группами. Вопрос сводится к тому, кто первый пришел на эту землю, кто ее занял и кому эта земля исторически принадлежит. Если проецировать этот подход на дореволюционную Россию, то нужно выделить три момента. Прежде всего, это вопрос о возникновении крепостного права. В зависимости от интерпретации того, что такое крепостное право, мы получаем различные типы легитимации реформ и различные последующие варианты эволюции аграрных отношений.

Я упомяну имевший место в дореволюционной историографии спор между сторонниками «указной» и «безуказной» теориями закрепощения. Первую отстаивал В. И. Сергеевич, вторую – В. О. Ключевский. Они исходили

из разных форм права: Сергеевич опирался на публичное право, Ключевский – на частное, полагая, что правовые отношения крепостничества возникли не путем государственного принуждения, а путем заключения договорных сделок между владельцами земли – помещиками и крестьянами. Отсюда он делал вывод о том, что крепостное право в России было создано не государством, а только с учетом государства. Последнему принадлежали не основания права, а его границы. Отмена крепостного права также не является делом исключительно государства. Обращение к этой интерпретации исторической легитимности права на владение землей стало юридической основой либеральных реформ, освобождения крестьян с землей, установления их права на нее путем компромисса с аналогичным правом помещика.

Если говорить о поиске оптимальной формулы землевладения и землепользования, то он начался уже в период складывания поместной системы и ее юридического оформления в XVII в. Отправной точкой корректировки этой конструкции следует признать петровское законодательство (Указ о единонаследии 1714 г., в котором и поместья, и вотчины были обозначены единым правовым термином «недвижимое имущество»), а также последующие дебаты в Уложенных комиссиях XVIII в., и, прежде всего, в екатерининской Уложенной комиссии 1767 г., когда вопрос о праве крестьян на землю был поставлен Коробьиним и другими депутатами. В дальнейшем значительную роль в этом процессе сыграли записка А. Поленова, в которой выдвигалась идея наследственной крестьянской аренды земли, идеи и практика М. Сперанского, Н. Мордвинова и П. Киселева, проекты Ю. Самарина и записка К. Кавелина, которая стала своеобразной «дорожной картой» Великой реформы 1861 г.

В ходе реформы принципиальное значение получила полемика об историческом содержании права на землю, связанная с дискуссией о крепостном праве. Как следует интерпретировать крепостное право? Означает ли оно

«крепость» крестьянина помещику, как считали некоторые дворянские идеологи? При таком подходе крепостное право близко рабству в его римском понимании, причем крестьянин не имеет никаких прав на землю. Или крепостное право означает «крепость» крестьянина земле? При этом подходе крестьянин – свободный человек, имеющий право на землю. Данный вариант и был положен в основу рабочей концепции реформаторов.

Разведение юридических понятий рабства и крепостничества было очень важно не только в России периода реформы 1861 г., но и для аналогичных процессов в других странах. Схожую аргументацию использовали аболиционисты в период отмены рабства в США. Влияние логики этих дебатов прослеживается в ходе аграрных реформ в послевоенной Индии, в странах Латинской Америки и в ЮАР периода отмены апартеида. Ключевое значение приобретает новая интерпретация права собственности, которое начинает включать владение, пользование и распоряжение имуществом, но не людьми.

Во всех подобных случаях решающим фактором инициирования реформ становилась не экономика и демография, а философские и моральные соображения. Это весь круг проблем, связанных с моральной экономикой, с этическими основаниями распределения собственности. Все это, безусловно, связано с исторической легитимностью прав собственности на землю. Историческая легитимация прав собственности лежала не только в основе реформы 1861 г., но и определяла весь последующий вектор обсуждения крестьянского вопроса вплоть до С. Витте и П. Столыпина.

Третий момент, связанный с вопросами легитимации собственности, – характер защиты собственности. Это вопросы, связанные с правовой защитой отношений собственности. В современном обществе основу собственности составляет сам институт частной собственности и договор. В традиционном обществе этого не было. Там большую роль в регулировании этих отношений играло государство.

Во многих странах при переходе от традиционного общества к индустриальному возникает проблема *правового дуализма*. Феномен правового дуализма состоял в параллельном существовании двух правовых систем. С одной стороны – *позитивное право*, а с другой – *обычное крестьянское право*. Если первая правовая система отражала западные представления и насаждалась государством в интересах модернизации страны, то вторая соответствовала порядкам крестьянской общины с ее традиционализмом, коллективизмом, уравнилельно-распределительными принципами трудовой этики, которые были прямо противоположны принципам рыночной экономики.

Хочу напомнить о дискуссии, имевшей место в дореволюционной теоретической русской литературе, в рамках которой были поставлены вопросы о соотношении позитивного и обычного права, а также о способах разрешения конфликта этих двух правовых систем. В ходе дискуссии было высказано три основных точки зрения. Одни исследователи полагали, что позитивное и обычное право равноценны. Другие исходили из того, что они неравноценны. Третья позиция состояла в том, что имеет место противоречие позитивного права и факта. Крестьянское обычное право – это вовсе не право, а фактические отношения, которые нужно подверстать, трансформировать под правовые нормы.

Исходя из этого, выдвигалось три концепции решения вопроса.

Суть первой состояла в противопоставлении «справедливого» крестьянского права «несправедливому» государственному. Эта идея присутствовала в различных аграрно-коммунистических проектах, начиная с известной работы А. Герцена о «русском социализме».

Сторонники другой, формально-юридической концепции считали, что правовой дуализм должен быть преодолен путем распространения сферы действия гражданского права на сферу действия обычного права.

Сторонники третьей концепции, которую можно определить как практически-государственническую, видели решение вопроса в преобразовании фактических отношений в соответствии с позитивным правом.

Эта позиция была положена в основу реформ Витте и Столыпина, которые выступали за распространение действующего гражданского права на все население страны, за предоставление крестьянам права беспрепятственного выхода из общины со всеми ее ограничениями, за поощрение государством индивидуальной трудовой деятельности – то есть за переход к рыночной экономике в сельском хозяйстве.

В основе столыпинской реформы лежала идея неприкосновенности собственности. Неприкосновенной объявлялась не только частная, но и все остальные виды собственности. Столыпин не предполагал перераспределения имущественных прав. Он фиксировал *status quo*. В отличие от Столыпина, кадеты предлагали, сохранив институт собственности, все-таки пойти на то, чтобы изъять у помещиков за справедливое вознаграждение часть земель и передать ее крестьянам.

Здесь мы можем констатировать, что анализ проблемы правового дуализма и различных интерпретаций права собственности очень важен для понимания фундаментального конфликта свободы и равенства, лежавшего в основе российской революции. Этот конфликт можно определить также как конфликт принципа защиты прав собственника, с одной стороны, и необходимости жесткого, подчас граничащего с правовым волюнтаризмом, регулирования отношений собственности в условиях социальных преобразований. Это – противоречие легитимности земельных отношений, которое лежало в основе многих социальных конфликтов XIX–XX вв.

Я полагаю, что основу крупнейших социальных потрясений Нового и Новейшего времени составляет разрыв легитимности и законности, представлений о справедливости и позитивного права. Эту идею в свое время

четко выразил Л. Петражицкий, который говорил о том, что основной конфликт, существовавший в России в начале XX в. – конфликт интуитивного понимания права или ощущения справедливости, с одной стороны, и позитивного права, с другой. Позитивное право, таким образом, выступает как более консервативная сила. Оно должно меняться в соответствии с изменением интуитивных представлений о справедливости. Если этого не происходит, то возможна революционная отмена старого позитивного права.

Предложенный выше подход к анализу генезиса социальных конфликтов XVII–XX вв. позволяет уточнить само понятие «революция» и по-новому подойти к вопросу о типологии революций. В этом контексте, следует вспомнить теорию революций американского социолога Б. Мура, согласно которой существует три вида революций.

Первый тип – это буржуазная революция, результатом которой становится частная собственность на землю и западная форма демократии (Англия, Франция, США).

Второй тип – это консервативная «революция сверху», завершающаяся установлением фашистского режима (Германия, Италия, Япония).

Третий тип – это крестьянская революция, завершающаяся реализацией утопического коммунистического проекта (Россия, Китай и другие бывшие социалистические страны). Специфика этой модели заключается в господстве правового нигилизма и волюнтаризма, в разрушении института собственности. Такие революции ведут к ретрадиционализации, к восстановлению архаичных институтов и представлений, таких как Советы, которые становились тормозом устойчивого и разумного процесса социальных преобразований.

Эта модель аграрно-коммунистической революции интересна тем, что в основу социального переустройства была положена совершенно утопическая концепция решения

аграрного вопроса. В России она была представлена близкой представлением крестьян эсеровской идеей уравнительного распределения государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой. Причина утопизма этого решения состоит в невозможности осуществления и последующего поддержания фактического равенства в распределении земли: во-первых, его сторонники не могли определить, что такое единая трудовая норма; во-вторых, уравнительное распределение земли невозможно в силу того, что меняется численность населения; в-третьих, непонятно, как учитывать различное качество земли при ее распределении (и неизбежном последующем перераспределении), особенно имея в виду возможности ее различного хозяйственного использования.

Осознание утопичности этой модели ведет к появлению идей экспорта аграрной революции. Эти идеи нашли свое выражение в теории и практике Коминтерна, который пытался осуществить «черный передел» в других странах. Реализация этой модели, в конечном итоге, ведет к тупику «социалистической национализации» в форме коллективизации, то есть к установлению монополии государственной собственности на землю. Она заканчивается восстановлением доиндустриальных форм эксплуатации крестьян государством, основанных исключительно на насилии. Таким образом, реализация крестьянских представлений о справедливости ведет к ретрадиционализации общества.

Этим революционным методам следует противопоставить реформационный путь аграрной модернизации, который, хотя и был достаточно часто релятивистским в отношении права, все-таки позволял сохранять институт частной собственности хотя бы как важный социальный ориентир. Можно говорить о том, что эта концепция реализовалась в рамках конструкций авторитарной модернизации Столыпина в России, Наполеона III во Франции, Бисмарка в Германии, Чан-Кайши в Китае, Каррансы в Мексике и т. д.

Моделью для такого рода реформ в известной мере выступает Великая реформа 1861 г., которая разрешила серьезный социальный конфликт, не разрушая отношений собственности. В отличие от революции, трансформация общества достигалась не за счет массовой мобилизации на основе негативных ценностей (то есть отнять и поделить поровну), а за счет вмешательства государства в регулирование отношений собственности, за счет умелых манипуляций психологией традиционалистского населения элитными группами и за счет эффективной управленческой деятельности.

Почему в начале XX в. произошел срыв модернизации в России? Под срывом я понимаю сползание страны в аграрную революцию и разрушение отношений собственности. В нашей историографии, как известно, длительное время существовала автоматическая привязка революции к аграрному вопросу. Настало время развести эти проблемы и сказать о том, что аграрный вопрос и революция прямо не связаны между собой. Если подходить к аграрному вопросу с позиций коллективной социальной психологии, с позиций конструирования различных типов справедливости, различных моделей соотношения свободы и равенства, то нужно сказать, что связь между аграрным вопросом и революцией имеет опосредованный характер.

В настоящее время одной из гипотез, которая позволяет интерпретировать революционные процессы, является так называемый закон Токвиля. По мнению Токвиля, революция происходит тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, при котором, однако, ожидания продолжают расти. Токвиль заметил связь между ростом благосостояния и ростом агрессивности общества. Этот подход выводит нас на постановку нескольких проблем, которые важны для понимания подлинной связи между аграрным вопросом и революцией.

Во-первых, это проблема относительной депривации, то есть ощущения психологического дискомфорта,

социального разочарования в условиях относительного, а не абсолютного ухудшения экономического положения населения. Длительное время в историографии существовал тезис о том, что рост эксплуатации вел к росту классовой борьбы и, в конечном итоге, к возникновению революционной ситуации. Применительно к положению в России до и после реформы 1861 г. этот тезис не подтверждается источниками. Действительно, после 1861 г. происходит определенный экономический спад. Однако затем он сменяется быстрым подъемом. По темпам экономического роста на рубеже XIX–XX вв. Россия занимала одно из ведущих мест в мире. Таким образом, нет никакой прямой связи между экономической деградацией в аграрных отношениях и ростом революционных настроений. Скорее наоборот, рост революционных настроений был связан с определенными экономическими успехами, достигнутыми в результате реформы 1861 г. и столыпинской аграрной модернизации.

Во-вторых, предметом анализа должен стать сам феномен завышенных ожиданий как психологическая предпосылка крушения модернизационного проекта. Откуда брались завышенные ожидания в России? Их источником были представления крестьянства о несправедливости существующего распределения земли. Причем эти представления не только не ослабевали, но нарастали по мере юридического раскрепощения крестьянства в ходе реформы 1861 г., и особенно после 1907 г. Чем больше крестьяне получали прав и чем ближе становился их статус с другими слоями общества, тем больших прав собственности они требовали. Планка социальных запросов крестьянства оказывалась значительно выше его способности конвертировать этот новый социальный и правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция выражала, развивала и эффективно использовала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных следствиях для общества в целом и своего собственного положения. Вот в этом я вижу

специфический российский феномен завышенных ожиданий.

В-третьих, особого внимания заслуживает вопрос о происхождении социальной агрессии и предпосылки ее выхода наружу в различных формах девиантного и делинквентного, или даже насильственно-криминального поведения. Следствием успешной аграрной модернизации повсюду становится распад традиционных социальных связей, сдерживавших ранее эти формы протестного поведения. В современной литературе хорошо показано, что в рассматриваемый период рубежа XIX–XX вв. происходит распад религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи. Складывалась парадоксальная ситуация, когда этот процесс, являвшийся содержательным следствием модернизации, готовил мощный ресурс для ретрадиционализации общества. Крестьяне получили больше прав и больше свободы, чем могли рассчитывать ранее, но не знали, куда ее девать. Это приводило к росту агрессивности, которая проявлялась в насильственных действиях революционных толп, в частности, в поджогах помещичьих имений. В целом эту ситуацию можно, используя известное выражение, охарактеризовать как «бегство от свободы». Она стала возможна в результате того, что традиционалистские уравнительно-распределительные представления о справедливости возобладали над позитивным правом. Таким образом, причиной роста социальной агрессии крестьянства являлись не экономические, а психологические факторы, подкрепленные слабостью государственной власти, не способной одновременно проводить модернизацию и осуществлять жесткий контроль (эффективно осуществлявшийся ранее в традиционном сословно-иерархическом обществе).

В-четвертых, в условиях неустойчивого равновесия и роста социальной напряженности очень опасен неожиданный отказ власти от реформ и поворот к контрреформам. Действия государства, которые в других условиях могли бы рассматриваться как техническая

корректировка тех или иных реформ, в условиях неустойчивого равновесия начинают рассматриваться как контрреформы. К тому же, это служит сигналом для мобилизации сил, выступающих за разрушение существующей системы. Непоследовательность и ошибки государства в стратегии и технологиях преобразований являются важным фактором дестабилизации политической системы, особенно если это сопровождается поражением в войне, которое само по себе жестко ставит вопрос о легитимности существующей политической и правовой системы.

В-пятых, важнейшим условием успеха модернизации является когнитивное доминирование ее сторонников в обществе. Такое доминирование было достигнуто в ходе реформ 60-х гг., когда сформировался союз просвещенной части бюрократии и интеллигенции. Но затем этот союз распадается. Во второй половине XIX – начале XX вв. в среде российской политической и интеллектуальной элиты появились три основных подхода к решению вопроса о судьбе, тактике и стратегии модернизации: почвеннический, либеральный и радикально-революционный. Традиционалисты-почвенники считали, что модернизация противоречит национальным интересам и выступали за отказ от нее. Либералы-западники выступали за проведение форсированной модернизации, не считаясь с готовностью основной массы населения. Левые экстремисты стремились воспользоваться порожденным модернизацией конфликтом между традиционалистским массовым сознанием и позитивным правом для отказа от нее и захвата власти. Этот последний подход можно назвать формулой большевизма.

Большевикам удалось использовать отсталое массовое сознание как инструмент для реализации своих политических целей. Это удалось им потому, что в политической элите Российской империи не было единства по вопросам стратегии модернизации страны. Государственная власть утратила существовавшие ранее действенные рычаги формирования сознания крестьянства и

его этических представлений (чему в огромной степени способствовала ситуация Первой мировой войны). В результате происходит лавинообразное движение с парадоксальными последствиями. В конкуренции различных моделей аграрного переустройства начинают доминировать мифы Французской революции и коммунизма, которые являются совершенно абсурдными с точки зрения здравого смысла, но выступают «справедливыми» с точки зрения крестьянского сознания и чрезвычайно эффективными с точки зрения большевиков.

Таким образом, отказ от экономического детерминизма в изучении революции и реформ заставляет переосмыслить сам предмет исследования. Если системный кризис аграрных отношений существовал, то он был скорее кризисом сознания, а не кризисом экономики. Причина революции – неспособность традиционалистского авторитарного режима управлять процессом модернизации, который был успешно запущен либеральными реформами 60-х гг. XIX в., но не был доведен до логического конца. Ситуация незавершенной модернизации, в том случае если традиционалистские представления о справедливости не регулируются государством и если они не совмещены с позитивным правом, становится чрезвычайно опасной.

Возможность революционного срыва превращается в реальность вовсе не в результате каких-то экономических процессов или классовой борьбы, а в результате комбинации традиционалистского массового сознания, авторитаризма политической власти, не допускающей изменения позитивного права и существующих отношений собственности, и экстремизма радикальной интеллигенции, стремящейся использовать конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей.

Ну, и в заключение, так сказать, чтобы еще более конкретизировать мои выводы, я скажу что, на мой взгляд, перспективно в будущем обсудить следующие вопросы/

Во-первых, обсуждение аграрной проблематики, обсуждение аграрного вопроса, на мой взгляд, следует

вывести из обсуждения экономической и классовой ситуации и рассматривать их скорее с позиций когнитивной истории и информационно-коммуникативных процессов в обществе (до сих пор этим никто не занимался, но, по моему, это центральный вопрос, если мы хотим понять логику настроений, а не просто заниматься экономической историей как изучением различных форм хозяйственного опыта).

Во-вторых, природа конфликта при переходе от традиционного общества к индустриальному имеет, на мой взгляд, скорее социально-психологический характер и коренится в противоречии господствующих патерналистских, коллективистских и уравнилельно-распределительных представлений о справедливости и позитивного права, которое является рационалистическим и индивидуалистическим по определению/

В-третьих, нет никакой прямой и фатальной связи между аграрным конфликтом и революцией – таким образом, миф об аграрной природе революции, который существовал в советской историографии, равно как и теория революционной ситуации (во всяком случае, применительно к 60 гг. XIX в.) должен быть пересмотрен.

В-четвертых, революция черпает свою силу, безусловно, в традиционалистском сознании и в кризисе легитимности традиционного сознания, но она не сводится к этому.

Ну, и, наконец, в-пятых, революции можно было теоретически избежать, и, вероятно, нужно было это сделать, путем направленных правовых реформ и применения адекватных стратегий и технологий реформирования аграрных отношений.

Спасибо за внимание. Я в заключение хочу показать книги, которые, может быть, будут полезны для осмысления этого вопроса.

Во-первых, я хочу показать книгу Ольги Михайловны Медушевской «Теория и методология когнитивной истории». Это ее последняя книга, которая, на

мой взгляд, может быть положена (я имею в виду теорию когнитивной истории и вообще когнитивно-информационную теорию) в основу осмысления различных вариантов конструирования реальности, и в том числе в основу интерпретации соотношения права и справедливости в решении аграрного вопроса.

Во-вторых, то, что я говорил о различных теориях справедливости и об их соотношении с различными теориями права, можно прочитать в моей книге «Социология права». Это мой курс лекций в Высшей школе экономики, где представлен исторический и современный материал об этих дискуссиях, и где также сделана попытка его применения к анализу исторических процессов.

Третья книга – «Проекты аграрных реформ в России XVIII – начало XXI века». Здесь сделана попытка посмотреть, каким образом эти идеи отражены в различных проектах. То есть сделана попытка посмотреть на аграрный вопрос не только и не столько с точки зрения экономических форм хозяйства, сколько как на конкуренцию различных моделей аграрного переустройства и различных концепций соотношения права и справедливости в решении вопроса о частной собственности на землю. Причем выясняется интересная вещь, связанная с тем, что многие идеи повторяются в русской истории. Когда мы сейчас слышим дебаты о Земельном Кодексе и о трудностях решения аграрного вопроса в современной России, то убеждаемся в том, что они очень напоминают дебаты периода крестьянской реформы и периода реформ Витте и Столыпина. То есть мы видим волнообразное возвращение к одним и тем же парадигмам, что говорит, в общем, об известной преемственности в обсуждении этих вопросов.

И, наконец, последнее. В концентрированном виде некоторые мои идеи, и в частности постановка вопроса о важности закона Токвиля при изучении этих вопросов, рассмотрены в моей статье «Великая реформа и модернизация России». Это № 1 журнала «Российская

история» за этот [2011] год. Кому интересно, пожалуйста, посмотрите эти работы. Спасибо.

А. М. Никулин: Андрей Николаевич, спасибо за очень содержательный доклад и за целый веер предложенных дальнейших направлений исследования и обсуждения. Я предлагаю сразу передать слово нашему другому докладчику. Мы рады нашему гостю из Казани. Пожалуйста, Дмитрий Иванович.

Д. И. Люкшин: Коллеги! История Россия, понимаемая в рамках пропедевтической онтологии, в нынешнем состоянии сильно смахивает на вырванную из учебника страницу с ответами. Результаты – вот они, а условия задачи неизвестны. Можно без труда указать очевидные итоги исторического процесса: падение монархии или, например, разрушение хлебозаготовительного аппарата летом 1917 г. Здесь все ясно. Однако уже при первых попытках систематизации фактуры возникает затруднение с определением причин неравномерного распределения феноменов и условий их концентрации.

Дефицит субъективного начала, инспирируемого идеологической константой, не компенсируется ни новейшими державными указаниями, ни ссылками на синергетический эффект. За отвалами исторической руды смысловой горизонт не просматривается. Для ситуации постмодерна, где «означающее» по условиям игры скользит над «означаемым», проблема рассогласования смыслов априори не существует, поэтому такая ситуация не может рассматриваться как проблемная. Но вот для позитивной онтологии позиция: «Мы ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса» – очевидное свидетельство эпистемологического коллапса.

Лишенная идейного стержня, отечественная историография в начале 1990-х гг., в видах обеспечения сохранения дискурса и выживания корпорации, была принуждена обратить внимание на прошлое нашей страны. Одним из периодов наивысшей концентрации исторических событий оказалось второе десятилетие XX в. Это время, в

котором сплетаются различные сюжетные линии российских историй – от бытовых до метафизических. Одна из таких линий – пересмотр символики либеральной политической оппозиции – к настоящему времени не может быть отнесена к числу избыточно обеспеченных научной литературой или окончательно решенных научных вопросов.

Для большинства исследователей осталось незамеченным то обстоятельство, что в годы Первой русской революции место *аграрного вопроса* – как основного содержания претензий оппозиции к власти – занимает *рабочий вопрос*. Рост численности промышленного пролетариата в городах и феноменальное событие декабря 1905 г. – знаменитая «Красная Пресня» – привели к тому, что оппозиция стала рассматривать рабочий класс как социальный слой, призванный сыграть роль передового барана в борьбе с властью. В сравнении с ним, крестьянство еле-еле раскачалось к 1906 г., а полученные крестьянством результаты были далеки от паралича власти, который наблюдался в октябре–декабре 1905 г.

Смена политического тренда позволила максимально обострить дискуссию на поле политики, что усиливало позиции «аннибалов либерализма», и определила формат политического торга последующего десятилетия. Однако для характеристики аграрного строя имперской России начала XX в. изменение места аграрного вопроса в политических лозунгах и требованиях оппозиции не является даже вспомогательным. Это всего лишь иллюстрация к выводу об искусственном характере аграрного вопроса для социального тела нашей страны.

Впервые об аграрном вопросе заговорили перед 1861 г., но всерьез о нем речь пошла уже после так называемых «Великих» реформ, когда по расписанию модернизаторов он должен был уже разрешиться. Аграрный вопрос, таким образом, выступил в роли симулякра, к которому были стянуты, вербализированы и предъявлены для обозрения политическим оппонентам претензии новой генерации адептов освободительного движения.

Предпринятая в позднейшей историографии попытка определить фактическое содержание аграрного вопроса как проблемы крестьянского малоземелья, окончилась констатацией нерешенности и даже неразрешимости этой проблемы. Получалось, что в России земельный вопрос, нередко презентуемый как камень преткновения на пути Прогресса, так и не был решен – нехватка земли перестала быть злостью дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого века. Между тем объем хлебного экспорта – напрямую, а структура национального хозяйства – косвенно – свидетельствовали о высокой жизнеспособности крестьянского способа производства и его довольно высокой эффективности.

В качестве примера укажем на судьбу столыпинской реформы, представлявшей собой эффективный, радикальный, едва ли не единственно верный ответ на заданный либералами аграрный вопрос. Население однако восприняло правительственные усилия без особого энтузиазма и нередко в целях весьма далеких от замыслов реформаторов, что, к слову сказать, послужило одной из причин укрепления в нашей историографии мнения о провале столыпинской реформы. Хотя крестьяне, видевшие резоны в столыпинском землеустройстве, использовали свой шанс. Напротив, те, кто усматривал в ней вызов своим жизненным стратегиям, пытались противодействовать правительственному попечению. Основываясь на материалах Казанской губернии, могу сообщить, что с 1910 по 1914 гг. наблюдался всплеск антистолыпинских мероприятий, но ни одна из этих акций политической подоплеки не имела.

На сегодняшний день можно утверждать, что при распределении ролей между участниками будущей революционной драмы, имевшем место в теоретических дискуссиях начала XX в., речь шла вовсе не об учете реального потенциала акторов, а о визуализации образа симулякров, призванных символизировать продвижение по пути освобождения. Малоземелье здесь выступало в роли

ultima ratio, предъявлявшегося в споре ревнителей реформ с имперскими структурами управления, полагавшими, что состояние общества достаточно стабильно и радикального вмешательства в бытие социального тела не требуется.

Аграрный вопрос как проблема предоставления крестьянам земли на самом деле в России начала XX в. не существовал, поскольку он не мог быть решен. Несложные подсчеты, произведенные неопитами аграрной истории, без труда позволяют доказать, что выполнение минимальной трудовой нормы в центральных губерниях не могло быть достигнуто без выселения части крестьян за пределы этих губерний. Как известно, ни администраторы, ни крестьяне в этом формате вопрос никогда и не ставили.

При этом процессы, протекавшие в крестьянских обществах, имели собственное содержание, с трудом переводимое на язык политического. Коллапс аграрно-социальной хозяйственной организации, вызванный реформами 1861 г., к началу второго десятилетия XX в. в целом был преодолен. Для этого потребовались избыточные усилия социального тела, которые хотя и не выходили за рамки этики выживания, но привели к деформации архитектуры моральной экономики как «сверху», так и «снизу».

Крестьянство воспринимало реформу 1861 г., в первую очередь, как покушение на свои исконные права, поскольку теряло не столько в земле, сколько в угодьях. Для разных категорий крестьян острота проблемы была разной. Для государственных крестьян в ситуации их бытовых усилий и этики выживания мало что менялось. Для помещичьих крестьян последствия были более тяжелыми, поскольку они привыкли существовать во многом за счет своих благодетелей. Помещичье хозяйство без помещика существовать не могло. Оно было неполноценно и нежизнеспособно без системы обмена взаимными неоплачиваемыми услугами.

Что касается деформации моральной экономики «сверху», то, нужно учитывать, что причиной реформ 1861 г.

было отнюдь не альтруистическое желание государя дать свободу своим подданным, а желание получить деньги на модернизацию вооруженных сил. Основная идея Великих реформ состояла в том, чтобы порыться в крестьянских карманах и найти там денежки на государственные нужды. Наше государство, желая проводить какие-то реформы, всегда исходит из реализации своих конкретных интересов. В этом смысле, столыпинская реформа – попытка второй раз ограбить уже ограбленное крестьянство и уверить его в том, что это снова делается для его же блага. Приблизительно так крестьянство в основной своей массе эту реформу и понимало.

Произошедшие в архитектуре моральной экономики изменения, вызванные реформой и ее последствиями, не были закреплены традициями и моралью. Времени было недостаточно для того, чтобы успели сформироваться новые традиции. Обычное право творится в сфере совпадения индивидуальных представлений о должном, которые ограничиваются унификацией социальных практик. Объективные основания в нем, как правило, отсутствуют. В этом смысле, новый формат представлений о месте деревенского «мира» в структуре социума находился в стадии формирования.

Крестьянство в начале XX в. лишь приступило к плетению ткани новой социальности, призванной обеспечить стабильность социума. Сшитые на «живую» нитку кросскультурные связи были очень уязвимы. Столыпин почувствовал это шаткое состояние российского общества. Он требовал «20 лет покоя» не для проведения одной только аграрной реформы, а для укрепления и стабилизации новых социальных отношений и связей, и, в конечном счете, для создания новой России.

В годы Первой мировой войны новые, на живую нитку сшитые социально-хозяйственные практики оказались деформированы под воздействием миграционных потоков. Поэтому в некоторых областях крестьянские структуры повседневности оказались разрушены к началу 1917 г.

В районах же, где мирская организация оказалась более устойчивой, общинники энергично воспользовались открывшимися возможностями для восстановления этики выживания. Утверждая старые принципы на новый лад, крестьянские общины в 1917 г. активно использовали «оружие слабых» – саботаж, порубки, потравы и т. п. Интерпретируя эти коллизии, не стоит забывать, что в системе моральной экономики беспорядки выполняют функцию семейных скандалов в формате: *милые бранятся, только тешатся*.

Проблема в том, что данная форма коммуникации справедливо считается рискованной: если в «запале» диалога звучат запретные слова или производятся табуированные телодвижения, дело оборачивается революцией; если же стороны сохраняют приличия, то все кончается реформами. Вот только понятия о пределах дозволенного у каждого участника дискуссии были свои, а интерпретация содержания дискутируемых тезисов осложнялась тем, что новая социальная конвенция еще не вступила в силу. Ритмы социальных интеракций в военной России явно не совпадали. В тот момент, когда крестьяне по итогам 1916 г. готовились перейти к милому завершению уютного семейного вечера, правительство решительно хлопнуло дверью, покинув пейзаж с их вопросами и проблемами в одиночестве.

Место Имперского правительства заступило Временное, деятельность которого фактически открыла шлюзы для развертывания сценария, который с 1993 г. носит *оксюморонное* название «*общинная революция*» (непредставимое хотя бы потому, что *община* и *революция* две вещи теоретически несовместимые). Случившееся в российской деревне 17-го года в рамках классических схем позитивной истории описано быть не может – из имеющегося в наличии комплекса фактов революция следовать не могла. Мировой исторический опыт свидетельствует о том же: селяне выступают силой консервативной (иногда, правда, говорят: «реакционной»),

сдерживая лихой порыв бесшабашных пауперов. Однако же комплекс мемуаров, научных штудий и экспертных оценок, касающихся событий русской смуты начала XX в., сомнений не оставляет: заглавная роль в ликвидации ростков либерализированной государственности принадлежит селянам. Соответственно, именно крестьянское «попустительство» (определение С. Ф. Платонова) явилось решающим условием интронизации Советов. Для любого добросовестного исследователя не секрет, что на основе доброго позитивного метода истоки русской смуты остаются неочевидными, если, конечно, не принимать всерьез романтические истории о руководящей роли вездесущих большевиков, которыми тешились в сталинской интеллектуальной лакейской.

Напротив, истолкование событий 1917 г. с помощью крестьяноведческих подходов позволило получить логичную и внутренне непротиворечивую историческую картину Второй русской смуты, показать, что «общинная революция» проходила в рамках оборонительных стратегий крестьянства, которые в патримониальной монархии облекались в форму агрессии. В условиях отсутствия гарантированных прав подобный вид коммуникации остается единственно доступным для населения, желающего апеллировать напрямую к самому высокому руководству. Вступая в игру, правительство, желающее продемонстрировать готовность к сотрудничеству, направляет к месту беспорядков полицейские силы (в тяжелом случае – воинские команды), для того чтобы урегулировать проблему. Когда крестьяне видят, что прибыла полицейская команда, то они делают вывод о том, что их *услышали*.

По итогам этих столкновений, на новом поле, разворачивается диалог между властью и населением, форма и содержание которого в России известны еще со времен князя Игоря Старого, и реплики действующих лиц в нем прописаны строго по канону: *Тезис* крестьянства – *Ответ* начальства, а затем совместная продуктивная работа.

Правила игры не менялись вплоть до 1861 г., когда правительство в одностороннем порядке их пересматривает. В начале XX в. русскому мужику, который не вполне усвоил новые начальственные повадки, пришлось привыкать еще и к столыпинским новеллам.

Неудивительно, что не все шло гладко, ведь в крестьянском понимании отсутствие конных стражников означает, что их *не слышат*. Эта ситуация трактуется в общине либо как нежелание вести диалог, либо как следствие недостаточной интенсивности «месседжа» – и в любом случае рассматривается как санкция для интенсификации агрессии.

Правительство не может уклониться от диалога, поскольку одновременно с развитием крестьянской активности происходит легализация достигнутых де-факто результатов и расширение номенклатуры притязаний. Причем крестьянские требования в принципе безграничны, они могут продолжаться вплоть до «крестьянских царей».

Так вот, *Вопрос* крестьяне сформулировали: начиная с апреля 1917 г. они – косили, рубили, воровали, тащили, пилили... и даже пахали чужую землю... – но так и не дождались от государства никакого *Ответа*. Осенью 1917 г. отчаявшееся «достучаться до небес» крестьянство переходит даже к переделу земли. И здесь... диалог продолжают уже большевики.

Обоснование оборонительного характера крестьянских интеракций позволяет разобраться и с вопросом о *неожиданности* революций 17-го года. Для современников падение имперского, а затем и либерального правительств оказалось полной неожиданностью, да и последующие разработки внятных оснований для коллапса российской государственности не выявили. Между тем, даже беглый анализ жандармских отчетов за период с января 1916 г. по февраль 1917 г. позволяет говорить о том, что жандармская социология уверенно тестировала наличие системного кризиса в российском обществе. «Знаком беды» для Казанской губернии, например, стали попойки в

татарских деревнях (в других регионах были, конечно, свои «вензеля»). В ряде уездов Казанской губернии еще 1916 г. на Сабантуе (праздник плуга, отмечался мусульманами в связи с началом весенних полевых работ) было отмечено пьянство среди магометанского населения. Татарская пьянка жандармскими аналитиками была воспринята как нечто совершенно невообразимое и немислимое (В дореволюционной России любая артель биндюжников считала необходимым завести кассира-татарина – именно потому, что была уверена: он не пропьет общественных денег). Однако губернские жандармы ограничились выяснением настроений среди татар и, убедившись в их «верноподданническом» характере (пьют «за Царя», «за Победу»..., «за Турцию» – *не пьют...*), – успокоились. В 1917 г. эта алкогольная практика продолжилась, получив самое широкое распространение.

Значительное влияние на состояние общины оказывали военнопленные, которые с 1915 по 1917 гг. размещались в поволжских деревнях. Свою роль в дестабилизации ситуации сыграли беженцы из западных губерний, которые были компактно расселены в районах Поволжья и Приуралья. Все эти элементы бросали вызов этике выживания и архитектуре сельского «мира». Поэтому после свержения монархии отмечалось массовое стремление местных мужиков (отпускников и раненых) любыми способами задержаться в своих деревнях. В апреле 1917 г. в деревнях уже скопилась критическая масса разного полулегального люда, который перешел к спонтанным акциям, вылившимся затем в системные проявления аграрной революции.

Исключавший государственное насилие либеральный стиль руководства, приверженность которому демонстрировало Временное правительство, был естественно понят общинниками как поощрение к дальнейшим экспериментам, а запоздалые и вялые попытки водворить по осени порядок – игнорировались. В итоге

«общинная революция» была фактически завершена до октября 1917 г.

То есть еще до того как большевики захватили власть, деревня уже жила сама по себе, не обращая внимания на то, что происходило в центре. Получается, что «общинная революция» и октябрьские события в Петрограде – это различные процессы, волею случая сошедшие во времени, под их тяжестью и рухнул имперско-патриархальный уклад, обеспечивавший стабильность и преемственность в обществе. Поэтому деятельность большевиков на первом этапе их пребывания у власти, когда главной задачей было ее сохранение, заключалась в реализации сценария Реконкисты страны крестьянской утопии. К началу 30-х гг. этот замысел удалось вполне реализовать.

Все остальное – это уже другая история. Спасибо за внимание.

А. М. Никулин: Спасибо. Уважаемые коллеги, переходим к обсуждению прозвучавших докладов.

А. В. Гордон: А. Н. Медушевский сказал, что аграрного вопроса в древности не было. А потом вспомнил братьев Гракхов и *ager publicus*. Так был ли в древности и, в частности, в Древнем Риме, аграрный вопрос или его не было?

А. Н. Медушевский: Аграрный вопрос предполагает осознание большей частью общества несправедливости распределения земельной собственности. Он возникает поэтому преимущественно в Новое время в связи с переходом от традиционного, сословного общества к индустриальному, гражданскому (основной принцип которого – равенство всех перед законом). В Древнем Риме существовал конфликт из-за распределения земли между плебеями и патрициями, точнее – сенатской знатью, но этот конфликт не охватывал все общество (само это понятие ограничено для эпохи рабства). Именно поэтому попытки Гракхов осуществить аграрную реформу могли представлять только ограниченный характер (выражая интересы свободного крестьянства) и имели мало шансов на успех.

А. В. Гордон: Вы акцентировали внимание на том, что аграрный вопрос связан с разложением традиционной общины. Но ведь это процесс циклический. Оно было в Древнем Риме, и оно оказалось одной из предпосылок выступления Гракхов. На каждом новом витке истории были такие моменты разложения общины. А потом она восстанавливалась, модифицировалась и т. д.

Вы вспомнили про Французскую революцию. Это вообще мне очень близкая тема. Нельзя сказать, что якобинцы были сторонниками каких-то аграрно-коммунистических проектов...

А. Н. Медушевский: Они были сторонниками уравнительного распределения земли.

А. В. Гордон: Верно. Но если говорить об аграрно-коммунистических проектах и их авторах, то они были маргинальны для Французской революции. Это связано со следующим фактором. Вы, сравнивая Французскую и Русскую революции, сказали, что в результате Французской – утвердился институт частной собственности на землю, а в результате Русской – этого не произошло. Это было связано с тем, что во Франции институт частной собственности развивался еще до революции.

Ваши размышления по поводу позитивного права навели меня на мысль, что уже в Средние века во Франции была коллизия права писаного и обычного. Обычное право – это кутюмы. Писаное право – римское право. Оно утверждалось во Франции неравномерно. На юге оно утверждалось более решительно, и поэтому там феодализм не получил такого сильного развития как в других районах Франции. Если в зоне кутюмов был принцип – нет земли без сеньора, то на юге Франции был другой принцип – нет сеньора без титула, то есть без права, без договора.

Когда мы говорим о том, что аграрный вопрос в России появился в 1861 г., то впадаем в некую абстракцию. Его уже в XVIII в. при Екатерине II Уложенная комиссия рассматривала.

Я считаю, что в крестьянском вопросе отчетливо проявляется историческая преемственность. Мы думаем, что революция произошла, и все изменилось. Но это не так. Применительно к крестьянству многое воспроизводится. Почему это происходит? Почему мы все время выходим на одни и те же проблемы? Наверное, потому, что крестьянство – это гораздо больше, чем просто какое-то народонаселение. Это нечто такое, что связано с землей, а все вопросы, связанные с землей, – это вопросы, которые имеют под собой какую-то...

Т. А. Савинова: Метафизическую природу, которую нам не постичь.

А. В. Гордон: Да, с одной стороны, метафизическую природу... С одной стороны – это метафизика, а с другой стороны – это такой хлеб насущный, что никуда не денешься от него.

А. Н. Медушевский: Несколько комментариев. Когда возник аграрный вопрос в России? Я подчеркиваю, что аграрный вопрос возникает тогда, когда значительная часть населения считает, что существующее в обществе распределение земельной собственности является несправедливым. Я не думаю, что в эпоху Екатерины II такое осознание было. Как феномена массового сознания «аграрного вопроса» для этого периода не существовало. Применительно к этому времени целесообразно говорить, возможно, лишь о «крестьянском вопросе» – начале осознания передовыми мыслителями аморальности и неэффективности крепостного права. Аграрный вопрос как явление общественного сознания (представленного первоначально элитой правящего сословия) появляется в России в лучшем случае после Французской революции. Появляется не только в России, но и в других странах Центральной и Восточной Европы. В четком виде отделение *аграрного* вопроса от *крестьянского* происходит в России лишь после Великой реформы 1861 г., когда формируется конфликт права и справедливости в отношении распределения земельных ресурсов.

Когда я говорил об утопических идеях Французской революции, то имел в виду программу якобинцев, которая сводилась к уравнительному распределению земли, и коммунистические идеи, в частности, идеи Бабефа, которые можно, в известной мере, рассматривать как предпосылку большевизма.

В истории аграрных реформ существует определенная цикличность. Периодически в отечественной и мировой истории происходит возвращение к идее частной собственности на землю, потом отступление от нее или поиск компромиссных форм. Скажем, в современном Китае существует пожизненная аренда земли. Ее нельзя рассматривать как продолжение коммунизма, потому что *de facto* эта земля находится в распоряжении крестьянина. Но это и не переход к частной собственности в том виде, в каком он был на Западе. Есть масса других промежуточных вариантов. Может быть, на какой-то стадии в России, как предлагал Поленов, пожизненная крестьянская аренда земли могла быть выходом их ситуации.

Сам поиск оптимальной модели решения аграрного вопроса связан с тем, что в обществе существует осознание его нерешенности. Этим объясняется, в частности, происходящее сегодня возрождение интереса к идеям Столыпина, несмотря на то, что прошло целое столетие после его реформы.

А. М. Никулин: Пожалуйста, еще вопросы.

Н. Л. Роголина: Мне показалось, что оба наших доклада интересны. Они разные по стилю и по концепции. Но то, что было представлено по объему сложных и интересных вопросов – составит нам повестку дня. Повестку дня на целый год. Тут такая масса интересных и спорных вопросов поставлена, что открывается целый веер возможностей для обсуждения.

Я много читала текстов А. Н. Медушевского. Они меня потрясли своей новизной и актуальностью. То, что я поняла, очень перекликается с тем, над чем я работаю, и о

чем я думаю. То, что я не понял, кажется мне еще более прекрасным, и я это буду изучать.

Тезисно я вот о чем хочу сказать. Новизна и актуальность того, что мы сегодня слышали, состоит в понимании сути аграрного вопроса как социального феномена Нового времени, непосредственно связанного с модернизацией традиционного общества в условиях товарно-рыночной перестройки. Она шла в дореволюционной России 30 лет – с 1883 по 1912 гг. С 1883 г. крестьяне начали приспосабливаться к товарно-денежным отношениям, к частной собственности, к рыночной специализации. Одни арендовали купчую землю, другие вынуждены были сочетать сельское хозяйство с разными формами отходничества и т. д.

Интересен анализ противоречий модернизации с позиций правового дуализма, с позиций конфликта позитивного закона и общественных представлений о справедливости. Вопрос о правовом дуализме во всей своей полноте ставили и юристы-государственники, и аграрники: П. Струве, Л. Литошенко, И. Ильин, Б. Бруцкус, А. Изгоев и др.

А. Н. Медушевский дал развернутую трактовку Великой реформы 1861 г. В ее основу был положен институциональный и философско-правовой подходы. Мне кажется, показателен вывод о том, что реформа была осуществлена без разрыва правовой преемственности с формулой социального компромисса, правового согласования интересов основных социальных слоев.

Столыпинская реформа была логическим завершением реформы 1861 г. Она была основана на компромиссности, наличии выбора, многообразии форм собственности и последовательном закреплении прав новых собственников. Мы слышали о знаменитом сегодня перуанском мыслителе Э. де Сото. Его приводят нам в пример. Но откуда он взял свои идеи? Посмотрите на второй этап столыпинской реформы, который относится к 1910–15 гг. Все усилия были брошены на то, чтобы закрепить групповое, в самой общине, землеустройство. Почему мы

делаем упор на первом этапе реформ – на единоличном выходе из общины? На втором этапе уже была упрощенная схема, более подходящая для наших условий. На землеустройство бросились все крестьяне с удовольствием. 6 млн было подано заявлений.

Что помешало? Война. Ушли в действующую армию все те, кто собирался пройти процедуру землеустройства. Большинство землестроителей ушло в армию. Вот почему реформа сошла на нет. Но потребность была в ней очень большая.

В определенном успехе столыпинской реформы свою роль сыграли и профессионализм власти, и новое отношение крестьян к собственности. А как оно развивалось у крестьянства? Через рыночные отношения, через утилитаризм и прагматизм. Ответ на этот вопрос дал в своих книгах А. С. Ахиезер. Он как раз показывает, как происходит переход от общности к обществу. Ведь не община, а кооперация все большую роль играла.

Следует сказать и о других инновациях, связанных со столыпинской реформой. По ее условиям земля стала принадлежать домохозяевам, а не семье. Это была правильная мера, потому что она позволяла привить частную собственность. В то же время реформа содержала в себе элементы патернализма. По столыпинскому законодательству землю можно было, уходя из общины, продавать только крестьянам. Для того чтобы не было спекуляции, разрешалось иметь не более 6 наделов. То есть существовали переходные формы от старого к новому. Положительные процессы в ходе столыпинской реформы нарастали, и этот факт нашел отражение в современной историографии. Здесь можно назвать работы О. Вронского, В. Тюкавкина и других исследователей.

Рассуждая о причинах столыпинской аграрной реформы, Д. И. Люкшин сказал, что государству нужны были деньги, и их выкачивали из крестьян. С. Хок, Б. Миронов и другие доказали, что 16% городского населения заплатило за индустриальную модернизацию

путем косвенных налогов. А. Вайнштейн подсчитал, что в 1912 г. 18% чистого дохода уходило у крестьян на налоги и обязательные платежи, а остальные 3/4 они расходовали на свое хозяйство.

Причины революции сложные. На мой взгляд, главной причиной была война. Ведь в 1914 г. известный «общинник» Н. Огановский с тревогой говорил о том, что еще несколько лет, и, если колесо истории не повернется влево, Россия будет страной собственников. Мы поймем пафос этого его утверждения, если будем учитывать, что важнейшими элементами столыпинской реформы были землеустройство, культурная работа, кредитование и кооперация.

Безусловно, свою роль в дестабилизации ситуации сыграли ошибки государства. Когда начались «квиллюминации» помещичьих имений, когда полыхнула «общинная революция»? После декларации В. Чернова. 28 июня 1917 г. он заявил о временном прекращении столыпинских разверстаний. Это было для крестьян как красная тряпка для быка. И после этого все покатилося. А в это время эсеры, Главный Земельный Комитет, буксовали в спорах по поводу все тех же норм и вопросов о справедливой оценке и т. д.

Несколько слов о кадетской аграрной реформе. Кадетская программа была хуже, чем столыпинская. В первых, они ошибались – не было *малоземелья*, было *относительное малоземелье*. У общин было 2/3 удобных для земледелия земель. Почему они не переносили культуры с барских полей? Хотели делить землю! Вот это и есть манихейство, общинность, которые изживались по мере товарно-рыночной перестройки и успешного развития столыпинской реформы.

А. Н. Медушевский: Я поддерживаю идею о необходимости изучения феномена правового дуализма, который сохраняется и в современной России. Н. Л. Рогалина не случайно вспомнила Э. де Сото и его книгу «Загадка капитала. Почему капитализм торжествует

на Западе и терпит поражение во всем остальном мире». Ответ на вопрос, сформулированный в названии этой книги, по мнению самого автора, состоит в том, что капитализм предполагает не просто рыночный обмен, но и существование стабильных институтов, деятельность которых регулируется правом. Если нет консенсуса по поводу базовых правовых норм, то капитализм в его классическом виде не работает. Это утверждение, справедливое в отношении России, подтверждается большим эмпирическим материалом по современным странам Азии и Латинской Америки.

Я согласен с тем, что институциональный подход очень важен. Но возникает вопрос: что такое институт? Если мы возьмем классических институционалистов, то они говорят, что институт – это некое консолидированное общественное отношение. Неоинституционалисты говорят, что существенное значение для института играют установленные правила игры – правовые нормы. Они, собственно говоря, образуют рамки института, его границы, систему информационных коммуникаций в нем. В любом случае, институты очень важны. Одна из главных задач модернизации как раз и состоит в создании современных эффективно работающих социальных институтов.

В этой связи встает проблема формирования современных институтов в странах второго и третьего эшелонов модернизации. Откуда взять институты, если их нет? Есть два варианта ответа на этот вопрос. Одни говорят, что их нужно заимствовать. Другие – что их нужно выращивать. В случае реализации первого подхода неминуемо возникнет проблема совместимости искусственно трансплантированных институтов с традиционалистским сознанием большинства населения. Говоря иначе, встает вопрос: можно ли заимствовать капитализм из другой страны? Это вопрос, который требует обсуждения. Если говорить об идее выращивания институтов, то это хорошая идея, но ее реализация требует длительного времени, которого, как правило, нет. В то же

время без рациональных институтов современное государство существовать не может. Попытки решить эту дилемму зачастую обуславливают скачкообразный, силовой, форсированный характер модернизации.

Я должен прокомментировать тезис об экономических причинах Великой реформы 1861 г. Я считаю, что старый тезис о том, что крестьян «обрабили как липку» в 1861 г., совершенно не состоятелен.

В. В. Зверев: Почему не состоятелен?

А. Н. Медушевский: Я объясню. Во-первых, крестьяне получили вполне достаточное количество земли для ведения хозяйства, и если оно казалось им недостаточным, то причина – в отсутствии навыков эффективного земледелия.

Т. А. Савинова: Они 1/5 надела потеряли.

В. В. Зверев: 20% у них отрезали в 1861 г.

Н. Л. Рогалина: Это 1/5 только была...

Т. А. Савинова: Что значит только 1/5?

А. Н. Медушевский: Они получили значительно больше земли, чем современные колхозники.

Т. А. Савинова: А причем тут современные колхозники? Мы сейчас говорим о реформе 1861 г.

В. В. Зверев: Современный надел, который бывший колхозник получает на пай – 6 га.

Т. А. Савинова: А у них было 6 десятин.

В. В. Зверев: 3,8 десятины получили крестьяне по реформе 1861 г.

Н. Л. Рогалина: 12 десятин.

В. В. Зверев: Нет. Только в степной зоне получили по 11–12 десятин. В среднем по России получили по 3,8 десятины.

Н. Л. Рогалина: Это очень сильно разнится по областям.

В. В. Зверев: Я опираюсь на подсчеты П. Г. Зайончковского, Б. Г. Литвака, Н. М. Дружинина.

А. Н. Медушевский: Есть еще подсчеты Т. Эммонса и других.

В. В. Зверев: При всем уважении к Т. Эммонсу, подсчеты отечественных исследований более репрезентативны.

А. Н. Медушевский: Необходимо договориться о критериях оценки количества предоставляемой земли. Если исходить из того, что крестьяне до реформы имели много земли, то тогда количество земли было ограничено. Но если исходить из того, что до реформы они не имели земли, то, напротив, теперь они ее получили. Это вопрос оценочной позиции, который, как я стремился показать, был центральным в ходе дебатов об условиях крестьянского освобождения.

В. В. Зверев: Даже если исходить из Вашего правового подхода, то крестьяне в 1861 г. земли не получили. Они стали не собственниками земли, а пользователями. Это разные вещи.

А. Н. Медушевский: Крестьяне не были собственниками земли до завершения выкупной операции. После завершения выкупной операции они ими стали.

В. В. Зверев: Нет. 14 декабря 1893 г. был подписан Закон «О неотчуждаемости наделных земель», по которому крестьянин не мог этой землей распоряжаться. Более того, по этому закону, если крестьянин переселялся в Сибирь, то ему не полагалось даже компенсации. О какой мы говорим собственности?

Н. Л. Рогалина: Это контрреформы...

В. В. Зверев: Это не имеет значения. Возникает вопрос: почему Александр III вынужден был пойти на контрреформы? Кстати сказать, термин «контрреформы», введенный представителями российской либеральной историографии, весьма спорный. Контрреформы затронули судебную сферу, сферу образования и т. д. Но в то же время происходила существенная модернизация экономики. Экономика развивалась, и развивалась отнюдь не по либеральным рецептам 1860–1870-х гг. Политика «открытых дверей» привела к тому, что экономика была разбалансирована. Действия Александра III были

продиктованы необходимостью решения проблем экономического развития. Эта необходимость привела к тому, что начали предприниматься меры, направленные на сохранение общины. В немалой степени они были обусловлены следующим обстоятельством: по подсчетам российских экономистов 1890-х гг., которые подтверждаются и исследованиями А. М. Анфимова, в конце XIX в. в российской деревне было 23 млн незанятых рабочих рук, а к 1913 г. их число увеличилось до 28 млн. Какой каркас «моральной экономики» может это выдержать?

Если говорить о столыпинских реформах, то где укрепились хутора и отруба?

Н. Л. Роголина: На Западе и в Центре (Воронежская губерния).

В. В. Зверев: На Западе, на Юге, в определенной степени в Поволжье (и то не везде). Центр остался фактически нетронут. А в 1911 г. кулаков по всей стране уже начали активно жечь.

А. Н. Медушевский: Я все-таки считаю, что по итогам реформы 1861 г. крестьяне получили не так мало земли, особенно в сравнительном отношении. Это первое. Выкупная операция была осуществлена государством. Это второе. Наконец, третье: я согласен с тем, что никакого малоземелья не было. Это был вопрос производительности труда. Немецкий крестьянин с меньшего количества земли получал гораздо больший урожай. Просто русские крестьяне не использовали достижения агрономической науки, и поэтому урожай был низким. При этом говорили, что им не хватает земли.

Если сравнивать кадетскую аграрную программу и столыпинскую, то надо иметь в виду, что обе программы полностью не реализовались. Когда я говорил о кадетской программе, то имел в виду прежде всего вопрос о преемственности отношений собственности и перераспределении имущества. Столыпин не ставил четко этот второй вопрос. Он предполагал, что перераспределение земельной собственности произойдет постепенно в силу

рыночных законов – через Крестьянский и Дворянский банки. Сохранение *status quo*, которое он декларировал, означало сохранение дворянских, государственных и церковных земель за прежними собственниками. Необходимо учитывать, далее, что внутри кадетской партии существовали различные точки зрения, и поэтому говорить о единой позиции кадетской партии по аграрному вопросу трудно. Там была представлена позиция, близкая к социалистической, и была либеральная позиция, например, точка зрения Л. Петражицкого, который говорил, что не следует вообще ставить вопроса о перераспределении земельных ресурсов государством.

В. В. Зверев: Ссылаюсь на подготовленную МГУ к 130-й годовщине отмены крепостного права в России учениками П. А. Зайончковского работу «Великие реформы России. 1856–1874». В статье С. Хока содержится анализ выкупной операции, в основу которой была положена спекулятивная банковская операция, не стоившая государству ни копейки. Более того, 40% русских помещиков от этой операции вообще ничего не получили, потому что 66% крепостных крестьян были заложены-перезаложены в Государственном банке. 60% помещиков деньги получили, но только в виде 5% выкупных свидетельств, которыми было запрещено торговать на бирже. По подсчетам Н. М. Дружинина, после отмены крепостного права соотношение между доходностью надельной земли у помещичьих крестьян и выплатами, связанными с выкупной операцией, подушной податью и т. д. составляло 100% к 180%. У государственных крестьян это соотношение составляло 100% на 100%. Ободрали или не ободрали русского мужика? Ободрали как липку!

По подсчетам уже неоднократно упоминавшегося Дружинина, за 20 лет с 1861 по 1880 гг. производительность труда в русской деревне, несмотря на эти страшные условия, выросла на 0,2%. Слава Богу, что она еще выросла! Это в свое время наш прекраснодушный «аграрник» В. Селюнин мог себе позволить написать, что получив землю, русский

крестьянин вздохнул свободно и развивался. Ничего подобного!

А. М. Анфимов в одной из работ, опубликованных в 70-е гг., сравнил экономическое положение русского кулака и немецкого грессбауэра. Он доказал, что русский кулак, в какой бы он самой урожайной губернии не находился, по своему экономическому положению как минимум в 2 раза уступал немецкому грессбауэру. Почему? Ответ один. Потому что в Пруссии правительство оплатило значительную часть выкупа и все административные расходы. В Австрии, кстати, государственная помощь была еще больше.

Не надо забывать и о том, что выкупные платежи русский мужик платил до 1907 г. Недоплатил всего-навсего 4 года.

Теперь о вариантах решения аграрного вопроса в России. Русским экономистам конца XIX в. решение аграрного вопроса виделось отнюдь не в уравнительной плоскости. Внимательный анализ их работ показывает, что аграрный вопрос был вопросом о форме хозяйствования. Рассматривались два варианта решения аграрного вопроса – или фермерский путь, или кооперирование. Путь кооперирования представлялся более мягким, более подходящим для российских условий.

Или другой пример. В 1906 г. в Санкт-Петербурге по рукам ходило письмо сегодня полузабытого экономиста и журналиста Г. П. Сазонова П. А. Столыпину. В нем Сазонов обвинял Столыпина в том, что он проводил в жизнь марксистскую программу, реализация которой приведет к разорению русского крестьянства и приходу к власти радикально настроенных социалистов. Понятно, что это утверждение уже тогда воспринималось многими как утрированная критика главы правительства. Но что лежало в ее основе? Сазонов вполне обоснованно доказывал, что реализуемая модель модернизации приведет к гигантскому социальному взрыву, что и произошло. При этом необходимо учитывать, что сам автор придерживался

консервативных взглядов. Это к вопросу о роли правительства и его действиях.

Я искренне благодарен А. Н. Медушевскому за провокативную постановку вопроса. Проблема соотношения права и морали интересна и актуальна. Я убежден, что и сегодня в российском массовом сознании справедливость стоит выше закона. Но наряду с этим, из рассмотрения нельзя исключать и такой важный момент, как характер собственности и его влияние на право. Мы часто забываем, что характер свободы человека и общества в целом определяется характером собственности. Ограничиваться только социопсихологическими моментами нельзя. Такое ограничение – это сужение рассмотрения вопроса.

Я согласен, что никакой революционной ситуации перед 1861 г. не было. Тезис о революционной ситуации – это известный политический спекулятивный тезис В. И. Ленина, который впоследствии развивали в своих работах академик М. В. Нечкина и ее группа.

В выступлении А. Н. Медушевского произошло своеобразное противопоставление понятий «революция» и «реформа». На мой взгляд, их нужно рассматривать не в контексте «или революция, или реформа», а в контексте «революция и реформа» – между ними существует и логическая, и диалектическая взаимосвязь. Неудавшаяся реформа или реформа, которая не просчитана на несколько шагов вперед, приведет к накоплению новых серьезных проблем, которые, накладываясь на старые нерешенные вопросы, могут привести к социальному взрыву. В свою очередь, неудавшаяся революция может привести к реакции. Возможна и ситуация, о которой писал еще Н. Я. Эйдельман, когда при определенных условиях власть решается на кардинальные преобразования, «революцию сверху». При этом необходимо помнить, что всякая реформа имеет строго определенный лимит времени и запас доверия масс. Ликвидация крепостничества на 40 лет сняла остроту аграрного вопроса. До 1902 г. в стране крупных крестьянских выступлений не было. Но в 1902 г. рвануло на

Харьковщине, в Полтавщине, а потом перекинулось в другие районы страны. Почему?

Как мне кажется, достаточно обратиться к двухтомной «Социальной истории России» Б. Н. Миронова, в которой он блестяще показал, что по своему социопсихологическому типу русский мужик был человеком смирным. По количеству преступлений на 1000 лиц разных сословий в конце XIX – начале XX вв. он находился на предпоследнем месте (на последнем были священнослужители). Но если русского мужика, который по своему характеру был эпилептоидом (не знавшим «золотой середины» в принятии решений), довести до точки кипения, то это неминуемо приводит к гигантскому социальному взрыву. Этот взрыв и начался в 1902 г. Он стал реальностью еще и потому, что от тех 3,8 десятины, которые русский мужик получил по реформе 1861 г., осталось 2,5 десятины. Весь вопрос в том, как необходимо было действовать правительству и как решать аграрный вопрос.

В. В. Бабашкин: Преобладающие сегодня благодушно-позитивные оценки крестьянской реформы 1861 г. во многом объясняются стремлением авторов отмежеваться от ряда позиций официальной советской историографии, которая аттестовала эту реформу как пропомещичью и исключительно грабительскую в отношении крестьянства. Между тем, уместно вспомнить, как сами крестьяне отреагировали на реформу. Пример: события в селе Бездна Казанской губернии – это только то, что вышло на поверхность из-за зверской жестокости царских усмирителей (51 убитый и 77 раненых). Специалисты утверждают, что подобное отношение к тому, как разрешились реформаторы от бремени переносимой уже реформы, крестьяне обнаруживали повсеместно.

Многие помещики, оказавшись в ситуации, когда их земля обналичивалась в звонкой монете, потянулись в города. В течение пореформенного сорокалетия земельная аристократия утрачивает в глазах крестьянства моральное право на крупное землевладение, поскольку, по отношению

к нему, откровенно пренебрегает своими морально-экономическими обязанностями. Это и стало главным горючим материалом революционных событий первых десятилетий XX в.

В. В. Кондрашин: Я солидарен с тезисом А. Н. Медушевского о том, что суть аграрного вопроса в России заключалась в осознанном крестьянством факте несправедливого распределения земельных ресурсов. Об этом в свое время писал В. П. Данилов, обосновывая свою концепцию «крестьянской революции в России». Реформа 1861 г. своей продворянской направленностью и ущемлением земельных прав крестьян заложила мину замедленного действия, которая взорвалась в начале XX в. Российские крестьяне, несмотря на все усилия царских реформаторов, так и не признали частную собственность на землю. Неудача столыпинской аграрной реформы в бывших районах крепостного права – наглядное тому подтверждение.

Причина неудачи политики, направленной на ликвидацию общины, заключалась в том, что крестьяне, в условиях малоземелья и наступления товарно-денежных отношений, видели в общине своеобразную систему коллективной безопасности, спасавшую их от окончательного разорения и голода.

А. Н. Медушевский: Если говорить о подсчетах, то есть подсчеты, сделанные в дореволюционной историографии, есть подсчеты советских историков, есть подсчеты, сделанные историками современной американской школы ревизионизма, которые учитывают также и подсчеты школы Зайончковского, сделанные в советское время. Все они дали разные результаты. Это произошло потому, что в их основе лежали различные методологические подходы. Когда мы рассуждаем на эту тему, то необходимо помнить, что и в начале XIX в., и в период подготовки реформы 1861 г. обсуждался вопрос о том, нужно ли освобождать крестьян от крепостной зависимости бесплатно или их нужно освобождать за деньги.

Была точка зрения, что свобода стоит денег и крестьяне должны за это заплатить. Так считали не только крепостники. Так считал, например, просвещенный Н. Мордвинов. Поэтому возникают вопросы: Сколько стоит свобода? Сколько стоит земля? Из каких формул исходить при подсчете земли? Свести все дело к бухгалтерскому подсчету того, сколько получили крестьяне – это непродуктивный подход. Потому что суть реформы состояла в достижении компромисса, который обеспечивал сохранение преемственности отношений собственности. Надо помнить, что в канун реформы земля юридически была помещичьей собственностью. Говорить о том, что крестьяне получили меньше земли чем помещики – значит говорить очевидную истину. Дело в том, однако, что крестьяне что-то *получили*. Более того, государство участвовало в процедуре выкупа, причем участвовало активно. Вы говорите о том, что это была спекулятивная операция. Ну и что в этом плохого? Это была попытка путем использования рациональных экономических мер избежать революции. Что было сделано очень эффективно: социальные издержки реформы оказались очень низкими (выступление крестьян в Бездне, на которое всегда ссылаются – статистически незначительный факт проявления насилия для преобразований такого масштаба – сравните с гражданской войной в США того же времени). Поэтому я не стал бы возвращаться к подсчетам Анфимова и других советских историков, которые доказывали правильность ленинской точки зрения, не имея возможности отстаивать какую-либо другую. В силу известных обстоятельств результат этих подсчетов был задан заранее. Есть современные исследования, с другими выводами.

Я очень признателен за оценку постановки проблемы о роли конфликта позитивного права и традиционалистских представлений о справедливости в процессе модернизации. Это действительно центральный вопрос, который нужно обсуждать. И его постановка не является сужением проблемы. Я вовсе не элиминирую значение экономики. Но

моя позиция состоит в том, что экономика влияет на политику не прямо, а опосредованно. При одних и тех же исходных экономических условиях возможны совершенно разные, даже принципиально разные результаты социального конфликта. Фундаментальная ошибка советской интерпретации марксизма состоит в том, что она политические формы выводила непосредственно из состояния экономики.

Я пытаюсь ввести новое понимание роли экономики, и ответить на вопрос, как экономические реалии отражаются в сознании. Надо сказать, что не только экономика определяет ход исторического процесса. Он во многом детерминируется моралью. Я считаю, что Великая реформа определялась не столько экономическими, сколько моральными соображениями. В современной литературе показано, что экономически крепостное право отнюдь не полностью утратило эффективность и могло, во всяком случае, некоторое время, продолжать свое существование и исчезнуть, так сказать, эволюционным путем.

В. В. Зверев: Ну, это Струве!

А. Н. Медушевский: Это не только Струве!

В. В. Зверев: Это давно оспоренные идеи Струве.

А. Н. Медушевский: Хорошо. Допустим, мы не согласимся со Струве. Сходная точка зрения высказывается в историографии по поводу рабства в США. Рабы были эффективны на табачных плантациях, потому что их использование как «говорящих орудий труда» стоило дешевле привлечения дорогостоящей техники. Если относиться к крепостному или рабу как к инструменту, который не требует много расходов, но приносит прибыль, то, основываясь на чисто марксистской экономической точке зрения, можно легко доказать, что внеэкономическое принуждение при известных условиях оказывается вполне рентабельно. Не эта ли логика действовала в период создания колхозов и лагерей ГУЛАГ, где использование бесплатного труда заключенных осуществлялось безотносительно к уровню их физического истребления?

Но очевидно, что такая примитивная экономическая логика ведет в тупик.

Есть другая точка зрения, согласно которой моральные соображения стали важнейшей причиной отмены крепостного права. Фундаментальная истина состоит в том, что использование крепостного труда стало прежде всего морально неприемлемым, а потому и экономически невыгодным. Так же как и рабского труда. Такие проблемы как крепостное право в России, рабство в США, апартеид в ЮАР – требовали моральных, а не экономических решений. Сводить эти проблемы к экономике – неправильно и наивно.

Перехожу к вопросу о соотношении революции и реформы. Я согласен с тем, что в обществе всегда существуют альтернативы и что революции и реформы взаимосвязаны друг с другом. Для меня главным является вопрос о том, как избежать революции, как сохранить стабильность отношений собственности и преемственность в развитии правовых институтов. Я считаю, можно согласиться с Токвилем в том, что радикальная реформа решает задачи революции, не используя ее средств. В этом состоит вся суть продуманной стратегии модернизации. В этом смысле Столыпин сделал очень многое. Ему удалось, может быть на короткое время, остановить революцию. Если бы он мог продолжить свой курс, элиминировать или ослабить воздействие деструктивных внешних факторов, то, вполне вероятно, удалось бы избежать «Великого Октября». Это, наверное, многим неприятно, но такое предположение вполне допустимо.

Несколько слов по поводу «революции сверху». «Революция сверху» – это радикальная реформа, которая правовыми методами изменяет существующие отношения собственности. Великая реформа 1861 г. – это настоящая «революция сверху». «Революция сверху» – это полноценная альтернатива революции «снизу», востребованная во многих странах. Те страны, которым удалось избежать кровавой революции, как раз и использовали данную стратегию.

Т. А. Савинова: Я не могу согласиться с тезисом А. Н. Медушевского о том, что аграрный вопрос – это теоретическая конструкция, и с его отрицанием экономической составляющей аграрного вопроса. При этом сам докладчик оперирует такими понятиями, как формы землевладения и землепользования, порядок распределения, способ приобретения земли и т. д., которые предполагают не только правовую, но и экономическую составляющую. Хозяйство – вещь прежде всего практическая, затем метафизическая, и только потом правовая. Крестьянское хозяйство – особенно.

Совершенно прав Д. И. Люкшин, говоря о том, что процессы, протекавшие в крестьянских общинах, имели собственное содержание. Даже выдающийся землеустроитель русских крестьян А. Кофод удивлялся их нежеланию становиться единоличными хозяевами и отмечал чрезвычайную неравномерность выхода из общины по территории Европейской России.

В противовес сторонникам столыпинской реформы хотелось бы напомнить, что именно в начале XX в. в России появилась группа агрономов и экономистов, предлагавших несколько иное решение вопроса. Я говорю об организационно-производственной школе, ядро которой составляли А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников. По данным Макарова, к 1913 г. в России было около 15,7 млн крестьянских хозяйств с площадью надела до 50 десятин. Именно они составляли основу сельского хозяйства страны, и именно в грамотной организации их деятельности эти экономисты видели залог успешного решения аграрного вопроса. Основой деятельности крестьянского хозяйства, согласно Чайнову, был организационный план, учитывающий его трудопотребительский баланс, отраслевую направленность, отношения с рынком, промыслами и кооперацией. Гибкость теории позволяла воспользоваться ею как единоличным, так и общинным хозяйствам. Впрочем, для реализации такой политики в масштабе всей страны, по мнению экономистов,

потребовалось бы время не меньшее, чем в свое время просил Столыпин для реализации своих реформ. К сожалению, такой возможности история не дала.

С. Ю. Разин: Андрей Николаевич [Медушевский], как же можно говорить о том, что столыпинская аграрная реформа предотвратила революцию? Она, во-первых, была результатом революции 1905 г., а во-вторых, стала одним из факторов, приведших страну к революции 1917 г. О какой удаче столыпинской реформы можно говорить, если первыми, кого пошли громить общинники в 1917 г., были отрубники и хуторяне?

А. Н. Медушевский: Столыпинская реформа действительно была результатом революции. Но в то же время она была попыткой остановить революцию. Столыпину это удалось. Столыпинские реформы имели позитивный результат, но не были доведены до конца. Иллюстрацией того, как могла бы развиваться Россия в случае успешного продолжения столыпинских реформ, является современный Китай. Дэн Сяопин и его преемники после величайшей трагедии «Большого скачка» и «Культурной революции», оставивших страну в руинах, предприняли в Китае реформы, подобные тем, которые Столыпин не успел завершить в России.

Д. И. Люкшин: Позволю себе ответить на прозвучавшие вопросы и прокомментировать нашу дискуссию.

Что касается времени начала и конца столыпинской реформы, то началась она на самом деле в 1910 г., когда начались первые землеустроительные мероприятия, а закончилась (во всяком случае, в Среднем Поволжье) уже к 1914 г.

Н. Л. Рогалина: Вы же только свой регион берете?

Д. И. Люкшин: Да. Но я считаю, что Россию, в этом смысле, нельзя рассматривать как единую страну, и единый подход ко всем регионам применять вообще нельзя.

Касаясь вопроса о том, кто заплатил за флот, необходимо сказать, что ответы на вопросы:

«Кто заплатил?» и «Кто должен был заплатить?» – могут существенно различаться.

Н. Л. Рогалина: Я про флот не говорила. Я говорила про индустриальную модернизацию.

Д. И. Люкшин: Индустриальная модернизация имела своей подоплекой строительство дредноутного флота и перевооружение армии. Правительство же не собиралось просто так понастроить заводов. Оно хотело создать новый флот. Занимать у французов и переложить налоговое бремя на горожан правительству пришлось именно потому, что ему не удалось заставить крестьян заплатить за это. Но это вовсе не значит, что Столыпин не желал это сделать.

Что касается времени начала общинной революции, то началась она не в июне, а в марте 1917 г. И началась, как С. Ю. Разин верно отметил, с разгрома отрубников и хуторян. До помещиков дело дошло приблизительно в мае. И дошло по той причине, о которой я здесь упоминал: государство цинично отказывалось от того, чтобы вступать с крестьянами в диалог по поводу их попранных прав.

Н. Л. Рогалина: Оно защищало помещичьи имения.

Д. И. Люкшин: Оно не защищало помещичьи имения. Имения защищались в 1907 г., а в 1917 г. их было не кому защищать. Загнать в деревню милиционеров было невозможно. В сентябре то, что осталось, стали защищать уже воинскими командами. А все лето крестьяне и помещики один на один, лицом к лицу, противостояли друг другу. И те землевладельцы, которые пользовались расположением крестьян, сохранили и голову, и имения, а те, которые не пользовались, могли потерять и то, и другое. В Казанской губернии нередкой была ситуация, когда буквально соседние имения: одно – горело, другое – стояло. Это объясняется не настроением крестьян, а отношением крестьян к помещикам.

Что касается крестьянского *малоземелья*, то оно *было*. При этом в центральных и поволжских губерниях ощущалось достаточно остро. Если в центре низкое качество земли обусловило низкую эффективность хозяйства, то в

Поволжье земля была гораздо лучше, но имевшиеся в распоряжении крестьян ресурсы не позволяли им эффективно вести хозяйство. Хочу обратить внимание и на положение инородческого населения (татары, чуваш и т. д.). У них ситуация была еще тяжелее. Если русские крестьяне в начале XX в. имели 3,4–3,8 десятины земли на ревизскую душу (то есть на хозяйство), то инородческое население вынуждено было перебиваться 2,3–2,5 десятины.

Дело осложнялось тем, что в 1861 г. крестьяне потеряли свободный доступ к помещичьим угодьям, которые они рассматривали как свои. Основная масса конфликтов и в 1906 г., и в 1907 г., и в 1917 г. связана вовсе не с землей, а с угодьями. В 1917 г. дележка земли начинается только осенью. А до этого объект вождлений: дрова, сено и продовольствие, которое землевладельцы сдавали по продразверстке, начавшейся в 1916 г.

Касаясь постановки вопроса о фермерстве и кооперации, напомню, что изначально семинар «Современные концепции аграрного развития» одной из центральных своих задач ставил задачу разведения понятий «экономика» и «хозяйство». Сейчас я вынужден констатировать, что в отечественной историографии они «слиплись» снова в один и тот же термин. Применительно к предмету нашей дискуссии такое понимание неверно. Экономически крепостное хозяйство никогда не было выгодно. Но как хозяйство, построенное на внеэкономическом принуждении и обмене взаимными неоплачиваемыми услугами, оно позволяло обеспечивать жизненные интересы всех его участников.

Традиционная система хозяйства в результате «Великих реформ» получила страшный удар, от которого она пыталась оправиться. Но внешние события (прежде всего, Русско-японская и Первая мировая война) привели к тому, что это не удалось.

Это я к тому, что фермерское хозяйство и кооперация в отечественной аграрной практике никоим образом друг другу не противоречили. На юге страны фермерское

хозяйство, возможно, было более перспективным. В Поволжье были более эффективны другие формы. Что касается Центрального региона, то там крестьянское хозяйство было обречено пойти под нож модернизации.

В. Б. Безгин: Концептуальная новизна и убедительность аргументации доклада А. Н. Медушевского являются основой для научного переосмысления содержания аграрного вопроса в России. Докладчик обосновано акцентировал внимание на существовании правового дуализма в пореформенной деревне. На наш взгляд, реформаторы совершенно справедливо не пошли на то, чтобы распространить действие позитивного права на крестьянство. В то же время, посредством легитимации волостного суда и утверждением суда мирового, были созданы условия для постепенного сближения двух правовых систем на основе приоритета официального законодательства. Такая тенденция в пореформенный период проявилась вполне определенно. Модернизация российского общества сопровождалась правовой эмансипацией крестьян. Неуклонно росло число обращений в волостные и мировые суды, усилилось стремление крестьян решать правовые коллизии на основании закона. Камнем преткновения стала проблема частной собственности на землю. В начале XX в. в сознании большинства крестьян собственность на землю могла быть только общинной, и последующий «черный передел» 1917 г. – свидетельство тому. Проблема, на наш взгляд, заключалась в том, что смысловое содержание ключевых понятий аграрного вопроса: «право» и «справедливость» – для просвещенного общества и «молчаливого большинства» было различным. Этим объясняется, с одной стороны, фактический провал «хуторизации» в земледельческих губерниях Центра России, а с другой стороны, успех коллективного землеустройства в ходе столыпинских преобразований. Да и результат общинной революции был вполне закономерен и обусловлен традиционными

крестьянскими представлениям о «праве» и «справедливости».

В докладе Д. И. Люкшина обсуждаемая проблема получило свое логическое развитие. Важен вывод докладчика о том, что произошедшие в архитектуре моральной экономики изменения, вызванные реформой и ее последствиями, не были закреплены традициями и моралью. Разве не в этом объяснение той легкости, с которой были ликвидированы в деревне хозяйства хуторян и отрубников (как, впрочем, и торжества общинной архаики в целом)? Усилия власти в ходе аграрных преобразований начала XX в. вызвали к жизни механизм самосохранения общины. Вполне закономерно, что политическое фиаско Самодержавия, и, как следствие, слабость власти в центре и на местах, стали благодатной почвой для решения извечного для крестьян вопроса – земельного. Его реализация могла быть осуществлена только на основе крестьянского менталитета, в рамках привычного сельского «мира» и посредством традиционного механизма – общины.

П. П. Марченя: От имени оргкомитета нашего семинара и авторов проекта «Народ и власть...» рад констатировать, что его первое заседание состоялось. Оно оказалось интересным и, хочется верить, небесполезным.

Я согласен с А. Н. Медушевским, что для понимания причин аграрной революции (и вообще революции) в России важны не только и не столько социально-экономическая и классовая, но и коммуникативно-информационная, и социально-психологическая составляющие революционного процесса. Однако объяснение всего случившегося через ситуацию неразрешенного «правового дуализма» и отсутствие правовой доктрины, способной «снять» этот «дуализм» (чем в конечном итоге сумели воспользоваться лишь «левые экстремисты»), не кажется мне достаточным. Сложно согласиться с представлением, что абсолютное большинство населения всей нашей огромной страны усилиями незначительной радикальной группы было

увлечено не поиском Правды, а исключительно «разрушением позитивного права»...

В докладе Д. И. Люкшина та же история прозвучала как постмодернистский анекдот про извращенный социальный коитус Власти и Народа. Власть выглядит особенно неприглядно, она озабочена тем, как бы крестьянство не только к бесплатной государственной любви принудить, но и заодно из карманов все вынуть. А потом – вопреки обычаю – не утешить, на закономерно недовольную реплику – не ответить, даже не пригрозить как следует. Да еще и дверью громко хлопнуть, грубо нарушив ритуал единения – и спровоцировав тем самым большую семейную склоку. Так роль крестьянства в истории Великой русской смуты и революции фактически сведена к роли жертвы насилия внутри семьи. Взгляд интересный, но специфический...

Сегодня в самом деле прозвучали очень разные доклады, и неслучайно они вызвали столь бурное обсуждение. Очевидно, так и должно быть. Крестьянский вопрос – это «гордиев узел», а не бантик, который легко развязать, потянув за любой конец.

У крестьянского вопроса действительно много сторон, поэтому нашему семинару в ближайшие 100 лет не грозит отсутствие предмета споров.

А. М. Никулин: В заключение я тоже хочу сделать несколько комментариев по поводу нашей сегодняшней дискуссии.

Что такое аграрный вопрос и когда он возникает? Мне кажется, что аграрный вопрос подразумевает обострение социальных противоречий (как морально-нравственных, так и политико-экономических) в сельской сфере. Такие противоречия в свое время обострились и в Римской империи, и в великих азиатских цивилизациях. Если они не разрешались правовым путем, то приводили к беспорядкам, к гражданским и крестьянским войнам. Революция 1917 г. – это одно из величайших событий в области разрешения аграрного вопроса.

Очень хорошо, что тема аграрного вопроса была поставлена в плоскости соотношения права и морали. Но мне представляется, что не стоит элиминировать и экономическую проблематику. Не надо из нее делать «бумажного тигра» и говорить, что марксисты все сводят к экономическому детерминизму, а народники лишь ищут некий универсальный количественный показатель соотношения справедливости и эффективности. Между прочим, сам термин «моральная экономика» был введен в научный оборот британским марксистом Э. Томпсоном. Моральная экономика включает в себя тончайшие психологические и социальные нюансы, особенности менталитета и т. д. Даже в нашей дискуссии мы вроде бы пытались говорить о праве и морали, но, обратите внимание, так часто переходили к экономическим вопросам. Я считаю, что необходим междисциплинарный и многофакторный подход к изучению всех составляющих аграрного вопроса. В нем важную роль играют и проблема соотношения крупного и мелкого хозяйства, и проблема соотношения справедливости и эффективности, и, конечно, демографическая проблема сельского перенаселения, которая стала одной из главных причин революционного взрыва в России. Наряду с аграрным вопросом, узловыми проблемами модернизации начала XX в. являлись рабочий и национальный вопросы. В российских условиях эти вопросы очень переплетались друг с другом. Очень хорошо, что Д. И. Люкшина в своем выступлении на материалах Казанской губернии показал регионально-национальную специфику аграрного вопроса.

Закончить хочу вопросом о том, стоит ли отделять изучение аграрного вопроса от изучения революции. В начале XX в. и революционеры, и либералы, и консерваторы в своих теоретических построениях намертво соединили аграрный вопрос с революцией. Если огромный пласт русской интеллигенции, от самых умеренных до самых радикальных, так ставил вопрос и действовал в этом

направлении, то можем ли мы разделять изучение аграрного/крестьянского вопроса и русской революции?

А сейчас я хотел бы передать слово еще одному из соруководителей нашего семинара Сергею Юрьевичу Разину. Здесь уже прозвучали предложения и вопросы: что делать? что дальше? И, вот, пожалуйста, Сергей Юрьевич сейчас расскажет нам, какое здесь возможно развитие событий.

С. Ю. Разин: Во-первых, мы, как организаторы, очень благодарны вам всем за то, что вы пришли на первое заседание семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Сразу хочу сказать, что материалы нашего сегодняшнего заседания и аналитические статьи по его проблематике будут опубликованы в нескольких журналах, входящих в Перечень ВАК. Сроки выхода публикаций я называть не буду. Надеюсь, что это произойдет в этом году.

Сразу хочу анонсировать наши следующие заседания. Ориентировочно в декабре этого [2011] года (точные даты называть не буду) предполагается провести второе заседание нашего семинара. На нем у нас будет обсуждаться доклад Александра Владимировича Гордона «Судьбы крестьянства в XX веке: цивилизационный аспект».

Другое заседание будет посвящено рассмотрению ключевой темы российского XX века «Сталинизм и крестьянство».

Н. Л. Рогалина: Оригинальная тема.

С. Ю. Разин: Таковы наши планы на ближайшую перспективу. Еще раз спасибо всем за участие в нашем сегодняшнем заседании.

* * *

Таким образом, на первом заседании семинара в ходе дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как смысл и значение крестьянского вопроса в отечественной и мировой истории; крестьянский вопрос и массовое крестьянское сознание; соотношение реформ и революций в российском историческом процессе; причины, итоги и

значение российских аграрных реформ XIX–XX вв.; проблемы легитимности различных вариантов решения крестьянского вопроса накануне и в ходе Второй русской смуты; феномен правового дуализма как фактор Великой Русской революции начала XX в.; сущность и механизмы общинной революции 1917 г.

Первый опыт нового семинара все его участники сочли удачным и плодотворным. И следующее, второе заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» было решено посвятить обсуждению доклада одного из основоположников отечественного крестьяноведения А. В. Гордона.

Подготовили к публикации: *П. П. Марченя, С. Ю. Разин*

**Крестьянство под колесами прогресса:
Заседание № 2 теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»**

20 декабря 2011 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и на базе Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялось второе заседание постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Оно было посвящено обсуждению доклада патриарха отечественного крестьяноведения Александра Владимировича Гордона «Судьбы крестьянства в XX в.: цивилизационный аспект».

В ходе этого обсуждения состоялась острая дискуссия, в которой приняли *активное* участие **15 ученых** России (Москвы, Казани, Новочеркасска, Пензы, Тамбова).

В дискуссии участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения заседания семинара, участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com» **И. А. Анфертьев** (Москва);

2. доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой политологии и

социологии Московского государственного педагогического университета **Н. В. Асонов** (Москва);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Бабашкин** (Москва);

4. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) **В. А. Бондарев** (Новочеркасск);

5. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук **А. В. Гордон** (Москва);

6. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **С. А. Есиков** (Тамбов);

7. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского **В. В. Кондрашин** (Пенза);

8. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории Казанского (Приволжского) Федерального университета **Д. И. Люкшин** (Казань);

9. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **П. П. Марченя** (Москва);

10. академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор, ординарный профессор кафедры теории политики и политического анализа факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Центр истории русского феодализма); главный редактор журнала «Российская история» **А. Н. Медушевский** (Москва);

11. доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук **Т. Г. Нефедова** (Москва);

12. кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **А. М. Никулин** (Москва);

13. доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий; автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **С. Ю. Разин** (Москва);

14. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Н. Л. Рогалина** (Москва);

15. доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) **А. П. Скорик** (Новочеркасск).

Мы предлагаем вашему вниманию материалы второго заседания теоретического семинара «*Крестьянский вопрос...*».

Эти материалы в сокращенном виде были опубликованы в ежегоднике «Крестьяноведение. Теория.

История. Современность. Ученые записки» (за 2013 г.) и нашли отражение в ряде публикаций проекта (а также в ряде публикаций о проекте) «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (см. список основных публикаций проекта в конце настоящего сборника).

В настоящем сборнике приводится более полная версия.

В таком виде материалы второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» публикуются впервые.

А. М. Никулин: Уважаемые коллеги, я рад приветствовать Вас на втором заседании постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», организованного совместными усилиями Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Напомню, что наш семинар является продолжателем традиций знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития». Сегодня мы будем слушать и обсуждать доклад человека, который вместе с Т. Шаниным и В. П. Даниловым стоял у истоков этого семинара, патриарха отечественного крестьяноведения А. В. Гордона.

А. В. Гордон: Крестьянский вопрос – это такой вопрос, который не может быть решен окончательно, да и универсального решения у него нет и быть не может. Возможны только решения, которые подходят применительно к данной ситуации и данному типу крестьянства. Даже когда крестьянство «растворяется» как социальная общность, сохраняется его «наследство» в виде проблем сельского населения, городских мигрантов, культурных традиций и национальной идентичности.

Когда мы рассуждаем о судьбах крестьянства во всемирно-историческом масштабе, на первый план выходит

цивилизационный аспект, переход от аграрной цивилизации к индустриально-рыночной цивилизации. Какова роль крестьянства в этом процессе? Еще в XIX в. сложилось мнение, согласно которому крестьянство является объектом этого процесса. Причем не просто объектом, а именно анахронизмом, пережитком прошлого, самой логикой истории обреченным на гибель в результате окончательного торжества индустриальной цивилизации во всемирном масштабе. И, более того, обречено не только на непонимание и неприятие модернизации, но и на борьбу с ней, обречено на то, чтобы в целях самосохранения бороться за воспроизводство архаики, за ретрадиционализацию общества.

Этого мнения придерживались и марксисты, и либералы. Эта идея являлась важной частью идеологического фундамента, на котором в конце 1920-х – начале 1930-х гг. строило свою политику в отношении крестьянства руководство ВКП (б). Исходным принципом сформировавшегося в 1960-х гг. крестьяноведения был постулат о субъектности крестьянства, о том, что крестьянство не только объект, но и субъект истории.

Между тем трактовка этого постулата среди самих крестьяноведов была различной. Так, автор популярной в 1980-х гг. концепции «моральной экономики» Джеймс Скотт, даже не ставил вопроса о роли крестьянства в модернизации. Он считал, что все существование крестьянина обуславливается законами экономики, которая нацелена на выживание, а не на производство прибавочного продукта и, следовательно, не на экономический рост, а на поддержание крестьянского самообеспечения. В сущности, для него крестьянство кончается тогда, когда происходит переход от натурального хозяйства к рыночному хозяйству.

Скотт, по сути дела, повторил то, о чем задолго до него говорили представители нашей отечественной аграрной школы (А. В. Чаянов и др.), которые считали, что рынок – это чуждое крестьянскому хозяйству явление. По мнению Чаянова, основным принципом функционирования

крестьянского хозяйства является соблюдение трудопотребительного баланса: крестьянство наращивает трудовые усилия до тех пор, пока не удовлетворены нужды семьи на уровне привычных потребностей.

Кембриджский экономист К. Бремолл не без иронии, но и не без некоторых оснований заметил, что антикрестьянская аграрная политика Сталина и Мао Цзэдуна была основана на чаяновском законе крестьянского хозяйствования. Раз крестьянское хозяйство в силу собственной мотивации не способно на наращивание производства, оно должно быть принуждено к этому налоговым прессом.

Правы ли эти вершители судеб крестьянства в XX веке?

Обратимся к историческому опыту **России, Китая и Франции**. Это три великие крестьянские страны, и в истории этих стран крестьянство сыграло очень важную роль. Закономерно, что в первых обобщающих работах об исторической роли крестьянства (например, в книгах Э. Вольфа) в центре была история русского, китайского и французского крестьянства в XX в.

Итак, **Россия**.

Реформа 1861 г. была обусловлена не человеколюбивыми пожеланиями, а прагматическими интересами государства и правящей элиты. Притом что вопрос давно назрел и стоял остро уже при Екатерине II, лишь поражение в Крымской войне заставило государственную власть решиться на ликвидацию крепостного права и позволило преодолеть сопротивление помещичьего класса.

Положив начало общей модернизации русского общества, реформа способствовала превращению крестьянства в реальную силу прогресса. Хочу сказать, что эффект от этой реформы отнюдь не был моментальным. Ее положительные последствия проявились лишь в 80–90 гг. XIX в., когда Россия сдвинулась с классического продовольственного минимума сам-третьей и вышла на

уровень сам-пять. Это был уровень урожайности, позволявший крестьянину получить не только необходимый, но и прибавочный продукт, который можно было реализовывать на рынке. Это был тот уровень продуктивности, при котором крестьянское хозяйство превращается из натурального в рыночное.

Закономерным продолжением курса Александра II стала так называемая столыпинская аграрная реформа. Почему «так называемая»? Потому что ее теоретической основой стали идеи, которые высказывались задолго до П. А. Столыпина – Н.Х. Бунге, С. Ю. Витте и некоторыми другими государственными деятелями и учеными. Так же, как реформа 1861 г., она была выношена, и так же, как в 1861 г., носила вынужденный характер. На сей раз вынуждающим фактором стали очередное военное поражение и революция 1905 г. Не будем умалять роли Столыпина, как человек решительный и мужественный, он взвалил весь груз ответственности за проведение реформы на себя.

Сегодня часто говорят, что надо было раньше начинать проведение реформы. На мой взгляд, и по объективным, и по субъективным причинам, это было невозможно. К объективным причинам, прежде всего, относится постепенность в формировании того слоя, который был способен хозяйствовать свободно, без помещичьей опеки. А к субъективным причинам относится то, что только во время революции правящий класс почувствовал, что ему необходима новая опора в деревне взамен общины, вовлеченной в крестьянскую войну. Тем не менее, в ходе проведения реформы Столыпину пришлось преодолевать сопротивление придворной камарилы и помещичьего блока. В этом контексте смерть реформатора была далеко не случайной. Запутавшись в собственных противоречиях, верховная власть дала революционерам его убить.

Были ли у детища Столыпина перспективы? Полагаю, да. Бесспорно, реформа шла очень тяжело,

наталкиваясь на сопротивление в крестьянской среде, которое подавлялось, зачастую, «административным ресурсом». Однако не следует думать, что опорой Столыпина были лишь «хуторяне», «кулаки». В процесс хозяйственной модернизации включились более широкие слои деревни, а порой и община в целом. Впечатляющие успехи сельской кооперации, включая взаимное кредитование – тому бесспорное свидетельство.

Напомню только одно высказывание В. И. Ленина – о том, что если бы столыпинская реформа удалась, то аграрная программа социал-демократов оказалась бы никому не нужной бумажкой. А что такое аграрная программа социал-демократической партии? Это, в сущности, то, что позволило большевикам совершить революцию и возглавить ее.

В чем состояла опасность проводимой Столыпиным реформы для революционеров? В том, что Столыпин пытался сделать крестьянство в лице его товаропроизводящей части активным субъектом общественных процессов в России. Решив продовольственный вопрос, реформа могла бы облегчить и земельное «утеснение» на путях хозяйственной интенсификации и переселения из наиболее перенаселенных районов.

Еще одной важной вехой в истории русского крестьянства был НЭП. По моему глубокому убеждению, НЭП был обречен изначально. Обречен потому, что сами творцы НЭПа рассматривали его как ситуационную необходимость, как нечто вынужденное и временное. Будущий отказ от него был запрограммирован. Тогда когда НЭП сделал свое дело возрождения сельского хозяйства и восстановления продовольственного снабжения, НЭП в силу идеологии правящей партии неминуемо должен был уйти. Именно в силу этой идеологии рынок, по сути дела, был сведен к базару. Ни рынок, ни товарно-денежные отношения в полном объеме не были восстановлены. Простора для становления товаропроизводителя не было. Все это имело

самые серьезные последствия. В частности, это помешало развитию производства сельскохозяйственной техники и минеральных удобрений. Госвласть, сохранившая в своих руках индустрию, не смогла дать на рынок нужные крестьянам товары, а крестьяне не верили деньгам, не обеспеченным товарами. Рынок был блокирован. Получилось так, что крестьянство изначально пошло по пути «натурального накопления», оно копило хлеб, сколько могло. Но за натуральным накоплением, естественно, пошло свертывание производства. Стагнация затянулась на 6 лет (1922–1928 гг.).

Были и другие факторы, препятствовавшие развитию товарного хозяйства в деревне. Я говорю, в частности, об идеологических ограничениях, которые превращались в ограничения политические и правовые. Налоги на зажиточное крестьянство – то есть на тот слой, который действительно мог обеспечить серьезный прирост сельского хозяйства – доходили до экспроприационных масштабов. Этот слой буквально выдавливали налогами из производства.

Таким образом, «Великий перелом» 1929 г. был неизбежным следствием того тупика, в который было ввергнуто сельское хозяйство страны, а тупик стал следствием *политики* планомерного подавления товаропроизводителя. Еще раз повторюсь: *крах НЭПа идеологически был запрограммирован изначально.*

Восторжествовал курс социалистической модернизации. А он, как ни парадоксально, привел к ретрадиционализации деревни. Были воссозданы в модернизированном (здесь термин «модернизация» уместен) виде дореформенные порядки российской деревни с ее общинной уравнительностью, обезличенностью барщинного труда, диктатом личной власти. Лишение крестьян паспортов, «поражение в правах», говоря языком эпохи, явилось впечатляющим символом новой формы несвободы. Парадоксальным сделалось сочетание объективных предпосылок модернизации в виде постепенной

механизации, химизации, рационализации производственной базы при подавлении внутренних, субъективных факторов в виде модернизационной мотивации самого производителя.

Все это повторилось и **в Китае**.

Маоистскую модель социалистической модернизации ждал тот же провал. Притом, что политические предпосылки для успеха у КПК были значительно лучше, ведь КПК – в отличие РСДРП–РКП (б)–ВКП (б)–КПСС – формировалась в деревне. Деревня для нее была естественной средой. КПК была частью многомиллионного крестьянского Китая. Именно так она воспринималась самими китайскими крестьянами, в ходе антияпонской войны, а затем антигоминьдановской войны. КПК сделалась выразителем китаецентризма, который был характерной чертой массового сознания китайского крестьянства.

После прихода КПК к власти была осуществлена земельная реформа, суть которой (как и в СССР) сводилась к тому, что крестьянство было лишено права частной собственности на землю. Притом был проведен своеобразный «черный передел», который, правда, в отличие от российского, не был стихийным процессом. А смысл был тот же – экспроприация крупного землевладения. Масштабы последнего в Китае были значительно меньше, так что экспроприация ударила здесь по зажиточным хозяйствам «кулацкого» типа. Поскольку был затронут многомиллионный слой, который, в отличие от российских помещиков, не мог бежать, борьба шла не жизни, а на смерть, с большими человеческими жертвами.

Так, на практике был обеспечен союз крестьянской массы с КПК, за который крестьянство вскоре поплатилось форсированной коллективизацией (фактически, она начиналась в ходе и, так сказать, на гребне земельной реформы). Причем она была доведена до коммунизации потребления, а также было полностью уничтожено семейное хозяйство. Китайская деревня была превращена в одну

большую коммуну, во славу идей то ли утопического, то ли научного коммунизма.

Следующим этапом в истории КНР стала политика «большого скачка» 1958–1961 гг., в рамках которой, в частности, была поставлена задача в кратчайший срок догнать Англию по выплавке чугуна и стали. Результатом такой политики стало колоссальное перенапряжение крестьянства, которое отвлекалось на ирригацию и на кустарное металлопроизводство. Да еще должно было кормить людей, приезжавших из городов для строительства домен. Крестьянство не выдержало. Начался великий голод. Этот голод (как и у нас в начале 30-х гг.) явился следствием той политики, что проводилась руководством – политики форсированной модернизации

Сыграли ли свою роль неблагоприятные природные условия? Несомненно, но не главную. Традиционный массовый голод был локализованным явлением. Последний такой голод – в конце XIX в. (в результате которого погибло 5–6 млн чел.) – ограничивался несколькими провинциями на северо-востоке Китая. А голод «большого скачка» охватил всю страну. Причем, как и у нас в свое время, больше всего пострадали не потребительские провинции, а производящие, больше всего Сычуань, главная житница страны. Что касается количества жертв, то подсчеты разнятся от 18 до 35 млн, непосредственно голодной смертью умерло, как обычно считают, 22 млн крестьян.

Следующий этап – «культурная революция». Она была в какой-то степени, подобно «большому террору» в СССР, реваншем крестьянства. Те, кто проводил и вдохновлял коллективизацию (партийные кадры, городская интеллигенция), оказались в деревне «на перевоспитании» у крестьян.

В 1978 г. началась деколлективизация китайской деревни. Это было по-настоящему уникальное явление. Началась она совершенно спонтанно. Приехал в провинцию Аньхой новый партийный начальник и увидел, что этой бедной провинции грозит голод. Многие представители

постмаоистского поколения китайских руководителей хорошо усвоили, что голод – это не шутка. Глава провинции попросил у центральных властей разрешение в порядке эксперимента перейти на подворный принцип ведения хозяйства. Эксперимент удался – и к 1983 г. коммуны рухнули. Конечно, главным было давление снизу. Но власть восприняла это давление, презрев идеологические препоны. КПК поддержала движение крестьян и нашла для него организационные рамки.

Деколлективизация уже на первых порах ознаменовалась подъемом материального положения крестьянства. А это вызвало массовый энтузиазм, способствовавший успеху. И крестьянству удалось не только решить проблему сельского голода, но и поднять всю страну в целом. Как это произошло? Дело в том, что у крестьянства – благодаря тому, что ему не нужно было отрабатывать эту самую коллективную барщину – освободилось значительное количество рабочих рук и рабочего времени. Это рабочее время крестьянство потратило не на производство пшеницы или риса (облагаемых госпоставками), а на птицеводство и особенно овощеводство. Спрос на овощи и мясо в городе, сидевшем на карточках, был очень значителен, они шли по высокой цене и быстро раскупались. Крестьяне смогли заработать первичный капитал, стать товаропроизводителями. И приобретало на рынке крестьянство в первую очередь минеральные удобрения, чтобы наращивать производство.

Парадоксальная вещь: маоистское руководство (подобно советскому) создало условия для «зеленой революции», проведя широкомасштабные ирригационные работы и построив заводы по производству минеральных удобрений, а также средств защиты растений. Все это сработало в Индии, Индонезии, других странах Азии, где не было коммун, но был рынок. В постмаоистском же Китае подъем начался с использования минимума агротехнических возможностей, но с рынком. Однако китайское аграрное «чудо» оказалось непродолжительным.

До конца 1980-х гг. сельскохозяйственное производство росло, росли и доходы крестьянства. Затем наступила стагнация. Перспектив дальнейшего роста на базе традиционного семейного хозяйства с наделом менее полгектара немного, а позволить аккумуляцию земли власти не спешат, опасаясь обострения социальных антагонизмов. Да и размеры сельхозземель неуклонно сокращаются (за годы реформ на 10%).

Хотя в последние годы (с приходом к власти четвертого поколения руководителей КПК) предпринимаются меры по улучшению материального положения крестьян (налоговые послабления, региональные субсидии), производственная стагнация продолжается. Ирригация в большинстве регионов не ведется, мелиорация на низком уровне, техническая база слабая. Интенсификация нередко замыкается на химии (удобрения, гербициды, пестициды), а это подрывает экологию, ведет к деградации природной среды и самих условий хозяйствования.

Но все-таки эффект крестьянского вклада в чудо китайской модернизации и подъем страны огромен. В сущности, интенсификация семейного хозяйствования создала основу китайского индустриального рывка – капиталом, дешевым продовольствием, дешевой рабочей силой, высвободившейся в сельском хозяйстве и нашедшей себе применение в промышленности и строительстве, обеспечив своей непритязательностью и крестьянской выносливостью первоначальное накопление.

Могла ли при НЭПе осуществиться китайская модель постмаоистской модернизации? Отличие китайского крестьянства от русского крестьянства состояло в том, что оно исторически было более коммерциализовано и трудоинтенсивно. Товарно-денежные отношения существовали в Китае еще в эпоху династии Сун (X–XIII вв.). Уже тогда, например, китайские крестьяне в обмен на продукцию шелководства получало минеральные удобрения, которые позволяли повысить урожайность. Однако затем наступило «сжатие» рынка. Между тем

пореформенная Россия тоже добилось немалого в интенсификации-коммерциализации крестьянского хозяйствования.

Быть может, более важна интеллектуальная культура предреволюционной России – с ее неприятием товарно-денежных отношений, культом общины и общинного эгалитаризма. Соответствующий настрой выразился далеко не только в «русском марксизме», но и в широкой «беспартийной» среде, породив небезызвестный «аграрный романтизм».

Наконец, третий и решающий, очевидно, фактор. В отличие от постаоистского Китая, провозгласившего свою «открытость», Советский Союз делал ставку на конфронтацию с мировым окружением – и далеко не только в годы увлечения мировой революцией. Напротив, изоляция СССР резко усилилась после «великого перелома», превратившись в целенаправленную политику сталинского руководства.

Теперь обратимся к **Франции**.

Мне приходилось бывать во французской деревне. И у меня французские фермеры интересовались: а что у вас в России с сельским хозяйством? Очень многое им казалось странным. Как же, – говорят, – у вас такое зерноводство, такие урожаи. Вы же можете завалить Францию дешевым зерном. А почему с животноводством не получается? Я им отвечаю, что, дескать, с переработкой плохо, кормовая база отсталая и т. д. Но они меня все равно не понимали. Я делаю новый заход и говорю им: у нас довольно сложная, сохранившаяся от советских времен, структура сельского хозяйства. С одной стороны существует крупное землевладение, в виде крупных хозяйств, а с другой стороны, личные хозяйства крестьян, находящиеся от них в сильной зависимости. На что они мне сказали: «Феодализм!». Потом я нашел точно такой же вывод у Ленина, который в одной из своих работ анализировал аграрное развитие Франции в конце XIX в. Для меня то, что Ленин традиционализировал французскую деревню,

показалось невероятным. Но в данном случае, я думаю, он не ошибался.

Т. Г. Нефедова: В том, что Вы сейчас сказали, нет ничего удивительного. Ленин, как и вся русская радикальная революционная интеллигенция, преувеличивал степень развития капитализма в России и преуменьшал степень развития капитализма на Западе. Можно сказать, что он искусственно капитализировал Россию и традиционализировал Запад. Таким образом, искусственно сокращалась историческая дистанция между Россией и Западом.

А. В. Гордон: Похоже, что дистанция эта в аграрной сфере была не столь уж велика. Несмотря на мощнейшую крестьянскую революцию конца XVIII в., покончившую со всякими видами внеэкономического принуждения и всеми феодальными повинностями, уничтожившую дворянские замки вместе с владельческими документами сеньоров, квазифеодальная структура аграрных отношений при сохранении связки крупного землевладения – мелкого производства была воссоздана. И притом, что Франция уже в XVIII в. была страной развитых товарно-денежных отношений, и крестьянство получило права собственности на землю, а отчасти и саму землю, XIX и начало XX вв. стали для французской деревни временем стагнации. Получается, что ни рынок, ни земельная собственность не являются панацеей, если нет воли крестьянства к модернизации.

Для аграрной модернизации потребовалась новая революция. По справедливости те преобразования, что произошли в конце 50–60 гг. XX в., назвали «второй французской революцией». Произошло резкое сокращение численности крестьянства. Если до этого в деревне проживало 10 млн чел., и эти 10 млн работали как сельхозпроизводители, то после этих событий осталось 2 млн. Но при этом валовое производство сельскохозяйственной продукции увеличилось в 2 раза. То есть, один фермер стал работать за десятерых.

Почему этот процесс можно назвать «революцией», то есть массовым социальным движением, и какую роль сыграло само крестьянство в аграрной модернизации?

Самый впечатляющий пример – это Бретань, один из беднейших регионов с бедными почвами и максимальным давлением на землю в силу аграрной перенаселенности. И именно здесь подспудная человеческая энергетика коренным образом изменила жизнь. Бретонские крестьяне оказались в авангарде аграрного движения, которое зачиналось при участии традиционных институтов, прежде всего Церкви. Религиозный консерватизм населения не помешал проявлению новаторского духа, и в этом последнем Бретань оказалась ничуть не хуже Фландрии, прославившейся своим прогрессизмом еще в позапрошлом веке. Почин положила крестьянская молодежь, создавшая в далекие 20-е гг. XX в. организацию «Католическая молодежь сельских производителей». После войны, в годы общеэкономического подъема, эта организация способствовала переориентации сельскохозяйственных профсоюзов Франции на производственные вопросы (профессиональное обучение, механизация, коммерциализация, внедрение новой агротехники).

При поддержке правительства Пятой республики это движение привело к радикальной модернизации аграрной сферы всей страны. «И на граните, в принципе бесплодном» – сформировалось сельское хозяйство, ставшее «в ряду самых развитых в республике» – констатируют достижения крестьян Бретани историки. А это не могло не привести к изменению жизни населения. «Повышение уровня жизни», «всеобщее приобщение к культуре», «постепенное изменение к лучшему» даже у неимущих семей. «Стратегия выживания» уступает в определенной мере место «стратегии комфорта».

По личным впечатлениям 1999–2002 гг., современный уровень сельского хозяйства Бретани все же значительно отстает от более развитых аграрных центров. И если говорить о стратегии, то это, в первую очередь,

трудоинтенсивность, за которой воля крестьян к достижению этого самого «комфорта».

Соединение усилий «снизу» при поддержке «сверху» – наиболее эффективный вариант аграрной модернизации. Это убедительно доказывают и опыт «второй революции» во Франции, и опыт «деколлективизации» Китая.

И вот еще наблюдение. При всем региональном многообразии, обусловленном природными условиями и историческими обстоятельствами, не существует преград, чтобы крестьяне не могли стать на путь прогресса.

Во Франции одни районы (Пикардия, Фландрия, большая часть Нормандии) еще до Революции XVIII в. создали интенсивное, коммерциализованное и производительное хозяйство. Другие преобразились уже сейчас, в ходе «второй французской революции», и притом резко различаются по самому типу хозяйствующего субъекта. В когда-то называвшейся «бесплодной» Шампани, в долине Марны наблюдал картину: у фермера 3 трактора, поле площадью в 100 га, на котором он выращивает пшеницу и люцерн, и ферма около 50 коров. Главный доход от пшеницы. Урожай – 66 ц. с 1 га. Надои молока – 9 900 л. за год.

В Бретани скорее не фермерство, а крестьянство в привычном для нас с вами понимании. Урожайность пшеницы и надои молока в Шампани вдвое превышают показатели семейных ферм района Ренна. Встречался и один трактор на две фермы. В Бретани сохраняется описанное еще классиками XIX в. пастбищное скотоводство, в Шампани – стойловое содержание, «выгородки» в одном случае, «открытые поля» – в другом. И, тем не менее, Бретань занимает 1–2 места в стране по продукции животноводства.

В Бретани хутора, в Шампани сохранились деревни. Но что из себя представляют эти деревни? На всю деревню – 12 фермеров. В остальных домах живут пенсионеры-дачники. Понятно, что настоящими сельхозпроизводителями являются упомянутые выше фермеры. Глядя на них, можно

сказать, что действительно произошла профессионализация сельхозпроизводителя. Это люди, владеющие всеми видами техники, компьютеризованные, находятся в курсе рыночных цен и событий в мире и притом душой болеют за хозяйство, за землю. А, в общем, являют, прямо по Редфилду, крестьянский тип человеческой личности – человека на земле.

Что касается коллективного образа жизни, в современной Франции деревню в историческом смысле обычно заменяют *бурги* – небольшие городки. В них кафе, парикмахерская, школа, церковь – все подобного рода учреждения являются центрами общения, в котором сельские жители очень заинтересованы. Был в Бретани на юбилее местной библиотеки, который превратился в смотр достижений от детского творчества до изготовления сидра. Съехалась вся округа. Так что подобные учреждения выполняют важную социальную функцию.

Т. Г. Нефедова: Вы как-то сказали, что сейчас в России крестьянство – это те люди, которые в деревне выживают. Я Вас правильно поняла?

А. В. Гордон: С кем бы вы ни поговорили, хоть с алкоголиком, который грядку картошки сажает, хоть с «отходником», который работает в городе, но при этом ведет свое хозяйство, хоть с фермером, который ведет довольно успешное хозяйство, хоть с председателем бывшего колхоза – все скажут, что они еле выживают. Что представляет собой современное российское крестьянство и есть ли оно вообще? Кто такие современные российские крестьяне?

Я думаю, что изменения, произошедшие по сравнению с советским периодом, в деревне не столь значительны, как иногда кажется. С одной стороны существуют крупные хозяйства, а с другой – существует находящаяся в вассальной зависимости от этих крупных хозяйств основная масса крестьян, являющихся мелкими сельхозпроизводителями. Вы говорите про фермеров. А где они, эти фермеры? За исключением некоторых областей, их

почти не видно на рынке, да и текучесть в этой прослойке слишком велика.

Увы, дуализм крупных хозяйств и зависимых от них крестьян – вот что сегодня характерно для нашей деревни. В агрохолдинги, которые сейчас активно внедряются, я не верю. Мне кажется, что, в данном случае, людьми движет не производственная цель, а стремление выгодно вложить деньги в землю. Это говорит лишний раз о том, что мы никаких уроков из собственной истории не извлекаем. Ведь в принципе, что погубило сельское хозяйство в брежневское время? Тогда ведь в него тоже брошены были колоссальные деньги. Но на что это пошло: на строительство агрогородов, на строительство многотысячных ферм, которые, в сущности, угробили животноводство. Пока животноводство было привязано к местным условиям, оно давало возможность местному населению поддерживать свое существование на нормальном уровне. А в результате строительства 10-тысячных ферм были загублены пастбища и экология.

Т. Г. Нефедова: Но тогда не было рынка, рыночных структур. Государственные структуры, действовавшие в брежневскую эпоху, не учитывали никаких условий. А, вот современные агрохолдинги – это рыночные структуры, которые занимаются и будут заниматься только тем, что им выгодно. Выгодно им растениеводство – они им и занимаются.

А. В. Гордон: В тот период, когда министром сельского хозяйства был А. В. Гордеев, была сделана ставка на крупные хозяйства, которые получали всякие льготы и преференции. Но когда я услышал от руководителя одного из таких хозяйств рассказ о том, что он расставил камеры наблюдения на всей территории своего хозяйства, то мне стало ясно, что это не тот путь.

Если обобщать, то не так все плохо. Все-таки в деревне сохраняются элементы хозяйственной и трудовой этики. А это значит, что крестьянство живо. Это значит, что

крестьянская натура – вот эта производительная культура – она не умирает.

С. Ю. Разин: На мой взгляд, достичь подлинного понимания истории российского крестьянства без учета ее геополитического контекста нельзя.

Обратимся к реформе Столыпина. Одна из главных задач, которую должна была решить эта реформа, состояла в получении с крестьянства денег для проведения модернизации армии и флота. Эта задачу решить не удалось. В результате модернизацию армии и флота мы к началу Первой мировой войны провести не успели, что стало одной из главных причин поражения России в этой войне. Аналогичная ситуация сложилась в 1920-е гг. Версальско-Вашингтонская система, закрепившая итоги Первой мировой войны, не устраивала ни правящие круги стран-победительниц, ни, тем более, правящие круги побежденных стран. Все понимали, что вопрос лишь в том, когда и где начнется Вторая мировая война.

У большевистского руководства перед глазами был печальный для России опыт Первой мировой. Перед ним стоял вопрос о необходимости проведения нового этапа индустриализации страны. Без этого СССР–России в новой мировой схватке делать было нечего. Для этого нужны были деньги. Где их взять? На Западе, в силу разных причин, никто кроме американцев, сотрудничать с нами не хотел. Да и американцы в основном поставляли технологии, за которые опять же нужно было платить.

Не кажется ли Вам, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. никакой реальной альтернативы курсу на форсированную индустриализацию и коллективизацию просто не было?

А. В. Гордон: Геополитические замыслы могут реализоваться по-разному. В Ваших рассуждениях, по моему, и обозначена альтернатива – столыпинщина или сталинщина. Правильно я Вас понял?

С. Ю. Разин: Я говорил о том, что у большевистского руководства был перед глазами неудачный опыт столыпинской реформы и Первой мировой войны.

А. В. Гордон: Столыпину дано было 5 лет, а товарищу Сталину – куда больше 20 лет. Это все-таки две большие разницы, особо существенные, как показал опыт реализации реформы 1861 г., для преобразования деревни.

С. Ю. Разин: Что касается 20 с лишним лет, данных Сталину, то историческая реальность отличается от того, что Вы говорите. И Вы это знаете. А если говорить о просьбе Столыпина о 20 годах покоя, то хочу заметить, что наши либерал-реформаторы западнического толка всегда почему-то хотят совершить своеобразный побег из той исторической среды, в которой они существуют. И хотят действовать в какой-то другой, идеальной, утопической реальности, а не в исторически существующей России. В реальной российской истории 20 лет покоя никогда не было. А в начале XX в. просить об этом было просто нелепо.

А. В. Гордон: Вы говорите, что русская армия потерпела поражение из-за того, что не хватало, так сказать, средств, оружия и т. д. ...

С. Ю. Разин: Я сказал, что Россия потерпела поражение в Первой мировой войне во многом из-за того, что к ее началу не была проведена модернизация армии и флота. Эта ситуация в немалой степени была обусловлена тем, что изначально правительство пыталось получить деньги для этого у крестьян. Из этого ничего не вышло. Деньги пришлось искать за рубежом и в конечном итоге они были найдены, но драгоценное время было упущено.

А. В. Гордон: Я считаю, что главным фактором поражения русской армии в Первой мировой войне было не отсутствие техники, а отсутствие боевого духа. Имело место колоссальное разложение армии. Разложение армии шло из-за того, что у нее был непрочный тыл и, в том числе, неудовлетворенное своим положением крестьянство.

А теперь давайте обратимся к 1941 г. – тогда мы потеряли все то, что дала нам сталинская модернизация. Я уж не говорю про то, что мы так и не смогли к началу войны преодолеть своего отставания в организации военной промышленности.

А. М. Никулин: Уважаемые коллеги, я напомню, что у нас семинар по крестьяноведению, а не по милитаристоведению. При слове «геополитика» я всегда слышу слово «милитаризм». В рамках такого подхода крестьянство – это не субъект и не объект истории, а пушечное мясо национального милитаризма.

И вопрос о том, чья политика была эффективнее – милитариста Столыпина или милитариста Сталина, и какое живодерство более эффективно с точки зрения наращивания сверхмускулов отечественного милитаризма – давайте как-нибудь отдельно обсудим.

С. Ю. Разин: Я же не об этом вопрос поставил.

А. М. Никулин: А я слышу, что вот именно об этом.

С. Ю. Разин: Я спросил, существовала ли или нет в конце 1920-х – начале 1930-х гг. реальная альтернатива курсу на ускоренную коллективизацию и индустриализацию.

А. В. Гордон: Альтернатива есть всегда.

С. Ю. Разин: Какая в данном случае была альтернатива?

А. В. Гордон: Именно крестьянское хозяйствование. Почему нет? Эта альтернатива просто была отброшена. Я же говорил, что крах НЭПа был неизбежностью, так как его главная цель состояла не в подъеме экономики и сельского хозяйства в частности, а в укреплении политической власти большевиков. Как только эта цель была достигнута – НЭП стал не нужен.

Для меня колхозы – это, прежде всего, институт управления сельским населением. Для великого аграрника товарища Сталина крестьянство было последним враждебным классом, который нужно было покорять и сдерживать. И колхозы здесь показали замечательным средством, которое позволило бы удовлетворить геополитические инстинкты т. Сталина и идеологические амбиции большевиков.

В. А. Бондарев: Полагаю, следует обратить внимание присутствующих на прозвучавшее определение

колхозов как, в первую очередь, механизмов управления сельским населением и контроля за деятельностью земледельцев.

Я бы, пожалуй, не стал столь же категорично трактовать коллективные хозяйства, даже если говорить о них применительно к 1930-м гг., когда сформированные в массовом порядке сельхозартели и сохранявшиеся еще коммуны оказались жестко встроены в административно-командную систему. Ведь, для большевистского руководства не менее важной представлялась и роль колхозов как крупных сельхозпредприятий, способных обеспечить потребности страны в продовольствии и сырье (правда, первоначально главный стратег «великого перелома» говорил о колхозах как о «сдатчиках», а не «производителях» сельхозпродукции: иными словами, сначала большевики слабо задумывались о модернизации земледелия, измышляя лишь организационные формы, оптимальные для выкачивания хлеба из деревни). Однако вышесказанное никоим образом не умаляет роли колхозов как средств контроля за сельским населением.

Здесь я хотел бы подчеркнуть, что отмеченная роль коллективных хозяйств выступила в качестве фактора, существенным образом затруднявшего развитие аграрного сектора и, отчасти, ответственного за кризисное его состояние в позднесоветский и постсоветский периоды. Система управления коллективизированной деревней была глубоко чужда идеям крестьянского самоуправления, в связи с чем так называемая «колхозная демократия» представляла собой не более чем декларацию. Фактически, непосредственное руководство колхозами осуществляли их председатели, починявшиеся районному руководству и обязанные беспрекословно выполнять все распоряжения властей (о чем недвусмысленно говорилось в «Примерном уставе сельхозартели 1935 г.). Колхозники, отчужденные от реального управления коллективными хозяйствами и от произведенного ими продукта, утратили стимул к труду, что

в рамках всего аграрного сектора означало замедленность развития такового.

Коллективизация не только пресекла возможность эволюционного развития крестьянских хозяйств по пути фермеризации и кооперирования (ибо первое отнюдь не противоречит второму) в конце 1920-х гг. Система управления деревней, созданная в ходе коллективизации, характеризующаяся подавлением личности непосредственного производителя, бюрократизацией, глубокой враждебностью к индивидуальному производителю, в определенной мере жива и поныне. Сохраняется и волонтаристски-командный стиль мышления, с позиции которого безусловными фаворитами выступают крупные сельхозпредприятия, а фермерские и крестьянские хозяйства выглядят аутсайдерами, а то и вовсе социальными лузерами.

Все это, вкупе с безразличием нынешних властей к нуждам села и зашкаливающим уровнем коррупции, не позволяет активным слоям сельского населения в полной мере реализовать собственную инициативу и, в конечном счете, затягивает пребывание постсоветского сельского хозяйства в кризисном состоянии.

А. П. Скорик: Хотел бы высказаться в поддержку тезиса об изначальной бесперспективности НЭПа, обусловленной идеолого-политическими мотивами.

От благостной сельской пасторали в этом случае давно пора отказаться. Соответственно, не было тогда перспектив и развитию крестьянских хозяйств, равно как и фермеризации доколхозной советской деревни. Обширный комплекс известных ныне документов и материалов позволяет с полной уверенностью утверждать, что в сознании большевистского руководства фигурировала картина деревни, в которой собственно экономические элементы были причудливо детерминированы идеологическими догмами. С позиций коммунистической идеологии, крестьянин-собственник и уж, тем более, зажиточный аграрий, являли собой не столько

производителя материальных благ (какими они и являются с позиций экономики), а реальную угрозу Советской власти и большевистскому режиму.

Думаю, отчасти такие представления были справедливы, поскольку доктрина большевизма была глубоко враждебна крестьянским устремлениям самолично владеть хозяйством и свободно распоряжаться плодами своего труда. Попытки большевиков лишить земледельцев этих прав вызывали законное возмущение последних, свидетельством чего были неоднократно фиксировавшиеся органами ОГПУ случаи настойчивой агитации за «крестьянские союзы» как общественно-политические организации (нечто вроде профсоюзов), способные защитить интересы сельских производителей.

Как бы там ни было, большевики по определению не собирались дать крестьянским хозяйствам шанс на свободное экономическое развитие. Проводившаяся в середине 1920-х гг. политика «лицом к деревне» отнюдь не означала никакой революции в аграрной стратегии компартии: здесь не надо никаких иных доказательств, кроме как указаний на кратковременность осуществления этой прокрестьянской политики. Коллективизация (такая, какой мы ее знаем) была предreshена изначально, поскольку для большевистского режима это был единственно возможный путь социалистического преобразования сельского хозяйства.

Между тем, как мне кажется, потенциал крестьянских хозяйств, а также и эволюционного развития доколхозной советской деревни, далеко еще не оценен. Возможно, в данном случае сказывается мощнейшая инерция советской историографии, с позиций которой все пути развития деревни, кроме колхозного, считались бесперспективными. Известно, однако, что в условиях НЭПа крестьянство не только успешно восстанавливало аграрное производство, но даже сумело превзойти ряд знаковых довоенных (1913 г.) показателей: если в 1909–1913 гг. урожайность в среднем составляла 6,9 ц. с га, то в 1922–

1927 г. она достигала 7,5 ц. с га. Разумеется, идеализировать мелкотоварные крестьянские хозяйства нет оснований, однако и сбрасывать со счета их мощный культурно-хозяйственный потенциал вряд ли правильно.

Но, в конечном счете, в 1920-х гг. путь преобразований российской деревни все же был предопределен не экономическими, а идеологическими и социально-политическими соображениями.

Н. Л. Роголина: Содержательный доклад А. В. Гордона дает сильный импульс к продолжению нашего разговора о крестьянстве в эпоху модернизирующих реформ.

Действительно, положив начало *общей модернизации русского общества*, Великая реформа 1861 г. способствовала *превращению крестьянства в реальную силу прогресса*. Не вызывает сомнения и авторский вывод о том, что столыпинскую реформу – прямое и закономерное продолжение начинаний Александра II – нельзя было начать ранее как по объективным, так и по субъективным причинам. Во-первых, реформы всегда опаздывают и носят вынужденный характер: ведь правящий класс не хочет подвергать себя испытаниям, избегая непредвиденных последствий. Во-вторых, трансформация сельской экономики должна была явиться органическим процессом общей модернизации. Приведу на этот счет два суждения: К. Мацузато считает, что нельзя объяснить 30-летнюю паузу между двумя великими реформами лишь инерцией правительства и господствующего класса: «Только с окончанием мирового аграрного кризиса и в результате подъема уровня грамотности среди крестьян в силу распространения земских школ и проникновения в среду крестьянства понятия «улучшение хозяйства» впервые для передовых крестьян появилась возможность выйти из общины». А.К. Кофод отмечал, что лишь к началу XX в. создалась благоприятная почва для реформы крестьянского землевладения, новых форм мелкой земельной собственности, необходимой для успешного ведения самостоятельного хозяйства. Не было еще живых примеров

самостоятельного мелкого крестьянского хозяйствования. За создание таких образцов и взялись землеустроительные комиссии.

Юбилейные публикации 2011–2012 гг. принесли новые убедительные доказательства эффективности столыпинских преобразований на общероссийском и региональном уровне, а монографии Б. Н. Миронова и М. А. Давыдова содержат солидные статистические расчеты, убеждающие в том, что экономическая модернизация начала XX в. шла быстрыми темпами и сопровождалась повышением благосостояния народных масс.

Согласна я и с принципиальной оценкой НЭПа, данной в докладе. Тезис: *«НЭП был обречен изначально»* прозвучал еще в трудах экономистов-аграрников 1920-х гг., особенно в статьях Б. Д. Бруцкуса. «Архивная революция» эпохи перестройки и последующих лет дала убедительные аргументы «пессимистам». Напомню, что это направление в изучении НЭПа возглавил в свое время В. П. Дмитренко. Сегодня мы подчеркиваем, что НЭП явился первой социалистической реформой во имя сохранения политической власти и восстановления экономики в интересах грядущей индустриализации. Система, основанная на дешевом крестьянском хлебе, должна была зайти в тупик. Искусственно занижаемые цены в сочетании с товарным голодом – это была бомба, взорвавшая хрупкий гражданский мир 1920-х гг. На НЭПовском рынке конкурировали не продавцы – «кулаки», «середняки», а покупатели – государственные кооперативные организации, частные торговцы. Треть крестьянских хозяйств не имела товарного хлеба или покупала его больше, чем продавала, а значит, была заинтересована в низких хлебных ценах (не говоря уже о городском населении). Одно это создавало базу для глубоких социальных конфликтов.

Немецкий исследователь Д. Байрау прав, отмечая, что региональные конфликты на продовольственной почве могли играть роль классовых. В этом главное объяснение того, почему экономический и политический нажим на

«кулачество», а позже переход к раскулачиванию был поддержан не только люмпенами и выдвигенцами, но и широкими кругами деревенского населения. Именно соединение экономической и политической власти в лице государства, создавало перманентные кризисы НЭПа. Власти не могли их разрешить, поэтому отказались от рыночных отношений как бесперспективных.

1920-е гг. закончились тем же, с чего начались – масштабным тотальным кризисом: народное хозяйство попало в ловушку, выход из которой состоял или в постепенном и сознательно долгим возвращении к нормальной рыночной системе, формировавшейся в начале века, или в некапиталистической модернизации. Сложившиеся институциональные условия, механизм принятия решений, практика нерационального и затратного хозяйствования закладывали будущие противоречия, накапливая предпосылки для последовательного огосударствления и централизованного планирования первых пятилеток. Нужны было время и терпение, а главное – повседневная кропотливая работа по завершению восстановительных процессов и выращиванию твердых предпосылок для модернизации экономики в виде здорового производственного накопления, нормализации рыночных отношений, приемлемой структуры и уровня цен, налогов и т. д. Однако идеология и политика определяли задачи в области хозяйственного строительства.

Альтернативы сталинской коллективизации исследователи связывают как с сохранением и преобразованием НЭПа, так и с необходимым отказом от него. Они ищут исторический ответ и за пределами коллективизации, и внутри нее. Первый путь поисков имеет в виду кооперирование на базе многоукладной экономики. По мнению В. П. Данилова, «могли развиваться различные сектора – совхозы, колхозы разных типов, интегральные кооперативы, объединения, ассоциации с разной степенью социализации, интеграции частных хозяйств и частной собственности, с привлечением крестьян-частников.

И. Е. Зеленин подчеркивал значение «права за крестьянином на альтернативу, в том числе переезд в город (по желанию – и на основе оргнабора), переход на работу в совхоз, ведение единоличного хозяйства, в том числе и хуторского».

Расчеты экономических историков А. Макаревича и М. Харрисона показали, что быстрый рост советской экономики до войны был лишь ее возвращением к тренду, с которого страна сошла из-за революции. Х. Хантер и Д. Шиммер – авторы книги «Ошибочные основания. Советская экономическая политика. 1928–1940 гг.» предложили модель «КАПРОСТА» (капитального роста в России). Они проанализировали ежегодную динамику 12 базовых отраслей народного хозяйства в изучаемый период на основе статистических материалов и данных наиболее авторитетных российских и зарубежных ученых под углом готовности ко Второй мировой войне. Авторы пришли к выводу, что выбранный путь не оправдан жертвами, состоявшийся экономический рост был потенциально неправильным, коллективизация оказалась ошибочной, и более медленный темп тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше; что правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики. Так, предложив «контрфактическую» модель как картину нереализовавшегося прошлого, авторы показали ошибочность коллективизации как наиболее ущербного и неэффективного способа модернизации.

Второй путь поиска альтернативы связан с осуществлением кооперативных принципов и природных потенциалов уже созданных колхозов.

В. А. Бондарев считает, что в ходе сталинской коллективизации произошла не только ликвидация многоукладности и повсеместная замена индивидуального хозяйства колхозами, но было покончено и с многообразием типов колхозов, что привело к унификации аграрного производства. Соглашаясь с автором, отметим, например,

печальную судьбу толстовских коммун. Несомненно, сохранялась альтернатива и тотальному контролю государства за колхозами в форме машинно-тракторных станций. На наш взгляд, возвращение МТС их первоначального кооперативного статуса способствовало бы укреплению хозяйственной самостоятельности коллективов и повышению ответственности колхозников за производственные результаты. Настоящие хозяева нашли бы возможность содержать технику за свой счет.

В сущности, коллективизация стала не контрреформой в отношении НЭПа, а продолжением командной экономики 20-х гг., доведенной до логического конца. Дело в степени последовательного огосударствления сельского хозяйства. Недаром И. В. Сталин видел причину сравнительной легкости и быстроты процесса развития колхозного движения в отсутствии частной собственности на землю. Новое государственное крепостничество в виде неофеодализма сопровождалось усилением архаики и натурализации отношений в аграрной сфере вообще и в области земельных отношений в частности. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР. В сложившейся «ранговой сословно-корпоративной системе», «иерархии социальных статусов», колхозники (29 млн чел. в 1940 г.) вместе с заключенными (3,7 млн чел. в 1939 г.) относились к самым низким стратам, чей дешевый труд нещадно эксплуатировался государством. В ходе «социалистического укрупнения» крестьянство практически выступает как побежденная и дискриминированная группа, судьба которой целиком находится в руках государства.

В результате колхозного строительства утвердилась модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производство ради производства» с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов. Этот полурабский труд колхозников мало отличался от рабского труда заключенных. Через данную мобилизационную модель

советское общество добилось ограниченных результатов. Землепользование считалось бесплатным, однако реальная цена, заплаченная сельскохозяйственными артелями за пользование землей, была огромна, если учесть постоянный невыгодный обмен с городом и с промышленностью. Недаром в советской повседневности закрепились слова «сдача» и «поставка», а не «продажа» и «покупка», как обязывает логика экономических отношений. Деморализация земледельца, потеря интереса к земле выступала как еще одна форма раскрестьянивания, вызванная коллективизацией.

Очевидно, что быстрый рост несельскохозяйственной сферы шел без согласования с соответствующими изменениями в аграрном производстве. Выжимание ресурсов и их перекачка выступали как самоцель: советская индустриализация не создавала здоровой основы для технологического прогресса в сельском хозяйстве. Модернизация аграрной сферы, осуществленная в 30-х гг., была ускоренной и фрагментарной, а механизация – внешней и частичной. Прав Бондарев, называя коллективизацию не новой моделью сельского хозяйства, а мероприятием, связанным с достижением промежуточных уровней модернизации.

Анализ экономических результатов коллективизации показывает, что они были неудовлетворительны и с точки зрения обслуживания интересов народного хозяйства. При непрерывном росте государственных изъятий увеличения сельскохозяйственного производства не происходило: официальные цифры преувеличивали действительные данные о сборе зерновых на 25–40%. Г. Е. Корнилов подчеркивает, что, несмотря на размах модернизационной кампании, сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливало уровень то 1913 г., то 1928 г., а роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило.

Административный социализм обеспечивал экстенсивное развитие. Сложившийся порядок создавал

надежную базу получения необходимого минимума продуктов, сельскохозяйственного сырья и людских ресурсов для продолжения индустриализации, роста городов и содержания армии. Если до Первой мировой войны удельный вес заготовок достигал четверти всего фактического урожая в стране, то в 1940 г. – уже 38%. При этом речь идет не об увеличении продуктивности, а об изменении организационных форм. Данная индустриализация имела результатом хроническое отставание аграрного сектора.

Несомненно, платежный баланс «город–деревня» требует углубленного исследования, введения в научный оборот новых архивных и статистических материалов. Проблема критериев эффективности в нерыночной среде ставит перед исследователями ряд общих и специальных вопросов. Можно ли искать народнохозяйственное оправдание модернизации в удовлетворении потребностей индустриализации? Насколько важно различать ее количественные показатели и качественные характеристики? Поставлен вопрос о слабости импортозамещающей модели развития. Например, применительно к 1941 г. следует говорить об исключительно плохом состоянии военной техники. Она стала одним из факторов поражения и огромных жертв в первые годы войны.

А. Н. Медушевский: Поставленный в дискуссии вопрос о судьбах крестьянства должен получить однозначный ответ: в Новое время традиционное крестьянство с его глубоким консерватизмом, коллективизмом, утопическими распределительными представлениями становится тормозом развития для общества, вставшего на путь рыночной экономики и частной хозяйственной инициативы, формирования рациональных политических институтов, основанных на защите индивидуальных прав личности и собственности, свободе совести и обмена информации.

Однако крестьянство, при его темноте и глухой враждебности к нововведениям (представленной в той или

иной степени во всех цивилизациях) не только не способно самостоятельно решить эту проблему, но агрессивно противостоит модернизации, инстинктивно осознавая, что достижение ее целей будет означать крушение его системы ценностей и устойчивой социальной общности.

В современной дискуссии по проблеме представлены следующие позиции: есть авторы, которые следуя народнической историографии, продолжают оплакивать крестьянскую долю, говорить о долге интеллигенции перед «народом», подчеркивать истинные и мнимые добродетели крестьянства (не помешавшие ему в XX в. разрушить очаги европейской цивилизации в ходе ряда спонтанных революций); есть те, кто полагает, что крестьянство как исторический рудимент достойно скорейшего исчезновения, причем цена вопроса для истории не имеет принципиального значения (апологетика сталинской или маоистской модели коллективизации и других форм насильственного уничтожения крестьянства); наконец, есть те, кто считает, что проблема крестьянства (и связанный с ним так называемый «аграрный вопрос»), безусловно, существует, но может получить вполне рациональное разрешение без масштабных социальных эксцессов, связанных с эскалацией социального насилия и кровопролития – правовыми методами в рамках осмысленной государственной политики.

Исходя из этого, нуждаются в уточнении рамки дискуссии. Во-первых, проблема крестьянства в условиях трансформации Нового и Новейшего времени – значительно шире собственно аграрных отношений и есть проблема выбора всего общества. Во-вторых, крестьянство в традиционном обществе выступает скорее не субъектом, а объектом политики, поскольку даже в случае крестьянских акций прямого действия – восстаний или аграрных революций – их результатами пользуются не крестьяне, а способные манипулировать ими другие слои. В-третьих, направление, цена и технологии модернизации определяются не крестьянством, а государством и

властвующей элитой традиционного или революционного типа.

Содержание социального конфликта при переходе от традиционного к индустриальному обществу выражается в противоречии исторически сложившихся формальных (рационально-правовых) отношений собственности и представлений крестьянства о справедливости как торжестве утопической идеи уравнительного распределения земли. Поэтому основной вектор необходимых преобразований – преодоление исторически сложившегося правового дуализма путем распространения на крестьянство общегосударственного гражданского права и укоренения института частной собственности на землю. Эти цели достигались в России начала XX в. в рамках концепции преобразований, которая была призвана завершить логику Великих реформ 1860-х гг., включив в сферу модернизации социальных отношений традиционное крестьянство и ликвидировав основу уравнильно-распределительной аграрной экономики – сельскую общину. Теоретические основы этой концепции были сформулированы правительством С. Ю. Витте и блестящей плеядой русских ученых-аграрников, а ее реализацией после Первой русской революции занималось правительство П. А. Столыпина.

Социальный эффект данного типа модернизации мог оказаться различен в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Заявленный масштаб столыпинской программы существенно превышал задачи постреволюционной стабилизации: охватывал не только земельное право, но все сферы общественных отношений – от обеспечения юридического равенства независимо от сословной принадлежности до противодействия экстремизму, а ее главной политической целью становилось поддержание социальной стабильности. Методы проведения реформ носили правовой характер, что исключало использование мобилизационных технологий и масштабного применения насилия последующего (советского) времени, а результативность избранной стратегии, по крайней мере в

краткосрочной перспективе (то есть в период, предшествовавший началу Первой мировой войны 1914 г.), – не вызвала сомнений у русских и иностранных наблюдателей, причем – различной политической ориентации.

Основным аргументом критиков столыпинских реформы всегда выступает та легкость, с которой их результаты были сметены в ходе большевистской революции, означавшей тотальное разрушение правовых основ землепользования (в рамках безвозмездной передачи земли «трудовому крестьянству»), архаизацию социальных отношений (в рамках так называемой «социалистической национализации» земельных ресурсов) и восстановление примитивных внеэкономических форм эксплуатации крестьянства (в рамках колхозной системы).

Однако потенциал столыпинской реформы в долгосрочной перспективе становится понятен при сравнении не столько с западноевропейскими странами, как Франция (где революция конца XVIII в. однозначно привела к торжеству частной собственности в аграрном секторе), сколько с развивающимися странами, столкнувшимися в XIX–XX вв. с угрозой аграрного коммунизма. Так, содержание аграрной реформы в Мексике, последовательно осуществлявшейся авторитарным правительством после революции и принятия Конституции 1917 г. состояло, как и в России, в разрешении исторического конфликта собственности и справедливости – разукрупнении больших владений (асьенд) и передаче земель в пользование крестьян (в форме долгосрочной аренды, а затем собственности крестьянских хозяйств). В целом данная политика позволила последовательно трансформировать аграрные отношения и избежать повторения революционных эксцессов предшествующего времени – наподобие «пугачевщины» и аграрного бандитизма крестьянских армий Вильи и Сапаты.

Ход аграрных реформ в развивающихся странах Латинской Америки (Бразилия, Чили, Мексика и др.), Южной Африки (ЮАР, Зимбабве), Азии (Индии, Японии,

Южной Корее), как и в России, не всегда был гладким и экономически успешным, сталкиваясь, в частности, с проблемой фрагментации крупных землевладений, однако, как и в России периода столыпинских реформ, имел целью рационализацию аграрных отношений и снятие связанных с ними социальных конфликтов путем укрепления собственности на землю или перехода от коллективных форм землевладения к семейным фермам (как было сделано, в частности, в Китае в 1978 г., а позднее во Вьетнаме).

Опыт развивающихся стран XX в. показывает, что устойчивого экономического роста удавалось достичь только при сохранении стабильных правил игры и правовых рычагов управления аграрной экономикой, без чего не возможны инвестиции и развитие рыночной инфраструктуры. Сопоставление аграрных реформ в Советской России и указанных странах, где они шли в целом в рамках столыпинской программы, едва ли оставляет сомнения в том, какая из избранных моделей является экономически более рациональной и социально справедливой, в том числе – для судеб самого крестьянства.

Подробнее об этом – в моих статьях «Великая реформа и модернизация России» («Российская история», 2012, № 1), «Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа» (Там же, № 2) и в материалах круглого стола «Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе» (Там же, № 3).

Д. И. Люкшин: В современной аграрной антропологии проблема вопроса является одной из самых существенных и, на мой взгляд, наиболее болезненных. В историческом дискурсе ответов существует огромное количество. Но, как правило, не удастся сформулировать вопросов, которые могли бы открыть путь к этим ответам.

Вероятно, что в рамках единого дисциплинарного дискурса тема аграрной политики сталинского периода вообще не может быть раскрыта. Природа аграрных

исследований такова, что они априори обречены на междисциплинарность.

Междисциплинарность приводит не к появлению нового исследовательского пространства, а к смешению дискурсов. Слабым местом отечественной аграрной антропологии и социологии является совмещение аграрной истории и экономики в несопоставимых параметрах. То видение крестьянства, которое предложил Дж. Скотт, выводит в другую плоскость изучения этой проблемы. Оно позволяет нам перейти от попытки оценить крестьянство с точки зрения его хозяйственной эффективности, социальной значимости и возможности его геополитического использования – к формулировке вопроса о крестьянстве как о культурном явлении.

Проблема различения форм аграрного производства и структуры крестьянской повседневности практически не решаема. Еще К. Н. Тарновский подчеркивал, что большинство исследований по данной тематике сходятся в том, что аграрный строй России имеет целый ряд особенностей. И эти особенности никак не сочетались с марксистско-ленинской доктриной. Так вот А. В. Гордон убедительно показал, что на пространстве 500 км от Шампани до Бретани существуют разные крестьянские цивилизации. А сколько их на пространстве огромной России?

На мой взгляд, говорить о некоем едином крестьянстве с точки зрения экономики, способов выживания и отношения к прибавочному продукту – не приходится. Единственное что объединяет крестьянство – это крестьянская культура и крестьянское мироощущение. Различия между *крестьянским* и *некрестьянским* – это различия в мировидении.

А. В. Гордон: Какая характеристика является главной в определении крестьянства?

Действительно, особенности существуют. Когда я начинал свой путь в крестьяноведении, то в качестве главного, системообразующего для крестьянства фактора

рассматривал общину. Тогда мне Л. Б. Алаев, наш крупнейший индолог, который занимался индийской общиной, сказал: «Саша, твоя позиция понятная, но это трудная позиция». Не сразу, но через какое-то время я понял, почему он так сказал.

Как мы представляем себе русскую общину? Прежде всего, как хозяйственно-правовой организм. В этом смысле она, действительно, выглядит уникально русским явлением. Скажем, китайская деревня не знала ранее земельных переделов. Однако она узнала их теперь, после деколлективизации. Этот пример еще раз говорит о том, что какие-то общинные константы крестьянского образа жизни действительно существуют. Но это не обязательно община с коллективным трудом на коллективных угодьях, коллективной собственностью и переделами. Поэтому я предпочел термин сельская «общность».

А главным, структурообразующим элементом в определении крестьянства мне видится семейное хозяйство. Между прочим, впервые о семейном крестьянском хозяйстве заговорили представители русской аграрной школы (А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и т. д.). С их подачи семейное крестьянское хозяйство вошло в мировую науку как особая экономическая категория. И, как я уже говорил выше, французская деревня является примером живучести семейного хозяйства. Но это далеко не единственный пример такого рода.

Т. Г. Нефедова: Семейное хозяйство, в котором используется труд наемных работников, это крестьянское хозяйство или уже нет?

А. В. Гордон: Если их труд используется на постоянной основе и если этих человек десятки, то тогда это уже не крестьянское хозяйство. Это что-то другое. Все-таки семейное крестьянское хозяйство строится на труде членов семьи.

Несколько слов о крестьянской культуре. Дело в том, что традиционная крестьянская культура была не чисто крестьянская, она была общечеловеческая. Аграрно-

календарная обрядовость, являющаяся основой крестьянской культуры от неолитических времен, доходит до XIX в., который явился почти повсеместно в Европе – от Франции до России – периодом угасания этой обрядовости. После этого она сохранялась в виде пережитков.

И, между прочим, ее исчезновение никак не было восполнено! Приходская жизнь тоже стала угасать. Происходит упадок института священства. Снижается его культурный уровень. Священники уже не могли возглавить культурную жизнь деревни. Деревня их обогнала. Авторитетность их слабела. Об этом, в частности, говорил святитель Игнатий Брянчанинов. Он едва ли не первым заметил пореформенное развитие церковного абсентеизма среди крестьян. Он говорил о том, что кутилам безразлична церковь, а *не*-кутилы уходят в раскол. Количество сект и крестьян, ушедших в раскол во второй половине XIX – начале XX вв., неуклонно росло. Официальная церковь не смогла дать новому крестьянству, которое возникало после 1861 г., духовных и нравственных ориентиров.

Д. И. Люкшин: Определение семьи как ядра крестьянского хозяйства – характерная черта подхода Т. Шанина. Согласно этому подходу, крестьянин – это мелкий сельскохозяйственный производитель, который использует свой труд и труд членов своей семьи.

А. В. Гордон: Исходя из этого, можно сказать, что опору крестьянского хозяйства составляют семейные отношения. При этом надо понимать, что крестьянская семья – это больше чем хозяйственные отношения, а крестьянство, в целом, – это не только совокупность хозяйствующих субъектов, не только слой сельских производителей, а особый социальный организм.

Д. И. Люкшин: Как бы Вы могли прокомментировать итоги переписи населения 2010 г., согласно которым сельское население сокращается в России в 3 раза быстрее, чем городское? Не вызывает ли это у вас настороженность?

А. В. Гордон: У меня вызывает настороженность разрушение сельской семьи. Именно она является основой крестьянского хозяйства, крестьянского существования. Положение в этом смысле у нас катастрофическое. В Китае этот процесс также обусловлен миграцией и тем, что западные специалисты называют феминизацией сельскохозяйственного труда.

Но я надеюсь на то, что инстинкт самосохранения – а крестьянство как раз обладает каким-то чисто биологическим инстинктом сохранения – позволит крестьянству сохраниться и сегодня.

Д. И. Люкшин: Кто, какие факторы, на Ваш взгляд, привели к тому катастрофическому состоянию, в котором находится современная российская деревня?

А. В. Гордон: Конечно, то, что сказал С. Ю. Разин насчет геополитики, исключительно важно. Действительно, именно геополитические факторы во многом предопределили форсированный, мобилизационный характер развития нашего общества. Такого форсированного темпа, такой принудилки и такого уровня насилия нигде ранее не было. Безусловно, сыграла роль идея построения социализма в одной отдельно взятой стране и изоляция, в которой оказалась Советская Россия. У китайцев сегодня совершенно другая ситуация. У них сейчас «все флаги в гости», как говорится. Инвестиции приходят отовсюду.

А теперь представьте ситуацию Советской России 1920-х гг., когда страна только что пережила увлечение мировой революцией, от которой, впрочем, никогда и не уходили. В 1939 г. т. Сталин заговорил, что теперь деятелем мировой революции становится Красная армия. А, с другой стороны, аннулирование царских займов, конфискация иностранной собственности, всеобъемлющая госмонополия. В общем, проблема была в том, что никто не собирался сосуществовать. Мы были исключительными. И это сыграло печальную роль в судьбе крестьянства.

Ситуация Советской России 20-х гг. сопоставима не с современным, а с маоистским Китаем. Там тоже была

изоляция и попытка форсированного развития. А Дэн ушел от конфронтации, и советская «Перестройка» способствовала провозглашенному им курсу на «открытость». Конечно, это явилось фактором, облегчившим проведение реформ в китайской деревне. Исчезла некая геополитическая или военно-политическая рамка, сковывавшая ее естественно-историческое развитие.

Полной противоположностью мобилизационному типу развития является эволюционное развитие. В этом смысле пример – Франция. Со времен Великой революции и до середины XX в., когда в национальном масштабе явился современный фермер, прошло полтора века. Вот это и есть нормальный, естественный, эволюционный процесс. Но сегодня темпы исторического развития ускоряются. И так, как жили в XIX в., так в XXI в. жить невозможно.

П. П. Марченя: Уважаемый Александр Владимирович [Гордон]!

Первое и второе заседания нашего семинара наглядно показывают, что столыпинская реформа и сегодня остается для России большой темой. В этой связи у меня к Вам два вопроса.

Вы сказали, что наша армия в Первой мировой войне проиграла не потому, что не была завершена модернизация, а потому, что не хватило боевого духа и было духовное разложение.

С этим трудно не согласиться, но не кажется ли Вам, что именно столыпинская модель так называемой «аграрной модернизации» сыграла в этом разложении очень большую роль? Ведь она реально внесла смуту в каждый дом и посягнула на вековые устои русской деревни. Это первый вопрос.

И второй вопрос: Вы не устаете повторять тезис о том, что крестьянство – это субъект истории.

Я полностью с Вами в этом солидарен. Но разве крестьянство – как субъект истории – недостаточно убедительно продемонстрировало свое негативное отношение к столыпинской реформе?

А. В. Гордон: Это весьма спорный и до предела идеологизированный вопрос.

В связи с этим приходит на ум сакраментальная фраза: «хотели как лучше, получилось как всегда». Изначальная идея была хорошей, и состояла она в том, что сами крестьяне, сами сельские сходы должны решить вопрос о форме землепользования. Но тут свою роль сыграла русская бюрократия. Громадный бюрократический аппарат, который не понимает таких полунамёков и полутонов. Чиновнику дана инструкция всячески способствовать выходу на хутора и на отруба, и он упрямо гнет эту линию. Поэтому дело не в сути реформы, а в методах ее реализации. Да, Вы можете сказать, что крестьянство, в массе, было против и продемонстрировало это в 1917 г., когда страну захлестнул вал общинного права. Вся земля вернулась снова в общинное владение. Но все-таки еще раз повторюсь, дело не в сути реформы, а в методах ее реализации.

Столыпин говорил о том, что для реализации реформы нужен определенный срок. Я лично думаю, что если бы дело продолжалось, то оно было бы доведено до логического конца – и все идеи, лежавшие в основе этой реформы, были бы реализованы. Община начала разлагаться не при Столыпине. Он только форсировал этот процесс. Разложение общины при товарно-денежных отношениях было неизбежно. Столыпин выбрал оптимальный путь – путь раскрепощения крестьянина от общины. Это нужно было делать. Община становилась тормозом хозяйственного развития.

Община является великолепным средством тогда, когда действует стратегия выживания, когда существует натуральное хозяйство и нужно помогать слабейшим. Община ориентирована на слабейших. Но если стоит задача хозяйственного подъема, модернизации, выхода на новые рубежи – тогда община становится тормозом. Не общинный дух и не община помогли развитию русской кооперации. А кооперация, параллельно со столыпинщиной, приобрела в России невероятный размах. Причем на первое место вышла

кредитная кооперация. Это показатель высокого уровня развития товарно-денежных отношений.

На мой взгляд, не стоит вырывать столыпинщину, деятельность Петра Аркадьевича [Столыпина] из всего этого контекста, из всех изменений, происходивших в русской деревне, которые имели, в общем, благотворный характер. Они готовили почву для хозяйственного и культурного подъема крестьянства.

Но что получилось? Исторически был зафиксирован момент разрушения. И еще недостаточно было каких-то позитивных моментов, не было аккумуляции позитивных сдвигов. Я лично думаю, что если бы процесс продолжался дольше, то деревня бы перестроилась и главными действующими лицами в ней стали бы те, кого позже назовут кулаками. В сущности, так и происходило. Есть масса литературы, в которой говорится, что кулаки строили школы, библиотеки и, более того, даже ярый народник Н. Н. Златовратский признавал, что кулаки способствовали пробуждению мысли у русского крестьянина.

П. П. Марченя: Мне не кажутся достаточно убедительными попытки оправдывать очевидно негативные и откровенно дурные исторические последствия реальных действий тех или иных политиков их изначально «благими» намерениями и ссылками на недостаточность времени и неблагоприятность обстоятельств. Позитивное искусство политика как раз и заключается в умении соответствовать своему времени и конкретно-историческим обстоятельствам. «По плодам их судите их»...

Конкретные реалии российской истории в XX в. таковы, что столыпинская реформа, как ни относиться к личности самого Столыпина и к теоретической «конструктивности» его планов, на практике стала одним из факторов, до предела натянувших пружину всенародного недовольства – которая и «выстрелила» в 1917 г. со всей своей огромной деструктивной мощью.

В российских (как впрочем, и во всяких иных) смутах, в первую очередь виноваты не войны и прочие

социальные катаклизмы – а неадекватные попытки системных преобразований со стороны самой власти, не умеющей (или не желающей) обеспечить понимание и поддержку собственного народа.

И никакая идеологизированность не в состоянии отменить исторического факта XX в.: для декларировавших «любовь» к крестьянству предреволюционных и революционных, либерально-демократических властей России «крестьянский вопрос» оказался «не по зубам», и сам крестьянский демос выступил не опорой их государственных начинаний, а разрушительной антигосударственной, да и «антидемократической» силой. А пришедшие им на смену «антикрестьянские» политические силы сумели мобилизовать крестьянский ресурс не только для захвата и удержания власти, но и (причем при еще более неблагоприятных объективных обстоятельствах) для проведения модернизации всего государства и общества России.

И пытаться объяснять этот факт лишь готовностью победивших сил к насилию, их неразборчивостью в средствах или вообще просто «историческим обманом» – не только нечестно, но и ненаучно. Причины кроются гораздо глубже, и их трезвый анализ исключительно актуален для российской публичной сферы сегодня.

С. А. Есиков: Рассматривая судьбы российского крестьянства в XX в., нельзя избежать обсуждения проблемы «Община и агротехнический прогресс».

В России преобладало общинное землепользование. Пореформенная община многими современниками, да и некоторыми нынешними исследователями, относится к пережиткам сельской жизни. При этом на первый план выдвигают такие недостатки общины, как постоянные переделы, многополосица, чересполосица, господство трехполя, принудительность севооборота. Крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с большим недоверием относились к возможным нововведениям. В результате делается вывод о

несовместимости общины и агротехнического прогресса. При всей своей самодостаточности и автаркичности крестьянская община не могла оставаться неизменной, не обладала она и независимостью от внешнего мира. Она должна была реагировать на внутренние процессы и на внешние факторы.

Изучение эволюции крестьянского хозяйства показывает, что общинное производство в значительной степени успевало реагировать на экономические требования момента. Так, в рамках трехполья постоянно увеличивалась урожайность крестьянских полей. Приверженность к привычкам была разной. Наблюдения показывали, что, чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он относился к нововведениям. Очевидный прогресс агротехники также подтверждался более тщательной вспашкой, прополкой, уходом за посевами; расширялись посевы трудоемких культур и т. д. Жизнь заставляла крестьянина интенсифицировать свое хозяйство, он стал больше работать. Общинное крестьянское хозяйство в значительной степени успевало реагировать на экономические требования момента, в то же время, сохраняя свои традиционные рамки. Трехпольная система полеводства могла развиваться в разных направлениях. Ситуация толкала крестьянина на единственно возможный путь выживания – путь интенсификации своего хозяйства. И он делал это в рамках существовавшей трехполки.

Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была бедность крестьян, а не общинные порядки.

В. В. Бабашкин: Сегодняшний доклад – яркое подтверждение того, насколько условны любые обобщения, связанные с крестьянством и его эволюцией. Соглашусь с Д. И. Люкшиным: региональная специфика форм земледельческого труда – лишнее тому подтверждение.

В этой связи мне вспоминается один из «контрольных вопросов», которыми М. Л. Левин в ходе дискуссии по его классической монографии «Российское крестьянство и Советская власть» предлагал любому

исследователю крестьянских проблем все время себя атаковать. В 1941 г. ему довелось работать в колхозе им. Ворошилова под Мичуринском, представлявшим собой явное воспроизведение прежней крестьянской общины в новых советских условиях, – а рядом благополучно существовал колхоз совершенно иного типа, где колхозники вполне приспособились к новым условиям и на полную мощь включили механизмы имитации того, чего добивалась от них новая власть («Отечественная история». 1994. № 4–5). То же было и во времена столыпинской реформы.

Знакомство с работами Дж. Пэллот также позволяет утверждать, что консервативный потенциал общины был более мощным, чем теперь принято считать. Многие крестьяне имитировали то, чего добивалась от них местная бюрократия, они включались в соответствующие отчеты «наверх», но старались как можно меньше менять по сути. Кооперация развивалась не столько параллельно со столыпинским реформаторством, сколько в пику. Через сельскую кооперацию община приспособливалась к рыночным отношениям. К административному нажиму со стороны реформаторов она скорее приспособливалась через «оружие слабых».

И. А. Анфертьев: В советской историографии существовал тезис, согласно которому большевики победили в гражданской войне потому, что их поддержал народ. Сейчас, особенно когда знакомишься с документами, с исследованиями, создается такое впечатление, что народ просто не мог поддержать большевиков.

Ответ на этот вопрос я, совершенно случайно, нашел в политическом завещании Г. В. Плеханова. Он предсказал еще в апреле 1918 г., что крестьяне поддержат большевиков в развязанной ими гражданской войне, и объяснил, почему они их поддержат.

Это произойдет, по его мнению, потому, что большевики, отказавшись в своей программе от национализации земли и взяв на вооружение эсеровскую

программу социализации земли, отдали землю крестьянам. Крестьяне понимали, что если победит Белая армия, то землю придется отдать. Оказавшись перед этим выбором, они выбрали сторону большевиков. Нет ли здесь ответа на вопрос о том, кто виноват в последующей трагической судьбе русского крестьянства?

Возможно, крестьяне заплатили в 1920–1930-е гг., в коллективизацию, за тот выбор, который они сделали в ходе Гражданской войны?

А. В. Гордон: Я считаю, что сам по себе вопрос: «Кто виноват?» – непродуктивен. Потому что всегда оказывается, что виновата история или виноваты все.

Большевики разрубили «гордиев узел» и решились на то, на что не решались предыдущие правительства России, отдав крестьянам землю. Крестьяне попались в эту ловушку, поверили в «черный передел» и похерили (именно на такой формулировке настаивает докладчик. – *Прим. ред.*) частную собственность на землю. Потом им сказали: вы же сами отказались от частной собственности. Тот удар по правовым отношениям, который был нанесен «черным переделом», оказался очень мощным.

То же самое было и в Китае после прихода к власти КПК. Сначала земельная реформа, затем коллективизация и т. д. Так что Ваш вопрос совершенно обоснованный.

А. В. Чертищев: В современных условиях Вы сторонник частной собственности на землю или национализации земли с последующей ее передачей в аренду крестьянству?

А. В. Гордон: Прежде чем ответить на Ваш вопрос, еще раз, для сравнения, я обращусь к той ситуации, которая существует сегодня в китайской деревне.

Надел у китайских крестьян полгектара. Мобилизация земли невозможна, развитие производительного хозяйства невозможно, потому что для этого, по китайским условиям, нужно по крайней мере в 10 раз больше земли. То есть где-то 5 га. Если нет частной собственности на землю, если крестьяне не имеют права

покупать ее – шансы у них на формирование высокопроизводительного хозяйства невысоки. Хотя предпринимаются меры для укрупнения путем аренды земли, а развитие механизации (минитрактора) повысит эффективность.

Я думаю, что примерно то же самое и у нас. У нас нет полноценной частной собственности на землю. Процесс формирования фермерства уперся именно в то, что фермерам не давали хозяйничать. Процесс приобретения земли был до того затруднен, что выбивались в фермеры практически лишь те, кто обладал каким-то административным ресурсом.

А. В. Чертищев: Все-таки, по какому пути мы пойдем – национализация или приватизация земли?

А. В. Гордон: По какому пути пойдет Россия, вопрос не ко мне. Как историк, я могу рассуждать лишь о предпочтительности.

Исторически национализация земли была способом борьбы с крупным землевладением, монополизацией им земельных ресурсов. В нашей «Перестройке» выявилась другая опасность – монополизация земельных ресурсов агробюрократией.

Агрохолдинги – и тут я должен согласиться с Т. Г. Нефедовой – используют землю производительно. А расхищению земель поспособствовала эта самая бюрократия, оказавшаяся распорядительницей важнейшего национального достояния. Кто торговал гумусом, а потом продавал обезображенную землю под садово-огородные участки? Руководители АПК вкупе с местной администрацией. А кому обязаны нынешним опустыниванием сельхозземель? Все тем же субъектам госсобственности.

И, напротив, между крупным землевладением и сельхозпроизводителями могут складываться солидаристские отношения во взаимных интересах и на благо общества. Я как-то спросил у одного французского фермера, у которого в пользовании находилось 100 га земли,

сколько из них у него в собственности? Он говорит – 30 га. – А остальные? – Остальные, – говорит, – я арендую. – Я говорю, ну, наверное, надо их тоже приватизировать? – А зачем? – переспрашивает он. – А зачем мне приватизировать? Это большие затраты. Зачем мне это нужно? Я лучше вложусь в трактора или там еще в чего-нибудь. – И действительно, – размышляя я: куда этот самый собственник денется с этой землей? Фермеров осталось – раз, два и обчелся. Так кто больше заинтересован в том, чтобы у него арендовали землю?

А. М. Никулин: Спасибо, Александр Владимирович [Гордон], за Ваше выступление.

Мне представляется, что для нас ключевыми в сегодняшнем обсуждении были темы сущности крестьянства, а также альтернатив и перспектив развития крестьянства.

Что касается понимания сущности крестьянства, то я разделяю подход Т. Шанина, согласно которому при анализе крестьянства, прежде всего, необходимо рассматривать 4 элемента. Первый – это семейное хозяйство. Второй – это локальная культура. Третий – связь локального крестьянского сообщества с природой. Четвертый – это маргинальное положение крестьянства по отношению к государству. Все эти 4 составляющие были обозначены в нашем сегодняшнем обсуждении.

В свое время Дж. Скотт высказал мнение, согласно которому, главная для крестьянства проблема состоит в том, как сбежать от государства и как, таким образом, сохранить свой самобытный, крестьянский образ жизни. Ведь, как известно, крестьянство – это, прежде всего, определенный образ жизни. Образ жизни, являющийся общемировой культурной и цивилизационной ценностью. Так или иначе, но все древние основания нашей культуры связаны с крестьянством и крестьянским образом жизни.

Конечно, сегодня численность крестьянства сокращается. Этот процесс происходит и во Франции, и в России, и в Китае. Сегодня мы заморожены ростом

мегаполисов, успехами индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Но если мы посмотрим на всю мировую историю, то увидим, что процесс урбанизации может сменяться процессом рурализации. Сейчас маятник качнулся в сторону урбанизации. Но он, при определенном развитии производительных сил, может качнуться и в другую сторону. В общем, будущее покажет, как и что будет происходить. Но сама по себе ценность крестьянства безусловна, и, слава Богу, его еще достаточно.

Теперь об альтернативах. В свое время В. П. Данилов рассказывал о том, как во время «круглого стола», проходившего в одном из германских университетов, один из участников произнес сакраментальную фразу: там, где есть ОГПУ, там нет никаких альтернатив. Вот в этом соль. Дело в том, что у нас преобладает «гэпэушный» подход к собственной истории. Нам говорят: иного не дано, альтернатив нет, во имя мобилизации страны, исходя из высших геополитических интересов, мы должны сделать как лучше. В результате – получается как всегда.

Главным ресурсом мобилизации у нас в стране всегда было крестьянство. И все славные победы русского оружия были достигнуты благодаря умению отмобилизовать эту громадную стомиллионную массу. И сейчас, когда нам говорят – ну, нужно проводить модернизацию, нужно то, се, и с армией у нас черт знает что... А этого надежного крестьянского ресурса уже не осталось, его умудрились во всех этих модернизационных катавасиях XX в. пустить под нож.

Что касается товарища Сталина, то Теодор Шанин называл его «великим крестьяноборцем». И это правда! Действительно, этот человек умел выбить из крестьянства то, что ему нужно. Но даже ему это не всегда удавалось. Так, он все время говорил: если мы будем собирать 8 млрд пудов хлеба в год, то все наши проблемы будут разрешены. Эту задачу решить не удалось. Страна долгие годы находилась на грани голода. Впрочем, даже уже после смерти Сталина стали, наконец, собирать эти заветные 8 млрд, то и тогда

оказалось, сельские проблемы отнюдь не исчезли сами собой – ведь проблемы не сводятся лишь к определенному заветному бюрократическому исчислению тракторов и хлеба, кукурузы и молока.

К рассмотрению проблем крестьянства необходимо подходить с позиции признания многоукладности в сельском хозяйстве. Этот подход противостоит «огэпэушному» видению истории и позволяет поставить вопрос о необходимости признания многообразия интересов хозяйствующих субъектов и об оптимальном сочетании крупного и мелкого хозяйства.

Он никогда у нас в полной мере не реализовывался. К сожалению, можно говорить о том, что он чужд политике нынешнего руководства страны, которое, часто в ущерб развитию личных подсобных хозяйств крестьян, делает ставку исключительно на агрохолдинги...

В. В. Кондрашин: «Крестьянский вопрос» в отечественной истории возникает как важнейший вопрос страны во второй половине XVIII в. в связи с крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева. Он был связан с таким феноменом национальной истории как крепостное право.

Кстати, первые исследования по крестьянской тематике в России историков-профессионалов были написаны именно на эту тему (В. О. Ключевского, В. И. Семевского и др.). Поэтому когда мы говорим о российской специфике рассматриваемой проблемы, то следует помнить, что Россия – это не Франция и не Китай. У нее есть свои особенности исторического развития (то же явно затянувшееся по времени крепостное право), которые должны учитываться при обращении к любой истории, в том числе истории крестьянства.

Например, когда мы рассуждаем о столыпинской аграрной реформе или крестьянстве в эпоху войн и революций, следует помнить, что они имели очень существенные различия в разных регионах России (в Европейской части, Сибири, Северном Кавказе, Средней

Азии, Прибалтике и т. д.). А то получается, что мы как бы искусственно создаем какой-то обобщенный, универсальный образ крестьянина, крестьянской общины, забывая о том, что в Российской империи и СССР крестьяне были еще русскими, украинцами, латышами, грузинами, поляками и проживали от Камчатки до Варшавы.

Например, ряд современных украинских авторов утверждают об украинском крестьянстве как отдельном феномене, главной социальной базе украинского национализма, хотя по материалам той же махновщины хорошо видно, что для украинского селянина социальные проблемы были важнее национальных. Думается, что национальный и региональный аспекты следует учитывать в дискуссии, особенно, когда речь идет о России.

Любая теория проверяется на практике. В нашем случае она проверяется на конкретно-историческом материале, не вызывающем сомнений с точки зрения достоверности – и я бы не стал увлекаться междисциплинарностью без его глубокого и всестороннего анализа.

Например, очевидно, что крестьянство является и субъектом, и объектом истории и политики, и что в разные исторические эпохи может быть разная их комбинация.

Так, в начале XX в. и до окончания гражданской войны крестьянство было активным субъектом, о чем свидетельствовала крестьянская революция в России, концепцию которой разработали В. П. Данилов и Т. Шанин. В бывших районах крепостного права его не удалось выгнать из общины, несмотря на все увещания Столыпина и административный нажим власти. В 1917 г. здесь восторжествовала община, и был осуществлен «черный передел» земли. Как активный субъект политики крестьянство проявило себя в восстаниях против политики военного коммунизма, заставив большевиков отказаться от нее. Причем в их ходе они «сами вели себя», а не шли под воздействием эсеров, анархистов, агентов белых армий. У них была своя политическая программа, хотя и не

оформленная формально, свои организационные формы, своя идеология. То есть, крестьянство наступало на власть.

А что было дальше при НЭПе? Думается, что все по-другому. Наоборот, власть наступала на крестьянство и, в конце концов, действительно, сделало его объектом истории, а не субъектом, если вспомнить историю колхозной советской деревни. Разве сельские жители совершили «Перестройку», развал колхозов и т. д.? Это сделала власть.

Поэтому, на наш взгляд, актуальным остается дальнейшее исследование проблемы крестьянство и власть в России на различных этапах ее истории.

Что касается изучения проблемы в контексте геополитики, то, мне кажется, что здесь подходы авторов дискуссии определяются, прежде всего, их идеологическими симпатиями. Все-таки пора отказаться от ярлыков и ярких образов первого постперестроечного периода в истории современной России (типа крестьянство – «пушечное мясо национального милитаризма» и т. п.). Так же не может быть «гэпэушного подхода к истории». Он может быть или научный, или антинаучный (в том числе конъюнктурный на злобу дня, по принципу «чего изволите»).

А самое главное, он (научный подход) должен основываться на понятной всем достоверной источниковой базе. И здесь мне ближе позиция С. Ю. Разина, который в очередной раз говорит об особенностях проходившей в России в XX в. модернизации в условиях войн за счет внутренних ресурсов, каковым было крестьянство.

С. Ю. Разин: Уважаемые участники семинара, спасибо всем за участие во втором заседании постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»!

Следующее заседание будет посвящено рассмотрению ключевой темы российского XX века «Сталинизм и крестьянство».

* * *

Таким образом, на втором заседании семинара в ходе дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как роль и судьба крестьянства в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу; аграрные реформы XIX–XX вв.: отечественный и мировой опыт; крестьянский вопрос и модернизация в России; власть и крестьянство в истории Китайской Народной республики; эволюция земельных отношений и региональная специфика в развитии сельского хозяйства во Франции.

Состоявшая дискуссия, по мнению организаторов и участников семинара, нуждается в продолжении и развитии. И следующее, третье заседание постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» было решено посвятить проблеме «Сталинизм и крестьянство».

Подготовили к публикации: *П. П. Марченя, С. Ю. Разин*

**Коммунистическая Россия как мегаобщина:
Первый Международный круглый стол
«Сталинизм и крестьянство»
(Заседание № 3 теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой
истории»)**

22 мая 2012 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» на базе Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялся Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство».

Это мероприятие проходило в формате третьего заседания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

В дебатах круглого стола приняли *активное участие 24 ученых 3 государств:*

- *России* (Москва, Казань, Коломна, Новосибирск, Новочеркасск, Орел, Пенза, Саратов, Тамбов);
- *Беларуси* (Минск);
- *Великобритании* (Манчестер).

В дискуссии участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения заседания семинара, участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com» **И. А. Анфертьев** (Москва);

2. доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой политологии и социологии Московского государственного педагогического университета **Н. В. Асонов** (Москва);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Бабашкин** (Москва);

4. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **В. Б. Безгин** (Тамбов);

5. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь; главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук (отдел Восточно-европейских исследований); куратор научного сотрудничества между Белорусским государственным экономическим университетом и высшими учебными заведениями Российской Федерации; член Международного совета Российской академии наук по сравнительному изучению цивилизаций (от Республики Беларусь) **О. Г. Буховец** (Беларусь, Минск);

6. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Истории России Орловского государственного университета **И. В. Гончарова** (Орел);

7. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук **А. В. Гордон** (Москва);

8. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета **Е. И. Демидова** (Саратов);

9. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **С. А. Есиков** (Тамбов);

10. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Зверев** (Москва);

11. доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири» **В. А. Ильных** (Новосибирск);

12. доктор экономических наук, доцент, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **А. И. Колганов** (Москва);

13. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета **В. В. Кондрашин** (Пенза);

14. кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива экономики **М. М. Кудюкина** (Москва);

15. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории Казанского (Приволжского) Федерального университета **Д. И. Люкшин** (Казань);

16. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **П. П. Марченя** (Москва);

17. академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор, ординарный профессор кафедры теории политики и политического анализа факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Центр истории русского феодализма); главный редактор журнала «Российская история» **А. Н. Медушевский** (Москва);

18. кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **А. М. Никулин** (Москва);

19. доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий; автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **С. Ю. Разин** (Москва);

20. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Н. Л. Роголина** (Москва);

21. доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) **А. П. Скорик** (Новочеркасск);

22. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России **А. В. Чертищев** (Москва);

23. академик Российской академии сельскохозяйственных наук, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук; кавалер ордена Британской империи, профессор социологии

Манчестерского университета **Т. Шанин** (Великобритания, Манчестер);

24. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института **А. И. Шевельков** (Коломна).

Мы предлагаем вашему вниманию материалы третьего заседания теоретического семинара *«Крестьянский вопрос...» – круглого стола «Сталинизм и крестьянство»*.

Эти материалы *в сокращенном виде* были опубликованы в ежегоднике «Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки» (за 2013 г.) и нашли отражение в ряде публикаций проекта (а также в ряде публикаций о проекте) «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (см. список основных публикаций проекта в конце настоящего сборника).

В настоящем сборнике приводится более полная версия.

В таком виде материалы третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – Первого Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство» публикуются впервые.

А. М. Никулин: Позвольте начать работу Первого Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство» – и одновременно – третьего заседания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Хочу напомнить, что этот наш круглый стол проходит в рамках данного семинара, организованного совместными усилиями Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

Слово одному из авторов этого проекта и организаторов нашего семинара С. Ю. Разину.

С. Ю. Разин: Сегодня в работе нашего круглого стола принимает участие патриарх мирового крестьяноведения, основатель знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития» Теодор Шанин, одобвивший идею нашего семинара. Для нас это очень важно. Это еще раз подчеркивает тот факт, что семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является продолжателем традиций этого семинара.

Тема сегодняшнего нашего заседания является одной из ключевых в российской истории XX в. И нам, как организаторам данного мероприятия, хотелось бы, чтобы в ходе нашей дискуссии мы попытались отойти от тех штампов и стереотипов, которые сложились в рассмотрении данной проблемы в отечественной и зарубежной историографии в последние 25–30 лет. Хотелось бы, чтобы мы рассмотрели тему «Сталинизм и крестьянство» в контексте таких более широких, более масштабных проблем как специфика российской модернизации, как система взаимодействия власти и общества в отечественной истории и как соотношение централизма и локализма в российском историческом процессе.

Надеюсь, в нашей сегодняшней дискуссии удастся избежать историографическо-публицистических крайностей сталинизма и антисталинизма. Современный антисталинизм – это тот же сталинизм, только со знаком «минус». В основе и того, и другого феномена лежит одна и та же характерная для отечественной историографии и публицистики вера во всеислие и всемогущество российской власти. Оба феномена являются мифами, далекими от исторической реальности, представляющими собой препятствие на пути к обретению подлинного понимания процессов, происходивших в СССР в конце 20-х – начале 50-х гг. прошлого столетия.

А. М. Никулин: Спасибо. Тогда у меня, коллеги, предложение приступить непосредственно к работе нашего круглого стола.

У меня предложение, чтобы наша работа разбилась на две части: в первой части я прошу каждого выступить и высказать свое мнение по заявленной теме «Сталинизм и крестьянство». Во второй части, по результатам высказанных мнений предлагаю поступить таким образом: выберем ключевые вопросы, ключевые противоречия, и на них сосредоточим свое внимание, может быть уже и в формате обыкновенной дискуссии круглого стола. Поэтому сейчас, пожалуйста, каждый из участников... Кто будет первым в своем выступлении?

Я думаю, патриархи первыми? Теодор [Шанин] или Александр Владимирович [Гордон]? Я думаю, кто-то из вас наверняка хотел бы сказать первым.

Т. Шанин: Я бы предпочел пока помолчать: я первый раз лично смог прийти на этот семинар, очень сожалею, что до сих пор этого не было, в будущем это, надеюсь, станет нормальным – и тогда начну говорить. Я думаю, сейчас должны говорить те, кто были раньше на этом семинаре.

А. В. Гордон: Вы знаете, когда я обдумывал заявленную тему семинара, я испытывал серьезное смущение. Что такое сталинизм?

По аналогии с историко-партийными документами советской эпохи, в которых ленинизм определялся как марксизм эпохи империалистических войн и социалистической революции, можно сказать, что сталинизм – это марксизм эпохи социалистического строительства. Марксизм рассматривал крестьянство как пережиток прошлого, как уходящую натуру, как социальный слой, обреченный на неминуемую гибель под колесами прогресса. Марксизм был прогрессистским, модернизационным проектом, проектом перехода от феодализма, от аграрного общества к обществу индустриальному, капиталистическому и от него к социализму и коммунизму. Но у нас этот переход к индустриальному обществу осуществлялся совсем не так, как на Западе. Он носил мобилизационный характер и осуществлялся форсированными темпами. Период

первоначального накопления капитала в Англии занял примерно три столетия. А у нас этот процесс занял несколько лет. По сути дела, это был другой тип развития.

Были ли товарищ Сталин социалистом в вопросе о путях и методах строительства нового, социалистического общества? Насколько строительство нового общества в СССР в 1920–1930 гг. укладывалось в социалистические понятия?

Мне кажется, что Сталиным двигали прагматические соображения *Realpolitik*.

Что касается НЭПа, то т. Сталин не был ни его протагонистом, ни его антагонистом, в отличие от т. Троцкого, который был одним из инициаторов НЭПа. А Сталин – ни туда, ни сюда. К 1927 г. НЭП загнали в тупик. Автор знаменитой фразы «НЭП всерьез и надолго» В. Оболенский говорил, что задача большевиков состоит в том, чтобы научиться торговать для того, чтобы покончить со всякой торговлей. Это высказывание является лишним подтверждением того, что большевистское нутро абсолютно не выдерживало НЭПа. НЭП, за исключением может быть начального периода, проводился большевистскими методами. Все это напоминало скорее не рыночную экономику с развитыми товарно-денежными отношениями, а военный коммунизм. Во всяком случае, товаропроизводителя за несколько лет НЭПа при помощи, по сути дела, конфискационного налогообложения – угробили.

В свою очередь, именно обострение продовольственной проблемы стало источником для развития сталинизма в отношении крестьянства. В ходе своей знаменитой поездки в Сибирь зимой 1927–1928 гг., Сталин пришел к выводу о том, что можно вернуться к военному коммунизму, к продразверстке – и получить, таким образом, все, что нужно для решения продовольственного вопроса.

В свое время много говорилось и писалось о так называемом ленинском кооперативном плане. На мой

взгляд, это выдумка, хотя и с добрыми намерениями. У В. И. Ленина есть прозрения относительно перегибов социализации деревни, относительно гибкости подхода к крестьянству; но в целом его мысли можно толковать по-разному. Исходя из этих мыслей, можно было бы обосновать и раскрестьянивание. Если бы моим оппонентом был т. Сталин, то он легко бы доказал, что он-то и есть настоящий ленинец и настоящий социалист.

Еще раз повторю: мой основной тезис состоит в том, что курс на ускоренную коллективизацию – это была прагматическая Realpolitik. Во-первых, решался продовольственный вопрос и, во-вторых, решалась проблема обеспечения порядка.

В этой связи считаю уместным поставить вопрос о том, что такое колхозы, колхозная система. Меня всегда раздражает, когда колхозы называют хозяйством. Колхозы не имели ничего общего с нормальным крестьянским хозяйством. Колхоз – это не хозяйство, а механизм управления сельской местностью. Колхоз – это отчужденное от человека, обезличенное производство, главную роль в котором играло прикрепление крестьянина к этому производству. Увы, колхозы оказались довольно эффективным механизмом, позволившим власти полностью подчинить крестьянство.

А. П. Скорик: Мне хотелось бы обратить внимание на традиционный историографический дискурс о так называемой «сплошной коллективизации».

Этот часто повторяемый тезис отнюдь не подтверждается эмпирическими данными. Для целого ряда районов Юга России характерен достаточно низкий процент коллективизации. Анализ причин такого положения вещей заслуживает отдельного разговора. Мы же фиксируем внимание на том, что по ряду районов число коллективизированных хозяйств лишь немногим превышало 50%. Своеобразным рекордсменом Ставрополя по количеству единоличников являлся Петровский район, в котором насчитывалось тогда 12,1 тыс. хозяйств

некооперированных крестьян, или 46,5% от общего числа дворов.

Другой социальный миф – это расслоение крестьянства и его троичное деление на «бедняков», «средняков» и «кулаков». Крестьянство делилось на гораздо большее количество социальных групп. В нашем регионе, в частности, существовала группа так называемых «красных партизан», в среде которых значительным был слой единоличников. Многие «красные партизаны» не вступали в колхозы вплоть до 1937 г. Власть долго терпела такую ситуацию, пыталась воздействовать мягкой агитацией, а уж позже стала использовать административные методы. Дело в том, что «красные партизаны» в ряде районов советскую власть устанавливали, и она на них держалась в 20-е гг. Существовал и слой единоличников, которых кулаками назвать никак нельзя, но они были вполне зажиточными крестьянами, использовавшими различные способы добывания хлеба насущного. Характерным представителем такой категории хозяйств можно назвать единоличника Семена Маланова из села Сухая Буйвола того же Петровского района. В его хозяйстве находились лошадь, корова, он засеивал 2 га пашни и, очевидно, также имел огород. Жена его довольно часто выезжала в Ростов-на-Дону для прибыльной реализации там масла, сала, яиц и других продуктов своего хозяйства. Более того, она же активно скупала сельхозпродукцию на селе и потом с выгодой перепродавала ее в городе. Из Ростова Маланова привозила домой промтовары (носильные вещи, мыло и т. п.), как для своей семьи, так и с целью продажи односельчанам.

Также мы хотели подчеркнуть, что в ходе коллективизации, помимо колхозов и сельхозартелей, в деревне создавались еще целый ряд структур, о которых мало пишется и говорится. А они сыграли немаловажную роль в колхозном строительстве. Я имею в виду, в частности, так называемые кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц (КОВК) и дома

престарелых колхозников (ДПК), которые содержались за счет средств, собранных в этих организациях. Сначала ДПК пытались создавать в каждом колхозе, но потом от этого постепенно отказались и стали организовывать межрайонные дома престарелых колхозников. Так, в 1934 г. Ейская межрайонная касса взаимопомощи Азово-Черноморского края, возглавлявшаяся колхозником Питенко, отправила на курорты 17 человек, а в собственный дом отдыха – 137 колхозников. Она же содержала стационарный медпункт и оплачивала деятельность парикмахера, обслуживавшего колхозников.

Итак, мы видим, что в коллективизации есть различные сюжеты. Если говорить о социальной помощи и поддержке колхозников, то здесь можно найти достаточно много положительных моментов.

Завершая разговор о проблемах коллективизации, хочу сказать, что у нас на Юге во время оккупации в годы Великой Отечественной войны немцы часто сохраняли колхозы. Их этот механизм управления сельским населением вполне устраивал. На Кубани и на Дону фашисты также поддерживали строительство православных церквей. Тем самым, они пытались возродить то, что в значительной мере было уничтожено большевиками в 1920–1930-е гг. Эти меры оккупационной администрации получали поддержку населения. В казачьих районах Дона немцы стремились восстановить дореволюционные самоуправленческие структуры и выдвигали станичных атаманов.

О. Г. Буховец: Проблема «Сталинизм и крестьянство» – это, конечно, по своей значимости и масштабам суперпроблема.

А. В. Гордон сказал, что колхозы – это, прежде всего, управленческая структура, механизм управления крестьянством. Он также напомнил то, что в годы Великой Отечественной войны партийные, советские, партизанские деятели высказывались за реформу колхозного строя. Но именно как механизм управления крестьянством колхозы вполне устраивали немцев, и поэтому были сохранены ими

на оккупированной территории. Например, в Белоруссии немецкая оккупационная администрация всячески поддерживала колхозы, не давала крестьянам разбежаться из колхозов и растаскивать их имущество. Дело доходило до абсурда, до парадоксального. Так, немецкая оккупационная власть в своей повседневной управленческой практике использовала бланки и печати колхозов с такими названиями как «Путь Ленина», «Заветы Ильича» и т. п. Это напоминало крестьянам о том, что большевики имели в виду, когда загоняли крестьян в эти самые колхозы.

Вместе с тем колхозы, на мой взгляд, выполняли не только управленческую функцию, но и миссионерско-социокультурную, культуртрегерскую функцию. Большевизм, безусловно, относился свысока к этому миру мелких производителей. Он рассматривал себя как носителя социальной правды, как силу, которая должна вывести крестьянство из этого микрокосма общинности в национальный, социалистический, советский макрокосм.

В этой связи, хочу напомнить, что в одной из своих работ Т. Шанин говорит, что скептически относится к теории модернизации, согласно которой в истории неминуемо происходит преобразование аграрных обществ в индустриальные, городские общества. Он подчеркивал, что такое его отношение связано с тем, что крестьянство в рамках этой теории рассматривается как пережиток прошлого, как отсталый социальный слой, являющийся олицетворением азиатчины, дикости и варварства. Мы должны признать, что сталинские практики насильственной модернизации, особенно в период коллективизации, действительно были варварскими, очень жестокими.

В контексте обсуждаемой темы очень важно подчеркнуть, что характерное для марксизма высокомерное отношение к крестьянству, вместе с этими теориями в целом, стало теоретической основой для практической политики во многих странах, включая СССР. Мэтр американской и мировой экономической истории Д. Макклоски очень остроумно сказал, что если вы хотите

выстроить к кому-то свое негативное отношение, то надо выбрать угол зрения, в соответствии с которым тот, кого вы низко оцениваете – это варвар, спокойное игнорирование которого есть проявление вашего интеллектуального превосходства. Ярким образчиком такого интеллектуального репрессирования может, к примеру, служить позиция американского историка Дж. Ейни, который говорил, что он не против того, что экономическое развитие пореформенной Российской империи должно было «мобилизовать золотушных дикарей», то есть крестьян.

Такое высокомерие по отношению к крестьянству проявляется и сегодня, в частности, в занижении уровня сопротивления политике насильственной коллективизации. В связи с этим несколько слов скажу еще о белорусских реалиях. В частности, у меня, в ходе раздумий над обсуждаемой темой возникло желание сопоставить положение крестьянства в БССР (Восточная Белоруссия) и в Западной Белоруссии. Надо иметь в виду, что 55% тогдашнего белорусского населения проживало в БССР, а 45% проживало в Западной Белоруссии.

Вначале о БССР. Весной 1930 г., воспользовавшись опубликованием знаменитой статьи Сталина «Головокружение от успехов», местные власти немного ослабили вожжи. Из-за этого ослабления из колхозов в БССР вышли 370 тыс. чел. В результате этого процент коллективизации упал с 58% до 11%.

Иначе говоря, это был обвальный процесс. Власть, безусловно, моментально отреагировала на это усилением репрессий. В результате количество крестьянских хозяйств, вошедших в состав колхозов, возросло – и к 1 декабря 1932 г. составило 50,4% от общей численности крестьянских хозяйств. Однако к 1 декабря 1933 г. этот показатель вновь упал до 43,3 %.

Но коридор возможностей для сопротивления, безусловно, сужался. Все эти годы ускоренно происходила инсталляция репрессивного режима. Вожжи порою отпускали, но только для того, чтобы вновь взнудать

крестьянство. В 1929 г. было несравненно больше возможностей сопротивляться, нежели в 1937 г. Тем не менее, и в 1937 г. в БССР происходил массовый выход из колхозов. Из колхозов вышло 15,5 тыс. крестьянских хозяйств, а в первой половине 1939 г. вышло почти 10 тыс. крестьянских хозяйств. То есть, даже несмотря на ужесточение репрессий, крестьянство все равно умудрилось сопротивляться.

А теперь сопоставим положение крестьянства в БССР и в Западной Белоруссии, в то время входившей в состав 2-й Речи Посполитой. Вот что происходило во время коллективизации в БССР с крестьянством в Западной Белоруссии? С 1931 по 1933 гг. в различных ее местностях произошло более 500 массовых выступлений крестьянства. В среднем, за год происходило 130–170 крупных крестьянских выступлений, охватывавших порою целые гмины (волости) и значительную часть уездов Западной Белоруссии. Крестьянские выступления имели место в Брестском, Кобринском, Пружанском, Гродненском, Новогрудском, Слонимском, Бельском, Лидском, Молодеченском и Пинском уездах. Всего этой волной крестьянских волнений было захвачено 1,5 тыс. селений. Это притом, что практики подавления были чрезвычайно жесткими. Карательные экспедиции завершались не только осуждением и заключением, но и повешениями, и расстрелами. Однако, несмотря на это, в выступлениях ежегодно принимали участие 40–50 тыс. западнобелорусских крестьян.

Кто же вдохновлял на эти выступления западнобелорусское крестьянство? Вдохновляла, в подавляющем большинстве случаев, Коммунистическая партия Западной Белоруссии, которая, безусловно, одобряла практику подавления и мобилизации крестьянства в БССР.

Мой покойный дедушка был человеком неграмотным, но в 1939 г., когда пришли советские войска, он часто цитировал строки из «Белорусской Марсельезы»: «От веку мы спали, и нас разбудили». Моя мама

рассказывала о том, что дед говорил об этом с вдохновением и домочадцев этим самым подзаряжал.

Я спрашивал своего отца: почему же вы так приветствовали советские войска и Советскую власть? Он тоже, как и дедушка, крестьянин. Так вот он говорит, что приветствовали их приход из-за близости языка, из-за того, что не было такого высокомерного отношения, которое демонстрировала по отношению к ним польская власть. Тем более что крестьяне надеялись, что политика Советской власти по отношению к ним будет иной, нежели «пры Польшчы».

У меня нет под рукой соответствующих данных по Западной Украине, но могу сказать, что и там польские власти тоже не миндальничали. Там также применялись очень жесткие практики подавления крестьянских протестов. Против чего выступали крестьяне на Западной Украине? Против полонизации края, против упразднения сервитутов, против отношения к себе как к людям второго сорта.

Таким образом, можно говорить о том, что есть, очевидно, особо неблагоприятные для крестьянства целых регионов Европы исторические периоды. Это сопоставление показывает, что очень несладко приходилось крестьянству в эти годы во многих регионах. Причем даже там, где власть была более или мене терпимой, нормальной, по меркам Центральной и Восточной Европы.

В. В. Зверев: Мне кажется, что А. В. Гордон затронул очень важную проблему стыковки идеологии, построенной на марксизме, и исторической практики. В этой связи, я бы хотел обратиться к вопросу о том, какой социализм собирался строить В. И. Ленин.

В 90-е гг. XIX в. марксизм пережил очень серьезный кризис, в первую очередь, связанный с тем, что некоторые прогнозы К. Маркса к этому времени не сбылись. В частности, не оправдался прогноз Маркса, согласно которому при капитализме положение рабочих постоянно ухудшается, и пролетариат превращается в слой социальных

париев. Положение рабочих не только не ухудшалось, а в таких странах как Великобритания, Франции и Германии – оно улучшалось.

Перед марксистами встал вопрос: что дальше? В 1902 г. появляется работа Дж. А. Гобсона «Империализм», а затем в 1910 г. книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», которые стали определенным глотком воздуха для марксистских мыслителей и идеологов, так как они позволили им перейти в новую плоскость и говорить о близости пролетарской революции.

Мы привыкли, обсуждая эту тему, ссылаться на работу Ленина «Империализм как высшая и последняя стадия капитализма». При этом, как правило, никто не вспоминает о том, что у этой работы есть подзаголовок, который многое поясняет – «Популярный очерк». Надо иметь в виду, что при написании этой работы Ленин проработал 148 книг и 230 статей. Будучи прекрасным систематизатором и аналитиком, Ленин вывел знаменитые пять признаков империализма, на основе которых пришел к выводу, что империализм является кануном пролетарской революции, высшей и последней стадией капитализма. Идея Ленина состояла в том, что надо сменить только надстройку, а система государственно-монополистического капитализма в экономике сохраняется. Второй вывод Ленина состоял в том, что революция может произойти сначала в самом слабом звене в цепи развития капитализма, и этим звеном является Россия.

Сталин, по большому счету, переталдычивая на свой лад ленинские положения, просто все это зафиксировал. Если исходить из этого, можно сказать, что той экономической системой, которую собирались развивать большевики, был государственно-монополистический капитализм. Можно привести элементарные, но достаточно много иллюстрирующие аналогии: пятилетний план в Советском Союзе, четырехлетний план в Германии, попытка регулирования экономики в Италии.

К тому же в конце 1920-х гг. разразился мировой экономический кризис, который, казалось, подтверждал выводы Ленина, подхваченные Сталиным. Почему столь печальной была судьба Н. Д. Кондратьева? Потому что, согласно его теории больших волн экономической конъюнктуры, пик кризиса капитализма приходился на 1920 г. То есть, по мнению Кондратьева, капитализм пережил пик своего кризиса и уже начинал во второй половине 20-х гг. медленно выздоравливать. В отличие от Кондратьева, Сталин считал, что кризис будет нарастать. Ему казалось, что события подтверждали его правоту – и, соответственно, неправоту Кондратьева.

Говоря о государственно-монополистическом капитализме, мы сразу сталкиваемся с вопросом о том, как быть с крестьянством, учитывая особое положение России. Здесь, я бы выделил две очень важных вещи. Во-первых, в начале XX в. 87% населения России составляли крестьяне. Во-вторых, до 1917 г. эти 87% населения не управлялись государством – потому что власть фактически заканчивалась на уровне уездного города. Крестьяне жили как бы вне государства и вне позитивного права.

А. В. Гордон справедливо сказал, что никакого целостного кооперативного плана у Ленина не было, а были лишь отдельные наброски человека, который к концу жизни понимает, что, по большому счету, он и его партия провалились. Это читается в завещании Ленина. Он не боится там писать о том, что большевистскую программу в значительной мере можно было бы называть «культурничеством». Какое культурничество и для чего? В чем состоит культурничество? В кооперировании всего населения? Прямых ответов на эти вопросы Ленин не дал.

На мой взгляд, проблема стояла шире, и заключалась она в необходимости перехода на новую ступень исторического развития, в необходимости превращения аграрно-индустриальной страны в индустриальную или хотя бы в индустриально-аграрную. Необходимо было превратить Россию из страны, ввозящей машины, в страну,

их производящую. Как это можно было осуществить? Все-таки, мне кажется, что Ленин предполагал наличие неких социальных амортизаторов, и этими амортизаторами должны были стать кооперативы, создаваемые добровольно самими мелкими и средними производителями. Во что превращается деревня в условиях этого перехода? Деревня превращается в мощнейший резервуар крайне дешевой рабочей силы, дешевых продуктов сельского хозяйства – и становится, в рамках государственно-монополистического капитализма, главным источником проведения модернизации.

Если говорить о послевоенном периоде, то я как-то посмотрел все послевоенные постановления ЦК по сельскому хозяйству. Лучшие постановления, с административной точки зрения, – это сталинские постановления! Там четко расписано, в каком углу избы по пропаганде передового опыта должен находиться образцово-показательный сноп и т. п. Но экономических моментов, связанных с подъемом производительности труда и стимулированием материальной заинтересованности крестьянства, там не было. Мой отец, проработавший 50 лет в сельском хозяйстве, однажды сказал следующее: «Запомни, больше чем Никита, для сельского хозяйства не сделал никто». Его слова подтверждаются цифрами. При Н. С. Хрущеве в 1950-е гг. ежегодный прирост производства сельскохозяйственной продукции составлял 6%. Почему это произошло? Не в последнюю очередь потому, что сняли сельхозналог, сняли обязательные сельхозпоставки и т. д. Но, несмотря на эти послабления, крестьянство до конца 1950-х гг. по-прежнему оставалось источником осуществления модернизации в духе государственно-монополистического капитализма.

Здесь возникает еще один важный вопрос – а была ли Россия в начале XX в. обречена именно на этот путь? Это очень важная проблема, которая, безусловно, нуждается в серьезном изучении.

Д. И. Люкшин: Я бы хотел привлечь внимание коллег к двум вопросам. Во-первых, что такое сталинизм? И, во-вторых, для чего сталинизму крестьянство?

Сталинская идеология – это воплощение ленинской мечты о мировой пролетарской революции. В ней крестьянству, хотя бы и составлявшему 80% населения страны, места не находилось. При таком подходе вопрос о том, понимали ли Ленин и Сталин, в какой стране они жили, можно даже не задавать: эти «мелкобуржуазные обсевки» приходилось терпеть, но в футурологическом измерении судьба крестьянства была очевидна – отживающая страта.

В этом смысле, общинная революция 17-го года весьма существенно повлияла на структуру политического пространства, буквально «вытолкнув» крестьян в первые ряды акторов, что оказалось весьма неприятным вызовом для коммунистической элиты. В этом месте, хотелось бы привлечь внимание коллег к различиям между ленинской и сталинской аграрной политикой. Обычно они трактуются как стратегические, причем сталинская – объявляется более жесткой. Позволю себе настаивать на оперативном характере сталинского маневра. История просто не дала Ленину времени в полной мере осознать и внятно отреагировать на провал первой попытки мировой революции. Сталин действовал в условиях, когда коммунисты вынуждены были перейти к обороне и ждать второго шанса, а, следовательно, задача обеспечения тыла для сохранения плацдарма, с которого пролетарии пойдут на новый штурм, временно выходила на первое место. В отличие от Ленина, Сталин не мог игнорировать угрозу рурализации, для предотвращения которой требовалось модернизовать структуру общества, а для начала – «навести порядок в доме».

В тесной связи с подобным истолкованием находится полузабытый с 90-х гг. прошлого века вопрос: понимали ли лидеры коммунистов, в какой стране они действуют? Исследовательским сообществом тогда было дано два ответа: «Да» и «Нет» (в свойственной отечественному

историческому сообществу «замещенной» форме, спор тогда шел в формате дискуссии об операциональной пригодности ленинской «лошадиной» статистики, позволявшей записать едва ли не 2/3 российских крестьян в бедняки, что Т. Шанин назвал «злой шуткой над логикой современных исследований»). И при отсутствии консенсуса дискуссия к середине 90-х сошла на нет. Между тем вопрос этот существенно важен как для истолкования мероприятий большевистского правительства, так и – прояснения характера социальных интеракций эпохи Второй русской смуты (или «Красной смуты», как предпочитает называть этот период В. П. Булдаков). Не рискуя здесь и сейчас реанимировать дискурс старого диспута, позволю себе «снять» вопрос, указав, что если Ленин еще мог позволить себе не понимать природу социального тела постреволюционной России, то Сталин уже был вынужден ее учитывать. Соответственно, ставить и как-то решать вопрос о том, чем для мировой революции является крестьянство: врагом, союзником, ресурсом или жертвой?

Отсюда вытекает и логическое обоснование ленинской/сталинской системы мероприятий в отношении крестьянства. По своему содержанию она является реконкистой безгосударственных территорий в Среднем Поволжье, на юге России и Украине, с помощью наиболее эффективного инструмента морально-экономического давления – голода. В этой аудитории нет нужды доказывать, что голодовки возникали не сами по себе. Они были спланированы большевиками, ими проводились и – дали желаемые для государства результаты. С этой позиции, развязанную большевиками «Великую деревенскую войну» можно признать выигранной, а миллионы трупов – допустимыми потерями.

Как бы мы ни пытались рассматривать ленинско-сталинскую практику в качестве рациональной – в смысле решения задач модернизации – хозяйственной деятельности, мы не сможем ответить на вопрос: зачем убивать собственное население? Ведь крестьяне – это налоги, это

хлеб, крестьянство готово прокормить и себя, и власть. Ликвидация самостоятельного хозяина, творчески работающего на земле, как показал опыт СССР, оборачивается дисфункцией аграрного сектора. Но вот, если речь идет о войне с собственным народом, прежде всего, с крестьянством, то тогда – эта цена приемлема. В этом случае можно говорить о «позитивных результатах» организации голода в Поволжье, Голодомора на Украине, других социальных катастроф – цель оправдывает средства.

Почему шла война с собственным народом? Продолжалась ли гражданская война после 1922 г.? Почему большевистское государство рассматривало крестьянство в качестве враждебной силы? Эти темы, на мой взгляд, заслуживают отдельного разговора в рамках нашего семинара.

Остановлюсь лишь на вопросе о распределении ответственности, то есть о том, кто был агрессором в войне большевиков с крестьянством. Приведенные коллегами данные свидетельствуют о том, что крестьянство в Западной Белоруссии, оппонируя польским властям, реализовывало классические оборонительные стратегии. Оно испытывало чувство возбуждения по поводу поправленных прав и реагировало на это так, как привыкло и как умело. В Поволжье и на Украине происходило то же самое. Крестьянство в строгом соответствии со сценарием морально-экономического диалога отвечало на вызов правительства, рассматривая в условиях неурожая размер притязаний последнего на продукт аграрного труда в качестве избыточного. По канонам традиционной коммуникации – это приглашение к диалогу. То обстоятельство, что государство цинично отвергло многовековую форму социальной дискуссии, является достаточным основанием, чтобы возложить на него ответственность за жертвы и последствия войны с деревней.

Представляется, что тема моральной экономики крестьянства советской эпохи должна быть увязана с проблемой этики выживания советизированной деревни. Что

собой представляли крестьяне в 1920–1930-е гг.? Можно ли говорить о них как о наследниках общинной традиции начала? Уместно ли сравнивать десятки миллионов голодавших людей, получивших опыт людоедства, трупоедства и мародерства, маргинализованных посредством принудительных миграций, и крестьянский мир начала XX в.?

Возможно, систематическое попрание деревенским населением (в данном случае неважно – вынужденное или добровольное) максим этики выживания, фрустрация интересов одножителей – явились тем травматическим ядром, которое еще до коллективизации разрушило (скорее, извратило) мирскую идентичность, лишило крестьянство моральных оснований для противодействия коллективизации. В противном случае, вопрос о незначительном сопротивлении коллективизации на территориях, подвергшихся голоду, и в значительной степени затронутых миграционными волнами смутного времени, остается открытым.

И в завершении, еще один вопрос: а можно ли вообще рассматривать крестьянство 1920–1930-х гг. как консолидированную силу? Могли ли крестьяне в тот период серьезно выступать против госвласти? Не является ли существовавший в воображении большевистского руководства образ крестьянства фантомом, жупелом, которым оно само себя пугало?

С. Ю. Разин: Я не согласен с Д. И. Люкшиным в том, что Сталин и сталинизм – это ставка на мировую революцию. На мой взгляд, Сталин и его группа отодвинули идею мировой революции на второй план и взяли в середине 20-х гг. на вооружение высказанную Лениным еще в период Первой мировой войны идею построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Фактически, тем самым они взяли курс на возрождение страны как великой державы, как Империи. Я уже говорил о том, что при рассмотрении нашей сегодняшней темы необходимо отказаться от тех штампов и

стереотипов, которые сложились в историографии в последние 25–30 лет. Одним из таких штампов является представление о том, что гражданская война закончилась в 1922 г. На мой взгляд, в 1922 г. гражданская война в стране не закончилась. Скорее можно говорить о том, что она перешла в какую-то другую, латентную фазу.

Исходя из этого, попробую дать свой ответ на вопрос о том, что такое сталинизм.

Сталинизм, на мой взгляд, следует рассматривать как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию, в условиях продолжающейся гражданской войны и начавшегося формирования союзной государственности. Не следует забывать, что 1922 г. – это еще и год образования СССР. Надо понимать, что отношения между союзным центром и республиками и межреспубликанские отношения складывались отнюдь не так просто и гладко, как это у нас было принято изображать в прежние времена. Помимо этого, следует сказать о том, что специфика сталинизма была во многом обусловлена геоэкономическими и геополитическим процессами 20–30-х гг. прошлого века, а также связанной с этими процессами борьбой за власть в руководстве ВКП (б) того времени.

Если говорить об итогах «горячей» фазы гражданской войны, завершившейся к 1922 г. на большей части территории бывшей Российской империи, то ее победителями оказались две социальные силы – это большевистская политическая элита и ... крестьянство. Что касается выигрыша большевиков, то он очевиден. Большевики сохранили власть и устранили с политической арены всех конкурентов. Если говорить о том, что получило крестьянство, то хочу напомнить: в 1922 г. был принят Земельный Кодекс РСФСР, согласно которому более 90% процентов всех земель в Европейской России, пригодных для земледелия, были переданы в руки крестьянской

общины. По сути дела, это была реализация вековой крестьянской мечты о черном переделе.

На мой взгляд, нам также следует отказаться от стереотипов в оценке таких событий начала 20-х гг. как Кронштадтский мятеж, антоновщина, Западно-сибирское крестьянское восстание и т. д. Эти события следует рассматривать не просто как попытку крестьянства отстранить большевиков от власти, но и как попытку крестьянства избавиться от государства как такового, как попытку реализовать идеалы народной социальной утопии и распространить общинные порядки на всю страну. Кстати говоря, это очень хорошо поняли бывшие враги большевиков – евразийцы и сменовеховцы, которые видели в большевиках носителей государственнического начала, противостоявших анархической и локалистской крестьянской стихии, в полной мере проявившей себя в этих событиях.

Если говорить о геополитических факторах, обусловивших специфику сталинизма, то необходимо сказать, что итоги Первой мировой войны не устраивали никого – ни победителей, ни, тем более, проигравших. То, что Вторая мировая война не за горами, хорошо понимали все более или менее дальновидные политики стран, являвшихся в то время основными геополитическими игроками. Большевицкое руководство хорошо осознавало, что без проведения модернизации, без создания мощного военно-промышленного потенциала Советский Союз будет обречен во Второй мировой войне на поражение. У него перед глазами был печальный опыт участия нашей страны в Первой мировой, когда аграрная, царская Россия показала свою неконкурентоспособность. Перед партийно-государственной элитой встал вопрос о том, как проводить модернизацию, как создавать необходимый стране военно-промышленный потенциал. Та стратегия модернизации, которая, в конечном итоге, и была реализована в СССР в 1920–1930 гг., была, своего рода, диалектическим единством противоположностей. Суть этой стратегии заключалась в

том, что модернизация проводилась в борьбе с крестьянством, но и одновременно ... с опорой на него.

В дискуссиях, посвященных Сталину и сталинизму, на протяжении многих лет звучат одни и те же мотивы: насилие, репрессии, террор, война с собственным народом. Такое однобокое акцентирование внимания на насилии вряд ли приближает нас к пониманию природы и сущности сталинизма. В этой связи, у меня всегда возникает вопрос: почему режим устоял?

Я считаю, что если бы вся политика партийного и государственного руководства по отношению к крестьянству в конце 1920-х – 1930-е гг. сводилась бы только к насилию, то режим неминуемо был бы свергнут.

На мой взгляд, важнейшим условием устойчивости сталинского режима было то, что он имел опору среди крестьянства, а также то, что он во многом соответствовал тем представлениям о мироустройстве, о власти, которые были характерны для крестьянского массового сознания. Русское крестьянство осознавало эту власть как «свою». Именно это соответствие позволило СССР провести модернизацию, одержать победу в Великой Отечественной Войне и стать одной из двух сверхдержав послевоенного мира.

Именно этого соответствия нет у сегодняшней российской власти.

М. М. Кудюкина: Я хочу несколько слов сказать о проблеме социального расслоения крестьянства в 1920-е гг., а также о том, как власть понимала и использовала в своих интересах сложные взаимоотношения внутри крестьянского мира.

Без объективного рассмотрения ситуации, сложившейся в то время, мы не сможем дать правильный ответ на вопрос о социальной опоре сталинского режима в деревне. Вторая социальная война в деревне, под которой традиционно понимаются противоречия между различными по имущественному положению группами внутри самого крестьянства, всегда активно пропагандировалась и

обыгрывалась властью. Идея расслоения крестьянства на кулаков, середняков и бедняков активно использовалась властью. А что власть понимала под этими терминами? Вкладывалось ли в 1920-е гг. какое-то реальное содержание в эти понятия? На мой взгляд, нет. Сложилась следующая ситуация: вроде и власть, и крестьянство представляют, что существует и расслоение, и противоречия внутри крестьянства, что самый главный враг – это кулачество, но кто конкретно является кулаком, не знал никто – ни власть, ни крестьянство.

Если говорить о том, какие в то время у власти были представления о кулачестве, то следует отметить, что даже Сталин в 1925 г., когда он много говорил о политике «лицом к деревне», давал характеристики кулачества, которые совпадали с представлениями крестьян-середняков и крестьян-бедняков. Он называл кулаков «спекулянтами» и «мироедом». А ставшие традиционными определения кулачества, связанные с оценкой имущественного положения (аренда земли, количество земли, использование наемного труда и т. д.) не подтверждаются историческими источниками. Многие исследования показывают, что наемным трудом, например, пользовались и очень бедные хозяйства, в которых было много маленьких детей или осталась одна вдова с маленькими детьми, при этом земли было много, но обрабатывать ее было некому. С этим сталкивалась и власть. Она попадала в эту западню, когда определяла уровень налогообложения. Каждый год критерии налогообложения исправлялись, но каждый раз оно оказывалось неудачным.

С середины 1920-х гг. происходит демонизация кулака. В общественном сознании формируется образ кулачества как некой «темной силы». Естественно, что формировался это образ властью. Ей было выгоднее манипулировать образом кулака-врага, на которого можно было свалить все существовавшие в стране проблемы. Неслучайно, что в конце 1930-х гг., когда уже ни о каком существовании кулачества говорить не приходится, термины

«кулак», «кулачество» активно использовались в лексиконе репрессивной политики. Людей подвергали репрессиям только за то, что они или их родственники когда-то были «кулаками». А порой для применения репрессий было достаточно одного лишь подозрения в этом.

Несомненно, что расслоение крестьянства было крайне выгодно для власти. Как относилось к этой проблеме само крестьянство? Можно ли говорить о том, что у бедняков и середняков существовало, говоря политическим языком тех лет, чувство классовой ненависти к кулакам? В какой-то степени да. Я считаю, что без этого, без поддержки значительной частью крестьянства коллективизация и раскулачивание были бы обречены на неудачу.

В заключение позволю себе одну реплику по поводу прозвучавшего в одном из выступлений высказывания о каннибализме, якобы распространенном среди русских крестьян в период голода начала 1930-х гг. Мне по роду своей деятельности приходится много заниматься этой проблемой. Наш архив участвовал в издании многотомника документов по истории голода в СССР в 1929–1934 гг. Так вот, суждения о том, что во время голода начала 30-х гг. каннибализм среди крестьянства носил массовый характер, не подтверждаются источниками. Если мы сопоставим общее число голодавших и количество случаев каннибализма среди крестьян, то увидим, что эти случаи единичны. Каннибалы однозначно осуждались односельчанами. Милиции иногда приходилось спасать людоедов от разъяренных соседей. Каннибализм, даже в тяжелейших условиях голода, оставался чем-то противоестественным для генетической структуры и этики русского крестьянства.

В. В. Зверев: Приведу некоторые данные о количестве жертв голода 1891 г. и о количестве жертв голода 1911 г. Во время голода 1891 г. умерло 750 тыс. чел., а во время голода 1911 г. умерло 1 млн 200 тыс. чел.

С. Ю. Разин: В современной публицистике и историографии очень много написано о голоде 1921 г.

в Поволжье и о голоде начала 1930-х гг. Хочется задать вопрос: разве оба эти голода были чем-то новым в нашей истории? Неужели голод не являлся спутником крестьянства, в том числе русского крестьянства, на протяжении всей его истории? Неужели перманентная угроза голода не является одним из важнейших факторов, который на протяжении столетий определял жизнь крестьянства? Почему не уделяется столько же внимания голоду 1891 г. или голоду 1911 г.?

Мне кажется, что зачастую теми, кто пишет о голоде 1921 г. и начала 1930-х гг., движет вольное или невольное стремление выполнить определенный политический заказ. Та политическая и историографическая ситуация, которая сложилась вокруг темы «голодомора» на Украине, лишь подтверждает эти мои подозрения.

Я хотел бы обратить внимание на еще один важный для понимания нашей темы момент. Когда мы говорим о взаимоотношениях власти и крестьянства, то надо понимать, что они образовывали диалектическое единство, своеобразную бинарную оппозицию. Между ними не было никакой непреодолимой пропасти, не было никакой Великой китайской стены. На низовом уровне зачастую представителями власти были сами крестьяне.

А. В. Гордон: Голод голоду рознь. Голод действительно всегда был спутником крестьянской истории. Но в данном случае речь идет о том, что голод начала 1930-х гг. был побочным результатом насильственной экспроприации крестьянства.

Тоже самое было и в Китае. Так, знаменитый голод 1911 г. был, так сказать, циклический, традиционный для Китая голод. Причины его лежали на поверхности, он носил локальный характер и был привязан к определенным районам, пострадавшим от засухи и других стихийных бедствий. В свою очередь, голод 1961 г. в Китае был следствием политики большого скачка, когда из крестьян выжимали все соки.

С. Ю. Разин: Но ведь с таким же успехом можно сказать о том, что тяжелое положение дореволюционного русского крестьянства было побочным результатом модернизации, проводившейся царским правительством в конце XIX – начале XX вв.

И. В. Гончарова: Я хочу вернуться к проблеме расслоения крестьянства в 1920–1930 гг. и рассмотреть ее, опираясь на материалы Центрального Черноземья.

В принципе, говорить о том, что в то время были сформулированы какие-то более или менее единообразные характеристики кулачества, среднего и беднейшего крестьянства, не приходится. Одна из первых попыток выявления экономических характеристик кулачества была предпринята А. И. Хрящевой на материале Орловской губернии. Она использовала натуральные признаки. И ее исследование показало, что кулаки составляют ничтожно малый процент населения. Естественно, что Сталину, в тот период нужны были, для оправдания тезиса о кулацкой опасности и курса на ликвидацию кулачества как класса, совершенно противоположные цифры. В этой ситуации статистики, в угоду политическому заказу, исходившему от руководства страны, пошли по пути изменения методов исследования. При проведении исследований крестьянских хозяйств, они стали брать за основу не натуральные, а производственные признаки. Но и такая методологическая переориентация не дала желаемых для власти результатов. Вновь проведенные исследования показали, что, даже если при анализе крестьянских хозяйств опираться на производственные признаки, все равно – к кулацким могли быть отнесены лишь 2,5% хозяйств. В 1928 г. среди экспертов звучало мнение о том, что попытка найти кулаков в деревнях Центрально-Черноземной области обречена на неудачу. Статистики стали брать для первичного исследования материалы по наиболее богатым в сельскохозяйственном отношении районам. О репрезентативности выборки говорить в данном случае не приходится. Вопрос о том, насколько можно

экстраполировать эти данные на другие районы, не стоял. Материалы первичной выборки подвергались корректировке в сторону увеличения количества кулацких хозяйств. В конечном итоге, те, кто проводил исследования, получали ту цифру, которая была нужна партийному и государственному руководству. К тому же, наряду с насильственным раскулачиванием, в тот период происходили самораскулачивание и самоликвидация кулацких хозяйств. Многие из так называемых кулаков ушли в город. Другие кулацкие хозяйства были разорены непомерными налогами. В конечном итоге, к 1930 г. многие из так называемых кулаков оказались в ситуации, когда они не могли погасить свои долги перед государством по выплате налогов. У них для этого просто не было денег.

Я согласна с мнением Г. Ф. Доброноженко, согласно которому кулачество в начале 1930-х гг. в глазах власти все больше превращалось из социально-экономического слоя в некую политическую группу, являющуюся своеобразной «пятой колонной», коллективным внутренним врагом Советского государства. Формировался некий негативный образ кулачества. Ш. Фицпатрик писала о том, что в то время в кулаки зачастую записывали тех крестьян, кто выступал против Советской власти, хотя по своему имущественному положению они никак не относились к категории зажиточных крестьян. Порой для того, чтобы человека подвергли раскулачиванию, достаточно было найти что-то подозрительное в его дореволюционном прошлом или кому-то сообщить соответствующим органам о том, что он когда-то имел мельницу, служил в жандармерии и т. д.

Когда я занималась НЭПом, то мне приходилось сталкиваться с материалами заседаний губкомов и укомов 1921 г., которые свидетельствуют, что в этот период партработникам раздавались в пользование мельницы и некоторые другие средства производства. Эти же материалы говорят о том, что власть требовала прекращения подобной практики. Тем самым, говоря политическим языком тех лет, она боролась против распространения «мелкобуржуазной

стихии» в самой большевистской партии. Эта борьба то разгоралась, то затихала, но полного успеха она, естественно, не имела. Действительно, в то время в партию пришло достаточно большое количество людей, которые вступали в нее не из идейных, а из сугубо прагматических, конъюнктурных соображений. Среди них было немало крестьян. Эти люди становились пользователями средств производства. В результате образовался слой коммунистов, которые сами являлись зажиточными хозяевами.

Встает вопрос: а против кого тогда был направлен тезис о ликвидации кулачества? Получается, что и против тех коммунистов, которые сами обладали средствами производства и были зажиточными хозяевами. Возникла опасность частичного совпадения образа кулака с образом коммуниста. Этого власть допустить не могла, и с такими коммунистами она старалась бороться, вплоть до их исключения из партии. Однако наиболее предприимчивые представители слоя обогативших коммунистов-хозяев довольно быстро среди своих родственников оформили что-то вроде артелей и колхозов и под это нахватили кредитов. После этого им процесс раскулачивания уже был не страшен.

Во второй половине 1920-х гг. большевистское руководство столкнулось с тем, что для проведения социалистического наступления на деревню ему необходимо было искать союзников внутри самой деревни. Оно считало, что таким внутренним союзником должно стать беднейшее крестьянство. Поэтому, наряду с формированием образа кулака как внутреннего врага, еще одним важным аспектом политики большевиков в деревне стала фаворитизация бедноты. С 1926 г. начинается работа по выявлению, организации, локализации и политизации бедноты. Причем сами крестьяне порой не понимали, кто они – «бедняки», «средняки» или «кулаки». Об этом, в частности, говорит относящееся к 1927 г. письмо одного крестьянина в «Орловскую крестьянскую газету», в котором он рассказывает о приезде партработника в его деревню. По

слухам, дошедшим до крестьянина, этот партработник собирался проводить в деревне собрание бедноты. Из письма следует, что автора и его соседа на это собрание не пригласили. Автор задает вопрос: если нас с соседом не позвали на это собрание, то тогда кто мы? Получается, что мы кулаки?

Статистика показывает, что на первых порах большую часть организованной крестьянской бедноты на самом деле составляли советские служащие. Эти служащие впоследствии составили костяк так называемых групп бедноты. С «Положением о группах бедноты» в нашем регионе познакомились уже после того, как провели смотр групп бедноты. То есть партийные органы еще не знали, что они создают, но уже работу в этом отношении вели. С самого начала очерчивается круг людей, которых я бы назвала «профессиональными бедняками». Это такие завсегдашние собрания, которые посещали все возможные мероприятия и активно поддерживали политику Советской власти. Вот такая «парадная», если можно так сказать, беднота, на мой взгляд, появилась уже в конце 1920-х гг. И эти люди составили костяк тех крестьян, на которых власть опиралась в процессе коллективизации и раскулачивания.

В 1930 г. глава Центрально-Черноземной области И. М. Варейкис писал о том, что беднота активно участвует в раскулачивании потому, что она заинтересована в этом материально. В советской историографии в свое время упорно проводилась мысль о том, что все, или практически все имущество, изъятое у кулаков при раскулачивании, передавалось в неделимые фонды колхозов. Правда, при этом встает вопрос: откуда взялись эти цифры? Можно ли было, в условиях насильственного, репрессивного, часто стихийного раскулачивания, провести нормальный учет того имущества кулаков, которое было действительно передано колхозам, и того имущества, которое пропало или попросту было разграблено? На мой взгляд, к этим цифрам необходимо относиться с определенной долей сомнения.

Таким образом, усилия Советской власти не прошли даром. Ей действительно удалось расколоть деревню, и это, безусловно, был большой успех политики социалистического натиска на деревни.

В то же время эта политика изначально заложила мину замедленного действия в фундамент колхозной системы, так как большая часть бедноты, не имея соответствующей материальной заинтересованности и ожидая дивидендов от власти, абсолютно не желала участвовать в процессе становления и развития колхозного хозяйства, превращаясь, по сути дела, в государственных иждивенцев.

А. И. Колганов: В отличие от других участников круглого стола, я взгляну на проблему «Сталинизм и крестьянство» не с позиций социально-исторических или социологических – как бы они ни были для меня интересны – а с точки зрения экономиста.

С этой точки зрения в середине 1920-х гг. позиция Сталина и идущего за ним большинства коммунистической партии по отношению к крестьянству была двойственной.

С одной стороны, их вполне удовлетворяли темпы восстановления народного хозяйства и та экономическая стабилизация, которые обеспечивались новой экономической политикой. Поэтому Сталин, в полном согласии с Бухариным, был горячим защитником НЭПа, не стеснялся принимать в 1925 г. резолюции о необходимости поддержки хозяйственного роста всего крестьянства, делая уступки даже и кулачеству. Именно это дало повод «новой оппозиции» в декабре 1925 г. поднять крик на XIV съезде о недооценке кулацкой опасности.

С другой стороны, над ними висела, как «дамоклов меч», необходимость найти источники ускоренной модернизации российской экономики. А тут крестьянство однозначно выступало и как ресурс, и как неизбежная жертва такой модернизации. Недаром партийное большинство подвергло столь резкой критике концепцию Е. А. Преображенского о первоначальном социалистическом

накоплении – он посмел вслух произнести то, о чем, по мнению этого большинства, болтать не следовало. Вопрос состоял в том, как побудить крестьянство к жертвам во имя индустриализации страны. Заинтересовав его экономически в сотрудничестве с «городом» через кооперацию, и тем самым подтолкнув смириться с определенным экономическим нажимом, как надеялся Бухарин? Или все же не удастся решить эту проблему без жесткого силового давления – разумеется, опираясь и на расслоение самого крестьянства, и на использование насилия в оболочке привычных крестьянину общинных методов мироустройства?

Второе решение оказалось неизбежным, ибо для проведения в жизнь первого варианта нам очевидным образом не были отпущены историей необходимые сроки.

Мне хотелось бы отвергнуть традиционный взгляд на поездку Сталина в Сибирь в начале 1928 г. как на источник его вдохновения при проведении сплошной коллективизации. Возможно, в 1928 г. Сталин еще верил в спасительную силу методов продразверстки для решения проблемы хлебозаготовок. Однако уже в 1929 г. он явно избавился от этой веры. Да и опыт «военного коммунизма» должен был в достаточной мере показать ему, чем оборачивается продразверстка – крестьянской «хлебной стачкой», то есть сокращением посевов до потребительского минимума. Поэтому для решения продовольственного вопроса, для обеспечения быстро растущего городского населения, нужно было найти механизм не только принудительного изъятия хлеба – потому что сам по себе он вел только в тупик – но и принудительного его производства. И не просто принудительного производства, но и расширения производства при сокращающейся численности сельских работников.

Колхозы и стали таким механизмом преобразования мелкого крестьянского хозяйства в крупное механизированное общественное производство, который, при колоссальных жертвах и экономических издержках

первой половины 1930-х гг., все же сумел выйти на дорогу обеспечения растущих поставок продовольствия и сельскохозяйственного сырья для бурно развивающейся промышленности. Это был очень плохо отлаженный, и не весьма эффективный механизм, но он работал. Существуют известные исследования, показывающие баланс экономического обмена между городом и деревней. Оказывается, что грабительские хлебозаготовки по символическим ценам (при том, что цены заготовок технических культур были близки к экономически оправданным) вполне перекрывались встречными поставками на село машин, оборудования, элитных семян, удобрений, присылкой специалистов и т. д. Не было систематического ограбления «села» в пользу «города». За индустриализацию в равной мере платили как сельские, так и городские слои населения. Что касается издержек этого механизма, включая и страшный голод 1932–1933 гг., и отсутствие экономических стимулов производства в общественном хозяйстве, то они были порождены не некими антикрестьянскими убеждениями большевиков, а общей бюрократической конструкцией власти, нащупывающей работающие решения затратным методом проб и ошибок.

Что касается аграрной политики Н. С. Хрущева (как продолжения сталинского курса), то ее можно разделить на два этапа. В 1953–1959 гг. упорядочение экономических отношений с селом дало существенный скачок производства и обеспечило рост реальных доходов всех слоев населения. А вот укрепление власти сыграло с Хрущевым злую шутку – он начал плохо продуманные эксперименты, пытался забежать вперед в «строительстве коммунизма», плохо понимая, что же это, собственно, такое. И эти эксперименты, несмотря на длинный ряд Пленумов ЦК, посвященных сельскому хозяйству, дали весьма негативные результаты.

Дело в том (и это очень хорошо показано в работах Т. Шанина), что даже далеко зашедшая модернизация села не превращает крестьянина в полный аналог городского индустриального работника, сохраняя множество

особенностей крестьянского быта, психологии, экономического поведения. Тем более с такими особенностями следует считаться при далеко еще не завершенной индустриализации сельского хозяйства, как это обстояло у нас на селе в 50–60 гг. XX в., да и сейчас тоже. Хрущев игнорировал именно эти особенности, и потому его инициативы ни к чему хорошему не привели.

И. А. Анфертьев: В связи с нашей дискуссией необходимо несколько слов сказать о самом Сталине.

Сталин в разные периоды своей деятельности во главе государства – это разный Сталин.

Скажем, Сталин 1922–1927 гг. – это Сталин, который стремится и захватить, и удержать власть. Не случайно, что именно в этот период происходит определенное заигрывание власти с крестьянством, которое составляет около 80% населения.

Сталин 1928–1933 гг. – это человек, который почувствовал, что выиграл борьбу за власть, и потому начинает демонстрировать политические мускулы, в том числе (и в первую очередь) так нелюбимому им крестьянству.

Сталин 1934–1949 гг. – это вождь, диктатор и безраздельный хозяин страны, в которой крестьянское население находилось, по сути дела, в крепостной зависимости.

Сталин 1950–1953 гг. – это человек, который считает, что он уже навел порядок в государстве, и поэтому может позволить себе дать какие-то послабления гражданам, в том числе и крестьянству.

Сталин в связи с этим представляется мне, с одной стороны, прагматиком, а с другой – марксистским догматиком. Сталин – это человек, который понимает, что у него достаточно много политических врагов. В 1920–1930 гг., по всей видимости, он считал (и не без оснований), что основным врагом советского режима является крестьянство.

Здесь уже много было сказано о проблеме социального расслоения крестьянства. На мой взгляд, крестьянин-кулак и крестьянин-середняк – это, говоря языком современной социологии, потенциальный средний класс. Сталин прекрасно понимал, что появление полноценного среднего класса представляет собой серьезную угрозу Советской власти. Большевистское руководство сознательно избегало четких характеристик и определений кулачества, а мы знаем, что на селе были еще середняки, подкулачники, бедняки, единоличники и т. д., которые в различные периоды с легкостью переходили из одной категории в другую. Эти характеристики носили аморфный, плавающий характер и менялись в зависимости задач, решаемых партийно-государственной элитой. Но при этом на государственном уровне проводилась четкая и однозначная линия – «ликвидация кулачества как класса», то есть уничтожение «справного» мужика, того самого представителя среднего класса, о котором сегодня много говорится.

Хочу обратить внимание присутствующих на один весьма интересный момент, который, как правило, не упоминается в дискуссиях о политике большевиков в деревне в 1920-е гг. Я имею в виду проведенное в 1925 г. выселение из своих имений тех помещиков, которые остались жить в них после революции. Таким образом, перед проведением раскулачивания власть нанесла серьезный удар по остаткам помещичьего класса. Говоря политическим языком тех лет, власть стремилась к окончательной и бесповоротной ликвидации не только всех эксплуататорских классов в русской деревне, но и остатков специалистов – прежних, еще с дореволюционным стажем организаторов сельскохозяйственного производства.

Здесь уже говорилось об идее мировой революции и ее роли в политике большевиков. На мой взгляд, эта идея была для большевистского руководства не столько догматической, сколько прагматической. Оно понимало, что диктатура пролетариата в условиях крестьянской, по своему

составу, страны выглядит как-то не очень убедительно. Большевики хорошо понимали, что существует реальная опасность того, что «пролетарская власть» может быть сметена крестьянской стихией. То, что такая потенциальная возможность существует, хорошо показали крестьянские восстания начала 1920-х гг. В каком-то смысле, можно сказать, что, наряду с буржуазным Западом, русское крестьянство было одним из двух главных врагов большевизма. Большевизм, и в особенности его романтически-левацкое крыло во главе с Троцким, стремился к уничтожению и буржуазного Запада, и патриархально-азиатского (по представлениям многих большевиков) русского крестьянства – как антисоветских, антисоциалистических и антикоммунистических сил. Поэтому большевики предпринимали весьма серьезные усилия для того, чтобы разжечь пожар революции в Европе (Германия, Венгрия, Польша) и на Востоке (Китай, Афганистан и т. д.). Однако все попытки экспорта революции к середине 1920-х гг., в основном, закончились неудачей.

Неслучайно, что после провала этих попыток, в 1925 г. большевистское руководство провозглашает курс на строительство социализма в одной стране и, как это следует из партийных документов, начинает проводить политику по наведению своего порядка, прежде всего в сельском хозяйстве. Как это ни странно, но вопросами сельского хозяйства активно занимался такой партийный орган как Центральная контрольная комиссия ВКП (б), которая пыталась, хотя бы в какой-то мере, определить характеристики среднего крестьянства и кулачества. В партийных верхах к этим попыткам относились с непониманием и насмешкой и, наверное, поэтому, эти попытки не дали никаких конкретных результатов.

Я полностью согласен с мнением А. В. Гордона о том, что колхозная система – это не система хозяйствования, а система управления, система закрепощения крестьянства. Эта система была направлена, в том числе, на политическую

нейтрализацию крестьянства. Партийно-государственная власть понимала, что, для того чтобы закрепить русское крестьянство, его необходимо расколоть. Она стремилась найти социальную опору в деревне. Судя по партийным документам, шла активная работа с беднейшим крестьянством, цель которой состояла в том, чтобы создать внутри самой деревни социальную опору, кадровый резерв для проведения предстоящей коллективизации. Помимо этого, за счет вступавших в партию крестьян-бедняков, пополнялся численный состав местных партийных организаций.

Справедливости ради стоит сказать, что многие из низов общества, в том числе из крестьян, благодаря этому получили доступ к социальным лифтам, получили реальную возможность улучшить свое социальное положение, получить образование и профессию.

В. А. Ильиных: Я хотел бы поддержать тезис И. А. Анфертьева о том, что Сталин был не только прагматиком.

Во-первых, многие его прагматические действия в аграрно-крестьянском вопросе имели идеологические основания. Диктатор с либеральным контентом в голове (а la Пиночет) поступал бы в подобных обстоятельствах по-другому. Во-вторых, следует иметь в виду убежденность Сталина в действенности методов реализации политики, которые А. В. Гордон определил как большевистские. При этом речь идет не только о методах прямого насилия. «Шоковая терапия» и в 1922 г. и в 1992 г. проводилась большевистскими методами. В коктейль с прагматизмом, догматизмом/идеализмом и большевизмом Сталина следует добавить еще как минимум его стремление к неограниченной личной власти.

Я согласен с теми, кто воспринимает коллективизацию как прагматический ответ на стоящие перед страной внешне- и внутривнутриполитические вызовы. В то же время я убежден, что Сталин, начиная ее, заранее не планировал построение «агрогулага». Сталин, как марксист,

считал, что объединение мелких крестьянских хозяйств в колхозы позволит широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и на этой основе резко повысить его производительность. «Хотелось как лучше»...

Однако на пути осуществления социалистического аграрного проекта встало крестьянство. Его конкретная реакция на очередную акцию властей вызывала их «прагматический» ответ, на который соответствующим образом реагировало крестьянство, которому отвечал режим, ... et cetera. В итоге был построен незапланированный заранее «агроулаг», имевший вполне прагматичные функции.

Чтобы не быть голословным, приведу классический пример. После официального провозглашения курса на коллективизацию в деревне начался массовый забой скота, в котором участвовали крестьяне всех социальных групп и политических ориентаций, включая советских активистов (естественно, что этим грешили не только такие персонажи как объевшийся дед Щукарь). Одним из оснований для принятия решение о форсировании колхозного строительства было в том числе и желание властей спасти скот от истребления. Впрочем, в колхозах из-за бескормицы и ненадлежащего ухода сверхнормативный сброс стада продолжился.

Следует отметить, что дорога к «агроулагу» не был прямолинейной. «Закручивание гаек» постоянно чередовалось с их относительным «ослаблением». Наиболее известным подтверждением данного тезиса является осуждение «головокружения от успехов» с последующим за ним массовым выходом крестьян из колхозов. Однако дарованные крестьянству «пряники» либо имели декларативный характер, либо не означали возвращения на прежние позиции.

Принципиальной вехой на этом пути, на мой взгляд, стал 1925 г. В 1924 г. неимоверно раздвинувшиеся

«ножницы цен» и высокий уровень налогообложения крестьянского хозяйства вызвали в деревне острый политический кризис, который в частности проявился в массовом абсентизме сельских жителей на выборах осенью 1924 г. В создавшихся условиях правящий режим провозглашает так называемый новый курс по отношению к деревне и осуществляет серию мероприятий по либерализации выборной системы и экономической политики. Это были последние принципиальные уступки крестьянству в рамках НЭПа.

Сформированные в ходе более свободных выборов весны 1925 г. сельсоветы способствовали сокрытию крестьянами объектов обложения сельскохозяйственным налогом, которое приобрело массовый характер. Проведенное в рамках курса «лицом к деревне» прекращение нервировавших селян повальных обысков на предмет выявления самогонарения и отмена уголовного и административного наказания за выделку самогона без цели сбыта привели к резкому росту его производства и расширению масштабов хулиганства. В одной из информационно-политических сводок в качестве примера «разнузданности» крестьян сообщалось о демонстративном проезде по центральной улице деревни пьяного мужика, открыто везшего в розвальнях бочку с брагой и укрепившего на дуге плакат «Лицом к деревне». Ревизия «нового курса» и дрейф к «чрезвычайщине» начались уже осенью 1925 г.

В связи с темой поведения крестьян, не удержусь еще от одной иллюстрации. В 1923 г. Новониколаевский губисполком принял два постановления против «злоумышленников», похищавших железнодорожное имущество и использовавших его в своем хозяйстве: *«шпалы и щиты на разного рода постройки и поделки, костыли на зубья борон, гайки для грузов на невода и т. п.»*. При этом изгороди из щитов, используемых для снегозадержания, обнаруживались *«в селениях, расположенных на десятки верст от железной дороги»* [«Большевик» (Новониколаевск). 1923. 8 апреля, 2 ноября].

Воистину, нашим модернизаторам, включая Сталина, не позавидуешь. Что впрочем, их не оправдывает.

С. А. Есиков: Рассматривая проблему «Сталинизм и крестьянство», нельзя обойти вниманием вопросы коллективизации. При этом необходимо дать оценку состояния сельского хозяйства в конце НЭПа.

В течение нескольких десятилетий историография тиражировала созданный властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе НЭПа продовольственной проблемы. Безусловно, небольшая доза частной инициативы и конкуренции, сознательно допущенная большевиками в годы НЭПа, оказалась достаточной, чтобы наладить элементарные основы хозяйственного быта. Восстановление целиком легло на плечи крестьянства, вынесшего основную часть налогового бремени, крайне неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, выложившего за обесцененные деньги реальные товары и т. д.

Неравноценное, но все же, сотрудничество государства с частным хозяйством базировалось на хозяйственной устойчивости мелкого крестьянского производства, его тяги к труду, способности к невероятной экономии и громадной силе сопротивления разрушительным влияниям. Однако и его резервы и возможности были не беспредельными.

Основная тяжесть налогообложения легла на зажиточную часть деревни, хотя именно она давала стране большую часть товарного хлеба. Действовавшая налоговая система ослабляла деловую активность единоличников вместо того, чтобы превратить ее в настоятельную потребность каждого крестьянского хозяйства вне зависимости от его социальной категории. Кроме того, деструктивная политика государства не могла не затронуть поземельные отношения. Здесь традиционно сталкивались интересы различных слоев сельского общества. С одной стороны, именно в этой сфере лежала перспектива развития

индивидуального предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, усиленно регламентируя правила землепользования, аренды, субаренды, условия найма рабочей силы, могло не дать (и не давало) такому хозяйству возможностей для роста. Лишение наиболее активной части крестьян кредита для производства землеустроительных работ, способствовало развитию бедняцких хозяйств. В итоге наиболее инициативные крестьяне теряли уверенность в завтрашнем дне, сокращали производство ценной сельскохозяйственной продукции, зачастую утрачивали традиционные жизненные ориентиры.

Восстановительный процесс носил ущербный характер из-за измельчания и низкой доходности крестьянских хозяйств, падения их денежности и товарности. Росли аграрное перенаселение, малоземелье и деревенская безработица, усилился натурально-потребительский тип крестьянских хозяйств и резко сократился производящий, рыночный. Все это нельзя объяснить кулацкой эксплуатацией, а приходится связывать с хозяйственными и политическими условиями послереволюционного времени, в том числе НЭПа.

Крестьянский менталитет, с одной стороны, и доктринальные установки, с другой, не давали рынку, как и НЭПу в целом, шансов утвердиться «всерьез и надолго». НЭП вводился с опозданием, фрагментарно, без твердых правовых гарантий. Само поле, выделенное НЭПу в целях восстановления, было принципиально половинчато. Национализация земли, монополия внешней торговли, краткосрочная аренда, частые земельные переделы, прогрессивная шкала налогового обложения (вместо пропорциональных налогов) и многое другое – это такие тормоза, которые существенно снижали и ограничивали эффективность крестьянского производства и восстановительных процессов.

Государство взяло на себя непосильные функции связывания экономики в единое целое. В распоряжении государства было два регулятора: рыночный и властный, а

постоянные кризисы развивались, как попытки вернуть обратно «уступленное НЭПу», усилить перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Ухудшение общих условий обмена между двумя отраслями народного хозяйства в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом говорило о неспособности, как общества, так и государства, разрешить назревшие противоречия.

Система, построенная на искусственно дешевом хлебе, неспособная разрешить главной проблемы – накопления капиталов для модернизации экономики – носила переходный характер. Она с неизбежностью должна была трансформироваться: либо восстановив преемственность в экономической эволюции с дореволюционным временем через рост крупных товарных хозяйств, изменений найма–сдачи земли, рабочей силы и средств производства, и т. д.; либо превратившись в более последовательную «экономику принуждения» – что, в конечном итоге, и произошло.

Таким образом, к концу периода НЭПа, несмотря на крайнее напряжение собственных сил, крестьянское хозяйство находилось в состоянии стагнации, застоя, носило в целом натурально-потребительский характер. XV съезд ВКП (б) выработал единую политику советского руководства по отношению к сельскому хозяйству – курс на упразднение индивидуального товарного хозяйства и на коллективизацию. После съезда был принят целый ряд постановлений, призванных стимулировать коллективное земледелие, ограничить развитие единоличных, в первую очередь зажиточных хозяйств, оказывая материальную поддержку бедняцким слоям. Проводившаяся политика в целом носила запретительный характер, сковывала крестьянское производство, искусственно создавала ситуацию аграрного кризиса и трудностей в хлебозаготовках, что, в свою очередь, являлось одним из объективных ускорителей перехода к сплошной коллективизации. В таком положении нельзя было и думать

о дальнейшем поступательном развитии страны. Крестьянскому хозяйству нужна была реальная помощь и время.

Взяв курс на сплошную коллективизацию, сталинское руководство отчетливо оценивало ситуацию, сложившуюся в крестьянском хозяйстве страны, но избрало именно этот, радикальный путь преобразования последнего.

Е. И. Демидова: В процессе научной дискуссии постепенно выкристаллизовываются исключительно интересные мысли и суждения по проблеме «Сталинизм и крестьянство». Действительно, важно анализировать события 1920–1930 гг. с позиций именно исторических реалий того времени, а не с современной точки зрения.

Я разделяю суждение С. Ю. Разина, что сталинизм следует рассматривать, прежде всего, как *политику проведения форсированной модернизации*, включающей в себя в качестве взаимосвязанных элементов индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию, в условиях продолжающейся гражданской войны и становления новой государственности – союзной. Действительно, модернизация, которая, разворачивалась в стране, имела судьбоносное значение для выживания Советской власти. Решение этой политической задачи было важно в аспекте формирования конкурентоспособного государства, которое будет в состоянии выйти на передовые индустриальные позиции в мире и обеспечить соответствующий уровень обороноспособности.

Что это означало? А это означало, что Советской России, крестьянской России предстояло пройти через глубокую трансформацию сложившегося за столетия социального уклада, осуществить форсированный переход на совершенно иную модель развития, создать индустриальную экономику. При этом специфика состояла в осуществлении *социокультурной модернизации*.

Природно-климатический фактор всегда оказывал существенное влияние на организацию крестьянского хозяйства, как и велика была роль почвенно-экологических

условий в формировании крестьянского миропонимания. Важным элементом которого было отношение крестьянства к земле как божескому дару, предназначенному всем возделывающим ее. Подворное же крестьянское хозяйство было материальной основой повседневной жизни деревни. Несмотря на все реформы и преобразования, на развитие страны и общества в России в начале XX в. сохранялась традиционная культура русской деревни, культура как духовная основа повседневной жизни крестьянской семьи, организация быта и досуга – культура, которую мы еще не познали в полной мере. Политика сталинизма, с одной стороны, признавала отдельные прошлые культурные ценности, но в то же время была настойчива в стремлении руками самих же крестьян заменить их новыми ценностями.

Отношение крестьянства к вопросу частной собственности на землю в России было особым, здесь базовым был принцип равноправности в землепользовании. Земельный вопрос стал ключевым в противостоянии социально-политических сил в России в начале XX в., большевики провозгласили идею национализации земли. Земельный кодекс 1922 г., названный **«крестьянским кодексом»**, четко обозначив исключительную государственную собственность РСФСР на землю, включил в себя положения Закона «О трудовом землепользовании», закрепившего права граждан РСФСР на трудовое пользование крестьянских земель: права на земельный участок в одном или нескольких местах (хутор, отруб, чересполосные участки); права на долю земли из надела земельного общества; права на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества. В дополнение к Земельному кодексу была издана «Инструкция о разделе крестьянских дворов». Получается, что советская власть сделала то, о чем всегда мечтали крестьяне. Но Земельные комиссии, разбиравшие споры о земле и о разделе имущества, быстро исчезли, когда началась коллективизация. Исчез и сам Земельный кодекс со всеми крестьянскими правами.

Исчезло право собственности у крестьянина вообще: у него остались одни лишь обязательства и обязанности, которые героически выполнялись подавляющим крестьянским большинством. Разве это не феномен сталинизма?!

Н. В. Асонов: Что такое сталинизм?

На мой взгляд, сталинизм – это система социально-политических ценностей и целей, характерная для определенного и чрезвычайно важного этапа развития России в Новейшее время, позволившего ей снова войти в узкий круг сверхдержав, поделив мировое лидерство с США. Причем, геополитическое влияние нашей страны было поднято на такую высоту, которой она никогда не имела и, судя по тем тенденциям, что мы сегодня наблюдаем, уже не будет иметь. Внешнеполитический успех России–СССР был обусловлен в значительной мере тем, что сталинизм стал результатом и продолжением поиска господствующей политической силой национальной модели социализма.

Не отказываясь от идеи построения коммунистического общества, Сталин поддержал ленинский план установления диктатуры в форме власти Советов. Как известно, с ноября 1917 г. Советы стали политической основой нового социалистического государства, придав ему национальное лицо. В рамках новой политической системы Советы образовали единую систему управления, охватывающую всю вертикаль власти, низовым звеном которой оказались сельские Советы. В социальной сфере опорой таких Советов стали колхозы как продолжение в новых исторических условиях сильно перестроенного, в первую очередь идеологически, славянского общинного хозяйства, «привязанного» к традиционной схеме организации жизни, в которой отразилась не только славянская соборность и ее вечевой характер, но и вписанные в нее авторитарные принципы текущего управления.

Авторитарно-соборная модель на селе стала включать в себя три главных звена. Председатель колхоза

представлял авторитарное звено управления или высшую исполнительную власть. Правление колхоза соответствовало при нем совещательному институту, а собрание или собор колхоза копировал вечернюю традицию решения мирских дел и, как в старину, имел высшую юридическую силу, обладая ключевой полнотой законодательной и судебной власти в рамках сельской округи. В этой связи мысль А. В. Гордона о том, что колхозная система есть управленческая система, безусловно, верна как исторически, так и социально-политически.

Таким образом, создание колхозов как стержневого элемента сталинизма в аграрной политике, при всех своих минусах, имело один главный политический плюс. Колхозное строительство решительно пресекало распространение на селе идеологии и системы ценностей либерального буржуазного парламентаризма и характерного для него духа индивидуализма, порожденного секулярным сознанием обезбоженной западной социальной культуры, поставившей любовь человека к себе выше любви к обществу и своей стране. Тем самым открывалась возможность для постепенной модернизации социальной жизни села с опорой на свои традиционно гуманные национально-исторические ценности, не связанные с либеральными представлениями о человеке, обществе и власти, превратившими нас сегодня в «иванов, родства не помнящих».

В данной связи хочу вернуться к той проблеме, которую обозначил в своем выступлении С. Ю. Разин. Это проблема столкновения традиционализма и модернизма, проблема перехода от традиционного общества к индустриальному. Этот процесс имел в России весьма существенную цивилизационную специфику. В этой связи вполне закономерен вопрос о том, что такое традиционное общество. По моему мнению, это общество, в основе которого лежит верность национально-историческим традициям. Носителем их является крестьянство. Я считаю, что процесс урбанизации, проходивший в Новейшее время

во всем мире по западному образцу, привел к тому, что городское население было оторвано от исторических традиций своих стран и народов.

Столкновение традиционализма и модернизма, не-Запада и Запада – это важнейшая черта мировой истории XX в. Страны-лидеры западной цивилизации стремятся к уничтожению национально-исторических, духовных традиций незападных стран, которые в их научно-идеологическом дискурсе отнесены к категории государств «догоняющей модернизации», в которых доминирует «X-матрица». В свою очередь, традиционалистские социальные слои в незападных странах активно сопротивляются этому процессу. Они по-своему справедливо полагают, что с точки зрения их цивилизационных ценностей и целей так называемые передовые страны Запада, ориентированные на городскую либеральную модель социально-политических отношений, представляют собой тупиковое направление в развитии мирового сообщества, поскольку их ориентация на урбанизацию породила глобальные проблемы современности.

Нам надо определиться с критериями оценки отечественной истории 20–50-х гг. прошлого столетия. На мой взгляд, прав С. Ю. Разин, говоря о том, что необходимо отказаться от превалирующего сегодня однобокого, либерально-западнического подхода к оценке этой эпохи. Считаю, что при такой оценке необходимо исходить из диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Ни одну историческую эпоху нельзя оценивать только как хорошую, или только как плохую.

Что касается поднятого в ряде выступлений вопроса о расслоении русского крестьянства в 1920–1930 гг., то при его рассмотрении необходимо применять многосторонний подход, который учитывает всю совокупность экономических, политических, культурных и юридических факторов, существовавших в ту эпоху. Я считаю, что при исследовании проблемы, вынесенной сегодня на обсуждение, наряду с упомянутым выше диалектическим

методом, необходимо активно использовать цивилизационный и сравнительно-исторический подходы. Их использование при анализе проблемы «Сталинизм и крестьянство» позволит нам по новому оценить роль Сталина в истории и его политику в отношении крестьянства.

Должен сказать, что мои предки, как и многие другие люди в нашей стране, в полной мере хлебнули лиха в ту эпоху. Но я предлагаю всем встать выше личных обид на сталинский режим, и по достоинству оценить те успехи, которые были достигнуты Советским Союзом в 20–50 гг. XX в. О недостатках мы уже наговорили более чем достаточно, так давайте же уйдем от либеральных веяний западной политической моды, будем объективными и скажем о великих победах, достигнутых нашим народом и нашей страной в то время.

Соглашусь с коллегами, которые выступали до меня и говорили, что главным для данной темы является вопрос о том, почему большевики смогли удержать власть. На мой взгляд, потому, что, в отличие от Временного правительства, они не делали ставку на либеральные ценности, чуждые большинству населения страны. Подавляющее большинство православного и мусульманского населения рассматривало либеральные ценности как сатанизм, как дьявольское искушение. В свою очередь, советская система ценностей была своеобразной реинкарнацией традиционных ценностей и потому была более близка и понятна тому же русскому крестьянину. Поэтому у крестьян было ощущение, что Советская власть – это власть своя, отражающая их интересы. В противном случае она бы также быстро сошла со сцены российской истории, как это сделало либеральное Временное правительство и тяготеющее к либерализму многопартийное белое движение, в значительной степени само себя погубившее борьбой различных политических сил.

В заключение хочу сказать, что не согласен с теми оценками политики Н. С. Хрущева в области сельского хозяйства, которые сегодня прозвучали в выступлениях

некоторых коллег. Мне думается, что если бы не контрреформы Хрущева, решившего введением совхозов взять курс на пролетаризацию села и еще сильнее сблизить его с городом, утратившим живую связь с народной культурой, село еще могло сохраниться как оазис и социальная опора не только нашей национальной соборной духовности, но и как социально-экономический оплот всей славяно-православной цивилизации, политическим центром которой более 500 лет все еще остается Россия, а этническим ядром – русский народ.

Неслучайно сегодня те, кто принял систему ценностей либерализма и оторвался от социально-политической и духовной культуры славяно-православной цивилизации, подняли на щит имя Хрущева, получившего высокую оценку Уинстона Черчилля как главного разрушителя страны Советов.

А. И. Шевельков: Хотелось бы обратить внимание на то, что в послевоенный период Сталин вновь применил жесткие меры по отношению к крестьянству, что было вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

Засуха 1946 г., охватившая значительную территорию страны, и последовавший за ними голод, по подсчетам ряда исследователей, унесли от 700 тыс. до 1 млн 200 тыс. жизней сельского населения. Основные надежды государства по обеспечению страны хлебом были связаны с увеличением закупок зерна в ряде сибирских и украинских территорий, где засуха не нанесла ущерба сельскому хозяйству. Именно в этот период вновь применяются методы продразверстки. В сентябре 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС по вопросам хлебозаготовок, а затем и постановление СМ СССР и ЦК ВКП б) «Об обязательном плане закупок ржи и пшеницы из урожая 1946 г.», в которых поручалось ряду руководящих партийных работников установить строгий контроль за работой партийных органов по выполнению плана обязательных закупок хлеба и принимать необходимые меры по усилению темпов хлебозаготовок. Для контроля за

хлебозаготовками в основные зерносеющие районы страны была командирована группа партийно-государственных руководителей: Г. М. Маленков – в Сибирь, А. И. Микоян – в Казахстан, Л. М. Каганович – в Курганскую область, а также вместе с Н. С. Патоличевым – на Украину. Л. П. Берия и Л. З. Мехлис направились в Краснодарский край.

Сталинские уполномоченные строго выполняли указания, опираясь на местные партийные органы, уполномоченных райкомов партии. Так, в своей записке в адрес записки руководителей Новосибирского обкома ВКП (б), Маленков потребовал усилить работу по безусловному выполнению колхозами плана хлебозаготовок, определив все рассуждения на местах о реальном плане, как преступление перед государством, саботаж, и потребовал немедленно исправить антигосударственную линию в заготовках и обеспечить ежедневное оперативное воздействие на ход хлебозаготовок. По его рекомендации Постановлением ЦК ВКП (б) для колхозов и совхозов Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Кемеровской области на 1946 г. был утвержден дополнительный объем сдачи в объеме 17,3 млн пудов хлеба. Вместо 101,5 млн пудов, теперь предстоял сдать 118,8 млн т.

Однако, несмотря на принятые меры чрезвычайного характера в 1946 г. только 42,1% колхозов выполнили планы хлебозаготовок. И по этой причине, в 1947 г. в зерносеющие районы страны вновь были командированы партийно-государственные руководители, которые еженедельно информировали Сталина, о ходе хлебозаготовок. Но и в 1947 г., равно как и в 1948 г., планы хлебозаготовок выполнили менее 45% колхозов, что вызвало серьезное раздражение у Сталина, и было одной из причин начала политики укрупнения мелких колхозов, начатой с мая 1950 г. по его указанию и постановлению ЦК ВКП (б). По утверждению Хрущева, Сталин также предлагал увеличить налог на колхозы и колхозников примерно на 40 млрд руб. при общих доходах колхозов страны 42 млрд руб. Если бы

продать все имущество колхозов, то и тогда они не выплатили бы такой налог – заявлял Хрущев. По его словам, труд большинства колхозников практически не оплачивался, что соответствовало действительности. Если в 1940 г. средняя выдача зерна по трудодням в расчете на один колхозный двор составляла 8,2 ц., то в 1947 г. – 4,2 ц., а средняя выдача зерна на 1 трудодень колхозникам и трактористам снизилась с 1,65 кг в 1940 г. до 1,02 кг в 1947 г. В 1948 г. 73% колхозов выдавали на трудодень от 100 гр. до 1 кг зерна, 23% – от 1 до 3 кг, около 1% – более 3 кг, а 4 386 колхозов – ни грамма. В 1952 г. на один трудодень выдавалось: в Калужской и Тульской областях – 1 коп., в Рязанской и Липецкой – 2, Брянской и Псковской – 3, Костромской и Курской – 4 коп. Многие колхозы годами не выдавали на трудодень ни одной копейки. По воспоминаниям Хрущева, незадолго до смерти Сталин изменил отношение к колхозам и предлагал распустить совхозы по причине их убыточности, а землю передать колхозам и с большим трудом удалось убедить тогда Сталина и сохранить совхозы.

В заключении, мне хотелось поддержать точку зрения Н. В. Асонова о том, что Хрущев, равно как и Брежнев, и другие партийные руководители, стали «достойными» наследниками и продолжателями ряда положений сталинской политики по отношению к колхозам, крестьянству. Административно-командная система, созданная при Сталине, в последующие годы была усовершенствована, а методы изъятия доходов крестьян через налоги, обязательное страхование, высокие цены на материальные ресурсы для села и низкие цены на сельхозпродукцию, навязанную продажу техники при реорганизации МТС, увеличивали число убыточных и низкорентабельных хозяйств. В засуху 1963 и 1972 гг. были применены практически те же жесткие методы продразверстки, что и в 1946–1947 гг. Практика укрупнения мелких колхозов была дополнена политикой их

преобразования в совхозы, политикой ликвидации «неперспективных» населенных пунктов.

В итоге: если в 1940 г. было 236,9 тыс. колхозов, то в 1950 – 123,7, 1960 – 44,9, 1970 – 33,6, 1980 – 25,8, 1990 – 29,1. За период между переписями 1959 и 1989 гг. только Россия потеряла более 130 тыс. населенных пунктов. Шел постоянный процесс сокращения сельского населения. В 1926 г. сельское население СССР составляло 82%, 1939 г. – 67%; 1959 г. – 52%, 1970 г. – 44%, 1979 г. – 38%, 1990 г. – 34%.

Н. Л. Роголина: Наш сегодняшний разговор на тему: «Сталинизм и крестьянство» отражает наиболее насущные проблемы, связанные с анализом кризиса новой экономической политики, с трактовкой социальной структуры крестьянства 1920-х гг., пониманием сущности и назначения колхозов и, в целом, с осмыслением феномена сталинизма.

Находясь в гуще современных споров, мы аргументированно отбрасываем былые авторитетные мифы о ленинском кооперативном плане; о возможности реформативировать и сохранить НЭП. Новая экономическая политика явилась первой социалистической реформой, направленной на восстановление народного хозяйства с одной стороны, и на подготовку условий для индустриальной модернизации – с другой. Крестьяне не получили чаемой земли. Согласно Земельному кодексу 1922 г. они выступали пользователями государственной земли, а национализация земли, монополия внешней торговли и масса иных ограничений не делали их собственниками земли.

Что же касается связки колхоз–община, то мне представляется важным уточнить принципиальную разницу между ними. Община землей распоряжалась, а колхоз только пользовался землей – государственной собственностью. В общине крестьянин был собственником произведенной продукции, в колхозе – нет. Ею формально распоряжался колхоз, но фактическим хозяином было

государство, а колхозник как личность был бесправен. Сравнивая колхоз 1930-х гг. с общиной 1920-х гг. академик А. А. Никонов указывал на важное различие между ними: «...колхоз означал не прогресс, не шаг вперед, а глубокий откат назад даже по сравнению с общиной, которую критиковали за консерватизм, за торможение прогресса, глушение личного интереса, сдерживание роста производительности. Колхоз сделал только одно: создал огромные по площади поля, дал простор технике. Но не человеку».

На вопрос: трансформировалась ли община в колхоз или уничтожена в них, нет однозначного ответа в нашей историографии. Реально колхоз представлял собой худший вид общины. С колхозами возродилась достопыпинская община с ее круговой порукой, «коренившейся не столько в крестьянской традиции, сколько в государственном законодательстве», – писал П. Н. Зырянов. Это действительно так, но такое возрождение (в форме государственного «приневоливания») коснулось теперь не 15 млн хозяйств, а почти 250 тыс. колхозов. Вероятно, следует вести речь не столько о трансформации «общинности в колхозность», сколько о своеобразной форме государственного патернализма.

Мне было интересно участвовать в развернувшейся полемике, прислушиваясь к логике мышления коллег по названным вопросам. Во-первых, хотелось бы уточнить понимание колхоза как инструмента, нащупанного методом проб и ошибок, как безотказного, на восходящей фазе государственного социализма, механизма управления крестьянством. Конечно, решить продовольственный вопрос, а тем более обеспечить хозяйственный порядок в деревне через колхозную систему не удалось, Хлебный экспорт быстро иссяк, погребя под своими руинами миллионы крестьянских жизней. Пятилетка окончилась голодной катастрофой и к середине 1930-х гг. власти, вынужденные отказаться от идеи безрыночного социализма, стали искать консенсус с колхозниками на почве

маленького, но гарантированного личного подсобного хозяйства.

Причины победы государства над крестьянами часто связывают со стихийностью и локальностью, с разнородностью их положения и интересов. Назвать то, что творилось гражданской войной, на мой взгляд, нельзя: крестьяне оборонялись. Их террор был ответным, вынужденным и запоздалым. Очевидно, что сталинская власть сумела с самого начала перевести борьбу крестьян против внешней силы – государства – в борьбу внутри самой деревни. Изучая социокультурные (в широком смысле) результаты и последствия отечественной коллективизации, мы пытаемся ответить на главный и сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране? Для этого должно быть продолжено исследование соотношения политики и экономики, власти и общества применительно ко времени и месту, то есть в хронологическом и региональном разрезе.

Ключевой вопрос: «почему режим устоял?» (С. Ю. Разин) – это – вопрос о корнях сталинизма, об источниках его социальной поддержки. Разин правомерно определяет сталинизм как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию. Добавим и третью составную часть: культурную революцию, как широкую образовательную кампанию со строго политическими целями. Как мы можем судить хотя бы по итогам переписи населения 1937 г., успехи на этом пути были весьма скромными.

Русское крестьянство не осознавало советскую власть как «свою», о чем свидетельствуют письма во власть, регулярные сводки ОГПУ о политическом и экономическом положении в стране. Широко известна крестьянская трактовка аббревиатуры ВКП (б) как «Второе Крепостное Право (большевиков)». Работая с источниками 1930-х гг. можно выделить три ключевых слова крестьянских

посланий в адрес власти и колхозной системы: «Соловки–барщина–бесхозяйственность».

Анализируя причины крестьянского смирения перед системой, остановимся на двух:

1) народ в своем большинстве идет за более сильными, победившими, тем более что тяга к равенству (уравнительности) сближала общинные идеалы крестьян и доктринальные установки большевиков;

2) высокая социальная мобильность, вызванная революцией и ускоренной модернизацией; возможность достаточно быстро в условиях кадровой революции повысить свой статус.

Для продолжения нашего разговора на заданную тему предлагаю обсудить реальные достижения сталинизма в 1930-е гг., применительно к крестьянству в области экономики, образования и культуры. Где правда, а где вымысел?

Встает проблема количества и качества этих достижений. А также критериев. С чем сравнивать? С дореволюционной Россией или с Западом в те годы?

А. Н. Медушевский: Переход от аграрного общества к индустриальному связан с коммерциализацией поземельных отношений, ростом социальной дифференциации и разрушением традиционного социального уклада деревни.

Социальный конфликт, порожденный промышленным переворотом, может получить разрешение или в результате поступательного развития рыночной экономики (английское «огораживание»), или в результате радикального социального переворота (Французская революция и Кодекс Наполеона, обозначившие переход к коммерческому использованию земли и ее включение в гражданско-правовое регулирование) или в результате осуществления коммунистической экспроприации крестьянства государством (русская революция и китайская революция).

Коммерциализация аграрных отношений повсюду вела (при сохранении традиционных форм сознания и техники производства) к расслоению крестьянства, к появлению проблемы «малоземелья» и к появлению избыточного аграрного населения, которое некуда было девать. В мировой истории решение аграрного вопроса часто определялось именно таким образом – выведением избыточного аграрного населения путем колонизации новых территорий; экономической эмиграцией новых бедных в колонии (Великобритания); началом военной экспансии, в особенности после крупных внутренних социальных потрясений (например, наполеоновские войны), восстановлением в новых условиях принудительного труда. Именно эта третья модель реализовалась в постреволюционной России и особенно четко представлена в сталинизме как модели социального конструирования. Почему в России возобладали именно эта модель развития?

Особенностями функционирования данной системы стали восстановление прикрепления крестьян к земле, отчуждение земли и передача ее в собственность государства, когда отношения между собственником (государством) и пользователем (колхозным и совхозным крестьянством) строятся на основе административного принуждения и подавления личных прав (при фактическом отсутствии возможности свободного передвижения). Данная логика развития ведет к последовательному отказу от таких институтов как фермерское хозяйство (начавшее формироваться в результате разрушения общины в рамках столыпинской программы реформ); кооперация мелких аграрных производителей (возникших в результате реализации эсеровской программы уравнительного распределения земли); установление различных форм долговременной аренды как основной формы землепользования (нечто в роде публичного сервитута). Не удалась и концепция экспорта аграрной революции – попытка компенсировать отсутствие позитивной стратегии преобразования аграрных отношений распространением их

экстенсивной формы на другие страны. Невозможность со стороны Коминтерна с помощью аграрных революций навязать другим странам экстенсивную программу уравнительного передела земли вела в свою очередь к отказу от нее внутри страны – переходу к возрождению модифицированной модели служилого государства в новых условиях. Осуществление этого замысла в ходе коллективизации и форсированной индустриализации стало возможным лишь при условии отчуждения земли у производителей и создания мощного неофеодального слоя агрономенклатуры.

Концепция государственной школы, объяснявшая развитие российского общества как смену периодов закрепощения и раскрепощения сословий государством – вполне работает при объяснении данного феномена. Конечно, речь не идет о крепостничестве или рабстве в юридическом смысле (рабами – в римском смысле – нельзя признать и заключенных ГУЛАГа), но фактически положение данной социальной категории было близко к крайним формам феодальной зависимости. В результате так называемой «социалистической национализации» происходит возрождение института государственных крестьян как особого сословия. Эта последняя модель (реализованная в период коллективизации) очень напоминает правовой статус колоната, представлявшего собой фактическое восстановление крепостничества без его формальной юридической фиксации (именно таково было определение колоната, данное известным русским историком М. И Ростовцевым). Условный характер землепользования был дополнен безусловным контролем за его осуществлением. Декларировавшееся право на землю обернулось для крестьян обязанностью работать на ней и отсутствием свободы выбора.

В результате огосударствления и централизации экономики в СССР был создан тип хозяйства, основанный на государственной собственности на землю и средства производства, не только отрицавший рыночные отношения и

возрождавший натуральный обмен, но и приводивший к ретрадиционализации социальных отношений – созданию квазисословной иерархии социальных слоев, выстраивавшихся по линии доступа к распределительной системе государства. Дисциплина, подчинение, зависимость – становились средствами идентификации личности с коллективом в рамках закрытой информационной системы и создания атмосферы псевдотворческой активности.

Режим целенаправленно формирует такую организацию общества, которая обеспечивает управление людьми при помощи контроля за их основополагающими потребностями, передвижением и изменением социального положения. Институциональное выражение данного принципа находит в колхозах, сохранивших определенную преемственность к традиционной крестьянской общине (упраздненной в 1930 г.) в качестве структуры, выступавшей посредником в отношениях крестьян с государством (с восстановлением традиционной круговой поруки); в жилищном контроле (замена кооперативов и товариществ домовыми комитетами), контроле на предприятиях и учреждениях (отделы кадров), общем политическом контроле (партийные ячейки, создаваемые по производственному принципу). Основа всех этих форм контроля – отчуждение собственности у населения (земли – у крестьян, заводов – у производственных коллективов, жилья – у жителей домов) и установление жесткого распоряжения бюрократии над перераспределением имущества (через различные типы регистраций). Контроль над собственностью и имуществом со стороны государства давал огромную (в идеале тотальную) власть над личностью – тот ресурс, который мог быть использован как для экономической мобилизации (и переброски ресурсов), так и для репрессий.

Данный тип государственности не случайно определялся исследователями как «литургическое государство» (по аналогии с Византийской империей), как «азиатский способ производства» или «восточная деспотия»

(по аналогии с азиатскими деспотиями Востока), как «служилое государство» (по образцу Московского государства допетровской эпохи), поскольку основывался на феномене государственной собственности на землю и на «пожирании общества государством», когда их вообще становилось трудно разграничить – феномене, возрожденном к жизни после революции 1917 г. и достигшем пика формы в социально-политической системе сталинизма.

Социализм, следуя известному афоризму, – это самый мучительный путь перехода от феодализма к капитализму. Сталинизм, по аналогии – это способ разрешения проблемы традиционного аграрного общества ценой уничтожения крестьянства. Подробнее об этом – в моей статье «Сталинизм как модель социального конструирования» («Российская история», 2010, № 6).

В. В. Кондрашин: Позволю себе тезисно отреагировать на наиболее важные проблемы развернувшейся дискуссии.

Скажу сразу, что мне очень близка позиция С. Ю. Разина.

Вторая моя мысль – это то, что нельзя игнорировать в нашей дискуссии мнения по обсуждаемым аспектам проблемы общепризнанных в аграрной историографии, крестьяноведении и советологии специалистов, как бы высоко мы себя не ценили.

Мне просто не по себе от рассуждений некоторых участников круглого стола по поводу общины и колхозов, что коллективизация – это попытка «вернуть восточного славянина в его исконную систему ценностей», что в колхозах «в определенной мере были воплощены принципы вечевого демократии и элементы соборной организации государства». Все это реанимация самых реакционных взглядов трапезниковщины и сталинской пропаганды. Как будто бы не было работ В. П. Данилова, Н. Я. Гущина, М. Левина, Х. Окуды и других на эту тему, в которых доказано, что община и сталинские колхозы – это антиподы.

Общину не приспособляли, а уничтожали, лишая ее прав участия в земельном вопросе, в деревенском самоуправлении, путем передачи ее функций сельскому совету и вытеснения из жизни села наиболее влиятельных крестьян-«кулаков». Для Сталина и его сторонников община была врагом, а не союзником. Свою функцию защитницы крестьянских интересов и формы организации крестьянского противостояния с государством община ярко продемонстрировала и в годы сталинской аграрной реформы, и в годы «общинной революции» 1917 г., и в ходе крестьянских восстаний против политики большевиков в гражданской войне, и в период коллективизации!

Что же касается колхозов, то сами крестьяне называли их «вторым крепостным правом большевиков». Их организация не имела ничего общего с общинными традициями. Колхозные собрания – это традиционный сельский сход, где решались проблемы села в его интересах? Нет, это не так. Это С. П. Трапезников, для того, чтобы обосновать историческую закономерность сталинской коллективизации, придумал сказку о колхозе как о новой форме крестьянской общины. Но имеющиеся на данный момент знания на эту тему не оставляют камня на камне от этого мифа. Поэтому стоит ли ломиться в открытую дверь?

В связи с этим сразу же возникает вопрос о крестьянском сопротивлении коллективизации и сталинизму. Здесь было заявлено, что сопротивление коллективизации было «относительно невысоким», что остается открытым вопрос о «сопротивлении крестьян в регионах коллективизации, подвергшихся голоду». Я не знаю, почему появляются такие вопросы. Как будто бы в последние десятилетия по этому поводу в историографии была тишина, и не было монографий Н. А. Ивницкого, Л. Виолы, Ш. Фицпатрик и др.! Приведу ряд цифр. По подсчетам О. Б. Мозохина за годы двух первых пятилеток по линии ОГПУ было арестовано 1 689 862 крестьянина. Ивницким и Даниловым установлено, что только в 1930 г. в СССР было 13 754 крестьянских выступлений против

коллективизации, в которых участвовало 2 468 625 чел. Что, это «относительно невысокое сопротивление»?!

Другое дело, что, действительно, правомерен вопрос о причинах успеха сталинистов, их победы над крестьянством. И здесь снова хотелось бы напомнить уважаемым коллегам, что эта проблема также изучалась современными исследователями, и уже имеются вполне аргументированные суждения на этот счет. Почему то все забыли о результатах грандиозного проекта Данилова–Шанина о крестьянской революции в России. Благодаря ему, мы детально знаем механизм крестьянского вооруженного повстанчества против власти. В 1919–1921 гг. махновцы и антоновцы смогли создать свои повстанческие армии, потому что была слаба большевистская власть в их регионах, и у них в руках оказалось оружие. Антонов разоружил эшелон чехословаков и роздал его оружие повстанцам, Махно к приходу большевиков имел под своим командованием уже воевавшие и вооруженные немецким оружием крестьянские отряды. Поэтому эти два феномена крестьянской войны и состоялись. Ничего подобного не было в других регионах.

А в период коллективизации у крестьян было оружие, и власть была слабой? Вот первая часть ответа. Вторая же заключается в том, что сталинский режим очень умело лишил крестьян их опоры в крестьянской Красной армии. Ее не задействовали в коллективизации (за единичными исключениями), поручив всю черную работу ОГПУ. Над красноармейцами крестьянского происхождения был установлен тотальный контроль, под опеку государства были взяты их семьи, которым помогали во время голода 1932–1933 гг. и т. д. Почитайте на эту тему замечательную монографию Н. С. Тарховой «Красная Армия и коллективизация», а также первые три книги документальной серии Федерального архивного агентства Российской Федерации «Голод в СССР. 1929–1934 гг.».

В данном контексте, на мой взгляд, заслуживают внимания и работы японского историка Х. Окуды на тему

сельских активистов. Он очень убедительно показал, что в период коллективизации в советской деревне Сталин имел опричников, верных ему и его политике. Они-то при поддержке всей мощи административно-репрессивного аппарата государства и обеспечили ему победу над крестьянством.

Не могу не отреагировать и на заявление участников дискуссии, что «колхозная система есть управленческая система», что «колхоз – это не хозяйство, а механизм управления сельской местностью». У меня сразу же возникла ассоциация с резервациями американских индейцев, куда их загнали «белые волки», чтобы контролировать и управлять. Что наши крестьяне – это американские индейцы, которыми надо было управлять ради контроля? Советские колхозы – это особая форма сельской экономики (крупное производство с высокой товарностью), удобная для извлечения ресурсов. Эта система показала свои мобилизационные возможности в годы войны. Ее создавали именно для этого, а не для контроля над крестьянством. Вряд ли стоит, анализируя колхозную экономику, забывать о принципе историзма и рассуждать о ней в застывших категориях теории крестьянского хозяйства, без учета конкретно-исторических особенностей эпохи. Тот же В. П. Данилов, например, считал, что колхозы сами по себе не являлись неэффективной формой организации производства. Их нужно было только освободить от чрезмерной дани. И когда она заметно ослабла, колхозы проявили себя. Я, например, написал на эту тему историю колхоза-миллионера «Красная Звезда» села Лох Новобурасского района Саратовской области в рамках проекта Т. Шанина.

Несколько слов о сталинизме. Я поддерживаю идею прекрасного знатока советской истории, американского ученого М. Левина, бывшего друга Данилова и Шанина, что нельзя автоматически выводить сталинизм из ленинизма. Здесь прозвучала мысль, что сталинская идеология – это «продолжение ленинской идеологии с четким ориентиром на

мировую революцию». На самом деле все гораздо сложнее. Из теории марксизма вытекало два варианта решения крестьянского вопроса – насильственный и ненасильственный. Идеи Ленина о дальнейших судьбах советской деревни не имели ничего общего со сталинской коллективизацией. Они не были оформлены как план, но в совокупности составляли его. Так считал Данилов, Левин и др. И мне их аргументы понятнее, чем рассуждения об отсутствии плана по формальной причине: не был оформлен в виде речи, статьи, брошюры, книги и т. д.

Говоря о сталинизме и крестьянстве, следует обратить внимание и на такой аспект, который фактически выпал из поля зрения специалистов – влияние внешнего фактора. На него указал, например, на первой международной конференции в Москве по истории сталинизма А.О. Чубарьян. Коллективизация никогда бы не началась в такой спешке и с помощью таких варварских методов, если бы сталинский режим не получил поддержку извне. Разве стал бы Сталин загонять крестьян в колхозы в 1930 г., если бы знал, что не продаст зерно за границей? В 1930–1932 гг. была проведена очень успешная коммерческая операция «хлеб в обмен на валюту, валюта в обмен на станки».

Поэтому западные страны должны разделить ответственность со сталинским режимом за трагедию советской деревни.

П. П. Марченя: В принципе, я совсем немного хочу сказать. Собственно, я вообще хотел сначала помолчать. У нас сегодня здесь столько крестьяноведов, в том числе, и тем более – без преувеличения, мирового уровня, что, действительно, грех не помолчать, когда есть что послушать. Да и, в конце концов, помолчать вместе с Теодором Шаниным – это дорогого стоит. Поэтому я и не буду ничего говорить в формате утверждения. Но, не предлагая ответов, я все же попытаюсь сформулировать несколько вопросов, которые, на мой взгляд, являются смысловыми в рамках поднятой нами проблемы.

Во-первых, если уж мы рассматриваем сталинизм с точки зрения того широкого подхода, о котором договаривались изначально: сталинизм как феномен – это феномен антикрестьянский, чуждый крестьянству, внешний по отношению к крестьянской природе России? Или это плоть от плоти, кровь от крови крестьянский феномен, развитие некоторых интенций, которые, собственно говоря, содержатся в самой природе крестьянской общины? *Это раз.*

Далее. Практически каждый исследователь, который в последние 200 лет пытался серьезно вникнуть в проблему взаимодействия власти и крестьянства в России, не удержался от того, чтобы повторить классическую пушкинскую банальность о бессмысленном и беспощадном русском крестьянском бунте. Мы, конечно, все знаем, что он не бессмысленный. Однако спорить по поводу того, что он беспощадный, вряд ли стоит. Но разве бессмысленная и беспощадная власть – это не есть оборотная сторона крестьянской природы, разве это не адекватный – и, возможно, единственно адекватный – ответ на вызов своей собственной – в свою очередь, беспощадной – исторической эпохи?

Ни в коей мере не желаю воспевать «прелестей кнута»... Но разве беспощадный бунт и беспощадная власть (тем более, повторюсь: и то, и другое отнюдь не бессмысленны) не изоморфны друг другу, не образуют некое органичное единство? *Это два.*

И, в этом смысле, вообще «Красная империя» и «Красный император» – разве эти феномены мыслимы вне крестьянской мифологии, вне крестьянских идеологем, вне представлений о Грозном Царе – Спасителе и Надеже, вне легенд «О Далеких землях», «О мужицком царстве» и т. п.? *Это три.*

А разве сама государственная природа сталинизма, само то государство, которым стала Россия при Сталине – разве это не огромная крестьянская община, которая видит себя как «мир» и из века противостоит миру другому,

чуждому и враждебному, и в своем собственном мире наводит порядки, руководствуясь свойственными крестьянскому сознанию мировоззренческими императивами и архаическими антитезами «свой–чужие» и «кто не с нами, тот против нас»?

Разве тот – надлокальный советско-имперский макро-«мир», пришедший на смену множеству локальных крестьянских микро-«миров» – не сохранил преемственности от общинной матрицы российской цивилизации? Узаконенные режимом всеобщая регламентация жизни, «демократический централизм», авторитарный коллективизм, патернализм, эгалитаризм, синкретизм, тождество прав и обязанностей, даже календарь выходных и праздников и т. д. и т. п. ... – разве все это не есть воспроизведение традиционных черт общинной модели в масштабах всей страны? *Это четыре.*

Да и та же коллективизация, которая столько раз недобрым словом помянута было сегодня за нашим «круглым столом» – это что, какой-то абсолютно внешний по отношению к русскому крестьянству проект? Или это реализация того, что уже было потенциально заложено в самом крестьянстве? Разве это не – пусть не самый лучший, но все-таки – вариант развития крестьянской общины?

И разве у процесса явного «раскрестьянивания» сталинской России, о котором столько сегодня говорили, не было неявной, изнаночной стороны – «окрестьянивания», при котором вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна превращалась в одну гипертрофированную крестьянскую «коммуну», «социалистическая экономика» которой резонировала с общинной «моральной экономикой», а все базовые идеологически «новые» ценности корреспондировали с устоями сельского «мира»? Разве само крестьянство не приносилось в жертву во многом именно во имя воплощения крестьянской утопии? *Это пять и шесть.*

Я думаю, что мы, с точки зрения вот такого «широкого подхода», совершенно напрасно оторвали

сталинизм от крестьянства. Пожалуй, не стоит срывать в крайности. Что лучше: обличать «крестьяноборческую» антиутопию сталинского режима или воспевать сталинскую Россию как страну победившей крестьянской утопии (пусть и возглавила ее «антикрестьянская» власть)?

Наверно, и то, и другое уводит наш «стол» от «нащупанной» сегодня темы – как одной из ключевых не только для крестьяноведения, но и для россиеведения в целом. Надеюсь, что в рамках нашего семинара мы еще обсудим поставленные вопросы. И что Теодор Шанин не будет молчать.

Т. Шанин: Я хочу сказать, что мне сейчас было необыкновенно интересно молчать. Потому что было сказано очень много интересного и важного. И так же я лично получил необыкновенно сильные чувства.

Состоявшееся сегодня заседание продемонстрировало, что проблематика русского крестьянства не умерла. Я собираюсь приходить теперь всегда, на все заседания семинара. Я думаю, что так много было положено сейчас на стол, так сказать, с точки зрения информации и вопросов, которые надо обсудить, что я не уверен, что лучшим способом было бы прямо теперь продолжить. Я думаю, что, быть может, стоит сейчас помолчать. Нужно непременно встретиться опять для рассмотрения этой темы. Действительно, так много «легло на стол», что я лично, несмотря на то, что это «мое поле», чувствую, что меня «засыпало» разной информацией и разными вопросами. И хочется сначала подумать, и потом продолжить, а не спешить.

Предлагаю определить время встречи – и продолжить. Было действительно очень много интересного сказано и было поставлено много необыкновенно важных вопросов. Выражаю свои комплименты коллегам.

В. В. Бабашкин: Попытаюсь ответить на четвертый из вопросов, которые вбрасывает в повестку дня П. П. Марченя.

Убежден, что именно так и нужно формулировать: распространение основ общинного (коммунального) устройства на все общество в целом. Сталину удалось то, что не удалось Столыпину. Последний желал развалить общину при помощи рыночных инструментов и механизмов. Такое возможно, но для этого требуется рынок и время. В России не было ни того, ни другого.

В 1922 г. крестьяне победили в своей революции, о которой писали В. П. Данилов и его единомышленники и которая длилась 20 лет. Неполное 10-летие НЭПовского рынка – это, конечно не то время – да и не тот рынок. Но нельзя отрицать, что к началу коллективизации община на локальном уровне ослабла – расслабилась после огромного напряжения всех своих ресурсов сопротивления царизму, а также «демократии» (Временное правительство) и «военному коммунизму».

Одним из факторов, способствовавших этому расслаблению, было, безусловно, и то ощущение, о котором здесь много говорилось, что с начала 1920-х гг. Советская власть – это *своя* власть, мужицкая.

Столкновение укрепившегося сталинского политического режима и расслабившейся общины было неизбежным. Произошло это чисто по-русски: рубить – так с плеча. Община рухнула – причем, как и Храм Спасителя, не с первой попытки, а – после «Головокружения от успехов» – со второй. Все общество, образно говоря, было с головой завалено обломками этого гигантского разрушения, и кроме этих обломков другого материала для строительства светлого будущего не было. Поэтому и ничего другого нельзя было построить, кроме как гигантскую общину всесоюзного масштаба во главе с Всесоюзным старостой (формально) и мужицким царем, скорым на расправу со всеми теми, «кто не с нами».

Я начал писать обо всем этом еще тогда, когда прочитал у М. Л. Левина, что социальную основу сталинизма составляли коллективизированные крестьяне в деревнях и урбанизированные крестьяне в городах. Его

книгу «Русские крестьяне и Советская власть» мы обсуждали на заседании семинара «Современные концепции аграрного развития» 20 лет назад. Тогда одним из лейтмотивов обсуждения была потенциальная историческая альтернатива политике коллективизации. Сегодня эта постановка вопроса даже не прозвучала – очевидно, этот, в общем-то плодотворный, метод исследования политики сталинизма потихоньку себя исчерпывает.

Очень важные выступления М. М. Кудюкиной и И. В. Гончаровой помогают лучше понять сложную проблему той специфической сопряженности, которая существовала между реальной социально-психологической ситуацией в НЭПовской деревне, идейно-политическими мероприятиями партии и грядущей сталинской коллективизацией. Конечно, кулаков в деревне было на порядок меньше, нежели оказалось впоследствии раскулаченных; да и взгляд на кулака изнутри деревни и с уровня партийной идеологии обнаруживал существенные различия.

Но важен сам факт заинтересованного участия крестьян в дискуссии «Кого считать кулаком, кого – тружеником», которая велась на страницах «Крестьянской газеты» в 1924–1925 гг., как и тот факт, что только в эту газету в 1923–1933 гг. пришло из села порядка 5 млн писем. Крестьяне в письмах «наверх» активно размышляли, «как нам обустроить Россию». И в этих проектах явно прочитываются черты векового коммунального обустройства жизни подавляющего большинства населения страны.

В. Б. Безгин: Сегодня поднята очень важная в методологическом плане тема соотношения политики власти по преобразованию страны, в ее большевистском варианте и судьбы традиционного социума России – крестьянства. В ходе обсуждения были выдвинуты принципиально новые подходы, которые требуют глубокого и неторопливого осмысления.

Если же говорить о тех суждениях, которые вызваны настоящим обсуждением, то хотелось бы поделиться с уважаемыми коллегами следующими соображениями.

Судьба крестьянской поземельной общины в России является одной из дискуссионных проблем современной отечественной историографии. Куда девалась община? Она устояла под натиском столыпинских реформ. 1917–1920 гг. – период, когда уравнильно-распределительные функции общины проявились максимально в ходе аграрной революции и раздела бывших частновладельческих земель. Тогда же общинная взаимопомощь оказалась незаменимой в условиях военно-коммунистической диктатуры. Историки сходятся на том, что в 1920-е гг. роль общины в хозяйственной и культурной жизни деревни также была высока. Коллективизация сельского хозяйства подвела под историю общины черту. Видимое отсутствие предпосылок для этого привело исследователей к точке зрения, что советская власть «отменила» общину, которая была «отброшена за ненужностью». Столетиями существовавший институт самовоспроизводства и самосохранения крестьянства оказался упразднен большевиками за какие-то 2–3 года.

На мой взгляд, судьба крестьянства в Советской России была напрямую связана с существованием общины. Ее уничтожение (а точнее, замена советской системой) и стало для власти первым шагом в борьбе с крестьянством. Если это признать, то становится объяснимо отсутствие сопротивления сталинской коллективизации. Во всех случаях открытой конфронтации деревни и власти, будь-то аграрные беспорядки начала XX в., «черный передел» 1917 г. или крестьянская Вандея гражданской войны, консолидирующая роль и организующая сила общины были очевидны.

Чтобы понять трагедию деревни периода коллективизации, следует уяснить логику действия коммунистической власти в 1920 гг. Здесь уже говорилось о том, что принятие Земельного кодекса 1922 г. стало победой

крестьянской революции, но я бы добавил «пирровой победой». Земельный Кодекс оставлял право перераспределения земельных участков за общиной, но ограничивал возможности его применения. В Земельном кодексе отсутствовало указание, что первой инстанцией при разрешении любых земельных споров является сход земельного общества. Сельский сход юридически в советском законодательстве вообще не существовал. Основанная на обычае практика регулирования вопросов землепользования в общине передавалась государству.

В свое время О. Ю. Яхшияном была высказана точка зрения, что в деревне 1920-х гг. работали советские должности, соответствующие традиционным должностям общинного самоуправления. Там, где сельсовет не мог быть замещен общиной, он фактически не существовал. Однако работали не должности, работали функции общины. Причем функции настолько важные, что они закреплялись и институализировались в виде должностей. Функции общины и социалистического государства совпадали, поэтому должности мирского самоуправления включались в государственный аппарат.

В том, что собрание сельсовета и сход сельского общества для крестьян были равнозначны, следует видеть причину быстрой советизации России в первой половине 1918 г. Советизировалась община. Предположительно, по той же причине оказался неустойчивым институт земств. Принципы формирования советов по производственному признаку и соединения законодательной и исполнительной властей соответствовали общинной организации. Практика советов соответствовала их идеальному типу. В историографии подчеркивалось неоднократно, что советы не являлись выдумкой большевиков, эта идея была ими подхвачена и использована.

Во второй половине 1920-х гг. отмечался отход от закрепления и воспроизводства внутриобщинных отношений в институте сходовой демократии, значение которой начинает стремиться к минимуму. Процедуры,

нормы и правила формализуются не в демократических институтах, а в институтах исполнительной власти. Рост экономики и переход к индустриальному обществу приводил крестьянское хозяйство к потребности адекватной реакции. В данном случае важна не принципиальная способность/неспособность общины к нововведениям, а скорость, с которой крестьянин адаптируется к изменению условий среды. Функции общины усложняются, специализируются, происходит рост степени их формализации в системе статусов и ролей, чему способствовала стремительная бюрократизация государственного аппарата.

«Общие начала землепользования и землеустройства», утвержденные ЦИК СССР 15 декабря 1928 г., передавали руководство работой земельных обществ сельским советам. В контексте всего вышеизложенного, сомнительно, чтобы эта мера была каким-то насилием над крестьянством. Законодательство только оформило стихийный процесс перехода общинных функций к структурам государственной исполнительной власти.

Природа сталинизма и Советской власти есть явление чисто русское, иначе трудно найти объяснение такой удачной интеграции общины и государства. Нельзя сказать, что сельсовет или колхоз заменили собой общину, слишком грубым будет утверждение, что общину заменило государство. С переходом к индустриальному обществу и разрушением сельского патриархального уклада функции общины размывались по общественным институтам, в частности, переходили к административному аппарату.

А это было уже полным поражением общины, а с ней и русского крестьянства в целом.

А. В. Чертищев: Крестьянская составляющая отечественной истории всегда была уникальным объектом научного интереса как российских, так и зарубежных историков, в том числе и такая ее проблема, как взаимоотношения этого социального слоя с властью.

Предмет обсуждения требует определения понятийного аппарата. Мы предполагаем, что далеко не всякий, кто работает на земле – крестьянин. Необходимым условием крестьянственности является единство работника с природными условиями производства – собственность на землю, и особая социальная организация – община. Именно на разрушение этой организации и лишение крестьян их собственности и была направлена коллективизация – финальный раунд выяснения в русской истории взаимоотношений между властью и крестьянством.

Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанные на тотальном насилии и тотальной лжи. Суть сталинизма в убеждении: не так важно, что люди себе мыслят, а важно то, что они должны мыслить и делать.

Пожалуй, ни одному социальному слою российским государством не уделялось столь пристального внимания, как крестьянству. Коллективизация была четвертой аграрной реформой за 70 лет, третьим преобразованием села в XX в.: Великая реформа 1861 г., столыпинская реформа, аграрная революция 1917–1918 гг. Можно сказать, село привыкло не к покою и устойчивой жизни, а к постоянным переменам. За это время и по настоящий день взаимоотношения власти и крестьянства обросли невероятным количеством мифов.

Наиболее далеки от реальности взгляды об особом коллективизме крестьянина – природного общинника – и распространении основ его на всю российскую цивилизацию. Община как свободное трудовое сообщество в прошлом и ее исследования показывают, что в фундаменте ее экзистенции лежат противоречивые тенденции: стремление к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимость постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований», то есть перманентный передел. Однако саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях: как ни парадоксально, они были лишь разными проявлениями одной сущности. Факты российской истории убедительно

свидетельствуют, что традиционная крестьянская община уже во второй половине XIX в. находилась в стадии разложения в экономическом, политическом, социальном и духовно-нравственном отношениях, сохраняя ограниченный административный ресурс, но задыхаясь от навязанных ей государственно-фискальных функций и перенасыщенная мироедским насилием.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что субстанция общины тоже менялась: она становилась более открытой миру, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации, и, в первую очередь, кооперацию. Не исключено, что община трансформировалась в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской современности, в нечто в духе Чаянова–Кондратьева, пока в 1929 г. ей не «сломали хребет». Человеческая цивилизация выработала лишь два типа коммуникативных связей: власть-подчинение и свободное взаимодействие. Поэтому подлинный коллективизм возможен только в свободном обществе, а не под давлением государства. В силу данных обстоятельств, вполне справедливым выглядит утверждение В. П. Булдакова, что русский человек не коллективист, а антиколлективист, не индивидуалист, а антииндивидуалист.

По нашему мнению, более осторожно следует относиться к треугольнику: *бессмысленный и беспощадный крестьянский бунт – бессмысленная и беспощадная власть – бессмысленная и беспощадная эпоха*. Делая акцент на общинной природе русского патриархального сознания, на общинном «мы», консерватизме крестьянства, его предубеждению к всякого рода новшествам, изменению социально-экономического положения, хозяйственного уклада жизни, некоторые историки безосновательно считают крестьянство главной угрозой советскому строю. Согласиться с этим – значит признать, что Сталин правильно поступал, стараясь свести со света это сословие, якобы мешавшее строительству нового общества в России.

Диалектику же в отношении крестьянства к государственной власти можно представить следующим образом. Да, крестьянин в России всегда нуждался в крепком государстве, в крепкой власти, видел в ней защитника. Его представления о Грозном Царе – Спасителе и Защитнике (но не исключительно Насильнике!) общеизвестны. Но это только одна сторона медали. Другая, не менее важная, состоит в том, что сам крепкий, дельный крестьянин не любит участвовать в организации государственного дела, тем более в распоряжениях власти на свое хозяйство. Так было всегда на протяжении веков.

Вызывают сомнения и утверждения, что советская власть имела прочную опору в деревне, что крестьянство приняло ее как свою. На наш взгляд, речь может идти только о практической адаптации сельского мира к новой реальности, но не о вере новой власти. Человек, который привык всю жизнь планировать, соизмерять, который имеет постоянный контакт с веществом жизни, с землей – с конкретным – никогда не поверит, что в один день можно перевернуть мир, а земля, запряженная в узду государственных декретов, начнет плодоносить без перерыва и без отдыха, как крольчиха. Нельзя не согласиться с точкой зрения, что крестьянин не знает, не понимает, что такое закон природы. Да, он, наверное, не чувствовал закон как необходимость, пробивающуюся через стихию, но он чувствовал закон как объективный предел, как то, через что не дано переступить никому, даже Богу.

Что такое ленинское (1919–1920 гг.), а потом сталинское огосударствление аграрного сектора, коллективизация? Ответ на этот вопрос дал Г. В. Плеханов. Он еще в 1907 г. на V съезде партии в полемике В. И. Лениным по поводу аграрной программы РСДРП с блеском доказал, что социализация земли и крестьянского труда в России будет новым изданием крепостного права в России, возвращением к барщине, где помещиком будет коммунистическое государство.

Как идею наследования, возвращения на круги своя воспринимали новую систему и сами колхозники, которые (и сегодня об этом говорилось) расшифровывали аббревиатуру «ВКП (б)» как «Второе Крепостное Право (большевиков)».

А. М. Никулин: Сегодня были еще раз переосмыслены и поставлены ключевые вопросы темы «Сталинизм и крестьянство». Они связаны с целым рядом понятий, которые, так или иначе, звучали в выступлениях участников сегодняшнего заседания. Прежде всего, речь идет о таком продукте взаимодействия власти и крестьянства как колхозы и колхозная система.

А. В. Гордон дал своеобразную характеристику колхозной системы как, прежде всего, системы управления крестьянами. Думаю, что мы еще более подробно обсудим эту его характеристику. Безусловно, важное значение имеет и вопрос о расслоении русского крестьянства, затронутый сегодня в нескольких выступлениях.

На мой взгляд, очень интересной является предпринятая сегодня в ряде выступлений попытка рассмотреть проблему сталинизм и крестьянство сквозь призму геополитических и геоэкономических процессов 20–30 гг. прошлого века, а также связанной с этими процессами, борьбы за власть в руководстве ВКП (б) того времени. Сегодня много интересного было сказано Сталине и о феномене сталинизма. В связи с этим хочу вспомнить процитированные в свое время Т. Шаниным строки одной из редакций стихотворения О. Мандельштама: *Мы живем, под собою не чуя страны, / Наши речи за десять шагов не слышны. / Только слышно кремлевского горца – / Душегуба и мужикоборца...*

Так вот я бы назвал Сталина – великим «мужикоборцем» или «крестьяноборцем», а сталинизм бы определил как «мужикоборизм» или «крестьяноборизм». Интересное определение сталинизма дал в своем выступлении С. Ю. Разин. Мне кажется, оно бы очень понравилось Сталину. Это определение, на мой взгляд,

точно выражает суть сталинизма. По словам Разина, сталинизм – это попытка проведения модернизации в условиях незавершившейся гражданской войны. Если Троцкий был идеологом перманентной революции, то Сталин – это идеолог перманентной гражданской войны.

В завуалированной форме это проявляется в известной формуле об обострении классовой борьбы в период строительства социализма. На мой взгляд, эту знаменитую формулу можно смело назвать формулой перманентной гражданской войны...

С. Ю. Разин: Я не стесняюсь такого сходства, поскольку не вижу в сталинском тезисе ничего из ряда вон выходящего. Если перевести это сталинское высказывание с политико-идеологического языка того времени на язык современных макросоциологических и макроисторических теорий, то получится, что Сталин констатировал факт, согласно которому по мере углубления процесса модернизации растет сопротивление традиционалистских социальных слоев, для которых модернизация представляет смертельную угрозу.

Я считаю, что индустриализацию и коллективизацию, с одной стороны, следует рассматривать как финал начавшейся в 1902 г. крестьянской войны, в ходе которой крестьянство боролось за самосохранение против наступавшего индустриализма, а с другой стороны – как финал тысячелетнего противостояния государства и крестьянства, государственного централизма и общинного локализма. В этой связи хочу вспомнить известного американского социолога Б. Мура, которого ну уж никак нельзя назвать сталинистом. В качестве одного из типов революции он выделял так называемые крестьянские революции, которые, по его мнению, носят антимодернизаторский характер и ведут к ретрадиционализации общества, то есть к воспроизводству традиционалистских социальных отношений и институтов. Говоря о таких революциях, он сказал, что они рождаются не из победного клича восходящих классов, а из

предсмертного рева тех классов, над которыми вот-вот сомкнется волна прогресса.

Так что еще раз хочу сказать, что ничего предосудительного в сталинском высказывании не вижу, и сходства одного из положений моего выступления с этим сталинским высказыванием я не стесняюсь.

А. М. Никулин: «Предсмертный рев побежденных волнами прогресса...» – эта музыка всегда ласкает слух вождей «победного клича восходящего класса». Сегодня ликующий Троцкий выбросил кого-то на свалку истории – завтра он сброшен туда же, хрипит, побежденный, с ледорубом в затылке...

Иосиф Виссарионович Сталин был, безусловно, прогрессист-модернизатор-победитель. Но как утверждает неканоническое евангелие: «Победа есть истина подлецов». Поэтому предлагаю искать истину не только с победоносной точки зрения прогресса гражданских войн, но и с других точек зрения...

С. Ю. Разин: Уважаемые участники семинара, спасибо всем за участие в третьем заседании постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – Международном круглом столе «Сталинизм и крестьянство».

Мы надеемся вернуться к обсуждению этой темы и провести Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство». Приглашаем к участию всех коллег!

* * *

Таким образом, на круглом столе (в рамках третьего заседания семинара) в ходе дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как феномен сталинизма (генезис, сущность, смысл и значение в истории России); XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны; цивилизационная специфика российской модернизации; Традиция и Модерн в мировой истории XX в.; власть и крестьянство в отечественной

системе взаимодействия государства и общества; расслоение крестьянства: мифы и реальность; причины краха НЭПа; колхоз и община: общее и особенное.

Участники круглого стола приняли решение о продолжении состоявшейся дискуссии и договорились о том, что в рамках четвертого заседания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации») состоится Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство».

Подготовили к публикации: *П. П. Марченя, С. Ю. Разин*

**Иосиф Сталин как крестьянский царь:
Второй Международный круглый стол
«Сталинизм и крестьянство»
(Заседание № 4 теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой
истории»)**

4 октября 2013 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» в г. Коломна на базе Московского государственного областного социально-гуманитарного института состоялся Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» (преимущественно продолживший дискуссии Первого Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство», проходившего в Москве, в рамках заседания № 3 постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» 22 мая 2012 г. на базе Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Таким образом, круглый стол «Сталинизм и крестьянство–II», организованный в формате заседания № 4 теоретического семинара «Крестьянский вопрос...» в ходе IV Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.» (Коломна, 3–5 октября 2013 г.), вновь был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы «Сталинизм и крестьянство» как исключительно значимой проблемы исторического развития России в XX в.

Как и на предыдущих заседаниях, «крестьянский вопрос» в таком контексте рассматривался как

основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены главные конфликты российской истории.

Участникам круглого стола/заседания семинара были предложены к обсуждению следующие темы:

- *Место и роль крестьянства в истории империй: Восток, Запад, Россия;*
- *Крестьянский вопрос и цивилизационная специфика реформ и революций в России;*
- *«Раскрестьянивание» и «окрестьянивание» в истории России;*
- *Феномен сталинизма в контексте крестьянской социальной утопии.*

Наряду с подготовкой индивидуального выступления по одному из конкретных сюжетов, каждому участнику также было предложено кратко сформулировать свои варианты ответов на три центральных теоретических вопроса круглого стола:

1) Насколько феномен сталинизма связан с особенностями российского крестьянства и природой «крестьянского вопроса» в отечественной истории? Как можно оценить политику сталинского режима в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России?

2) Насколько Советская империя было чужда по отношению к крестьянской общине – и насколько она воспроизводила традиционные черты общинной модели? В какой связи находились процессы «окрестьянивания» и «раскрестьянивания» в истории советской России?

3) Насколько крестьяноведение представляется продуктивным в контексте современного россиеведения вообще – и осмысления феномена сталинизма в частности? Какие объяснительные схемы, трактовки и подходы в исследовании этой проблемы наиболее перспективны?

В итоге, в дебатах круглого стола приняли *активное участие 30 ученых 3 государств:*

– *России* (Брянск, Мичуринск, Москва, Казань, Кемерово, Коломна, Новосибирск, Новочеркасск, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск);

– *Украины* (Днепропетровск, Кривой Рог, Черкассы);

– *Беларуси* (Минск).

В дискуссии участвовали (сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения заседания семинара, участники перечислены в алфавитном порядке):

1. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; первый заместитель председателя Правления Центрального совета Российской общества историков-архивистов; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ру», «Вестник архивиста.com» **И. А. Анфертьев** (Москва);

2. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Бабашкин** (Москва);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **В. Б. Безгин** (Тамбов);

4. кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук **С. В. Беспалов** (Москва);

5. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и отечественной

истории Южно-Российского государственного технического университета **В. А. Бондарев** (Новочеркасск);

6. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь; главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук (отдел Восточно-европейских исследований); член Международного совета Российской академии наук по сравнительному изучению цивилизаций (от Республики Беларусь) **О. Г. Буховец** (Минск);

7. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской академии наук **А. В. Голубев** (Москва);

8. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук **А. В. Гордон** (Москва);

9. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **С. А. Есиков** (Тамбов);

10. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **М. М. Есикова** (Тамбов);

11. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **В. В. Зверев** (Москва);

12. доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, главный

редактор всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири» **В. А. Ильиных** (Новосибирск);

13. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета **М. В. Казьмина** (Кемерово);

14. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета **В. В. Кондрашин** (Пенза);

15. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальной собственности и гражданско-правовых дисциплин Черкасского национального университета имени Б. Хмельницкого **С. В. Корновенко** (Украина, Черкассы);

16. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии **В. В. Кулачков** (Брянск);

17. кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Истории Отечества Ульяновского государственного университета **Н. В. Липатова** (Ульяновск);

18. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории и мировой политики Казанского (Приволжского) Федерального университета **Д. И. Люкшин** (Казань);

19. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Российского государственного гуманитарного университета, автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **П. П. Марченя** (Москва);

20. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной

деятельности Национальной металлургической академии Украины **А. В. Михайлюк** (Украина, Днепропетровск);

21. кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета **В. П. Николашин** (Мичуринск);

22. заместитель ректора по воспитательной работе, доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий, автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» **С. Ю. Разин** (Москва);

23. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Криворожского педагогического института Криворожского национального университета **Н. Р. Романец** (Украина);

24. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова **В. Я. Романченко** (Саратов);

25. кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук **В. М. Рынков** (Новосибирск);

26. доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета **А. П. Скорик** (Новочеркасск);

27. старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Тамбовского филиала Академического правового института **Н. В. Токарев** (Тамбов);

28. кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан **И. И. Ханипова** (Казань);

29. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России **А. В. Чертищев** (Москва);

30. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института **А. И. Шевельков** (Коломна).

Мы предлагаем вашему вниманию материалы четвертого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – Второго Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство» (*публикуются впервые*).

С. Ю. Разин:

Добрый день, уважаемые коллеги! Я рад приветствовать Вас на II Международном круглом столе «Сталинизм и крестьянство», который проходит в рамках IV Международной конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.» – и одновременно – четвертого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». В свою очередь, теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является отдельным направлением научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

В начале, как координатор этого проекта, я буквально несколько слов позволю себе сказать о его истории. Здесь присутствует мой друг, товарищ, соавтор и организатор проекта – Павел Петрович Марченя. Здесь также присутствуют многие замечательные ученые, которые являются постоянными участниками наших мероприятий. Наш проект возник в 2009 г. На сегодняшний день в его рамках проведено четыре международных круглых стола («Народ и власть в российской смуте», «Крестьянство и власть в истории России XX века», «Сталинизм и крестьянство», «Россия и постсоветское пространство:

проблемы и перспективы»). Если вернуться к круглому столу «Крестьянство и власть в истории России XX века», то надо сказать, что его главным итогом стала идея создания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Сегодняшнее мероприятие – II Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» – является IV-м заседанием данного семинара. Предыдущие заседания семинара мы проводили совместно с Центром аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и на его технической базе. В настоящее время мы проводим этот семинар автономно.

Почему мы решили обратиться к этой теме? Почему такой большой тематический разброс в рамках нашего проекта? Мы исходим из того, что Россия была, есть и будет Империей. Для нас принципиально важно понимание природы и механизма имперских системных кризисов и их преодоления, регенерации Империи. Мы всегда посвящаем наши мероприятия предельно дискуссионным темам – и делаем это сознательно. И сегодня мы осознанно вынесли на обсуждение вопросы, которые предполагают отнюдь не толерантную и не политкорректную дискуссию.

Постольку-поскольку сегодня нас собралось достаточно много, то прошу всех, кто будет выступать, сконцентрироваться на тех проблемах, которые обозначены в программе, и соблюдать регламент...

Теперь я бы хотел несколько слов сказать непосредственно по проблеме, которой посвящено наше сегодняшнее мероприятие. Попытаюсь сформулировать свой вариант ответа на вопрос, что такое сталинизм.

Я думаю, что приблизиться к пониманию этого феномена можно, только если рассматривать социально-политические процессы, происходившие у нас в стране в 20–50-е гг., в контексте всей отечественной истории и в контексте мировой истории первой половины XX в.

Если говорить о сталинизме в контексте отечественной истории, то, на мой взгляд, необходимо отметить следующее:

1) эпоха Сталина – это финал продолжавшегося на протяжении многих столетий противостояния государства и крестьянства, государственного централизма и общинного локализма;

2) коллективизация и индустриализация – это финал начавшейся в 1902 г. Крестьянской войны, в ходе которой крестьянство боролось за самосохранение против наступавшего индустриализма и в целом против модернизации;

3) гражданская война в России к 1922 г. не закончилась, а перешла из «горячей» фазы в «холодную», от открытого противостояния различных социальных сил – к скрытому, латентному;

4) в начале 20-х гг. в стране были две социальные силы, которые условно можно назвать победителями в гражданской войне – это большевистская политическая элита и крестьянство;

5) крестьянские антибольшевистских мятежи и восстания того времени (Кронштадтский мятеж, «Антоновщина», Западно-Сибирское восстание...), следует рассматривать не только и не столько как протест против продразверстки и политики военного коммунизма в целом, сколько как важнейшую составную часть Крестьянской войны против модернизации и государства как ее носителя – как попытку избавления от всякой (не только большевистской, а именно всякой) государственной власти и реализации крестьянской социальной утопии в масштабах всей страны (кстати говоря, это хорошо поняли бывшие враги большевиков – евразийцы и сменовеховцы, которые видели в большевиках носителей государственноческого начала, противостоявших анархической и локалистской крестьянской стихии, в полной мере проявившей себя в этих событиях);

6) судьба страны напрямую зависела от того, удастся ли установить своеобразный компромисс, некую равнодействующую между крестьянским сознанием и официальной идеологией, между государством и крестьянством, между городом и деревней;

7) сталинизм был воплощением и реализацией такого социокультурного компромисса;

8) суть той стратегии модернизации, которая была реализована в СССР в 1920–1930-е гг., заключалась в том, что модернизация проводилась в борьбе с крестьянством, но и одновременно – с опорой на него.

Если рассматривать данную проблему в контексте мировой истории и геополитики первой половины XX в., то, на мой взгляд, необходимо сказать вот о чем:

1) итоги Первой мировой войны не устраивали никого – ни победителей, ни, тем более, проигравших;

2) то, что Вторая мировая война не за горами, хорошо понимали все более или менее дальновидные политики стран, являвшихся в то время основными геополитическими игроками (кстати говоря, сегодня некоторые эксперты – и, на мой взгляд, не без оснований, – говорят о том, что Первая и Вторая мировая война представляют собой единую цепь событий – то есть это была одна большая Мировая война, длившаяся несколько десятилетий);

3) перед глазами большевиков был печальный опыт Первой мировой, которую внутренне разорванная, раздранная и неподготовленная к ней как следует Россия де-факто проиграла;

4) большевистские руководители хорошо осознавали, что без проведения модернизации, без создания мощного военно-промышленного потенциала страна будет обречена во Второй мировой войне на поражение;

5) перед партийно-государственной элитой встал вопрос о том, как подготовить страну к этой новой мировой схватке, как провести индустриализацию, модернизацию в условиях крестьянской страны;

6) к середине 20-х гг. завершается мировая революционная волна начала XX в. – и в связи с этим происходит крах надежд большевистского руководства на мировую революцию;

7) тем самым большевики лишились потенциальных союзников («европейский пролетариат», «национально-освободительное движение народов Востока...»), на помощь которых в борьбе с внутренней «крестьянской стихией» они рассчитывали ранее...

Исходя из сказанного, я считаю, что под сталинизмом следует понимать политику проведения модернизации в условиях не закончившейся гражданской войны и краха надежд на мировую социалистическую революцию, вызванного завершением мировой революционной волны начала XX в.

Итоги сталинской модернизации далеко не однозначны. Сегодня можно говорить о том, что раскрестьянивание России, то есть исчезновение крестьянства как особого социального класса, привело к окрестьяниванию страны, проявившемуся в форме массового переселения в города бывших крестьян и перенесения ими в городскую среду традиционалистской крестьянской ментальности, которая во многом и сегодня предопределяет специфику массового сознания, политической и правовой культуры россиян.

На этом завершаю вступительную речь и предоставляю слово Павлу Петровичу Марченя.

П. П. Марченя: Я тогда тоже хотел бы сразу пояснить лично свою позицию как соавтора и редактора этого проекта.

Я далек от идеализации сталинизма, но предлагаю в рамках нашей дискуссии все-таки попытаться посмотреть на Сталина не с той стороны, которая считается хорошо изученной (то есть на Сталина как «крестьяноборца», как мучителя и гонителя крестьян), а на Сталина как на крестьянского царя... или, может быть, даже крестьянского вождя. В таком смысле сталинизм можно рассматривать как

исторически конкретный вариант системы взаимодействия власти и общества между Первой и Второй мировыми войнами, когда действительно происходила беспрецедентная, невиданная никогда и нигде модернизация, в условиях настолько жестоких вызовов, с которыми крестьянская Россия (даже Россия!) раньше еще не сталкивалась. Действительно, отовсюду тогда пахло порохом, кровью, железом – и снаружи, и изнутри. А сталинизм симметрично отвечал на эти беспощадные вызовы беспощадного века – и решал конкретные задачи. Насколько эффективно – это другой вопрос, насколько гуманно – это снова другой вопрос, уже третий.

Но, тем не менее, у проблемы взаимоотношения сталинизма и крестьянства есть плохо осмысленная в русской истории сторона. И это не просто «бессмысленная и беспощадная власть» как органичный противовес «бессмысленному и беспощадному бунту», его адекватная обратная сторона (о чем мы уже говорили еще на первом «сталинистско-крестьянском» круглом столе). Ведь одновременно с раскрестьяниванием на самом деле происходило окрестьянивание всей страны. Посмотрите: была построена огромная государственно-крестьянская община – мегаобщина. Все российское/советское государство базировалось на принципах общинной этики. Что такое всеобщие (мегаобщинные) регламентация жизни, демократический централизм, авторитарный коллективизм, тождество прав и обязанностей, синкретизм, монархизм, патернализм, эгалитаризм..? Организация всего общества на принципах «служилого государства»; сакрализация фигуры Государя (так называемый «культ личности» – в его взаимодействии со специфической «соборностью»); культ социальной справедливости; приоритет обычая, справедливости и целесообразности над писаными законами и другими нормативно-правовыми актами; поиск «врагов народа» и мобилизация народа на основе совместного противостояния общему врагу; стремление навалиться «всем миром»; антибуржуазность, антисобственничество и

антииндивидуализм; представление о возможности заслужить рай/«Светлое будущее» мученичеством и/или войной с «неверными»; милость к страдальцам-труженикам и искупление, мучение для неправедных; «непримиримые» православно-коммунистические «христианские»/«крестьянские» максимализм и бескомпромиссность в решении задач, жизненно (или смертельно) значимых для всего общества (общины/государства)... даже государственный календарь выходных и праздников... – все это было согласовано с общинной моделью, с социокультурными параметрами крестьянского «мира». «Коммунистическая Россия» – вполне можно перевести как «общинная Россия». И, наоборот. Да, это государство базировалось на архаических координатах «свой – чужие» – и таким образом строило и внутреннюю, и внешнюю политику. Да, это государство стремилось к «тотальности» – к целостности организации всех сфер жизни, к согласованности поведения всех своих членов с общими, базовыми установками и ценностями. Но разве это не по-крестьянски?

Поэтому мне кажется, что вот эта вот стереотипная оценка сталинизма исключительно как крестьянской трагедии носит уж слишком односторонний характер. И было бы, даже хотя бы с научно-эвристической точки зрения, полезно поговорить иначе. Опять же, если мы определяем сталинизм как исторически конкретную форму диалога государства с крестьянством, то и на крестьянство можно посмотреть иначе. Это... Отойду от классических определений крестьянства, которые всем известны и которые связаны с типом хозяйства, формой производства, принадлежностью к определенной местности, сословию и т. д. Крестьянство в России – это, прежде всего, носитель определенных ценностей, ценностей вполне конкретных. Крестьянство – это не столько участник определенного хозяйствования, сколько носитель определенного сознания. Причем сознания не столько индивидуального и группового, сколько – применительно к крестьянской России в целом – общественного сознания. И сознания массового, если под

ним понимать реальную, практическую, активную жизненно-ситуативную ипостась общественного сознания в условиях кризиса, перед лицом вызовов настолько значимых, что они делают несущественными различия между социальными группами и вызывают к действию такую архаическую социальную общность как масса (в этом смысле крестьянское сознание остается «матричным» для массового сознания в России и сегодня, особенно в системно-критических ситуациях реальных и потенциальных социальных катаклизмов – в смуте, войне, революции и т. д.). О характеристиках этого сознания мы вот и вчера долго говорили на секции, посвященной истории крестьянства в XX в., особенно по сюжетам, связанным с революцией 1917 г.

В таком смысле крестьянство и при Сталине оставалось не просто абсолютным большинством населения, но и субъектом истории, определяющим основные параметры государства и общества практически во всех его сферах. Изучение вот этих вот «крестьянских» («крестьянственных» или «крестьянско-сознательных», а то и «крестьянско-подсознательных», или даже «крестьянско-бессознательных») характеристик полезно, в том числе, и для системного осмысления современного протестного движения в России и на постсоветском пространстве. Не поняв эту глубинно-историческую связь, мы не поймем и того, что в очередной раз происходит с Россией сегодня. Не поймем и того, что будет с ней завтра.

По моему мнению, сталинизм как модель системного взаимодействия власти и общества вполне может быть рассмотрен в контексте крестьянской утопии – как, в каком-то смысле, «Ответ» на нее, и даже ее реализация. Те же «Православие – Самодержавие – Народность» (или «За Веру, Царя и Отечество») нашли свое воплощение в сталинизме?

А. В. Михайлюк: Несомненно.

П. П. Марченя: Да. Ну, вместо Православия – Коммунистическая идеология, квазирелигия. Вместо Самодержавия – Неосамодержавие, диктатура (в чем – для

крестьянина – принципиальная разница между Главой Церкви – Грозным Царем, ведущим «Русь Святую» к грядущему «Царствию Небесному» – и Главой Партии – Грозным Секретарем, ведущим «страну победившего социализма» к неминуемому Светлому Будущему?). Вместо Народности – ну, Советскость, Партийность – как хотите. В общем-то, триада официальной «Русской Идеи» была сохранена – и она по-прежнему оставалась почвенной. Монархизм естественный, крестьянский, нашел свое выражение в сталинизме? Да. Желание принадлежать к целому, вот это эсхатологическое ощущение причастности к некоей великой общности, которая не просто так существует, а творит историю – было это в сталинизме? Да. Легенда о «далеких землях», о Царе-освободителе, о Мужижком Царстве – все эти традиционные формы народной утопии были использованы властью как ресурс? Да.

В принципе, перечислять можно довольно долго, но я думаю, понятно, что идеологически и психологически между сталинизмом и крестьянством не так мало общего, как это принято изображать большинством аграрных историков и крестьяноведов. Даже если брать в социально-экономическом смысле... Ну как, например, можно осмыслить моральную экономику, если взглянуть на нее несколько иначе? Как готовность общины к насильственному перераспределению ресурсов в случае попыток чрезмерной автономизации каких-то индивидов за счет «мира» как целого. А что же такое в глобальном смысле происходило в сталинской мегаобщине? И что такое та же коллективизация? За счет крестьян воплощалась в жизнь крестьянская утопия – и крестьянство не только жертва, не только ресурс, но и главная опора. Как еще Г. П. Федотов говорил, крестьянство – базис, на котором высится колонна Империи, почва, на которой произрастают ее сады...

Мне кажется, что если мы честно попробуем поразмышлять, без вот этого очередного: а сколько кулаков, а сколько середняков, а сколько бедняков, а каково

количество пострадавших... А какова «цена» сталинских преобразований... Все аграрные историки... ну разве что только ленивый не попытался обыграть безумные, кошмарные цифры жертв сталинского режима. Но хоть кто-нибудь попробовал посчитать, каких жертв удалось избежать этой ценой?

В. А. Ильиных: Если бы да кабы...

П. П. Марченя: Ну да, если бы... конечно...

Но в общем, коллеги, мне кажется, что если мы все-таки попробуем поговорить о «сталинизме и крестьянстве» в таком вот контексте, то разговор этот может оказаться интересным. Конечно, дискуссионность и полярность здесь, безусловно, будут, но на то он и «круглый стол». Спасибо.

С. Ю. Разин: Я еще пару слов добавлю и скажу: коллеги, давайте терпимо относиться ко всем точкам зрения. Призываю Вас как ведущий отказаться как от крайностей историографически-публицистического сталинизма, так и от крайностей антисталинизма такого же рода. Что такое антисталинизм? Это ведь перевернутый сталинизм, это сталинизм со знаком «минус», это все та же привычная вера во всеислие власти. Только если сталинизм – это вера со знаком «плюс», когда с тем, кто воплощал в себе верховную власть, мы связывали все наши успехи и достижения, то антисталинизм – это тоже самое, только наоборот, когда полюс добра стал полюсом зла.

Я хочу предоставить слово патриарху крестьяноведения, активному участнику всех заседаний нашего семинара «Крестьянский вопрос...», хранителю академической традиции нашего проекта Александру Владимировичу Гордону.

А. В. Гордон: Сергей Юрьевич, я Вас ловлю на слове. Вы начали с того, что долой толерантность, а заключили призывом быть терпимее друг к другу. Я приветствую такой поворот дела. Мой подход гораздо более традиционный. В начале это действительно замыслы были Сергея Юрьевича [Разина] и Павла Петровича

[Марченя]. Я просто присоединился к ним, стремясь поддержать поисковый характер их проекта.

Но мне кажется, что необязательно выходить за пределы каких-то традиционных историографических схем, даже учитывая ту позицию, которую заявил Сергей Юрьевич насчет геополитического фактора. Можно поработать и в гораздо более привычных нам рамках.

Что я имею в виду? Я ставлю перед собой вопрос: что такое сталинизм? Мне кажется, сталинизм – это все-таки марксизм. Не знаю, как сейчас это звучит, но как-то я утвердился в этом мнении. Нет, я не хочу сказать, что сталинизм во всех отношениях был марксизмом. Скажем, в национальном вопросе очень спорно, что сталинизм – и в начале, и особенно в конце – был марксистским подходом. А вот в аграрно-крестьянском вопросе – по-моему, нормально. Это был марксизм эпохи реализации социалистического идеала, утопии, программы. Но это была и попытка воплотить в жизнь те замыслы, которые вынашивали не одно поколение российских, да и не только российских, революционеров – и когда они пришли к власти, то попытались это сделать.

Что тут выходит? Что, у Ленина было в принципе более терпимое отношение к крестьянству? Или НЭП – это был чисто прагматический вопрос? Я бы склонился ко второй точке зрения. Просто дальше, как говорится, ехать было некуда. Ясно, что страна вымирала. И тут не только стоит вопрос о спасении России, как говорит Сергей Юрьевич [Разин], а просто о спасении людей. Элементарная вещь...

С. Ю. Разин: А разве спасение России можно отделять от спасения людей?

А. В. Гордон: А это с какой стороны посмотреть. Или престол, или подножный корм.

С. Ю. Разин: На мой взгляд, это ложная постановка вопроса.

А. В. Гордон: Вы же предложили относиться терпимо. Так давайте до конца следовать этому предложению.

Отец мой, коммунист ленинского призыва, говаривал: «Ленин совершил одну ошибку. Рано умер». Хотя альтернативы произошедшего всегда надо иметь в виду, чтобы история не превратилась в апокалипсис, я не берусь предположить, какое бы продолжение НЭПа избрал этот подлинно гениальный, значит сверхсистемный и непредсказуемый исторический деятель.

Мы привыкли учить про ленинскую программу переустройства деревни. По-моему, так она называлась.

В. А. Ильиных: Ленинский кооперативный план.

А. В. Гордон: Ленинский кооперативный план... Но ведь это были наметки, в сущности. Не было никакой целостной системы. На мой взгляд, но я могу ошибиться. Это были наметки. Наметки.

Из чего исходили Владимир Ильич и плеяда, которая была рядом с ним? В общем, отношение было, как вам сказать-то... Антикрестьянским его нельзя назвать, но то, что крестьянству не было места в этой социалистической стране – мне кажется, это определено. Ленин – надо отдать ему должное – был человек очень пронизательный, безусловно. Природу крестьянства он, может быть, раскрыл лучше, чем многие другие. Вот с этим тезисом о «двоедушии» крестьянском, о том, что крестьянин одновременно собственник и труженик... По-моему, он хорошо выявил эти тенденции в крестьянской среде. Хотя Ленин-то говорил, что они все слиты воедино, эти две души крестьянские. Но он был, определено, на стороне известной души.

Курс был на то, чтобы отнюдь не хозяйственника оставить на земле, а работника на земле, человека, не обремененного частной, общинной или какой-то еще собственностью. Это был сельхозработчик. То, что произошло – освобождение крестьянина от хозяйствования – это вполне подпадает под марксистские идеи, под социалистические установки.

Был ли Сталин врагом крестьянства или другом крестьянства – вопрос достаточно умозрительный. Мне кажется, когда говорят, – а это, Павел Петрович [Марченя], я к Вам обращаюсь, – когда говорят, что вот он был крестьянский вождь... Ну, что Пугачев что ли? – Или, извиняюсь [Разину], Ваш тезка или однофамилец – Разин? – Да нет, как-то не похоже на это. Ни один из них программу модернизации ведь не замыслил.

А в отношении к крестьянству, по-моему, необходимо различать две стороны дела. Воплощал ли сталинизм особенности крестьянской психологии и крестьянского сознания или манипулировал ими? Мне кажется, что чаще стоял вопрос именно о манипуляции. Да, большевики замечательно сманипулировали стремлением крестьянства поживиться за счет помещиков, этим тезисом экстенсивного хозяйствования, традиционного российского крестьянского хозяйствования, стремлением расшириться. Все это закончилось «черным переделом». Но «черный передел», между прочим, ударил не только по помещикам, но и по крестьянству. Он, как бумеранг, обернулся и против крестьянства и крестьянской собственности.

Но, с другой стороны, да – было и воплощение тоже, и крестьянство, если можно так сказать, адаптировалось к тем самым жестким методам обращения с ним, которые были применены властью при товарище Сталине. Действительно, сталинизм, воплощая, опять же, марксистские идеи, стал замечательным каналом вертикальной мобильности, в том числе и для крестьянства. Для крестьянства открылись такие дороги, которые до 1917 г. вряд ли можно было увидеть. Разные, конечно. Но этот фактор мы должны учитывать. В частности, конечно, НКВД, вот эти все структуры власти в значительной мере держались на крестьянстве, не только как на материальной базе, но и как на воплощении крестьянской традиции, в частности, на крестьянском отношении к интеллигенции. Очень-таки жестко оно проявилось тогда, когда дошло дело

до террора, тогда вот эти крестьянские особенности и крестьянское отношение к городу проявились в полной мере.

Ну ладно. Я открываю дорогу дальнейшей дискуссии. Надеюсь, что она будет плодотворной.

С. Ю. Разин: Я предоставляю слово еще одному Александру Владимировичу – Александру Владимировичу Михайлюку. Сейчас скажу то, к чему никак не могу привыкнуть – нашему «гостю из Украины».

А. В. Михайлюк: Мне хотелось бы коснуться вопроса о концепции модернизации. Принято считать, что нет альтернативы модернизации. В целом модернизационной парадигме присуща позитивная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного. Хотя тезис, в общем-то, на мой взгляд, сомнительный.

Так или иначе, в концепции модернизации, как правило, противопоставляются традиционное (аграрное) общество и современное, модернизированное, индустриальное общество. Модернизация – это объективный процесс, который ведет к раскрестьяниванию. Основным содержанием модернизации в этом плане является гибель традиционного общества и ликвидация крестьянства «как класса». Некоторые авторы утверждают, что в России главное событие XX в. – это гибель деревни. Но процесс раскрестьянивания шел и на Западе. Там были гораздо более серьезные эксцессы, чем даже в периоды «голодомора» и сталинских репрессий. Достаточно вспомнить, например, «огораживание» в Англии.

Процесс индустриализации, процесс строительства Советской власти можно рассматривать как модернизацию. Но модернизация происходила особым путем. В научный оборот вошли выражения «консервативная модернизация», «антикапиталистическая модернизация» и т. п. Некоторые авторы пытаются свести раскрестьянивание к коллективизации или коллективизацию к раскрестьяниванию. Представляется, что, наоборот, это была попытка сохранить крестьянство именно как крестьянство. Коллективные формы

производства, несмотря на принудительность их внедрения и связанные с этим эксцессы, выступали не как средство разрушения, а именно как средство защиты крестьянства от тех трудностей, которые приносит крестьянину рыночная действительность. Преобразования в деревне, проводимые Советской властью, можно рассматривать не столько как «гибель деревни», то есть традиционного общества, а как его трансформацию, вызванную процессами модернизации, направленную на самосохранение и приспособление к новым условиям.

Собственно, ядро крестьянской культуры сохранилось. Колхозник – это крестьянин. Хотя, конечно, были какие-то страты, какие-то внутренние противоречия, как вчера говорилось в одном из докладов (они всегда имели место в крестьянской среде). Тем не менее, сохранился сельский социум, как социум межличностных отношений, как трансформированная община.

В этом плане сталинский период и коллективизация, в том числе – это был процесс не столько раскрестьянивания, сколько именно сохранения крестьянства, хотя и навязанными, жесткими, болезненными методами.

Сейчас мы видим, что реализуется противоположная тенденция, а именно: модернизация, которая приводит в итоге к полной гибели крестьянства. Я не знаю, как в России, но на Украине – это точно. Крестьянство – как класс, как сословие, как социальное явление – исчезает. Вот моя позиция.

Я бы хотел еще сказать по поводу Империи. Принцип Империи, на мой взгляд, – это принцип разнообразия. Империя задает единое пространство нормы, интегрирует отдельные этнические, территориальные и т. д. группы в единую систему. Представители различных культур получают возможность контакта между собой, коммуникации. Имперская культура впитывает в себя культуры входящих в империю народов. Россия действительно всегда являлась Империей, и она может

существовать как Империя. А что грозит империи? – Национализм – и в том числе российский национализм. Это разрушает Империю.

В. А. Бондарев: Хотелось бы поддержать прозвучавшее здесь мнение о том, что коллективизация не может быть сведена к раскрестьяниванию, как и раскрестьянивание – к коллективизации. Какие бы оценки мы не давали коллективизации, целостный подход к ее изучению дает все основания говорить о том, что это была политика, сочетавшая в себе целый ряд смыслов или направлений.

Возможно, Сталину коллективизация была нужна первоначально как мера, позволявшая без помех изымать хлеб у крестьянства, который в это время превратился, по его выражению, в «валюту валют» и использовался для финансирования индустриализации. Однако коллективизация стала и тем орудием, с помощью которого сталинский режим укрепил свои позиции в деревне, сильно сократив численность оппозиции и заставив крестьянство подчиняться власти; ведь, колхозы справедливо именуют также низовыми звеньями административной системы. Коллективизация стала одним из факторов культурной революции, что также очевидно, потому что колхозы за счет своих средств строили и ремонтировали школы, клубы и т. п. Наконец, коллективизация – это комплекс мер по модернизации сельского хозяйства. Конечно, здесь все было не столь однозначно, потому что на первых порах форсированная коллективизация и раскулачивание негативно повлияли на аграрное производство и даже привели к регрессу в сельском хозяйстве, что было заметно в самых разных регионах СССР, в том числе и у нас – на Юге России, на Дону, Кубани, Ставрополье. Постепенно, однако, колхозы позволили повысить эффективность сельского хозяйства.

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением о том, что коллективизация была попыткой сохранить крестьянство. Сталин и большевики, которые,

действительно, были, все-таки, марксистами, не могли ставить перед собой цель сохранить крестьянство. Ведь для марксиста идеал – промышленный рабочий, а крестьянин «погряз» в «идиотизме сельской жизни», как подчеркивается в «Манифесте Коммунистической партии». Коллективизация объективно была нацелена на раскрестьянивание, на превращение крестьян в колхозников, которые должны были максимально приблизиться к рабочим: достаточно вспомнить тракторки колхозов как «фабрик зерна». Другое дело, что процесс раскрестьянивания в СССР не был завершен и колхозники рабочими так и не стали, хотя и получали фиксированную зарплату (пусть и не в сталинские времена). Безусловно, колхозник гораздо ближе к крестьянину, чем к рабочему, однако цели законсервировать традиционного крестьянина в колхозах у большевиков не было.

В. А. Ильиных: Уважаемые коллеги! Начну сразу с марксизма и сталинизма. То, что называют «агроулагом», никакого отношения к марксизму не имеет. Сталин – марксист. И Ленин, и Сталин хотели построить социализм. Бестоварный социализм. Но у них не получилось, потому что крестьянство не захотело этого социализма. В итоге получился «агроулаг», который никакого отношения к марксизму не имеет. Последние остатки ленинского кооперативного плана были похоронены в 1932 г., когда ликвидировали сельскохозяйственную кооперацию, когда упразднили Колхозцентр, когда формально кооперативную контрактацию заменили обязательными госпоставками.

А. В. Гордон: Да, понятно.

В. А. Ильиных: Зачем оставлять какие-то рудименты ленинского кооперативного плана, когда его уже нет.

А. В. Гордон: Понятно.

В. А. Ильиных: Сталин строил социализм. В этом я абсолютно убежден. А. Грациози, выступая на международной конференции по сталинизму в Екатеринбурге (Международная научная конференция «История сталинизма: крестьянство и власть», 30 сентября –

2 октября 2010 г., Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина и др., на базе Уральского государственного университета имени А.М. Горького – *прим. ред.*) – удивлялся тому, что российские историки ставят знак равенства между сталинизмом и модернизацией. По его мнению, то, что происходило в СССР, было не модернизацией, а строительством социализма».

С. Ю. Разин: Сталинского социализма...

В. А. Ильиных: Да. А теперь я продолжу тему предыдущего оратора – и перекину мостик к той дискуссии, которая уже имела место на нашей конференции.

Татьяна Михайловна [Димони], Вы в своем докладе (речь идет о докладе на пленарном заседании IV Международной конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.» – *прим. ред.*) заявили про то, что в 1930-е гг. крестьяне одновременно раскрестьянились и превратились в пролетариат. Раньше в ваших работах с Михаилом Алексеевичем (Безниным – *прим. ред.*) подобных выводов не было. Я считаю, что раскрестьянивание – это длительный многомерный процесс, включающий в себя очень многие институциональные, демографические и т. п. процессы. Вот возьмите, например, Герасима из «Муму». Он стал дворовым, но оставался крестьянином. Вступление в колхоз, месячина, спецпереселения, каторга, еще что-нибудь подобное – сразу крестьянина в некрестьянина не превращают. Герасим потом ушел в деревню обратно, и, наверное, стал крестьянином. А если бы у него в городе родился сын (не от барыни, а от дворовой), то он уже был бы не крестьянином...

Теодор Шанин в свое время сказал, что социальные изменения на поколенческом уровне происходят через 40 лет. Почему первый всплеск крестьянской революции пришелся на 1902 г.? 40 лет тому назад отменили крепостное право. Через 40 лет пришло другое поколение, которое не знало крепостного права, а помещиков не считало своими бывшими хозяевами и т. д. Татьяна Михайловна вместе

с Михаилом Алексеевичем, в своих более ранних работах, посвященных проблеме раскрестьянивания, считали, что в советский период раскрестьянивание завершается где-то в 60-70-е гг. У Геннадия Егоровича Корнилова есть теория аграрного перехода. И он также считает, что качественные изменения в деревне произошли в 70-е гг. А 1970-е гг. – это 40 лет после начала массовой коллективизации. Я считаю, что раскрестьянивание окончательно произошло в России – в 1970-е. После этого крестьянства у нас не осталось.

Я в качестве критерия завершенности процесса раскрестьянивания рассматриваю невозможность обратной метаморфозы. Даже полностью лишенное средств производства крестьянство не перестает быть таковым, если, вновь обретя землю, сможет воссоздаться как класс, обладающий набором специфических институционных характеристик. Пример обратной трансформации дает китайское крестьянство, которое после ликвидации «народных коммун» и наделения земель (в форме аренды) снова вышло на историческую арену. Принципиально важное значение имело то, что китайские крестьяне использовали преимущественно простые орудия труда. Крестьянин, ведущий интенсивное хозяйство с помощью сложной сельхозтехники – это уже некрестьянин. Китайские крестьяне работали руками на рисовых полях до коммун, в коммунах, а потом вне коммун. То есть они вновь стали крестьянами.

В России точкой бифуркации являлся поздний сталинский период и начало хрущевского периода. Тогда, по моему мнению, была реальная возможность радикальной деколлективизации, обратной метаморфозы, превращения колхозников в крестьян. Однако эта возможность была упущена. И крестьяне окончательно превратились в некрестьян. К 1990-м гг. поезд ушел в этом смысле окончательно.

А. В. Михайлюк: Индивидуальное мелкотоварное хозяйство всегда низкорентабельно – и оно не могло выжить в этих условиях.

В. А. Ильиных: Я не о том. Я о раскрестьянивании. Понятно, что крестьянское хозяйство низкорентабельное, что оно рано или поздно должно уйти с исторической арены. В Китае после деколлективизации включился механизм капиталистического раскрестьянивания. Однако до этого китайское крестьянство оставалось крестьянством...

А. В. Михайлюк: А колхозники – не крестьяне?

В. А. Ильиных: Я считаю, что в 1930-е гг. колхозники оставались крестьянами. Раскрестьянивание – длительный многомерный процесс. Можно назвать этапы раскрестьянивания в советский период. Первый – это 1930-е гг. Второй начался в 1950-е гг. и завершился в 1970-е гг. В 1970-е гг. колхозник стал уже наемным государственным сельскохозяйственным рабочим. А вот в 1930-е гг. он оставался крестьянином. Потому что он мог вновь превратиться в крестьянина, совершить обратную метаморфозу. Т. М. Димони права, когда говорит, что в 1930-е гг. преобладала крестьянская традиционная культура.

Как я уже сказал, месячина не делает из крестьянина некрестьянина. Спецпереселение не делает из крестьянина некрестьянина. Раскрестьянивание в разных странах бывает разным и по методам и по срокам. У нас в России в целом оно завершилось в 1970-е гг. Думаю, что на Украине, в Белоруссии – то же. На счет Кавказа и Средней Азии я затрудняюсь сказать. Там своя специфика.

Я хотел бы еще остановиться на проблеме раскулачивания. Есть коллеги (например, Сергей Александрович Красильников, который работает у нас в Институте), утверждающие, что раскрестьянивание завершилось в 1930-е гг., и чуть ли не самым главным его фактором было раскулачивание. А почему большевики раскулачивание провели? Потому что они считали кулаков классом сельской буржуазии. Я так не считаю, и многие так не считают. Они были всего лишь стратой крестьянства, зажиточным крестьянством.

У меня есть табличка, которую я составил, по переписи 1916 г. по Томской губернии. В ней крестьянские хозяйства разбиты на 12 посевных групп. Каждая последующая посевная группа – без посева, и до 50 десятин – формируется более людными хозяйствами. Например, если на хозяйство без посева в среднем приходится 3,94 члена семьи, в том числе 1,81 трудоспособных, то на хозяйство, входящее в группу от 25 до 50 десятин – соответственно почти 13 членов семьи и 5,39 трудоспособных. Таким образом, зажиточное хозяйство – это прежде всего многолюдное хозяйство.

В то же время ряд исследователей считают, что раскулачивание привело к ликвидации самых трудоспособных крестьян. Все остальные были лодыри, а кулаки были самые работоспособные – и поэтому их раскулачили. Ничего подобного! Просто семья крестьянская проходила за свою жизнь путь от бедной до зажиточной, а затем после раздел снова превращалась в бедную. Виктор Петрович Данилова в своей книге приводит следующие слова пожилого крестьянина: «Был я – Григорий Егоров. Один сын женился – отделился, другой сын женился – отделился, стал я – Гришка» (*Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 252 – прим. ред.*).

Я не отрицаю, конечно, того, что в деревне были социальные аутсайдеры, типа бомжей. Они везде есть. Были и социально незащищенные слои. В Сибири – это беженцы времен Гражданской войны и поволжского голода. Если стольпинским переселенцам давали ссуду и они везли с собой часть имущества, то голодобеженцы приезжали вообще без имущества. На рубеже 1910–1920-х гг. советская власть им минимальную помощь оказала. Однако начался НЭП, бесплатная помощь закончилась и они остались бедными. Но, в отличие от бомжей, они не были бездельниками. И они, конечно, были в ряду тех людей, которые выступали за коллективизацию.

Таким образом, нельзя говорить о том, что так называемые кулаки были самыми трудоспособными и работающими. Большинство крестьян были такими.

А. В. Михайлюк: Еще в конце XIX в. вышла книга Романа Гвоздева «Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение»...

В. А. Ильиных: Для досоветского периода отчасти так и было. Я говорю о кулаках 1920-х гг., о которых писали и пишут в советской и постсоветской историографии. В постсоветскую историографию из советской историографии перешло характерное для нее представление о том, что кулаки – это класс сельской буржуазии.

И еще я хотел ответить на вопрос о том, какие методы крестьяноведения наиболее приемлемы. Все! Я уже как-то заявлял: «Пусть расцветают сто цветов – и теория капитализации, и теория «агроперехода», и другие теории. Обосновывая правоту своей концепции, мы спорим, обращаемся к архивам, что-то пытаемся доказать. Наука должна двигаться, она не должна быть единообразной и развиваться по единому алгоритму. При Советской власти мы это проходили. Если мы опять придем к какому-то единому – тоталитарному, антитоталитарному, сталинскому, несталинскому – к какому угодно – крестьяноведению, то мы опять превратимся в советских историков. Не дай Бог! Лучше пусть расцветает сто цветов!

А. В. Михайлюк: У меня возник один вопрос по поводу крестьянства, одна ремарка. Мне, например, приходилось встречать в Харьковском архиве такой документ: прошение на имя губернатора крестьянина такого-то, проживающего в городе Харькове, с просьбой о разрешении на открытие газеты. Крестьянина. По паспорту. В то же время мне приходилось встречать также такой документ: полицейское уголовное дело на потомственного дворянина, который участвовал в еврейских погромах, имел 3 десятины земли, жил вместе с крестьянами и был собственно крестьянином, но числился потомственным дворянином. И это не единичный случай.

Что такое крестьянство как явление? Социальный слой, класс... или юридическое какое-то определение? Вот это важный вопрос. Это, прежде всего, на мой взгляд, воображаемое некое сообщество, которому мы (исследователи, общество) приписываем определенные черты.

В. А. Ильиних: Я добавлю еще по поводу вертикальной мобильности крестьянства. Знаете, что давало еще до Советской власти крестьянам возможности вертикальной мобильности? – Кооперация.

А. В. Гордон: Экономические возможности.

В. А. Ильиних: Не только экономические. Они и в кооперативные начальники могли выходить.

С. Ю. Разин: Я хочу несколько слов добавить. Я не могу себя отнести к знатокам русской экономической науки конца XIX – начала XX вв., но именно в ней шла дискуссия о том, какой тип хозяйства предпочтителен – крупное хозяйство или мелкое. В конце XIX – начале XX вв. шел постоянный перебор вариантов. Собственно говоря, Столыпин попытался сделать ставку на крупное индивидуальное крестьянское хозяйство. Чем закончилась столыпинская реформа? Провалом. Я высказываю свою позицию. Много ли оставалось вариантов после того, как таким образом закончилась столыпинская реформа?

В. М. Рынков: То, с чего я хотел начать – как раз Сергей Юрьевич [Разин] к этому подошел. Это вопрос об альтернативах развития, которые перебирались еще до прихода большевиков к власти. Каким путем должен был развиваться аграрный сектор в России?

С. Ю. Разин: Как говорит Владимир Валентинович Бабашкин, поиск альтернатив – это любимая интеллектуальная забава русской интеллигенции.

В. М. Рынков: Совершенно верно. Я вот как раз хотел об этом напомнить. Тут говорили о марксистах, но мне кажется, что проблема-то стояла в гораздо более широких кругах. Либералы и народники, революционные и не только

революционные, немарксистские интеллигенты – все думали над этим вопросом.

В общем-то, в основном, российская интеллигенция склонялась к тому, что будущее российского сельского хозяйства – это переход от крестьянского хозяйства к крупным формам хозяйства, которые у нас потом было принято называть еще крупхозами, чтобы не уточнять, какая форма собственности, но подразумевая, что это должно быть все-таки крупное хозяйство, концентрирующее и капитализирующее большие средства, новые технологии и новую технику.

Давайте вспомним, что происходило в России в 1870-е гг. в народнической среде. А. Н. Энгельгардт, хорошо многим известный по своим «Двенадцати письмам из деревни» – вовсе даже не революционер-народник, а вполне умеренный народнический интеллигент, который пришел к тому, что ему необходимо было в рамках теории малых дел в деревне обучать и агитировать крестьян за коллективные хозяйства, в которых, как он думал, гораздо лучше и эффективнее можно будет себя реализовать.

Мне кажется, что водораздел лежал не по линии марксисты – немарксисты, а более широко. Прогрессисты (в смысле – сторонники теории прогресса) мыслили развитие сельского хозяйства именно в переходе к крупным хозяйствам. Туда попадали и многие либералы, и народники-немарксисты, и марксисты, как одна из составляющих этой прогрессистской концепции. К 1917 г. эта концепция абсолютно победила. Народники, доминирующие в земствах в 1917 г., делали ставку, конечно, не на жесткий вариант, как на рубеже 20–30-х гг., а на более мягкие формы строительства крупных муниципальных, негосударственных хозяйств, которые станут образцом для крестьян, чтобы они в будущем добровольно переходили вот в такие крупные хозяйственные объединения.

Так что, я думаю, даже если бы реализовался немарксистский вариант, то он бы развивался по пути перехода к крупным хозяйствам. Люди, которые

потенциально могли оказаться у власти, предполагали все-таки постепенное раскрестьянивание. Это первое.

Второе. Я тут согласен с Владимиром Андреевичем [Ильиных] в том, что раскрестьянивание – это многомерный, постепенный процесс. Конечно, когда на рубеже 1920–1930-х гг. большую часть крестьян загнали в колхозы – это был очень большой шаг по пути к превращению вчерашних крестьян в некрестьян, потому что колхозное крестьянство – это все-таки не классическое традиционное крестьянство. Но, безусловно, в своем сознании, поскольку это...

С. Ю. Разин: Извините, пожалуйста. У меня такой вопрос ко всем. Раз уж все равно у нас по традиции разговор опять скатывается в это русло, к разговору о коллективизации (то есть, мы гораздо более широкую тему сводим к разговору конкретно о коллективизации) – так давайте все-таки ответим на вопрос, конкретно сформулированный еще на Первом круглом столе «Сталинизм и крестьянство»: а коллективизация, сама по себе, – это был проект, чуждый русскому крестьянству?

В. М. Рынков: Думаю, да. Я думаю, что это один из вариантов продолжения того самого общего интеллигентского вектора перехода к крупным хозяйствам. Реализовался наиболее жесткий, экстремистский, я бы сказал, вариант этого прогрессистского перехода. Поэтому я думаю, что это была форма все-таки чуждая российскому общинному крестьянству. Но тут можно согласиться с тем, что раскрестьянивания в рамках одного поколения произойти не может. Они, с точки зрения производственных отношений, будучи колхозниками, перестали быть крестьянами, но как социум, с его ценностями, крестьянство, конечно, сохранилось, и очень многие общинные ценности на протяжении 1930-х гг. сохранились, и после войны они еще тоже сохранялись...

А. В. Михайлюк: И в 1950-е гг. они были.

В. М. Рынков: Поскольку у крестьянского социума очень высокий адаптивный потенциал. И вот здесь, возвращаясь к вопросу о цикличности во взаимодействии

власти и крестьянского социума в 1930–1940-е гг., нужно отметить, что цикличность эта происходила из одной важной особенности взаимоотношения власти и крестьянства. Сталинская модель была основана на сверхнормативном изъятии продукции из коллективизированных хозяйств. Это сверхнормативное изъятие все время должно было происходить по определенным правилам. Государство эти правила задавало. Крестьянский социум, обладавший высокими адаптивными способностями, на протяжении 2–3-х лет приспособивался к этим правилам. Они учились их обходить.

Завершенность цикла возникала тогда, когда государство приходило к выводу, что следует пересмотреть правила, придумать какие-то новые способы, блокирующие возможность обходить эти установки на сверхнормативное изъятие продукции. Появлялись новые правила. Они приводили обычно к кризису. Цикл голода, очагового или всеобщего. Потом крестьянство на протяжении нескольких лет выходило из этого кризиса и находило новые способы адаптации. И так на протяжении нескольких циклов.

М. М. Есикова: Несомненно, общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение, прежде всего, в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм собственности. В духовном мире и ментальности сельского общества и до революции и, тем более, после нее, не было той расколотости, которая характерна для обществ рыночной цивилизации. Общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти. Это в огромной степени облегчило повсеместное утверждение власти Советов.

Конечно, крестьянство даже в крайне неблагоприятные моменты противостояния политике военного коммунизма заставляло считаться с собой, о чем свидетельствовали постоянные маневры и готовность властей идти на уступки долговременного характера единоличной деревне. Особенно это проявилось на рубеже 1920–1921 гг., когда крестьянство превратилось в «осажденную крепость» по отношению к большевистской власти и вынудило ее осуществить маневр, выходящий за рамки традиционной политики военного коммунизма. Крестьянство расценило этот шаг властей как свою серьезную победу, дающую перспективу постепенного изменения стратегического курса центра. Уступки Советской власти весной 1921 г. перевели соперничество сторон в вопросе обустройства России на новый уровень (в сферу рыночной экономики) и в новые исторические условия – период долговременной «мирной передышки» (НЭП), наступившей после окончания Гражданской войны.

С. А. Есиков: НЭП никогда не был «крестьянским раем». Недоедание, голод в 1924-1925 гг., аграрное перенаселение – вот его постоянные спутники. Причины подобного явления лежали в низком уровне сельскохозяйственного производства, который, в свою очередь, определялся господством в деревне мелкотоварного индивидуального крестьянского хозяйства. Господствовавшие в годы НЭПа единоличные крестьянские хозяйства достигли предела своего развития с точки зрения товарности и потребностей начавшейся индустриализации СССР. Крестьянский менталитет, с одной стороны, и доктринальные установки, с другой, не давали рынку, как и НЭПу в целом, шансов утвердиться «всерьез и надолго». НЭП вводился с опозданием, фрагментарно, без твердых правовых гарантий. Само поле, выделенное НЭПу в целях восстановления, было принципиально половинчато. Национализация земли, монополия внешней торговли, краткосрочная аренда, частые земельные переделы, прогрессивная шкала налогового обложения (вместо

пропорциональных налогов) и многое другое – это такие тормоза, которые существенно снижали и ограничивали эффективность крестьянского производства и восстановительных процессов.

Государство взяло на себя непосильные функции связывания экономики в единое целое. В распоряжении государства было два регулятора: рыночный и властный, а постоянные кризисы развивались, как попытки вернуть обратно «уступленное НЭПу», усилить перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Ухудшение общих условий обмена между двумя отраслями народного хозяйства в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом говорило о неспособности, как общества, так и государства, разрешить назревшие противоречия.

Система, построенная на искусственно дешевом хлебе, неспособная разрешить главной проблемы – накопления капиталов для модернизации экономики, носила переходный характер. Она с неизбежностью должна была трансформироваться: либо, восстановив преемственность в экономической эволюции с дореволюционным временем через рост крупных товарных хозяйств, изменений найма-сдачи земли, рабочей силы и средств производства и т. д.; либо превратиться в более последовательную «экономику принуждения», что, в конечном итоге, и произошло.

Можно однозначно утверждать, что феномен сталинизма тесно связан с особенностями российской деревни. Основой сталинизма стал укоренившийся в ней патернализм. Социальную базу сталинизма в советской деревне составляла сельская бюрократия и часть поддерживавшей ее бедноты и середняков, особенно молодого поколения.

Феномен сталинизма доказывает, что в истории России огромную роль играл, и будет играть субъективный фактор, личность руководителя: царя, генерального секретаря, президента и т. д. Это связано с характером власти, централизованной и жесткой в силу исторической

традиции, порожденной объективными причинами (огромной территорией страны, многонациональным составом населения, фактором внешней угрозы).

Свой тиранизм Сталин унаследовал от аграрного прошлого, который давил на него всеми своими проявлениями с такой же силой, с какой приходилось преодолевать его в ходе индустриальных преобразований. Поэтому он неизбежно должен был воплотить в себе не только цезаризм российских императоров, но и вожизм народных масс.

С. Ю. Разин: Слово активному участнику большинства мероприятий проекта «Народ и власть...», ученому и редактору, постоянно оказывающему бескорыстную информационную поддержку нашему проекту с самого его начала, – Ивану Анатольевичу Анфертьеву.

И. А. Анфертьев: Уважаемые коллеги! Я попытаюсь обозначить некое свое видение вопросов, которые здесь определились. Я думаю, что в постсоветской историографии произошел некоторый перекося в сторону изучения политических аспектов сталинизма в ущерб экономическим его аспектам. Скажем, в Америке, говорят «рейганомика», а у нас в исследованиях не звучит «экономика сталинского периода» или «экономика сталинизма». Есть термин «советская экономика», но это разные вещи. Мне кажется, что в перспективе нашей конференции (а я считаю себя почти постоянным участником нашей конференции) этот пробел необходимо, видимо, все-таки в будущем восполнить.

Когда мы говорим, что есть законы природы, никто же не говорит: давайте придумаем такой закон, чтобы солнышко всходило не с востока на запад, а с запада на восток.

Так и законы экономики – они существуют объективно. Как бы ни назывался политический строй – диктатура, республика, аристократическая республика, рабовладельческий строй, феодализм и т. д. – законы

экономики существуют и дают свои результаты. Другое дело, что в каждом периоде развития государственности, цивилизации, власть пытается диктовать, навязывать обществу, в том числе крестьянству (здесь я имею в виду сталинскую власть) какие-то новые способы экономического существования. В результате внешне, на поверхности социального процесса, получилась, с моей точки зрения, квазиэкономика, квазиэкономические взаимоотношения. При этом – это хорошо известно – большевики вели себя иногда в экономике, как в известной басне, как слон в посудной лавке. То есть вот этот военный коммунизм, всеобщий распределитель, когда гражданам молодой Советской страны выдавался документ, удостоверяющий личность, и к нему право собственности на гроб, скажем так, а вся прочая собственность отходила государству. Больше гражданину ничего не давали, кроме вот такого квиточка. Малоизвестный достаточно факт, но тем не менее.

Я должен сказать, что сейчас существует такое новое направление – россиеведение как история российской цивилизации. Первая проблема, которая возникает при чтении лекций студентам – это как российская цивилизация выживала, почему она выживала, и как получилось, что мы, представители российской цивилизации, до сих пор существуем и, так сказать, планируем и дальше существовать. Так вот, российская цивилизация, судя по всему, существовала и существует благодаря тому, что власть пытается ограничить экономические возможности личности, а личность все-таки пытается жить в соответствии с установками власти, но по тем экономическим законам, которые невозможно изменить.

Проблема-то, как мне видится, российского крестьянства – в том, что в нашей стране, в нашей цивилизации, не было института частной собственности. У нас его и сегодня нет, этого института. В том числе, включая частную собственность на землю. В то же время крестьяне, обладая какой-то собственностью – той или другой – все-таки продолжали жить, существовать,

выживать по экономическим законам. Это противоречие, которое существовало в скрытой, завуалированной форме, продолжает до сих пор существовать так же, как оно существовало, особенно отчетливо, в годы сталинизма.

Хотя попытки капитализации страны и введения экономических законов в отношении крестьянства существовали. 1861 г. – отмена крепостного права, рубеж XIX–XX вв., столыпинская реформа, которую можно считать неудачной, но, тем не менее, это была попытка все-таки привести к здравому смыслу, так сказать, существование крестьян. НЭП – временная, но тоже попытка капитализации крестьянства, в основе которой лежало стремление дать возможность крестьянам жить по экономическим, действительно существующим законам. Но, как мы знаем, это завершилось неудачей.

С моей точки зрения, в чем была проблема большевиков в 1920-е гг.: они находились в плену нескольких идей, нескольких утопий.

Мировая революция... Считалось, что Советский Союз несет благо всему миру и только благодаря мировой революции большевики могут удержаться у власти. Как мы знаем, эта идея мировой революции, которая существовала в 1920-е гг., она диктовала Сталину достаточно жесткое отношение к крестьянству.

Вторая утопия – это диктатура пролетариата. Понимаете, вот, с моей точки зрения, у нас до сих пор делят российский, советский народ на эти классы – кулаки (даже «подкулачники» термин изобрели), середняки, бедняки. На самом деле, это совершенно неверный подход. В одном селе могли быть – и уживались – совершенно разные социальные группы, которые образовывались по родственному признаку, по вероисповеданию, по успешности, по количеству родственников и т. д. Изучать, в перспективе, мне кажется, нужно именно вот эти отдельные социальные группы, которые достаточно известны, но мало исследованы.

У Ленина, если мне память не изменяет, в работе «Государство и революция», встречается такой термин как

«государство – фабрика революции». Мне кажется, что большевики находились в плену этой утопии – сделать всех одинаковыми работниками на службе у государства. Для того чтобы вот это государство-фабрика существовало, был создан класс чиновников, бюрократия, которая, в конце концов, и привела Советский Союз к гибели.

Мне кажется, что этот опыт неудачный большевиков нужно более предметно изучать, в том числе с помощью архивных комплексов. Наша попытка общая, как мне видится, должна выдать научный результат... Может быть, нам удастся написать подлинный стереопортрет российского крестьянства.

С. Ю. Разин: Слово еще одному непременно участнику мероприятий нашего проекта Андрею Владимировичу Чертищеву.

А. В. Чертищев: Российское крестьянство в маске «Великого незнакомца» – по-прежнему одна из центральных проблем современного россиеведения. Именно сквозь ее призму историческое сообщество пытается понять прошлое, настоящее и будущее нашей страны. На проводимых теоретических семинарах и круглых столах неоднократно высказывались даже мнения о крестьянстве как о матрице российской цивилизации. Подобное утверждение видится, правда, слегка легковесным, ибо, с одной стороны, несмотря на присущий крестьянам известный хозяйственный и социально-бытовой рационализм и прагматизм, крестьянская «картина мира» в ее понятийном измерении предстает чувственной, интуитивной, сакрализованной, ритуалистической (с перенесением природных ритуалов на социальные), но никак не рациональной. С другой стороны, если считать установленным, что к концу 1930-х гг., с пирровой победой коллективизации, произошло «раскрестьянивание» крестьянства, то логика здравого смысла позволяет прийти к заключению, что, начиная с того времени и по сей день у России вообще нет и не предвидится никакой матрицы, она живет в каком-то историческом космосе.

Понимая крестьянский вопрос как противоречие между мужицким чувством и государственным интересом, как противостояние государства и крестьянства, государственного централизма и общественного локализма, историки-крестьяноведы сходятся во мнении, что основополагающими условиями крестьянственности являются земля, община и воля. Сложнее обстоит дело с понятием сталинизма. Здесь разброс мнений достаточно велик: от «мужикоборизма», «крестьяноборизма», системы социально-политических ценностей и целей, результата и продолжения поиска национальной модели социализма, продолжения ленинской идеологии с четким ориентиром на мировую революцию... – до политики отчаяния и надежды социального дикаря, незаконного бесправия, неограниченного властного насилия; власти насильничающей, ломающей через колено, культивирующей худшее в человеке. В более умеренном варианте сталинизм представляется как *Realpolitik*, политика форсированной модернизации в условиях гражданской войны и начавшегося формирования союзной государственности.

На мой взгляд, утверждать, что Гражданская война продолжалась и после 1922 г., неправомерно, ибо война, в том числе и социальная, внутри общества, есть достижение поставленных целей преимущественно военными средствами, средствами вооруженной борьбы. В данном случае речь может идти о неограниченном насилии, произволе по отношению не только к крестьянству, но и ко всему обществу со стороны партийно-государственной верхушки (власти). Большинство же так называемых крестьянских «волнений» не были сопряжены с насилием и представляли собою просто акты неповиновения, аналогичные забастовкам в современных демократических обществах. В нашем понимании сталинизм – это теория и практика управления всеми сферами жизни советского общества, основанные на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи.

Существенный научный интерес представляет сама постановка проблемы «раскрестьянивания» с последующим «окрестьяниванием» советского общества. Известно, что крупное землевладение возможно в индивидуальной и коллективной формах, а «раскрестьянивание» может быть естественным, органичным – и репрессивным, принудительным. К сожалению, ни российское, ни советское государство не смогло предложить способа относительно безболезненной адаптации крестьянского «мироустройства» к темпам и масштабам модернизационных процессов в России: не достигла в полной мере поставленных целей сталинская аграрная реформа, советская власть главным средством выбрала сталинскую коллективизацию. Ее результатом стала потеря крестьянами своей природной и социальной сущности, перемещение их как бы в «виртуальную» плоскость и превращение в государственных работников на земле. Колхозы были отрицанием как традиционной крестьянской собственности, так и традиционной крестьянской организации. Воля была представлена как право на существование в обмен на равенство в бедности. Крестьянство как социальная группа исчезла, а вторую часть понятия «колхозное крестьянство» следует считать оксюморонной.

Подавляющее большинство современных исследователей истории крестьянского вопроса в России придерживаются мнения о посткрестьянском характере советского общества, окрестьянивании городов. На наш взгляд, именно промышленно-городской уклад был ведущим в нашей стране, а речь можно вести о ретрадиционализации общества. Советское общество восприняло от общины очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни, но узаконенные режимом всеобщая регламентация жизни, «демократический централизм», авторитарный коллективизм, патернализм, эгалитаризм и многое другое есть даже не видимость, а кажимость подлинной сущности крестьянства и его мироздания. Ибо, как емко заключил В. П. Булдаков,

действительной антитезой принудительного коллективизма может быть только антиколлективистское, антисолидаристское стадо.

В начале XX в. в России довольно успешно начинает происходить переход от общности к обществу, но революция и Гражданская война развернули процесс в обратную сторону. Начинает господствовать примитивное; более сложное не просто исчезает, а деградирует, силами и формами более примитивными и слабыми приходится удерживать элементы более высокого уровня (неслучайно Г.В. Плеханов называл В.И. Ленина гением упрощенчества; И.В. Сталин в этом отношении заслуживает еще более высокой оценки!). Как результат – межнациональная, межклассовая... и т. д. новая историческая общность людей – советский народ.

Была ли Россия обречена на этот путь? К нашему сожалению, с подачи отдельных историков становится исторически немодным и даже историческим моветоном рассматривать альтернативы исторических процессов, в том числе вокруг и внутри крестьянства, что позволяет глубоко рассматривать единственное, но не замечать остального возможного. В нашем случае, мы пострадали не от крестьянского «мы», а от общего затмения ума, вызванного раболопием перед бредовыми идеями советского партийного/государственного руководства.

На извечный российский вопрос: «Что делать?» – неоригинальный ответ дал в одной из телепередач екатеринбургский земледелец: «Надо работать и рожать, рожать и работать, и тогда у нас все будет, и мы никого и ничего не будем бояться». Быть может, именно такие люди и будут составлять обновленную матрицу современной России.

В. Б. Безгин: Уважаемые коллеги! Позвольте поделиться некоторыми соображениями по обсуждаемой теме. Крестьянский вопрос не мог не быть основным в крестьянской стране, которой являлась Российская империя, да и, пожалуй, Советский Союз.

В своем отношении к крестьянству власть – будь-то царская или большевистская – придерживалась позиции мудрого Отца, который лучше знал, что потребно его неразумным чадам. Этот менторский тон основывался на мужицком патернализме, сформированном вековой верой в Царя-Батюшку и жизнью «под баринином». Уверенность власть предержащих, что им ведомы нужды и чаяния сельского труженика, неизменно приводила к действиям непонятым, а порой и чуждым молчаливому большинству российского общества.

Краткий исторический период от эпохи «Великих реформ» до периода «Великого перелома» – каких-то семь десятилетий – вместили в себя и юридическое освобождение от власти помещиков, и государственное попечение в стиле законодательства Александра III, и антиобщинный вектор столыпинских реформ, и торжество «черного передела» 1917 г., и колхозную эпопею. Такой череды кардинальных перемен в жизни села за столь короткий период не знало крестьянство ни одной страны. Опыт аграрных преобразований в России эпохи модернизации дает основание сделать некоторые обобщения, которые могут показаться небесспорными. Все преобразования российского села – от Крестьянской реформы 1861 г. до сталинской коллективизации – проводились, прежде всего, в интересах власти – будь-то царской или коммунистической. Во взаимоотношениях власти и крестьянства, на мой взгляд, было три принципиально важных вопроса, решение которых и определяло реакцию жителей российского села на государственные инициативы: это крестьянское самоуправление – то есть община, режим доступа к земле и свобода распоряжения плодами труда. Одобрение со стороны крестьянства получали те шаги власти, которые соответствовали крестьянскому менталитету и образу жизни сельских жителей.

Легитимизация сельского и волостного обществ и их должностных лиц по «Положению» 1861 г., по сути, являлась констатацией существующей системы

общественного самоуправления села. Это в полной мере относится и к Земельному Кодексу 1922 г., определившему прерогативы земельного общества. В то же время все попытки ослабить властные функции общины, как это было в ходе столыпинской аграрной реформы, неизменно приводили к ответной реакции со стороны крестьянского «мира».

Напротив, постепенная, на протяжении второй половины 20-х гг., передача в руки сельсоветов, подконтрольных власти, а также встраивание выборных лиц местного самоуправления в систему местных администраций фактически лишили уже советское крестьянство консолидирующей основы. Победа сталинизма над крестьянством выразилась в том, что в ходе коллективизации община из субъекта управления превратилась в колхоз, то есть в объект управления.

Слитность труженика с землей традиционно определяла образ жизни русского крестьянства. Земельно-распорядительная функция сельской общины в этом отношении является определяющей. Попытка аграрного законодательства ослабить систему общинного землепользования посредством перехода к индивидуальному землевладению дала весьма скромные результаты. Более того, в ходе «черного передела» 1917 г. община с лихвой взяла реванш. Но эта «общинная революция» стала свидетельством не столько силы крестьянского мира, сколько слабости власти. Именно отсутствие властного противодействия и позволило воплотить в жизнь сценарий крестьянской утопии. В ходе же «Великого перелома» советское крестьянство, лишенное единого стержня, уже не могло противостоять силовому прессингу власти, который осуществлялся при активной поддержке пятой колонны большевизма – деревенской бедноты. Колхозная эпоха привела к утрате крестьянином чувства хозяина земли и стала временем раскрестьянивания российского села.

Смысл жизни крестьянства заключался не только в труде пахаря, но и в результате его усилий. Хозяйственная

стратегия крестьянина определялась характером аграрного производства. Традиционная община не контролировала процесс распоряжения крестьянином выращенным урожаем. Царская власть также не посягала на крестьянский хлеб и осуществляла фискальные функции посредством податного налогообложения. Втягивание крестьянских хозяйств в рыночные отношения в период модернизации происходили на основе роста товарности аграрного производства. Надежным каналом втягивания крестьян в рыночные отношения в период модернизации стала кооперация, ее расцвет в начале XX в. и быстрый рост в период НЭПа.

Принудительное изъятие большевистской властью хлеба в ходе продовольственной разверстки вызвало в крестьянской среде массовое недовольство, вылившееся, фактически, в войну деревни с коммунистическим режимом. Период НЭПа, породивший у жителей села иллюзию хозяйственной свободы, для власти стал лишь паузой, которую она использовала для поиска новой формы отчуждения тружеников от результатов его труда.

Создав колхозы, сталинизм достиг желаемого, лишил крестьянина распоряжаться выращенным урожаем. Бессрочный характер пользования колхозами земельными ресурсами окончательно похоронил надежды на воделенную землю. Коллективный характер сельского производства, пришедший на смену труда сельской семьи, привел к утрате крестьянином чувства хозяина земли, ощущению слитности с ней, свободы обладания и пользования ее благами. Поэтому для меня русское крестьянство кончилось именно тогда, когда утратило эти сущностные черты, определявшие его самобытный облик.

С. Ю. Разин: Владимир Борисович, у меня к Вам несколько вопросов. Вы сказали, что царская власть не посягала на крестьянский хлеб. На мой взгляд, это, мягко скажем, не совсем так. У нас как-то принято делить все реформы на «великие»/хорошие реформы и плохие реформы. Я думаю, Вы не будете отрицать, что одной из причин проведения «хорошей» Крестьянской реформы

1861 г. было поражение России в Крымской войне и необходимость залатать финансовые дыры после этого поражения. Вы знаете – в этом я, естественно, не сомневаюсь – что такое выкупные платежи. Одной из главных задач столыпинской реформы было получение 500 млн руб., необходимых для проведения модернизации армии и флота. Эта задача не была решена. Денег не получили, модернизацию армии и флота не провели и Первую мировую войну фактически проиграли. В этом смысле, в смысле получения средств и денег, сталинизм как политический режим действовал, в общем-то, средствами, традиционными для русской власти и русской истории.

В. Б. Безгин: Мне известна Ваша, Сергей Юрьевич, точка зрения «увязки» аграрных реформ с геополитическими интересами государства. Конечно, я не буду отрицать объективных причин проведения крестьянской реформы, в том числе и финансовой составляющей.

Мной это было сказано в определенном контексте сопоставления царской власти и коммунистического режима. К силовому давлению, к изъятию хлеба с помощью военной силы царская власть не прибегала. Только в этом смысле я говорил о том, что власть не посягала на крестьянский хлеб.

А. В. Михайлюк: Я хотел бы еще по этому поводу сказать, что до революции 50% крестьянских хозяйств хлеб покупали. То есть того, что они производили, им не хватало даже на собственное пропитание. Товарный хлеб давало, в основном, помещичье хозяйство. Когда помещичьи хозяйства разграбили в 1917 г. – даже не большевики, это было до сделано до них – товарного хлеба просто не стало.

То есть экономическая необходимость подталкивала к тому, чтобы произвести какую-то реформу именно в сельском хозяйстве. А мелкотоварное хозяйство было нерентабельным. Крестьяне получили где-то по полдесятины на душу, по полторы десятины (а то и меньше) на хозяйство. Да и этой землей они не могли

рационально распорядиться. Она в принципе не решала проблем.

С. Ю. Разин: Потому что к 1917 г. и так 70% процентов земель находилось в руках крестьян.

А. В. Михайлюк: Да, в руках крестьян.

С. Ю. Разин: Дележка оставшейся помещичьей земли ничего не давала.

А. В. Михайлюк: Но, тем не менее, те помещичьи земли, что сохранились, давали, собственно, основное товарное производство хлеба.

С. В. Беспалов: Уважаемые коллеги, я, честно говоря, не предполагал брать слово, но некоторые вещи, которые прозвучали, побудили меня с несколькими тезисами, я надеюсь, достаточно краткими, выступить.

Во-первых, был затронут вопрос о специфике российской модернизации, о роли крестьянства в этом процессе. Действительно, анализируя состояние России на рубеже XIX–XX вв., даже в начале XX в. многие и отечественные, и зарубежные историки обращали внимание на то, что это была крестьянская страна. Не просто потому, что аграрный сектор играл основную роль, не просто потому, что большинство населения жило в деревне, но, если посмотреть на сословный состав населения городов, то во многих городах большинство населения или значительную его часть составляли крестьяне, а многие рабочие не порывали окончательно своей связи с сельским хозяйством, с общинами и т. д.

Долгое время это трактовалось как особенность российского модернизационного процесса, как замедленный, не совсем правильный путь России к индустриальному обществу. Но уже с 1970-х, а тем более с 1980-х гг. несколько исследователей начали переосмысливать это явление. Я говорю и о Теодоре Шанине, который писал о России как о первой «развивающейся» стране (в том смысле, в котором мы нередко говорим о странах «третьего мира»), и о Владимире Георгиевиче Хоросе, с его замечательной книгой об идейных течениях народнического типа

в развивающихся странах, и о Михаиле Яковлевиче Гефтере. Эти исследователи заговорили о том, что тот путь, та кажущаяся специфика России, на самом деле, может быть, не характерна была для стран Западной Европы и Северной Америки, но вслед за Россией по такому же примерно пути пошли многие страны Азии, Африки и т. д.

В современной науке эта точка зрения становится едва ли уже не преобладающей. Хороший очень голландский историк Х. Кесслер прямо пишет о том, что это европейский путь модернизации является исключительным – тот путь, в рамках которого происходил достаточно жесткий разрыв между пролетариатом и сельским хозяйством – а в других странах, начиная с России и дальше, от Китая до Африки и до Латинской Америки – это совершенно нормальное явление, когда, на протяжении не только нескольких десятилетий, но и многих поколений, городские жители, рабочие, не порывали связей с общинами, с сельским хозяйством, а рассматривали это как запасной аэродром, как дополнительный источник социальной стабильности и т. д. В этой связи опыт России, как первой из развивающихся стран, по терминологии Шанина, кажется достаточно важным.

Следующий тезис, который прозвучал здесь, – это тезис о том, что российские власти в начале XX в. – по крайней мере, после революции 1905 г. – делали ставку на крупные хозяйства. С таким тезисом наш ведущий выступил.

Но мне кажется, что это не совсем верное представления о целях архитекторов этой реформы. Даже те правительственные идеологи, кто правее Столыпина стоял, такие как Владимир Иосифович Гурко, который из представителей властных структур, пожалуй, выступал с наиболее жесткой программой именно раскрестьянивания, доказывал – и очень убедительно доказывал – что мелкие крестьянские хозяйства неэффективны, но точно также и крупные латифундии неэффективны. Гурко предлагал делать ставку на средние эффективные помещичьи хозяйства и

средние же хозяйства, выделяющиеся из крестьянской среды за счет кулачества, естественно. Столыпин еще более мягкую позицию занимал. Ставка Столыпина – это, конечно, не ставка на крупные хозяйства, а ставка на хозяйства средние и «средне-мелкие» – то есть и на сохранение эффективного частновладельческого сектора, и, в то же время, на подъем крестьянского хозяйства за счет его здоровой части.

Некоторые наши историки, ушедшие, к сожалению, недавно от нас – это и Эрнст Михайлович Шагин, это и Тюкавкин [Виктор Григорьевич – *прим. ред.*] – они ведь совершенно справедливо замечали, что, где-то начиная с 1908-1910 гг., даже и этот курс Столыпина и его соратники начинают переосмысливать, и начинают менее жестко подходить к реформированию крестьянского хозяйства. И, в том числе, намечается их поворот к кооперации.

Вообще, кооперация стала решением многих вопросов, которые дебатировались в российском обществе в 80-х и 90-х гг. XIX в., и на которые не находили ответа. Одна из таких проблем – это судьба так называемого народного производства, мелкой кустарной крестьянской промышленности, которая, вроде бы, была исторически обречена, но без которой крестьянину было трудно выжить. И либералы, и консерваторы, типа Константина Федоровича Головина, ломали голову над этим вопросом и призывали правительство как-то все-таки поддержать народное производство. Кооперация, кооперативное движение вдохнуло в него новую жизнь, так же, как она дала новый импульс, новые силы среднему и даже мелкому крестьянскому хозяйству.

И, как совершенно справедливо отмечает наш замечательный петербургский историк Таисия Михайловна Китанина, в 10-х гг. XX в., при поддержке местного самоуправления, с привлечением кредитных ресурсов, особенно региональных банков, кооперация начинает действительно подниматься. А годы Первой мировой войны, парадоксальным образом, по словам Китаниной, – наверно,

с ней стоит согласиться здесь – становятся временем расцвета русского сельского хозяйства – и, прежде всего, за счет развития кооперации.

Но другое дело, что развитие кооперации требовало и от власти новых форм работы и способности вести диалог с кооперированным крестьянством, которое начинало осознавать свои требования, коллективно отстаивать свои интересы. И здесь от власти требовалась большая гибкость и компетентность. До Первой мировой войны, позволю себе утверждать, российские власти демонстрировали готовность идти навстречу вызовам времени. Во время войны, особенно в 1916–1917 гг., когда положение ухудшалось, власть уже не всегда была способна проявлять гибкость, и вы знаете обо всех этих принудительных мерах в отношении крестьянства, которые уже царское правительство в последние месяцы своего существования пыталось реализовать.

И затем, примерно 10 лет спустя, такая же проблема встала перед большевиками – и сталинский режим, как известно, здесь гибкость проявлять не захотел. Искать формы диалога, приемлемые для кооперированного крестьянства, не стали, и пошли тем путем, которым пошли.

С. Ю. Разин: Слово участнику уже многих мероприятий нашего проекта Василию Васильевичу Звереву.

В. В. Зверев: Уважаемые коллеги! Я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые моменты, которые, на мой взгляд, требуется уточнить, в первую очередь, в понятийном отношении. Во время сегодняшнего круглого стола часто звучат термины, понимаемые одними участниками как синонимы, другими – наоборот, как относящиеся к разным временным периодам. Я имею в виду следующие определения: «модернизация», «коллективизация», «индустриализация», «строительство социализма» и т. п. Причем все перечисленные термины характеризуют отношение власти к крестьянству.

Во-первых, давайте сразу уточним, что это было отношение новой власти, а, значит, и новой элиты, не дореволюционной, к которой у крестьянства было масса

претензий, а «своей», состоящей из представителей трудовой части населения. Факт, может быть, и кажущийся сейчас малозначительным, но в действительности – важный. Для простого мужика он означал, что его должны (обязаны) услышать и что он сам может в эту власть войти («не при старом прижиме»). В этом «натурально крестьянском обосновании» – и отражение реально открывающейся перспективы «карьерного роста», и элемент социальной утопии. В какой пропорции – можно спорить.

Во-вторых, к концу 1920-х гг. эта власть доказала собственную устойчивость, и тем самым уже заслуживала, если не уважения, то по крайней мере, боязни, которые, кстати сказать, в крестьянском сознании часто были переплетены. Кроме того, государственная власть в своих управленческих функциях (в том числе и через партийные ячейки, Советы) дошла до низовых структур – сел и деревень. Чего не было до революции, когда власть заканчивалась на уездном городе. Все это свидетельствовало крестьянину о том, что установившийся порядок, выражаясь словами Ленина, закрепился «всерьез и надолго».

В-третьих, большевики обещали построение, если и не «Царствия Божьего», то, по крайней мере, «Светлого будущего», против чего крестьянин был не против, ориентируясь на известное присловье: «Если не мы, то уж дети наши и внуки...»

Перечисление можно было бы продолжить, сказав о присущей деревенскому сознанию сакрализации верховной власти, наивности надежд и т. д. и т. п. Но все они будут свидетельствовать о соединении традиционности и новизны. Суть отношения крестьянства к власти заключается в двух словах – «жить можно» (либо «жить нельзя»). В зависимости от этого крестьянин избирал собственную тактику поведения – настороженное ожидание, бунт, скрытое сопротивление или «внутренняя эмиграция». Последнее было достаточно эффективным средством, когда всех и вся мужик посылал по определенному и хорошо на Руси известному адресу и жил жизнью своей семьи, своей

деревни, своей общины. Признаюсь честно, в нашей истории это порой и спасало, поскольку Россия всегда держалась мужиком, его самостоятельностью и разумностью.

Готов ли он был на предстоящие изменения? Вряд ли. Но в любом случае готов был потерпеть, «пострадать», вынести. Боязнь новизны («не было бы хуже») с убежденностью, что станет лучше. Это то, что касается крестьянства.

Теперь о большевистской политике. Вернее о типе социализма, который создавался в стране. Ленинское видение проблемы состояло в следующем: империализм есть высшая и последняя стадия капитализма. Государственно-монополистический капитализм – основа социалистического общества. Достаточно только сменить надстройку, и переход к социализму обеспечен, естественно, при помощи передового Запада и при условии победы социалистической революции в передовых странах мира. От надежд на мировую революцию Ленин не отказался до конца жизни и писал в «Завещании» (боюсь ошибиться в цитате): «Нам надо продержаться, пока не произойдет столкновения националистического и революционного Востока с буржуазным Западом».

Если называть вещи своими именами, то тип советского социализма был ничем иным как государственно-монополистическим капитализмом с некоторыми социальными амортизаторами (бесплатное образование, медицина, обеспечение первостепенных прав на труд, признание в старости и т. п.). По сравнению с многоукладной экономикой дореволюционной России это было бы шагом вперед. Но обеспечение этого шага требовало проведения ряда преобразований, которые сейчас принято называть непопулярными. На практике большевики должны были делать то, что не сделала до них дореволюционная элита. Меньшевики оказались правы в споре с Лениным, когда говорили ему об этом. Достаточно посмотреть хотя бы ленинскую полемику по этому вопросу в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)». В очередной

раз сработал принцип «иронии истории». На практике выходило не то, что задумывалось.

Сталин, который не без основания считал себя продолжателем дел Ленина, действовал совершенно в духе государственно-монополистического капитализма, последовательно превращая крестьянина из хозяина в наемного работника. Государственная собственность на землю с внеэкономическим принуждением сельского населения обязаны были обеспечить приток необходимых финансовых средств и людских ресурсов для осуществления давно назревшей модернизации страны.

Нет необходимости говорить о том, что социалистическая цель была подменена и деформирована кровавыми средствами. Это не подлежит сомнению. Но важно и другое. Крестьянство не отторгло коллективизацию. Как мне кажется, сработали традиционные скрепы живучести. При этом народ никогда ничего не забывает, и никогда никому ничего не прощает. Этого Сталин при всей его социальной демагогии и умелом приспособлении к настроениям масс предусмотреть не мог.

В. П. Николашин: Говоря про сталинские аграрные трансформации, нельзя отмежевываться от такого понятия как раскулачивание. Я вот хочу привести несколько фактов, которые ярко свидетельствуют о крайне жестоких гранях проявлений модернизации деревни в данный период.

В письме к секретарю Шихманского райкома Коростелеву 20 февраля 1930 г. секретарь Козловского окружного комитета Центрально-Черноземной области В. П. Трунтаев отмечал, что инструктирование групп по раскулачиванию шло под лозунгом: «Берите все – оставляйте одни только стены голые». В результате обыски проводились в ночное время, с загоном жильцов в угол и приказами с места никуда не уходить. Разбивали топорами сундуки и замки, отбирали грязное белье, ржавые гвозди, трубы, детские игрушки и последнюю теплую одежду. У Новикова, из под мертвой жены, вытащили старую дерюгу и подушку. В селе Шихмани у бывшего торговца Ермакова

бригада, встретив на базаре, сняла шубу. При изъятии имущества у кулака Новикова раздели ребенка, находившегося в люльке, взяв одеяло, белье и подушки. У Шешелева изъято все до мелочей и снята с него верхняя одежда. После этого Шешелев покончил жизнь самоубийством. Через несколько дней часть имущества была возвращена. В селе Рахманино Казаков, от рода имевший 14 лет, узнав, что семья подлежит выселению, покончил жизнь самоубийством через повешение.

Есть и другие факты, но я хочу сказать следующее: конечно же, безнравственность, бесчеловечность этих поступков – она ясна. Но нужно понимать и оценивать комплексно всю эту систему трансформаций, потому что, конечно, коллективизация и индустриализация коррелировали, и поэтому за ширмой эмоций могло скрываться какое-то конструктивное действие. Но, естественно, вот такие факты являются искривлением.

В целом, система общественно-политических отношений, с которыми подошло советское общество к концу 20-х гг., не устраивала руководство страны. Колхозно-совхозный строй и хлебозаготовки оценивались основной массой деревни как антикрестьянские. Централью осью в борьбе за зерно были закрома крестьянского двора. Хлеб, силой вывезенный партийными и советскими агентами, нередко оказывался кровавым.

В данных условиях и стал приводиться в действие политический заказ Сталина, который состоял в том, чтобы взять под контроль деревню как ключевой источник ресурсов – зерна и рабочей силы, которые позже, как мы понимаем, необходимы были для индустриализации. И впоследствии эти все ресурсы, я уверен, пошли на то, чтобы построить эффективную, сильную армию, которая, как известно, была необходима для ведения войны.

Подстегивание коллективизации и раскулачивание были звеньями одной цепи – сталинской аграрной трансформации. Жестокость и напор, с которыми действовали советские функционеры, действительно,

поделили деревню на два лагеря, вывели конфликт на новый уровень. Целая система конфликтов произошла, поэтому однозначно оценить это, я считаю, нельзя. В любом случае, те искривления, которые имели негативный оттенок, должны были быть устранены. Коллективизация должна была проводиться более мягким путем.

С. Ю. Разин: У меня вот такой вопрос: скажите, пожалуйста, сегодня на круглом столе звучит постоянно: большевики, советские функционеры. Это кто такие? Это инопланетяне, прилетевшие с другой планеты, или это, в значительной мере, на низовом особенно уровне, те же крестьяне?

А. В. Михайлюк: У меня такой же вопрос по ходу: кто изымал это последнее имущество у тех же кулаков?

В. П. Николашин: Зачастую эти бригады формировались – не спорю – из тех же крестьян. Но не всегда. Это могли быть и 25-тысячники – выходцы из деревни.

С. В. Корновенко: Скажите, пожалуйста, а не мог ли крестьянин отказаться от участия в этих акциях?

В. П. Николашин: Крестьянин? Здесь у меня целая череда статей, которая в ближайшее время должна выйти. В деревне развивался террор на самом деле. Попадая в тот или другой лагерь, ты мог получить пулю в спину или в голову. Было много случаев, когда на милицию нападали с топорами. Можно выделить целую череду фактов эскалации насилия в деревне. Есть воспоминания о том, что один из представителей вот этих вот экспроприаторов убежал и прятался в крестьянском дворе от вчерашних своих жертв, в другом случае выстрелы производились поздно вечером или ночью через окно сельсовета или правления колхоза по представителям Советской власти и т. д.

Эта была целая череда насилия... Деревня была разделена на два лагеря. Возможно, что, если мы посмотрим детальнее стратификацию, то увидим, что раскол еще был глубже и обнаружим какой-то третий, четвертый слой... Тем более что появившиеся там 25-тысячники создавали

отдельную микрогородскую среду. Например, если 25-тысячник становился председателем – это вообще отдельная категория. В отличие от председателя крестьянского он не имел достаточной материальной базы и тут он мог злоупотреблять... Соответственно, это уже конфликт горожанина с деревней, он производился уже на другом уровне. Так разворачивалась целая система конфликтов различного характера, которые, переплетаясь между собой, вели к росту градуса насилия в деревне.

Н. Р. Романец: Можно вопрос? Понимаете, вот все эти термины: «злоупотребления», «нарушения революционной законности»... Дело в том, что я исследовала, как наказывали этих «нарушителей революционной законности». Например, села Новоскелеватка и Новолазаревка Казанковского района Криворожского округа. Классический пример – заготовитель О. Бурдино. Во время хлебозаготовок 1929/1930 г., то есть еще до проведения коллективизации, он выставлял крестьян раздетыми на мороз, пытал, изымал все имущество и т. д. Сначала реакции со стороны властей не было, но начались крестьянские волнения. Поэтому Бурдино осудили на 4 года лишения свободы. Однако сразу же Верховный Суд УССР смягчил приговор до 6 месяцев принудительных работ. То есть это все попытки центрального руководства переложить вину на местных исполнителей.

Дело в том, что приказы-то сверху отдавались, и ставили этих исполнителей в такие жесткие рамки, что у них другого выбора не было. Каждый местный руководитель и активист действовал, исходя из своих собственных представлений о методах воздействия на крестьян.

Второй вопрос: вот вы говорите, что деревня раскололась. Я не могу согласиться. Например, в Украине в восстаниях в 1930 г. принимали участие все слои деревни, в том числе, безусловно, и беднота. Дома оставались только женщины и дети. Все село на Правобережной Украине под флагами пыталось прорваться в Польшу.

В. П. Николашин: Я не могу про Украину говорить. Могу говорить только о Центральном Черноземье, по которому у меня есть материалы. Эти материалы подтверждают обратный процесс. Так, в отчете Козловского отделения ОГПУ первому секретарю обкома ВКП (б) ЦЧО И.М. Варейкису от 1 сентября 1929 г. отмечалось, что по составу участников как раз до 90% восстаний, выступлений (в ряде случаев до нескольких сот человек) были представлены женщинами. А почему женщины? Я позже в историографии нашел...

Н. Р. Романец: Вы термин путаете. Это не «восстания», это «волынки», выступления без оружия. Восстания – это выступления с оружием.

В. П. Николашин: Согласно терминологии ОГПУ я сейчас говорю. Я не спорю. Я, может быть...

Н. Р. Романец: А в ОГПУ так же называют «волынками», то есть женщины напали, разгромили сельсовет и разбежались. Другое дело – это массовые вооруженные выступления.

В. П. Николашин: Все, тогда так. Нет, ну я-то по терминологии ОГПУ, да я про это говорю.

Так тут: ну почему женщины? Понятно почему. Потому что они, во-первых, более эмоциональны. С другой стороны, мужчины понимали то, что они будут нести большую ответственность. По крайней мере, так считалось в деревне.

Н. Р. Романец: Женщин также наказывали и давали им сроки. Так что представления о том, что женщин наказывали меньше – это тоже стереотипы. Я читала эти уголовные дела.

В. П. Николашин: А про противостояние, я хотел обратиться к выражению Шейлы Фицпатрик... вот эта вот фраза – о том, как мыши хоронили котов... У нее это выражение было. То есть там имелось в виду, что Сталин, после того как «Головокружение от успехов» вышло, и в рамках этого районное начальство... вот об этом...

Н. Р. Романец: Я, вот, извините, еще последнее по этому поводу скажу. Дело в том, что когда 8 мая 1933 г. появилась специальная директива о прекращении массовых репрессий, то на местах, на Украине районные руководители очень часто говорили следующее: а кто теперь все это выполнять будет, если мы свернули массовые репрессии. То есть идите тогда и сами исполняйте.

В. П. Николашин: Я про последствия не говорю. Я согласен полностью.

Н. Р. Романец: А все эти кампании по «борьбе с нарушениями революционной законности»... У нас на местном уровне издавалось огромное количество директив партийными и государственными органами о том, как с ними бороться. Например, Днепропетровский обком издавал подобные документы. Начали «бороться» со второй половины 1933 г. Через полгода было постановление о том, что все эти преступления были совершены «в особых условиях».

Во-вторых, почти все «нарушители ревзаконности» были амнистированы. В ноябре 1930 г. была проведена амнистия тех, которые, собственно, «отличились» с 1 января 1928 г. по 7 ноября 1930 г., со следующей формулировкой: для того, чтобы позволить им принять «активное участие в социалистическом строительстве». Вот наказание!

С. В. Корновенко: Сергей Юрьевич [Разин], можно к Вам вопрос? Вы сказали, и докладчик говорил о том же, что вот в тех всех актах, скажем так, насилия, принимали участие сами крестьяне. По Вашему мнению, это что доказывает? Что Сталин не виновен? Это смягчает характеристику режима? Почему Вы говорите об этом?

С. Ю. Разин: Я это говорю потому, что звучит постоянно: большевики, советские функционеры и т. д. и т. д. Я как раз и говорю о том, что имели место не только жестокость власти по отношению к народу, но и жестокость одной части народа по отношению к другой, то есть гражданская война.

С. В. Корновенко: Естественно. Мы также можем говорить о том, что имело место сведение личных счетов.

С. Ю. Разин: И это тоже.

С. В. Корновенко: Мы можем говорить обо всей сумме аспектов.

С. Ю. Разин: Мы как раз говорим с Вами примерно о том же самом. Мы говорим о том, что сводить все, как это нам часто предлагается, к разговорам о кровавом палаче и диктаторе Сталине и валить все на вчерашних вождей умерших – это неправильно. Это такая «интеллектуальная» традиция нашей власти. И это не позволяет нам объективно разобраться в тех процессах, которые тогда происходили. В чем и состоит наша задача.

С. В. Корновенко: В связи с той заданностью, которую Вы определили в начале круглого стола... Вы сказали, что стремитесь к объективной оценке сталинизма как своего рода феномена. Правильно? То есть, с одной стороны, есть крайность позитив – «Сталин плюс». С другой стороны, вторая крайность – «Сталин минус».

С. Ю. Разин: То же самое, только со знаком «минус».

С. В. Корновенко: Вы стремитесь выбрать, так сказать, «срединный путь» Будды. Я хотел спросить: на какой методологической основе Вы собираетесь это сделать.

С. Ю. Разин: Речь идет о том, чтобы понять механизмы тех процессов, которые происходили. Ни тот, ни другой путь на сегодняшний день – ни сталинизм, ни антисталинизм – это сделать не позволяют.

С. В. Корновенко: Хорошо. А как, на какой методологической основе исследовать сталинизм в Вашей интерпретации?

С. Ю. Разин: Я могу высказать только свою позицию. Я уже говорил, что, на мой взгляд, для того, чтобы понять сталинизм, надо признать, что сталинизм был абсолютно почвенным явлением, связанным со всеми предыдущими этапами нашей истории.

С. В. Корновенко: Историческим явлением.

С. Ю. Разин: Историческим явлением, связанным со всей русской историей. Сталинизм был абсолютно в контексте русской истории.

Вместе с тем, сталинизм был частью, и был неразрывно связан с тем геополитическим евразийским контекстом, который сложился в 1920-е гг.

Вот Александр Владимирович [Гордон] меня все время упрекает и говорит: геополитика геополитикой... А сам Александр Владимирович в одном из выступлений четко сказал, что догма догмой, но марксистские разговоры о мировой революции – это лишь разговоры о мировой революции, которые к середине 20-х гг. заканчиваются. Потому что в Европе произошли те процессы, которые произошли, и наступило время *Realpolitik*, когда эта марксистская догма отбрасывается на второй план. Эта реальная политика получила воплощение в хорошо известном курсе на построение социализма в одной отдельной взятой стране, который, на мой взгляд, был, абсолютно, почвенным курсом российской власти.

И. И. Ханипова: Мы тут подняли вопрос, касающийся и Сталина, и традиционных ценностей и крестьянской утопии. Конкретные примеры были приведены. Вывод был сделан нашим коллегой – это разделение деревни на как бы два лагеря.

У меня другой вопрос: накануне войны те же крестьяне по-разному относились к власти. С одной стороны – великий вождь Сталин, а с другой стороны – идет конкретная констатация фактов того, что происходит в деревне, недовольство реалиями колхозной жизни. Просто ведут разговоры и судачат: «Хлеб-то весь отправляют в Германию». Другой в ответ говорит: «Что наш Сталин – овца? Он ничего не видит?». Это цитаты из судебно-следственных дел на привлеченных, соответственно, по 58-й статье за контрреволюционную агитацию и т. д.

Крестьяне реально оценивали простыми крестьянскими, как говорится, словами, ситуацию – и за это же получают наказание. Он (крестьянин) благоговеет перед

вождем, но оценивает действия местной власти, которая «перетруждается» и идет дальше, нежели указано сверху...

С. Ю. Разин: Традиционно русская позиция.

И. И. Ханипова: Так что это такое? Это двойственность сознания?

С. Ю. Разин: Традиционно русская позиция. Царь хороший – бояре плохие.

И. И. Ханипова: То есть двойственность сознания.

С. Ю. Разин: Что касается Великой Отечественной Войны, то Вы правильно отметили, что русское крестьянство реалистично все оценивало, и, на мой взгляд, в этом смысле показателем отношения к власти, к стране своей собственной, было поведение большей части Красной Армии, когда в условиях жесточайших поражений 1941 г. Красная Армия, состоявшая в большинстве своем из крестьян, не повернула штыков против Советской власти.

И. И. Ханипова: Но это связано с патриотическим воспитанием, в первую очередь.

А. В. Михайлюк: Вообще, как говорил Карл Маркс, крестьянин судит о мире с высоты своей навозной кучи.

В. В. Кулачков: У меня несколько соображений, таких совсем коротеньких. Хотелось бы, чтобы все высказались – и чтобы по возможности более кратко и ближе к теме круглого стола. Ну, не знаю, но в этом смысле я, наверное, поддерживаю Сергея Юрьевича Разина, о чем он в начале нам, собственно говоря, и сказал.

С. Ю. Разин: Который сам же это правило и нарушил.

В. В. Кулачков: Ну, да. Который это же правило потом и нарушил. Ничего страшного, опять-таки. Будем «толерантными».

Значит, первое мое соображение будет следующим. У нас вчера состоялась секция, вторая, на которой выступал Павел Петрович [Марченя]. И вот он высказал такую весьма интересную, с моей точки зрения, мысль, что победу большевиков, ну и то, что они удержались у власти, обеспечила опора на «коды» крестьянского сознания.

Я думаю, что это весьма здравая мысль, и она основана на многочисленных архивных и опубликованных материалах. И, опять-таки, давайте вспомним о том, что победа, собственно, большевиков в Гражданской войне и была во многом поддержкой крестьянства обеспечена. Я думаю, что с этим тезисом никто не будет спорить.

Затем большевизм, как всем тоже понятно, трансформировался в сталинизм. Ну, я думаю, в этом смысле, можно заметить, что нельзя сбрасывать со счетов и личные качества Сталина. Потому что, если бы на его месте оказался другой человек – опять-таки, если бы была альтернатива и т. д. и т. п. – то, может быть, было бы все иначе. Но и надо вспомнить еще такую фразу, что революция пожирает своих детей, что в итоге и произошло со становлением культа личности Сталина.

По поводу Империи и крестьянства хотелось несколько слов сказать. Вот то, что, опять-таки, было у нас в тематике круглого стола... Надо сказать, что крестьяне играли одну из основных ролей в освоении новых территорий. На эту тему есть, например, хорошая работа Светланы Владимировны Лурье, где она рассматривает эту всю ситуацию с точки зрения этнопсихологии. Ну, мне, по крайней мере, показалось здраво это тоже все – не знаю как кому.

И третье мое соображение, тоже краткое – и на этом я закруглюсь, если не будет вопросов. Что крестьяноведение? Мне кажется, что оно развивается. Это показывает как количественный, так и качественный состав участников нашей конференции. Даже один сборник, который мы все получили, уже, сами понимаете, о многом говорит. Показателем состояния крестьяноведения является то, какая у нас сейчас происходит бурная дискуссия, что многие совсем не согласны и т. д. и т. п. У меня все.

С. Ю. Разин: У меня почему-то такая мысль пришла в голову, что количество крестьяноведов растет пропорционально уменьшению численности крестьянства.

В. В. Кулачков: Да, да.

С. Ю. Разин: Нет, это просто мысли вслух.

В. В. Кулачков: Нет, я хочу просто Вас дополнить. Мне кажется, что крестьяне XIX–XX вв. – крестьяне в традиционном понимании этого слова – даже не подозревали, что о них столько будут писать. Ну, то есть, если уж так говорить, то вот даже нынешняя конференция говорит о том, что интерес далеко не угас – и, видимо, он и дальше будет продолжаться.

А. П. Скорик: В связи с раскулачиванием хотелось бы затронуть вопрос о рассказывании, который в наши дни обладает немалой актуальностью, поскольку государство, если использовать историческую терминологию, ныне в очередной раз повернулось «лицом к казачеству». Поэтому многие вопросы казачьей истории сегодня нередко трактуются с «ура-патриотических» позиций. Причем, «ура-патриотических» применительно к казакам. Не отрицая исторических заслуг казачества перед Отечеством, заметим, что возникают перекосы в оценке целого ряда исторических событий.

Скажем, коллективизацию трактуют как рассказывание или завершение такового. Особенно данный подход характерен для казачьих исследователей и общественно активных казаков. Да и среди представителей власти такая точка зрения распространена: несколько лет назад даже глава нашего государства говорил о том, что казачество было ликвидировано в 1930-х гг. Так вот, имеющиеся материалы, – а их нельзя назвать единичными, это целый массив архивных документов; в свое время они были засекречены, а сейчас нередко прямо игнорируются, потому что не отвечают вышеобозначенной точке зрения о рассказывании, – эти материалы говорят о другом. Работая в архивах, историк легко может убедиться (как я в свое время) в том, что, несмотря на многочисленные факты осуществления большевиками репрессивных мер, рассказывание, понимаемое как ликвидация казаков, не состоялось в 1930-х гг. Более того, с 1936 г. сталинский режим провел кампанию «за советское казачество», в ходе

которой было объявлено о существовании такой общности, как «колхозные казаки». Мотивы и цели, которыми при этом руководствовался Сталин и его сторонники, – усилить просоветские настроения среди казаков – полностью оправдались в годы Великой Отечественной войны, когда большинство казаков воевали против гитлеровцев.

В рамках нашего обсуждения также хочу отметить, что невозможность отождествления коллективизации и расказачивания генетически близка тому, что нельзя отождествить коллективизацию и раскрестьянивание. Здесь, очевидно, сработала та же долговременность перехода социальной (или, как с казаками, социальной и субэтнической) общности в качественно новое состояние.

В. Я. Романченко: Уважаемые коллеги! В порядке развития начатой дискуссии хочу сказать следующее.

Действительно, количество работ, посвященных крестьянской тематике, возрастает, но, мне кажется, не возрастает пропорционально наше знание крестьянина, и сколько б мы, на сегодняшний день, об этом не писали, но до сих пор он остается для нас «Великим Незнакомцем». Это первое.

Второе. Мне кажется, что наши коллеги совершенно правильно сделали, что данный круглый стол проводится в рамках Международной конференции «Крестьянство и власть...». Почему? Потому, что, фактически, все, о чем сейчас_говорилось и, очевидно, еще будет говориться, независимо от того, какова тематика круглого стола, – это так или иначе связано с проблемой взаимоотношений между крестьянством и властью.

Встает вопрос: что же это за взаимоотношения? Мне представляется, что, на протяжении всей практически истории российской, эти отношения носили весьма конфронтационный характер. При этом крестьянство постоянно находилось в своеобразной оппозиции к власти. Она выражалась, в одних случаях, в форме открытого противостояния, а в других случаях, в виде пассивного сопротивления крестьян. Данное сопротивление было

вызвано нещадной эксплуатацией крестьянства, давлением со стороны власти и крупных землевладельцев в лице дворян и помещиков, на которых царский режим опирался. Это давление, этот гнет, проявлявшийся в отдельных случаях в открытой, в других – в завалированной форме, тоже носил перманентный характер. С начала XX в., и в 20–30-е гг., которые мы сейчас активно обсуждаем, это противостояние приобретает все более обостренный характер, и здесь я солидарен с позицией Виктора Петровича Данилова, который считал, что в начале XX в. – конкретно он обозначал это с 1902 г. – в России начинается Крестьянская революция.

Мне представляется, что все события, которые происходили дальше, включая и события Гражданской войны, и события, связанные с периодом 1920–1930-х гг., и период сталинизма – все это были определенные вехи развития Крестьянской революции в России. Но эта Крестьянская революция лежала в основе Великой Русской революции. Поэтому и события, скажем, Гражданской войны, мы можем, в определенной мере, рассматривать как события, относящиеся к кульминационному этапу Великой Русской революции.

Я не совсем согласен с той позицией, что после 1922 г. продолжалась гражданская война. Все-таки гражданскую войну, может быть, здесь я неправ, – я не настаиваю на своей точке зрения – следует рассматривать как активное противостояние различных противоборствующих социальных сил на большой территории в рамках всего государства. В данном случае, после 1922 г., локальные очаги, причем довольно мощные очаги, крестьянской войны, крестьянских выступлений мы наблюдаем – мы сегодня говорили о тамбовских событиях – но все-таки говорить о том, что это была гражданская война, я думаю, вряд ли правомерно.

И последнее, что касается сталинизма, его проявлений, событий, связанных с ним... Я разделяю точку зрения тех коллег, которые считают, что это достаточно

противоречивое явление. Сказать, что сталинизм был оторван от российской почвы, оторван от крестьянства, на мой взгляд, ни в коем случае нельзя, потому что многие шаги, которые предпринимало сталинское руководство по отношению к крестьянству, с одной стороны, были направлены против него, а, с другой стороны, они использовали те формы и методы аграрных преобразований, которые были близки крестьянству.

Конечно, процесс изучения этих противоречивых событий будет продолжаться, видимо долгое время. Нужно накопление фактов, эмпирического материала. Его еще явно недостаточно для однозначных выводов. Поэтому, очевидно, потребуется затратить еще немало сил и времени, чтобы мы смогли, наконец, ясно различать черты этого «Великого Незнакомца», великого труженика земли русской – российского крестьянина.

М. В. Казьмина: Хотелось бы высказаться по ряду дискутируемых вопросов, исходя из признания многомерности исторического процесса.

Думается, что спорным является утверждение, что крестьянская война началась в 1902 г. Привязка к тому обстоятельству, что выросло первое пореформенное поколение крестьян, выглядит несколько натянутой. Исторические факты говорят, что взрыв недовольства (в том числе крестьянства) произошел в 1905–1907 гг. Поэтому с макроисторических позиций логично увидеть волны (или наиболее острые формы) крестьянской войны: 1905–1907 гг.; 1917–1922 гг.; рубеж 1920–1930-х гг. В эти периоды активизировались отношения в связке «власть–крестьянство» (революционный взрыв 1905 г. породил в ответ отмену выкупных платежей и столыпинскую реформу; крестьянские восстания Гражданской войны подтолкнули руководство страны перейти к НЭПу; выступления крестьян, в том числе с оружием в руках, особенно в начале 1930-х гг., стали ответной реакцией на давление сверху в период массовой коллективизации).

В первых двух случаях крестьянству удалось сохранить, хотя и не без потерь, приоритетное значение общины. А вот политика раскола крестьянства, проводившаяся в ходе коллективизации, привела к столь существенным изменениям в этом ключе, что больше масштабных выступлений, тем более с оружием в руках, со стороны крестьян не было. Противостояние перешло в скрытые формы.

Выделим основные направления в деятельности власти на рубеже 1920–1930-х гг., способствовавшие расколу крестьянского мира: хлебозаготовительная кампания, партийная чистка, выборы в местные Советы, материальная поддержка бедняцкой части села, массовая агитация и пропаганда, использование таких форм как собрания бедноты, женское движение и т. д.

Относительно понятия «сталинизм» логично отметить, что этот термин не имеет общепризнанной содержательной характеристики среди исследователей. Его ассоциируют с системой, теорией и практикой социализма, идеологией, политическими и идеологическими структурами и т. д.

Из зарубежных ученых, М. Рейман, например, высказывал убеждение, о том, что сталинизм нельзя рассматривать однопланово, так как этот режим обеспечивал структурную трансформацию общества и относительно высокие темпы промышленного развития.

Отечественный исследователь А. Зиновьев считал, что, несмотря на все ужасы сталинизма, этот режим был подлинным народовластием в самом глубоком смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие, по Зиновьеву, – это не обязательно хорошо. Народный вождь – это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и доктринах.

В данном высказывании Зиновьева преодолен классовый подход в трактовке сталинизма. Речь идет об отказе восприятия таких понятий, как «народ»,

«народовластие», «народный вождь» в сугубо положительном ключе. Преодоление подобных стереотипов приближает к пониманию сущности происходивших процессов и исключает их однобокую трактовку.

А. В. Голубев: Я буду очень краток, тем более, что кое-что из того, о чем я хотел сказать, уже, в той или иной степени, высказали предшествующие выступающие. Тут кто-то упомянул, что большевики не проводили модернизацию, а строили социализм. Это абсолютно верно, но, вместе с тем, никакого противоречия здесь нет, потому, что строя социализм, большевики решали те же самые задачи, которые предполагала модернизация. Больше скажу – если мы посмотрим на все мероприятия большевиков, то мы увидим, что то, что совпадало с задачами модернизации, то было реализовано и осталось, а то, что было чисто социалистическим экспериментом, типа создания коммун, строительства общих жилищ в городах... – такого рода вещи – то они все очень быстро канули в Лету.

Когда большевики выступили как политическая сила, они, безусловно, были крайними модернизаторами. Однако если мы посмотрим на события 1917 г. и последующей Гражданской войны – я не считаю возможным с 1902-го по, Бог знает какой, год вести одну и ту же крестьянскую революцию – там самые разные были этапы, в том числе и лишенные каких бы то ни было революционных событий. Но 1917–1922 гг. – это единое целое, которое можно назвать, без преувеличения, Второй великой российской смутой, потому что она охватила всю территорию страны и вовлекла все этносы, все социальные слои, все политические силы независимо от их направлений. Все воевали против всех. Естественно, не все население, но представители всех этих групп воевали друг против друга.

Возникает вопрос: простите, а кто победил в Гражданской войне? Великая русская смута – это была не просто попытка социалистов-модернизаторов, захватив власть, провести социалистические реформы. В первую очередь, это был мощный взрыв архаического общества в

рамках предшествующих столетий модернизации. Это, если угодно, была реакция традиционного общества на модернизацию. Так как в Российской империи не было политических сил, выступающих против модернизации, – ни одна партия, ни одна идеология против этого не выступала, сколько-нибудь значимая, начиная с духовенства и кончая кем угодно.

А. В. Михайлюк: Черносотенцы разве что...

А. В. Голубев: Нет. Они поддерживали политику правительства, а правительство проводило эту модернизацию, прежде всего. Они не выступали против политики правительства. Какие-то отдельные нюансы вызывали возражения, но, в принципе – противников модернизации не было. То есть традиционная Россия не имела своих политических представителей – но когда она взорвалась, то она, строго говоря, и победила. Победила в Гражданской войне традиционная, большей частью крестьянская, Россия.

Кто был главной ударной силой большинства политических сил и армий? Солдаты-фронтовики. А кто такие были солдаты-фронтовики? На 90% – крестьяне. Хотя они прошли фронт и, конечно, изменились, и нельзя говорить, что они сохранили свой крестьянский менталитет в неприкосновенности, но, в значительной мере, это были представители традиционного общества. Получается парадокс: не просто модернизаторы-западники пришли к власти в архаичной стране, но они пришли к власти на волне мощного взрыва архаики, они удержались у власти только потому, что сумели как-то оседлать, уцепиться за эту волну, получить эту массовую поддержку – и сами превратились в часть вот этого архаичного общества.

Уже начиная с 1917 г., легко видеть, как катастрофически меняется состав большевистской партии, даже на высших эшелонах. Небольшая группа марксистов-подпольщиков или марксистов-эмигрантов – она исчезает в огромной массе людей, выброшенных революцией из своего – традиционного – общества. До самых высших слоев они не успели дойти: до ЦК, до Секретариата, до Политбюро,

они еще не возглавляли наркоматы, но вот средний уровень функционеров, от которых очень многое зависело, не говоря уже о низовом, – это была все та же, традиционная, крестьянская Россия.

С. Ю. Разин: Потом до верхнего уровня дошли.

А. В. Голубев: Потом уже да. Но это потребовало времени. Я сейчас говорю о конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Понимаете, что получается? Получается, что традиционное общество победило, но, благодаря определенному кульбиту истории, оно было вынуждено само себе модернизировать, да с такой энергией, да в таких масштабах и с такой жестокостью, что мы до сих пор не можем понять, что в стране произошло.

А. В. Михайлюк: Я тут добавлю по поводу изменения в составе большевиков. Л. Б. Красин на X съезде партии сказал такую фразу: «В нашей партии 90% проходимцев и приспособленцев и 10% фанатиков. Так вот, я обращаюсь к 90% нашей партии, потому что с фанатиками не о чем разговаривать».

С. Ю. Разин: Вот то, о чем Вы, Александр Владимирович [Голубев], говорили, П. Б. Струве очень точно описал выражением, согласно которому русская революция – это реакция традиционалистских низов на процесс европеизации России.

А. В. Голубев: Совершенно верно.

Н. В. Токарев: В большой степени Александр Владимирович уже меня опередил.

С. Ю. Разин: Который из них?

Н. В. Токарев: Последний, надеюсь, на сегодняшний день. Я имею в виду Голубева. У меня тоже, в принципе, был тезис о реакции традиционного общества на проводимую модернизацию. Я просто хотел бы еще в качестве реплики уточнить некоторые аспекты.

Давайте еще раз вспомним о том, что от отмены крепостного права до коллективизации прошло по историческим меркам совсем мало времени – всего лишь

несколько десятилетий. Ну, сколько там поколений получается? От силы три поколения.

На конференции, в том числе и на нашей, на второй секции, прозвучала мысль о том, что носителями крестьянского сознания были не только те земледельцы, которые работали за плугом и сохой и которые знали, чем рожь отличается от пшеницы. Но также носителями крестьянского сознания были те люди, которые ушли в свое время на заработки в город, поменяли поле деятельности, однако остались, по сословному происхождению, крестьянами. И тут еще более резкая мысль прозвучала – я с ней вполне солидарен – о том, что носителями крестьянского сознания (в выступлении П. П. Марченя) могли быть представители самых разных сословных социальных групп. Потому что – ну хотя бы вспомню я свой родной Тамбов (это не означает, что я их современник и занимаюсь сейчас воспоминаниями) – в начале XX в., по архивным документам известно, что 40-тысячное население Тамбова, благополучное, имело городское стадо, имело участки земли, которые, хотя и носили подсобный характер, но, тем не менее, какое-то отношение к сельскохозяйственному труду они имели. Могу поделиться своими воспоминаниями. Родители работали на Тамбовской ТЭЦ и вплоть до середины 1970-х гг. руководство Тамбовской теплоэлектроцентрали своим работникам предоставляло участки земли. С одной стороны, таким образом решить эту злободневную программу продовольственную, а с другой стороны, ведь все это позволяло выходцам из села не отрываться от своих корней. Хотя он уже давно, в общем, даже в своем родном селе не был. Это первое.

Второй момент. Мы можем вспомнить еще о том, что власти, все равно – будь это что Столыпин, с его принадлежностью к старинному дворянскому роду, что Сталин – то ли осетин, то ли грузин из кавказской глубинки – они, в общем-то, использовали, зачастую, одни и те же методы, пытаясь расколоть реакцию общества, и находя опору, в общем-то, в том самом слое населения,

в отношении которого эта реформа проводилась. Мы можем вспомнить, что Столыпин настойчиво пропагандировал указы 9 ноября и прочие аграрные законы и тем самым он расколол крестьянство. Крестьянство, которое только что в 1905–1907 гг. настолько было едино в своей борьбе против помещичьих имений, устраивая иллюминации, теперь вдруг задумалось о том, что может быть и не стоит заниматься пока изъятием помещичьих земель. Правда, как известно, например, на материалах Тамбовской губернии, слой тех людей, которые могли стать реально опорой столыпинского правительства, то есть готовы были перестроить свое хозяйство на интенсивный лад, был чрезвычайно мал – буквально несколько процентов.

Тем не менее, вот эта попытка расколоть общество свидетельствует о том, что есть определенная преюмственность и в политике властей. Незавершенная модернизация, модернизация, проходившая в условиях, когда не хватало исторического времени – что вызывало ускоренную модернизацию, всякий раз... Смотрите, что у нас получается, если мы говорим о провале столыпинской реформы – хотя, может быть, это не очень осторожно... на то время, что история отвела аграрной реформе Столыпина, можно говорить только о промежуточных результатах – и они были не слишком утешительны. Но ведь проблемы-то остались и по окончании Гражданской войны...

С. Ю. Разин: Проблемы остались. Это как раз и говорит о том, что реформа не удалась.

Н. В. Токарев: Да, да. Раз эти проблемы снова остались, значит, их снова придется решать – и снова в очень короткие исторические сроки. Ждать-то нас никто не будет. Вот поэтому, мне кажется, что... ну, пусть я прослышу фаталистом, но сталинизм был объективно закономерен, как это ни трудно признать. У меня все.

В. А. Ильиних: Можно реплику? Я не отрицаю объективных закономерностей. Вы абсолютно правы в том, что нужно изучать объективные факторы, которые обусловили переход к коллективизации. Но не нужно

впадать в другую крайность, переходить от показа только ужасов коллективизации к фактическому их игнорированию. А именно к этому может привести заикливание на показе объективных факторов. Детерминированность коллективизации не отменяет того факта, что она была трагедией советской деревни. Любой нормальный крестьяновед, любой нормальный бывший сельский житель, любой нормальный аграрник не может коллективизацию воспринимать по-другому, даже осознавая, что она объективна.

Н. В. Токарев: Владимир Андреевич, я просто еще раз напомню, что реформы, которые как реперные точки – отмена крепостного права, столыпинская аграрная реформа, коллективизация и совсем недавние беды российского крестьянства – это все одна большая беда. Можно сказать – этапы большой беды. С этим кто может спорить? Никто.

С. Ю. Разин: Владимир Андреевич, Вы же не будете спорить с тем, что любая история, в том числе и великая русская, российская история – это и драма, и трагедия. И эпоха 1920–1950-х гг. ...

В. А. Ильиных: Если мы остаемся людьми, если мы остаемся гуманистичными людьми, то, даже, исходя из отношения к реформе 1990-х гг., нужно критиковать сталинизм. Насилие имманентно присуще человеческой цивилизации, детерминировано и объективно. Но это не является причиной для его восхваления.

Н. В. Токарев: Ну, нет речи о восхвалении.

В. А. Ильиных: Коллективизация – все равно трагедия! Хотя она объективна. Раскрестьянивание происходит во всех странах. Оно объективно. Где-то оно происходит в относительно более мягком варианте, где-то – в более жестком (например, огораживание в Англии). Но, тем не менее – раскрестьянивание везде остается трагедией!

С. Ю. Разин: Мы же против другого. Мы против того, чтобы в этой трагедии искать и находить одного единственного козла отпущения. Что нам и навязывается.

Нам навязывается упрощенческий подход к собственной истории.

В. А. Ильиных: Я не знаю, к кому Вы обращаетесь. По-моему, здесь нет ни одного человека, который бы это делал.

С. Ю. Разин: К власти. К власти, которая не заинтересована в том, чтобы разбираться объективно, и которой проще всего сказать: «Ату! Хватит! Виноват вот он!» Да. А завтра власть поменяется – и будет другой виноват.

В. А. Ильиных: Это пример того, как власть всегда – и во время коллективизации, и во время Столыпина, и во все остальные времена – относилась и к нам, и к крестьянам и т. д. Мы против такого отношения власти к нам и к крестьянам.

А. В. Михайлюк: Ну, так выбирайте другую власть.

В. А. Ильиных: Другую власть...

Н. В. Токарев: На счет власти я уточню ситуацию. Власть, которая вполне комфортно себя чувствует, когда Сталина называет эффективным менеджером и стремится к созданию одного учебника... Назовет потом его какой-нибудь «Краткий курс». Я не знаю, насколько она пытается оправдать...

С. Ю. Разин: Знаете, несколько смягчая накал наших эмоций, я сейчас хочу воспроизвести то, что часто напоминает постоянный участник наших дискуссий Дмитрий Иванович Люкшин, ссылаясь на своего научного руководителя Владимира Миннетовича Бухараева: конечно, когда власть плохо относится к крестьянину – это плохо, но еще страшнее, когда власть поворачивается к деревне лицом.

П. П. Марченя: У меня тоже реплика или может быть вопрос – не вполне риторический... Как раз по поводу виноватых и по поводу всех этих бед, которые мы перечисляем. Да, в истории много насилия и, в принципе, любой правитель, так или иначе, – тем более в нашей истории – он всегда оказывается в ситуации, когда должен выбирать из зол: какое-то большее, какое-то меньшее. И, опять же в принципе, наверно, нормальный правитель – это

тот, кто способен на насилие меньшее для того, чтобы потом, в итоге, предотвратить насилие большее.

Вот у либералов, с их гуманистическими идеями, было время, когда народ с доверием и надеждой ждал, что же такого они сделают. Ведь был же этот момент, когда еще мы не опозорились с выходом из Первой мировой, когда еще не было Гражданской... То есть вот он, уникальный шанс: они были на гребне, весь народ ждал... и поначалу даже доверял. Однако они показали себя абсолютно не способными править, не способными применить право. Они побоялись применять даже самое необходимое государственное насилие. Чем кончилось? Такими катастрофами и таким злом... Это огромное зло несоизмеримо оказалось с тем минимумом государственного насилия, за которое необходимо было вовремя взять на себя ответственность...

Однако все чудовищные потери, образовавшиеся в результате импотентного «государственного творчества» либералов и так называемых «демократов», мы почему-то списываем на «драконовские методы» большевиков. Но ведь это как раз большевики из этого всего Россию вытянули, и Империю восстановили.

В. А. Ильиных: Понимаете, оправдывать насилие власти в прошлом означает оправдывать насилие власти над нами сегодня.

Н. Р. Романец: У меня вопрос. Я приведу такие цифры. С 1928 по 1933 гг. в Украине репрессировали только за невыполнение хлебозаготовок, посевных планов, неправильный подсчет трудодней и т. д. – 1 млн крестьян. 313 тыс. человек депортировали в 1930–1935 гг. 3,5 млн человек – это смерть от голода в 1932–1933 гг. Затем нужно было снова заселять русскими и белорусскими крестьянами те регионы, которые опустели. В чем экономическая целесообразность таких действий? Сначала голодом уморить 3,5 млн человек, а затем заселять крестьянами из других регионов и на это тратить деньги. То есть в чем рациональность подобных действий?

П. П. Марченя: Во-первых, никто умышленно эти миллионы не морил. Это была трагедия – такое, увы, бывает. Не первый и не последний голод в мировой истории крестьянства. Но про «умышленный» «голодомор» и «геноцид» – это миф. Во-вторых, кто сказал, что все акты, которые в это время осуществлялись, были рациональными? Кто вообще сказал, что российская история носит исключительно «рациональный» характер?

Н. Р. Романец: Нет, я просто Вас слушаю, и, получается, действительно, как в той фразе, которую приписывают Ремарку: «Смерть одного человека – это трагедия, а миллионы – это сухая статистика». Понимаете, я в этом году читала дела каннибалов – детский каннибализм... По-моему, никакой план индустриализации и т. д. этого не может оправдать.

Второй момент. В 1941 г. украинские крестьяне бежали из Советской Армии и немцев встречали с цветами в некоторых селах. Вот это цена коллективизации!

С. Ю. Разин: А в некоторых селах украинские крестьяне воевали с немцами – и цветами их не встречали.

П. П. Марченя: Вы [Н. Р. Романец] говорите про отдельные случаи, а не...

Н. Р. Романец: Это не отдельные случаи!

П. П. Марченя: Но история, извините, рассудила иначе. На июль 1941 г. в действующей армии, *Рабоче-крестьянской*, 20% в первичных партийных ячейках составляли крестьяне. Это из 1,5 млн человек 20% по сословной принадлежности коммунистов – крестьяне. А сколько их было среди «служащих и рабочих», которые писались как служащие и рабочие, а на самом деле тоже были крестьяне – это уже другой вопрос. И в целом армия на 4/5 состояла из крестьянства. Эта армия, тем не менее, в отличие от Первой мировой войны, Вторую мировую войну выиграла.

Н. Р. Романец: Это уже второй вопрос. В 1930-е гг. среди украинского крестьянства постоянно циркулировали слухи о том, чтобы, наконец, началась война, чтобы кто

угодно пришел, чтобы просто от этой власти освободили. Это не единичные слухи.

С. В. Корновенко: У меня такой вопрос: откуда взяли, что Россия Первую мировую войну проиграла?

С. Ю. Разин: А Вы считаете, что она ее выиграла?

С. П. Беспалов: По крайней мере, русская армия Первую мировую войну не проиграла.

В. А. Ильиных: Не проиграла.

С. Ю. Разин: А кто ее проиграл, извините меня?

В. А. Ильиных: Германия ее проиграла. Это всем известно. Брестский мир был аннулирован.

С. Ю. Разин: Русская армия ее не проиграла? А какая армия ее проиграла?

В. А. Ильиных: Германская.

П. П. Марченя: Достойное завершение круглого стола...

С. Ю. Разин: Завершение чисто российское. Говорят все, и в результате никто никого не слышит, и при этом мы говорим о том, что гражданская война закончилась.

П. П. Марченя: Так ведь у нас же не просто круглый стол, а сельский сход. Это аграрники «за стол» собрались.

А. В. Голубев: У меня маленькая реплика.

Я по поводу нескольких прозвучавших фраз. Уважаемые коллеги! Давайте все-таки договоримся, что, как бы мы ни относились к большевикам, но голод 1930-х гг. никем не был сознательно организован и спланирован. Он произошел – это страшная трагедия. Я тоже смотрел дела о каннибализме и на Украине, и в других регионах.

С. Ю. Разин: Вообще, голод бывает в истории крестьянства.

А. В. Голубев: Да, это был страшный голод, редкий по своим масштабам голод, однако он не был ни в коей мере спланирован и сознательно организован. Это документально доказано. Просто сейчас не хочу разворачивать эту тему более подробно.

А по поводу нашего обсуждения у меня родилась такая формула: неудачные реформы сохраняют старые проблемы, удачные реформы порождают новые.

С. Ю. Разин: Слово предоставляется бессменному организатору конференций «Крестьянство и власть...» и соорганизатору нашего сегодняшнего круглого стола Анатолию Ивановичу Шевелькову.

А. И. Шевельков: Все предшествующие выступления преимущественно касались природы сталинизма 1920–1930-х гг. Мне бы хотелось отметить, что в послевоенный период, когда сталинизм достиг своего апогея, в условиях дефицита хлеба в результате засухи 1946 г., вновь были приняты меры жесткого административно-командного характера по отношению к крестьянству. Но теперь это касалось народа-победителя, положившего на алтарь Отечества почти 30 млн жизней. Касалось непосредственно крестьянства, которое кормило армию, помогло не допустить массового голода населения на не захваченных территориях. Но с этим никто уже не считался, как и с 800 тыс. советских военнопленных из немецких лагерей, которые оказались после войны в советских лагерях.

По сути, в послевоенный период произошел возврат к насильственным методам продразверстки. Только теперь это касалось не только единоличных крестьянских хозяйств, а, в первую очередь, общественных хозяйств, где был основной хлеб. Это касалось и колхозов, не находящихся в зоне засухи, которые лишились практически всего хлеба. Хлеб у них изымали не только в счет государственных закупок, но и сверх того. У колхозов отбирали не только хлеб, но часть сельскохозяйственных угодий, включая подсобные хозяйства, а также общественную собственность, недвижимость. Подавляющая часть колхозников не получила натуроплаты, а к многим из тех, кто получил какую-то сельхозпродукцию, применялись меры конфискационного характера. Представители высшего партийно-государственного аппарата, включая

непосредственно ближайшее окружение Сталина, оказали беспрецедентное давление на местные партийные и советские органы власти в ходе выполнения плана госзакупок. Они определили как «гнилую» политику тех руководителей, которые говорили о недопустимости изъятия из хозяйств урожая 1946 г «под чистую», опасности голода, повторения трагедии 1932–1933 гг.

Как и в 1930-е гг., всю вину за подобную антикрестьянскую политику руководство страны возложило на местных партийно-советских функционеров. Одновременно, по указанию Сталина, было не только сокращено потребление хлеба в стране, но и ухудшилось качество хлебобулочной продукции из-за включения различных примесей при производстве. По решению руководства страны несколько миллионов граждан страны лишились продовольственных карточек и должны были выживать самостоятельно. В итоге, по различным оценкам историков, от голода умерло от 700 тыс. до 1 млн 200 тыс., преимущественно сельских жителей. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. составной частью репрессивной политики по отношению к крестьянству стало применение на местах товарищеских судов. Это касалось так называемых «крестьян-тунеядцев» – колхозников, которые или отказывались трудиться в колхозах, или не выполняли минимальную норму трудовой. Произошел возврат к испытанному способу расправы над «строптивыми» крестьянами, который использовался в процессе раскулачивания в 1920–1930-е гг. – выселению за пределы районов и областей. Применялась и практика экономического давления путем урезания наделов личного подсобного хозяйства колхозников, через увеличение налогов. Как рассказывал Н. С. Хрущев, среди предложений Сталина было увеличение на 40 млрд руб. налогов с колхозов, что привело бы их к полному экономическому краху.

Нам представляется, что послевоенный период сталинизма должен стать предметом более пристального исследования историками.

Н. В. Липатова: Уважаемые коллеги, разрешите вернуться к поставленным организаторами вопросам круглого стола – прежде всего к вопросу об исторической преемственности коллективизации и месте крестьянства в империях. Мы очень плотно сосредоточились исключительно на русском и советском крестьянстве, а организаторы попытались призвать нас взглянуть несколько шире. И именно такая постановка вопроса показывает, что мы, как говорится, во вселенной не единственные. Еще опыт номовых хозяйств Египта наглядно демонстрирует роль государства. Более того, этот же опыт показывает, что огосударствление в определенных исторических условиях является эффективным инструментом. В Древнем Египте государство, объединив людей, сохранило прежнюю общинную обязанность – вести общее хозяйство, превратив ее в государственную трудовую повинность. Здесь регулярно проводились переписи населения и хозяйства, в основном для распределения трудовой повинности. Сохранились записи об организации людей в «пятерки» и «десятки» во главе с «руководителем работ». Выполнение работ контролировалось особыми чиновниками – «счетчиками людей», кроме того, существовало разветвленное ведомство по сбору налогов. Согласно мнению М. Вебера, бюрократическая централизация никогда не могла бы достичь той степени совершенства, которой она достигла, без естественного разлива Нила. В России разлива Нила не было, но была сверхзадача – создание тяжелой и военной промышленности, в связи с чем огосударствление представлялось быстрым и эффективным способом решить эту задачу. Возможно предположить, что советский вариант огосударствления земледельца – превращения его в колхозника – это не уникальный самобытный способ, а одна из видоизмененных форм огосударствления, известная человечеству с давних времен.

Второй аспект – это вопрос о преемственности общины в России в советской форме модернизации. В исследованиях российских авторов также существует

точка зрения (О. Ю. Яхшиян), что советская власть в 1920-х гг. воспроизводила традиционные должности общинного самоуправления в виде соответствующих советских должностей: сельский исполнитель (сотские, десятские), председатель, уполномоченный сельсовета (сельский староста и волостной старшина), сельские и волостные секретари (писари). Однако это лишь внешняя сторона общины, точно так же как особые социально-личностные связи внутри деревни. Из общинного устройства ушла сама сущность. Община и ее существование обусловлено не только некой автономией сельского общества, не только особым типом взаимоотношений с властью, но еще и особым типом семейного хозяйства. В хозяйственную деятельность включена вся семья, практически независимо от возраста.

Советская модернизация, секуляризация и ускоренная урбанизация, сначала в 30-е гг., позднее масштабный исход сельского населения в города в 60–70-е гг. XX в. (именно 1970-е гг. назывались коллегами датой окончательной трансформации крестьянства и ликвидации общины) изменили традиционное представление о семье, условиях жизни и т. д. И главное, в чем это проявилось – это демографическая трагедия деревни, сокращение крестьянского населения. В качестве примера можно рассмотреть эффект образования и образовательной миграции из деревни в город. Крестьяне с трудом признавали (что подтверждают многочисленные жалобы на школы) необходимость обучения в школе своих детей. Жалобы подавались, прежде всего, на то, что «дети занимаются маканием перьев в чернильницу вместо работы в поле или по дому». Были и откровенные угрозы учителям. Так, в Сенгилее Ульяновского района Средневолжской области один из родителей написал заявление на школьную учительницу. Суть его заключалась в следующем: если из-за занятий в школе будет провален сенокос и заготовка кормов для скота, то он отправит двух своих сыновей на зиму на проживание к учительнице в дом, а если дети будут

жаловаться на голод, то это будет в полной мере ее вина. Позднее обучение в школе, техникуме или вузе стало даже желанным путем, который позволял родителям оторвать детей от тяжелого крестьянского труда в будущем, что уже шло в разрыв с традиционным общинным укладом.

Поэтому мне кажется, что говорить о преемственности общины и колхоза как ее видоизмененной модернизированной формы, имеющей глубинные корни, не совсем точно. Ведь коллективизация, в отличие от предшествующих крестьянских реформ (1861 г. и аграрной реформы П.А. Столыпина) была не только вынужденной мерой, но и вторичной по отношению к сверхзадаче индустриализации. Крестьянство воспринялось властью как материал для социальных преобразований, своего рода пластилин, из которого она стремилась вылепить сельхозрабочего. Однако жизнь намного сложнее схем и желаний, и в зависимости от территории, климата, близости социалистических строек, конкретных фигур управленцев, других обстоятельств... – складывался индивидуальный вариант сосуществования сталинского режима и крестьянства. Собственно, одна из задач и состоит в изучении этого многообразия трансформации деревни и самой этой способности к трансформации. И очень здорово, что существует такая площадка, как этот круглый стол и проект в целом, для обсуждения, изучения, обмена мнениями.

С. Ю. Разин: Слово предоставляется одному из наиболее авторитетных экспертов по проблеме «Сталинизм и крестьянство», участнику уже нескольких круглых столов нашего проекта и заседаний семинара «Крестьянский вопрос...» Виктору Викторовичу Кондрашину.

В. В. Кондрашин: Тезисно попытаюсь отреагировать на дискуссию и высказаться по существу рассматриваемой проблемы.

Первое. Я считаю, что при обсуждении феномена сталинизма и его влияния на судьбы крестьянства России необходимо основываться на реальных фактах и знаниях по

этой проблеме, а не на логических конструкциях, умозрительно выстроенных по тем или иным схемам.

В данном контексте, как свидетельствует огромный комплекс источников, введенных в научный оборот в последние десятилетия в рамках международных проектов В. П. Данилова «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», а также и других (в том числе завершено под моим научным руководством международного проекта Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934 гг.») антикрестьянский характер аграрной политики сталинского режима очевиден. Также очевиден и факт трагедии советской деревни. За этими выводами нет эмоций и «односторонности» в подходе. Это историческая истина, в отличие от оторванных от источниковой базы теоретических рассуждений ряда уважаемых участников нашего круглого стола.

Большой грех снисходительно и с иронией говорить о страданиях и мучительной гибели миллионов людей от действий власти! Что, они сами уморили себя голодом?! Сгинули на каторге в ГУЛАГе?! И если мы нормальные люди, мы не должны подобным тоном рассуждать на тему сталинизма и его жертвах! Здесь каждое слово должно быть выверено и сбалансировано!

Точно так же никакого «диалога» сталинского режима с крестьянством не было и не могло быть! Если только «диалогом» можно назвать взаимоотношения волка и ягненка! Государство пожирало деревню ради идеи форсированной индустриализации, высасывало из нее все соки.

Второе. Изучив огромный массив документов по сталинской эпохе, в том числе самых важных из Архива Президента России о механизме принятия ключевых решений о судьбах крестьянства на рубеже 1920–1930-х гг., я пришел к выводу, что сталинизм в его реальных проявлениях, а не теоретических схемах, вырос не из теории

марксизма, ленинизма и т. д., а из практики «социалистического строительства». Коллективизацию в ее варварской форме начали не потому, что это было в традиции самодержавия, или с ее помощью необходимо было «завершить гражданскую войну», «раскрестьянить крестьян», «строить социализм в одной стране» и т. д., а потому, что необходимо было получить «быстрые деньги» за счет экспорта хлеба из удобных для этой цели колхозов, чтобы не остановились стройки первой пятилетки и сама индустриализация. В противном случае наступил бы хаос, поскольку валюты для оплаты промышленного оборудования не было; гигантские стройки, где работали сотни тысяч рабочих и крестьян, встали, безработица возросла и в городе, и в деревне, в стране усилился бы продовольственный кризис, особенно в городах. Все было до банальности просто! Необходимо было решать сиюминутные, требующие неотлагательного решения проблемы, а не какие-то идеологические и геополитические, вытекающие из «исторического наследия» и «международного контекста».

Как видно из достоверных источников, само решение о сплошной коллективизации с помощью раскулачивания было принято сталинским руководством спонтанно, неожиданно, а не в результате реализации какого-то хитроумного плана, а тем более какой-то теории. Об этом свидетельствует факт отказа от научно сбалансированного первоначального плана первой пятилетки, где не было ни раскулачивания, ни чрезвычайных комиссий по хлебозаготовкам и т. д. Это уже потом «придворные историки» по указке сверху облекли все, что случилось с советской деревней, в логическую форму и «концепцию», да так ловко, что до сих пор некоторые исследователи сталинской эпохи верят этому всерьез! На эту тему всем полезно познакомиться с монографией выдающегося знатока сталинизма и истории СССР, американского ученого, одного из моих наставников Моше Левина «Советский век» (М.: Планета, 2007), памяти которого я посвятил свою

последнюю книгу о голоде 1932–1933 гг. в СССР, опубликованную в Париже на французском языке.

Самое главное, что очень хорошо видно из документов, ни Сталин, ни кто другой из его ближайшего окружения, в самом кошмарном сне не могли представить, что через 2 года в деревне вымрет от голода свыше 5 млн крестьян в результате их действий. Поэтому к практике сталинизма больше подходит ставшее уже народной поговоркой изречение В. С. Черномырдина: «хотели как лучше, а получилось как всегда!». В этой связи и 1937 год – это не результат реализации на практике теории, а реакция практиков «социалистического строительства» на непредвиденные проблемы и издержки ее реализации в той форме, которая состоялась, в том числе в аграрной сфере.

Третье. Не должно быть спекуляций на трагедии советского крестьянства в период сталинизма, а тем более невежественных и чисто эмоциональных заявлений, типа Н. Р. Романец, о «заселении русскими и белорусскими крестьянами» ставшими «пустыми» регионов Украины в результате голода 1932–1933 гг. Ничего кроме разжигания розни между народами бывшего СССР это не несет! Около 200 тыс. переселенцев из БССР, Западной и Ивановской областей, Горьковского края РСФСР в 1933–1934 гг. никакого влияния на этнический состав Украины не оказали. И никто их не планировал туда заселять взамен намеренно сгубленных украинских крестьян. Переселения были во всех регионах СССР, а не только в Украине. И носили они плановый характер. Да и 3,5 млн жертв голода 1932–1933 гг. в УССР – это завышенная цифра, как минимум, на 1 млн человек!

И последнее, *четвертое.* Я поддерживаю главную идею авторов проекта С. Ю. Разина и П. П. Марченя о необходимости сбалансированной оценки воздействия сталинизма на крестьянство России. Конечно, сталинизм не случаен, имел исторические корни, сторонников в крестьянской среде и т. д. Но от этого не меняется его сущность с точки зрения содержания и результатов его

аграрной политики, уже хорошо всем известных и не нуждающихся ни в каком уточнении. В противном случае надо растоптать репутацию и доброе имя целого поколения российских историков-аграрников и их зарубежных коллег, выстрадавших и приложивших огромные усилия по восстановлению исторической правды о жизни советской деревни в эпоху сталинизма. Их источники, труды доступны и признаны в научном сообществе. Пожелаю такого же успеха их критикам! Не рассуждайте на указанную тему, а идите в архивы, пишите книги, публикуйте документы! Пока же данная полемика в ряде моментов кажется мне не исторической, а чисто политологической и идеологической, может быть даже схоластической, игнорирующей реальные факты, установленные по изучаемой проблеме российскими и зарубежными исследователями, в том числе коллегами и учителями участников этого семинара.

С. Ю. Разин: Спасибо.

Слово постоянному участнику мероприятий нашего проекта – замечательному казанскому крестьяноведа, одному из основоположников популярного сегодня концепта «общинная революция» Дмитрию Ивановичу Люкшину.

Д. И. Люкшин: Сталинизм – это марксизм «там и тогда». Хочется думать, что для отечественной историографии этот и не вывод даже, а давно выученное домашнее задание. Равно как и выстраданное убеждение, что другого марксизма не дадут, а социализм «с человеческим лицом» – тема спектакля для кружка художественной самодеятельности в коррекционной школе. В связи с чем актуальная полвека назад проблема «очистки Ленина от Сталина» может быть профессиональным сообществом безболезненно «снята», поскольку умножение примеров зверств одного никоим образом не может служить к вящей славе другого.

Синтез Ленина и Сталина, инспирированный на заре эпохи сталинизма (к слову сказать, тогда многие пытались «синтезировать» себя с Лениным – мода такая была; просто

история дала шанс Сталину) – это обманка, наподобие пиритового блеска, притягивающая любознательных оптимистов. Утверждаемый в качестве инсигнии потаенного знания, он зовет на поиск истинных смыслов ленинизма, сокрытых под отвалами сталинской руды, отвлекая от сценариев, реализовывавшихся в СССР во второй половине 20-х – начале 50-х гг. прошлого века. Они были интегрированы иными смысловыми кодами (причем не только в хронологических рамках прелиминарии ко Второй мировой войне).

Да, несомненно, Сталин – кровавое чудовище, коварный деспот и вероломный тиран. И, по принципу исторического единоначалия, он несет персональную ответственность за каждого сгнившего в ГУЛАГе и убитого подо Ржевом... Теперь уже можно перейти к анализу его системы концептуальных презентаций по аграрной тематике?

В исторических исследованиях тема «Сталин и крестьянство» обычно сцентрирована на логически увязанных сюжетах «Великого перелома» и «Головокружения от успехов» (эдакого «Великого головокружения»). Слов нет – это ключевые сценарии сталинской пасторали. Тем меньше оснований считать их импровизацией. Скорее уж речь пойдет о «сталинском кооперативном плане», представленном еще в 1925 г. в 70-страничном сборнике «Крестьянский вопрос (статьи и речи)». Он включал в себя 7 текстов 1924–1925 гг., объединенных идеей отсутствия альтернативы наименее болезненным, хотя бы и длительным, путем для приобщения крестьянства к социализму (строительства социализма вместе с крестьянством). Главное, – утверждал Сталин, – «строить социализм вместе с крестьянством, обязательно вместе с крестьянством и обязательно под руководством рабочего класса». И на следующей странице он давал аж 2 цитаты «из Ильича», позволяющие – по канонам большевистской схоластики – намертво сшить основания дискурса. Думаю, нет необходимости напоминать о том тщании, с каким

формировал Сталин свое «Собрание сочинений». И то обстоятельство, что 6 и 7 тома включают в себя все вошедшие в «Крестьянский вопрос» материалы, позволяет отметить, что концептуальные подходы Сталина к этому вопросу ревизии не подвергались.

Другое дело – стратегическое видение глобальных политических процессов, в рамках которого, по меткому наблюдению А. В. Гордона, места для крестьянства просто не находилось. «Основным вопросом в ленинизме... является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата... Крестьянский вопрос является вопросом производным... частью общего вопроса о диктатуре пролетариата». Именно так, уже в 1924 г., Сталин расставляет приоритеты. Поэтому, собственно говоря, и нет смысла дискутировать на тему: являлся ли аграрный вопрос магистральным направлением советской политики в 20–30-е гг. Безотносительно объективного состояния проблемы, главный дискуссионный пункт его таковым не считал. Никто не собирался мужика третировать, не предъявлял к нему претензий – его просто не было в марксистской утопии, не было, соответственно, и в сталинской.

О чем сам Сталин, собственно, и написал. Можно конечно читать между строк... но не совсем понятно – зачем. Знаете, в вопросе о содержании тех или иных трудов, мне лично импонирует наивный цинизм Гэри Норта. В книге «Марксова религия революции (возрождение через хаос)» он утверждал, что, если человек хотел чего-то написать, то уж непременно написал бы – в 54 томах-то. У Сталина, правда, всего 13 томов... Но мне почему-то кажется, что он отнюдь не ограничивал себя в выборе тем и подборе материалов – и публиковал именно то, что считал важным и полезным. Поэтому включение крестьянского сюжета из книги «О Ленине и ленинизме» 1924 г. в 6 том «Собрания сочинений» (правда, уже в формате лекционного курса «Об основах ленинизма»), свидетельствует о том, что сталинское видение аграрной компоненты социалистического строительства не изменилось. И эту

перспективу замыкает фигура колхозника, который – по совокупности атрибутивных признаков – крестьянином не является.

На мой вкус, футуристическая утопия Сталина явно логичнее – и, уж во всяком случае, честнее – легендарного «кооперативного плана» Ленина. Относительно последнего есть мнение, что он был. Но никто его не видел, даже любознательные читатели «Тетрадей “по аграрному вопросу”»... А вот у Сталина план как раз был. И, если верить Сталину, – это был простой, логичный и эффективный план переустройства аграрного сегмента советского хозяйства, согласовывавший нужды аграрных производителей с интересами государства. С подкупающей прямоотой изложенный в 1925 г., он был проиллюстрирован М. А. Шолоховым в 1932-м (с картинками завсегда легче усваивается). А к концу 30-х он уже стал ядром культуртрегерского проекта генезиса советской – колхозной – деревни. Деревни без крестьянина. Современное состояние разработанности темы, кстати говоря, свидетельствует о том, что в рамках отечественной историографии его реализация *de facto* все еще продолжается. А проблематика нашего круглого стола – о том, что в недрах исторического сообщества присутствует некоторая неудовлетворенность самим состоянием разработанности.

Корни этой неудовлетворенности – в очевидном несоответствии плана и результата: идея индустриальной пасторали не была реализована, а вот рурализация оставалась социальным трендом СССР на протяжении всего периода его существования. Некоторые полагают, что она и до сих пор не исчерпана. Однако, решая вопрос: «Что пошло не так?» – не помешает вспомнить об отличительной характеристике сталинских программных нарративов. С изысканной небрежностью автор позволял действительности «дорастить» до его проектов... А выбирая между логикой презентации дискурса и исторической достоверностью, он, безусловно, предпочитал первое. Предпринятый моими казанскими коллегами

(В. М. Бухараев, И. Е. Федотов) анализ ряда ключевых советских текстов, несущих на себе несомненную печать сталинского авторства, позволил выявить и привлечь внимание научно-исторической общественности к этому обстоятельству. Поэтому соотнесение сталинского кооперативного плана с жизненными реалиями советской деревни – задача настолько же непродуктивная, насколько и поиски отличий между сталинской и ленинской сельскими утопиями.

Следовательно, претензии на «несоответствие» не принимаются. Ответ на вопрос об историко-культурном содержании аграрной версии сталинизма может явиться лишь после завершения дискуссии по поводу операционализации (хотя бы и в рабочем формате) самой категории «сталинизм». В этом смысле наш круглый стол, несомненно, является шагом к выработке некоего интегрального постижения социальных процессов, отмеченных вензелем «Эпоха сталинизма».

С. Ю. Разин: Спасибо, Дмитрий Иванович.

А сейчас я хочу предоставить слово нашему гостю из братской Республики Беларусь, коллеге, другу и старшему товарищу, выдающемуся российско-белорусскому ученому – крестьяноведу, историку, политологу, активному участнику уже многих мероприятий нашего проекта – Олегу Григорьевичу Буховцу.

О. Г. Буховец: Уважаемые коллеги, позвольте поделиться некоторыми размышлениями по поводу нашего форума крестьяноведов.

Многоцветье подходов и интерпретаций, предложенных участниками круглого стола по проблеме «Сталинизм и крестьянство», побуждает, ввиду очевидной малостыкуемости некоторых из них, высказать ряд соображений.

Первое. Поскольку «крестьянство» – главное ключевое слово для наших форумов, начнем с него. Тем более что точки зрения ряда участников круглого стола, можно сказать, диаметрально противоположны. По мнению

одних, крестьянство представляет собой «матрицу российской цивилизации». Оно (крестьянство) сумело в ходе массового переселения в города «окрестьянить городскую среду» и даже «сегодня во многом предопределяет специфику массового сознания, политическую и правовую культуру россиян».

Другие же стоят на той позиции, что большевики, будучи марксистами, «не могли ставить перед собой цель сохранить крестьянство» и в их планах модернизации страны «крестьянству не было места». В результате чего, крестьянство в СССР «как социальная группа исчезло».

Думается, что взвешенного ответа на данный вопрос не дать без учета системных свойств таких сложных и трудно постижимых явлений как крестьянство вообще и советское крестьянство в частности. Причем, непременно при этом заостряя внимание на исторической динамике процессов, претерпеваемых ими.

Итак, урбанизация, темпы которой были высоки еще в предвоенной Российской империи, получает в конце 1920-х – начале 1930-х гг. новый импульс. Усиливавшееся давление советской власти на крестьянство, апогеем которого стала коллективизация, и курс на ускоренную индустриализацию вынуждают миллионы крестьян переселяться правдами и неправдами в города. Происходит бурный рост городского населения. В результате советский город 1930–1940-х гг., безусловно, «окрестьянивается». В этом смысле правомерно даже говорить о советской «рурбанизации». Однако, и по выступлениям участников нашего круглого стола, и по множеству литературных источников, видно, что явление «окрестьянивания» толкуется по большей части статично и одномерно.

Поясню, что имеется ввиду. Как показывает обширный опыт, наблюдающийся в разных странах и регионах мира, вчерашний земледелец, став новым горожанином, чтобы не подвергнуться остракизму в новой среде, должен в сжатые сроки перестать отличаться от

среднестатистических «бывалых горожан» по одежде, речи, бытовому поведению и культуре. В силу этого по всем данным признакам он уже в начале городской своей жизни вынужден входить в макрокосм города. Он ведь совсем недавно находился в микрокосме сельской общины.

Кроме того, не может не вызывать удивление то, что упускается из виду кардинальное изменение *образа жизни* вчерашнего земледельца, а ныне городского рабочего или служащего. Ведь именно он, то есть образ жизни, большинством крестьяноведов мира и воспринимается в качестве самого очевидного атрибутивного признака крестьянства.

Дальше – больше: претерпевают существенные изменения и другие «поддерживающие» признаки крестьянского образа жизни. Так, заводу, фабрике или учреждению нужны именно *грамотные* кадры. И вот вчерашний неграмотный (или малограмотный) крестьянин в 1930–40-е гг. получает в рамках советской культурной революции начальное, неполное среднее, а то и полное среднее образование.

В городе нет места также и для традиционных многосоставных патриархальных крестьянских семей. Да и сама тогдашняя острая нехватка жилья явно ускоряла переход к нуклеарной семье, состоящей, в преобладающем, из родителей и детей.

А в советском городе второй половины 1950-х – 1960-х гг. начинают работать новые факторы, размывающие общинно-крестьянский архетип. В самостоятельную жизнь вступают дети вчерашних крестьян, родившиеся уже в городе. Им, городским жителям, навещающим время от времени бабушек и дедушек в деревне, многое в сельской жизни кажется удивительным и далеким от их городской жизни.

Повышение уровня благосостояния народа, особенно осязаемое, начиная со второй половины 1960-х гг., запустило процесс формирования советского «общества потребления». Это, безусловно, не могло не размывать

общинные поведенческие стереотипы и стимулировало рост индивидуализма.

Однако, снобизм советских «шестидесятников» и иже с ними концентрировал внимание общества не на указанных явлениях, а на легендарных «шести сотках», на которых советские рабочие и служащие демонстрировали чудеса «малой агрикультуры».

Но нам-то, специалистам-крестьяноведам, должно быть понятно, что эта «тяга к земле» горожан, хотя и является родовым крестьянским признаком, но признак этот для среднестатистического горожанина – уже все-таки периферийный.

Подытоживая, не могу не выразить огромную благодарность прежде всего организаторам наших круглых столов за их многотрудную и в материально-финансовом отношении нерентабельную деятельность. Спасибо также и всем коллегам-участникам. Мы, безусловно, не можем сказать, что в постсоветском обществе имя нам – легион. Но зато созданная советской модернизационной моделью «тотальная сциентизация», то есть преклонение перед наукой и образованием, в нас, Слава Богу, еще держится...

С. Ю. Разин: Спасибо, Олег Григорьевич.

И последним попросил дать ему слово еще один, далеко не последний участник целого ряда мероприятий проекта «Народ и власть...», в свое время находившийся у истоков знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития», а также принимавший непосредственное участие и в первых шагах нашего семинара «Крестьянский вопрос...». Владимир Валентинович Бабашкин, Ваше слово.

В. В. Бабашкин: Нет лучшего способа спровоцировать русского человека на размышления в определенном направлении, чем официально провозгласить это направление вредным и антинаучным, а правильным – прямо противоположное. И нет более политизированного и идеологизированного направления размышлений в нашей историографии, чем сталинизм вообще и коллективизация в особенности. Поэтому во времена хрущевской «оттепели»

просто обязана была обнаружиться в среде историков какая-то фронда в этом вопросе.

Группа ученых Института истории АН СССР под руководством В. П. Данилова представила рукопись двухтомной истории коллективизации, которая в июле 1965 г. обсуждалась на Ученом совете Института. Однако к этому времени «ползучий сталинизм» (жесткое возвращение к канонам «Краткого курса» без упоминания имени Сталина всеу) подполз уже совсем вплотную, и готовый набор книги в издательстве «Мысль» в 1967 г. был рассыпан. Главную роль в этом сыграл заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников, автор двухтомника «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос».

Спор между Даниловым и Трапезниковым носил методологический характер. Первый утверждал, что НЭПовская крестьянская община эволюционировала через кооперацию в социализм, и эволюция эта была грубо прервана административным насаждением колхозной системы. Второй полагал, что община создавала необходимые предпосылки для коллективизации сельского хозяйства в СССР. Такой эксперт по проблематике крестьянской кооперации в революции как В. В. Кабанов полагал, что позиция Трапезникова ближе к истине, и ссылаясь при этом на Н. Д. Кондратьева, утверждавшего, что для кооперативной коллективизации должно было бы потребоваться лет 600.

Должен отметить, что лейтмотивом нашей полемики на тему «Сталинизм и крестьянство» вот уже второй раз звучит закономерность произошедшего – и никаких кооперативных альтернатив. Представления о том, что «все могло быть иначе», преобладавшие в 1990-е гг., возможно, порождались документальными свидетельствами жестокости и бесчеловечности многого из того, что происходило в деревне в эпоху коллективизации. Возможно, это была интеллектуальная реакция на то, что все это навязчиво предлагалось на протяжении полувека считать

закономерным и разумным в рамках идеологии того бюрократического государства, которое, в конечном итоге, обанкротилось. Скорее всего, срабатывало и то и другое. Просто, как только какой-нибудь «единый учебник истории» (новый «Краткий курс») вберет в себя вот это новое/старое представление о коллективизации, наш ум неизбежно отправится на поиски альтернативы. В этих поисках самое неприятное опять попасть на ту площадку, которую бездумно и безвылазно топчут записные либералы вроде Н.К. Сванидзе, В.И. Новодворской и т. п. Тут может помочь изначальное представление о том огромном разнообразии конкретных форм, которые принимала на практике политика коллективизации в разное время, в разных регионах, в разных деревнях, в судьбах разных людей... Короче говоря, нужно побольше фактов и поосторожнее с обобщениями.

С. Ю. Разин: Коллеги, давайте подводить итоги. Александр Владимирович [Гордон], может быть, в заключение Вы что-то скажете?

А. В. Гордон: Очень трудно что-нибудь сказать.

С. Ю. Разин: Как всегда!

А. В. Гордон: Как всегда! Совершенно верно. Ясно, что мы скатились, что называется, от ваших вопросов, которые вы так заботливо подготовили.

С. Ю. Разин: Значит, у нас всегда есть почва для того, чтобы собраться на очередной круглый стол.

Уважаемые коллеги, позвольте всех поблагодарить за участие в работе круглого стола «Сталинизм и крестьянство»—II. Будем также рады видеть вас на круглом столе «Русское крестьянство и Первая мировая война», который, также в рамках нашего проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», запланирован на апрель 2014 г. Приглашаем к участию всех коллег!

Всем спасибо и до новых встреч!

* * *

Таким образом, на круглом столе (в рамках четвертого заседания семинара) в ходе дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы как место и роль крестьянства в истории империй (Восток, Запад, Россия); крестьянский вопрос и цивилизационная специфика реформ и революций в России; «раскрестьянивание» и «окрестьянивание» в истории России; феномен сталинизма в контексте крестьянской социальной утопии.

В продолжение и развитие состоявшейся дискуссии в рамках пятого заседания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации») в 2014 г. запланировано проведение Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

CONTRIBUTORS AND CONTACT INFORMATION

АНФЕРТЬЕВ Иван Анатольевич – Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; первый заместитель председателя Правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ру», «Вестник архивиста.com» (Россия, Москва)

ANFERTIEV Ivan A. – Honored Worker of Culture of Russian Federation, Candidate of History, Professor of the Department of Contemporary History of Russia of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities; the First Deputy Chairman of the Central Council of the All-Russian Public Organization “Russian society of historians-archivists”; Editor-in-Chief of the journals group “Vestnik arhivista” [“Herald of an archivist”], “Vestnik arhivista.ru”, “Vestnik arhivista.com” (Moscow, Russia)

E-mail: info@vestarchive.ru

БАБАШКИН Владимир Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Москва)

BABASHKIN Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of political science, law, and social communications of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: vbabashkin@rane.ru

БОНДАРЕВ Виталий Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова (Россия, Новочеркасск)

BONDAREV Vitaly A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of State and Law, and the National History of the South Russian State Technical University (NPI) of the Platov's name (Novocherkassk, Russia)

E-mail: narodivlast@gmail.com

ГОРДОН Александр Владимирович – доктор исторических наук; заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам РАН (Россия, Москва)

GORDON Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Sector for Eastern and South-Eastern Asia of the Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: gordon_aleksander@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Россия, Коломна)

EMELYANOVA Elena N. – Candidate of History, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Political Science and Law of the Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia)

E-mail: centavr07@mail.ru

ЕСИКОВ Сергей Альбертович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета (Россия, Тамбов)

YESIKOV Sergey A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department “History and Philosophy” of the Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

E-mail: milana.61@mail.ru

ЕСИКОВА Милана Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета (Россия, Тамбов)

YESIKOVA Milana M. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department “History and Philosophy” of the Tambov State Technical University (Tambov, Russia).

E-mail: milana.61@mail.ru

ЗВЕРЕВ Василий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Москва)

ZVEREV Vasily V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of Russian Statehood of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: v.v.zverev@bk.ru

ИГНАТОВА Людмила Владимировна – аспирант кафедры истории Отечества Ульяновского государственного университета (Россия, Ульяновск)

IGNATOVA Lyudmila V. – Postgraduate of the Department of Russian History of the Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

E-mail: ignatova.mila2013@yandex.ru

КОНДРАШИН Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета (Россия, Пенза)

KONDRASCHIN Viktor V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of “History of Russia, History and Lore and Methods of Teaching History” of the Penza State University (Penza, Russia)

E-mail: vikont37@yandex.ru

КУЛАЧКОВ Вадим Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии (Россия, Брянск)

KULACHKOV Vadim V. – Candidate of History, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology of the Bryansk State Academy of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

E-mail: vad2517@yandex.ru

ЛИПАТОВА Надежда Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Отечества Ульяновского государственного университета (Россия, Ульяновск)

LIPATOVA Nadezhda V. – Candidate of History, Docent, Head of the Department of Russian History of the Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

E-mail: nlipatova@mail.ru

ЛЮКШИН Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории и международных отношений Института международных отношений, доцент кафедры истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, Казань)

LYUKSHIN Dmitriy I. – Candidate of History, Docent, Associate Professor of the Department of Political History and International Relations of the Institute of International Relations, Associate Professor of the Department History and Oriental Studies of the Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

E-mail: Dmitryi.Lyukshin@kpfu.ru

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Россия, Москва)

MARCHENYA Pavel P. – Candidate of History, Docent, Deputy Head of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; Associate Professor of the Research and Training Center “New Russia. History of post-soviet Russia” of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities; Author/Coauthor and Editor of the Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications” (Moscow, Russia)

E-mail: marchenyap@mail.ru

МИХАЙЛЮК Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины (Украина, Днепропетровск)

МУКНАЙЛИК Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Documentation and Informative Activity of the National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnepropetrovsk, Ukraine)

E-mail: mich_al@ukr.net

НИКОЛАШИН Вадим Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета (Россия, Мичуринск)

NIKOLASHIN Vadim P. – Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Management of the Michurinsk State Agrarian University (Michurinsk, Russia)

E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич – заместитель ректора по воспитательной работе, доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий; автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Россия, Москва)

RAZIN Sergey Y. – Deputy Rector for Educational Work, Associate Professor of the Department of Social Studies of the Institute for the Humanities and IT; Author/Coauthor and Coordinator of the Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications” (Moscow, Russia)

E-mail: razin_sergei@mail.ru

РОМАНЕЦ Наталья Радомировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Криворожского национального университета (Украина, Кривой Рог)

ROMANETS Natalia R. – Candidate of History, Docent, Associate Professor of the Department of History of Ukraine of the Kryvyi Rih National University (Ukraine, Kryvyi Rih)

E-mail: romanets1@ukr.net

РОМАНЧЕНКО Валерий Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова (Россия, Саратов)

Romanchenko V. Y. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social-humanitarian Sciences of the Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov (Saratov, Russia)

E-mail: romanvja@yandex.ru

СЕРОГОДСКИЙ Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и методики ее преподавания филиала Кубанского государственного университета (Россия, Славянск-на-Кубани)

SEROGODSKY Nikolai A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Techniques of Its Teaching of the Branch of the Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban, Russia)

E-mail: serogodskyna@mail.ru

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории; директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова (Россия, Новочеркасск)

SKORYK Alexander P. – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and National History; Director of the Institute of History of the Cossacks and Cossack Regions of the South-Russian State Polytechnical University (NPI) of the Platov's name (Novocherkassk, Russia)

E-mail: s_a_p@mail.ru

СУХОВА Ольга Александровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета (Россия, Пенза)

SUKHOVA Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of “History of Russia, History and Lore and Methods of Teaching History” of the Penza State University (Penza, Russia)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

ЧЕРТИЩЕВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России (Россия, Москва)

CHERTISHCHEV Andrey V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

E-mail: narodivlast@gmail.com

ШЕВЕЛЬКОВ Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Россия, Коломна)

SHEVEL'KOV Anatoliy I. – Candidate of History, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Law of the Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia)

E-mail: shevelkov51@mail.ru

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Марченя П. П., Разин С. Ю. **Вместо введения:**
От организаторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

Аннотация: Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является частью научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Крестьянский вопрос рассматривается как основополагающая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации», теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», народ, власть, история России, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьяновеведение, руссиеведение.

Marchenya P. P., Razin S. Y. **Instead of Introduction:**
From Organizers of the Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications”, and the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”

Annotation: The Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development. The Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History” is a part of the Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications”. The Peasant Problem is considered as the fundamental problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications”, Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”, people, power, history of Russia, peasantry, peasant problem, peasant studies, Russian studies.

Анфертьев И. А. Сталин и крестьянский вопрос в условиях реализации советского социального проекта. По документам ЦКК РКП (б) в 1920-е годы

Аннотация: В статье, на основе архивных документов, рассматривается отношение И. В. Сталина к крестьянству в условиях перехода к НЭПу и реализации советского социального проекта, анализируется деятельность Комиссии Президиума ЦКК РКП (б) по проработке вопросов деревни в 1924–1925 гг., предпринята попытка выяснить причины возвышения Сталина в партийной иерархии, строительства социализма в «одной отдельно взятой стране» и отказа от идеи мировой революции.

Ключевые слова: Новая экономическая политика (НЭП), советский социальный проект, диктатура пролетариата, расслоение крестьянства, Комиссия Президиума ЦКК РКП (б), сельская партиячейка, Иосиф Сталин, Емельян Ярославский.

Anfertiev I. A. Stalin and Peasant Problem During Realization Soviet Social Project. On Documents of the Party Control Committee of the Communist Party of the Soviet Union in 1920's

Annotation: In this article on the basis of archival documents is considering attitude of Stalin to peasantry in passage condition to the New Economic Policy (NEP) and realization of Soviet social project. In the article is analyzing the country problem working out activity of Presidium of the Party Control Committee of the Communist Party of the Soviet Union in 1924–1925, finding out the reasons of Stalin rising in party hierarchy, socialism construction in “in One Country” and renunciation of World revolution idea.

Keywords: New Economic Policy (NEP), Soviet social project, dictatorship of the proletariat, peasantry stratification, Party Control Committee of the Communist Party of the Soviet Union, country party cell, Joseph Stalin, Yemelyan Yaroslavsky.

Бабашкин В. В. К вопросу об «аграрном деспотизме»

Аннотация: Статья посвящена таким творческим находкам выдающегося американского ученого М. Левина при изучении вопросов сложного взаимодействия политической и социальной эволюции СССР на рубеже 1920–1930-х гг. как «аграрный комплекс», «архаизация», «аграрный деспотизм».

Ключевые слова: ложное словоупотребление, «аграрный комплекс», «аграрный деспотизм», «культурная контрреволюция».

Babashkin V. V. On the Matter of “Agrarian Despotism”

Annotation: The article is dealing with the investigations of the eminent American scholar M. Lewin in the field of the complicated interdependence and interaction of Soviet political and social evolution at the edge of 1920-s – 1930-s, who operated with such terms as “agrarian complex”, “archaization”, “agrarian despotism”.

Keywords: misnomers, “agrarian complex”, “agrarian despotism”, “cultural counter-revolution”.

Бондарев В. А. О квазисословном статусе колхозного крестьянства «сталинской» эпохи (1930-е – начало 1950-х годов)

Аннотация: В статье на основе анализа результатов сплошной коллективизации и последующего колхозного строительства в Советском Союзе в течение 1930-х – начале 1950-х гг. предпринимается попытка доказательства сохранения и закрепления некоторых характерных сословных черт крепостного крестьянства в сформированной социальной группе колхозного крестьянства.

Ключевые слова: коллективизация, колхозное крестьянство, крепостные, налоги, обязанности, права, повинности, сословие, трудодни.

Bondarev V. A. On Kvazisoslovnom Status of Collective Farmers During “Stalinist” Era (1930's – early 1950's.)

Annotation: On the basis of analysis of solid collectivization and subsequent collective farms in the Soviet Union during the 1930 's – early 1950's attempted proof of the preservation and consolidation of some characteristic features of class of serfs in the social group formed by the collective farmers.

Keywords: collectivization, collective farmers, serfs, taxes, duties, rights, duties, estate, labor days.

Гордон А. В. Аграрная модернизация советского образа: Polemicheskie zametki

Аннотация: В статье анализируются материалы дискуссии «Сталинизм и крестьянство». Ставятся вопросы, в какой мере можно считать советские преобразования «модернизацией»,

была ли коллективизация реализацией ленинских идей о кооперации, каковы были причины насильственных форм преобразования общества при И. В. Сталине.

Ключевые слова: крестьянство, Русская революция, история СССР, коллективизация, модернизация, Ленин, Сталин.

Gordon A. V. Soviet Model of the Agrarian Modernization: Review of Discussion

Annotation: The paper analyzes materials of a discussion on “Stalinism and Peasantry”. Following issues were concerned: 1) at what degree Soviet reforms could be considered “modernization”; 2) should collectivization be considered an implementation of Lenin’s concept of cooperation; 3) what caused violent forms of societal transformation under Stalin’s regime.

Keywords: peasantry, Russian revolution, history of USSR, collectivization, modernity, Lenin, Stalin.

Емельянова Е. Н. Борьба по крестьянскому вопросу в большевистском руководстве: Геополитический аспект

Аннотация: В статье анализируются разногласия в политическом руководстве СССР в переломный этап его развития по важнейшим вопросам модернизации: методам индустриализации в аграрной стране, источникам первоначального накопления, взаимоотношениям власти с различными слоями сельского населения и способам интеграции крестьянства в социалистическое индустриальное общество.

Ключевые слова: ВКП (б), крестьянство, документы, международные отношения.

Emelyanova E. N. Debates on the Peasant Problem in the Bolshevik Leadership: Geopolitical Aspect

Annotation: This article deals with analysis of controversy between political leaders of USSR at the crucial point of its development on significant modernization issues such as means of industrialization in agricultural country, sources of money’s accumulation, relationship between authority and various levels of peasants, means of peasants’ integration into socialist industrial society.

Keywords: C.P.S.U.(B.) (All-Union Communist party (Bolsheviks)), peasantry, documents, international relations.

Есиков С. А., Есикова М. М. Крестьянство и власть накануне коллективизации

Аннотация: Рассмотрены проблемы взаимоотношений крестьянства и власти, состояние аграрного сектора советской экономики в конце НЭПа. Выявлена социальная опора сталинизма в деревне. Проанализированы отношения большевистской власти и крестьянской общины, состояние и перспективы развития единоличного крестьянского хозяйства. Рассмотрены проблемы крестьянского товарного производства.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, коллективизация, землеустройство, землепользование, натурально-потребительское хозяйство, товарное производство.

Yesikov S. A., Yesikova M. M. Peasantry and Power on the Eve of Collectivization

Annotation: Considered the problem of the relationship of the peasantry and the government, the state of the agricultural sector of the Soviet economy at the end of the NEP. Explored the social support of Stalinism in the village. Analyzed the relationship Bolshevik government and the peasant community, the state of development prospects of individual peasant economy. Considered the problems of peasant commodity production.

Keywords: farm, collectivization, land management, land use, natural-consumer economy, commodity production.

Зверев В. В. Крестьянский миропорядок и «год великого перелома», или почему победил Сталин

Аннотация: Статья посвящена изучению традиционного мировосприятия русского крестьянства и его использования И. В. Сталиным для обоснования и пропаганды аграрной политики ВКП (б) в конце 1929 – начале 1930 гг. («год великого перелома»). Автор приходит к выводу о том, что предлагаемые Генеральным секретарем меры по повышению товарности сельскохозяйственной продукции создаваемых колхозов и совхозов основывались на архаике крестьянского существования. В производственно-хозяйственной сфере проводимая политика неминуемо должна была обернуться новым крепостным правом. Активно эксплуатируя веру в близкое «светлое будущее», надежды крестьян на государственный патернализм, «твердую руку» центральной власти в лице верховного правителя, апробированные

и доказавшие свою эффективность приемы социальной демагогии, Сталин сумел завоевать доверие и поддержку значительной массы сельского населения страны. Однако временный успех грозил в дальнейшем нарастанием новых социально-экономических и общественно-политических проблем.

Ключевые слова: мирозерцание, традиционные ценности, бестоварность производства, индустриализация, коллективизация, социальная демагогия.

Zverev V V. Peasant World and “Year of Great Change”, or Why Stalin Was the Winner

Annotation: The article is devoted to studying traditional outlook of the Russian peasantry and the use Stalin made of it to justify and promote the Bolshevik Party agrarian policy late in 1929 – the beginning of 1930 (“the Year of Great Change”). The author comes to the conclusion that the measures General Secretary offered to increase marketable grain in newly organized collective and state farms were based on the archaic of peasant existence. The pursued policy in the sphere of economy and production was inevitably to turn out a new serfdom. Exploiting peasant belief in near “Bright Future”, peasant hopes for state paternalism, “a Firm Hand” central power personalized by the Supreme governor, efficient social demagogy Stalin managed to gain trust and support of considerable mass of the village population of the country. However the temporary success threatened with further increase of new social and economic and political problems.

Keywords: outlook, traditional values, natural consuming production, industrialization, collectivization, social demagogy.

Кондрашин В. В. Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса

Аннотация: В статье анализируется проблема феномена сталинизма в истории России с точки зрения содержания и результатов его аграрной политики в контексте отечественного и зарубежного исторического опыта. Делается вывод о политизации проблемы и необходимости ее изучения на основе принципа историзма и в международном контексте.

Ключевые слова: сталинизм, крестьянство, принцип историзма, международный контекст.

Kondraschin V. V. Phenomenon of Stalinism in the Context of World and National History of the Practice of Resolving the Peasant Question

Annotation: The article analyzes the phenomenon of Stalinism in the history of Russia from the point of view of the content and the results of its agricultural policy in the context of domestic and foreign historical experience. A conclusion is made about the politicization of the problem and the need of its study on the basis of the principle of historicism and international context.

Keywords: Stalinism, peasantry, principle of historicism, international context.

Кулачков В. В. Идея «Крестьянского союза» в повседневных настроениях сопротивления сталинизму (на материалах деревни Западного региона России 1920-х годов)

Аннотация: Автор рассматривает настроения деревни Западного региона России в 1920-е гг., связанные с идеей объединения в «Крестьянский союз» как одной из форм повседневного сопротивления сталинизму. Крестьяне высказывались в пользу консолидации главным образом из-за второстепенного положения деревни, «ножниц цен» и высокого налогообложения. Но негативное отношение власти и нерешительное поведение крестьянства не позволили «Крестьянскому союзу» воплотиться в реалиях 1920-х гг.

Ключевые слова: Крестьянский союз; настроения; крестьянство; деревня; сталинизм; Западный регион России.

Kulachkov V. V. Idea of “Peasant Union” in Everyday Mood of Resistance to Stalinism (on the Materials of the Villages of the Western Region Russia of the 1920s)

Annotation: The Author considers the mood of a village West region of Russia in the 1920s, associated with the idea of unification of “Peasant Union” as one of the forms of everyday resistance to Stalinism. The peasants were in favor of consolidation due mainly to a secondary position of the village, the “price scissors” and high taxation. But the negative attitude of the authorities and indecisive behavior of the peasantry did not allow to “Peasant Union” incarnate in the realities of the 1920s.

Keywords: Farmers' Union; mood; peasantry; village; Stalinism; Western region of Russia.

Люкшин Д. И. Пряничный домик Дядюшки Джо: интенции и апории аграрной политики «первого» сталинизма

Аннотация: Статья посвящена проблеме генезиса советской аграрной политики и определению параметров нового общественного договора в период «первого сталинизма». Статья представляет собой попытку исследования на стыке методологии и проблематики аграрной истории и крестьяноведения.

Ключевые слова: сталинизм, общинная революция, крестьяне, отечественное историческое сообщество, государство, периферия.

Lyukshin D. I. Gingerbread House Uncle Joe: Intents and Aporia of Agrarian Policy of “First” Stalinism

Annotation: The article is dedicated to the issue of the Genesis of the Soviet agricultural policy, defining the parameters of a new social contract in the period of “first” Stalinism. The article is an attempt to study at the junction of the methodology and problems of agrarian history and peasant studies.

Keywords: Stalinism, community-based revolution, peasants, Russian historical society, state, periphery.

Михайлюк А. В. Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – окрестьянивания» в XX веке

Аннотация: Модернизация рассматривается как процесс перехода от «традиционного» к «современному» обществу, который объективно ведет к раскрестьяниванию сельского хозяйства и ликвидации крестьянства «как класса». Рассматриваются особенности советской модели модернизации в контексте «крестьянского вопроса».

Ключевые слова: модернизация, крестьянство, власть, советское общество.

Mykhailiuk A. V. Modernization and Processes of “Social Degradation of Peasantry” – “Social Becoming of Peasantry” in the XX-th Century

Annotation: Modernization is examined as a transition process from «traditional» to “modern” society, which objectively conducts to “social degradation of peasantry” of agriculture and liquidation of peasantry “as a class”. The feature of soviet model of modernization in the context of “peasant question” is considered.

Keywords: modernization, peasantry, power, soviet society.

Николашин В. П. Деятельность прокуратуры Тамбовского округа и Тамбова в 1930–1931 годах: деревня в объективе «ока государева»

Аннотация: В статье изучается деятельность прокуратуры в тамбовской деревне в 1930–1931 гг. Прокуратура как один из ключевых органов государственной административной машины вела активную работу на хлебном «фронте», контролировала процессы обобществления аграрного сектора и раскулачивания. В ряде случаев «победы» агентов Советской власти в деревне вели к негативным экономическим сдвигам. Исторический опыт борьбы прокуратуры с «перегибами» в условиях аграрных трансформаций имеет особую значимость и требует специального исследования.

Ключевые слова: прокуратура, коллективизация, деревня, власть, крестьянство.

Nikolashin V. P. Activities of the Prosecutor's Office of Tambov Region and Tambov in 1930–1931: the Village through the Lens of an “Eye Monarchic”

Annotation: The paper examines the activities of the Prosecutor's office in Tambov village in the 1930–1931 Prosecutor's office, as one of the key organs of state administrative system, had been active at bread “front”, had control of the processes of socialization of the agricultural sector and dispossession. In some cases, the «victory» agents of Soviet power in the countryside led to negative economic shifts. The historical experience of the struggle of the Prosecutor's office “inflections” in the conditions of agrarian transformation is of particular importance and requires a special study.

Keywords: Prosecutor's office, collectivization, village, power, peasantry.

Романец Н. Р. Цена «великого перелома»: социальные и морально-психологические последствия массовых репрессий в украинском селе 1928–1936 годов

Аннотация: В статье анализируются социальные и морально-психологические последствия массовых репрессий в украинском селе в 1928–1936 гг. Показано, что созданная властью в годы сталинской модернизации аграрного сектора система тотального насилия в украинском селе привела к маргинализации и деморализации крестьянского общества. При

этом насилии начало восприниматься как норма в отношениях власти и крестьянства.

Ключевые слова: репрессии, политика, украинское село, крестьяне, насилие.

Romanets N. R. Price of the “Great Turning”: Social, Moral and Psychological Consequences of Mass Repressions in the Ukrainian Village in 1928–1933’s

Annotation: This article analyzes the social, moral and psychological effects of mass repressions in the Ukrainian village in 1928–1936. It is shown that the system of total violence in a Ukrainian village, set in the years of Stalin's modernization of the agricultural sector, has led to the marginalization and demoralization of the peasant society. At the beginning of this violence is seen as the norm in relations between the government and the peasantry.

Keywords: repressions, policy, Ukrainian village, peasants, violence.

Романченко В. Я. Сталинизм и крестьянство в Великой Русской революции

Аннотация: В данной статье в рамках проблематики международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство» рассматриваются с позиции диалектического единства и борьбы противоположностей проблемы взаимоотношений сталинской власти и крестьянства в условиях Великой Русской революции, общее и особенное этих отношений в контексте российской модернизации.

Ключевые слова: крестьянство, сталинская власть, Великая Русская революция, сталинская модернизация, крестьянское движение, гражданская война, НЭП.

Romanchenko V. Y. Stalinism and Peasantry in the Great Russian Revolution

Annotation: In this article the issues of the international round table “Stalinism and the peasantry” are considered from the perspective of the dialectical unity and struggle of opposites problems of relationship between the rule of Stalin and the peasantry under the Great Russian revolution, General and special features of these relations in the context of Russian modernization.

Keywords: peasants, Stalin's power, Great Russian revolution, Stalin's modernization, peasant movement, Civil war, NEP (New Economic Policy).

Серогодский Н. А. Сталинская коллективизация: новые подходы в современной отечественной историографии

Аннотация: В статье дан анализ современных исследований по проблеме коллективизации в СССР. Отмечается, что новые подходы к изучению данной проблемы появились в условиях перестройки. Именно в этот период подверглись критике устоявшиеся в советской историографии взгляды на причины и последствия сталинской «революции сверху» для российской деревни. В статье представлены основные подходы современных исследователей к оценке действий Сталина и его сторонников по отношению к крестьянству и возможным альтернативам раскулачивания и сплошной коллективизации.

Ключевые слова: коллективизация, ликвидация кулачества как класса, раскулачивание, колхоз, кооперация, хлебозаготовки, кулак, середняк.

Serogodsky N. A. Stalin's Collectivization: New Approaches in Contemporary Russian Historiography

Annotation: The article is an analysis of current research on the problem of collectivization in the USSR. Notes that new approaches to the study of this problem emerged during perestroika. It was during this period when established views on the causes and consequences of Stalin's “revolution from above” for the Russian countryside have been criticized in the Soviet historiography. The article presents the main approaches of contemporary researchers to examine the actions of Stalin and his supporters on the peasants and the possible alternatives to dispossession and collectivization.

Keywords: collectivization, elimination of the kulaks as a class, dispossession, collective, cooperative, grain procurement, fist, middle peasants.

Скорик А. П. Коллективизация и «рассказывание» в 1930-х годах (на материалах Юга России)

Аннотация: В статье на основе анализа сложившейся российской историографии и исторических источников доказывается, что два исторических процесса сталинской

коллективизации и рассказывания не тождественны друг другу, и казачество не было ликвидировано в ходе антиказачьих акций в 1930-е гг., а сохранилось как социальная группа советского колхозного казачества.

Ключевые слова: антиказачьи акции, десословизация, кампания «за советское казачество», коллективизация, ликвидация казачества, рассказывание, репрессии, статус казачества, субэтнос.

Skoryk A. P. Collectivization and “Cossacks Which” in 1930’s (on the Materials of the South of Russia)

Annotation: In the article on the basis of analysis of the current Russian historiography and historical sources prove that the two of historic process of Stalinist collectivization and the Cossacks which are not identical to each other, and the Cossacks were not eliminated during the antikazachih shares in 1930, and remained as a social group of Soviet collective Cossacks.

Keywords: antikazachi shares, desoslovizatsiya, the campaign "for the Soviet Cossacks ", collectivization, the elimination of the Cossacks, the Cossacks which, repression, the status of the Cossacks, subethnos.

Сухова О. А. Советское крестьянство как объект социального конструирования в эпоху коллективизации (по материалам Архива Президента РФ)

Аннотация: В статье анализируются процессы конструирования новой социальной реальности в условиях осуществления политики коллективизации, представленные в оценках рядовых участников и политической элиты СССР. Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00060 «Механизм создания и функционирования колхозно-совхозной системы в СССР по документам Архива Президента Российской Федерации».

Ключевые слова: российское крестьянство, советское государство, социальное конструирование.

Sukhova O. A. Soviet Peasantry as an Object of Social Construction in the Era of the Collectivization (Materials of the Archive of the President of the Russian Federation)

Annotation: This article analyses the processes of social construction in the conditions of a policy of collectivization presented in the estimates of the average participants and political elite of the USSR. This article was prepared in the framework of the project RGNF No. 13-01-00060 “Mechanism of creation and functioning of collective and state farm system in the USSR according to the documents of the Archive of the President of the Russian Federation”

Keywords: Russian peasantry, Soviet state, social construction.

***Чертушцев А. В.* Сталинизм как реальность крестьянской социальной утопии**

Аннотация: В статье представлен анализ эволюции крестьянской утопии и социальной практики власти вплоть до «раскрестьянивания» этого самого многочисленного слоя России. Выделяются некоторые характерные признаки данного процесса и его последствия для будущего страны.

Ключевые слова: сталинизм, крестьянство, модернизация, раскрестьянивание, крестьянская община, коллективизация, утопия.

***Chertishchev A. V.* Stalinism as the Reality of Peasant Social Utopia**

Annotation: The present article deals with the analysis of the evolution of peasant utopia and the social practice of power up to the deprivation the most numerous stratum of society of their class nature and social status. Some characteristic signs of this process and its consequences for the future of the country have been singled out.

Keywords: Stalinism, peasantry, modernization, deprivation peasants of their class nature and social status, peasant community, collectivization, utopia.

***Шевельков А. И.* Политика государства по отношению к крестьянству в послевоенные годы СССР**

Аннотация: В статье рассматривается возрождение политики продразверстки по отношению к колхозам и крестьянству, методы проведения хлебозаготовок в чрезвычайных условиях засухи и голода 1946 г. и в последующие годы.

Ключевые слова: продразверстка, хлебозаготовки, голод, крестьянство, колхозы, колхозники.

Shevel'kov A. I. State Policy Towards the Peasantry in the Postwar Years of the USSR

Annotation: The article analyses the revival of the surplus appropriation policy in relation to the kolkhozes and the peasantry as well as the state grain purchases methods under the emergency conditions of the drought and famine in 1946 and the years to follow.

Keywords: surplus appropriation system, state grain purchases, famine, peasant, kolkhozes, kolkhozniki.

Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» (Рождение теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)

Аннотация: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в XX веке. Крестьянский вопрос рассматривается как основополагающая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

Ключевые слова: крестьянство, власть, крестьянский вопрос, крестьянская община, крестьянское сознание, революция, коллективизация, история России, крестьяноведение, руссиеведение.

Marchenya P. P., Razin S. Y. Peasant Problem as Alpha and Omega of the National Modernization: International Roundtable Discussion “Peasantry and Power in History of Russia in the XX-th Century” (Genesis of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”)

Annotation: The international round table discussion “Peasantry and Power in History of Russia in XX Century” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of peasantry and power as the most important agents in Russian historical development in the XX-th century. The Peasant Problem is considered as the fundamental problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: peasantry, power, peasant problem, peasant commune, peasant consciousness, revolution, collectivization, history of Russia, Russian studies.

Марченя П. П., Разин С. Ю. Община и революция: Заседание № 1 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

Аннотация: Первое заседание семинара было посвящено обсуждению докладов «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» (А. Н. Медушевский) и «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» (Д. И. Люкшин). Оригинальные интерпретации аграрного конфликта представляют новые аргументы для понимания причин и результатов реформ в российском переходном обществе.

Ключевые слова: крестьянство, крестьянская община, аграрный вопрос, правовой дуализм, моральная экономика, Русская смута, революция, реформа, модернизация, история России, крестьяноведение, россиеведение.

Marchenya P. P., Razin S. Y. Peasant Commune and Revolution: Session No. 1 of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”

Annotation: The first session of the seminar was devoted to reports of “Law and Justice: Alternatives Strategies of Agrarian Reforms in Pre-Revolutionary Russia” (A. N. Medushevsky) and “Second Russian Strife: Tricky Answer to Unfound Agrarian Question” (D. I. Lyukshin). Original interpretations of the agrarian conflict provide new arguments for understanding of the reforms’ reasons and results in Russian transitional society.

Keywords: peasantry, peasant commune, agrarian question, legal dualism, moral economy, “Russian Smuta” (Russian Strife, Time of Trouble, Distemper), revolution, reform, modernization, history of Russia, peasant studies, Russian studies.

Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянство под колесами прогресса: Заседание № 2 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

Аннотация: Второе заседание семинара Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» было посвящено обсуждению доклада «Судьбы крестьянства в XX веке: цивилизационный аспект» (А. В. Гордон). В этом докладе был представлен краткий сравнительный анализ ключевых моментов истории русского, французского и китайского крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство, крестьяноведение, крестьянский вопрос, субъект истории, крестьянская община, модернизация, реформа, цивилизация, история России, история Китая, история Франции.

Marchenya P. P., Razin S. Y. Peasantry Under Wheel of Progress: Session No. 2 of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”

Annotation: The second session of the seminar of the Centre for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, and of the Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications” was devoted to discussion of the report “Fates of Peasantry in the XX Century: the Civilizational Dimension” (A. V. Gordon). This report is a brief comparative analysis of the key moments of the history of Russian, French and Chinese peasantry.

Keywords: peasantry, peasant studies, peasant problem, peasant community, subject of history, modernization, reform, civilization, history of Russia, history of China, history of France.

Марченя П. П., Разин С. Ю. Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» (Заседание № 3 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)

Аннотация: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов этой темы как значимой проблемы исторического развития России в XX веке. Крестьянский вопрос рассматривается как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

Ключевые слова: сталинизм, власть, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьянская община, модернизация, реформа, коллективизация, история России, крестьяноведение, россиеведение.

Marchenya P. P., Razin S. Y. Communist Russia as Mega-Commune: First International Roundtable Discussions “Stalinism and Peasantry” (Session No. 3 of Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”)

Annotation: The First International Roundtable Discussions “Stalinism and Peasantry” (I and II) is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of this topic as the important problem in Russian historical development in the XX-th century. The Peasant Problem is considered as the fundamental problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: Stalinism, power, peasantry, peasant problem, peasant community, modernization, reform, collectivization, history of Russia, peasant studies, Russian studies.

Марченя П. П., Разин С. Ю. Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» (Заседание № 4 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)

Аннотация: Второй Международный круглый стол посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы «Сталинизм и крестьянство» как значимой проблемы исторического развития России в XX веке. Крестьянский вопрос рассматривается как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

Ключевые слова: сталинизм, власть, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьянская община, модернизация, реформа, коллективизация, история России, крестьяноведение, россиеведение.

Marchenya P. P., Razin S. Y. Joseph Stalin as Peasant Tsar: Second International Roundtable Discussions “Stalinism and

Peasantry” (Session No. 4 of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”)

Annotation: The Second International Roundtable Discussions “Stalinism and Peasantry” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of this topic as the important problem in Russian historical development in the XX-th century. The Peasant Problem is considered as the fundamental problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: Stalinism, power, peasantry, peasant problem, peasant community, modernization, reform, collectivization, history of Russia, peasant studies, Russian studies.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
(2009–2013)

(свободный полнотекстовый доступ)¹

MAIN PUBLICATIONS
of the Scientific Project
“People and Power: History of Russia and Its Falsifications”
(2009–2013)
(Free Online Full-Text Articles)

1. Сборники научных статей

1. Collections of Scientific Articles

1. Народ и власть в российской смуте: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: ВВА, 2010. 348 с. (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 1) // <http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>

Narod i vlast' v rossiyskoy smute: sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Zhurnal "Vlast", Institut sotsiologii RAN, Moskva, 23 oktyabrya 2009 g.) [People and Power in Russian Strife: Collection of Scientific Articles of Participants of the International Roundtable (Journal "Authority", Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, October 23, 2009)] / ed. P. Marchenya and S. Razin. Moscow: VVA [Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin], 2010. 348 p. (The Scientific Project "People and Power: History of Russia and Its Falsifications". Issue 1) // <http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>

2. Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разин. М.: АПР, 2011. 472 с. (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 2) //http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf

Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Zhurnal "Vlast'", Institut sotsiologii RAN, Moskva, 12 noyabrya 2010 g.) [Peasantry and Power in the History of Russia XX Century: Collection of Scientific Articles of Participants of the International Roundtable (Journal "Authority", Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, November 12, 2010)] / ed. P. Marchenya and S. Razin. Moscow: APR, 2011. 472 p. (The Scientific Project "People and Power: History of Russia and Its Falsifications". Issue 2) //http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf

3. Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разин. М.: АПР, 2012. 388 с. (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 3) //<http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>

Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii: sbornik nauchnykh statey (k 95-letiyu Fevralya–Oktyabrya 1917 g.) [Russia and Revolution: Past and Present Systemic Crises of Russian History: Collection of Scientific Articles (to Celebrate the 95-th Anniversary of the February–October 1917)] / ed. P. Marchenya and S. Razin. Moscow: VVA [Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin], 2012. 388 p. (The Scientific Project "People and Power: History of Russia and Its Falsifications". Issue 3) //<http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>

2. Статьи проекта в рецензируемых научных изданиях

2. Articles of the Project in Peer-Reviewed Scientific Journals

4. *Марченя П. П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. 2009. № 17. С. 212–227 // <http://www.docme.ru/doc/89088/marchenya-p.p.-izuchenie-massovogo-soznaniya-revolucionnoj-e-pohi.pdf>

Marchenya P. P. Izuchenie massovogo soznaniya revolyutsionnoy epokhi 1917 g. v otechestvennoy istoricheskoy nauke [Historical research on mass consciousness of 1917 revolutionary epoch in domestic historiography] // Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii [RGGU Bulletin. Scientific History. History of Russia Series]. 2009. No. 17. P. 212–227 // <http://www.docme.ru/doc/89088/marchenya-p.p.-izuchenie-massovogo-soznaniya-revolucionnoj-e-pohi.pdf>

5. *Марченя П. П.* Психология масс и партий в русской революции: от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 23–34 // <http://www.docme.ru/doc/232670/psihologiya-mass-i-partij-v-russkoj-revolucii.pdf>

Marchenya P. P. Psikhologiya mass i partiy v russkoy revolyutsii: ot Fevralya k Oktyabryu 1917 g. [Psychology of Masses and Parties in Russian Revolution: from February to October 1917] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii // [Bulletin Scientific Journal of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian History]. 2009. No. 3. P. 23–34 // <http://www.docme.ru/doc/232670/psihologiya-mass-i-partij-v-russkoj-revolucii.pdf>

6. *Марченя П. П.* Партийные идеологемы в массовом сознании «демократической» России: власть и массы от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Поморского университета [Вестник Северного (Арктического) федерального университета]. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 11–17 // <http://www.docme.ru/doc/89604/marchenya-p.p.-partijnye-ideologemy-v-massovom-soznanii.pdf>

Marchenya P. P. Partiyne ideologemy v massovom soznanii «demokraticheskoy» Rossii: vlast' i massy ot Fevralya k Oktyabryu 1917 g. [Parties Ideologems in Mass Consciousness of «Democratic» Russia: Power and Masses from February to October 1917] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta]. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences]. 2009. No. 3. P. 11–17 // <http://www.docme.ru/doc/89604/marchenya-p.p.-partijnye-ideologemy-v-massovom-soznanii.pdf>

7. *Разин С. Ю.* Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // Власть. 2009. № 2. С. 106–110 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/02/Rossijskaya_mnogopartiynost.pdf

Razin S. Yu. Rossiyskaya mnogopartiynost' i imperskiy mif v istorii russkoy revolyutsii [Russian Multiparty System and Imperial Myth in the History of the Russian Revolution] // Vlast' [Authority]. 2009. No. 2. P. 106–110 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/02/Rossijskaya_mnogopartiynost.pdf

8. *Марченя П. П.* Империя, партии и массы в русской смуте // Власть. 2010. № 3. С. 105–110 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/03/Imperia_partii.pdf

Marchenya P. P. Imperiya, partii i massy v russkoy smute [Empire, Parties and Masses in the Russian Political Revolt] // Vlast' [Authority]. 2010. No. 3. P. 105–110 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/03/Imperia_partii.pdf

9. *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: 1-ya chast' [International Roundtable Discussions “People and Authorities in the Time of Revolt”: 1st part] // Vlast' [Authority]. 2010. No. 4. P. 14–17 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf

10. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // *Власть*. 2010. № 5. С. 10–14 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: 2-ya chast' [International Roundtable Discussions “People and Authorities in the Time of Revolt”: 2rd part] // *Vlast' [Authority]*. 2010. No. 5. P. 10–14 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf

11. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // *Власть*. 2010. № 6. С. 13–17 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: 3-ya chast' [International Roundtable Discussions “People and Authorities in the Time of Revolt”: 3rd part] // *Vlast' [Authority]*. 2010. No. 6. P. 13–17 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf

12. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 9–14 // <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf>

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: 4-ya chast' [International Roundtable Discussions “People and Authorities in the Time of Revolt”: 4rd part] // *Vlast' [Authority]*. 2010. No. 7. P. 9–14 // <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf>

13. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 9–13 // http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: 5-ya chast'

[International Roundtable Discussions “People and Authorities in the Time of Revolt”: 5rd part] // *Vlast'* [Authority]. 2010. No. 8. P. 9–13
[//http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf)

14. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // *Власть*. 2010. № 9. С. 16–21
[//http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf)

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: 6-ya chast' [International Roundtable Discussions “People and Authorities in the Time of Revolt”: 6rd part] // *Vlast'* [Authority]. 2010. No. 9. P. 16–21
[//http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf)

15. Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // *Вестник архивиста*. 2010. № 3. С. 288–302
[//http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf)

Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. Yu. “Narod i vlast' v rossiyskoy smute”: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov v Rossii [“People and Power in Russian Strife”]: Past and Present Systemic Crises in Russia] // *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist]. 2010. No. 3. P. 288–302
[//http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf)

16. *Buldakov V. P., Marchenya P. P., Razin S. U. “People and Power in Russian Strife”*: the Past and the Future of System crises in Russia. Results of International Roundtable Discussions in the Institute of Sociology of RAN // *Herald of an archivist* [*Vestnik arkhivista.com*]. July 28, 2010
[//http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the](http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the)

[Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и будущее системных кризисов в России. Итоги Международного круглого стола в Институте социологии РАН // *Вестник архивиста.com*. 2010]
[//http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the](http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the)

17. *Разин С. Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. 2010. № 2. С. 223–234 // <http://users4496447.socionet.ru/files/perestr.pdf>

Razin S. Yu. “Perestrojka” i “Smuta” na Mezhdunarodnom kruglom stole “Narod i vlast' v rossiyskoy smute” [“Perestrojka” and “Strife” at “People and Power in Russian Strife” International Roundtable Discussions] // Federalizm [Federalism]. 2010. No. 2. P. 223–234 // <http://users4496447.socionet.ru/files/perestr.pdf>

18. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134 // <http://users4496447.socionet.ru/files/imper.pdf>

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Imperiya i Smuta – invarianty rossiyskoy istorii [Empire and Strife as invariants of Russian history] // Federalizm [Federalism]. 2010. No. 3. P. 121–134 // <http://users4496447.socionet.ru/files/imper.pdf>

19. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Народ и власть в русской смуте // Обозреватель–Observer. 2010. № 7. С. 96–103 // http://www.rau.su/observer/N7_2010/096_103.pdf

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Narod i vlast' v russkoy smute [People and Power in Russian Strife] // Obozrevatel'–Observer. 2010. No. 7. P. 96–103 // http://www.rau.su/observer/N7_2010/096_103.pdf

20. *Марченя П. П.* Безумие и логика русской смуты: От Февраля к Октябрю 1917-го // Родина. 2010. № 8. С. 80–81. // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=3658&n=162.pdf

Marchenya P. P. Bezumie i logika russkoy smuty: Ot Fevralya k Oktyabryu 1917-go [Folly and logic of Russian Smuta: From February to October 1917] // Rodina [Homeland]. 2010. No. 8. P. 80–81 // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=3658&n=162.pdf

21. *Марченя П. П.* Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20–22 // <http://www.docme.ru/doc/89090/marchenya-p.p.-massovoe-pravosoznanie-kak-faktor.pdf>

Marchenya P. P. Massovoe pravosochnanie kak faktor russkoy revolyutsii 1917 g. [Mass Juridical Conscience as a Factor of Russian Revolution of 1917] // Istorija gosudarstva i prava [History of State and Law]. 2010. No. 9. P. 20–22 // <http://www.docme.ru/doc/89090/marchenya-p.p.-massovoe-pravosochnanie-kak-faktor.pdf>

22. *Марченя П. П.* Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2010. № 3. С. 86–90 // <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2010/03/22.pdf>

Marchenya P. P. Sovremennye podkhody k izucheniyu mass i massovogo soznaniya v istorii: tendentsii i rezul'taty [Modern Approaches to Studying of the Masses and Mass Consciousness in History: Trends and Results] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy zhurnal) [Modern Research of Social Problems (Electronic Journal)] 2010. No. 3. P. 86–90 // <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2010/03/22.pdf>

23. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Крестьянство и власть в России // Социологические исследования (Социс). 2010. № 9. С. 140 // http://isras.ru/files/File/Socis/2010-9/Marchenya_23.pdf

Marchenya P. P., Razin S. Yu., Ionov I.N. Krest'yanstvo i vlast' v Rossii [Peasantry and Power in Russia] // Sotsiologicheskie issledovaniya (Sotsis) [Sociological Studies (Socis)]. 2010. No. 9. P. 140 // http://isras.ru/files/File/Socis/2010-9/Marchenya_23.pdf

24. *Марченя П. П.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43 // <http://users4496447.socionet.ru/files/zmiy.pdf>

Marchenya P. P. “Zelenyy zmiy” na sluzhbe “Krasnoy smuty”: alkogol' i p'yanye pogromy ot Fevralya k Oktyabryu 1917-go [“Green Serpent” on Service “Red Strife”: Alcohol and Drunk Pogroms from February to October 1917] // Istoriya v podrobnostyakh [History in

25. *Марченя П. П.* Октябрь 1917-го как узловая проблема современного россиеведения // История в подробностях. 2010. № 4. С. 76–83 // <http://users4496447.socionet.ru/files/okt.pdf>

Marchenya P. P. Oktyabr' 1917-go kak uzlovaya problema sovremennogo rossievedeniya [October 1917 as Nodal Problem of Contemporary Russian studies] // Istoriya v podrobnostyakh [History in Detail]. 2010. No. 4. P. 76–83 // <http://users4496447.socionet.ru/files/okt.pdf>

26. *Марченя П. П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // История в подробностях. 2010. № 5. С. 86–91 // <http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>

Marchenya P. P. Smuta» как problema otechestvennoy istorii: Chemu uchat sistemnye krizisy Rossii? [“Time of Trouble” as a Problem of National History: That Teaches the System Crises of Russia?] // Istoriya v podrobnostyakh [History in Detail] // <http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>

27. *Марченя П. П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // История в подробностях. 2010. № 6. С. 88–96 // <http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf>

Marchenya P. P. Krest'yanin i Imperiya: est' li smysl u “russskogo bunta”? [Peasant and Empire: Is There any Sense in “Russian Revolt”?] // Istoriya v podrobnostyakh [History in Detail]. 2010. No. 6. P. 88–96 // <http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf>

28. *Марченя П. П.* Безумие и логика Смуты-1917: большевики в зеркале массового сознания // Знание-сила. 2010. № 11. С. 57–64 // <http://www.docme.ru/doc/83027/znanie--sila-2010-11.pdf>

Marchenya P. P. Bezumie i logika Smuty-1917: bol'sheviki v zerkale massovogo soznaniya [Madness and Logic of the Strife-1917: Bolsheviks in the Mirror of the Mass Consciousness] // Znanie-sila [Knowledge-Power]. 2010. No. 11. P. 57–64 // <http://www.docme.ru/doc/83027/znanie--sila-2010-11.pdf>

29. Марченя П. П., Разин С. Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. 2010. № 4 (69). С. 48–65
[//http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf)

Marchenya P. P., Razin S. Yu. “Smutovedenie” kak “gordiev uzel” rossievedeniya: Ot imperii k smute, ot smuty k..? [“Study of Troubled Times” as a “Gordian Knot” of the Russian Studies: From Empire to Strife, from Strife to..?] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and Contemporary World]. 2010. No. 4. P. 48–65
[//http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf)

30. Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171
[//http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf](http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf)

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodny krugly stol “Krestyanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka”: 1-ya chast' [International Roundtable Discussions “Peasantry and Power in History of Russia in the XX-th Century”]: 1st part // Vlast' [Authority]. 2011. No. 8. P. 161–171
[//http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf](http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf)

31. Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184
[//http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf)

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Mezhdunarodny krugly stol “Krestyanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka”: 2-ya chast' [International Roundtable Discussions “Peasantry and Power in History of Russia in the XX-th Century”]: 2rd part // Vlast' [Authority]. 2011. No. 9. P. 173–184
[//http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf)

32. Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 18–25
[//http://rau.su/observer/N9_2011/018_025.pdf](http://rau.su/observer/N9_2011/018_025.pdf)

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Krest'yanstvo i vlast' kak "dve Rossii" [Peasantry and Power as "Two Russias"] // *Obozrevatel'–Observer*. 2011. No. 9. P. 18–25 // http://rau.su/observer/N9_2011/018_025.pdf

33. *Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций: По итогам первого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»* // *Обозреватель–Observer*. 2011. № 11. С. 30–44 // http://rau.su/observer/N11_2011/030_044.pdf

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Krest'yanskiy vopros kak faktor rossiyskikh reform i revolyutsiy: Po itogam pervogo zasedaniya teoreticheskogo seminar "Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii" [Peasant Problem as Factor of the Russian Reforms and Revolutions: (On the Results of the First Session of the Theoretical Seminar "Peasant Problem in National and World History")] // *Obozrevatel'–Observer*. 2011. No. 11. P. 30–44 // http://rau.su/observer/N11_2011/030_044.pdf

34. *Марченя П. П., Разин С. Ю. «Империя» и «Смута» в современном российеведении* // *Новый исторический вестник*. 2011. № 4. С. 89–96 // <http://www.docme.ru/doc/89085/<imperiya>-i-<smuta>-v-rossievedenii.pdf>

Marchenya P. P., Razin S. Yu. "Imperiya" i "Smuta" v sovremennom rossievedenii ["Empire" and "Strife" in Modern Russian Studies] // *Novyy istoricheskiy Vestnik* [New Historical Bulletin]. 2011. No. 4. P. 89–96 // <http://www.docme.ru/doc/89085/<imperiya>-i-<smuta>-v-rossievedenii.pdf>

35. *Марченя П. П. А что за Февралем? Особенности национального политического календаря* // *История в подробностях*. 2012. № 2. С. 92–98 // <http://users4496447.socionet.ru/files/fevr.pdf>

Marchenya P. P. A chto za Fevralem? Osobennosti natsional'nogo politicheskogo kalendar'ya [That Will be Subsequent to February? Particularities of the Russian National Political Calendar] // *Istoriya v podrobnostyakh* [History in Detail]. 2012. No. 2. P. 92–98 // <http://users4496447.socionet.ru/files/fevr.pdf>

36. *Марченя П. П.* О полидисциплинарном подходе к изучению места и роли масс в истории // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. 2012. № 4. С. 261–275 // <http://users4496447.socionet.ru/files/polidis.pdf>

Marchenya P. P. O polidistsiplinarnom podkhode k izucheniyu mesta i roli mass v istorii [About polydisciplinary approach to study of place and role of mass in history] // Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii [RGGU Bulletin. Scientific History. History of Russia Series]. 2012. No. 4. P. 261–275 // <http://users4496447.socionet.ru/files/polidis.pdf>

37. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»: материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 2012. Вып. 7. М.: Дело РАНХиГС, 2012. С. 375–416 // http://www.docme.ru/doc/244892/krest_vanovedenie-7.pdf

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Teoreticheskiy seminar “Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii”: materialy pervogo zasedaniya [Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”: Materials of the First Session] // Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': Uchenye zapiski. 2012. Vyp. 7 [Peasant Studies. Theory. History. Modernity. Proceedings of 2012. Issue 7]. М.: Delo RANKhiGS [Moscow: The Publishing House “DELO” of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], 2012. P. 375–416 // http://www.docme.ru/doc/244892/krest_vanovedenie-7.pdf

38. *Марченя П. П., Бельский В. Ю.* Феномен масс как предмет мультидисциплинарного исследования // Философские исследования и современность: Вып. 1. М.: ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2012. С. 150–165. // <http://users4496447.socionet.ru/files/phenomen1.pdf>

Marchenya P. P., Bel'skiy V. Yu. Fenomen mass kak predmet multidistsiplinarnogo issledovaniya [Phenomenon of the Masses as a Object of Multidisciplinary Research] // Filosofskie issledovaniya i sovremennost' [Philosophical Researches and Modernity]: Issue 1. Moscow: VVA [Air Force Academy named after Professor

N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin], 2012. P. 150–165
[//http://users4496447.socionet.ru/files/phenomen1.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/phenomen1.pdf)

39. *Марченя П. П.* Русское правосознание как проблема проективного россиеведения // Социально-философский анализ правовой жизни общества. М.: АПР, 2012. С. 149–162
[//http://users4496447.socionet.ru/files/Russ.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/Russ.pdf)

Marchenya P. P. Russkoe pravosoznanie kak problema proektivnogo rossievedeniya [Russian Sense of Justice as a Problem of Projective Russian Studies] // Sotsial'no-filosofskiy analiz pravovoy zhizni obshchestva [Social-philosophical Analysis of the Legal Society]. Moscow: APR, 2012. P. 149–162 [//http://users4496447.socionet.ru/files/Russ.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/Russ.pdf)

40. *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219
[//http://users4496447.socionet.ru/files/sem.1.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/sem.1.pdf)

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Agrarnyy vopros i russkaya revolyutsiya: Pervoe zasedanie teoreticheskogo seminar "Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii" [Agrarian Issue and the Russian Revolution. The First Session of the Theoretical Seminar "Peasant Problem in National and World History"] // Rossiyskaya istoriya [Russian History]. 2012. No. 5. P. 217–219
[//http://users4496447.socionet.ru/files/sem.1.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/sem.1.pdf)

41. *Марченя П. П., Разин С. Ю., Ионов И. Н.* Крестьянство и власть в истории России XX века (По итогам Международного «Круглого стола») // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 79–95 [//http://users4496447.socionet.ru/files/ons.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/ons.pdf)

Marchenya P. P., Razin S. Yu., Ionov I. N. Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka (Po itogam Mezhdunarodnogo "Kruglogo stola") "Peasantry and Power in History of Russia in the XX-th Century" (On the Results of the International "Roundtable Discussion") // Obshchestvennye nauki i sovremennost' ["Social Sciences and Modernity"]. 2012. No. 3. P. 79–95 [//http://users4496447.socionet.ru/files/ons.pdf](http://users4496447.socionet.ru/files/ons.pdf)

42. Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Peasant-Studies.pdf>

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Krest'yanovedenie kak rossievedenie (diskussii kruglogo stola "Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka") [Peasant Studies as Russian Studies (Debates at the International Roundtable Discussion "Peasantry and Power in the History of 20-th Century")] // Znanie. Poniimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. 2012. No. 3. P. 355–360 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Peasant-Studies.pdf>

43. Марченя П. П. Баба и Смута: К мифу о «не женском лице войны» и прочих социальных бед // История в подробностях. 2012. № 11. С. 82–89 // <http://users4496447.socionet.ru/files/baba.pdf>

Marchenya P. P. Baba i Smuta: K mifu o "ne zhenskom litse voyny" i prochikh sotsial'nykh bed [Woman and Time of Trouble: To the Myth of "War is not a Woman's Face" and Other Social Ills] // Istoriya v podrobnostyakh [History in Detail]. 2012. No. 11. P. 82–89 // <http://users4496447.socionet.ru/files/baba.pdf>

44. Марченя П. П. «Февраль» и «Октябрь» в российском календаре // Научный диалог. 2013. № 1. С. 21–34 // <http://users4496447.socionet.ru/files/f-o.pdf>

Marchenya P. P. "Fevral" i "Oktyabr" v rossiyskom kalendare ["February" and "October" in the Russian Calendar] // Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]. 2013. No. 1. P. 21–34 // <http://users4496447.socionet.ru/files/f-o.pdf>

45. Марченя П. П. Массы и массовое сознание как предмет массовой политики // Массовая политика в России: пути изучения и концептуализации: круглый стол / Институт социологии РАН, 29 мая 2013 // http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Kruglyi_stol/RT_DCPS_29_05_13.pdf С. 7–13, 17, 27–28.

Marchenya P. P. Massy i massovoe soznanie kak predmet massovoy politiki [Masses and Mass Consciousness as an Object of Mass Politics] // Massovaya politika v Rossii: puti izucheniya i

kontseptualizatsii: kruglyy stol [Mass Policy in Russia: Ways of Study and Conceptualization: Roundtable Discussions] / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, May 29, 2013// <http://users4496447.socionet.ru/files/f-o.pdf>. P. 7–13, 17, 27–28.

46. *Марченя П. П.* Фригийский колпак Февраля и терновый венец Октября // *Обозреватель–Observer*. 2013. № 7. С. 103–114 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Frigiy.pdf>

Marchenya P. P. Frigiyskiy kolpak Fevralya i ternovyuy venets Oktyabrya [Phrygian Cap of February and Crown of Thorns of October] // *Obozrevatel'–Observer*. 2013. No. 7. P. 103–114 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Frigiy.pdf>

47. *Марченя П. П.* Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования // *Философские исследования и современность: Вып. 2.* М.: ИД Акад. им. Н. Е. Жуковского, 2013. С. 117–136 // <http://users4496447.socionet.ru/files/concept2.pdf>

Marchenya P. P. Kontsept imperii kak predmet mul'tidistsiplinarnogo issledovaniya // *Filosofskie issledovaniya i sovremennost'* [Philosophical Researches and Modernity]: Issue 2. Moscow: The Publishing House Academy named after N. E. Zhukovsky, 2013. P. 117–136 // <http://users4496447.socionet.ru/files/concept2.pdf>

48. Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы»: Материал подготовили к публикации *Марченя П. П., Разин С. Ю.* // *Новый исторический вестник*. 2013. № 3. С. 98–147 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>

Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: problemy i perspektivy”: Material podgotovili k publikatsii *Marchenya P. P., Razin S. Yu.* [International Round Table “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”] // *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin] 2013. No. 3. P. 98–147 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>

49. Марченя П. П. Социалисты-революционеры в России 1917 года: неонародники без народа // Научный диалог. 2013. № 12. С. 108–124 // <http://www.docme.ru/doc/225673/socialisty-revolucionery-v-rossii-1917-goda--neonardniki...pdf>

Marchenya P. P. Socialisty-revoljucionery v Rossii 1917 goda: neonardniki bez naroda [Socialists Revolutionaries in Russia in 1917: Neopopulists Without People] // Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]. 2013. No. 12. P. 108–124 // <http://www.docme.ru/doc/225673/socialisty-revolucionery-v-rossii-1917-goda--neonardniki...pdf>

50. Марченя П. П., Разин С. Ю. Судьбы крестьянства в XX веке. По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 348–385 // http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf

Marchenya P. P., Razin S. Yu. Fates of the Peasantry in the XX-th Century. The Results of the Second Session of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History” // Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': Uchenye zapiski. 2013. Vyp. 8 [Peasant Studies. Theory. History. Modernity. Proceedings of 2013. Issue 8]. M.: Delo RANKhiGS [Moscow: The Publishing House “DELO” of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], 2013. P. 348–385 // http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf

51. Марченя П. П., Разин С. Ю. Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 386–440 // http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf

Marchenya P.P., Razin S.Y. Stalinism and Peasantry. The Results of the First International Roundtable Discussions (Third Session of the Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”) // Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': Uchenye zapiski. 2013. Vyp. 8 [Peasant Studies. Theory. History. Modernity.

Proceedings of 2013. Issue 8]. M.: Delo RANKhiGS [Moscow: The Publishing House “DELO” of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], 2013. P. 386–440 // http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf

3. Статьи в рамках тематической серии проекта

3. Articles in the Thematic Series Project

52. *Гордон А. В.* Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революция // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 8. С. 92–105 // http://users4496447.socionet.ru/files/2012_8.pdf

Gordon A. V. Sud'by revolyutsionnogo naslediya: Oktyabr'skaya, Fevral'skaya i Frantsuzskaya revolyutsiya [Revolution in memoriam: October, February and the French Revolution] // *Obozrevatel'–Observer*. 2012. No. 8. P. 92–105 // http://users4496447.socionet.ru/files/2012_8.pdf

53. *Булдаков В. П.* Революция и миф: критические заметки о некоторых историографических тенденциях // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 9. С. 107–115 // http://users4496447.socionet.ru/files/2012_9.pdf

Buldakov V. P. Revolyutsiya i mif: kriticheskie zametki o nekotorykh istoriograficheskikh tendentsiyakh [Revolution and Myth. Critical Notes on Some Historiographical Biases] // *Obozrevatel'–Observer*. 2012. No. 9. P. 107–115 // http://users4496447.socionet.ru/files/2012_9.pdf

54. *Карпенко С. В.* Добровольческая армия и казачий «Юго-восточный союз»: разные пути возрождения России // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 10. С. 118–127 // <http://users4496447.socionet.ru/files/svk.pdf>

Karpenko S. V. Dobrovol'cheskaya armiya i kazachiy «Yugo-vostochnyy soyuz»: raznye puti vrozozhdeniya Rossii [Volunteer Army and Cossack Southeastern Union: the Different Ways of the Russian

Statehood Restoration] // Obozrevatel'–Observer. 2012. No. 10. P. 118–127 // <http://users4496447.socionet.ru/files/svk.pdf>

55. *Чертищев А. В.* Можно ли остановить революцию // Обозреватель–Observer. 2012. № 12. С. 93–105 // http://www.rau.su/observer/N12_2012/093_105.pdf

Chertishchev A. V. Mozhno li ostanovit' revolyutsiyu [Is It Possible To Stop Revolution?] // Obozrevatel'–Observer. 2012. No. 12. P. 93–105 // http://www.rau.su/observer/N12_2012/093_105.pdf

56. *Багдасарян В. Э.* Советский проект и мировые исторические тренды // Обозреватель–Observer. 2013. № 1. С. 96–113 // http://www.rau.su/observer/N1_2013/096_113.pdf

Bagdasaryan V. E. Sovetskiy proekt i mirovye istoricheskie trendy [Soviet Project and World Historical Trends] // Obozrevatel'–Observer. 2013. No. 1. P. 96–113 // http://www.rau.su/observer/N1_2013/096_113.pdf

57. *Люкшин Д. И.* Революция навыворот // Обозреватель–Observer. 2013. № 7. С. 115–126 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Lyukshin.pdf>

Lyukshin D. I. Revolyutsiya navyvorot [Revolution “Inside out”] // Obozrevatel'–Observer. 2013. No. 7. P. 115–126 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Lyukshin.pdf>

4. Статьи о проекте (внешние экспертные отзывы)

4. Articles about the Project (External Peer Reviews)

58. *Фурсов А. И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: 1-я часть // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 22–35 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs1.pdf>

Fursov A. I. Smuty i revoljucii: dialektika vnutrennego i vneshnego: 1-ja chast' [Smuta and Revolutions: Dialectics of Internal and External: 1st part] // Obozrevatel'–Observer. 2012. No. 3. P. 22–35 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs1.pdf>

59. *Фурсов А. И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: 2-я часть // *Обозреватель—Observer*. 2012. № 4. С. 7–19 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs2.pdf>

Fursov A. I. Smuty i revoljucii: dialektika vnutrennego i vneshnego: 2-ja chast' [Smuta and Revolutions: Dialectics of Internal and External: 2nd part] // *Obozrevatel'—Observer*. 2012. No. 4. P. 7–19 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs2.pdf>

60. *Фурсов А. И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: 1-я часть // *Обозреватель—Observer*. 2012. № 6. С. 69–89 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>

Fursov A. I. Krest'janstvo: problemy social'noj filosofii i social'noj teorii: 1-ja chast' [Peasantry: Problems of Social Philosophy and Social Theory: 1st part] // *Obozrevatel'—Observer*. 2012. No. 6. P. 69–89 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>

61. *Фурсов А. И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: 2-я часть // *Обозреватель—Observer*. 2012. № 7. С. 76–98 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs4.pdf>

Fursov A. I. Krest'janstvo: problemy social'noj filosofii i social'noj teorii: 2-ja chast' [Peasantry: Problems of Social Philosophy and Social Theory: 2nd part] // *Obozrevatel'—Observer*. 2012. No. 7. P. 76–98 // <http://users4496447.socionet.ru/files/furs4.pdf>

62. *Бродовская Л. Н.* Крестьяноведение в исследовательском поле // *Родина*. 2013. № 4. С. 35–37 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Brod.pdf>

Brodovskaya L. N. Krest'yanovedenie v issledovatel'skom pole [Peasant Studies in Exploratory Field] // *Rodina* [Homeland]. 2013. No. 4. P. 35–37 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Brod.pdf>

63. *Бродовская Л. Н.* Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории // *Власть*. 2013. № 4. С. 189–191 // <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Brodovskaya.pdf>

Brodovskaya L. N. Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii [Peasant Problem in National and World History] // Vlast' [Authority]. 2013. No. 4. P. 189–191 // <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Brodovskaya.pdf>

64. *Ревин И. А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 56–66 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Proekt1.pdf>

Revin I. A. Krest'yanskaya Rossiya i Vtoraya russkaya smuta: nauchnyy projekt “Narod i vlast” v otechestvennoy istoriografii revolyutsionnykh krizisov [Peasant Russia and Second Russian Smuta: Research Project “People and Power” in the National Historiography of Revolutionary Crises] // Novyy istoricheskiy Vestnik [New Historical Bulletin]. 2013. No. 2. P. 56–66 // <http://users4496447.socionet.ru/files/Proekt1.pdf>

65. *Шевельков А. И.* Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // Научный диалог. 2013. № 12. С. 169–181 // <http://www.docme.ru/doc/225703/peasantstudies.pdf>

Shevelkov A. I. Krest'janskije shtudii nauchnogo projekta “Narod i vlast': Istorija Rossii i ee fal'sifikacii” [Peasant Studies of Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications”] // Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue] 2013. No. 12. P. 169–181 // <http://www.docme.ru/doc/225703/peasantstudies.pdf>

Примечания

¹ Все (в том числе и не перечисленные выше) публикации проекта (и о проекте) размещаются в свободном доступе в Открытом Архиве научного информационного пространства системы СОЦИОНЕТ: <http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvui>

Частично публикации проекта также размещаются:

– в НЭБ eLibrary.ru (РИНЦ):

http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=379029

http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=518947

– в НЭБ «Гражданское общество в России»

[Проект Института социологии РАН, журнала «Полис» и др.]:

<http://www.civisbook.ru/publ2011.html?fio=120>

<http://www.civisbook.ru/publ2011.html?fio=121>

– на сайте SciPeople.ru:

<http://scipeople.ru/users/4496447/>

<http://scipeople.ru/users/6155069/>

– в ORCID:

<http://orcid.org/0000-0001-8943-2640>

<http://orcid.org/0000-0002-6550-2672>

– в ResearcherID:

<http://www.researcherid.com/rid/D-3154-2013>

<http://www.researcherid.com/rid/E-2283-2013>

– на форуме журнала «Новый исторический вестник»:

<http://www.nivestnik.ru/phpbb3/>

и др.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1

23 октября 2009 г.

в Институте социологии РАН (Москва)

в рамках научного проекта

«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

состоялся Международный круглый стол журнала «Власть»

«НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут (как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества). В дискуссиях приняли активное участие более 30 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России и Беларуси.

Основные проблемные направления дискуссий круглого стола:

- Смута/революция, кризисный ритм российской истории: прошлое и настоящее.
- Динамика разрывания системных кризисов.
- Элиты и массы в российских смутах.
- Смуты и российская власть: ожидаемое и действительное.

Ведущим круглого стола был д. и. н., с. н. с. ИРИ РАН (Москва) В. П. Булдаков.

Материалы круглого стола были опубликованы в журнале «Власть» (2010, №№4–9) и на сайте ИС РАН. Информация о состоявшихся дискуссиях и серия аналитических статей по их мотивам опубликованы также в целом ряде других ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

По итогам работы круглого стола подготовлен сборник статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 1) (<http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>).

Краткие информационные сообщения о круглом столе на специализированных научных сайтах сети Интернет:

- на сайте Института социологии РАН: http://www.isras.ru/vlast_ks_2009.html
- на сайте журнала «Новый исторический вестник»: <http://www.nivestnik.ru/anons/22.shtml>
- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://www.vestarchive.ru/1/1003-1-n-.html>

и др.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2

12 ноября 2010 г.

в Институте социологии РАН (Москва)

в рамках научного проекта

**«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
состоялся Международный круглый стол журнала «Власть»
«КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА»**

Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов «крестьянского вопроса» и его роли в отечественной истории XX века. «Крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены основные конфликты российской истории. В дискуссиях приняли участие 43 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России, Беларуси, Украины.

Основные проблемные направления дискуссий круглого стола:

- «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества.
- XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны.
- «Великий незнакомец» и публичная политика в России: мифы и реальность.
- Русское крестьянство: «могилищик» Империи или ее цивилизационный фундамент?
- «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации...

Ведущим круглого стола был д. и. н., проф., зав. каф. политологии БГЭУ (Минск), г. н. с. ИЕ РАН (Москва) О. Г. Буховец.

Материалы круглого стола были опубликованы в журнале «Власть» (2011, №№8–9) и на сайте ИС РАН. Информация о состоявшихся дискуссиях и серия аналитических статей по их мотивам опубликованы также в ряде других ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

По итогам работы круглого стола подготовлен сборник статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 2) (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

Краткие информационные сообщения:

- на сайте ИС РАН: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1478
- на сайте журнала «Новый исторический вестник»: <http://nivistnik.ru/anons/24.shtml>
- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://www.vestarchive.ru/1/1261-1krestianstvo-i-vlast-v-istorii-rossii-xx-vekar.html> и др.

ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 1

27 апреля 2011 г.

в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

состоялось первое заседание теоретического семинара

«КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ»

научного проекта

«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
и Центра аграрных исследований РАНХиГС

В 1990-е гг. заметным явлением в общественных науках России стал систематически проводившийся под эгидой ИРИ РАН и Междисциплинарного академического центра социальных исследований (Интерцентра) МВШСЭН теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития». Его организация была связана прежде всего с именами двух известных ученых – британского крестьяноведа и социолога Т. Шанина и отечественного историка-аграрника В. П. Данилова. Между соорганизаторами этого семинара В. В. Бабашкиным и А. М. Никулиным (ЦАИ РАНХиГС) и соавторами научного проекта «Народ и власть...» П. П. Марченя и С. Ю. Разиным достигнута договоренность об организации нового совместного постоянно действующего теоретического семинара. Эта идея получила одобрение Т. Шанина.

На обсуждение участников первого заседания были вынесены доклады:

- «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» (д. ф. н., проф., г. н. с. ИРИ РАН, главный редактор журнала «Российская история» А. Н. Медушевский (Москва).

- «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» (к. и. н., доц. каф. политической истории Казанского (Приволжского) Федерального университета Д. И. Люкшин (Казань).

В состоявшейся в ходе обсуждения докладов дискуссии приняли активное участие 12 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Москвы, Казани, Пензы, Тамбова).

Материалы первого заседания теоретического семинара и аналитические статьи по его проблематике опубликованы в ряде федеральных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ, а также в ежегоднике: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7 (http://www.docme.ru/doc/244892/krest._yanovedenie-7.pdf).

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://www.vestarchive.ru/konferencii/1543-1krestianskii-vopros-v-otechestvennoi-i-mirovoi-istorii-teoreticheskii-seminar.html>

и др.

ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 2

20 декабря 2011 г.

в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

состоялось второе заседание теоретического семинара

«КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ»

научного проекта

**«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
и Центра аграрных исследований РАНХиГС**

На обсуждение участников второго заседания был вынесен доклад доклада патриарха отечественного крестьяноведения – доктора исторических наук, заведующего сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН А. В. Гордона:

- «Судьбы крестьянства в XX в.: цивилизационный аспект».

В этом докладе был представлен краткий сравнительный анализ ключевых моментов истории русского, французского и китайского крестьянства.

В центре внимания были вопросы:

- Роль и судьба крестьянства в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу;
- Аграрные реформы XIX–XX вв.: отечественный и мировой опыт;
- Крестьянский вопрос и модернизация в России;
- Власть и крестьянство в истории КНР;
- Эволюция земельных отношений и региональная специфика в развитии сельского хозяйства во Франции.

В состоявшейся в ходе обсуждения доклада дискуссии приняли активное участие 15 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Москвы, Казани, Новочеркасска, Пензы, Тамбова).

Материалы второго заседания теоретического семинара и аналитические статьи по его проблематике опубликованы в ряде рецензируемых научных изданий, а также в ежегоднике: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8 (http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf).

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://www.vestarchive.ru/konferencii/1543-1krestianskii-vopros-v-otechestvennoi-i-mirovoi-istorii-teoreticheskii-seminar.html>

и др.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 3 / ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 3

22 мая 2012 г.

в Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)
в рамках третьего заседания теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»
научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
и Центра аграрных исследований РАНХиГС
состоялся

Первый Международный круглый стол «СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО»

В центре внимания участников обсуждения были вопросы:

- Власть и крестьянство в отечественной системе взаимодействия государства и общества советского и постсоветского периода;
- Феномен сталинизма: генезис, сущность, смысл и значение;
- Сталинизм: догматический марксизм или прагматическая политика;
- Марксизм и крестьянство;
- XX век России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание»;
- Цивилизационная специфика российской модернизации;
- Традиция и Модерн в мировой истории XX в.;
- Влияние геоэкономических и геополитических процессов на развитие советского общества в 20–30-е гг.;
- Расслоение крестьянства в 20-е гг.: мифы и реальность;
- Причины краха НЭПа;
- Колхоз и община: общее и особенное.

В состоявшейся дискуссии приняли активное участие 24 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России, Беларуси и Великобритании.

Материалы Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара) и аналитические статьи по его проблематике запланированы к публикации в ряде рецензируемых научных изданий, а также в ежегоднике: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8 (http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf).

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://vestarchive.ru/1/1880-1stalinizm-i-krestianstvo-mejdynarodnyi-kryglyi-stol-v-rossiiskoi-akademii-narodnogo-hoziaistva-.html>
- на портале «Родная история» (РГТУ): <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/konferencii-vistavki-kruglie-stoli/konferencii.-kruglie-stoli.-vistavki.-prezentacii/stalinizm-i-krestyanstvo.html>

и др.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 4

16 апреля 2013 г.
в Институте гуманитарного образования
и информационных технологий (ИГУМОиИТ, Москва)
совместно с журналами «Союз», «Новый исторический вестник»
и Российским государственным гуманитарным университетом
в рамках научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»
состоялся Международный круглый стол
«РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве в контексте евразийской и мировой истории.

Участникам были предложены к обсуждению проблемы:

- Постсоветское пространство в контексте исторического ритма Евразии;
- Уроки СССР и пути постсоветской интеграции: назад в будущее или вперед в прошлое?;
- Россия и постсоветское пространство в контексте геополитических и геоэкономических процессов современности;
- «Русский мир» и постсоветские государства;
- Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность;
- Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. «Единая Европа от Атлантики до Урала»?;
- Китайский фактор на постсоветском пространстве;
- Арабо-исламский мир и судьба постсоветского пространства в XXI в.

В состоявшейся дискуссии приняли активное участие 26 экспертов, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации, вузы и другие официальные учреждения России, Беларуси, США.

Материалы круглого стола и аналитические статьи по их мотивам опубликованы в журнале «Новый исторический вестник» (<http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>) и запланированы к публикации в ряде других рецензируемых научных изданий.

Краткие информационные сообщения:

- на сайте «Новости Большой Москвы»: <http://newsmk.ru/rossiya-i-postsovetskoe-prostranstvo-problemy-i-perspektivy/>
- на сайте Агентства массовой информации «МИРЖ»: <http://aminews.ru/rossiya-i-postsovetskoe-prostranstvo-problemy-i-perspektivy/>
- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://www.vestarchive.ru/konferencii/2178-Irossiya-i-postsovetskoe-prostranstvo-problemy-i-perspektivy-mejdynarodnyi-kryglyi-stol-16-apr.html>

и др.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 5 / ЗАСЕДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА № 4

4 октября 2013 г.

в Московском государственном областном
социально-гуманитарном институте (г. Коломна)
в рамках четвертого заседания теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»
научного проекта «Народ и власть: История России и ее
фальсификации»

в ходе IV Международной научно-практической конференции
«Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.»
состоялся

Второй Международный круглый стол «СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО»

Участникам были предложены к обсуждению проблемы:

- Место и роль крестьянства в истории империй: Восток, Запад, Россия;
- Крестьянский вопрос и цивилизационная специфика реформ и революций в России;
- «Раскрестьянивание» и «окрестьянивание» в истории России;
- Феномен сталинизма в контексте крестьянской социальной утопии.

Наряду с подготовкой индивидуального выступления по одному из конкретных сюжетов, каждому участнику также было предложено кратко ответить на три теоретических вопроса:

1) Насколько феномен сталинизма связан с особенностями российского крестьянства и природой «крестьянского вопроса» в отечественной истории? Как можно оценить политику сталинского режима в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России?

2) Насколько Советская империя было чужда по отношению к крестьянской общине – и насколько она воспроизводила традиционные черты общинной модели? В какой связи находились процессы «окрестьянивания» и «раскрестьянивания» в истории советской России?

3) Насколько крестьяноведение представляется продуктивным в контексте современного россиеведения вообще – и осмысления феномена сталинизма в частности? Какие объяснительные схемы, трактовки и подходы в исследовании этой проблемы наиболее перспективны?

В состоявшейся дискуссии приняли активное участие 30 ученых, представлявших научно-исследовательские организации и вузы России, Украины, Беларуси.

Материалы круглого стола и аналитические статьи по его проблематике запланированы к публикации в ряде рецензируемых научных изданий.

По итогам работы круглого стола подготовлен сборник статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 4) (<http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>).

Краткие информационные сообщения:

- на сайте журнала «Вестник архивиста» («Вестник архивиста.ру»): <http://www.vestarchive.ru/konferencii/2350-1stalinizm-i-krestianstvovoroi-mejdnarodnyi-kryglyi-stol-3-oktiabria-2013-g.html>

и др.

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ
**«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»**

THE SCIENTIFIC PROJECT
**“PEOPLE AND POWER:
HISTORY OF RUSSIA AND ITS FALSIFICATIONS”**

http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:hisorg:marchenya_pavel.83745-01&type=institution

<http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj>

<http://scipeople.ru/users/narodivlast/>

<http://www.nivestnik.ru/phpbb3/index.php>

<http://www.google.com/profiles/narodivlast>

<http://narodivlast.bestpersons.ru/>

<http://proekt-n-i-v.livejournal.com/>

<http://my.mail.ru/mail/narodivlast>

<http://ru-ru.facebook.com/people/Naucnyj-Proekt/100001736893761>

<http://scipeople.ru/group/919/topic/2883/>

<http://scipeople.ru/group/9303/publications/>

<http://ru.netlog.com/narodivlast>

<http://narodivlast.blogspot.com/>

СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО:

STALINISM AND PEASANTRY:

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Народ. Власть. История России. Россиеведение.
Научный проект
«Народ и власть: История России и ее фальсификации».
Теоретический семинар
«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».
Модернизация. Новая экономическая политика (НЭП).
Коллективизация. Сталин. Сталинизм.
Крестьянство. Крестьянский вопрос. Крестьяноведение.

KEYWORDS:

People. Power. History of Russia. Russian studies
Scientific Project
“People and Power: History of Russia and Its Falsifications”
Theoretical Seminar
“Peasant Problem in National and World History”.
Modernization. New Economic Policy (NEP).
Collectivization. Stalin. Stalinism.
Peasantry. Peasant problem. Peasant studies.

Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации» ВЫПУСК 4

The Scientific Project “People and Power: History of Russia and Its Falsifications” ISSUE 4

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ: narodivlast@gmail.com
МАРЧЕНЯ Павел Петрович (редактор): marchenyap@mail.ru
РАЗИН Сергей Юрьевич (координатор): razin_sergei@mail.ru

CONTACT INFORMATION:

THE SCIENTIFIC PROJECT: narodivlast@gmail.com
MARCHENYA Pavel (Editor): marchenyap@mail.ru
RAZIN Sergei (Coordinator): razin_sergei@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО

**Сборник научных статей
и материалов круглых столов
и заседаний теоретического семинара
«Крестьянский вопрос
в отечественной и мировой истории»**

**Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ»
Выпуск 4**

Составители сборника:

автор и редактор научного проекта
«Народ и власть: История России и ее фальсификации»

П. П. Марченя – отв. ред. выпуска;

автор и координатор научного проекта «Народ и власть:
История России и ее фальсификации»

С. Ю. Разин – координатор выпуска

Научные рецензенты:

доктор исторических наук, руководитель Центра проблем
развития и модернизации Института мировой экономики и
международных отношений РАН

В. Г. Хорос;

академик РАН, лауреат Госпремии РФ, доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История
России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН,
главный специалист Российского государственного архива социально-
политической истории, директор Института общественной мысли

В. В. Шелохаев

Подписано в печать 24.01.2014
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 47,8
Тираж 100 экз. Заказ №